

Γ. Ρ. ΧΑΓΓΑΡΔ



Annotation

В девятый том Собрания сочинений известного английского романиста Генри Райдера Хаггарда (1856-1925) входят романы «Нада», «Ласточка» и «Бенита».

-

-
- [НАДА](#)
- [I. Пророчества мальчика Чаки](#)
- [II. Приключения Мбопы](#)
- [III. Мбопа еще раз посещает свой крааль](#)
- [IV. Бегство Мбопы и Балеки](#)
- [V. Мбопа назначается королевским врачом](#)
- [VI. Рождение Умслопогаса](#)
- [VII. Умслопогас отвечает королю](#)
- [VIII. Великое Ингомбоко](#)
- [IX. Гибель Умслопогаса](#)
- [X. пытка Мбопы](#)
- [XI. Совет Балеки](#)
- [XII. Рассказ про Галази-Волка](#)
- [XIII. Галази покоряет волков](#)
- [XIV. Братья-Волки](#)
- [XV. Смерть королевских палачей](#)
- [XVI. Умслопогас достает Секиру](#)
- [XVII. Умслопогас становится вождем племени Секиры](#)
- [XVIII. Проклятие Балеки](#)
- [XIX. Мезило в краале Дукуза](#)
- [XX. Мбопа входит в сговор с принцами](#)
- [XXI. Смерть Чаки](#)
- [XXII. Мбопа отправляется к Убийце](#)
- [XXIII. Мбопа открывается Убийце](#)
- [XXIV. Избиение буров](#)
- [XXV. Война с племенем галакази](#)
- [XXVI. Нада](#)
- [XXVII. Костер](#)
- [XXVIII. Лилия перед Дингааном](#)

- [XXIX. Рассказ Мбопы](#)
- [XXX. Появление Нады](#)
- [XXXI. Женская война](#)
- [XXXII. Зинита в королевском краале](#)
- [XXXIII. Гибель народов, Черного и Серого](#)
- [XXXIV. Прощание с Лилией](#)
- [ЛАСТОЧКА](#)
- [II История кораблекрушения. — Тень англичанина.](#)
- [III Объяснение. — Ссора и примирение.](#)
- [IV Прибытие англичан. — Грех фроу Ботмар. — Подвиг Сузи.](#)
- [V Как Сузи спасла Сигамбу. — Клятва Сигамбы.](#)
- [VI Как Ральф «поучил» Черного Пита. — Что указала Зинти королева.](#)
- [VII Подвиг Сигамбы. — Свадьба.](#)
- [VIII Как Ральф чуть было снова не попал в море. — Что сделала Сигамба.](#)
- [IX По горячим следам. — В хижине Черного Пита.](#)
- [X Как Стрела спасла Сузи и Сигамбу. — Предсказание о Белой Ласточке.](#)
- [XI Сон Ральфа и Сузи. — Поход Белой Ласточки.](#)
- [XII Как Сузи сделалась предводительницей племени дикарей. — Тщетные поиски.](#)
- [XIII Великое переселение. — Сообщение раненого кафра.](#)
- [XIV Последняя попытка и гибель Пита. — Геройская смерть Сигамбы.](#)
- [XV Как Ральф нашел свою жену. — Заключение](#)
- [ЗАКЛЮЧЕНИЕ, написанное баронессой Глентирк, в девичестве Сузанной Кензи](#)
- [БЕНИТА, ИЛИ ДУХ БАМБАТСЕ](#)
- [Глава I. Признания](#)
- [Глава II. Конец «Занзибара»](#)
- [Р. С.](#)
- [Глава III. Как Роберт добрался до берега](#)
- [Глава IV. Мистер Клиффорд](#)
- [Глава V. Джейкоб Мейер](#)
- [Глава VI. Золотая монета](#)
- [Глава VII. Посланцы](#)
- [Глава VIII. Бамбатсе](#)
- [Глава IX. Клятва Мадуну](#)

- [Глава X. Вершина горы](#)
 - [Глава XI. Спящие в подземелье](#)
 - [Глава XII. Поиски](#)
 - [Глава XIII. Бенита готовится к бегству](#)
 - [Глава XIV. Побег](#)
 - [Глава XV. Погоня](#)
 - [Глава XVI. Снова в Бамбатсе](#)
 - [Глава XVII. Первый опыт](#)
 - [Глава XVIII. Другая Бенита](#)
 - [Глава XIX. Пробуждение](#)
 - [Глава XX. Джейкоб Мейер видит духа](#)
 - [Глава XXI. Весть мертвой](#)
 - [Глава XXII. Голос живого](#)
 - [Глава XXIII. Бенита дает ответ](#)
 - [Глава XXIV. Истинное золото](#)
-



Р. ХАГГАРД

собрание сочинений
в десяти томах



МОСКВА
«ТЕРРА» - «TERRA»
1993

Р. ХАГГАРД

собрание сочинений
в десяти томах

том

9

Нада

Ласточка

Бенита



МОСКВА
«ТЕРРА»-«TERRA»
1993



Нада





НАДА

ВСТУПЛЕНИЕ

Несколько лет тому назад, как раз за год до Зулусской войны, один европеец путешествовал по Наталю. Имя его не имеет значения, так как не играет никакой роли в этой истории. Путник вез с собой два фургона с товаром и направлялся в Преторию. Погода была холодная, травы очень мало, а иногда и вовсе не было, что представляло немалое затруднение для прокорма волов и усложняло путешествие. Европейца соблазняла, однако, высокая ценность его транспорта в это время года, которая должна была вознаградить его за возможную потерю скота. Он храбро продвигался вперед. Все шло хорошо до маленького города Стейнджера, неподалеку от реки Умвоти, где раньше находилась Дукуза — крааль Чаки, первого короля зулусов, приходившегося дядей Кетчвайю.

В первую же ночь после отбытия из Стейнджера погода значительно посвежела, густые серые облака заволокли небо и скрыли звезды.

«Однако, если бы я не знал, что нахожусь в Натале, я сказал бы, что надвигается снежная буря, — подумал про себя европеец. — Я часто видел такое небо в Шотландии — оно всегда предвещало снег!»

Затем он вспомнил, что в Натале уже много лет не бывало снега, и эта мысль отчасти успокоила его. Европеец выкурил трубку и лег спать под навесом одного из фургонов. Среди ночи его разбудило ощущение сильного холода и слабое мычание волов, привязанных к фургонам. Он высунул голову из-под навеса и осмотрелся. Земля была покрыта густым слоем снега, в воздухе носились бесчисленные снежинки, разгоняемые холодным резким ветром. Путешественник вскочил, поспешно натягивая на себя теплую одежду, и стал будить кафров, спавших под прикрытием фургонов. Не без труда удалось ему вывести их из оцепенения, которое уже начинало овладевать ими.

Кафры вылезли из-под фургонов, дрожа от холода, закутанные в меховые одеяла.

— Живо, ребята! — обратился он к ним на зулусском наречии. — Живо! Что же вы, хотите, чтобы скот замерз от снега и ледяного ветра? Отвяжите волов и загоните их между фургонами, они хоть немного защитят скотину!

С этими словами он засветил фонарь и соскочил с повозки в снег.

С большим трудом удалось наконец кафрам отвязать волов, заоченевшие пальцы плохо повиновались им, когда пришлось развязывать замерзшие веревки.

Фургоны были выдвинуты в ряд, и в пространство между ними загнали всех тридцать шесть волов, которых и привязали с помощью веревок, накрест протянутых между колесами. Покончив с этим делом, европеец снова взобрался на свою холодную постель, а дрожавшие от холода туземцы, подкрепившись ужином, расположились во втором фургоне, натянув на себя парусину от походной палатки. На некоторое время воцарилась тишина. Лишь изредка раздавалось беспокойное мычание столпившихся быков.

«Если снег не перестанет, я потеряю свой скот: он не вынесет этого холода», — думал про себя европеец.

Не успел он мысленно выговорить эти слова, как послышался треск порванных веревок и громкий топот копыт. Европеец снова выглянул из фургона. Волы, сбившись в кучу, бросились бежать и скоро исчезли в темноте ночи, ища защиты от холода и снега.

Через минуту они совсем исчезли из виду. Делать было нечего, оставалось лишь терпеливо ждать рассвета. Наступившее утро осветило местность, густо засыпанную снегом. Предпринятые поиски не привели ни к чему.

Волы быстро убежали, и следы их занесло свежевыпавшим снегом. Европеец призвал на совет кафров и спросил, что теперь делать. Один советовал одно, другой — другое, но все были согласны с тем, что надо дожждаться, чтобы снег растаял, прежде чем что-либо предпринять.

— Или пока мы сами не замерзнем, дураки вы такие! — возразил угрюмо европеец. Он был сильно не в духе, что, впрочем, было вполне естественно. Европеец терял по меньшей мере четыреста фунтов стерлингов на одних пропавших волах.

Наконец один из слуг, погонщик первого фургона, выступил вперед — до этой минуты он упорно молчал.

— Отец мой, — обратился он к европейцу, — вот, что я хочу сказать. Волы пропали, и след их замечен снегом. Никто не знает, куда они побежали, живы ли они или представляют из себя груды костей; но там, внизу, в краале, — он указал рукой на несколько хижин, расположенных по склону холма, — приблизительно в двух милях отсюда живет колдун по имени Звите. Он стар, очень стар, но обладает знанием, и если кто может сказать тебе, отец мой, где находятся пропавшие волы, то это он!

— Что за глупости! — ответил ему европеец. — Но так как в краале будет не холоднее, чем в этом фургоне, пойдём туда и спросим, пожалуй, Звите. Принеси-ка бутылку джина и немного нюхательного табаку для подарков!

Час спустя европеец уже находился в хижине старого Звите. Путешественник увидел перед собой очень старого человека, от него остались почти одни кости. Старик ослеп на оба глаза, и одна рука, а именно левая, была мертвенно-бледная и сморщенная.

— Что ты хочешь от старого Звите, белый человек? — спросил старик тоненьким голосом. — Ведь ты не веришь мне? А все же я исполню твоё желание, хотя оно и противно вашим законам, а ты нехорошо поступаешь, обращаясь ко мне. Но я хочу доказать тебе, что не все ложь в нас, зулусских иньянгах, и помогу тебе. Ты хочешь знать, отец мой, куда девались твои волы, прячась от холода? Не так ли?

— Совершенно верно! — ответил европеец. — У вас длинные уши!

— Да, отец мой. У меня длинные уши, хотя и говорят, что я стал глухнуть. У меня и глаза зоркие, хотя я не вижу твоего лица. Дай же мне послушать! Дай посмотреть!

Старик замолчал на несколько минут, мерно раскачиваясь взад и вперед, и наконец заговорил:

— У тебя ферма там, внизу, около Пайн-Тауна, не так ли? Ага! Я так и думал. А на расстоянии часа езды от твоей фермы живет бур. У него только четыре пальца на правой руке. На ферме этого бура есть роща, и в ней растёт мимоза. В этой самой роще ты найдёшь своих волов — да, да, на расстоянии пяти дней пути отсюда ты найдёшь всех своих волов. Я говорю всех, отец мой, но на самом деле — всех, кроме трех: большого черного африканского вола, маленького рыжего зулусского однорогого и пестрого волон. Этих трех ты не найдёшь, они погибли в снегу. Пошли людей, и тогда найдёшь и остальных. Нет, нет! Я не прошу награды! Я не делаю чудес за плату: к чему же мне? Я и так богат!

Европеец стал смеяться, но в конце концов — такова уж в нас сила веры в сверхъестественное — он послал людей в указанное место. И что же? На одиннадцатый день пребывания европейца в краале Звите посланные вернулись и пригнали всех волон, за исключением трех. После этого европеец больше не смеялся. Эти одиннадцать дней он провёл в одной из хижин крааля старого Звите. Каждый день он приходил к нему и беседовал с ним. Часто такие беседы продолжались далеко за полночь. На третий день он спросил Звите, почему его левая рука такая белая и сморщенная и кто были Умслопогас и Нада, о которых он мельком

упомянул несколько раз. Тогда старик рассказал ему историю, изложенную в этой книге. История эта записана в книге не полностью, некоторые части ее могли быть забыты, другие пропущены. Автор не мог также передать всей выразительности зулусского наречия, не мог создать точного образа рассказчика. На самом деле он не только рассказывал свою историю, но и воспроизводил ее жестами.

Если приходилось говорить о смерти воина, он ударял палкой, показывая при этом, куда попал удар и как упал сраженный.

Если история затрагивала грустные факты, он стонал и даже иногда плакал. Старик говорил разными голосами, причем каждое из действующих лиц имело особый голос.

Этот старый, сморщенный человек, казалось, вновь переживал прошлое.

Прошлое само говорило со слушателем, повествуя о делах давно забытых, о делах никому более не известных.

Европеец записал сущность рассказа старика Звите, как сумел, по возможности в духе изложения старика. Сама же история Нады и тех, чья жизнь была тесно связана с нею, произвела на него настолько сильное впечатление, что он пошел дальше и напечатал свои записки, для того чтобы и другие могли судить о ней. Теперь роль его кончена.

Пусть тот, кого называют Звите, но который на самом деле носит другое имя, начинает свой рассказ.



I . Пророчества мальчика Чаки

Ты просишь меня, отец мой, рассказать про юношу Умслопогаса, владельца Железной Повелительницы, Секиры Виновницы Стонов, прозванного впоследствии Булалио-Убийцей, и про его любовь к Наде — самой прелестной женщине племени зулусов?

История эта длинная, но ты пробудешь здесь не одну ночь, и если я буду жив, то расскажу ее тебе до конца.

Приготовься, отец мой, услышать много грустного. Даже теперь, когда я вспоминаю о Наде, слезы подступают к омертвелой роговой оболочке, которая скрывает солнечный свет от моих старых глаз!

Знаешь ли ты, кто я, отец мой? Нет, наверное, не знаешь. Ты думаешь, что я старый колдун Звите. Так и люди думают уже много лет, но это не мое настоящее имя. Мало кто знал его. Я хранил его затаенным в сердце, потому что, хотя я и живу теперь под защитой законов белого короля, а великая королева считается верховным вождем моего племени, но если бы кто узнал мое настоящее имя, то и теперь асsegай мог бы найти дорогу к этому сердцу!

Взгляни на эту руку, отец мой, нет, не на ту, которая иссушена огнем, посмотри на мою правую руку. Ты видишь ее, а я не вижу, потому что слеп, но я помню ее такой, какой она была когда-то. Ага!

Я вижу ее красной и сильной, красной, потому что она обагрена кровью двух королей.

Слушай, отец мой, наклони ухо ко мне ближе и слушай. Меня зовут Мбопа! Ага! Я чувствую, что ты вздрогнул, вздрогнул так, как дрогнул полк Пчел, когда Мбопа выступил перед ними и с асsegая в его руках медленно капала на землю кровь короля Чаки.

Да! Я тот самый Мбопа, что убил короля Чаку. Я убил его сообща с принцами Дингааном и Мхланганой, но рана, лишившая его жизни, была нанесена моей рукой. Не будь меня, никогда бы его не убили. Я убил его сообща с принцами, но только Дингаан, я и еще один человек убивали его!

— Что вы говорите? Дингаан погиб при Тангале!

— Да, да, он погиб, но не там, он погиб на горе Призраков и лежит на груди каменной Колдуньи, которая сидит там, на вершине, в ожидании конца мира. И я был на горе Призраков. В то время ноги мои двигались быстро, а жажда мести не давала мне покоя.

Я шел весь день и к ночи нашел его. Я, да еще другой, и мы убили его.

Ха! Ха! Ха! Зачем я вам, в сущности, все это говорю? Что это имеет общего с любовью Умслопогаса и Нады, по прозвищу Лилия? А вот сейчас скажу вам. Я заколол Чаку из мести за мою сестру Балеку — мать Умслопогаса и за то, что он умертвил моих жен и детей. Я и Умслопогас убили Дингаана за Наду — мою дочь!

В этой истории встречаются великие имена, отец мой, эти имена известны многим. Когда импи дико выкрикивали их, идя на приступ, я чувствовал, как горы содрогались, я видел, как вода содрогалась в своем русле. Где они теперь? Их нет, но белые люди записывают их имена в книги. Я, Мбопа, открыл врата вечности носителям этих имен. Они вошли в них и больше не вернулись. Я обрезал нити, привязывавшие их к земле, и они сорвались! Может быть, и теперь они продолжают падать, а может быть ползают по своим опустевшим жилищам в образе змей. Я хотел бы узнать этих змей, чтобы раздавить их под своим каблуком.

Вон там, внизу, на кладбище королей, есть яма. В этой яме лежат кости короля Чаки — того короля, что убит мною за Балеку. А там, далеко, в Земле Зулу, есть расщелина в горе Призраков. У подножия этой трещины лежат кости Дингаана, короля, убитого за Наду. Падать было высоко, а он был тяжелый, кости его рассыпались на мелкие куски.

Я ходил смотреть на них после того, как шакалы и коршуны покончили свое кровавое дело. О, как я хохотал! Потом я пришел сюда умирать. Все это было давно, а я еще не умер, несмотря на то что желаю умереть и пройти скорее по тому пути, где прошла моя Нада. Может быть, я для того и жив еще, чтобы рассказать тебе эту историю, отец мой, а ты передашь ее белым людям, если пожелаешь.

Ты спрашиваешь, сколько мне лет? Да я и сам не знаю. Я очень, очень стар. Если бы король Чака был жив, он был бы одних лет со мной. Никого не осталось в живых из тех, кого я знал мальчиками. Я так стар, что мне следует торопиться. Трава вянет, настает зима. Да, пока я говорю, зима окутывает мое сердце. Что ж! Я готов уснуть в этом холоде, и кто знает, может быть, снова проснусь среди благоухающей весны.

Еще до того как зулусы составили отдельное племя, я родился в племени э-лангени. Племя наше было небольшое, впоследствии все те, кто способен был сражаться, составили лишь один отряд в войске короля Чаки — их набралось всего-то, может быть, от двух до трех тысяч, — но зато все наперечет были храбрецы. Теперь все они умерли, и жены их, и дети, да и все племя больше не существует. Оно исчезло, подобно тому как исчезает луна каждого месяца.

Племя наше жило в красивой открытой местности. Говорят, там живут

теперь буры, которых мы звали *амабуну*. Отец мой, Македама, был вождем этого племени, и его крааль расположен был на склоне холма. Я не был, однако, сыном его старшей жены.

Однажды вечером, когда я был еще совсем маленький и ростом едва достигал локтя взрослого человека, я сошел с матерью в долину, где находился загон для скота: нам хотелось посмотреть наше стадо. Мать моя очень любила своих коров; между ними была одна, с белой мордой, она, как собака, ходила следом за нею. Мать моя несла на спине мою маленькую сестру Балеку. Балека была в то время еще совсем маленькой. Мы шли по долине, пока не встретили пастухов, загонявших скот. Мать подозвала корову с белой мордой и кормила ее из рук листьями мучного дерева, которые захватила с собой. Пастухи погнали скот дальше, а корова с белой мордой осталась около моей матери. Мать сказала пастухам, что приведет ее сама, когда вернется домой. Она села на траву, держа на руках Балеку, я играл возле нее, корова паслась около нас. Вдруг мы увидели женщину, идущую по долине по направлению к нам.

По ее походке было заметно, как сильно она утомлена. К спине ее был привязан узел, завернутый в циновку. Она вела за руку мальчика приблизительно моих лет, но выше ростом и на вид сильнее меня. Мы ждали довольно долго, пока женщина дошла до нас и в изнеможении опустилась на землю.

По ее прическе мы сразу узнали, что она не принадлежала к нашему племени.

— Здравствуйте! — сказала женщина.

— Здравствуйте! — ответила моя мать. — Что вам надо?

— Мне надо поесть и хижину, где бы я могла отдохнуть, — ответила женщина. — Я иду издалека!

— Как ваше имя и какого вы племени? — спросила мать.

— Зовут меня Нанди, я жена Сензангаконы из племени зулу! — ответила незнакомка.

Надо сказать тебе, отец мой, что между нашим племенем и зулусами только что была война. Сензангакона убил нескольких наших воинов и захватил много скота, а потому, когда моя мать услышала слова Нанди, она гневно вскочила на ноги.

— И ты смела прийти сюда и просить пищи и крова — ты, жена зулусского пса! — воскликнула она. — Убирайся прочь, не то я позову работников и прикажу выгнать тебя кнутами!

Женщина — она была очень красива — молча ждала, пока моя мать кончит свою гневную речь, после чего подняла голову и тихо сказала:

— Около вас стоит корова, у которой молоко сочится из вымени, неужели же вы откажете дать мне и моему мальчику кружку молока? — Она вынула из своего узла кружку и протянула ее нам.

— Конечно, не дам! — сказала моя мать.

— Нам так хочется пить после долгого пути, — продолжала женщина, — может, вы дадите нам кружку воды? Мы уже давно не встречали источника!

— Не дам, песья жена, иди и сама ищи себе воды!

Глаза женщины наполнились слезами, мальчик скрестил руки на груди и нахмурился. Это был очень красивый мальчик, с большими черными глазами, но когда он хмурил брови, глаза его темнели, как темнеет небо перед грозой.

— Матушка, — сказал он, — видно, мы так же непрошеные гости здесь, как и там, внизу! — И он кивнул головой в направлении той стороны, где жило племя зулусов. — Пойдем к Дингисвайю, там племя мтетва защитит нас!

— Пойдем, сын мой, — ответила Нанди, — но путь наш дальний, а мы с тобой так устали, что, пожалуй, и не дойдем!

Я молча слушал и почувствовал, как сердце мое содрогнулось от жалости. Мне было жалко и женщину, и мальчика. Оба казались такими утомленными. Ни говоря ни слова моей матери, я схватил ковш и побежал к источнику. Через несколько минут я вернулся с водой. Мать моя очень рассердилась и хотела поймать меня, но я быстро промчался мимо нее и подал ковш мальчику. Тогда мать решила больше не мешать мне, но все время словами старалась уязвить женщину. Она говорила, что муж ее причинил зло нашему племени и что сердце подсказывает ей, что сын причинит еще большее зло. Так говорит ей ее Эхлосе. Ах, отец мой, Эхлосе ее был прав! Если бы женщина Нанди и ее сын умерли тут же, на лугу, в этот день, поля и сады моего племени не обратились бы в голые степи, и кости моих единомышленников не валялись бы в большом овраге, там, около крааля Кетчвайю.

Пока моя мать говорила, я молча стоял рядом с беломордой коровой и наблюдал за происходившим. Сестренка Балека громко плакала.

Мальчик, сын Нанди, взяв из моих рук ковш, не подал воды матери. Он сам выпил две трети, и я думаю, он выпил бы и все, если бы жажда его не была утолена. Затем он подал остаток воды матери, и она выпила ее. Тогда, взяв ковш из ее рук, мальчик выступил на несколько шагов вперед, держа ковш в одной руке, а в другой короткую палку.

— Как тебя зовут, мальчик? — спросил он меня тоном взрослого.

— Меня зовут Мбопа! — ответил я.

— А как зовут ваше племя?

Я назвал ему наше племя — племя э-лангени.

— Хорошо, Мбопа, теперь я скажу тебе мое имя. Меня зовут Чака, я сын Сензангаконы, и мое племя зовут амазулу. Я тебе скажу еще кое-что. Пока что я маленький мальчик, и мое племя — маленькое племя, но придет время, когда я вырасту такой большой, что голова моя будет теряться в облаках, ты будешь смотреть вверх и не увидишь ее. Лицо мое ослепит тебя, оно будет сиять подобно солнцу, а племя мое возрастет одновременно со мной и в конце концов поглотит весь мир. Слушай меня! Когда я стану велик и мое племя возвеличится со мной, тогда я припомню, как однажды э-лангени отказали дать мне с матерью ковш молока, чтобы утолить жажду. Ты видишь этот ковш. За каждую каплю, которую он может содержать, будет пролита кровь человека — кровь одного из ваших единоплеменников. Но за то, что ты, Мбопа, дал мне воды, я пощажу тебя, одного тебя, Мбопа, и возвеличу тебя. Ты разжиреешь в тени моей славы. Тебя одного я никогда не трону, как бы ты ни провинился передо мной, — клянусь тебе в этом. Но зато эта женщина, — и он указал палкой на мою мать, — пусть торопится умереть, чтобы мне не пришлось заставить ее желать смерти. Я сказал!

Мальчик заскрежетал зубами и погрозил нам палкой. Мать моя молча стояла в стороне, наконец она не выдержала:

— Негодный лгунишка! Говорит, точно большой, не правда ли? Еще теленок, а ревет, как бык! Я научу его говорить иначе, мальчишка, злой прорицатель! — И, спустив Балеку на землю, она побежала к мальчику.

Чака стоял неподвижно, пока она не подошла совсем близко к нему; тогда он вдруг поднял палку и так сильно ударил ее по голове, что она тут же упала. Он захохотал, повернулся и ушел в сопровождении своей матери.

Это были первые слова Чаки, слышанные мною, отец мой. Они оказались пророческими и оправдались. Последние слова, слышанные мною, тоже были пророческими и, я думаю, тоже оправдаются. Они, впрочем, и теперь уже исполнились. Во-первых, он сказал, что племя зулусов возвысится. И что же, разве это не так? Во-вторых, он предсказал, как оно падет, — и оно падет. Разве теперь белые люди уже не собираются вокруг него, вокруг Кетчвайю, подобно тому как коршуны собираются вокруг околевающего быка. Зулусы уже не те, что были прежде.

Да, да, слова его оправдаются, и голос мой — это голос племени, уже осужденного.

Но об этих других словах Чаки я скажу в свое время.

Я подошел к своей матери. Она приподнялась с земли и села, закрыв

лицо руками. Кровь из раны, нанесенной палкой Чаки, текла по ее рукам и падала на грудь.

Долго сидела она так, ребенок плакал, корова мычала, как бы прося подоить ее, а я все вытирал кровь, сочившуюся из раны, пучками сорванной травы. Наконец она отняла руки от лица и заговорила со мной.

— Мбопа, сын мой, мне снился сон. Я видела мальчика Чаку, ударившего меня, он вырос и стал великаном. Он гордо выступал по долинам и горам, глаза его сверкали, как молнии, и в руках он держал ассегай, обагрённый кровью. Вот он захватывает одно племя за другим, он топчет ногами их краали. Перед ним все зелено, как летом, позади все черно, как будто огонь сжег траву. Я видела и наше племя, Мбопа. Оно было многочисленно и здорово, мужчины храбры, девушки красивы, детей я считала сотнями. Я видела его еще раз, Мбопа, — от него остались лишь кости, белые кости, тысячи костей, наваленных в кучу в каменистом овраге, а он, Чака, стоит над этими костями и хохочет так, что земля трясется. После этого, Мбопа, в этом видении я увидела тебя взрослым человеком. Ты один из всего нашего племени остался в живых. Ты ползал за великаном Чакой, а за тобой шли другие, великие мужи царственной осанки. Ты ударил его небольшим копьем, он упал и снова сделался маленьким. Он упал и проклял тебя! Но ты крикнул ему в ухо одно имя — имя Балеки, твоей сестры, и он испустил дух. Пойдем домой, Мбопа, пойдем домой, темнеет!

Мы встали и медленно направились к дому. Но я молчал, потому что мне было страшно, очень страшно, отец мой.

II. Приключения Мбопы

Теперь я должен рассказать тебе, как скоро исполнилось предсказание Чаки о смерти моей матери и как она умерла.

На том месте лба, по которому мальчик Чака ударил ее палкой, образовалась глубокая язва. Ее невозможно было залечить. В этой язве образовался нарыв, он проникал все глубже, пока не дошел до мозга, тогда моя мать слегла и вскоре умерла. Я очень любил ее и горько плакал. Вид ее тела, холодного и окоченелого, приводил меня в ужас. Как громко я ее ни звал, она не отвечала мне.

Мать мою похоронили и скоро забыли о ней. Я один помнил ее, все остальные забыли, даже Балека забыла, она была еще слишком мала. Мой отец взял себе другую жену и вскоре успокоился.

С этих пор я почувствовал себя несчастным. Братья не любили меня за то, что я был умнее их, да и проворнее бегал. Они восстали против меня отца, и он стал дурно обращаться со мной.

Но Балека и я любили друг друга, мы оба чувствовали себя одинокими, она лгнула ко мне, подобно тому как вьющееся растение обвивается вокруг единственного дерева в пустыне, и, несмотря на свою молодость, я уже вывел следующее заключение: быть мудрым — значит быть сильным, потому что хотя убивает тот, у кого в руках ассегай, но сильнее тот, чей разум руководит битвой, а не тот, кто убивает.

Я заметил также, что колдуны и знахари внушали страх народу — их боялись до такой степени, что, будь они вооружены одной лишь палкой, десять человек, вооруженных копьями, обращались перед ними в бегство.

Поэтому я решил сделаться колдуном, так как только колдун может убить одним словом тех, кого он ненавидит. Я стал изучать медицину, приносил жертвы, постился в пустынном месте, одним словом, делал все то, о чем ты уже слышал, и многому научился. В нашем волшебстве все же есть и знание — не все ложь. Ты сам мог в этом убедиться, отец мой, иначе не пришел бы ко мне и не спросил о твоих пропавших быках.

Время все шло вперед, мне минуло уже двадцать лет, и я стал взрослым человеком. Я постиг все, чему мог научиться один, и присоединился к главному знахарю и колдуну нашего племени. Его звали Ньяма. Он был стар, видел только на один глаз и считался очень умным человеком. От него я научился некоторым тайнам нашей науки и приобрел немало знаний, но он стал мне завидовать и подставил мне ловушку.

Случилось так, что у богатого человека из соседнего племени пропала часть его скота. Он приехал к Ньяме, привез подарки и просил его выследить пропавший скот. Ньяма попробовал и не мог найти: зрение начинало изменять ему.

Тогда человек этот рассердился и потребовал возвращения подарков. Ньяма не хотел отдавать того, что ему уже было дано, и они обменялись резкими словами.

Тот объявил, что убьет Ньяму. Ньяма, в свою очередь, пригрозил околдовать его.

— Успокойтесь! — сказал я, боясь, что кровь будет пролита между ними. — Подождите и дайте посмотреть, не скажет ли мне мой змей, где находится пропавший скот?

— Ты мальчишка и больше ничего! — возразил хозяин скота. — Разве мальчику доступна такая мудрость?

— Это мы скоро увидим! — ответил я, забирая кости в руку.

— Оставь кости! — закричал Ньяма. — Мы не станем больше беспокоить наших змеев для этого собачьего сына!

— А я говорю, что он бросит кости! — возразил владелец скота. — Если ты будешь мешать, я этим ассеем пропущу свет сквозь твоё тело!

С этими словами он занес своё копье над головой Ньямы.

Тогда я поспешно приступил к делу и бросил кости. Владелец скота сидел передо мной на земле и отвечал на мои вопросы. Ты сам знаешь, отец мой, что иногда колдуны узнают, где находится потерянное. Их уши длинные, и подчас Эхлосе подсказывает им, как, например, на днях подсказал мне про твой скот. И в этом случае мой змей выручил меня. Я ровно ничего не знал о волах этого человека, но мой дух был со мной, и вскоре я увидел их всех и описал каждого из них: цвет, возраст, одним словом, все приметы.

Я смог сказать ему также, где они находятся и что один из волов упал в поток и лежит на спине, причем его передние ноги зацементированы в раздвоенном корне дерева. Как мне подсказал дух, так я и передал этому человеку. Он остался очень доволен и сказал, что, если мое зрение не обмануло меня и он найдет свой скот в указанном мною месте, подарки будут отобраны у Ньямы и переданы мне. Присутствующие полностью согласились с ним.

Ньяма сидел молча, злобно поглядывая на меня. Он знал, что я угадал верно, и очень сердился на меня. Дело казалось выгодное: стадо было большое, и если будет найдено там, где я указал, то все признают меня великим колдуном. Владелец скота объявил, что проведет ночь в нашем

краале, а на рассвете пойдет со мной к указанному мною месту. Среди ночи я проснулся от ощущения тяжести в груди. Я попробовал вскочить, но почувствовал, как что-то холодное колет мне шею. Я снова откинулся, стараясь разглядеть, в чем дело. Дверь моей хижины была открыта. Луна на небе спустилась уже низко и походила на огненный шар. Я мог разглядеть и через дверь. Лунный свет проникал в мою хижину и падал на лицо Ньямы-колдуна, который сидел передо мной, злобно посматривая на меня своим единственным глазом. В руках он держал нож. Вероятно, этот нож и уколол меня в шею.

— Ах ты, щенок! Я вижу, что вырастил тебя на свою погибель! — зашипел он мне на ухо. — Ты осмелился угадать то, чего не угадал я. Так-то? Прекрасно. Теперь я покажу тебе, как я расправляюсь с такими щенками, как ты. Начну с того, что проколю язык твой до самого корня, чтобы ты не мог болтать, потом разрежу тебя на куски, а утром скажу народу, что это сделали духи в наказание за твою ложь. Затем отрежу тебе руки и ноги. Да, да, я сделаю тебя похожим на палку! Потом я... — И он начал колоть ножом мое горло.

— Пощади меня! — закричал я. Нож делал мне больно, и я не на шутку перепугался. — Пощади! Я сделаю все, что хочешь!

— Все сделаешь? — допрашивал старик, продолжая колоть меня ножом. — Ты сейчас же встанешь, пойдешь искать стадо этого негодяя, загонишь его в указанное мною место и спрячешь там! — При этом Ньяма назвал овраг, мало кому известный. — Если ты это сделаешь, я пощажу тебя и выделю трех быков. Если же ты откажешься исполнить мое требование или обманешь меня, клянусь духом моего отца, я найду способ покончить с тобою!

— Конечно, я все сделаю, — поспешно ответил я, — отчего ты не доверился мне раньше? Если бы я знал, что ты не хочешь отдавать скот, я не стал бы его выслеживать. Я поступил так, боясь, что ты лишишься обещанных подарков!

— Ну ладно, ты еще не такой злодей, как я думал, — проворчал Ньяма, — вставай и исполняй мое приказание. Еще успеешь вернуться за два часа до рассвета!

Я встал, размышляя, не могу ли я сейчас же броситься на него. У меня в руках не было никакого оружия, а у него был нож. Если мне и удастся убить его, меня обвинят в его смерти, и мне самому не миновать асsegая. Но я придумал другой выход. Я решил отыскать скот в той долине, где выследил его, но не пригонять стадо в указанное колдуном место. Нет, нет, я прямо пригону его в крааль и изобличу Ньяму перед моим отцом и всем

народом. Увы! Я в то время был молод и не знал коварного сердца Ньямы. Недаром он был колдуном всю свою жизнь. О! Это был злой человек — хитрый, как шакал, свирепый, как лев. Он посадил меня, как дерево, но намеревался подрезать корни. Теперь я вырос, и тень моя падала на него, поэтому он хотел меня вырвать с корнем. Я направился в угол моей хижины. Ньяма все время зорко следил за мной. Я взял свою керри и маленький щит и вышел; луна ярко светила на небе. Пока я шел по нашему краалю, я старался скользить, как тень, но выйдя за ворота, пустился бегом, громко распевая песню, чтобы отогнать духов, отец мой.

В продолжение часа я быстро шел по долине, пока не дошел до склона холма, где начинались заросли кустарников. Здесь было темно, и я стал петь еще громче.

Вскоре я убедился, что мой змей не обманул меня: вот и следы скота. Я бодро пошел дальше, пока не добрался до долинки, по которой с легким журчанием протекал ручеек. Следы скота выступали уже совершенно ясно. Теперь я дошел до пруда. У самого берега плавал утонувший бык с ногами, защемленными в раздвоенном корне. Все оказалось именно так, как я видел очами моего духа.

Я сделал еще несколько шагов вперед и огляделся. Взор мой упал на что-то светлое — то был серый свет утренней зари, слабо блеснувший на рогах скота. Пока я всматривался, одно из животных захрапело, поднялось и стряхнуло с себя ночную росу. В тумане рассвета вол показался мне ростом с большого слона.

Я собрал в кучу и пересчитал всех животных — их было семнадцать, — и погнал их перед собою по узкой тропинке, ведущей к краалю. С каждой минутой становилось светлее, с минуты восхода солнца прошло уже более часа, когда я достиг того места, где мне следовало свернуть, если бы я хотел спрятать скот, как приказал мне Ньяма! Но я вовсе не желал исполнить его приказания. «О нет! Я пригоню скот, — решил я про себя, — прямо в крааль и скажу всему народу, что Ньяма — вор!»

В эту минуту послышался шум. Я оглянулся и увидел на откосе холма приближающуюся толпу народа. Во главе ее шел Ньяма. Рядом с ним я разглядел владельца скота. В полном недоумении я замер на месте. Дикари бросились ко мне с криками, размахивая палками и копьями.

— Вот он! — кричал Ньяма. — Вот он! Каков ловкий мальчик? Я вырастил его, а он покрывает срамом мою седую голову! Не прав ли я? Не говорил ли я, что он вор? Да! Да! Я знаю твои проделки, Мбопа! Посмотрите, он хотел украсть скот! Он все время знал, где найти его, а теперь угоняет стадо и хочет спрятать его. Оно, конечно, пригодилось бы

ему на покупку жены, не так ли, мой умный мальчик?

Старик стремительно бросился ко мне с поднятой палкой, за ним последовал владелец скота с громким злобным рычанием.

Я сразу понял, в чем дело, отец мой. В душе поднялась целая буря злобы, у меня закружилась голова, перед глазами заколыхалась как бы красная скатерть, казалось, она то опускалась, то опять поднималась. С этих пор я видел ее перед глазами каждый раз, когда мне приходилось вступать в бой.

Я крикнул только одно слово: «Лжец!» — и кинулся ему навстречу. Ньяма тоже приближался ко мне. Он ударил меня палкой, но мне удалось подставить под его удар мой маленький щит и вовремя отскочить. Я в свою очередь ударил его. О! Как я ударил его! Череп Ньямы встретился с моей керри, и Ньяма упал мертвый к моим ногам. Я снова зарычал, как зверь, и бросился на второго врага — владельца волов. Он метнул в меня копьем, но оно не попало в цель, и в следующую секунду я ударил его вторично. Он поднял свой щит, но я выбил его из рук моего противника, и щит полетел через его голову, а сам он упал без чувств. Остался ли он в живых или нет, не знаю, но, вероятно, что все-таки остался.

Весь народ замер, я воспользовался этой минутой и обратился в бегство. Дикари кинулись за мной, бросая в меня камнями и стараясь поймать, но никто не мог сравниться со мной в быстроте бега. Я летел, как ветер, летел, как олень, которого собаки застигли во сне. Понемногу звук погони становился слабее, пока наконец мои преследователи окончательно не потеряли меня из виду, и я остался один.

III. Мбопа еще раз посещает свой крааль

Задыхаясь, бросился я на траву и лежал некоторое время. Отдохнув немного, я встал и спрятался в высоком тростнике, окружавшем болото. Весь день я пролежал, раздумывая о случившемся. Что мне было делать? Теперь я напоминал шакала, не имеющего даже норы. Если я вернусь к своему племени, меня, без сомнения, убьют как вора и убийцу. Кровь моя будет пролита за кровь Ньямы-колдуна. А этого я вовсе не желал. В эту-то тяжелую минуту я вспомнил Чаку — того мальчика, которому я много лет тому назад дал кружку воды. Я уже не раз слышал о нем. Его имя было известно в стране, его всюду повторяли, и деревья, и трава, казалось, шептали его.

Видение моей матери начинало осуществляться.

С помощью племени мтетва он занял место своего отца Сензангаконы, прогнал племя гвабе, теперь вел войну с Звиде, вождем племени ндвандве, и поклялся стереть его с лица земли. Я вспомнил обещание Чаки возвеличить меня и дать мне благосостояние в тени своей славы и решил бежать к нему.

Мне было жаль только мою сестру Балеку, и я решил взять ее с собой, если только удастся добраться до нее и сообщить ей о моем намерении. Я решил попробовать. Дождавшись темноты, я встал и пополз, как шакал, по направлению к краалю. Когда я дошел до плантации мучного дерева, я остановился. Голод мучил меня, пришлось прежде всего утолить его недозрелыми плодами, а затем продолжать свой путь. Несколько человек сидели у входа одной из хижин, разговаривая у костра. Я подполз ближе, как змея, и спрятался за куст.

Люди не могли видеть меня вне полосы света костра, я же хотел услышать, о чем они говорят.

Как я и предполагал, сидевшие говорили обо мне и, конечно, бранили меня. Они говорили, что убийством такого великого колдуна, как Ньяма, я, несомненно, принесу несчастье всему племени, что племя убитого владельца скота потребует огромного выкупа за нападение на него. Я услышал дальше, что мой отец отдал приказ всему народу начать с завтрашнего утра погоню за мной и умертвить меня, где бы меня ни нашли.

— Ага, — подумал я, — можете охотиться за мной, но охота ваша будет безуспешна!

В эту минуту собака, спокойно лежавшая до того времени у огня,

встала и начала нюхать воздух, потом рычать. Я не на шутку перепугался.

— Что это собака рычит? — сказал один из сидевших у огня. — Пойди, посмотри!

Но человек, к которому были обращены эти слова, только что нюхал табак и вовсе не расположен был двигаться.

— Пускай собака сама посмотрит, — ответил он, чихая, — к чему же держать собак, если надо самому ловить вора?

— Ну, пошла вперед, — обратился к собаке первый из говоривших. Собака с лаем бросилась вперед.

В эту минуту я увидел ее. Это была моя собственная собака по кличке Коос — хороший, верный пес. Я не знал, что делать. Собака, почуяв меня, перестала лаять и, прыгая в кустах, нашла меня и стала лизать мое лицо.

— Смирно, Коос! — шепнул я ему. Он покорно улегся у моих ног.

— Куда же это собака девалась? — заговорил первый голос. — Точно ее околдовали. Отчего она вдруг перестала лаять и не идет назад?

— Надо пойти посмотреть! — сказал другой, вставая с копьём в руках.

Я опять страшно испугался, думая, что они поймают меня или же я должен буду снова обратиться в бегство. Но в ту минуту, когда я поднялся, чтобы бежать, большая черная змея проскользнула между людьми и направилась к хижине. Все отскочили в ужасе, но сейчас же кинулись в погоню за змеей, дружно решив, что собака лаяла, без сомнения, на нее.

Это был мой добрый Эхлосе, отец мой, принявший образ змеи, чтобы спасти мне жизнь. Как только люди удалились от меня, я пополз по другой дороге. Коос следовал за мной по пятам.

Я задумал пробраться в свою собственную хижину, достать стрелы, меховое одеяло и попытаться поговорить с Балекой. Моя хижина, очевидно, пуста: в ней никто не спал, кроме меня, а хижина Ньямы находилась несколько правее.

Я дополз до тростниковой изгороди, окружавшей хижину. У открытых ворот никого не было: обязанность закрывать их лежала на мне, а меня не было. Я приказал Коосу лежать смирно, смело дошел до двери моей хижины и прислушался: дыхания не было слышно, похоже, что в хижине никого не было. Тогда я прополз в дверь и стал шарить рукой в поисках моих стрел, фляжки для воды и деревянной подушечки; она была так удачно вырезана, что мне стало жаль оставить ее. Все эти вещи я нашел. Затем я стал искать мое одеяло из шкур, и вдруг рука моя пришла в соприкосновение с чем-то холодным. Я вздрогнул и снова пощупал рукой. Оказалось, то было лицо человека, лицо мертвеца, лицо Ньямы, убитого мною. Вероятно, его положили в мою хижину в ожидании погребения.

О! Тогда я не на шутку струсил. Ньяма мертвый и в потемках — это было гораздо хуже, чем Ньяма живой. Я готов был бежать, когда вдруг услышал разговор почти рядом с собою, за дверью. Говорили женские голоса. Я тотчас же узнал их, они принадлежали двум женам Ньямы.

Одна из них говорила, что пришла сторожить тело мужа. Таким образом я оказался в западне.

Раньше чем я мог сообразить что-либо, я увидел свет в дверях и по тяжелому дыханию нагибающейся пожилой женщины понял, что вошла главная жена Ньямы. Она присела около тела так, что я не мог выйти из двери, начала плакать и призывать проклятия на мою голову, не зная, что я слушаю ее. Страх заставил мой ум соображать быстрее. Теперь, когда я был не один, я уже не так боялся мертвеца и вспомнил, кстати, какой он был обманщик. «Ладно, — подумал я, — пусть будет обманщиком еще один, последний раз!» Я осторожно просунул руки под его плечи и приподнял так, что тело его оказалось в сидячем положении. Женщина услышала шорох, и в горле ее как будто заклокотало.

— Будешь ли ты сидеть смирно, старая ведьма? — заговорил я, подражая голосу Ньямы. — Неужели ты не можешь оставить меня в покое даже мертвого? — Услышав голос Ньямы, женщина в ужасе отшатнулась и собиралась с духом, чтобы позвать на помощь.

— Как? Ты еще смеешь кричать? — продолжал я тем же голосом. — Так вот же, я научу тебя молчанию!

С этими словами я повалил тело Ньямы прямо на нее. Она потеряла сознание и пришла ли когда-нибудь в себя, не знаю, но на некоторое время, по крайней мере, она была недвижима и для меня безопасна.

Я схватил одеяло из шкур — впоследствии я узнал, что это было лучшее одеяло Ньямы, ценностью в три быка, — и пустился бегом в сопровождении Кооса.

Крааль отца моего, вождя Македамы, находился на расстоянии двухсот шагов от моей хижины. Прорезав себе лазейку в тростниковой изгороди с помощью ассегая, я подполз к хижине, где спала Балека с несколькими своими сестрами от других матерей. Мне было известно, с какой стороны хижины она обыкновенно ложилась. Я лег на бок и очень осторожно начал сверлить дыру в тростнике, покрывавшем хижину. Это заняло много времени — крыша была плотная, — но наконец я одолел ее. И тут я остановился. Мне пришло в голову, что Балека случайно переменила место, и тогда я разбужу не ту, которую мне надо. Я почти отказался от моего замысла, решив, что убегу один, как вдруг услышал, что одна из девушек проснулась и начала плакать как раз на другой стороне хижины.

— Ага, — подумал я, — это Балека оплакивает своего брата!

Я приложил губы к тому месту, где крыша была потоньше и шепнул:

— Балека! Сестра моя! Балека, не плачь. Я, Мбопа, здесь. Не говори ни слова, вставай. Выйди ко мне. Захвати свое одеяло!

Балека была умная девушка. Она не вскрикнула, как сделала бы другая на ее месте, нет, она сразу все поняла, осторожно встала и через минуту выползла из хижины с одеялом в руках.

— Где ты, Мбопа? — шепотом спросила она. — Тебя, наверное, увидят и убьют!

— Тише! — ответил я и в нескольких словах объяснил ей свой план. — Хочешь идти со мной? Или ты желаешь вернуться в хижину, простившись со мною, может быть, навеки?

Она подумала и сказала:

— Нет, брат мой, я пойду с тобой, потому что из нашего племени люблю тебя одного, хотя и предчувствую, что ты ведешь меня к моей гибели!

В ту минуту я мало обратил внимания на ее слова, но позже припомнил их. Итак, мы убежали вдвоем в сопровождении Кооса.

Мы пустились бегом по степи, обратив лицо к той стороне, где жило племя зулусов.

IV. Бегство Мбопы и Балеки

Оставшуюся часть ночи мы шли безостановочно; наконец не только мы, но и собака, видимо, устала. На день мы спрятались в кустах. Около полудня мы слышали голоса. Взглянув сквозь кусты, я увидел несколько человек нашего племени, посланных моим отцом в погоню за нами. Они направились к соседнему краалю, вероятно для того, чтобы спросить, не видел ли нас кто-либо, и затем некоторое время они больше не показывались.

С наступлением темноты мы снова пустились в путь, но судьба преследовала нас. Мы встретили старую женщину, она как-то странно посмотрела на нас и молча прошла мимо. В последующие дни мы продвигались вперед день и ночь. Конечно, нельзя было сомневаться в том, что старуха сообщит нашим преследователям о встрече с нами, — так оно и было.

На третий день мы набрали на плантацию мучного дерева, кусты которого были сильно потоптаны. Пробираясь между поломанными стеблями, мы наткнулись на тело старого человека, труп которого до того был усеян стрелами, что напоминал собою шкуру дикобраза. Нас это очень удивило. Пройдя немного дальше, мы убедились, что крааль, которому принадлежала эта плантация, только что сожгли дотла. Мы осторожно подошли к нему. Какое грустное зрелище представилось нашим глазам! Впоследствии мы привыкли к ним, отец мой! Всюду, кругом лежали тела убитых — они валялись десятками, старые, молодые, женщины, дети, даже грудные младенцы — все они лежали среди обгорелых хижин, пронзенные множеством стрел. Земля, пропитанная их кровью, казалась красной, и сами они, озаренные последними лучами заходящего солнца, казались красными. Да, отец мой, вся местность была как бы окрашена кровавой рукой Великого Духа Ункулункулу!

Вид этого ужасного зрелища заставил Балеку расплакаться. Мы нашли очень мало пищи в этот день и ели только травы да зеленые плоды мучного дерева.

— Здесь прошел неприятель, — сказал я.

Едва я успел выговорить эти слова, как мы слышали слабый стон по другую сторону сломанной тростниковой изгороди. Я пошел посмотреть, в чем дело.

Там лежала молодая женщина, тело ее было покрыто ранами, но

бедняжка еще дышала, отец мой. В нескольких шагах от нее лежал труп мужчины, а около него несколько мертвых воинов другого племени.

Очевидно, все они пали в ожесточенной битве.

В ногах у женщины мы увидели тела трех детей, четвертый, совсем маленький, лежал рядом с нею.

В ту минуту, когда я нагнулся к несчастной женщине, она опять застонала, открыла глаза и увидела меня. Заметив копье в моих руках, женщина проговорила слабым голосом:

— Убей меня скорее! Неужели ты еще недостаточно терзал меня?

Я поспешил ответить, что я здесь чужой и вовсе не намерен убивать ее.

— Тогда дай мне воды, — сказала она, — там, позади крааля, есть источник!

Я подозвал к несчастной женщине Балеку, а сам пошел за водой. В источнике тоже валялись трупы, которые пришлось вытащить, и, когда вода немного очистилась, я наполнил фляжку и отнес умирающей. Она жадно припала к ней губами, силы немного вернулись к ней, вода придала ей жизни на несколько минут.

— Как это случилось? — спросил я участливо.

— На нас напал отряд Чаки — вождя зулусов, — ответила она, — и уничтожил нас. Они налетели на нас сегодня на рассвете, когда мы все еще спали. Я проснулась и слышала, как убивают. Я спала с моим мужем, вот он лежит здесь, наши дети спали тут же. Мы выскочили из хижины, мой муж держал в руках щит и копье. Он был храбрым человеком. Посмотри! Он умер храбро, убив трех чертей-зулусов прежде, нежели сам пал мертвым. Тогда они схватили меня, убили на моих глазах всех детей, а меня кололи до тех пор, пока я не показалась им мертвой; тогда они оставили меня в покое. Я не знаю наверное, за что они напали на нас, но думаю, за то, что наш вождь отказался послать воинов на помощь Чаке против Звиде!

Женщина замолчала, потом громко вскрикнула и испустила дух.

Балека опять расплакалась, да и сам я был глубоко возмущен и потрясен ее рассказом. «Ах, — подумал я, — Великий Дух должен быть очень злым, иначе такие ужасы не могли бы твориться!»

Так я размышлял в то время, отец мой, теперь я думаю иначе. Я знаю, что мы тогда не шли по пути Великого Духа, оттого так и было. В то время, отец мой, я был сущим ребенком.

Впоследствии я привык к таким зрелищам. Они больше ничуть меня не трогали, но тогда, во времена Чаки, реки вместо воды несли кровь, отец мой! Прежде чем зачерпнуть из них воды, не мешало убедиться, чиста ли

она. Люди умели умирать без лишнего шума.

Не все ли равно? Не тогда, так теперь они были бы мертвы. Это уже не важно, да и вообще ничто не важно, кроме самого рождения.

Вот в чем главная ошибка, отец мой!

Мы провели ночь в разоренном краале, но спать не могли. Всю ночь духи мертвецов ходили вокруг нас и перекликались между собою. Оно и неудивительно — мужья искали своих жен, матери своих детей. Но нам-то это казалось страшно. Мы боялись, что они рассердятся на наше присутствие среди них.

Мы прижались друг к другу и дрожали, обнявшись. Коос тоже дрожал и по временам громко завывал. Но духи, по-видимому, не замечали нас, и к утру голоса их замолкли.

На рассвете мы встали и, осторожно пробираясь между мертвыми телами, продолжили свой путь. Теперь нам было легко найти дорогу к краалу Чаки — мы шли по следам его войска и скота, который они угнали.

По дороге иногда попадалось мертвое тело воина — очевидно, его убивали, если раны мешали ему продолжать путь.

Мною овладевало подчас сомнение, благоразумно ли с нашей стороны идти к Чаке? После всего увиденного я боялся, что он убьет и нас, но отступить было уже поздно, и я решил идти вперед, пока ничто не препятствовало нам.

Однако от усталости и голода мы начали терять силы. Балека говорила, что лучше всего было бы остаться здесь и ждать смерти, которая положит конец нашим страданиям. Мы присели около ручья. Пока мы отдыхали на берегу ручья, Коос отбежал в ближайшие кусты, и вскоре мы услышали, что он с яростным лаем бросается на кого-то и как будто борется. Я подбежал к кустам и увидел, что собака поймала козленка, почти одного с ней роста. Я схватил копье, заколол козленка и громко закричал от радости: теперь было чем подкрепить наши слабеющие силы. Ободрав добычу, я отрезал несколько кусков мяса, обмыл их в ручье, и за неимением огня мы ели его сырым. Сырое мясо очень невкусно, но мы были так голодны, что не обращали на это внимания.

Утолив голод, мы встали и вымылись у ручья. Пока мы спокойно занимались этим делом, не подозревая о грозившей опасности, Балека случайно взглянула наверх и в ужасе вскрикнула.

Там, на вершине холма, на близком расстоянии от нас, мы увидели шесть вооруженных людей нашего племени. То были дети моего отца Македамы, они все еще продолжали погоню за нами, чтобы убить нас. Воины уже заметили нас, испустили дикий крик и бросились бегом по

направлению к нам. Мы гоже побежали с быстротой ланей, причем страх еще более ускорял наш бег.

Положение было такое. Перед нами находилось открытое место, оно шло, все понижаясь, до берегов Белой Умфолози.

Река извивалась по равнине подобно огромной сверкающей змее. На противоположном берегу реки земля поднималась в гору, и мы не видели, что нас ожидает по ту сторону горы, но предполагали, что в этом направлении находится крааль Чаки.

Мы побежали к реке, да, впрочем, больше и некуда было деваться. За нами следом гнались воины.

Дикари понемногу настигали нас — они были сильны и очень озлоблены за то, что вынуждены были забраться так далеко от своего крааля.

Для меня было ясно, что, как бы скоро мы ни бежали, они настигнут нас. Мы приближались к берегу реки, широкой и полноводной. Выше нас течение воды было страшно сильное, белые гребешки пенились на ее поверхности в тех местах, где вода мчалась над подводными камнями, а ниже крутился водоворот, где никто не мог переплыть, но прямо против нас была глубокая яма, вода над ней казалась спокойной, но с быстрым течением.

— Ах, Мбопа, что нам делать? — задыхаясь, проговорила Балека.

— Выбирать одно из двух, — отвечал я, — или погибнуть от асsegая наших единоплеменников, или попытаться переплыть реку!

— Лучше утонуть в реке, нежели умереть под ударом асsegая! — ответила она.

— Хорошо! — сказал я. — Пусть же наш добрый гений придет нам на помощь, и духи наших предков да будут с нами!

К счастью, мы оба хорошо плавали. Я подвел Балеку к самому краю реки. Мы бросили наши одеяла, бросили все, кроме копья, которое я держал в зубах, и вошли в воду, продвигаясь вброд, насколько было возможно.

Вода уже доходила нам до груди, наконец ноги наши перестали касаться земли, и мы поплыли на середину реки вслед за собакой Коосом.

В эту минуту воины показались на берегу, сзади нас.

— Эй, молодцы! — закричал один из них. — Вы плывете? Ну ладно, так вы непременно утонете, а если не утонете, то мы знаем брод и все же поймем вас и убьем. Да, да, даже если нам придется бежать на край света, мы все же поймем вас!

С этими словами говоривший пустил в нас стрелу, которая сверкнула,

как молния, но упала между нами.

Пока он говорил, мы быстро продвигались вперед и уже попали в течение. Оно сильно относило нас вниз, но, несмотря на это, мы храбро, как хорошие пловцы, боролись с ним. Теперь дело обстояло так. Если течение не унесет нас вниз, к водовороту, и нам удастся добраться до противоположного берега, мы спасены, в противном случае мы пропали. Мы уже были совсем близко от берега, но, увы, также близко и от пенящегося водоворота. Наконец я выбрался на небольшой утес около берега и оглянулся.

В восьми шагах от сестры бурно кипела вода. Я не мог вернуться к ней, так как чувствовал себя слишком утомленным, и, казалось, Балека должна была погибнуть. В эту минуту Коос заметил отчаянное положение. Верный пес с громким лаем подплыл к ней и повернулся головой к берегу. Балека схватила его за хвост, и собака напрягла все свои силы. Балека, со своей стороны, помогала ей ногами и левой рукой и медленно продвигалась вперед. Наконец я мог протянуть ей конец моего асегая, Балека схватилась за него левой рукой; ноги ее уже касались водоворота, но я и Коос тянули изо всех сил, и мы вытащили ее благополучно на берег, где она упала в изнеможении. Когда воины на противоположном берегу увидели, что нам удалось переплыть реку, то дико закричали, посылая нам проклятия, и быстро побежали вдоль берега.

Я тотчас же уговорил утомленную девушку подняться, и мы начали взбираться на гору. Добравшись до верха, мы увидели вдали большой крааль.

— Мужайся, Балека, — сказал я, — смотри, вот крааль Чаки!

— Я вижу, брат! Но что ожидает нас там? Смерть перед нами, смерть за нами — мы со всех сторон окружены ею!

В эту минуту мы дошли до тропинки, шедшей от брода через реку Белую Умфолози к краалю. По ней, очевидно, прошло войско Чаки. Нам оставалось не более получаса пути, когда, оглянувшись, я заметил, что наши враги настигают нас. Их было теперь только пятеро, а шестой, вероятно, потонул при переправе через реку. Мы снова побежали, но силы наши все слабели, и преследователи быстро настигали нас.

Тогда я снова вспомнил о собаке. Коос был злобен и способен разорвать каждого, на кого я его натравлю. Я подозревал пса и постарался объяснить ему, чего требую от него, хотя и знал, что посылаю его на верную смерть. Он понял и, весь оцетинившись, со страшным рычанием бросился на наших врагов. Те старались убить его копьями, но он бешено прыгал вокруг них, кусал кого попало и таким образом задерживал их бег.

В конце концов один из них ударил пса по голове. Коос подпрыгнул, схватил его за горло и повис на нем — оба упали, вцепившись друг в друга. Кончилось тем, что враги одновременно испустили дух.

Да! Это была удивительная собака! Таких собак больше не встретишь. Она происходила от бурской собаки, впервые появившейся в то время в нашей стране. Эта собака, отец мой, однажды сама справилась с леопардом... Так погиб мой верный Коос!

Тем временем мы продолжали бежать. Теперь мы находились уже шагах в трехстах от ворот крааля и могли заметить, что в нем происходило что-то необыкновенное. Остальные четыре воина, бросив труп товарища, быстро настигали нас.

Я понял, что они добегут до нас раньше, чем мы успеем дойти до ворот. Балека могла двигаться лишь очень медленно. Мне пришла в голову такая мысль: я привел сюда Балеку и тем подверг ее смертельной опасности, теперь, если возможно, я сам спасу ее жизнь. Если она дойдет до крааля без меня, Чака не убьет такую молодую и красивую девушку,

— Беги, Балека! Беги! — крикнул я, бросаясь назад.

Бедная Балека почти ослепла от усталости и страха и, не подозревая о моем намерении, продолжала медленно брести к воротам. Я же присел на траву перевести дух, прежде чем вступить в борьбу с четырьмя врагами, с твердым намерением бороться до тех пор, пока меня не убьют.

Сердце мое сильно билось, и кровь ударяла в голову, но когда воины приблизились ко мне и я встал с копьем в руках, кровавая пелена снова заколыхалась перед моими глазами, и всякий страх покинул меня. Враги мои бежали попарно, на расстоянии полета копья между ними, но при этом в первой паре один был впереди на пять или шесть шагов. Он дико крикнул и бросился на меня с поднятым копьем и щитом. У меня не было щита, не было ничего, кроме асегая, но я был хитер. Вот он приблизился ко мне, я стоял, выжидая, пока он не занес копья надо мной, тогда я внезапно бросился на колени и направил свой удар ниже края его щита. Он тоже нанес мне удар, но промахнулся, копье его только разрезало мне плечо. Видишь, вот шрам! Мое копье попало в цель и прокололо его насквозь. Он упал и бешено катался с ним по земле. Зато я теперь был безоружен, рукоятка моего копья сломалась надвое, и в моих руках остался только короткий кусок палки. Тем временем другой враг уже спешил ко мне! Он показался мне ростом с целое дерево. Я уже считал себя мертвым, потому что никакой больше надежды не осталось — тьма готовилась поглотить меня. Но вдруг в этой тьме блеснул свет. Я бросился плашмя на землю и повернулся на бок. Тело мое ударилось о ноги врага с такой силой, что он

потерял равновесие и со всего размаху полетел кувырком, не успев ударить меня копьем. Раньше чем он коснулся земли, я уже вскочил на ноги. Копье выпало из его рук. Я нагнулся, схватил его и, пока он вставал, пронзил его копьем в спину.

Все это произошло в несколько секунд, отец мой, а он уже упал мертвый.

Тогда я пустился бежать и шагах в восьмидесяти от крааля нагнал сестру. В этот момент она упала на землю. Теперь меня, наверное, убили бы, если бы оставшиеся два врага на минуту не остановились около своих мертвых товарищей, и хотя теперь снова бросились за мной с удвоенной яростью, но было уже поздно. Как раз в это время ворота крааля распахнулись, из них вышло несколько воинов, волоча за руки пленника. За ними показался высокий человек с шкурой леопарда на плечах, он громко смеялся; вслед за ним выступили пять или шесть его приближенных, шествие замыкалось еще одной группой воинов. Все сразу поняли, в чем дело, и подбежали к нам как раз в ту минуту, когда наши враги настигли нас.

— Кто вы такие? — закричали они. — Кто осмеливается убивать у ворот крааля Слона? Здесь убивает только сам Слон!

— Мы дети Македамы, — отвечали наши преследователи, — гонимся за злодеями, совершившими убийство в нашем краале. Смотрите, вот сейчас двое из нас погибли от их руки, а еще двое других лежат мертвыми на дороге. Разрешите нам убить их!

— Спросите у Слона! — отвечали воины. — Да, кстати, просите, чтобы он позволил не убивать вас самих!

Как раз в это время высокий вождь увидел кровь и услышал слова спутников.

Он гордо выпрямился.

Действительно, на него стоило посмотреть. Несмотря на молодость, он был на голову выше окружающих, ширины его грудной клетки хватило бы на двоих, лицо его было красиво, хотя и свирепо, глаза горели, как уголья.

— Кто эти люди, дерзнувшие поднять пыль у ворот моего крааля? — спросил он, нахмутив брови.

— О Чака! О Слон! — ответил один из военачальников, склоняясь перед ним до земли. — Эти люди говорят, что они преследуют злодеев и хотят умертвить их!

— Прекрасно! — сказал он. — Пусть они убьют злодеев!

— О великий вождь! Благодарение тебе, великий вождь! — закричали мои обрадованные единоплеменники.

— Когда они убьют злодеев, — продолжал Чака, — пусть им самим выколуют глаза и выпустят на свободу искать дорогу домой за то, что осмелились поднять копье перед воротами крааля инкоси великого племени зулусов. Ну что же, продолжайте восхвалять меня, дети мои!

Он дико захохотал, а воины тихо шептали:

— О, он мудр! Он велик! Его справедливость ясна и страшна, как солнце.

Однако люди моего племени заплакали от страха, они вовсе не искали такой справедливости.

— Отрежьте им также языки! — продолжал Чака. — Что? Неужели Земля Зулу потерпит такой шум? Никогда! Разве лишь в том случае, когда стада их разбегутся. Начинайте! Эй вы, чернокожие! Вот там лежит девушка, она спит и беспомощна. Убейте ее! Что? Вы колеблетесь? Хорошо! Если вам нужно время на размышление, я даю его вам. Возьмите этих людей, обмажьте их медом и привяжите к муравьиным кучам — завтра с восходом солнца они скажут нам, что думают!

Начните с того, что убейте этих двух затравленных шакалов! — И он указал на меня и Балеку. — Они, кажется, очень устали и нуждаются в отдыхе.

Тогда я заговорил в первый раз. Воины уже приближались к нам, чтобы исполнить приказание Чаки.

— О Чака! — воскликнул я, — Меня зовут Мбопа, а это сестра моя Балека!

Я остановился. Громкий взрыв хохота раздался вокруг меня.

— Прекрасно! Мбопа и сестра твоя Балека! — угрюмо сказал Чака. — Здравствуйте, Мбопа и Балека, а также прощайте!...

— О Чака! — прервал я его. — Я Мбопа, сын Македамы из племени элангени. Я дал тебе кружку воды много лет тому назад, когда мы оба были мальчиками. Тогда ты сказал мне, чтобы я пришел к тебе, когда ты будешь могущественным вождем, ты обещал защитить меня и никогда не причинять мне зла. Вот я пришел и привел с собой сестру. Прошу тебя, не отрекайся от своих слов, сказанных много лет тому назад!

Пока я говорил, лицо Чаки заметно изменилось — он слушал меня очень внимательно.

— Это не ложь, — сказал он, — приветствую тебя, Мбопа! Ты будешь собакой в моей хижине, я буду кормить тебя из рук. Но о сестре твоей я ничего не говорил. Отчего же ей не быть убитой, раз я поклялся отомстить всему племени, кроме тебя одного?

— Потому что она слишком прекрасна, чтобы убивать ее, о вождь! —

отвечал я храбро. — А также потому, что я люблю ее и прошу ее жизни, как милости!

— Поверните девушку сюда лицом! — сказал Чака.

Приказание его было немедленно исполнено.

— Опять ты сказал правду, сын Македамы. Я жалую тебе этот подарок. Она тоже поселится в моей хижине и будет одной из моих «сестер». Теперь расскажи мне твою историю, но смотри, говори одну правду!

Я сел на землю и рассказал все, как было. Когда я кончил, Чака сказал, что очень жалеет о смерти Кооса; если бы он был жив, Чака послал бы его на крышу хижины Македамы, отца моего, и сделал бы его вождем племени э-лангени.

Затем он обратился к своему военачальнику:

— Я беру свои слова назад. Не нужно калечить этих людей из племени э-лангени. Один умрет, а другому будет дана свобода. Вот здесь, Мбопа, — и он указал на человека, которого перед тем выводили за ворота, — ты видишь перед собой человека, показавшего себя трусом. Вчера по моему приказанию был уничтожен крааль колдунов-чародеев, быть может, он попался вам на пути сюда. Этот человек и трое других напали на воина того крааля, защищавшего свою жену и детей. Он храбро дрался и убил троих из моих людей. Тогда этот пес побоялся встретиться с ним лицом к лицу, а метнул в него ассегам, после чего заколол его жену и детей. Это последнее не так важно, но он должен был сразиться с мужем этой женщины в рукопашном бою. Теперь я хочу оказать ему великую честь. Он будет бороться насмерть с одной из свиней твоего хлева, — он указал копьем на людей моего племени, — а тот, кто останется в живых, пусть бежит — за ним будут гнаться так же, как они гнались за тобой. Эту вторую свинью я отсылаю в хлев с костью от меня. Ну, выбирайте между собой, дети Македамы, кто из вас останется в живых?

Люди моего племени были братья и любили друг друга, а потому каждый из них готов был умереть, чтобы дать свободу другому.

Оба разом выступили вперед, выражая готовность на единоборство с зулусом.

— Что? Неужели и между свиньями есть чувства чести? — насмешливо спросил Чака. — В таком случае я сам решу этот вопрос. Видите этот ассегай? Я подброшу его вверх — если он упадет клинком кверху, тот из вас, кто выше ростом, получит свободу, а если же он упадет рукояткой кверху, то свободу получит тот, кто меньше!

С этими словами он подбросил ассегай. Глаза всех напряженно следили за тем, как оружие закружилось в воздухе и упало рукояткой на

землю.

— Поди сюда ты! — обратился Чака к тому, кто был повыше. — Спешి назад в крааль Македамы и скажи ему: так говорит Чака, Лев Зулусов! Много лет тому назад твое племя отказалось дать мальчику Чаке кружку молока, сегодня собака сына твоего, Мбопы, воет на крыше твоей хижины. Ступай!

Человек обернулся, пожал руку своему брату и ушел, унося с собой слово дурного предзнаменования. Затем Чака обратился к зулусу и к оставшемуся воину моего племени, приказав начать единоборство.

Воздав хвалу могущественному вождю, они начали яростно бороться, причем мой единоплеменник победил зулуса. Едва он успел перевести дух, как должен был пуститься бежать, а за ним погнались пятеро выбранных зулусов. Однако моему единоплеменнику удалось убежать от них, он скакал, как заяц, и благополучно ушел от них. Чака не рассердился. Я думаю, что он сам приказал своим воинам не особенно торопиться. В жестоком сердце Чаки была одна хорошая черта: он всегда готов был спасти жизнь храброго человека, если мог это сделать, не умаляя своего достоинства. Что касается меня, то я был очень рад тому, что мой единоплеменник победил того, кто так зверски убил детей бедной женщины в краале за рекой.

V . Мбопа назначается королевским врачом

Теперь ты знаешь, отец мой, при каких обстоятельствах моя сестра Балека и я поселились в краале Чаки, которого прозвали Львом Зулусов. Ты, может быть, спросишь меня, отчего я так подробно остановился на этом рассказе, столь похожем на все рассказы наших племен? Это ты поймешь впоследствии, так как из этих обстоятельств произошла, подобно тому как происходит дерево из семени, история рождения Булалио-Умслопогаса — Умслопогаса-Убийцы и Нады Прекрасной, историю любви которых я хочу тебе рассказать.

Дело в том, что Нада была моей дочерью, а Умслопогас, что известно лишь немногим, был не кто иной, как сын короля Чаки, рожденный от сестры моей Балеки.

Когда Балека оправилась от усталости, ее прежняя красота вернулась, и Чака взял ее в жены, в число женщин, которых он называл «сестрами». Что касается меня, то Чака взял меня в число своих врачей и остался так доволен моими медицинскими познаниями, что со временем возвел меня в ранг главного врача. Это был важный пост, занимая который в течение нескольких лет, я стал обладателем многих жен и большого количества скота. Но звание это влекло за собой большую опасность. Встав утром здоровым и сильным, я не мог быть уверен, что ночью не буду представлять из себя окоченелый труп. Многих врачей Чака убивал таким образом. Как бы хорошо они его ни пользовали, их постигала та же участь. Неминуемо приходил такой день, когда король чувствовал себя нездоровым или не в духе и принимался за истязание своего врача. Мне же удалось избежать такой участи: во-первых, благодаря моим медицинским способностям а во-вторых, в силу клятвы, данной мне Чакой, когда мы оба были детьми.

Дело дошло до того, что куда бы ни шел король — за ним следовал и я. Я спал рядом с его хижиной, сидел за ним во время совета, в битве я находился всегда при нем. О, эти битвы! Эти битвы! В те времена люди умели сражаться, отец мой. В те дни коршуны тысячами сопровождали наши войска, гиены стаями ходили по нашим следам, и все были удовлетворены. Никогда не забуду я первой битвы, во время которой я находился рядом с Чакой. Это было вскоре после того, как король построил

себе новый крааль на берегу реки Умлатузи. В это самое время вождь Звиде в третий раз пошел войной на своего соперника. Чака выступил ему навстречу с десятью полками (около тридцати тысяч человек), впервые вооруженными короткими ассегаями. План местности был таков: на длинном отлогом холме, как раз против нашего войска, расположились полки Звиде — их было семнадцать. От этой массы чернокожих сама земля казалась черной. Мы расположились на противоположном холме, нас разделяла небольшая долина с ручьем посередине.

Всю ночь наши костры освещали долину, всю ночь песни воинов раздавались на холмах. Наступил рассвет. Волы замычали, войска начали подниматься, воины бодро вскакивали на ноги, стряхивая утреннюю росу с волос и щитов. Да! Они вставали! Вставали и радостно готовились идти на верную смерть. Полки один за другим становились в боевой порядок. Утренний ветерок своим легким дуновением освежал их, перья, украшавшие их головы, слегка колебались; эти перья склонялись, как поле засеянной травы, уже готовой к жатве. За холмом разгоралась заря смерти.

Она отражалась красным светом на медно-красных щитах. Место битвы тоже приняло красный оттенок. Белые перья вождей, казалось, тоже окрасились багровым цветом. Они знали значение этого цвета, они видели в том предзнаменование смерти — и что же? Храбрецы смеялись от радости при мысли о приближавшейся битве.

Что такое смерть? Разве не хорошо умереть под ударом копья? Что такое смерть? Разве не счастье умереть за своего короля? Смерть есть оружие победы! Победа будет невестой каждому из них в эту ночь. О! Как нежна ее грудь! Чу! Раздается воинственная песнь «Ингомо», звуки которой приводят в исступление воинов. Она сначала раздается слева и, как шар, перекачивается от одного отряда к другому.

Вдруг Чака выступил из рядов в сопровождении меня и своих военачальников. Он выступал гордо, как большой олень; в глазах его отражалась смерть, он втягивал в себя воздух, раздувая ноздри, и в воздухе этом носились смерть и убийство. Но вот он поднял свое копье, и сразу наступило полное молчание, только звуки песни еще перекачивались по вершинам холмов.

— Где же дети Звиде? — громким голосом закричал он, голосом, похожим на рев быка.

— Там, внизу, отец! — отвечали воины. Копье каждого воина указало на долину.

— Что же они не выступают? — снова закричал он. — Не стоять же нам здесь до старости!

— О нет, отец! — ответили все сразу. — Начинай! Начинай!

— Пусть полк У-Дламбедлу выступит вперед! — закричал он в третий раз.

Лишь только он произнес эти слова, черные щиты У-Дламбедлу выдвинулись из рядов войска.

— Идите, дети мои! — воскликнул Чака. — Вот неприятель. Идите и больше не возвращайтесь!

— Мы внемлем, отец! — ответили они в один голос и двинулись по откосу, подобно бесчисленному стаду со стальными рогами.

Вот они перешли поток, и только тогда Звиде как бы проснулся. Ропот пронесся по его войску, копья засверкали в воздухе.

— У-у, вот они идут! У-у, они встретились. Слышен гром их щитов! Слышны звуки воинственной песни!

Ряды колышутся взад и вперед. У-Дламбедлу отступают — они бегут! Они кидаются назад через поток, правда, только половина их, — остальные все мертвы. Рев ярости раздается в рядах войска, один только Чака улыбается.

— Расступитесь! Расступитесь! Дайте дорогу красным девицам У-Дламбедлу! — И с поникшими головами они проходят назад.

Чака шепотом говорит несколько слов своим приближенным. Они бегут и шепотом передают приказание Мгобози-полководцу и остальным военачальникам.

Вслед за этим два полка стремительно спускаются с холма, другие два полка бегут направо, а еще два полка — налево. Чака стоит на холме с тремя остальными.

Снова раздается звук сталкивающихся щитов. Вот это люди! Они бьются! Они не бегут! Один неприятельский полк за другим кидается на них, а они все стоят. Они падают сотнями, тысячами, но ни один не бежит, и на каждом из павших лежат по два мертвых тела. Ого! Оу, отец мой! Из тех двух полков, что спустились по центру, ни один воин не остался в живых. Это были еще мальчишки, но все — дети короля Чаки. Сам Мгобози погребен под грудями своих мертвых воинов. Теперь больше нет таких людей. Вот они убиты, все успокоились.

Однако Чака все еще стоит с поднятой рукой. Он зорко оглядывает и север, и юг. Смотри! Копья блестят среди листвы деревьев.

Передние ряды нашего войска сошлись с крайними отрядами неприятельского. Они убивают, и их убивают, но воины Звиде многочисленны и храбры! Мы начинаем терять слишком много воинов.

Тогда Чака опять говорит одно слово. Военачальники слышат его,

воины вытягивают шеи, чтобы лучше услышать.

Наконец раздается:

— Вперед, дети племени зулусов!

Слышен рев, топот ног, копья сверкают, перья развеваются, и подобно реке, выступающей из берегов, или тучам перед бурей, мы обрушиваемся без разбора на друзей и врагов. Они спешно строятся, готовясь встретить нас. Но поток уже пролетел, раненые приподнимаются и подбадривают нас. Мы топчем всех на своем пути. Что нам до них? Они не могут больше биться. Навстречу нам стремится Звиде, мы сталкиваемся, подобно двум стадам разъяренных быков.

Оу, отец мой! Больше я ничего не помню. Все окрасилось в багровый цвет. О, эта битва! Эта битва!

Мы отбросили их, но когда нам удалось одолеть врага, ничего не было видно: откос холма, казалось, пылал и чернел. Немногие спаслись бегством, да почти некому было и бежать. Мы пронеслись над ними, как огонь, и уничтожили их. Наконец мы остановились, ища взором врага. Все были мертвы.

Войска Звиде больше не существовало. Началась перекличка.

Десять полков видели восход солнца, и лишь три увидели его закат: остальные были там, где солнце уже не светит.

Таковы бывали битвы во времена короля Чаки!

Ты спрашиваешь, что случилось с отрядом, обратившимся в бегство? Я сейчас скажу тебе, отец мой!

Когда мы вернулись в наш крааль, Чака призвал этот полк и сделал ему перекличку. Он говорил с ними ласково, благодарил за службу, прибавив, что находит естественным, что «девушкам» делается страшно при виде крови и что они бегут назад в свои краали. Тем не менее он приказал им не возвращаться, а они все же вернулись!

Что же ему делать?

С этими словами Чака закрыл лицо руками. Тогда воины убили их всех, около двух тысяч человек, убили, осыпая насмешками и упреками!

Вот как поступали в те времена с трусами, отец мой. После такого примера против одного зулуса вступало в борьбу не менее пяти воинов всякого другого племени! Если бы даже десять человек вышли на него, то и тогда он не обратился бы в бегство. «Бейтесь и падайте — но не бегите» — таков был наш девиз.

Никогда больше при жизни короля Чаки побежденный полк не переступал врат королевского крааля. Эта битва была лишь одной из многих.

С каждым новолунием свежее войско отправлялось обмывать свои ассегаи в крови.

Возвращались лишь немногие, но всегда с победой и бесчисленным множеством захваченного скота. Избежавшие ассегая составляли новые отряды, и хотя ежемесячно умирали тысячи, но войско короля Чаки все-таки росло числом.

Вскоре Чака остался единственным вождем в стране. Мшика, вождь пепета пал, а за ним и Мпангазита, вождь хлуби, Мзиликази отогнали далеко к северу, Мативаана, вождя нгваанов, совершенно уничтожили. Тогда мы ринулись в эту сторону — в Наталь.

Когда мы появились здесь, нельзя было счесть народа, когда же мы ушли, кое-где можно было встретить человека, прячущегося в пещере — вот и все!

Мужчин, женщин, детей — всех стерли с лица земли, никого не осталось в стране. Затем настал черед Факу — вождя пондо.

Ах, где-то теперь Факу?

И так шло дальше и дальше, и под конец сами зулусы устали воевать, самые острые ассегаи затупились.

VI. Рождение Умслопогаса

Чака не имел живых детей, несмотря на то что у него было много жен. Таково было правило его жизни. Каждого ребенка, рождавшегося от одной из его «сестер», немедленно убивали, так как Чака опасался, чтобы его сын не сверг его и не лишил власти и жизни.

Вскоре после рассказанных событий сестре моей Балеке, жене короля, пришло время родить, и в тот же день жена моя Макрофа разрешилась близнецами. Это случилось через восемь дней после того, как Ананди, моя вторая жена, родила сына, которого было решено назвать Мусой.

Когда король узнал о состоянии Балеки, он не приказал тотчас же умертвить ее, потому что по-своему немного любил ее. Он послал за мной и приказал мне быть при ней, а когда ребенок родится, принести показать его труп, согласно обычаю, по которому он лично должен был убедиться в его смерти.

Я склонился перед ним до земли и с тяжелым сердцем пошел исполнять его приказание.

Но приходилось покориться, зная непреклонность Чаки, не допускавшего неповиновения.

Я отправился в Эм-Тандени, местопребывание королевских жен, и объявил приказание короля стоявшей у входа страже. Воины подняли свои копья и пропустили меня, я вошел в хижину Балеки. В ней находились и другие королевские жены, но при виде меня женщины встали и ушли; закон не позволял им оставаться в моем присутствии. Таким образом я остался наедине с сестрой. Несколько минут Балека лежала молча, по волнению ее груди я заметил, однако, что она плачет.

— Потерпи, милая! — сказал я наконец. — Скоро страдания твои кончатся!

— О нет, — ответила она, поднимая голову, — только начнутся. О, жестокий человек! Я знаю, зачем ты пришел: умертвить моего будущего младенца!

— Ты знаешь сама — такова воля короля!

— А! Воля короля! А что мне до воли короля? Разве я сама не имею голоса в этом?

— Да ведь это ребенок короля!

— Это ребенок короля — правда, но разве он также и не мой ребенок? Неужели мое дитя должно быть оторвано от моей груди и задушено, и кем

же? Тобою, Мбопа! Не я ли бежала с тобой, спасая тебя от злобы нашего народа и мести отца? Знаешь ли ты, что два месяца тому назад король разгневался на тебя, когда заболел, и наверняка умертвил бы тебя, если бы я не заступилась и не напомнила о его клятве? И вот как ты оплачиваешь мне! Ты приходишь убить мое дитя, моего первенца!

— Я исполняю приказание короля! — отвечал я угрюмо, но сердце мое разрывалось на части.

Балека больше ничего не сказала, но, отвернувшись лицом к стене, горько плакала и стонала. Тем временем я услышал шорох у входа в хижину, и свет в дверях заслонила входящая фигура. Вошла женщина. Я обернулся посмотреть на нее и сразу упал, кланяясь до земли. Передо мной стояла Нанди, мать короля, по прозванию Мать Небес, — та самая женщина, которой моя мать отказалась дать молока.

— Здравствуй, Мать Небес! — приветствовал я ее.

— Здравствуй, Мбопа, — отвечала она. — Скажи, почему плачет Балека? Оттого ли, что она мучается родами?

— Спроси ее сама, великая Мать Вождя! — сказал я.

Тогда Балека заговорила прерывающимся голосом:

— Я плачу, царица Мать, потому, что этот человек, брат мой, пришел от того, кто мой господин, от твоего сына, чтобы умертвить моего будущего ребенка. О Мать Небес, ты сама кормила грудью, заступись за меня! Твоего сына не убили при рождении!

— Кто знает, Балека? Может, было бы и лучше, если бы и его убили! — грустно сказала Нанди. — Тогда бы многие из тех, кто теперь уже мертв, были бы живы!

— Но, по крайней мере, ребенком он был добр и ласков, и ты могла любить его, Мать зулусов!

— Никогда, Балека! Ребенком он кусал мне грудь и рвал мои волосы. Каков человек — таков был и ребенок!

— Да! Но ребенок его мог быть не таким, Мать Небес! Подумай, у тебя нет внука, который будет беречь тебя на старости лет. Неужели ты дашь иссякнуть твоему роду? Король, наш властелин, постоянно подвергается опасностям войны. Он может умереть, и что тогда?

— Что тогда? Корень Сензангаконы не иссяк. Разве у короля нет братьев?

— Но они не твоей плоти и крови, Мать! Как? Ты не хочешь даже слушать меня? Тогда я обращаюсь к тебе, как женщина к женщине. Спаси мое дитя или убей меня вместе с ним!

Сердце Нанди дрогнуло. Слезы показались на ее глазах.

— Как бы это сделать, Мбопа? — обратилась она ко мне. — Король должен видеть ребенка мертвым, если же он заподозрит обман, — а ты знаешь, и тростник имеет уши, — то... Тебе известно сердце Чаки, и ты сам понимаешь, где будут завтра лежать наши кости!

— Неужели нет других новорожденных в Земле Зулу? — спросила Балека, приподнявшись на постели и говоря шепотом, похожим на шипение змеи.

Слушай, Мбопа! Твоя жена тоже должна была родить?... Внемлите же мне — ты, Мать Небес, и ты, брат, слушайте тоже. Не думайте шутить со мной. Я или спасу моего ребенка, или вы оба погибнете вместе с ним. Я скажу королю, что вы приходили ко мне оба и нашептывали мне заговор — спасти ребенка, а короля убить. Теперь выбирайте, и скорее!

Она откинулась навзничь, мы молча переглядывались. Наконец Нанди первая заговорила.

— Дай мне руку, Мбопа, и поклянись, что ты будешь верен в сохранении этой тайны, так же, как и я клянусь тебе. Быть может, придет день, когда этот ребенок, еще не видевший света, будет королем Земли Зулу, тогда в награду за сегодняшнюю услугу ты будешь первым человеком среди народа, голосом короля, его наперсником! Если же ты не сдержишь клятвы, берегись! Я умру не одна!

— Клянусь, Мать Небес! — ответил я.

— Хорошо, сын Македамы!

— Хорошо, брат мой! — сказала Балека. — Теперь иди и скорее делай все, что нужно. Я чувствую приближение родов. Иди и знай, что в случае неудачи я буду безжалостна и добьюсь твоей смерти, хотя бы ценой моей собственной жизни!

Я вышел из хижины.

— Куда идешь? — спросила меня стража.

— Иду за лекарствами, королевские слуги! — ответил я.

Так я сказал, но на душе моей было тяжело, и я задумал бежать из Земли Зулу.

Я не мог и не смел сделать того, что от меня требовали. Неужели же я могу убить своего собственного ребенка, отдать его жизнь ради спасения жизни ребенка Балеки? Могу ли я пойти против воли короля и спасти ребенка, осужденного им на смерть? Нет, это невозможно! Я убегу, оставлю все и буду искать племя, жилище где-нибудь в стороне, там я начну жизнь сначала. Здесь я жить больше не могу. Здесь, около Чаки, ничего не найти, кроме смерти.

Размышляя таким образом, я дошел до своей хижины и узнал, что

жена моя Макрофа только что разрешилась двойней. Я выслав из хижины всех, кроме Ананди, неделю тому назад давшей мне сына. Второй ребенок из двойни был мальчик и родился мертвым. Первой родилась девочка, известная впоследствии под именем Нады Прекрасной — Нады Лилии. Внезапная мысль озарила меня — вот где выход из положения!

— Дай-ка мне мальчика, — сказал я Ананди. — Он не умер. Дай его мне, я вынесу его за ворота крааля и верну к жизни моими лекарствами!

— Это бесполезно, ребенок мертвый! — воскликнула Ананди.

— Давай мне его, когда я приказываю! — закричал я свирепо. Она подала мне труп ребенка.

Я взял его, завернул в узел с лекарствами и все вместе обернул циновкой.

— Не впускайте никого до моего возвращения, — сказал я, — и не говорите никому ни слова о ребенке, которого вы считаете мертвым! Если впустите кого-нибудь или скажете слово, мое лекарство не поможет и ребенок действительно умрет!

С этими словами я вышел. Жены мои недоумевали. У нас не было в обычае оставлять в живых обоих детей, когда рождались двойни. Тем временем я поспешно бежал к воротам Эм-Тандени.

— Я нес лекарства, королевские слуги! — объяснил я страже.

— Проходи, — ответили они. Я прошел в ворота и направился к хижине Балеки. Около нее сидела Нанди.

— Ребенок родился! — сказала мне мать короля. — Взгляни на него, Мбопа, сын Македамы!

Я взглянул. Ребенок был крупный, с большими черными глазами, как у Чаки. Мать короля, Нанди, вопросительно смотрела на меня.

— Где же он? — шепотом спросила она. Я развернул циновку и вынул мертвого ребенка, со страхом оглядываясь кругом.

— Дайте мне живого! — в свою очередь шепнул я.

Она передала мне ребенка. Я выбрал в своих лекарствах снадобье и потер им язык ребенка. Это снадобье имело свойство заставлять язык онеметь на некоторое время. Затем я завернул ребенка в узел с лекарствами и снова обмотал его циновкой.

Вокруг шеи мертвого ребенка я завязал шнурок, которым будто бы задушил его, и слегка завернул его другой циновкой.

Теперь я в первый раз обратился к Балеке:

— Послушай, женщина, и ты, Мать Небес, я исполнил ваше желание, но знайте, что еще раньше, чем я доведу до конца это дело, оно будет стоить жизни многих людей. Будьте безмолвны, как могила, она широко

разверзается перед вами обеими! — Я ушел, унося в правой руке циновку с завернутым в нее мертвым ребенком. Узел с лекарствами, где лежал живой, был привязан к плечам.

Я вышел из спальни и, проходя мимо стражи, молча развернул циновку.

— Ладно! — сказали они, пропуская меня.

Но с этой минуты начались мои неудачи. Как только я вышел за ворота, меня встретили три посланных от короля.

— Король зовет тебя в Ум-Длункулу! (Так называется жилище короля, отец мой.)

— Хорошо, — ответил я, — сейчас приду, но сперва я забегу к себе взглянуть на мою жену Макрофу. Вот у меня в руках то, что нужно королю! — При этом я показал им мертвого ребенка. — Отнесите его к королю!

— Король не давал нам такого приказания, Мбопа! — отвечали они. — Он приказал, чтобы ты сию же минуту явился сам к нему!

Кровь застыла в моих жилах. У короля много ушей. Неужели он уже знает? И как я осмелюсь явиться перед королем с живым ребенком за спиной? Я чувствовал в то же время, что всякое колебание послужит моей гибели, так же как изъявление страха или смущение.

— Хорошо! Идем! — ответил я, и мы вместе направились к воротам Ум-Длункулу.

Надвигались сумерки. Чака сидел в маленьком дворике перед своей хижиной. Я на коленях подполз к нему, произнося обычное «Байете!» и, оставаясь в таком положении, ждал.

— Встань, сын Македамы! — сказал король.

— Не могу встать, Лев Зулусов! — отвечал я. — Я не могу встать, имея на руках королевскую кровь, пока король не дарует мне прощения!

— Где он? — спросил Чака.

Я указал на циновку в моих руках.

— Покажи!

Я развернул, Чака взглянул на ребенка и громко рассмеялся.

— Он мог бы быть королем! — сказал он, приказав одному из своих приближенных унести труп. — Мбопа, ты умертвил того, кто мог бы царствовать. Тебе не страшно, Мбопа?

— Нет, король! — ответил я. — Ребенок умерщвлен по приказанию того, кто сам король!

— Сядь-ка, потолкуем. Завтра ты получишь в награду пять быков, ты можешь сам выбрать их из королевского стада!

— Король добр, он видит, что пояс мой туго стянут, он хочет утолить

мой голод. Позволишь ли мне, король, удалиться? Моя жена Макрофа скоро родит, и я хотел бы навестить ее!

— Нет, посиди немного, скажи, что делает Балека, моя сестра и твоя?

— Все благополучно! — ответил я.

— Не плакала ли она, когда ты взял у нее ребенка?

— Нет, не плакала. Она сказала: воля моего властелина пусть будет моей волей!

— Хорошо. Если бы она плакала, то тоже была бы убита. Кто же был при ней?

— При ней была Мать Небес!

Чака нахмурил брови.

— Нанди, моя мать? Зачем она там была? Клянусь, хотя она и моя мать, если бы я думал... — Чака остановился. На минуту он замолк и затем продолжал: — Скажи-ка, что у тебя в этой циновке? — Он указал концом своего асsegая на узел за моими плечами.

— Лекарства, король!

— Ты носишь с собой такое количество лекарств? Да их хватило бы на целое войско. Разверни циновку и покажи, что в ней!

Скажу вам откровенно, отец мой, что от ужаса у меня кровь застыла в жилах. Если бы я открыл циновку и он увидел ребенка, тогда...

— Это *тагати* — оно заколдовано, мой повелитель. Не следует смотреть лекарства!

— Открой, говорю тебе! — возразил он гневно. — Что, я не могу видеть лекарства, которые должен глотать?! Я, величайший из королей!

— Смерть есть лекарство королей! — ответил я, взяв в руки узел, и положил его как можно дальше от него, в тени изгороди. Затем нагнулся, медленно развязывая веревки. Капли пота текли по моему лицу, подобно каплям слез. Что делать, если он увидит ребенка? А что, если ребенок проснется и закричит? Я должен буду вырвать копье из рук короля и ударить его. Да, решено! Я убью короля и затем себя самого. Наконец циновка была развязана. Сверху лежали коричневые корни целебных трав, а под ними бесчувственный ребенок, завернутый в мох.

— Скверная штука! — сказал король, нюхая щепотку табаку. — Смотри-ка, Мбопа, какой у меня верный глаз! Вот тебе и твоим лекарствам! — С этими словами он поднял асsegай и намеревался пронзить им узел, но в ту минуту, когда он прицелился, мой добрый змей внушил королю чихнуть, и потому копье пронзило только листья моих целебных трав, не задев ребенка.

— Да благословит небо короля! — сказал я, как того требовал обычай.

— Спасибо, Мбопа, это хорошее пожелание, — сказал король, — а теперь убирайся! Следуй моему совету. Убивай своих детей, как я убиваю своих. Я делаю это для того, чтобы они не надоедали мне. Поверь мне, лучше потопить детенышей льва!

Я поспешно завернул узел, руки мои дрожали. О, если бы в эту минуту ребенок проснулся и закричал! Наконец я завязал узел, встал, поклонился королю и, согнувшись вдвое, прошел мимо него. Не успел я переступить ворота Ум-Длункулу, как ребенок начал пищать. О, если бы это случилось минутой раньше!

— Что это, — спросил меня один из воинов, — спрятано у тебя под поясом, Мбопа?

Я не отвечал и бежал, не останавливаясь, до своей хижины. Когда я вошел, обе мои жены были одни.

— Я вернул ребенка к жизни! — сказал я, развязывая узел. Ананди взяла ребенка и стала его разглядывать.

— Мальчик кажется мне больше, чем был!

— Дыхание жизни вошло в него и раздуло его! — объяснил я.

— И глаза его совсем другие, — продолжала Ананди. — Теперь они большие и черные, похожие на глаза короля!

— Дух мой глянул в них и сделал их красивыми! — ответил я.

— У этого ребенка родимое пятно на бедре. У того, что я дала тебе, такого знака не было!

— Я прикладывал лекарства к этому месту! — ответил я.

— Нет, это другой ребенок, — сказала она угрюмо. — Это подмененное дитя, оно принесет несчастье нашему дому!

Тогда я вскочил в ярости и проклял ее, я понял, что если я не остановлю ее, язык этой женщины погубит нас.

— Замолчи, колдунья! — крикнул я. — Как ты смеешь так говорить? Ты хочешь навлечь проклятие на наш дом! Ты хочешь сделать нас всех жертвами королевского гнева! Повтори еще твои слова — и тебя вынюхают, как колдунью!

Я продолжал браниться, угрожая ей смертью, пока она не испугалась и, бросившись к моим ногам, не стала молить о прощении.

Признаюсь, однако, я очень боялся языка этой женщины, увы, не напрасно!

VII. Умслопогас отвечает королю

Прошло несколько лет, и об этом происшествии, казалось, все забыли, но это только казалось. О нем не говорили, но и не забыли, и скажу тебе, отец мой, я очень боялся того часа, когда о нем вспомнят. Тайна была известна двум женщинам: Нанди, Матери Небес, и Балеке сестре моей, жене короля. Другие две — мои жены, Макрофа и Ананди, подозревали о ней. При таких условиях тайна не могла быть сохранена навсегда. К тому же Нанди и Балека не умели скрывать своей нежности к ребенку, который назывался моим сыном, но, в сущности, был сыном короля Чаки и сестры моей Балеки и, таким образом, приходился внуком Нанди.

Частенько то та, то другая заходили в мою хижину под предлогом посещения моих жен, брали ребенка на руки и ласкали его. Напрасно просил я их воздерживаться от этих знаков особенного внимания к нему, любовь к ребенку брала верх, и они все-таки приходили. Кончилось тем, что Чака однажды увидел мальчика сидящим на коленях своей матери Нанди.

— Какое дело моей матери до твоего мальчишки, Мбопа? — спросил он меня угрюмо. — Разве она не может целовать меня, если ей так хочется ласкать ребенка? — И Чака дико расхохотался.

Я пожал плечами в ответ, и вопрос на время был замят. Но с этого дня Чака приказал следить за своей матерью.

Тем временем Умслопогас из мальчика превратился в здорового крепкого отрока, подобного ему не было далеко кругом. С самого детства характер мальчика был немного угрюм, он говорил мало и, подобно отцу своему, Чаке, не знал чувства страха. Он любил только двух существ на свете — меня, Мбопу, которого называл отцом, и Наду, считавшуюся его сестрой-близнецом.

Надо сказать, что если среди мальчиков Умслопогас выделялся силой и храбростью, то Нада была прелестная, самая красивая девочка.

Скажу тебе откровенно, отец мой, мне кажется, она не была чистокровной нгуни, хотя поручиться в этом не могу. Во всяком случае, глаза ее были нежнее и больше, чем у женщин нашего племени, волосы длиннее и менее курчавы, и цвет лица ближе подходил к цвету чистой меди. В этом отношении она вся была в свою мать, Макрофу, хотя красивее матери, — красивее, чем какая-либо из виденных мною женщин. Мать ее Макрофа, жена моя, принадлежала к племени свази и попала в крааль

короля Чаки вместе с другими пленными после одного из его набегов. Она считалась дочерью вождя племени свази, и что она родилась от его жены — это было верно, но был ли вождь отцом ее, я не знаю; от самой Макрофы я слышал, что до ее рождения в краале ее отца проживал европеец. Он был родом португалец, очень красив и мастерски выделывал железные вещи. Этот европеец любил мать моей жены; говорили, будто Макрофа была его дочерью, а не дочерью вождя племени свази. Я знаю также, что за несколько месяцев до рождения моей жены вождь свази убил этого европейца. Никто, конечно, не мог знать сущей правды, и я говорю об этом лишь потому, что красота Нады более походила на красоту европейцев, нежели на красоту наших единоплеменниц, что было вполне естественно, если бы ее дед был действительно европеец.

Умслопогас и Нада были всегда неразлучны. О, как они были милы!

Дважды за время их детства Умслопогас спас жизнь Нады.

В первый раз дело было так.

Однажды дети зашли далеко от крааля в поисках ягод. Незаметно забрались они в страшную глушь, где их застала ночь. Утром, подкрепившись ягодами, они тронулись дальше, но не могли выбраться из незнакомого места, а тем временем наступил вечер и спустилась непроглядная мгла.

Пришло следующее утро, и дети изнемогали от усталости и голода, так как ягод больше им не попадалось. Нада, обессиленная, опустилась на землю, а Умслопогас все еще не терял надежды. Оставив Наду, он полез на гору, на склоне ее мальчик нашел много ягод и очень питательный корень, которым утолил свой голод. Наконец мальчик добрался до самой вершины. И что же, там, далеко, на востоке, он увидел белую полоску, похожую на стелющийся дым. Он сейчас же сообразил, что видит водопад за королевским жилищем.

Бегом спустился он с горы с целым запасом корней и ягод в руках, прыгая и крича от радости. Но когда он добежал до того места, где оставил Наду, то нашел ее в бесчувственном состоянии. Бедняжка лежала на земле, а над нею стоял шакал, обратившийся в бегство при приближении Умслопогаса. Казалось, было только два выхода из такого положения — или самому спастись, или же лечь рядом с Надой и ждать смерти. Но мальчик нашел третий. Он снял свою кожаную сумку, разорвал ее, сделал из нее веревки и привязал ими Наду к своей спине. С этой ношей мальчик направился к королевскому краалу.

Ему бы никогда не удалось добраться — путь был слишком дальний, — но, к счастью, под вечер несколько королевских посланных, проходя

этим лесом, наткнулись на голого мальчика с привязанной к его спине девочкой. Мальчик с палкой в руках, шатаясь, медленно брел вперед с блуждающими глазами и пеной у рта. От усталости он не мог больше говорить. Веревки глубоко врезались в тело и оставили рубцы на его плечах.

Узнав в нем Умслопогаса, сына Мбопы, люди эти помогли ему добраться домой. Они хотели было оставить Наду, думая, что она уже мертвая, но Умслопогас знаками указал на ее сердце, и, убедившись в том, что оно еще билось, ее захватили с собой. В конце концов оба быстро оправились и больше, чем когда-либо, полюбили друг друга. После этого я просил Умслопогаса сидеть дома, не выходить за ворота крааля и не водить сестру по диким, незнакомым местам.

Но мальчик любил бродить, как дикий зверь, а куда шел он, туда шла и Нада. В один прекрасный день они опять ускользнули через открытые ворота и забрались в глубокую долину. Эта долина имела дурную славу из-за появляющихся в ней призраков. Говорили, будто эти привидения убивают всех, кто туда попадет. Не знаю, правда ли это, но знаю, что в этой долине жила дикая женщина. Жилищем ей служила пещера, а питалась она тем, что ей удавалось убить, украсть или вырыть из земли.

Женщина эта была помешанная. Случилось это вследствие того, что мужа ее заподозрили в колдовстве против короля и убили. Чака, согласно обычаю, послал разрушить его крааль. Воины пришли и убили всех его обитателей. Напоследок умертвили детей, трех молодых девушек, и закололи бы и мать, если бы в эту минуту на глазах у всех в нее не вошел дух: она сошла с ума. Тогда они отпустили ее из-за духа, поселившегося в ней, и с тех пор никто не решался ее тронуть.

Несчастливая женщина убежала и поселилась в этой долине. Сумасшествие ее выражалось в том, что, где бы она ни видела детей, особенно девочек, ею овладевало безумное желание убить их, как убили когда-то ее собственных детей. Такие случаи бывали не раз. Во время полнолуния, когда ее безумие достигало высшей степени, женщина уходила очень далеко в поисках детей и, как гиена, выкрадывала их из краалей.

И вот Умслопогас и Нада пришли в долину, где жила детоубийца. Они присели около впадины с водой, находившейся вблизи входа в ее пещеру, и, не подозревая об опасности, занялись плетением венков.

Вскоре Умслопогас отошел от Нады, ему вздумалось поискать тех лилий, что растут на скалах: Нада любила их. Уходя, он что-то крикнул ей. Его голос разбудил женщину, спавшую в своей пещере. Обыкновенно она

выходила только ночью, подобно диким шакалам.

Услышав голос мальчика, женщина вышла из пещеры, полная кровожадных инстинктов, в руках она держала копье.

Увидев Наду, спокойно сидевшую на траве, занятую цветами, женщина крадучись стала приближаться к ней с намерением убить ее. Когда она уже была в нескольких шагах, — я рассказываю со слов самой девочки, — Нада почувствовала около себя как бы ледяное Дыхание.

Невольный страх овладел девочкой, хотя она еще не замечала женщины, собиравшейся нанести ей смертельный удар. Нада отложила цветы, нагнулась над водой. И там-то и увидела она отражение кровжадного лица детоубийцы.

Сумасшедшая подползла к ней сверху. Всклопоченные волосы закрывали ее лицо до бровей, глаза сверкали, как у тигрицы. Пронзительно вскрикнув, Нада вскочила и бросилась по тропинке, по которой ушел Умслопогас. Безумная женщина дикими прыжками пустилась вслед за ней.

Умслопогас услышал крик Нады, обернулся и бросился назад под гору и вдруг, о ужас! Перед ним оказалась безумная.

Она уже схватила Наду за волосы и занесла копье, чтобы пронзить ее. Умслопогас не был вооружен, у него ничего не было, кроме короткой палки. С этой палкой он бросился на безумную и так сильно ударил ее по руке, что она выпустила из рук девочку и с диким воплем бросилась на Умслопогаса с поднятым копьем.

Мальчик отскочил в сторону. Опять она замахнулась на него, но он высоко подпрыгнул вверх, и копье пролетело под его ногами. В третий раз женщина ударила его, и хотя он бросился на землю, стараясь избежать удара, но копье все же вонзилось ему в плечо. К счастью, тяжесть его тела при падении выбила оружие из ее руки, и раньше, чем она могла снова схватить его, Умслопогас был уже на ногах на некотором расстоянии от нее, причем копье осталось воткнутым в его плечо.

Женщина обернулась с безумным яростным криком и бросилась на Наду с намерением задушить ее руками. Умслопогас, стиснув зубы, вырвал копье из раны и ударил им безумную. Женщина подняла большой камень и с силой швырнула его в мальчика.

Удар был так силен, что камень, ударившись о другой, разлетелся вдребезги. Умслопогас снова ударил женщину, и на этот раз так ловко, что копье пронзило ее насквозь, и она мертвая упала на землю. Нада перевязала глубокую рану на плече Умслопогаса, после чего с большим трудом дети добрались до крааля, где рассказали мне эту историю.

Однако дело тем не кончилось. Некоторые из наших

единоплеменников стали роптать и требовать смерти Умслопогаса за то, что он убил женщину, одержимую духом. Но я сказал, что никто не тронет его. Он убил безумную, защищая свою жизнь и жизнь сестры, а всякий имеет право защищаться. Нельзя убить только того, кто исполняет приказание короля. «Во всяком случае, — говорил я, — если женщина и была одержима духом, то дух этот был злым духом, потому что добрый дух не станет требовать жизни детей, а лишь животных, тем более что у нас не в обычае приносить Аматонго, духам предков, человеческие жертвы, даже во время войны, — это делают только собаки племени басуто».

Однако ропот все увеличивался. Колдуны в особенности настаивали на смерти мальчика, они предсказывали всевозможные несчастья и кары за смерть безумной, одержимой духом, если убийца ее останется в живых, и в конце концов дело дошло до самого короля.

Чака призвал меня и Умслопогаса, а также колдунов. Сначала колдуны изложили свою жалобу, испрашивая смерти мальчика. Чака спросил, что случится, если мальчик не будет убит. Они ответили, что дух убитой женщины внушит ему чинить зло королевскому дому. Чака спросил, внушит ли дух причинить зло лично ему — королю Колдуны, в свою очередь, спросили духов и ответили, что опасность грозит не ему лично, а одному из членов королевской семьи после него. На это Чака сказал, что ему нет дела до тех, кто будет после него, и до их счастья или несчастья. После этого он обратился к Умслопогасу, отважно смотревшему ему прямо в глаза, как равный смотрит на равного.

— Мальчик, что ты можешь сказать, чтобы не быть убитым, как того требуют эти люди?

— А то, великий король, — ответил он, — что я убил безумную, защищая свою собственную жизнь!

— Это еще не важно, — сказал Чака, — если бы я, король, пожелал убить тебя, осмелился бы ты убить меня или моего посланного? *Итонго*, поселившийся в этой женщине, был, несомненно, царственный дух, который приказал убить тебя, и ты должен был подчиниться его воле. Что ты можешь еще сказать в свою защиту?

— А вот что, Слон, — ответил Умслопогас, — если бы я не убил женщину, то она убила бы мою сестру, которую я люблю больше своей жизни!

— Это еще ничего не значит, — сказал Чака, — если бы я приказал убить тебя за что-нибудь, то разве не приказал бы убить и всех твоих близких? Не могли поступить так же и царственный дух? Если ты не имеешь ничего более сказать, то ты должен умереть!

Признаюсь, мне становилось страшно. Я боялся, что Чака в угоду колдунам убьет того, кого называли моим сыном.

Но мальчик Умслопогас поднял голову и храбро ответил, не как человек, просящий о сохранении своей жизни, а как человек, защищающий свое право.

— Вот что я скажу, победитель врагов, и если и этого будет недостаточно, то не будем больше говорить — вели меня умертвить. Ты, король, не раз приказывал убить эту женщину. Те, кому ты поручал исполнить твое приказание, щадили ее, считая женщину одержимой духом. Я же в точности исполнил приказание короля, я убил ее — будь она одержима или нет, так как король повелел умертвить ее, а потому я заслужил не смерти, а награды!

— Хорошо сказано, Умслопогас! — ответил Чака. — Пусть дадут десять голов скота этому мальчику с сердцем взрослого человека, его отец будет стеречь их за него. Ты теперь доволен, Умслопогас?

— Я беру должное и благодарю короля, потому что он платить не обязан, а дает по своей доброй воле! — ответил мальчик.

Чака на мгновение замолчал, начиная сердиться, но вдруг громко расхохотался.

— Да, да, этот теленок похож на того, что был занесен много лет тому назад в крааль Сензангаконы! Каким был я, таков и этот малый. Продолжай, мальчик, идти по этой дороге и, может быть, в конце ее найдешь тех, кто будет встречать тебя королевским приветствием «Байете!». Но смотри! Не попадайся на моем пути — вместе нам будет тесно! А теперь ступай!

Мы ушли, но я заметил, как колдуны продолжали ворчать про себя. Они были недовольны и предвещали всякого рода несчастья.

Дело в том, что они завидовали мне и хотели поразить в самое сердце через того, кто назывался моим сыном.

VIII. Великое Ингомбоко

Некоторое время все было тихо, и так продолжалось до конца Празднества первых плодов.

Немало людей погибло за эти празднества, но тогда же происходило Великое Ингомбоко, или вынюхивание колдунов. Многих заподозрили в колдовстве против короля. В то время в Земле Зулу положение было таково, что все племя трепетало перед чародеями. Никто не мог спать спокойно, так как не был уверен, что на другое утро его не тронут жезлом *исангомас*, как назывались вынюхивавшие колдунов, и не приговорят к смерти.

Чака молчал и был доволен, пока *исангомас* выслеживали только тех, от кого он сам желал отделаться, но когда они стали преследовать свои собственные интересы и подвергли смерти его любимцев, король стал гневен. Обычай страны требовал немедленной смерти тех, на кого указывали колдуны. Той же участи подвергалась и вся семья этого человека. Сам король редко мог спасти даже тех, кого любил.

Однажды ночью я был призван к королю по случаю его нездоровья. В этот день происходило Ингомбоко, и пятеро храбрейших военачальников были заподозрены вместе со многими другими. Все они были умерщвлены, послали также убить их жен и детей. Чака, очень рассерженный этими убийствами, призвал меня к себе.

— Мбопа, сын Македамы, теперь в Земле Зулу правят колдуны, а не я! — обратился он ко мне. — Чем же это кончится? Чего доброго, они в конце концов меня самого заподозрят и убьют. Эти *исангомас* одолевают меня, они покрывают страну, как ночные тени. Научи меня, как отделаться от них.

— Тот, кто идет по мосту копий, о король, падает в бездну небытия! — ответил я мрачно. — Сами колдуны не могут удержаться на этом мосту. Разве у колдунов не такое же сердце, как у других людей? Разве кровь их нельзя пролить?

Чака как-то странно взглянул на меня.

— Ты, однако, очень храбрый человек, Мбопа, что осмеливаешься говорить такие слова мне, — сказал он. — Разве ты не знаешь, что тронуть *исангомас* — кощунство?

— Я говорю то, что сам король думает, — ответил я. — Слушай, о король! Правда, что тронуть настоящего *исангома* — кощунство, а что, если *исангома* этот — лжец? А что, если он обрекает на смерть напрасно и

лишает жизни неповинных людей? Разве кощунство подвергнуть его той участи, которой он подверг многих других? Скажи-ка, король!

— Это ты хорошо сказал, Мбопа, — ответил Чака. — А теперь скажи мне, сын Македамы, как можно было бы доказать это?

Тогда я нагнулся и шепотом сказал королю несколько слов на ухо. Чака уныло склонил голову. Я сказал так, отец мой, потому что сам видел зло, причиняемое исангомас. Я ведь знал все их тайны, а потому боялся за собственную жизнь и жизнь дорогих и близких моему сердцу людей. Все колдуны и исангомас ненавидели меня как человека, знакомого с их колдовством, как человека с проницательным взором и тонким слухом.

Однажды утром, спустя некоторое время после вышеприведенного разговора с королем, в краале случилось нечто небывалое.

Сам король выскочил утром из своей хижины, громко созывая народ, чтобы посмотреть на зло, причиненное ему неизвестным колдуном.

Все немедленно сбежались, и вот что представилось глазам нашим. На пороге ворот, ведущих в Ум-Длункулу, жилище короля, видны были большие кровавые пятна.

Храбрейшие из воинов почувствовали, что колени их подкосились, женщины громко плакали, как плачут над покойниками. Они плакали, потому что знали весь ужас такого предзнаменования.

— Кто это сделал? — кричал Чака громовым голосом. — Кто осмелился околдовать короля и пролить кровь на пороге его дома?

Все молчали. Чака снова заговорил:

— Такое преступление не может быть омыто кровью двух или трех и забыто! Человек, совершивший его, отправится не один, а со многими другими, в царство духов. Все его племя умрет с ним, не исключая младенцев в его хижине и скота в его краале! Идите, гонцы, на восток, на запад, на север, на юг, созовите именитых колдунов. Пусть они позовут начальников каждого полка и вождей каждого племени! На десятый день соберется круг Ингомбоко, тогда будет такое вынюхивание колдунов и ведьм, какого доселе еще не бывало в Земле Зулу!

Гонцы тотчас же отправились исполнять приказание короля, запомнив со слов колдунов имена тех, кто должен был явиться.

И вот ежедневно к воротам королевского краала стали стекаться люди и, ползком приближаясь к королю, восхвалять его громким голосом. Но король никого не удостоил своим вниманием. Только одного из военачальников он приказал немедленно умертвить, заметив в его руке трость из ум-цнака, алого дерева вождей, которую Чака когда-то сам подарил ему.

В ночь перед собранием Ингомбоко колдуны и колдуньи вступили в крааль. Их было сто человек одних и пятьдесят других. Человеческие кости, рыбы и воловь пузыри, змеиные кожи, надетые на них, придавали им отвратительный и странный вид. Они шли молча, пока не достигли королевского жилища Ум-Длункулу. Тут они остановились и хором запели песню, которую всегда поют перед началом Ингомбоко. Окончив ее, они молча отошли на место, указанное им, где провели ночь в непрерывном бормотании и чародействе.

Призванные издалека дрожали от страха, прислушиваясь к их словам. Они знали, что многих из них отметит обезьяний хвост раньше чем солнце успеет сесть еще раз.

И я тоже дрожал, сердце мое было полно страха. Ах, отец мой, тяжело было жить на свете во времена короля Чаки. Все принадлежали королю, а кого щадила война, те были всегда во власти колдунов.

На рассвете глашатаи начали созывать весь народ на королевское Ингомбоко. Люди приходили сотнями. В руках они держали только короткие палки — иметь при себе какое бы то ни было оружие было запрещено под страхом смерти. Они усаживались в большой круг перед воротами королевского жилища. О! Вид их был грустный, и мало кто думал о пище, они сами представляли собой пищу смерти.

Кругом толпились воины, все отборные люди, рослые и свирепые, вооруженные одними керри, — то были палачи.

Когда все было готово, король вышел из своей хижины, одетый в плащ из звериных шкур. За ним следовали индуны и я.

Чака был на голову выше всех присутствующих. При его появлении вся бесчисленная толпа бросилась на землю, и уста каждого пронзительно и отрывисто прокричали королевское приветствие — «Байете!».

Чака, казалось, не обратил на них ни малейшего внимания, чело его было затуманено, как горная вершина, задернутая облаками.

На некоторое время воцарилось гробовое молчание. Затем из отдаленных ворот вышла толпа девушек, одетых в блестящие одежды, с зелеными ветвями в руках. Подойдя ближе, девушки стали хлопать в ладоши и затянули нежными голосами какой-то напев, а затем столпились в кучу позади нас.

Чака поднял руку, и тотчас раздался топот бегущих ног. Из-за королевской хижины показалась целая группа исангомас: мужчины — по правую сторону, женщины — по левую. Каждый из них держал в левой руке хвост дикого зверя, в правой — пучок стрел и маленький щит.

Они имели отвратительный вид, а кости, украшавшие их одежды,

гремели при каждом движении, пузыри и змеиные кожи развевались за ними по ветру, лица, натертые жиром, блестели, глаза были вытаращены, точно у рыб, а губы судорожно подергивались, пока они яростным оком осматривали сидящих в кругу. Ха! Ха! Ха! Они не подозревали, эти дети зла, кто из них еще раньше заката солнечного будет палачом и кто жертвой.

Но вот они стали приближаться в глубоком молчании, нарушаемом лишь топотом их ног да сухим бренчанием костяных ожерелий, пока не выстроились в один ряд перед королем.

Так они стояли некоторое время; вдруг каждый из них протянул руку, державшую маленький щит, и все в один голос закричали:

— Здравствуй, отец наш!

— Здравствуйте, дети мои! — ответил Чака.

— Что ты ищешь, отец? — спросили они. — Крови?

— Крови виновного! — ответил Чака.

Они повернулись и заговорили шепотом между собой: женщины переговаривались с мужчинами.

— Лев Зулусов жаждет крови!

— Он насытится! — закричали женщины.

— Лев Зулусов чувствует кровь!

— Он увидит ее! — закричали опять женщины.

— Взор его выслеживает колдунов!

— Он сосчитает их трупы!

— Замолчите! — крикнул Чака. — Не теряйте времени в напрасной болтовне, приступайте к делу. Слушайте!

Чародеи околдовали меня!

Чародеи осмелились пролить кровь на пороге королевского дома. Ройтесь в недра земли и найдите виновных, вы, крысы! Облетите воздушные пространства и найдите их, вы, коршуны! Обнюхивайте ворота жилищ и назовите их, вы, шакалы, ночные охотники! Тащите их из пещер, где они запрятаны, верните их из далеких стран, если они убежали, вызовите их из могил, если они умерли. К делу! К делу! Укажите мне их, и я щедро награжу вас, и, хотя бы они были целым народом, уничтожьте их. Теперь начинайте! Начинайте партиями в десять человек. Вас много — все должно быть кончено до заката солнца!

— Все будет исполнено, отец! — отвечали хором колдуны.

Тогда десять женщин выступили вперед. Во главе их находилась самая известная колдунья того времени, престарелая женщина по имени Нобела. Для этой женщины темноты ночи не существовало, она обладала чутьем собаки, ночью слышала голоса мертвых и правдиво передавала все

слышанное.

Остальные исангомас обоего пола сели полукругом перед королем. Нобела выступила вперед, а за нею вышли девять ее подруг. Они поворачивались то к востоку, то к западу, к северу и югу, зорко вглядываясь в небеса. Они поворачивались к востоку и западу, к северу и югу, стараясь проникнуть в сердца людей. Потом, как кошки, поползли по всему кругу, обнюхивая землю. Все это происходило в глубоком молчании. Каждый из сидящих в кругу прислушивался к биению своего сердца. Одни коршуны пронзительно кричали на деревьях.

Наконец Нобела заговорила:

— Вы чувствуете его, сестры?

— Чувствуем! — ответили они.

— Он находится на востоке, сестры?

— Да, на востоке! — отвечали они.

— Не он ли сын чужеземца, сестры?

— Да, он сын чужеземца!

Колдуньи подползали все ближе, ползли на руках и коленях, пока не собрались на расстоянии десяти шагов от того места, где я сидел среди индун около короля. Индуны переглянулись и позеленели от страха, а у меня, отец мой, затряслись колени, мозг костей превратился в воду. Я знал отлично, кого они называли сыном чужеземца. Это был не кто иной, как я, отец мой. Меня-то они и собирались выследить. Если же меня заподозрят в чародействе, то убьют со всем моим семейством, потому что даже клятва короля едва ли спасет меня от приговора колдуний.

Я взглянул на свирепые лица исангомас передо мной, смотрел, как они ползут, точно змеи, оглянулся и увидел палачей, уже схватившихся за свое оружие, готовясь приступить к исполнению своих обязанностей, и, как я уже сказал, я переживал чувства человека, для которого чаша горечи переполнена.

Но в эту минуту я вспомнил, о чем мы шептались с королем, из-за чего создано это Ингомбоко, и надежда вернулась ко мне, подобно первому лучу рассвета после бурной ночи. Все же я не смел особенно надеяться, легко могло случиться, что король лишь подставил мне ловушку, чтобы вернее поймать меня.

Теперь уже колдуньи доползли и остановились прямо передо мной.

— Оправдывается ли наш сон? — спросила престарелая Нобела.

— Виденное во сне сбывается наяву! — отвечали колдуньи.

— Не шепнуть ли вам его имя, сестры?

Женщины, как змеи, подняли головы, преклоненные к земле, причем

костяные ожерелья звякнули на их худощавых шеях. Затем они соединили головы в круг, а Нобела просунула свою среди них, произнося одно слово.

— Ага! Ага! — засмеялись они. — Мы слышим тебя. Ты верно назвала его. Пускай это имя будет произнесено перед лицом Неба, как его имя, так и всего его дома, пусть он не услышит другого имени вовек!

Все вдруг вскочили на ноги и бросились ко мне со старухой Нобелой во главе.

Они прыгали вокруг, указывая на меня звериным хвостом, а старуха Нобела ударила меня этим хвостом по лицу и громко закричала:

— Привет тебе, Мбопа, сын Македамы! Ты тот самый человек, который пролил кровь на пороге королевского дома с целью околдовать короля. Да погибнет весь твой род!

Я видел, как она подошла ко мне, чувствовал удар по лицу, но ощущал все это, как во сне. Я слышал шаги палачей, когда они ринулись вперед, чтобы схватить меня и предать ужасной смерти, язык прилип к моей гортани, и я не мог произнести ни слова.

Я взглянул на короля и в эту минуту разобрал слова, сказанные им вполголоса: «Близко к цели, а все же мимо!»

Он поднял свое копьё, и все смолкло. Палачи остановились, колдуньи замерли с простертыми руками, вся толпа застыла, точно окаменелая.

— Стойте! — крикнул король. — Отойди в сторону, сын Македамы, названный злодеем! И ты, Нобела, отойди в сторону вместе с теми, кто назвал его злодеем. Что? Неужели вы думали, что я удовлетворюсь смертью одной собаки? Продолжайте вынюхивать вы, коршуны, вынюхивайте партиями по очереди! Днем работа, ночью пир!

Я встал, крайне удивленный, и отошел в сторону. Колдуньи тоже отошли совершенно озадаченные. Никогда еще не бывало такого вынюхивания. До сих пор та минута, когда человек был тронут хвостом исангомас, считалась минутой его смерти. Отчего же, спрашивал каждый из присутствующих, на этот раз смерть отложена? Колдуньи тоже недоумевали и вопросительно смотрели на короля, как смотря! на грозную тучу, ожидая молнии. Король молчал.

Итак, мы стояли в стороне, пока следующая партия исангомас начала свой обряд. Они делали то же, что и предыдущая партия, и все же была разница; по обычаю исангомас, всякая партия вынюхивает по-своему. Эта партия ударила по лицу некоторых королевских советников, обвиняя их в колдовстве.

— Станьте и вы в стороне, — сказал король тем, на которых указали исангомас, — а вы, указавшие на их преступность, станьте рядом с теми,

кто назвал Мбопу, сына Македамы. Быть может, все вы тоже виновны!

Приказание короля было исполнено, и третья партия начала свое дело. Эта партия указала на некоторых из военачальников и, в свою очередь, получила приказание стать в сторону. Так продолжалось целый день. Партия за партией приговаривала своих жертв. Наконец колдуньи кончили и по приказанию короля отошли, составив одну группу со своими жертвами.

Тогда исангомас мужского пола начали проделывать то же самое; но я заметил, что они чего-то смутно боялись, как бы предчувствуя западню. Тем не менее приказание короля должно было быть исполнено, и хотя колдовство не могло помочь им, но жертвы должны были быть указаны. Нечего делать — они вынюхивали то того, то другого, пока не набралось большое количество осужденных. Мы сидели молча на земле, глядя друг на друга грустными глазами, в последний раз, как нам казалось, любуясь закатом солнца. По мере наступления сумерек те, кого колдуны не тронули, приходили все в большее исступление. Они прыгали, скрежетали зубами, катались по земле, ловили змей, пожирали их живыми, обращались к духам, выкрикивали имена древних королей. Наступил вечер, и последняя партия колдунов сделала свое дело, указав на несколько стражей Эм-Тандени — дома королевских женщин.

Только один из колдунов этой последней партии, молодой человек высокого роста, не принимал участия в выслеживании. Он стоял один, посреди большого круга, устремив глаза к небу. Когда эта последняя партия получила приказание стать в стороне вместе с теми, кого они наметили своими жертвами, король громко окрикнул молодого человека, спрашивая его имя, какого он племени и почему не принимал участия в выслеживании.

— Зовут меня Индабазимби, сыном Арпи, о король, — ответил он. — Я принадлежу к племени маквиллизани. Прикажешь, о король, выследить того, кого назвали мне духи как виновника этого деяния?

— Приказываю тебе! — сказал король.

Тогда молодой человек по имени Индабазимби выступил из круга и, не делая никаких движений, не произнося ни одного заклинания, а уверенно, как человек, знающий, что он делает, подошел к королю и ударил его хвостом по лицу, сказав:

— О король, я вижу Небо! Оно, и только оно, сделало это.

Крик изумления пробежал по толпе. Все ожидали немедленной смерти безумца, но Чака встал и громко рассмеялся.

— Ты сказал правду! — воскликнул он. — И ты один! Слушайте, вы все! Я сделал это! Я сам пролил кровь на пороге моего дома! Я сделал это

моими собственными руками, чтобы узнать, кто обладает настоящим знанием и кто из вас обманывает меня. Теперь оказывается, что во всей Земле Зулу один настоящий колдун — вот этот юноша, а что касается обманщиков — взгляните на них, сочтите их! Они бесчисленны, как листья на деревьях. Смотрите! Вот они стоят рядом с теми, кого они осудили на смерть, — невинными жертвами, осужденными ими вместе с женами и детьми на собачью смерть! Теперь я спрашиваю вас всех, весь народ, какого они достойны возмездия?

Громкие крики раздались в толпе:

— Пусть они умрут, о король!

— Ага! — ответил он. — Пусть они умрут смертью, достойной лгунов и обманщиков!

Исангомас, как женщины, так и мужчины, стали громко кричать от страха, они молили о пощаде, царапали себя ногтями — очевидно, никто из них не желал вкусить собственного смертельного лекарства. Король же громко смеялся, слушая их крики.

— Слушайте, вы! — сказал он, указывая на толпу, где среди прочих осужденных стоял я. — Вас обрекли на смерть эти лживые пророки. Теперь настал ваш черед. Убейте их, дети мои! Убейте их всех, сотрите их с лица земли! Всех! Всех! За исключением того юноши!

Тогда мы повскакали с земли, с сердцами, исполненными ярости и злобы, со страшным желанием отомстить за пережитый нами ужас.

Осужденные карали своих судей.

Громкие крики и хохот раздались в кругу Ингомбоко — люди радовались своему избавлению от ига колдунов. Наконец все кончилось!

Мы отошли от груды мертвых тел — там наступила тишина, замолкли крики, мольбы, проклятья.

Лживые колдуны подверглись той самой участи, на которую обрекали столько невинных людей.

Король подошел посмотреть поближе на их трупы. Те, кто исполнял его приказание, склонились перед ним и отползли в сторону, громко прославляя короля. Я один стоял перед ним. Я не боялся стоять в присутствии короля Чаки, подошел ближе и смотрел на груды мертвых тел и на облако пыли, еще не успевшее опуститься на землю.

— Вот они лежат здесь, Мбопа! Лежат те, кто осмелился обманывать короля! Ты мудро посоветовал мне, Мбопа, и научил меня расставить им ловушку, но, однако, мне показалось, что ты вздрогнул, когда Нобела, царица ведьм, указала на тебя. Ну ладно! Они убиты — теперь страна вздохнет свободней, а зло, причиненное ими, сгладится подобно этому

облаку пыли, которое скоро опустится на землю, чтобы слиться с нею!

Так говорил король Чака и вдруг замолк. Что это? Как будто что-то шевелится за этим облаком пыли? Какая-то фигура медленно прокладывает себе дорогу среди груды мертвых тел.

Медленно передвигалась она, с трудом отстраняя мертвые тела, пока наконец не встала на ноги и, шатаясь, направилась к нам. Что это было за ужасное зрелище!

Передо мной стояла старая женщина, вся покрытая кровью и грязью. Я узнал ее — это была Нобела, осудившая меня на смерть, та самая Нобела, только что убитая мною и восставшая из мертвых проклясть меня.

Фигура подвигалась все ближе, одежда висела на ней кровавыми лохмотьями, сотни ран покрывали ее тело и лицо. Я видел, что она умирает, но жизнь еще не покинула ее, и огонь ярости и ненависти горел в ее змеиных глазах.

— Да здравствует король! — воскликнула она.

— Молчи, лгунья! — ответил Чака. — Ты мертвая!

— Нет... еще, король! Я услышала твой голос и голос этого пса, которого охотно отдала бы на съедение шакалам, и не хочу умереть, не сказав тебе несколько слов на прощанье. Я выследила его сегодня утром, пока еще была жива, теперь, когда я почти мертвая, я снова слежу за ним. О король, он обманывает тебя, верь мне, Чака, он и Нанди, мать твою, и Балека, твою жену. Вспомни меня, король, когда смертельное оружие в последний раз блеснет перед твоими глазами. А теперь прощай!

Старуха испустила дикий крик и повалилась мертвая на землю.

— Колдуны упорно лгут и нехотят умирать! — небрежным голосом произнес Чака, отвернувшись от трупа. Но слова умирающей старухи запали в его душу, особенно то, что было сказано про Нанди и Балеку.

Они запали в сердце Чаки, подобно зернам, падающим в землю, выросли и со временем принесли плоды.

Так кончилось Великое Ингомбоко короля Чаки — величайшее Ингомбоко, когда-либо происходившее в Земле Зулу.

IX. Гибель Умслопогаса

После Великого Ингомбоко Чака приказал учредить постоянный надзор за своей матерью Нанди и женой Балекой, сестрой моей. Ему было доложено, что обе женщины тайком приходили в мою хижину, нянчили и целовали мальчика — одного из моих детей. Чака вспомнил предзнаменование колдуньи Нобелы, и в сердце его закралось подозрение.

Меня он не допрашивал и не считал способным на заговор. Тем не менее, вот что он предпринял — не сумею сказать, отец мой, нарочно или без умысла.

Чака послал меня с поручением к племени, живущему на берегу реки Понголы. Я должен был сосчитать скот, принадлежащий королю и порученный попечению этого народа, и дать королю отчет о приплоде.

Я низко склонился перед королем, сказав, что бегу, как собака, исполнять его приказание, и он дал мне с собой стражу. Затем я отправился домой проститься с моими женами и детьми. Дома я узнал, что жена моя Ананди, мать Мусы, тяжело занемогла. Странные вещи приходили ей в голову, она бредила ими вслух. Ее, несомненно, околдовал один из врагов моего дома. Однако остаться я не мог, а должен был идти исполнить поручение короля, о чем и сообщил жене моей, Макрофе, матери Нады и, как все думали, юноши Умслопогаса. Но когда я заговорил с Макрофой о своем уходе, она залилась горькими слезами и прижалась ко мне.

На мой вопрос, отчего она так плачет, Макрофа ответила, что на душе ее уже лежит тень несчастья, она уверена, что если я оставлю ее в краале короля, то по возвращении не найду больше в живых ни ее, ни Нады, ни Умслопогаса, любимого мною как сына.

Я старался успокоить жену, но чем больше я уговаривал, тем сильнее она рыдала, повторяя, что она совершенно уверена в том, что предчувствие ее не обманывает.

Тронутый ее слезами, я спросил ее совета, как нам быть; ее страх невольно сообщался и мне, подобно тому как тени ползут с долины на гору.

Она ответила так:

— Возьми меня с собой, дорогой супруг мой, дай мне уйти из этой проклятой страны, где само небо ниспосылает кровавый дождь, и позволь мне жить на моей родной стороне, пока не пройдет время страшного короля Чаки!

— Но как могу я это сделать? — спросил я жену. — Никто не смеет

покинуть королевский крааль без разрешения на то самого короля!

— Муж может прогнать свою жену! — возразила Макрофа. — Король не вмешивается в отношения мужа и жены. Скажи мне, милый муж, что ты больше не любишь меня, что я не приношу детей и поэтому ты отсылаешь меня на родину. Со временем мы опять соединимся, если только будем еще живы!

— Хорошо, пусть будет по-твоему: уходи из крааля сегодня ночью вместе с Надой и Умслопогасом, а завтра утром встретишься со мной на берегу реки, и мы вместе продолжим путь. А там будь что будет, да сохраняют нас духи отцов наших!

Мы обнялись, и Макрофа тайком вышла из крааля вместе с детьми. На рассвете я собрал людей, назначенных королем для сопровождения меня, и мы отправились в путь. Солнце было уже высоко, когда мы подошли к берегу реки. Макрофа ждала меня с детьми, как было условлено. Они встали при нашем приближении, но я успел взглянуть на жену, грозно нахмутив брови, что удержало ее от приветствия. Сопровождавшие меня воины с недоумением смотрели на нас.

— Я развелся с этой женщиной, — объяснил я им, — она увядшее дерево, негодная, старая ведьма; я взял ее с собой, чтобы отослать в Землю Свази, откуда она взята. Перестань реветь! — обратился я к Макрофе. — Мое решение неизменно!

— А что говорит на это король? — спросили люди.

— Я сам буду отвечать перед королем! — сказал я, и мы пошли дальше.

Теперь я должен рассказать, как мы лишились Умслопогаса, сына короля Чаки. В ту пору он был уже вполне взрослым юношей, крутого нрава, высокий и безумно храбрый для своих лет.

Итак, мы путешествовали семь дней. Путь лежал дальний. К ночи седьмого дня мы достигли горной местности. Здесь попадалось мало краалей, Чака разграбил их уже много лет тому назад. Тебе, может быть, знакома эта местность, отец мой? Там находится большая и необыкновенная гора, на которой водятся привидения, и зовут ее поэтому горой Призраков. Серая вершина ее заострена и своими очертаниями напоминает голову старухи. В этой дикой местности нам пришлось переночевать: быстро надвигалась темнота. Вскоре мы убедились, что в скалах вокруг нас много львов. Мы слышали их рев, и нам было очень страшно — всем, кроме Умслопогаса. Этот ничего не боялся. Мы окружили себя изгородью из веток терновника и приютились за нею, держа оружие наготове.

Скоро выглянула луна. Она была полная и светила так ярко, что мы видели все, что происходило далеко вокруг нас. На расстоянии шести полетов копья от того места, где мы сидели, была скала, а на вершине ее пещера. В этой пещере жили два льва с детенышами. Когда луна поднялась выше на небе, мы увидели, что львы вышли из логовища и остановились на краю скалы. Около них, точно котята, играли два львенка. Если бы не опасность нашего положения, можно было бы залюбоваться этой картиной.

— О Умслопогас, — сказала Нада, — я бы хотела иметь одного из этих зверьков вместо собаки!

Юноша рассмеялся и ответил:

— Если хочешь, я достану тебе одного из них, сестрица!

— Оставь, парень! — сказал я. — Человек не может взять львенка из логовища, не поплатившись за это жизнью!

— Однако это возможно! — ответил он, и разговор прекратился.

Когда молодые львы наигрались, мы увидели, что львица захватила их в пасть и отнесла в пещеру. Через минуту она снова вышла и вместе с самцом отправилась за добычей. Вскоре мы услышали их рев в некотором отдалении. Тогда мы сложили большой костер и спокойно легли спать внутри изгороди, теперь мы знали, что львы заняты охотой и ушли от нас далеко. Один Умслопогас не спал. Оказалось, что он решил исполнить желание Нады — достать маленького льва.

Когда все заснули, Умслопогас, как змея, выполз из-за терновой изгороди и с асsegаем направился ползком к подножию скалы, где находилось логовище льва. Затем он вскарабкался на скалу и, подойдя к пещере, стал ощупью пробираться в нее. Львята, услышав шум, подумали, что мать вернулась с пищей, и стали визжать и мурлыкать. Наконец Умслопогас дополз до того места, где лежали зверята, протянул руку и схватил одного из них. Другого он убил, потому что не мог бы унести обоих. Юноша очень торопился, сознавая, что должен успеть уйти до возвращения больших львов, и вернулся к изгороди, где мы лежали.

Начинало светать.

Я проснулся, поднялся с земли, оглянулся кругом. И что же? За колючей изгородью стоял Умслопогас и громко смеялся. В зубах он держал асsegай, с которого еще капала кровь, а в руках его барахтался молодой львенок. Он ухватил его одной рукой за шерсть на загривке, а другой — за задние лапы.

— Просыпайся, сестрица! — закричал он. — Вот собака, которую ты пожелала иметь. Теперь она кусается, но скоро будет ручной!

Нада проснулась и при виде львенка страшно обрадовалась, я же замер

от ужаса.

— Безумец! — крикнул я наконец. — Выпусти львенка, пока львы не пришли растерзать нас!

— Я не хочу выпускать его, отец, — угрюмо ответил он. — Нас здесь пятеро, вооруженных копьями, неужели же мы не справимся с двумя кошками? Я не побоялся один идти в их логовище, а ты боишься встретиться с ними на открытом месте!

— Ты с ума сошел! — ответил я. — Брось его сейчас же!

С этими словами я кинулся к Умслопогасу, чтобы отнять у него львенка. Он быстро схватил его за голову, свернул ему шею и бросил на землю со словами:

— Ну вот, смотри, теперь я исполнил твое приказание, отец!

Не успел он выговорить этих слов, как мы услышали громкий рев, очевидно исходивший из логовища на скале.

— Скорее за ограду, назад! — закричал я, и мы оба перескочили через колючую изгородь, где наши спутники уже схватились за копья, дрожа от страха и утреннего холода. Взглянув наверх, мы увидели, что львы спускались со скалы по следам того, кто похитил их детей. Впереди шел лев со страшным ревом, за ним следовала львица; она не могла реветь, потому что держала во рту львенка, убитого Умслопогасом в пещере. Разъяренные, они приближались к нам, с оцетинившимися гривами, бешено размахивая хвостами.

Вот львы подошли уже совсем близко и прямо наткнулись на тело второго детеныша, лежавшего вне колючей изгороди. Львы остановились, обнюхали его и заревели так, что, казалось, земля затряслась. Львица выпустила изо рта детеныша и схватила другого.

— Встань за мной! — крикнул Умслопогас, поднимая копье. — Лев собирается прыгнуть!

Не успел он произнести этих слов, как огромный зверь присел на земле, затем вдруг взвился в воздух и, как птица, пролетел пространство, разделявшее нас.

— Ловите его на копья! — крикнул Умслопогас, и мы поневоле исполнили приказание юноши.

Столпившись в одном месте, мы выставили наши копья таким образом, что лев, подпрыгнув, упал прямо на них, причем они глубоко вонзились в его тело. Тяжесть его падения сбила нас с ног, лев катался по земле, рыча от ярости и боли. Наконец он встал на ноги, хватаясь зубами за копья, вонзившиеся в его грудь. Тогда Умслопогас, стоявший в стороне во время падения льва и, очевидно, державший свой план в голове, испустил

дикий крик и вонзил ассегай в плечо разъяренного зверя.

Лев протяжно застонал и свалился замертво. Тем временем львица стояла вне загородки; держа во рту второго убитого детеныша, она не могла решиться покинуть ни одного из них, но когда она услышала последний стон самца, она выронила изо рта львенка и как-то сжалась, приготовившись прыгнуть.

Умслопогас стоял один прямо перед ней, он только что успел вытащить свой ассегай из тела убитого льва.

Разъяренная львица в один миг очутилась около юноши, стоявшего неподвижно, точно каменное изваяние. Потом тело ее встретило конец копья, которое он держал вытянутым перед собой, оно вонзилось в ее тело, переломилось, и Умслопогас упал замертво, придавленный тяжестью львицы. Она тотчас же вскочила, причем сломанное копье все еще торчало в ее груди, обнюхала юношу и, как бы узнав в нем похитителя своих детей, схватила его за пояс и перепрыгнула со своей ношей через изгородь.

— О, спасите его! — закричала Нада отчаянным голосом. Мы все кинулись с громким криком в погоню за львицей.

На минуту она остановилась над телами своих мертвых детенышей. Тело Умслопогаса висело у нее в пасти, она смотрела на своих детенышей как бы в некотором недоумении. В нас блеснула надежда, что она бросит Умслопогаса, но, услышав наши крики, львица повернула и исчезла в кустах, унося его с собой.

Мы схватили копья и кинулись за нею; однако почва вскоре стала каменистая, и мы не могли найти следов Умслопогаса и львицы. Они исчезли бесследно, как исчезает облако. Мы вернулись. О, как тяжело сжималось мое сердце! Я любил мальчика так же нежно, как если бы он был моим родным сыном. Я чувствовал, что он погиб, что ему пришел конец.

— Где мой брат? — воскликнула Нада, когда мы пришли без него.

— Он погиб, — ответил я, — погиб навеки!

Девушка бросилась на землю с громкими рыданиями.

— О, как бы я хотела погибнуть вместе с ним! — воскликнула она.

— Идем дальше! — сказала Макрофа, жена моя.

— Неужели ты не оплакиваешь своего сына? — спросил ее один из наших спутников.

— К чему плакать над мертвыми? Разве слезы могут вернуть их к жизни? — ответила Макрофа. — Пойдемте!

Эти слова, очевидно, показались странными нашему спутнику, но он ведь не знал, отец мой, что Умслопогас не был ее родным сыном.

Однако мы остались еще на день в этом месте в надежде, что львица вернется к своему логовищу и нам удастся, по крайней мере, убить ее. Но она больше не возвращалась. Прождав напрасно целый день, мы на другое утро свернули наши покрывала и с тяжелым сердцем продолжали путь.

В душе я недоумевал, к чему судьба допустила меня спасти жизнь этого мальчика из когтей Льва Зулусов, чтобы отдать его на растерзание горной львице.

Тем временем мы продолжали двигаться вперед, пока не дошли до крааля, где я должен был исполнить приказание короля и где нам с женой предстояло расстаться.

На следующее утро после прихода в крааль, нежно поцеловавшись украдкой, хотя на людях мы враждебно глядели друг на друга, мы расстались, как расстаются те, кому не суждено уже более встречаться на земле. У нас обоих на душе была одна и та же мысль, что мы никогда больше не увидимся, как оно и оказалось на самом деле.

Я отвел Наду в сторону и сказал ей так:

— Мы расстаемся, дочь моя, и не знаю, свидимся ли когда-нибудь. Времена тяжелые, и ради безопасности твоей и матери я лишаю себя радости видеть вас. Нада, ты скоро станешь женщиной и будешь прекраснее всех женщин нашего племени. Может случиться, что многие знатные люди посватаются к тебе. Легко может быть, что меня, твоего отца, не будет с тобой и я не буду иметь возможности выбрать тебе мужа по обычаю нашей страны. Но я завещаю тебе, насколько это будет возможно, выбери человека, которого ты можешь любить, в этом единственный залог счастья женщины!

Я должен был замолчать. Нада взяла меня за руку и, глядя на меня своими чудными глазами, сказала:

— Замолчи, отец, не говори со мной о замужестве, я не буду ничьей женой после того, как Умслопогас погиб из-за моего легкомыслия. Я проживу и умру одна. О, как бы я желала скорее дождаться этой минуты и соединиться с любимым человеком!

— Послушай, Нада, — сказал я, — Умслопогас был тебе братом, и тебе не подобает так говорить о нем даже теперь, когда его нет в живых!

— Это меня не касается, отец, — ответила Нада, — я говорю то, что сердце подсказывает мне, а оно говорит мне, что я любила Умслопогаса живого и, несмотря на то что он умер, я буду любить его до самой смерти. Вы все считаете меня ребенком, но сердце мое горячо и не обманывает меня!

Я не стал больше уговаривать девушку, потому что знал, что

Умслопогас не приходился ей братом и она вполне могла быть его женой. Я мог только удивляться, как ясно говорил в ней голос крови, подсказывая ей естественное чувство.

— Утешься, Нада, — успокаивал я ее, — то, что нам дорого на земле, станет нам еще дороже в небесах. Я твердо верю, что человек не создан для того, чтобы бесследно исчезнуть на земле, но возвращается снова к Ункулункулу. Теперь прощай!

Мы поцеловались и расстались.

Мне было очень грустно — только что мы потеряли Умслопогаса, известного впоследствии под прозвищами Убийцы и Дятла. Еще тяжелее мне казалась разлука с женой и дочерью.

Х . Пытка Мбопы

Четыре дня пробыл я в хижинах того племени, к которому был послан исполнить королевскую волю. На пятое утро я собрал всех сопровождавших меня, и мы снова направили стопы свои к краалю короля. Пройдя некоторое расстояние, мы встретили отряд воинов, приказавших нам остановиться.

— Что надо вам, королевские слуги? — смело спросил я их.

— Слушай, сын Македамы! — ответил их начальник. — Ты должен передать нам жену твою Макрофу и твоих детей, Умслопогаса и Наду. Таков приказ короля!

— Умслопогас, — отвечал я, — ушел за пределы королевской власти, ибо его нет в живых, жена же моя Макрофа и дочь Нада находятся у племени свази, и королю придется послать армию отыскивать их! С ненавистной мне Макрофой пусть король делает, что хочет, я развелся с ней. Что же касается девушки, конечно, невелика важность, коли она умрет, — девушек ведь много, — но я буду просить о ее помиловании!

Все это я говорил беззаботно, ибо хорошо знал, что жена моя с ребенком вне власти Чаки.

— Проси, проси милости! — сказал воин, смеясь. — Все остальные, рожденные тобой, умерли по приказанию короля!

— Неужели? — спокойно ответил я, хотя колени мои дрожали и язык прилип к гортани. — На то королевская воля! Подрезанная ветвь дает новые ростки, у меня будут другие дети!

— Так, Мбопа, но раньше найди жен, ибо твои умерли!

— В самом деле? — отвечал я. — Что же, и тут королевская воля. Мне самому надоели эти крикуньи!

— Слушай дальше, Мбопа, — продолжал воин, — чтобы иметь новых жен, надо жить, от мертвых не рождается потомство, а мне сдается, что Чака уже точит тот ассегай, который снесет тебе голову!

— Пусть так, — ответил я, — король лучше знает. Высоко солнце над моей головой, и долог путь. Убаюканные ассегаем крепко спят!

Так говорил я, отец мой, и правда, тогда мне хотелось умереть. Мир после всех этих утрат был пуст для меня.

После допроса моих спутников о правдивости моих показаний двинулись в путь, и дорогой я постепенно узнал все, что произошло в королевском краале.

Через день после моего ухода лазутчики донесли Чаке, что вторая жена моя Ананди занемогла и в беспмятстве повторяет загадочные слова. Когда зашло солнце, Чака взял с собой троих воинов и пошел с ними в мой крааль. Он оставил воинов у ворот, приказав им не пропускать никого ни туда, ни обратно, а сам вошел в хижину, где лежала больная Ананди, вооруженный своим маленьким ассегаем с рукояткой из алого дерева вождей.

Случилось так, что в хижине находились Нанди, мать Чаки, и Балека, сестра моя, его жена, пришедшие приласкать Умслопогаса. Но, войдя в хижину, они нашли ее полной других моих жен и детей. Тогда они отослали всех, кроме Мусы, сына больной Ананди, того самого мальчика, который родился восемью днями раньше Умслопогаса, сына Чаки. Задержав Мусу в хижине, они стали ласкать его, так как боялись, что иначе равнодушие их ко всякому другому ребенку, кроме Умслопогаса, возбудит подозрение остальных жен.

Когда они так сидели, в дверях вдруг мелькнула чья-то тень, и сам король подкрался к ним. Он увидел, как они нянчились с ребенком Мусой, а когда они узнали короля, то бросились к его ногам, славя его. Но он угрюмо улыбнулся и велел им сесть. Потом обратился к ним со словами:

— Вас поражает, Нанди, мать моя, Балека, моя жена, почему я пришел сюда, в хижину Мбопы, сына Македамы? Хотите, скажу вам: его я отослал по делу, а мне сказали, что его жена Ананди занемогла. Не она ли там лежит? Как первый врач в стране, я пришел излечить ее, знайте это, Нанди, мать моя, Балека, жена моя!

Так говорил он, оглядывая их и понюхивая табак с лезвия своего маленького ассегая; но они дрожали от страха, так как знали, что когда Чака говорит кротко, значит, он замышляет смерть. Нанди, Мать Небес, ответила ему, что они рады его приходу, ибо его лекарство наверное успокоит больную.

— Конечно, — сказал он, — меня забавляет, мать моя и сестра, видеть, как вы ласкаете вот этого ребенка. Будь он вашей крови, вы не могли бы его любить больше!

Опять они задрожали и молились в душе, чтобы только что заснувшая Ананди не проснулась и не стала бормотать в бреду безумных слов. Молитва их была услышана не небом, а землей, так как Ананди проснулась, услышала голос короля, и ее больное воображение остановилось на том, кого она принимала за королевского сына.

— Ага, вот он! — сказала она, приподнимаясь и указывая на собственного сына Мусу, испуганно прижавшегося в углу хижины. —

Поцелуй его, Мать Небес, приласкай. Как звать его, щенка, накликавшего беду на наш дом? Он сын Мбопы от Макрофы!

Она дико захохотала и опрокинулась на свою постель из звериных шкур.

— Сын Мбопы от Макрофы? — проговорил король. — Женщина, чей это сын?

— Не спрашивай ее, король! — закричали обезумевшие от страха мать и жена Чаки, бросаясь ему в ноги. — Не слушай ее, король! Больную преследуют дикие мысли, не годится тебе слушать ее безумные речи. Должно быть, околдовали ее, ей снятся сны!

— Молчать! — крикнул король. — Я хочу слушать ее бред. Может, луч правды осветит мрак, я хочу знать правду. Женщина, кто отрок сей?

— Кто он? Безумный, ты еще спрашиваешь? Тише, наклони ухо ко мне, говори шепотом, не подслушал бы тростник этих стен, не донес бы королю. Так слушай же: этот отрок — сын Чаки и Балеки, сестры Мбопы, ребенок, подмененный Матерью Небес, Нанди, подкинутый нашему дому на проклятие, тот будущий правитель, которого Нанди представит народу вместо короля, ее сына, когда народ наконец возмутится его жестокостью!

— Она лжет, король, — закричали обе женщины, — не слушай ее. Мальчик — ее собственный сын, она в беспамятстве не узнает его!

Но Чака, стоя посреди хижины, злоево засмеялся.

— Нобела верно предрекла, я напрасно убил ее. Так вот как ты провела меня, мать! Ты приготовила мне в лице сына убийцу. Славно, Мать Небес, покоришься теперь небесному суду. Ты надеялась, что мой сын меня убьет, но пусть будет иначе. Пусть твой сын лишит меня матери. Умри же, Нанди, умри от руки рожденного тобой! — И, подняв ассегай, он заколол ее.

С минуту Нанди, Мать Небес, жена Сензангаконы, стояла неподвижно, не проронив ни звука, потом, выхватив из проколото бока ассегай, закричала:

— Чака, злодей, ты умрешь, как я! — И тут же упала мертвая.

Так умертвил Чака мать свою Нанди.

Балека, видя случившееся, повернулась и побежала вон из хижины в Эм-Тандени с такой быстротой, что стража у ворот не могла остановить ее. Когда она добралась до своего дома, то силы оставили ее, и она без чувств упала на землю. Но мальчик Муса, мое дитя, пораженный ужасом, остался на месте, и Чака, считая его своим сыном, тоже умертвил его.

Потом он гордо выступил из хижины, оставив стражу у ворот, и приказал отряду воинов, окружив весь крааль, поджечь его. Они поступили по его приказанию: выбегавших людей убивали, а оставшиеся там

погибали в огне. Так погибли мои жены, дети, слуги и все случайно находившиеся у них люди. Улей сожгли, не пожалев пчел, в живых оставался один я, да где-то далеко Макрофа с Надой.

Говорят, Чака не насытился пролитой кровью, так как послал людей убить Макрофу, жену мою, Наду, мою дочь, и того, кто назывался моим сыном. Меня же он приказал посланным не убивать, а привести к нему живым.

Мне пришла в голову мысль, не лучше ли самому покончить с собой? Зачем ждать смертного приговора? Покончить с жизнью так легко, я знал, как это сделать. В своем поясе я тайно хранил одно снадобье. Тому, кто отведаст этого снадобья, отец мой, не видать больше ни света солнца, ни блеска звезд.

Погибнуть от асsegая, медленно мучиться под ножами истязателей, или быть уморенным голодом, или бродить до конца дней с выколотыми глазами — вот что ждало меня, и вот почему я днем и ночью носил с собой свое снадобье. Настал час им воспользоваться.

Так думал я среди мрака ночи и, достав горькое снадобье, попробовал его языком. Но делая это, я вдруг вспомнил про свою дочь Наду, единственное дорогое существо, находящееся только временно в другой далекой стране, вспомнил про жену Макрофу, про сестру Балеку, пока еще живую по какому-то странному капризу короля. Еще одно желание таилось в моем сердце — это жажда мести. Мертвые бессильны карать своих мучителей, и если души их уже избавились от страданий, то руки не платят ударом за удар.

Итак, я решил жить. Умереть я всегда успею. Успею, когда голос Чаки произнесет мой смертный приговор. Смерть сама намечает свои жертвы, не отвечает ни на какие вопросы. Смерть — это гость, которого не надо ждать у порога хижины, так как при желании он проберется воздухом, через солому кровли. Я решил пока не вкушать снадобья.

Итак, отец мой, я остался жить, и воины повели меня обратно в крааль Чаки.

Мы добрались до него к ночи, так как солнце уже село, когда мы проходили ворота. Тем не менее, исполняя приказание, воин вошел к королю сообщить о нашем прибытии. Король немедленно приказал привести пойманного, и меня втолкнули в дверь большой хижины. Посредине горел огонь, так как ночь была холодна, а Чака сидел в глубине, против двери.

Некоторые из приближенных схватили меня за руки и потащили к огню, но я вырвался от них, так как руки мои не были связаны. Падая ниц,

я славил короля, называя его королевскими именами. Приближенные опять хотели меня схватить, но Чака сказал:

— Оставьте его, я сам допрошу своего слугу!

Тогда они поклонились до земли и, сложив руки на палках, коснулись лбами пола. А я сел тут же на полу против короля, и мы разговаривали через огонь. По приказанию Чаки я дал самый точный отчет о своем путешествии.

— Хорошо, — сказал тогда король, — я доволен! Как видно, в стране моей еще остались честные люди! А известно ли тебе, Мбопа, какое несчастье постигло твой дом в то время, как ты ведал мои дела?

— Как же, слышал! — ответил я так просто, как будто вопрос касался пустяков.

— Да, Мбопа, горе обрушилось на дом твой, проклятие небес на крааль твой! Мне говорили, Мбопа, что небесный огонь живо охватил твои хижины!

— Слышал, король, слышал!

Мне докладывали, Мбопа, что люди, запертые внутри, теряли рассудок при виде пламени и, понимая, что нет спасения, закалывали себя ассегаями и бросались в огонь!

— Знаю все, король! Велика важность!

— Много ты знаешь, Мбопа, но не все еще. Ну, известно ли тебе, что среди умерших в твоём краале находилась родившая меня, прозванная Матерью Небес?

При этих словах, отец мой, я поступил разумно, добрый дух вдохновил меня, и я упал на землю, громко завопив, как бы в полном отчаянии.

— Пощади слух мой! — вопил я. — Не повторяй, что родившая тебя мертва, о Лев Зулусов! Что мне все остальные жизни, они исчезли, как дуновение вихря, как капля воды, но это горе могуче, как ураган, оно безбрежно, как море!

— Перестань, слуга мой, успокойся! — говорил насмешливо Чака. — Я сочувствую твоему горю по Матери Небес. Если бы ты сожалел только об остальных жертвах огня, то плохо бы тебе было. Ты выдал бы свою злобу на меня, а так тебе же лучше: хорошо ты сделал, что отгадал мою загадку!

Теперь только я понял, какую яму Чака рыл мне, и благословил в душе Эхлосе, внушившего мне ответ королю.

Я надеялся, что теперь Чака отпустит меня, но этого не случилось, так как пытка моя только начиналась.

— Знаешь ли ты, Мбопа, — сказал король, — что когда мать моя

умирала среди охваченного пламенем крааля, она кричала загадочные страшные слова. Слух мой различил их сквозь песню огня. Вот эти слова: будто ты, Мбопа, сестра твоя, Балека, и твои жены сговорились подкинуть ребенка мне, не желавшему иметь детей.

Скажи теперь, Мбопа, где дети, уведенные тобой из крааля, мальчик со львиными глазами, прозванный Умслопогасом, и девочка, по имени Нада?

— Умслопогаса растерзал лев, о король, — отвечал я, — а Нада находится в Земле Свази!

И я рассказал ему про смерть Умслопогаса и про то, как я разошелся с женой Макрофой.

— Отрок с львиными глазами в львиной пасти! — сказал Чака. — Туда ему и дорога. Наду можно еще добыть ассегаями. Но довольно о ней, поговорим лучше о песне, петой моей покойной матерью в треске огня. Скажи-ка теперь, Мбопа, лжива ли она?

— Помилуй, король, Мать Небес обезумела, когда пела эту песню! — ответил я. — Слова ее непонятны!

— И ты ничего об этом не знаешь? — спросил король, странно глядя на меня сквозь дым костра. — Странно, Мбопа, очень странно! Но что это, тебе как будто холодно, руки твои прямо-таки дрожат! Не бойся, погрей их, хорошенько погрей, положи в огонь всю руку!

И, смеясь, он указал мне своим маленьким, оправленным в дерево вождей ассегаем на самое яркое место костра.

Тут, отец мой, я действительно похолодел, так как понял намерение Чаки. Он готовил мне пытку огнем.

С минуту я молчал, задумавшись. Тогда король опять громко сказал:

— Что же ты робеешь, Мбопа? Неужели мне сидеть и греться, пока ты дрожишь от холода? Встаньте, приближенные мои, возьмите руку Мбопы и держите ее в пламени, чтобы он согрелся и чтобы душа его ликовала, пока мы будем говорить с ним о том ребенке, упомянутом моей матерью, рожденном от Балеки, жены моей, сестры Мбопы, моего слуги!

— Прочь, слуги, оставьте меня! — смело сказал я, решившись сам подвергнуться пытке. — Благодарю тебя, о король, за милость! Я погреюсь у твоего огня. Спрашивай меня, о чем хочешь, ты услышишь правдивые ответы!

Тогда, отец мой, я протянул руку в огонь, но не в самую яркую часть пламени, а туда, где дымило. Кожа моя от страха покрылась потом, и несколько секунд пламя обвивалось вокруг руки, не сжигая ее. Но я знал, что мука близка.

Некоторое время Чака следил за мной, улыбаясь. Потом он медленно

заговорил, как бы давая огню разгореться.

— Так скажи мне, Мбопа, ты и вправду ничего не знаешь о рождении сына у твоей сестры Балеки?

— Я одно знаю, о король, — отвечал я, — что несколько лет тому назад я убил младенца, рожденного твоей женой Балекой, и принес тебе его тело! — Между тем, отец мой, рука моя уже дымилась, пламя въедалось в тело, и страдания были ужасны. Но я старался не показывать виду, так как знал, что если я крикну, не выдержав пытки, то смерть будет моим уделом.

Король опять заговорил:

— Клянешься ли ты моей головой, Мбопа, что в твоих краалях не вскармливали никакого младенца, мной рожденного?

— Клянусь, король, клянусь твоей головой! — отвечал я.

Теперь уже, отец мой, мучение становилось нестерпимым. Мне казалось, что глаза мои выскакивают из орбит, кровь кипела во мне, бросалась в голову, и по лицу текли кровавые слезы. Но я невозмутимо держал руку в огне, а король и его приближенные с любопытством следили за мной. Опять Чака молчал, и эти минуты казались годами. Наконец он сказал:

— Тебе, я вижу, жарко, Мбопа, вынь руку из пламени. Ты выдержал пытку, я убежден в твоей невинности. Если бы затаил ложь в сердце, то огонь выдал бы ее, и ты бы запел свою последнюю песню!

Я вынул руку из огня, и на время муки прекратились.

— Правда твоя, король, — спокойно ответил я, — огонь не властен над чистым сердцем!

Говоря это, я взглянул на свою левую руку. Она была черна, отец мой, как обугленная палка, и ногтей не оставалось на искривленных пальцах...

Взгляни на нее теперь, отец мой, я ведь слеп, но тебе видно. (Рука была скрючена и мертва.)

Вот следы огня в краале Чаки, огня, сжигавшего меня много-много лет тому назад. Эта рука уже не служила мне с той ночи истязания, но правая оставалась, и я с пользой владел ею.

— Но мать мертва, — снова заговорил король, — умерли в пламени и твои жены, и дети. Мы устроим поминки, Мбопа, такие поминки, каких не было еще никогда в Земле Зулу, и все народы земли станут проливать слезы. Мбопа, на этих поминках будет вынюхивание, но колдунов созывать не станут, мы сами будем колдунами и сами выследим тех, кто навлек на нас горе. Как же мне не отомстить за мать, родившую меня, погибшую от злых чар, а ты, безвинно лишенный жен, чад, неужели не отомстишь за них? Иди теперь, Мбопа, иди, верный слуга мой, которого я удостоил

погреться у моего костра! — И, пристально глядя на меня сквозь дым, он указал мне асsegаем на дверь хижины.

XI. Совет Балеки

Я поднялся на ноги, громко славя короля, и вышел из королевского дома Ум-Длункулу. Медленно шел я до выхода, но потом бросился бежать, терпя страшные муки. Забежав на минутку к знакомому и обмазав руку жиром и перевязав кожей, я снова стал метаться от нестерпимой боли и помчался на место моего бывшего дома. Там я в отчаянии бросился на пепел и зарылся в него, покрыв себя костями своих близких, еще лежавших здесь.

Да, отец мой, так лежал я, последний раз лежал на земле своего крааля, и от холода ночи защищал меня пепел рожденных мной.

Я стонал от боли и душевного отчаяния. Пройдя через испытание огнем, я снова приобретал славу в стране, делался знаменитым. Да, я вытерплю свое горе, сделаюсь великим, и тогда настанет день мщения королю. Ах, отец мой, тут, лежа в пепле, я взывал к Амадонго, к духам своих предков, молился Эхлосе, духу-хранителю, я даже дерзал молить Ункулункулу, Великого Мирового Духа, незримо и неслышно живущего в небесах и на земле. Я молил о жизни, чтобы убить Чаку, как он убил всех дорогих мне существ. За молитвой я уснул, или, вернее, свет мыслей моих погас, и я лежал, как мертвец. Тогда меня посетило видение, посланное в ответ на мольбу, или, быть может, это был только бред, порожденный моими горестями.

Мне казалось, что я стою на берегу большой, широкой реки. Тут было сумрачно, поверхность реки слабо освещалась, но далеко, на той стороне, точно пылала заря, и в ее ярком свете я различил могучие камыши, колеблемые легким ветром. Из камышей выходили мужчины, их жены, дети, выходили сотнями, тысячами, погружались в волны реки и барахтались в них.

Слушай дальше, отец мой. Все люди в воде были черного племени, а также все выходившие из камышей; белых, как твой народ, вовсе не было, так как видение изображало зулусское племя, о котором одном сказано, что оно «будет оторвано от берега». Я видел, что из ступивших в воду одни быстро переплывали реку, другие не двигались с места, точь-в-точь, как в жизни, отец мой, когда одни рано умирают, а другие живут долгие годы. Среди бесчисленных лиц я узнал много знакомых, узнал лицо Чаки и вблизи него себя самого, узнал также Дингаана, его брата, лицо отрока Умслопогаса, лицо Нады, моей дочери, и вот тогда-то впервые я понял, что

Умслопогас не умер, а только исчез.

Во сне своем я обернулся и оглядел тот берег реки, где стоял. Тогда я увидел, что за мной поднималась скала, высокая, черная, и в скале были двери из слоновой кости. Через них изнутри струился свет, доносился смех; были в скале и другие двери, черные, как бы выточенные из угля, и через них зияла темнота, слышались стоны. Перед дверями находилось ложе, а на нем восседала ослепительная женщина. Высокая, стройная, она сверкала белизной, белые одежды покрывали ее, волосы ее были цвета литого золота, а лицо светилось, как полуденное солнце. Тогда я заметил, что выходившие из реки, еще со струящейся по ним водой, подходили к женщине, становились перед ней и громко зывали:

— Хвала Инкосазане зулусов, хвала Царице Небес!

Чудесная женщина держала в каждой руке по жезлу: в правой руке — белый жезл из слоновой кости, в левой — из черного дерева. Когда подходившие к трону люди приветствовали женщину, она указывала им то белым жезлом правой руки на белую дверь, на дверь света и смеха, то черным жезлом левой руки на угольные двери мрака и стонов. Тогда одни люди шли в одну сторону и вступали в свет, другие — в другую и погружались во мрак. Между тем еще горстка людей вышла из воды. Я узнал их. Тут находились Нанди, мать Чаки, моя жена Ананди, сын мой Муса, а также остальные мои жены, дети вместе со всеми бывшими у них слугами. Они остановились перед лицом Небесной Царицы, которой Ункулункулу поручил охранять зулусский народ, и громко зывали:

— Хвала Инкосазане зулусов, хвала!

Инкосазана указала им светлым жезлом на светлую дверь. Но они не двигались с места. Тогда женщина вдруг заговорила тихим, грустным голосом:

— Идите, дети моего народа, идите на суд, чего вы ждете? Проходите в дверь света!

Но они все медлили, и теперь Нанди сказала:

— Мы медлим, о Царица Небес, медлим, чтобы вымолить правосудие над тем, кто умертвил нас. Я, прозванная на земле Матерью Небес, больше всех прошу этого!

— Как его имя? — спросил снова тихий, страшный голос.

— Чака, король зулусов! — отвечала Нанди. — Чака, сын мой.

— Многие уже приходили искать ему возмездия, — сказала Царица Небес, — многие еще придут. Не бойся, Нанди, час его пробьет. Не бойся и ты, Ананди, и вы все, жены и дети Мбопы. Повторяю вам, его час пробьет. Копье пронзило твою грудь, Нанди, копье вонзится в грудь Чаки. А вы,

жены и дети Мбопы, знайте, что рука, наносящая удар, будет рукой Мбопы. Я сама направлю его, я научу его мстить. Идите же, дети моего народа, проходите на суд, ибо Чака уже приговорен.

Вот что снилось мне, отец мой, вот какое видение посетило меня, когда, несчастный, я лежал среди костей и пепла своего крааля. Так было мне дано узреть Царицу Небес на высоте ее величия. Позже, как ты узнаешь, я еще два раза видел ее, но то было на земле, наяву.

Да, трижды удостоился я узреть лицо, которое теперь уже не увижу до своей смерти, потому что больше трех раз смертные этого лица не видят.

Утром, проснувшись, я пошел к хижине королевских «сестер» и подождал, когда они пойдут за водой. Увидев Балеку, я тихонько окликнул ее, она осторожно зашла за куст алоэ, и мы уныло взглянули в глаза друг другу.

— Злосчастен день, когда я послушался тебя и спас твоего ребенка. Видишь, каковы последствия этого. Погиб весь мой род, умерла Мать Небес, все умерли, а меня самого пытали огнем! — Я показал Балеке свою обгоревшую руку.

— Ах, Мбопа, я бы меньше горевала, если бы знала, что сын мой, Умслопогас, жив! Да и меня ведь не пощадят. Скоро я присоединюсь к остальным. Чака уже обрек меня на смерть, ее только отложили. Он играет со мной, как леопард с раненой ланью. Впрочем, я даже рада умереть, так я скорее найду своего сына!

— А если юноша жив, Балека, что тогда?

— Что ты сказал? — вскрикнула она, дико сверкнув глазами и бросаясь ко мне. — Повтори свои слова, Мбопа, о, повтори их! Я готова тысячу раз умереть, лишь бы Умслопогас остался в живых!

— Верного я ничего не знаю, но прошлую ночь мне приснился сон! — И я рассказал ей про видение и про то, что перед тем случилось.

Она внимала мне, как внимают королю, решающему вопрос жизни и смерти.

— Сон твой вещий, Мбопа, — сказала она наконец, — ты всегда был странным человеком и обладал даром ясновидения. Чует мое сердце, что Умслопогас жив!

— Велика любовь твоя, женщина, и она — причина наших горестей. Будущее покажет, что мы напрасно пострадали, злой рок тяготеет над нами. Что делать теперь — бежать или оставаться здесь, выжидая перемены судьбы?

— Оставайся на месте, Мбопа! Слушай, что надумал король. Он, всегда бесстрашный, теперь боится, как бы убийство матери не навлекло на

него гнев народа. Поэтому он должен рассказывать, что не он убил ее, а она погибла в огне, навлеченном колдовством на твой крааль. Никто не поверит этой лжи, но возражать не посмеют. Он устроит, как говорил тебе, вынюхивание, но совсем нового характера, так как он сам с тобой станет находить колдунов. Так он предаст смерти всех ненавидящих его за жестокость и за убийство матери. Ты же нужен ему, Мбопа, и тебя он сохранит...

Итак, не беги, а оставайся здесь, прославься, дождись великого мщенья, о брат мой! Ах, Мбопа, разве нет в стране других принцев? А Дингаан и Мхлангана, а Мпанде? Разве братья короля не хотят царствовать, разве, просыпаясь по утрам, они не ощупывают себя, чтобы убедиться, живы ли еще, разве, засыпая по ночам, они уверены, что разбудит их на заре: ласки ли жен, лезвие ли королевского ассегая? Добейся их доверия, брат мой, очаруй сердца их, узнай их замыслы или открой им свой. Только таким путем ты доведешь Чаку до того порога, который переступили твои жены, который и я готовлюсь переступить!

Вот что уходя сказала мне Балека и была совершенно права. Мпанде ни на что не подбить, он жил тихо и больше молчал, как слабоумный. Но Дингаан и Мхлангана из другого теста, их при случае можно вооружить тем ассегаем, который разнесет по ветру мозги Чаки. Но время действовать еще не настало, чаша Чаки не наполнилась до краев.

Обдумав все это, я встал и пошел в крааль своего друга, где стал лечить обожженную руку. Пока я с ней возился, ко мне пришел посланный от короля.

Я предстал перед королем и припал к его ногам, называя его королевскими именами. Но он протянул руку и, подняв меня, ласково сказал:

— Встань, Мбопа, слуга мой, много перенес ты горя от колдовства твоих врагов. Я потерял мать, а ты — жен и детей. Плачьте же, наперсники мои, оплакивайте мою мать, плачьте над горем Мбопы, лишенного семьи через колдовство наших врагов!

Тогда приближенные громко завопили, а Чака сверкал на них очами.

— Слушай, Мбопа, — сказал король, когда вопли прекратились. — Никто не возвратит мне матери, но тебе я дам новых жен, и ты обретешь детей. Пойди, выбери себе шесть девушек из предназначенных королю. Также возьми из королевского скота лучших сто волов, созови королевских слуг и повели им выстроить тебе новый крааль — больше, красивее прежнего. Все это я даю тебе с радостью, Мбопа, тебя ждет еще большая милость, я разрешаю тебе месть.

В первый день новолуния я созову большой совет *И-Бандла* из всех зулусских племен. Твое родное племя э-лангени также будет тут. Мы все вместе станем оплакивать свои потери и тут же узнаем, кто виновник их. Иди теперь, Мбопа, иди. Идите и вы, мои приближенные, оставьте меня одного горевать по матери!

Так, отец мой, оправдались слова Балеки, так, благодаря коварной политике Чаки, я еще больше возвысился в стране. Я выбрал себе крупный скот, выбрал прекрасных жен, но это не доставило мне радости. Сердце мое высохло, радость, сила исчезли из него, погибли в огне Чакиной хижины, потонули в горе по тем, кого я раньше любил.

XII. Рассказ про Галази-Волка

Я расскажу тебе про участь Умслопогаса с той минуты, как львица схватила его, расскажу так, как узнал от него самого много лет спустя.

Львица, отскочив, побежала, держа в зубах Умслопогаса. Он попробовал вырваться, но та так больно укусила его, что юноша уже не двигался в ее пасти и только, оглядываясь, мог видеть, как Нада отбежала от колючей изгороди и громко кричала: «Спасите его!» Он видел ее лицо, слышал крик, потом перестал что-либо видеть или слышать.

Немного погодя Умслопогас очнулся от боли в боку, укушенном львицей, и до него долетели какие-то окрики. Он осмотрелся: близ него стояла львица, только что выпустившая его из пасти. Она хрипела от ярости, а перед ней стоял с угрюмым видом юноша, высокий, сильный, с серовато-черной шкурой волка, обмотанной по плечам таким образом, что верхняя челюсть с зубами находилась на его голове. Он стоял, покрикивая, перед львицей, держа в одной руке боевой щит, а в другой сжимая тяжелую, оправленную в железо дубину.

Львица, страшно рыча, присела, готовясь прыгнуть, но юноша с дубиной не стал дожидаться ее нападения. Он подбежал к ней и ударил ее по голове. Удар был сильным, метким, но не убил львицу — она поднялась на задние лапы и тяжело рухнула на юношу. Он принял ее на щит, но, придавленный страшной тяжестью, не удержался на ногах и упал, громко воя, как раненый волк. Тогда львица, прыгнув на него, стала его терзать. Благодаря щиту, ей не удавалось покончить с ним, но Умслопогас видел, что долго так не может длиться, щит будет отброшен в сторону, и львица загрызет незнакомца. Тогда Умслопогас вспомнил, что в груди зверя осталась часть его сломанного копья, и решил еще глубже вонзить лезвие или умереть. Юноша живо встал — силы вернулись к нему в трудную минуту — и подбежал к месту, где львица трепала человека, прикрывавшегося щитом.

Она не замечала его, так что он бросился на колени и, схватив рукоятку сломанного копья, глубоко пронзил зверя и еще повернул копьё в ране. Тогда львица увидала Умслопогаса, прыгнула на него и, выпустив когти, стала рвать ему грудь и руки. Лежа под ней, он услышал невдалеке могучий вой и вдруг — что же он увидел?

Множество волков, серых и черных, бросились на львицу и стали рвать и терзать ее, пока не растерзали на куски.

После этого Умслопогас лишился чувств, глаза его закрылись, как у мертвого. Когда же он очнулся, то вспомнил про львицу и огляделся, ища ее. Но вместо этого он увидел себя в пещере, на сеннике, вокруг него висели шкуры зверей, а рядом стояла кружка с водой. Он протянул руку к воде, выпил ее и тут заметил, что рука его исхудала, как после тяжелой болезни, а грудь покрыта чуть зажившими рубцами.

Пока он лежал, раздумывая, у входа в пещеру показался тот самый юноша, которого подмяла под себя львица. Он нес на плечах мертвую лань и, сбросив ее на землю, подошел к Умслопогасу.

— Ага, — сказал он, взглядевшись в него, — глаза открыты! Незнакомец, ты жив еще?

— Жив, — отвечал Умслопогас, — жив и голоден!

— Пора и проголодаться! — сказал опять тот. — С того дня как я с трудом донес тебя сюда через лес, прошло двенадцать суток, и ты все лежал без сознания, глотая одну воду. Я думал, что львиные когти прикончили тебя. Два раза я хотел тебя убить, чтобы прекратить твои страдания и самому с тобой развязаться. Но я останавливался из-за слова, сказанного мне кем-то, кого уже нет в живых. Набирайся сил, потом мы поговорим!

Тогда Умслопогас стал есть. С каждым днем он поправлялся. Как-то, сидя у огня, он разговорился с хозяином пещеры.

— Как тебя зовут? — спросил Умслопогас.

— Имя мое — Галази-Волк, — ответил тот, — я зулусской крови, из рода короля Чаки. Отец Сензангаконы, отца Чаки, приходится мне прадедом.

— Откуда же ты, Галази?

— Я пришел из Земли Свази, из племени галакази, которым должен был бы править. История моя такова: Сигуйяна, дед мой, приходился младшим братом Сензангаконе, но, поссорившись с последним, ушел и стал странником. С некоторыми людьми из племени мтетва он кочевал по Земле Свази, пребывал у племени галакази, в их больших пещерах. В конце концов он убил вождя племени и занял его место. После его смерти правил мой отец, но образовалась целая враждебная партия, ненавидевшая его за зулусское происхождение и желавшая возвести в правители кого-нибудь из древнего рода свази. Сделать этого они не могли — так боялись моего отца. Я же родился от его старшей жены, так что в будущем мне предстояло быть вождем, и потому представители враждебной партии ненавидели также и меня.

Так обстояло дело до прошлой зимы, когда мой отец задумал во что бы

то ни стало лишить жизни двадцать военачальников с их женами и детьми, потому что узнал о составленном ими заговоре. Но военачальники, проведая, что им уготовано, убедили одну из жен отца отравить его. Ночью она его отравила, а поутру мне пришли сказать, что отец лежит больной и зовет меня. Я пошел к нему в хижину и нашел его в корчах.

— Что случилось, отец? — вскрикнул я. — Кто виновник злодейства?

— Я отравлен, сын мой, — проговорил он, задыхаясь, — вот мой убийца! — Он указал на женщину, стоявшую у дверей с опущенной головой и с дрожью следившую за плодами своего преступления.

Эта жена отца была молода и прекрасна, мы дружили с ней, однако я, не задумываясь, кинулся на нее, так как сердце мое разрывалось. Схватив копье, я подбежал к ней и, несмотря на ее мольбы о пощаде, заколол.

— Молодец, Галази! — крикнул мне отец. — Когда меня не станет, позаботься о себе, эти собаки галакази прогонят тебя отсюда, не дадут властвовать. Если ты останешься в живых, поклянись мне, что не успокоишься, пока не отомстишь за меня!

— Клянусь, отец мой! — ответил я. — Клянусь, что истреблю все племя галакази до последнего человека, кроме своих родственников, и обращу в рабство их жен и детей!

— Громкие слова для молодых уст, — сказал отец, — но я верю, что ты это исполнишь. В свой предсмертный час я предвижу твое будущее, Галази. О, внук Сигуйяны, перед тобой несколько лет странствования по чужой земле, а там — смерть, мужественная, не такая, как моя, от руки этой ведьмы!

С этими словами он поднял голову, посмотрел на меня и с громким стоном скончался.

Я вышел из хижины, таща за собой тело женщины. Много военачальников собралось тут в ожидании конца.

— Вождя, отца моего, не стало! — громко крикнул я. — И я, Галази, заступая на его место, убил его убийцу! — Я повернул тело так, чтобы они могли видеть лицо. Тогда отец женщины, толкнувший ее на убийство и находившийся тут, обезумел от такого зрелища.

— Как, братья? — воскликнул он. — Мы допустим над собой господство этого зулусского пса, умертвившего женщину? Старый лев издох, долой львенка! — И он подбежал ко мне, заноса копье.

— Долой его! — закричали остальные и тоже подбежали, потрясая копьями. Я выждал, не торопясь, так как знал из последних слов отца, что мой час не пробил. Я дал первому подойти ко мне, он бросил копье, я отскочил в сторону и заколол его.

Отец упал мертвый на труп дочери.

Тогда я с громким криком прорвался мимо остальных. Никто меня не тронул, никто не смел меня поймать. Нет ведь человека, который бы меня обогнал, когда я примусь бежать.

— Не попробовать ли мне? — сказал, улыбаясь, Умслопогас, слывший у зулусов за скорохода.

— Прежде окрепни, а потом беги! — отвечал Галази.

— Продолжай рассказ, — попросил Умслопогас, — он развлекает меня.

— Да, незнакомец, я не кончил!

Бежав из Земли Свази, я направился прямо к зулусам, за помощью к Чаке. На пути я зашел в крааль старца, хорошо знакомого с делами, происходящими в Земле Зулу. Он отсоветовал мне идти к Чаке.

Уйдя из этого крааля, я наутро проходил мимо другого и встретил там старуху, спросившую меня, не хочу ли я достать страшное оружие, Всеистребляющую Палицу. На мой ответ, что я не знаю, где такую найти, она посоветовала мне: «Завтра утром, на заре, поднимись вот на эту гору. На пути вверх попадетсЯ тебе тропинка, и ты вступишь в мрачный лес. Потом ты дойдешь до пещеры, в скале которой лежат кости человека. Собери их в мешок, принеси мне, и я дам тебе Дубину!»

Между тем люди, выходившие из крааля, прислушивались к словам старухи и не советовали мне слушаться ее, говоря, что она помешанная, а в пещерах и скалах на этой горе, называемой горой Призраков, обитают злые духи. Там, в пещере, по их словам, погиб сын этой старухи, за его-то кости она и обещает в награду Великую Дубину.

«Лгут они, — сказала старуха, — нет никаких духов. Духи гнездятся в их трусливых сердцах, а там, наверху, одни волки. Я знаю, что кости моего сына лежат в пещере, я их видела во сне, но я слишком слаба, чтобы взобраться на горную тропинку. Здесь все трусы, нет ни одного храбреца со смерти моего мужа, убитого зулусами!»

Я слушал ее молча, но когда она кончила, попросил показать мне Дубину, предназначенную тому, кто предстанет перед Аматаонго, перед лесными духами горы Призраков. Старуха встала и ползком добралась до хижины. Скоро она вернулась, таща с собой огромную керри.

Вот, незнакомец, смотри, видал ты что-нибудь подобное?

Галази потряс Дубиной перед Умслопогасом...

Да, отец мой, то была Дубина, и я, Мбопа, позже видал ее в деле. Она была велика, шишковата, черна, точно продымившееся в огне железо, металлическая оправа ее стерлась от частых ударов.

— Когда я увидал ее, — продолжал Галази, — мной овладело безграничное желание владеть ею.

«Как называется Дубина?» — спросил я старуху.

«Страж Брода, — ответила она, — и хорошо же она стережет! Пять человек сражались на войне этой Дубиной, а сто семьдесят три полегли под ее ударами. Последний из сражавшихся ею убил двадцать человек, прежде чем пасть самому, ибо такова слава Дубины, что имеющий ее погибает славной смертью. Во всей Земле Зулу есть только одно еще подобное оружие, это Великая Секира Джикизы, вождя племени Секиры, живущего вон там, в том краале. Это обеспечивающее победу древнее оружие с роговой рукояткой прозвано Виновницей Стонов. Если бы Секира Виновница Стонов и Дубина Страж Брода работали вместе, то и тридцати человек не осталось бы в живых во всей Земле Зулу. Теперь выбирай!»

«Вот что, старуха, — сказал я, — дай-ка мне Дубину на время, пока я буду отыскивать кости. Я не вор и принесу ее обратно!»

«Кажется, ты действительно честный малый! — сказала она, вглядываясь в меня. — Бери Стража и отправляйся за костями. Коли погибнешь, то и твое оружие пропадет, а в случае неудачи верни его мне; если же достанешь кости, то владей Дубиной. Она покроет тебя славой, и конец твой будет мужественный — ты падешь, высоко заноса ее над побежденными тобой!»

Итак, поутру, на заре, взяв Стража Брода и небольшой, легкий щит, я приготовился выступить. Старуха благословила меня, пожелав доброго пути. Но остальные жители крааля насмехались, крича: «Маленький человек с большой дубиной! Берегись, малыш, как бы привидения ею же не пбили тебя!»

Так говорили все, кроме одной девушки, приходившейся внучкой старухе. Она отвела меня в сторону, умоляя остаться, говоря, что лес на горе Призраков имеет дурную славу, что никто не ходит в него, так как духи воют там, подобно волкам. Я поблагодарил девушку, а другим не отвечал, только попросил показать мне дорогу...

Теперь, если ты окреп, незнакомец, то подойди к отверстию пещеры, выгляни. Месяц светит ярко.

Умслопогас приподнялся и прополз в узкое отверстие пещеры. Над ним высоко в небо вздымалась серая вершина, похожая на сидящую женщину со склоненной на грудь головой, так что пещера находилась как бы на ее коленях. Ниже скала круто обрывалась, вся поросшая мелким кустарником. Еще ниже темнел громадный густой лес, спускаясь к другой скале, у подножия которой, на той стороне реки, расстилались широкие

зулусские равнины.

— Вон там, — сказал Галази, указывая Стражем Брода на далекую равнину, — тот крааль, где жила старуха, вот и скала, куда мне надлежало взобраться, вот и лес, где царили духи Аматаонго. По той стороне леса вьется тропинка в пещеру, а вот и сама пещера.

Видишь этот камень, им загораживается вход. Он очень велик, но ребенок может сдвинуть его, так как он укреплен на скалистом острие. Только помни одно: не надо толкать камень слишком глубоко. Если он дойдет вот до этого знака, то надо много сил, чтобы отвалить его. Однако я справлюсь, хотя и не достиг еще полной зрелости. Если же камень перевалит за знак, то он покатится внутрь пещеры с такой быстротой, с какой скатывается гольш с обрыва. Тогда, пожалуй, и два человека изнутри да один снаружи вряд ли справятся с ним. Смотри теперь, я, как всегда, на ночь завалю камень так!

Он ухватился за скалу, и она, как любая дверь, захлопнулась на выточенном природой стержне.

— Итак, — продолжал он, — я покинул крааль, и все провожали меня до реки. Она разлилась, и никто не решался переправиться.

«Ага, — кричали они, — вот и конец пути, маленький смельчак, сторожи теперь брод, ты, мечтавший владеть Стражем Брода, размахнись-ка Дубиной по воде, может, ты успиришь волны!»

Не отвечая на насмешки, я привязал веревкой щит к плечам, захваченный мешок обмотал вокруг тела, а к Дубине прикрепил ремень и взял его в зубы. Потом я бросился в речку и поплыл. Дважды течение относило меня, и стоящие на берегу кричали, что я погиб; но я опять всплывал и в конце концов добрался до противоположного берега. Тогда оставшиеся на той стороне замерли от удивления, а я пошел вперед, направляясь к скале. Трудно, незнакомец, взбираться на ту скалу. Когда ты окрепнешь, я покажу тебе тропинку. Я одолел ее и в полдень добрался до леса. Тут, на опушке, я отдохнул и перекусил провизией из мешка, так как нуждался в силах для борьбы с привидениями, если таковые существовали. Потом я встал и углубился в лес.

Высоки в нем деревья, странник, и настолько густы, что местами свету не больше, чем в ночь новолуния. И все же я пробивался вперед, часто сбиваясь с дороги.

Изредка из-за верхушек деревьев выглядывала фигура серой каменной женщины, сидящей на верху горы Призраков, и я направлялся к ее камням. Сердце мое сильно билось, пока я так бродил в темноте леса, среди ночной тишины, я все осматривался, не следят ли за мной глаза Аматаонго. Но нет,

духи не попадались, только изредка большие пятнистые змеи выползали из-под моих ног. Быть может, это и были Аматонго. Временами мелькал серый волк и прокрадывался между деревьями, следя за мной. А в больших ветвях глубоко, точно женщина, вздыхал ветер.

Я подвигался вперед, напевая и стараясь ободрить себя. Наконец деревья поредели, местность стала повышаться, и опять блеснули небеса.

Но я утомил тебя рассказом, отдохни до завтра, и там я dokonчу его. Скажи мне только свое имя.

— Имя мое Умслопогас, сын Мбопы! — ответил юноша. — Когда ты кончишь твой рассказ, я начну свой. А теперь давай спать!

Галази вздрогнул. Услышав имя гостя, он смутился, но ничего не сказал. Они легли спать, и Галази закутал Умслопогаса шкурами антилоп. Сам Галази был столь крепок, что улегся без всякого покрывала на голой скале.

Так почивали они, а вокруг пещеры были волки, чуя человеческую кровь.

XIII. Галази покоряет волков

— Теперь слушай, Умслопогас, сын Мбопы! — продолжал на другой день Галази. — Пройдя через лес, я добрался как бы до колен каменной Колдуньи, сидящей вон там высоко и целые века выжидающей конца мира. Здесь уже весело играло солнце, здесь бегали ящерицы, порхали птицы, и хоть опять наступал вечер — я ведь долго бродил по лесу, — я уже больше не трусил. Я влез на крутую скалу, поросшую мелким кустарником, и наконец добрался до каменных колен Колдуньи, представляющих площадку перед пещерой. Я заглянул за край скалы и, поверишь ли, Умслопогас, кровь моя похолодела, сердце замерло. Там, перед самой пещерой, валялось множество больших волков. Одни спали, рыча во сне, другие грызли черепа убитых зверей, а некоторые сидели, как псы, оскалив зубы, высунув из разинутой пасти язык. Я вгляделся и различил за ними вход в пещеру, где по-видимому, находились кости юноши. Но мне не хотелось туда идти: я боялся волков, так как понял теперь, кого принимали за горных духов. Я решил бежать оттуда, но когда обернулся, то Великая Дубина Страж Брода размахнулась ихватила меня таким ударом по спине, каким храбрецы справляются с трусами. Случайность ли, или Страж хотел пристыдить вооруженного им, этого я не знаю, но стыд охватил меня. Как, неужели вернуться назад, терпеть насмешки жителей крааля, старухи? Да разве в лесу ночью меня не загрызут духи? Лучше уж сейчас, поскорее попасться в их лапы. Не медля дольше, чтобы страх не обуял меня, я взмахнул Дубиной и с боевым криком племени галакази вскочил на край скалы и бросился на волков. Они тоже вскочили и остановились, завывая, с взъерошенной шерстью и с горевшими глазами. Их звериный запах доносился до меня. Но, увидев, что на них кинулся человек, они вдруг испугались и разбежались во все стороны, спрыгивая большими прыжками со скалистой площадки, изображающей колени Колдуньи, так что скоро я очутился один у входа в пещеру. Сердце у меня в груди росло от радостного сознания, что я покорил волков, не убив ни одного, я гордо, точно петух по крыше, подошел к отверстию пещеры и заглянул в глубь ее. Как раз в эту минуту заходящее солнце яркими, красными лучами осветило темноту. Тогда, Умслопогас, я опять трусил!

Видишь, вон там углубление в стене, огонь теперь освещает его? В том конце высота пещеры в рост человека. Углубление узкое и не глубокое, оно точно выбуравлено железом. Человек мог бы сидеть в нем, да человек и

сидел, или, скорее, то, что было когда-то человеком. Там находился остов, обтянутый почерневшей кожей. Зрелище это было ужасно. Он упирался на вытянутые руки и в правой держал кусок мяса. Мясо было наполовину съедено, видно, он поел перед смертью. Глаза этого скелета покрывала кожаная повязка, точно заслоняя от него что-то. Одной ноги не хватало, а другая свисала через край ниши. Под ней на земле валялось заржавленное лезвие сломанного копья.

Подойди сюда, Умслопогас, тронь рукой стену пещеры. Она гладкая, не правда ли? Гладкая, как те камни, на которых женщины мелют зерна. А отчего она гладкая, спросишь ты, — я могу тебе сказать. Когда я сквозь дверь пещеры смотрел внутрь, то видел следующее.

На полу лежала волчица, тяжело дыша, точно она пробежала много верст. Она казалась большой и свирепой. Близ нее находился волк, старый, черный, больше всех виденных мной, настоящий родоначальник, с серыми полосами на голове и на боках. Этот волк стоял на месте, но, пока я следил за ним, он вдруг побежал и подскочил высоко вверх к иссохшей ноге, свисавшей из скалистой трещины. Лапы его ударились о гладкую скалу, на секунду он за нее ухватился, щелкнув зубами на расстоянии копья от мертвеца, но сорвался с яростным рычанием и медленно прошелся по пещере.

Затем он опять подбежал, подпрыгнул, опять щелкнули большие челюсти, и опять он, воя, упал. Тогда поднялась волчица, они вместе старались стащить высоко сидящую фигуру. Ничего не выходило. Ближе расстояния копья они не могли подпрыгнуть. Теперь, Умслопогас, тебе понятно, почему скала гладкая, блестящая.

Месяц за месяцем, год за годом волки старались достать кости мертвеца. Каждую ночь они, щелкая зубами, бросались на стену пещеры, никогда не достигая мертвой ноги. Одну ногу они пожрали, но другая оставалась недоступной.

Пока я следил, исполненный ужаса и удивления, волчица, высунув язык, прыгнула так высоко, что почти достала до висевшей ноги. Она упала назад, я увидел, что это ее последний прыжок, так как она надорвалась и лежала, громко воя, со струящейся изо рта черной кровью.

Волк все видел, он приблизился, обнюхал ее и, поняв, что она расшиблась насмерть, схватил ее за горло и стал терзать. Теперь пещера огласилась стонами, задыхающимся воем; волки катались по земле под сидящим высоко наверху человеком. В багровом свете заходящего солнца эта картина, эти звуки были столь ужасны, что я дрожал, как ребенок.

Волчица заметно слабела, так как белые клыки самца глубоко

вонзились ей в горло. Я понял, что настала минута покончить с ними.

После недолгой, но яростной борьбы мне удалось уложить самца ловким ударом Дубины.

Немного погодя я оглянулся и увидал, что волчица опять встала на ноги, точно невредимая. Знай, Умслопогас, такова природа этих злых духов, что, постоянно грызясь, они не могут истреблять друг друга. Только человек может убить их, да и то с трудом. Итак, она стояла, поглядывая не на меня, даже не на мертвого самца, а на того, кто сидел наверху. Заметив это, я подкрался сзади и, подняв Стража, опустил его вниз изо всей силы. Удар пришелся ей по шее, сломал позвонки, и она перекувырнулась и моментально издохла.

Отдохнув немного, я подошел к отверстию пещеры и выглянул. Солнце садилось, лес почернел, но свет еще сиял на лице каменной женщины, вечно восседающей на горе. Мне предстояло ночевать тут, так как, несмотря на полнолуние, я не смел спускаться на равнины один, окруженный волками и привидениями. А если один я не решался, то тем более не мог пойти, унося с собой сидящего в расщелине. Нет, приходилось оставаться, так что я вышел из пещеры к ключу, бьющему из скалы вон тут, правее, и напился. Потом я вернулся, уселся у входа в пещеру и следил, как затухал свет на лице земли. Пока он угасал, стояла тишина, но потом проснулся лес. Поднялся ветер, он развеивал зеленые ветки, походившие на волны, слабо озаренные луной. Из глубины леса неслись завывания призраков и вол ков, им ответил вой с вершины скал, вот такой вой, какой мы слышим, Умслопогас, сегодня ночью!

Ужасно было сидеть здесь у входа, про камень я еще не знал, да если бы и знал, то не согласился бы остаться там внутри с мертвыми волками да с тем, кого они стремились пожрать. Я прошелся по площадке и посмотрел вверх. Свет месяца падал прямо на лицо каменной Колдуньи. Мне показалось, что она смеется надо мной. Я тогда понял, что нахожусь в месте, где являются мертвецы, где злые духи, носящиеся по свету, гнездятся, как коршуны. Я вернулся в пещеру, чувствуя, что надо что-нибудь предпринять, иначе можно сойти с ума. Я притянул к себе труп волка и стал сдирать с него шкуру.

Я работал около часа, напевая и стараясь не думать ни о том, кто сидел в расщелине, ни о завываниях, которыми оглашались горы. Но месяц все ярче освещал внутренность пещеры. Я мог различить форму костей висевшего, даже повязку на его глазах. «Зачем завязал он ее? — размышлял я. — Разве, чтобы не видеть свирепых морд бросавшихся на него волков?»

Между тем окружавший меня вой все приближался, я уже видел серые

тени, подкрадывающиеся ко мне в сумерках. Вот совсем близко сверкнули огненные зрачки, острое рыло обнюхало волчий труп. С диким воем поднял я Стража и ударил. Раздался крик боли, что-то ускало в темноту. Наконец шкура была содрана, и я отбросил ее в сторону. Схватив тушу, дотащил ее до края скалы и оставил там. Немного погодя завывания стали приближаться, я увидел подкрадывающиеся серые тени. Они обступили тушу, накинулись на нее и жестоко дрались, разрывая на куски. Потом, обливаясь красными языками, волки убежали обратно в лес.

Во сне это было или наяву, наверное не знаю. Помню только, что я вдруг посмотрел вверх и увидел свет. Да, Умслопогас, это не мог быть свет месяца, падающий на сидевший скелет, нет, то был красный свет, фигура точно пылала в нем. Я все смотрел, мне показалось, что отвисшие челюсти дрогнули, что из пустого желудка, из высохшей груди донесся резкий, глухой голос:

«Привет тебе, Галази, потомок Сигуйяны, — сказал голос, — привет, Галази-Волк! Скажи, что ты делаешь здесь, на горе Призраков, где столько веков уже каменная Колдунья сторожит конец мира?»

Я отвечал, Умслопогас, или мне казалось, что я отвечаю, ибо голос мой тоже звучал дико и глухо:

«Привет тебе, мертвец, сидящий, как коршун, на скале! Слушай, зачем я здесь, на горе Призраков. Я пришел за твоими костями, чтобы твоя мать могла похоронить их».

«Много, много лет просидел я тут, Галази, — отвечал голос, — следя, как привидения-волки подсакивают и стараются стащить меня вниз, так что скала стала гладкой под их скользкими лапами! Так просидел я еще живым семь дней и семь ночей, томясь голодом, с голодными волками подо мной. И так просидел я мертвым много лет в сердце каменной Колдуни, следя за месяцем, солнцем, звездами, прислушиваясь к вою волков-призраков, пожирающих все подо мной, проникаясь разумом вечной неподвижной Колдуни. Но мать моя была молода, прекрасна, когда я вступил в очарованный лес и взобрался на каменные колени. Как выглядит теперь она, Галази?»

«Она поседела, сморщилась, очень постарела! — отвечал я. — Ее считают помешанной, однако я по ее желанию пришел разыскивать тебя, вооруженный Стражем, принадлежавшим твоему отцу и перешедшим теперь ко мне!»

«Он останется при тебе, Галази, — сказал голос, — потому что ты один не побоялся волков, чтобы предать меня погребению. Слушай же, ты проникнешься разумом вечной, давно окаменелой Колдуни, ты и еще

другой. Не волков ты видел, не волков убил, нет, это души злых людей, живших в давно прошедшие времена, обреченные скитаться по земле, пока не истребит их человек. Знаешь ли ты, как жили эти люди, Галази, чем они питались? Когда просветлеет, взберись на каменные плечи Колдуньи, загляни во впадину меж ее грудей. Тогда увидишь, как жили эти люди. Им вынесен приговор, они обречены блуждать истощенные, голодные, в волчьем обличии, пребывая на горе Призраков, где когда-то жили, до тех пор, пока не погибнут от Руки человека. Жесточайший голод заставляет их годами тянуться к моим костям. Ты убил их царя, а с ним и царицу. Слушай дальше, Галази-Волк, выслушай, каким разумом я награжу тебя. Ты станешь королем волков-призраков, ты, да еще один, принесенный тебе львом. Обмотай по плечам черную шкуру — тогда волки пойдут за тобой, все оставшиеся триста шестьдесят три волка, и пусть тот, кто явится к тебе, наденет серую шкуру. Куда вы двое поведете их, там они все пожрут, принося всем смерть, а вам — победу. Знай одно, что они сильны только в тех местах, где прежде добывали себе пищу. Недобрый дар взял ты от моей матери, дар Стража. Хотя без него ты бы никогда не одолел царя волков, но зато, приобретя его, ты сам погибнешь. Завтра снеси меня обратно к матери, чтобы мне уснуть там, где уже не мечутся духи-волки. Галази, я кончил!»

По мере того как он говорил, голос мертвеца становился все глуше, так что я еле различал слова. Однако я успел спросить его, кого же принесет лев, кто поможет мне управлять волками-призраками, как зовут этого пришельца? Тогда мертвец ответил столь тихо, что, если бы не окружающая тишина, я бы не расслышал:

«Его зовут Умслопогас-Убийца, сын Чаки, Льва Зулусов!»

Тут Умслопогас вскочил с места.

— Мое имя Умслопогас, — сказал он, — но я не убийца, так как я сын Мбопы, а не Чаки. Ты видел это во сне, Галази, а если нет, то мертвец солгал тебе!

— Может быть, я и видел сон, — ответил Галази-Волк, — может быть, солгал мертвец. Все же, если в этом он солгал, то, как ты увидишь, относительно всего остального он сказал правду!

После этих слов, услышанных наяву или во сне, я действительно заснул, а когда проснулся, то лес застилала облака тумана, слабый серый свет скользил по лицу той, что сидит на камне. Я вспомнил про свой сон и захотел проверить его. Я встал и, выйдя из пещеры, нашел место, где мог взобраться до грудей и головы каменной Колдуньи. Я полез, и в это время солнечные лучи заиграли на ее лице. Я им обрадовался, но по мере того,

как приближался, сходство с женским лицом утрачивалось; я уже ничего не видел перед собой, кроме шероховатых скалистых глыб. Так всегда бывает с колдуньями, Умслопогас, будь они каменные или живые — при приближении они меняются!

Теперь я находился на груди горы и сначала бродил взад и вперед между каменными глыбами. Наконец я набрел на расщелину шириной в три мужских прыжка и длиной в полполета копья. Близ этой расщелины лежали большие, почерневшие от огня камни, а около них сломанные горшки и кремневый нож. Я заглянул в расщелину: она была глубока, сыра и вся поросла зеленым мхом да высокими папоротниками.

Вернувшись, я сделал следующее. Я и с волчихи содрал шкуру. Когда я кончил, солнце уже взошло и пора было отправляться! Но один я не смел уйти, надо было захватить с собой того, кто сидел в скалистой щели. Я очень боялся этого мертвеца, говорившего со мной во сне. Но я обязан был его взять, так что, навалив один на другой камни, я добрался до него и снес вниз. Он оказался очень легким — кожа да кости. Спустив его, я обвязал вокруг себя волчью шкуру, оставил кожаный мешок, куда скелет не помещался, и, подняв мертвеца себе на плечи, как ребенка, держа его за уцелевшую ногу, направился в крааль.

По откосу, зная дорогу, я шел скоро, ничего не видя и не слыша. Я вступил в лесной мрак. Тут пришлось умерить шаг, чтобы ветви не ударяли мертвеца по голове. Так я шел, продвигаясь в глубь леса. Тогда справа от меня раздался волчий вой, слева ему ответил другой, послышались еще завывания за мной, впереди меня. Я шел быстро, боясь остановиться, направляясь по солнечным лучам, изредка красневшим сквозь большие деревья. Теперь я уже различал крадущиеся на моем пути серые и черные тени, обнюхивающие на ходу воздух. Наконец я дошел до открытого места, и — о ужас! — все волки мира собрались тут. Сердце у меня замерло, ноги задрожали, со всех сторон были звери, большие, голодные. Я стоял неподвижно, занеся Дубину, а они тихо подползали, ворча, бормоча, образуя вокруг меня большой круг. Но они на меня не бросались, а только подкрадывались все ближе. Один из них прыгнул, но не на меня, а на то, что я держал на плечах. Я двинулся в сторону, он промахнулся и, упав на землю, стал жалобно, точно испуганно, визжать. Тогда припомнилось мне предсказание в моем сне, что мертвец наградит меня разумом, сделавшим меня королем волков-призраков, меня и еще другого, принесенного мне львом.

Разве это не оправдалось, разве не растерзали бы меня в противном случае волки?

На минуту я задумался, потом крикнул, завыв, подобно волку. Тогда все волки откликнулись могучим, заунывным воем. Я протянул руку, позвал их. Они подбежали, окружили меня, но вреда не причинили, — напротив, они красными языками лизали мне ноги, дрались, чтобы стать ко мне ближе и терлись о меня, как коты.

Один еще попробовал схватить мою ношу, но я ударил его Стражем, и он улизнул, как наказанный пес. К тому же другие искусали его так, что он взвыл.

Я уже знал, что мне нечего бояться, я стал главой духов-волков, поэтому пошел дальше, и за мной побежала вся стая.

И я все шел, а они покорно следовали за мной; упавшие листья шуршали под их ногами, подымалась пыль. Наконец показалась лесная опушка.

Тут я подумал, что люди не должны видеть меня окруженным волками, иначе они примут меня за колдуна и убьют. На опушке я остановился и приказал волкам идти обратно. Они жалобно взвыли, точно жалея обо мне, но я крикнул им, что вернусь опять и буду править ими. Слова мои точно отозвались в их диких сердцах. Они повернули и, завывая, ушли, так что скоро я остался один.

Теперь, Умслопогас, пора спать, завтра ночью я dokonчу рассказ.

XIV. Братья-Волки

На следующую ночь Умслопогас и Галази опять грелись у огня на пороге пещеры, вот как мы сидим теперь, отец мой, и Галази продолжал рассказ:

— Я пошел дальше и пришел к реке. Уровень воды настолько понизился, что я мог достать дно ногами и переправился вброд. Между тем люди на другом берегу разглядели мою ношу, а также волчью шкуру на моей голове. Они побежали к краалю, крича: «К нам по воде идет кто-то на спине у волка!»

Когда я подошел к краалю, все жители его собрались встретить меня, кроме старухи, которая не могла так далеко идти. Когда увидели меня спускающимся с горы и поняли, что я несу на плечах, то всех обуял страх. Но удивленные, они не убежали, а только молча пятились передо мной, держась друг за друга. Я тоже медленно продвигался, пока не приблизился к краалю. Старуха сидела у ворот, греясь в полуденных лучах. Я подошел к изгороди и, сняв с плеч ношу, опустил ее на землю со словами:

«Женщина, вот твой сын! С большим трудом вырвал я его из когтей призраков, много их там, наверху. Он весь тут, кроме одной ноги, не найденной мною. Возьми его теперь, предай погребению, ибо общество его мне тягостно».

Она взглядела в лежавшего перед ней, протянула иссохшую руку, сорвала повязку с провалившихся глаз. Потом с диким воплем обхватила руками шею мертвого.

Она вскрикнула еще раз, стоя неподвижно с протянутыми руками. Тут пена выступила у нее изо рта, и она упала мертвая на труп сына. Наконец кто-то из жителей закричал: «Как зовут этого человека, отвоевавшего тело у духов?»

— Зовут меня Галази! — отвечал я.

— Нет, не так, твое имя Волк, вот и волчья шкура на твоей голове!

— Галази имя мое, а Волком ты прозвал меня, но пусть я назовусь Галази-Волк!

— И вправду, волк, смотрите, как он скалит зубы, не человек он, братья, нет!

— Ни то ни другое, просто колдун! — закричали все. — Только колдун мог пробраться через лес и влезть на каменные колени!

— Да, да, это волк, это колдун! Убейте его, убейте колдуна-волка, пока

он не навлек на нас своих духов!

Они подбежали ко мне с поднятыми копьями.

— Да, я волк, — закричал я. — Да, я колдун, я пойду за волками и привидениями и приведу их к вам!

С этими словами я повернулся и побежал так скоро, что они не могли меня догнать. По дороге мне попалась девушка, она несла на голове корзину с хлебом, а в руках — мертвого козленка. Я дико взвыл, набросился на нее, вырвал хлеб и козленка и побежал дальше к реке.

Перейдя речку, я спрятался на ночь в скалах и съел свою добычу.

Встав на заре, я стряхнул росу с волчьей шкуры, потом вступил в лес и завыл по-волчьи. Волки-привидения узнали мой голос и откликнулись издалека. Скоро раздался их топот, и волки обступили меня целыми десятками и ласкались ко мне. Я сосчитал их, всего оказалось триста шестьдесят три зверя.

Тогда я направился в пещеру и вот живу здесь с волками уже двенадцать месяцев. С ними я охочусь, с ними свирепствую, они меня знают и слушаются меня! Теперь, Умслопогас, я покажу тебе их!

И Галази, надев на юношу волчью шкуру, протяжно завыл. Еще не успело замереть эхо, как с вышины скал, из глубины леса, с востока, с запада, с севера, с юга раздались ответные завывания. Волки приближались — вот раздался топот, и подскочил большой серый волк, а за ним много других. Они бросились к Галази, ласкаясь к нему, но он отстранил их тычками Стража. Тогда, заметив Умслопогаса, они, раскрыв пасти, накинулись на него.

— Смирно! Не двигайся! — крикнул Галази. — Не бойся.

— Я привык к собачьим ласкам! — отвечал Умслопогас. — Что же в них страшного?

Он говорил смело, но в душе трусил, так как зрелище было самое ужасное. Волки набросились на него со всех сторон, разинув пасти, почти закрывая его. Но ни один волк не тронул его, подскакивая, звери обнюхивали шкуру и тогда ласкались и лизали его. Умслопогас увидел, что самцы перестают на него бросаться, но самки еще толпились кругом, узнавая шкуру волчихи. Все звери были большие, истощенные, голодные, все зрелые — детенышей не было вовсе — и столь многочисленные, что при луне их трудно было сосчитать. Вглядевшись в их красные глаза, Умслопогас почувствовал, что сердце его становится волчьим. Подняв голову, он тоже взвыл, и самки завывали в ответ.

— Стая собрана, пора на охоту! — крикнул Галази. — Поторопимся, дружище, нам этой ночью предстоит дальний путь! Эй, Черный Клык!

Серое Рыло! Эй, слуги мои, черные, серые, вперед, вперед!

Он с криком прыгнул вперед, за ним Умслопогас, а следом устремились волки-привидения. Они сбежали, как лани, с горных уступов, перескакивая со скалы на скалу и вдруг перед самой чащей остановились.

— Я чую добычу! — крикнул Галази. — Вперед, слуги мои, вперед!

Вскоре из лесу выскочил буйвол, и волки кинулись за ним. Буйвол, спасаясь от преследователей, летел со всех ног, но Умслопогас, опередив других и даже Галази, нагнал его, вскочил на спину и ударил копьем. Животное закачалось и рухнуло на землю. В это время подросли остальные волки и поделили между собой добычу.

Вскоре после охоты Умслопогас рассказал Галази свою историю, и тот спросил его, останется ли он с ним жить, разделит ли власть над волками или же отправится разыскивать отца своего, Мбопу, в краале Чаки.

Умслопогас признался, что хочет только разыскать свою сестру Наду, о которой он ни на минуту не забывал, но Галази уговорил его подождать до той поры, пока он не возмужает, и Умслопогас остался.

Друзья на глазах у всех волков заключили кровавый братский союз до смерти, и волки завывали, почуяв человеческую кровь. С той поры Братья во всем были заодно, и волки-духи откликались на голоса обоих. Не одну лунную ночь потом охотились они вместе, добывая себе пищу. Иногда они переправлялись через реку, охотились по равнинам, так как в горах водилось мало дичи. Тогда, заслышав могучий вой, жители крааля выходили из хижин и, следя, как стая неслась по степи, говорили, что это носятся духи, и со страхом прятались. Однако Братья-Волки и их стая до сих пор еще не убивали людей.

После нескольких месяцев жизни на заколдованной горе Умслопогасу стала сниться Нада. Просыпаясь, он подумал о том, как бы разузнать про меня, Мбопу, а также про ту, кого он считал матерью, про сестру Наду и про всех остальных родителей.

Однажды он оделся, прикрыв наготу, и, оставив Галази, спустился в тот крааль, где жила прежде старуха. Там он выдал себя за молодого человека, сына одного вождя из далекой страны, ищущего себе жену. Жители крааля выслушали его, хотя вид его показался им диким, свирепым, а кто-то из них даже спросил, не он ли Галази-Волк, Галази-колдун.

Умслопогас отвечал, что он ничего не знает про Галази, а еще меньше про каких-то волков. Пока они так рассуждали, в крааль вступил отряд из пятидесяти воинов. Умслопогас узнал в них воинов Чаки и сначала хотел заговорить с ними, но Эхлосе внушил ему молчать, так что он сел в углу

большой хижины и стал прислушиваться. Немного погодя индуна, страшно струсивший, так как думал, что отряд послан умертвить его, а также все ему подвластное, спросил одного из пришельцев, что им нужно.

— Дело наше небольшое, но бесполезное. Король направил нас разыскивать некого юношу Умслопогаса, сына Мбопы, королевского врача. Мбопа распустил слух, что юношу растерзал лев вот в этих горах; Чака желает убедиться, насколько это правда.

— Не видали мы никакого такого юношу! — ответил старейшина. — Да на что он вам?

— Мы исполним приказание и убьем его!

«Подождите еще!» — подумал про себя Умслопогас.

— Что за человек этот Мбопа? — спросил опять индуна.

— Он злоумышленник, — ответил вождь, — и король уже умертвил всех его родных и близких, всех жен, детей и слуг.

XV. Смерть королевских палачей

Услышав эти слова, Умслопогас вскипел гневом, так как любил меня, Мбопу, и считал погибшим с остальными своими родными. Он смолчал, но выждав, когда никто не смотрел в его сторону, проскользнул за спинами военачальников и достиг двери хижины. Он быстро выбрался из краала и скорым бегом, перейдя речку, поднялся на гору Призраков.

Между тем начальник отряда спросил старейшину, знает ли тот что-нибудь про искомого юношу. Индуна рассказал про Галази-Волка, но вождь ответил, что это не мог быть он, так как Галази уже много месяцев обитает на горе Призраков.

— Есть тут еще один юноша, — сказал начальник, — это незнакомец высокого роста, сильный, с глазами, сверкающими, как копья. Он здесь, в хижине, сидит вон там, в тени!

Военачальник заглянул в угол, но Умслопогас уже исчез.

— Юноша убежал, — сказал он, — как же никто не заметил? Уж не колдун ли он? И вправду, до меня дошли слухи, будто на горе обитают двое и что оба они по ночам охотятся с привидениями, но я не уверен, что это так!

— Тебя стоит убить, — сказал разозленный вождь, — ты дал юноше убежать: несомненно, это Умслопогас, сын Мбопы!

— Я не виноват, — сказал индуна, — оба эти юноши колдуны, они могут являться и исчезать, как им вздумается. Только помни одно, королевский гонец, если ты собираешься на гору Призраков, то иди один, без твоих воинов, потому что туда никто не смеет влезть!

— А я посмею, завтра же! — ответил военачальник. — Мы становимся храбрыми в краале Чаки, мои люди не боятся ни копий, ни духов, ни диких зверей, ни колдовства, они боятся лишь королевского слова. Солнце садится, накорми нас, завтра мы пойдем в гору!

Так, отец мой, говорил безумный вождь, которому не суждено было видеть другого заката солнца.

Между тем Умслопогас достиг горы и, когда пришел Галази, в нескольких словах поведал ему обо всем случившемся.

— Тебе грозила опасность! — сказал Галази. — Что же дальше?

— А вот что! — ответил Умслопогас. — Наше войско томится по человеческому мясу. Накормим его досыта воинами Чаки, вон они засели там, в краале, чтобы убить меня. Я хочу отомстить за отца, Мбопу, за всех своих

убитых родственников, за матерей, за жен Мбопы. Что ты скажешь?

Галази расхохотался:

— Славно придумано, брат! Мне надоело охотиться за зверями. В эту ночь погоняемся за людьми!

Они отдохнули, поели, затем, вооружившись, вышли. Галази завыл, волки сбегались десятками, пока наконец не собрались все. Тогда он обошел их, потрясая Стражем, а звери сидели на задних лапах, следя за ним огненными зрачками.

Потом стая, по обыкновению, разделилась. Самки пошли за Умслопогасом, самцы — за Галази. Неслышно, быстро спустились они на равнину, переплыли реку и остановились на том берегу, на расстоянии восьми полетов копы от крааля. Братья-Волки стали совещаться. Они порешили так, что Галази с самцами направлятся к северным воротам, а Умслопогас с самками — к южным. Тихо, благополучно добрались они до ворот, так как по знаку Братьев волки перестали выть. Ворота заросли терном, но Братья отодрали его и сделали проход. В это время от треска сучьев в краале проснулись собаки и почуяли запах волков, следовавших за Умслопогасом. Собаки с лаем выбежали, быстро достигли южных ворот крааля и набросились на Умслопогаса, раздвинувшего терновник. Когда волки завидели собак, им не было удержу, они тоже бросились на них и рвали на части. Шум этой драки долетел до воинов Чаки и до жителей крааля, так что они вскочили от сна, хватаясь за оружие. Выходя из хижин, они видели освещенного луной человека, одетого в волчью шкуру, бежавшего через тот загон, где обыкновенно находился скот, когда он не пасся в высокой траве лугов. За человеком следовали бесчисленные волки, серые и черные. Тогда жители крааля завопили в страхе, что это привидения, и повернули к северным воротам. Но — о ужас! — и тут встретился человек в волчьей шкуре и тоже множество волков, серых и черных.

Тогда одни люди падали на землю с отчаянными криками, другие старались убежать; большая же часть воинов, а с ними жители крааля собрались группами, решив, несмотря на свой страх, храбро умереть под зубами духов.

Умслопогас громко завыл, взвыл также Галази. Они кинулись на воинов, на жителей крааля, с ними кинулись и волки. К небесам поднялись стоны, вопли, а волки все насакивали, рвали, кусали. Они не боялись ни копий, ни керри.

Некоторых воинов убили, но остальные не унимались. Скоро отряды людей разбились, на каждом человеке уже висело по два-три волка, таща

его к земле. Некоторые люди убежали, но волки выслеживали их и раздирали на куски, прежде чем те успевали добраться до ворот крааля. Братья-Волки свирепствовали; Страж неустойчиво работал, многие склонялись под ним, часто сверкало в лунном свете занесенное копье Умслопогаса. Наконец все было кончено: в краале в живых не осталось никого, и проголодавшиеся за долгое время волки теперь, насыщаясь, угрюмо ворчали. А Братья, сойдясь, радовались звериной радостью, оттого что убили тех, кто пришел их убивать. Они созвали волков и приказали им обыскать хижины: волки ворвались туда, как собаки в лесную чащу, терзали спрятавшихся там людей или, выгнав их наружу, затравливали тут. Вдруг какой-то высокий человек выскочил из последней хижины. Волки кинулись к нему, но Умслопогас отогнал их, так как узнал лицо этого человека. Это был тот самый военачальник, которому Чака поручил убить Умслопогаса. Отогнав зверей, юноша подошел к вождю со словами:

— Привет тебе, королевский посланник! Поведай нам, что привело тебя сюда, поведай нам это здесь, под тенью той, что сидит на камне!

Он указал копьем на серую Колдунью горы Призраков, ярко освещенную месяцем.

Военачальник был не лишен благородства, хотя и прятался от волков. Он смело ответил:

— Какое тебе дело, колдун? Все равно твои духи порешили мое дело, пусть они покончат и со мной!

— Не торопись, — сказал Умслопогас, — скажи-ка лучше, не послали ли тебя разыскивать некоего юношу, сына Мбопы?

— Ты не ошибся, — ответил вождь. — Я и вправду искал юношу, а нашел только злых духов! — Он взглянул на волков, раздиравших добычу.

— А вот скажи мне, — продолжал Умслопогас, сдергивая с головы шкуру, так что свет луны падал на него, — скажи, признаешь ли ты лицо того юноши, которого ты искал?

— Да, признаю! — ответил пораженный вождь.

— Ага, — засмеялся Умслопогас, — узнал! Дурень ты, ведь я угадал, какое тебе дано поручение, слышал твою болтовню, и вот мой ответ тебе!

— Он указал на груды мертвых тел. — Теперь выбирай, да поживей! Хочешь спастись бегством, нагоняемый всей стаей, или померяешься силами вот с этими четырьмя? — Он указал на Серое Рыло, на Черного Клыка, на Кровь и на Смертоносца. Волки слушали, глотая слюни. — А может быть, ты выступишь против меня, если же я паду, то против того, кто сражается Дубиной, кто вместе со мной правит этим серым и черным войском?

— Я боюсь призраков, но не людей и не колдунов, — ответил

— Идет! — крикнул Умслопогас, потрясая копьем. Тогда они, подбежав друг к другу, вступили в яростный поединок. Скоро копье Умслопогаса сломалось о щит вождя, и он остался обезоруженным. Умслопогас повернулся и быстро побежал, перепрыгивая через волков, а вождь настигал его, занося копье и издеваясь над ним.

Галази удивлялся, что Умслопогас боится одного человека и мечется во все стороны, опустив взгляд на землю. Вдруг следовавший за ним Галази заметил, как он вспорхнул, будто птица, и нагнулся к земле. Потом закрутился на месте, и что же — в руках его был топор. Вождь кинулся на него, но Умслопогас с разбега ударил, и лезвие большого занесенного над ним копья упало на землю, выбитое из рукоятки. Снова Умслопогас ударил, лунообразное лезвие топора, проткнув толстый щит, глубоко вонзилось в тело. Тогда военачальник взмахнул руками и упал на землю.

— Ага! — крикнул Умслопогас. — Ты искал юношу, а нашел топор; спи сладко, посланник Чаки!

Затем Умслопогас обратился к Галази со словами:

— Впредь я буду сражаться не копьем, а одним только топором. Это отыскивая его, я так убегал, точно трус. Но этот топор плохой, видишь, рукоятка переломилась от силы удара. Я хочу добыть ту большую Секиру Джикизы, прозванную Виновницей Стонов, о которой мы столько слышали, чтобы Секира с Дубиной работали вместе.

— Но не этой ночью! — сказал Галази. — На первый раз и этого довольно. Теперь разыщем утварь и хлеб, они пригодятся нам, а потом до зари скорее назад, в гору!

Вот как Братья-Волки умертвили отряд Чаки, и это был лишь первый из разгромов, удавшихся им с помощью волков. Каждую ночь свирепствовали они в стране, нападая на тех, кого ненавидели, и уничтожали всех. Слава их и волков-призраков все росла, скоро страна совсем опустела. Однако они заметили, что волки не соглашаются переходить границы, не хотят драться повсюду. Так, однажды ночью Братья собрались напасть на крааль племени Секиры, где жил вождь Джикиза, прозванный Непобежденным, владевший Секирой Виновницей Стонов. Но когда они подбирались к краалю, волки вдруг повернули обратно. Тут Галази припомнился его сон, когда с ним беседовал Мертвый в пещере и предупреждал его, что только там, где когда-то охотились людоеды, могут охотиться и волки.

Братья ни с чем вернулись домой, но Умслопогас стал обдумывать свой план добычи Секиры.

XVI. Умслопогас достает Секиру

Прошло уже немало времени с тех пор, как Умслопогас встретился с Галази. Юноша вырос и превратился в храброго, сильного мужчину, но до сих пор еще не достал Секиру Виновницу Стонов.

Иногда он прятался в камышах у реки, посматривая на крааль Джикизы Непобедимого, следя за воротами крааля. Раз он заметил высокого человека, несшего на плече блестящий топор с рукояткой из клыка носорога. С тех пор желание владеть Секирой все сильнее овладевало Умслопогасом.

Однако, несмотря на такое сильное желание, он не видел возможности добыть Секиру. Случилось так, что однажды к вечеру, когда Умслопогас спрятался в камышах, он увидел девушку, стройную и прекрасную, с кожей такой же блестящей, как медные украшения на ее теле. Она тихо шла по направлению к месту, где он лежал, не остановилась у края камышей, а вошла в них и, усевшись на земле на расстоянии полета копья от Умслопогаса, стала плакать, сквозь слезы разговаривая сама с собой.

— Пусть бы волки-привидения напали на него, на все его имущество, — рыдала она, — пусть напали бы и на Мезило. Я готова сама натравить их, готова быть растерзанной их клыками. Лучше умереть под зубами волков, чем быть отданной этому толстому борову Мезило! А я, если меня за него выдадут, вместо поцелуев проткну его ножом. Если бы я распоряжалась волками, захрустели бы кости в краале Джикизы, до новолуния всех бы загрызли.

Умслопогас все это слышал и вдруг предстал перед девушкой. Он был высок, имел дикий вид, а клыки волчицы сверкали на его лбу.

— Девушка! Волки-привидения наготове, — сказал он. — Они всегда к услугам тех, кто в них нуждается!

Увидав его, девушка слабо вскрикнула, потом притихла, пораженная ростом и свирепым взглядом говорившего с ней.

— Кто ты? — спросила она. — Кто бы ты ни был, я не боюсь тебя!

— Напрасно, девушка, все меня боятся, и недаром. Я один из прославленных Братьев-Волков, я колдун с горы Призраков. Берегись, как бы я не убил тебя! Не трудись звать на помощь, я бегаю скорее, чем твои соплеменники!

— Я никого звать не собираюсь, человек-волк, только стоит ли убивать такое молодое существо, как я?

— Твоя правда, девушка! — ответил Умслопогас. — Но скажи мне, о каком Джикизе и о каком Мезило говорила ты? Твои речи дышали яростью, они любви моему сердцу!

— Ты, как видно, подслушал их, — ответила девушка, — можно не повторять!

— Как хочешь, милая! Расскажи лучше про себя, быть может, я могу тебе помочь!...

— Не о чем рассказывать, история моя коротка и обыденна. Зовут меня Зинитой, а Джикиза Непобежденный приходится мне отчимом. Он женился на моей покойной матери, но я не его крови. Теперь он сватает меня некому Мезило, толстому старику, которого я ненавижу, но Джикизу прельщает количество предложенного за меня скота!

— Нет ли у тебя кого другого на примете? — спросил Умслопогас.

— Никого нет! — ответила Зинита, пристально глядя ему в глаза.

— Так как же избежать Мезило?

— Одно спасение — смерть, человек-волк. Умирая, я спасусь, умрет Мезило — то же самое... Впрочем, нет, это ни к чему, так как меня выдадут за другого; если же Джикиза умрет, тогда хорошо! Скажи, человек-волк, разве не проголодалось твое войско?

— Сюда я не могу их привести, — ответил Умслопогас, — как же быть?

— Есть один способ, — сказала Зинита, — только бы человек нашелся! — Опять она так странно посмотрела на Умслопогаса, что кровь в нем закипела.

— Слушай, знаешь ли ты, кто правит нашим племенем? Им правит владеющий Секирой Виновницей Стонов. Тот, кто в сражении выбьет Секиру из рук держащего ее, тот станет новым вождем. Но если владеющий Секирой умрет непобежденным, тогда сын займет его место и получит право на Секиру. Так было с четырьмя поколениями, ибо до сих пор владеющий Виновницей Стонов всегда оставался непобежденным. Но я также слышала, что прадед Джикизы добыл Секиру обманом. Когда она легко ранила его, он упал, притворяясь мертвым. Тогда владеющий Секирой засмеялся и хотел отойти, но прадед Джикизы вскочил позади, пронзил его копьем и таким образом сделался вождем племени. Поэтому сам Джикиза, убивая Секирой, всегда отсекает головы.

— А многих он убивает? — спросил Умслопогас.

— Да, за последние годы многих, — сказала девушка, — никто не может противостоять ему, никакие силы, потому что, вооруженный Виновницей Стонов, он непобедим, и сражаться с ним — значит, идти на

верную смерть. Пятьдесят один человек пробовали, и вот перед хижиной Джикизы валяются их белые черепа. Помни одно — Секира добывается в сражении, краденная или найденная случайно, она теряет силу, даже приносит позор и смерть завладевшему ею!

— Как же сойтись с Джикизой?

— А вот как. Раз в год, летом, в первый день новолуния Джикиза созывает совет военачальников. Тут он вызывает желающих, одного или многих, сразиться с ним из-за Секиры, стать вождем вместо него. Если один человек выступит, они идут в загон, и там дело кончается. Тогда, отрубив врагу голову, Джикиза возвращается на совет. Всем дозволяется участвовать в совете, и Джикиза обязан драться со всеми, кто бы ни принял его вызов!

— Не пойти ли мне туда? — сказал Умслопогас.

— После такого совета, в следующее новолуние, меня выдадут за Мезило! — сказала девушка. — Тот, кто покорит Джикизу, станет вождем и может выдать меня за кого хочет!

Тут Умслопогас понял ее намек, понял, что понравился ей, и мысль эта тронула его, до сих пор чуждавшегося женщин.

— Если я случайно там буду, если стану править племенем Секиры благодаря Железной Повелительнице, Секире Виновнице Стонов, то знай, девушка Зинита, что и ты заживешь в ее тени!

— Я согласна, человек-волк, хотя многие бы побоялись жить в этой тени. Но прежде добудь Секиру, многие пытались, но никому не удалось!

— Кому-нибудь должно удаться! — сказал он. — До свидания!

С этими словами Умслопогас бросился в реку и быстрыми взмахами рук поплыл по течению.

Девушка Зинита следила за ним, пока он не скрылся из виду, и любовь охватила ее сердце, любовь свирепая, ревнивая, сильная. Он же направился к горе Призраков, думая больше о Виновнице Стонов, чем о девице Зините, так как в глубине души Умслопогас предпочитал войну женщинам, потому что именно женщины внесли горе в его жизнь.

Пятнадцать дней до новолуния Умслопогас много думал и мало говорил. Однако он рассказал Галази часть правды и объявил о своем намерении сразиться с Джикизой Непобежденным из-за Секиры Виновницы Стонов.

Галази советовал оставить эту затею, говорил, что воевать с волками вернее, чем разыскивать какое-то неведомое оружие. Он сообщил также, что добычей Секиры дело не кончится, придется отвоевать девушку, а от женщин он не ждал добра. Разве не женщина отравила его отца в краале

Галакази? На все эти доводы Умслопогас ничего не отвечал, так как сердце его жаждало и Секиры, и девушки, но первой больше, чем второй.

Между тем время шло, и настал день новолуния. На заре этого дня Умслопогас надел охотничью сумку, обвязав под ней, вокруг бедер, шкуру волчихи. В руки он взял толстый боевой щит, сделанный из кожи буйвола, и еще ту самую лунообразную секиру, которой он убил посланного Чаки.

— И с таким оружием выступаешь ты против Джикизы? — спросил Галази, косо поглядывая на него.

— Ничего, она послужит мне! — ответил Умслопогас.

Когда он поел, они медленно спустились с горы, и так как Умслопогас сберегал силы, то перешли речку вброд. На том берегу Галази спрятался в камышах, чтобы не быть узнанным. Тут Умслопогас простился с ним, не зная, удастся ли им свидеться. Добравшись до ворот крааля, он заметил, что много людей проходят в них и смешиваются с толпой. Скоро все пришли к открытому пространству перед хижинкой Джикизы, где собрались его советники. Среди них, перед кучей черепов, сидел, сверкая глазами, сам Джикиза, страшный, надменный, волосатый человек. К руке его была привязана кожаным ремнем Великая Секира Виновница Стонов, и каждый, подходя, приветствовал ее, называя *Инкосикази*, то есть *Владычицей*. Самому Джикизе никто не кланялся.

Умслопогас сел в толпе перед советниками; никто не обратил на него внимания, кроме Зиниты, грустно ходившей взад и вперед, угощая туземным пивом наперсников вождя. Близко к Джикизе, по его правую сторону, сидел маленький жирный человек с блестящими глазками, жадно следившими за Зинитой.

«Вероятно, это — Мезило!» — подумал Умслопогас.

Немного погодя Джикиза заговорил, ворочая глазами:

— Послушайте, советники мои, что я решил! Я решил выдать падчерицу мою Зиниту за Мезило, только мы еще не сошлись с ним на свадебном подарке. Я требую от Мезило сотню голов скота, потому что девушка прекрасна, стройна и безупречна. Да к тому же она мне дочь, хотя и не моей крови. Но Мезило предлагает только пятьдесят голов, так что предоставляю вам помирить нас!

— Пусть так, повелитель Секиры! — ответил один из советников. — Но прежде, о Непобежденный, ты обязан в этот день года, согласно древнему обычаю, всенародно вызвать желающих сразиться с тобой за Виновницу Стонов и за право власти над племенем Секиры!

— Какая тоска! — ворчал Джикиза. — Когда же этому конец? В юности я уложил пятьдесят с лишним человек и с тех пор все выкрикиваю

свой вызов, точно петух на навозной куче, и никто его не принимает! Так слушайте же: есть ли между вами желающий вступить в поединок со мной, Джикизой, за Великую Секиру Виновницу Стонов? Она будет принадлежать отвоевавшему ее, а с ней и владычество над племенем Секиры!

Все это он пробормотал скоро, точно молился духу, в которого не верил, и опять заговорил о скоте Мезило и о девице Зините. Но вдруг поднялся Умслопогас и, поглядывая на него из-за своего боевого щита, крикнул:

— Есть, Джикиза, желающий сразиться с тобой за Виновницу Стонов и за связанное с этим оружием право власти!

Тут вся толпа расхохоталась, а Джикиза сверкнул глазами.

— Опусть твой большой щит, выходи! — сказал он. — Выходи, назови свое имя, свое происхождение, ты, дерзающий сразиться с Непобежденным за древнюю Секиру!

Тогда Умслопогас выступил вперед и показался всем таким свирепым, несмотря на молодость, что никто не рассмеялся.

— Что тебе, Джикиза, в моем имени, в родстве? — произнес он. — Брось это, поторопись лучше сразиться со мной, как исстари заведено, так как я жажду владеть Виновницей Стонов, занять твое место и решить вопрос о скоте Мезило Борова. Когда я тебя убью, то выберу себе такое прозвище, какого никто еще не носил!

Опять народ смеялся, но Джикиза вскочил, захлебываясь от ярости.

— Как? Что такое?! — возмущался он. — Ты осмеливаешься так говорить со мной, ты, неповитый младенец, со мной, Непобежденным, владеющим Секирой! Не думал я дожить до подобного разговора с длинноногим щенком. Идем в загон! Я отсеку голову этому хвостуну! Он хочет занять мое место, отобрать право, которым, благодаря Секире, пользовались четыре поколения моих предков. Вот сейчас я размозжу ему голову, и тогда мы вернемся к делу Мезило!

— Прекрати болтовню! — перебил его Умслопогас. — Если же не умеешь молчать, то лучше попрощайся с солнцем!

Тут Джикиза задохнулся от бешенства, пена выступила у него изо рта, так что он больше не мог говорить. Это забавляло всю толпу, кроме Мезило, косо поглядывавшего на высокого, свирепого незнакомца, и Зиниты, глядевшей на Мезило тоже без особой любви.

Все двинулись к загону, и Галази, издавек заметив это, не мог удержаться и, подойдя, смешался с толпой.

XVII. Умслопогас становится вождем племени Секиры

Когда Умслопогас и Джикиза Непобежденный пришли в загон, они остановились посреди него, на расстоянии десяти шагов друг от друга.

Умслопогас был вооружен большим щитом и легкой, лунообразной секирой, а Джикиза — Виновницей Стонов и небольшим щитом.

Сравнивая их вооружение, народ думал, что владелец Виновницы Стонов быстро расправится с незнакомцем.

По данному знаку Джикиза с яростным ревом налетел на Умслопогаса. Но тот не шелохнулся до той минуты, когда враг приготовился ударить. Тогда он внезапно отскочил в сторону и сильно хватил по спине давшего промах Джикизу. Он ударил его гладью лезвия, так как убивать врага пока не намеревался. В сотенной толпе раздался взрыв смеха. Джикиза чуть не лопнул от досады, от позора. Он обежал кругом, как дикий бык, еще раз налетел на Умслопогаса, поднявшего щит, чтобы встретить его. Тогда вдруг Умслопогас в то мгновение, когда Великая Секира занеслась высоко вверх, испустил как бы крик ужаса и побежал.

Опять раздался смех, а Умслопогас бежал все быстрее. За ним в слепой ярости гнался Джикиза. Туда-сюда по загону носился Умслопогас на расстоянии копья от Джикизы, держась спиной к солнцу, чтобы следить за тенью своего врага. Еще раз он обежал круг, а толпа рукоплескала этой погоне, подобной тому, как на охоте загонщики травят лань, Умслопогас так ловко бежал, что хотя шатался от слабости, и многие думали, что ему не хватит дыхания, однако несли все быстрее, увлекая за собой Джикизу. Когда наконец Умслопогас понял по дыханию врага и по дрожанию тени, что силы его истощились, он притворился, что сам падает, что сбивается с дороги вправо. Спотыкаясь, он уронил большой щит под ноги Джикизы. Тогда тот сослепу налетел на него, запутался в нем ногами и растянулся во весь рост на земле. Умслопогас, видя это, ринулся на него, как орел на горlinkу. В одно мгновение он выхватил Секиру Виновницу Стонов, сильным ударом отделил от ремня, прикреплявшего ее к руке Джикизы, и отскочил, занося большую Секиру и отбросив все остальное оружие. Тут все присутствующие оценили его хитрость, и ненавидевшие Джикизу громко возликовали. Остальные молчали.

Медленно поднялся Джикиза с земли, удивляясь, что еще жив, схватил

маленькую секиру Умслопогаса и, глядя на нее, зарыдал. Умслопогас же, подняв Великую Виновницу Стонов, Железную Повелительницу, рассматривал ее кривые стальные зубцы, красоту рукоятки, обмотанной медной проволокой и кончающейся шишкой, как у палицы. Он любовался ею, как жених красотой новобрачной. Потом на глазах у всех он, поцеловав широкое лезвие, громко воскликнул:

— Привет тебе, моя Инкосикази, отвоеванная мной в сражении! Никогда мы с тобой не расстанемся, вместе и умрем, потому что я не допущу, чтобы кто-нибудь владел тобой после меня!

Так воскликнул он перед народом, потом обратился к плачущему, все утратившему Джикизе.

— Где же гордость твоя, Непобежденный? — смеялся Умслопогас. — Продолжай поединок. Ты вооружен тем же оружием, которое только что было у меня, однако я перед тобой не струсил!

Джикиза с минуту глядел на него, потом с проклятием швырнул в него маленькой секирой и, повернувшись, бросился бежать к воротам загона.

Умслопогас нагнулся, секира пролетела над ним. Так как он не двигался с места, то народ думал, что он даст Джикизе уйти. Но не того ему хотелось. Умслопогас подождал, пока Джикиза почти достиг ворот, тогда он с диким ревом, с быстротой молнии бросился вперед. Джикиза тоже прибавил шагу, вот он у ворот, вот они столкнулись, блеснула сталь, и вдруг все увидели, как Джикиза упал мертвый, убитый насмерть могучей Секирой Виновницей Стонов, которой он и отцы его владели столько лет.

В толпе раздался громкий крик, что Джикиза наконец убит, многие рукоплескали Умслопогасу, называя его вождем, господином племени Секиры. Но сыновья побежденного, десять сильных, храбрых мужей, кинулись к нему, чтобы умертвить его. Умслопогас отбежал, заноса Виновницу Стонов, а некоторые из советников бросились разнимать их, крича: «Остановитесь!»

— Разве не по вашему закону, — сказал Умслопогас, — я, победивший вождя племени Секиры, сам становлюсь вождем?

— Таков закон, — ответил один из престарелых советников, — но вот что он также предписывает: ты должен победить всех, кто выступит против тебя. Так было при моем отце, когда дед покойного Джикизы завладел Секирой, так должно быть и по сей день!

— Я согласен, — сказал Умслопогас, — но кто же еще поборется со мной за Секиру Виновницу Стонов, за право власти над племенем Секиры?

Тогда все десять сыновей Джикизы, как один человек, выступили вперед, потому что сердца их обезумели от ярости из-за смерти отца, а

также потому, что их род лишился власти. Им уже безразлично было — жить или умереть.

Кроме них никто не выступал, все мужчины боялись Умслопогаса, боялись Виновницу Стонов.

Между тем он сосчитал их.

— Клянусь головой Чаки, их десять! — вскричал он. — Если начать сражаться со всеми по очереди, то мне не останется времени разобрать дело Мезило и девушки Зиниты. Слушайте! Что скажете вы, сыновья Джикизы Победенного, если я предложу еще кому-нибудь драться вместе со мной против вас десятерых одновременно? Согласны ли вы на это?

Братья рассудили между собой, что такие условия более выгодны, чем если им выходить по одному.

— Пусть так! — ответили они, и советники тоже одобрили такое решение.

Умслопогас, бегая кругом по загону, заметил в толпе брата своего Галази и понял, что тот жаждет сразиться плечом к плечу с ним. Тогда он громко крикнул:

— Выбираемый мной союзник в случае нашей победы станет вторым правителем племени Секиры!

Выкрикивая это, он медленно обошел ряды, всматриваясь в лица, пока не дошел до Галази, опирающегося на Стража.

— Вот большой человек с большой дубиной, — сказал Умслопогас. — Как зовут тебя?

— Мое имя Волк! — ответил Галази.

— Скажи-ка, Волк, согласен ты вступить вместе со мной в бой против десятерых? Если победа останется за нами, ты разделишь и власть мою над этим племенем!

— О великий владелец Секиры, — ответил Галази, — мне глушь леса, вершины гор дороже краалей и поцелуев жен, но ты так отличился, что я готов испытать радость битвы, я согласен драться рядом с тобой и видеть конец этого дела!

— Так помни уговор! — сказал Умслопогас.

Удивительная пара дошла до середины загона. Они поражали всех, а некоторым даже пришло на ум, что это, несомненно, Братья-Волки с горы Призраков.

— Что, Галази, ведь сошлись наконец Виновница Стонов со Стражем Брода! — сказал Умслопогас. — Я думаю, не многие сильнее их!

— А вот увидим! — ответил Галази. — Во всяком случае, борьба веселая, а каков конец — там видно будет!

— Да, хорошо побеждать, но смерть всему конец, и это еще лучше!

Потом они стали сговариваться о способе борьбы, и Умслопогас, размахивая Секирой, с любопытством рассматривал ее зубцы. После долгого разглядывания оба воина стали спиной друг к другу посреди загона; все присутствующие заметили, что Умслопогас держит Секиру по-новому, кривыми зубцами к себе, тупым краем к врагу.

Десять братьев столпились вместе, потрясая асегаями. Пятеро выстроились перед Умслопогасом, пятеро перед Галази-Волком. Все были большого роста, рассвирепевшие от бешенства, от сознания позора.

— Одно колдовство спасет этих двоих! — сказал стоявший близко советник.

— Сильна Секира, — ответил другой, — да и дубину эту я как будто знаю. Ее, кажется, зовут Стражем Брода. Горе неповинующимся ей. Я видел ее в деле, в дни моей юности. К тому же вооруженные Дубиной и Секирой далеко не трусы. Это еще юноши, но они вскормлены волками!

Между тем подошел старец, которому надлежало дать условный знак. Это был человек, разъяснивший Умслопогасу закон. Условным знаком служило подброшенное копье, и когда оно коснется земли, бой должен начаться. Старец взял копье, подбросил его, но из-за слабости руки сделал это так неловко, что оно упало среди сыновей Джикизы, столпившихся перед Умслопогасом. Они расступились, пропуская копье, привлекая взоры всех к месту его падения. Умслопогас следил за падением копья, не интересуясь, куда оно упадет. Вот оно коснулось земли, и, крикнув какое-то слово, они с братом, не дожидаясь натиска десяти, бросились вперед каждый на свою группу врагов.

Пока те десять, смущенные, не двигались с места, Братья-Волки уже налетели на них.

Недолго продолжался бой, но присутствовавшим минуты казались часами. Вскоре четверо братьев были убиты, а Секира и Дубина продолжали неистовствовать. Тогда остальные, осознав невозможность борьбы, бросились бежать.

— Эй вы, сыновья Непобежденного, стойте, не бегите так быстро! — закричал Умслопогас. — Я прощаю вас. Оставайтесь мести мои хижины и возделывать мои поля с остальными женщинами крааля! Теперь, советники, битва кончена, пойдете в хижину вождя, где Мезило ждет нас!

Он повернулся и пошел с Галази, а за ним молча, пораженный всем виденным, следовал народ.

Добравшись до хижины, Умслопогас сел на то место, где еще утром сидел Джикиза. Девушка Зинита принесла воды, чистую тряпицу и обмыла

ему рану, нанесенную копьем. Он поблагодарил ее, но когда она хотела сделать то же самое с еще более глубокой раной Галази, тот грубо отстранил ее и сказал, что не желает вокруг себя никакой женской возни. Тогда Умслопогас обратился к сидевшему перед ним перепуганному Мезило:

— Ты, кажется, сватал девушку Зиниту, даже насильно преследовал ее? Я предполагал убить тебя, но на сегодня довольно крови! Приказываю тебе поднести свадебный подарок этой девушке, которую я сам возьму себе в жены. Ты подаришь ей сто голов скота! А потом, Мезило-Боров, удались отсюда, из племени Секиры, пока не случилось с тобой чего-нибудь худшего!

Мезило встал и вышел с позеленевшим от страха лицом. Заплатив все сто голов, он поскорее убежал по направлению к краалю Чаки. Зинита следила за его бегством, радовалась ему и также тому, что Умслопогас взял ее себе в жены.

Между тем советники и военачальники преклонились перед тем, кого они прозвали Убийцей, воздавая ему почести, как вождю, как владеющему Секирой.

Став вождем многочисленного племени, Умслопогас возвысился, разбогател скотом, обзавелся женами. Никто не смел ему перечить. Изредка, правда, какой-нибудь смельчак дерзал вступить с ним в поединок, но никто не мог покорить его. Вскоре все знали, к чему ведет поцелуй Виновницы Стонов. Галази также возвысился, но редко виделся с племенем. Он больше любил дикие леса, высокие горы и часто, как в старину, носился ночью по лесу, по равнинам, сопровождаемый воем волков-призраков.

Но Умслопогас реже охотился с волками. Он проводил ночи с Зинитой, которая любила его и от которой у него рождались дети.

XVIII. Проклятие Балеки

Снова, отец мой, рассказ возвращается к началу, как река течет с верховьев. Я расскажу о событиях, случившихся в краале Гибамаксегу, прозванном потом людьми *Гибеллик*, или крааль *Погибель стариков*, потому что Чака умертвил в нем всех старцев, непригодных к войне.

В знак печали по погибшей от его руки матери Чака назначил на целый год траур, и никто не смел ни рожать детей, ни жениться, ни есть горячей пищи. Вся страна стонала и плакала, как плакал сам Чака. Беда ждала смельчака, рискнувшего появиться перед королем с сухими глазами.

Приближался праздник новолуния, со всех сторон сходились люди, тысячами, десятками тысяч, оглашая воздух жалобным плачем. Когда все собрались, Чака со мной пришел к народу.

— Теперь, Мбопа, — сказал король, — мы узнаем, кто чародеи, навлекшие на нас горе, а кто чист сердцем!

С этими словами он подошел к одному знаменитому вождю по имени Зваумбана, главе племени амабува, явившемуся сюда с женой и со всей своей свитой. Зваумбана не мог больше плакать: он задыхался от жары и жажды. Король посмотрел на него.

— Видишь, Мбопа, — сказал он. — Этот скот не горюет по моей покойной матери. О, бессердечное чудовище! Неужели ему радоваться солнцу, пока ты и я плачем, Мбопа? Нет, ни за что! Уведите его, уведите всех, кто при нем, уведите бессердечных людей, равнодушных к смерти моей матери, погибшей от злых чар!

Чака, плача, пошел дальше, я, рыдая, следовал за ним, а вождя Зваумбану со всеми его приближенными убили королевские палачи и, убивая, плакали над своей жертвой. Вот мы подошли к человеку, быстро понюхавшему табак. Чака успел это заметить.

— Смотри, Мбопа, у чародея нет слез, а бедная мать — мертва. Он нюхает табак, чтобы прослезить свои сухие от злобы глаза. Уберите это бесчувственное животное, ах, уберите его!

Так убили и этого. Скоро Чака совсем обезумел от ярости, бешенства, от жажды крови. Он приходил, рыдая, к себе в хижину пить пиво, и я сопровождал его, так как он говорил, что горюющим надо подкрепляться. По дороге он все размахивал ассегам, приговаривая:

— Уберите их, бессердечных тварей, равнодушных к смерти моей матери!

Тогда попадавшихся ему на пути убивали. Когда палачи уставали, их самих приканчивали. Мне тоже приходилось убивать, иначе убили бы меня самого. Наконец весь народ потерял рассудок от жажды, от неистового страха. Стали нападать друг на друга, каждый выискивал своего врага и закалывал его. Никого не пощадили, страна походила на бойню. В тот день погибло семь тысяч человек, но Чака все плакал, повторяя: «Уберите бесчувственных скотов, уберите их!»

В его жестокости, отец мой, таилась хитрость, потому что, закалывая многих ради забавы, он одновременно разделялся с теми, кого ненавидел или опасался.

Наступила ночь. Закат был багровым, все небо казалось кровавым, кровь текла по всей земле. Тогда резня прекратилась, все ослабели, люди, тяжело дыша, валялись кучами, живые вместе с мертвыми. Видя, что многие умрут до рассвета, если им не позволят вкушать пищи, напиться, я сказал об этом королю. Я не дорожил жизнью и даже забыл о мести, такая тоска меня грызла.

На другой день Чака, сказав, что пойдет прогуляться, приказал мне и еще кое-кому из приближенных и слуг следовать за ним. Мы молча покинули хижину, король опирался на мое плечо, как на палку.

— Что скажешь ты о своем племени, Мбопа, о племени э-лангени? Я не заметил их! Были они на поминках? — спросил Чака.

Я отвечал, что не знаю, но Чака остался очень недоволен. Между тем мы дошли до места, где черная скала образует большую, глубокую щель. Название этой щели Ундонга-Лука-Тазьяна. По обе стороны ее скала спускается уступами, и с высоты открывается вид на всю страну. Чака уселся на краю бездны, размышляя. Немного погодя он оглядел местность, увидел, что массы людей — мужчин, женщин, детей — шли по равнине по направлению к краалю Гибамаксегу.

— По цвету щитов, — сказал король, — мне сдается, что это племя э-лангени, твое племя, Мбопа!

— Ты не ошибся, о король! — ответил я.

Тогда Чака послал гонцов, приказав им добежать как можно быстрее и призвать к нему э-лангени. Других гонцов он послал в крааль, шепнув им что-то, чего я не понял.

Чака, следя за направляющейся к нему по равнине черной лентой людей, видел, как гонцы сошлись с ними, как люди стали взбираться по склонам.

— Сколько их числом, Мбопа? — спросил король.

— Не знаю, о Слон, я давно не видел их, но кажется, они насчитывают

до трех полных полков!

— По-моему, больше, — сказал король. — А что, по-твоему, Мбопа, заполнит ли твое племя вот эту щель под нами? — Он кивнул на скалистую пропасть. Тут, отец мой, я весь задрожал, угадав намерение Чаки. Отвечать я ему не мог, язык мой прилип к гортани.

— Людей много, — продолжал Чака, — однако я бьюсь об заклад на пятьдесят голов скота, что они не наполнят щели!

— Король изволит шутить!

— Да, я шучу, Мбопа, а ты тоже шути и бейся об заклад!

— Воля короля — священна, — пробормотал я, видя, что отказаться нельзя.

Между тем мое племя приближалось, его вел старец с белой головой и бородой. Вглядевшись, я узнал в нем отца своего Македаму. Подойдя к Чаке, он приветствовал его королевским салютом «Байете» и пал ниц на землю, громко славя его. Тогда тысячи людей попадали на колени, славя короля так громко, точно гремит гром. Родитель мой Македама все лежал в пыли, распростертый перед королевским могуществом. Чака повелел ему встать, ласково приветствовал его, все же остальные мои соплеменники не двигались, колотя лбами землю.

— Встань, Македама, дитя мое, встань, отец э-лангени! — сказал Чака, — Расскажи мне, отчего ты опоздал на поминки?

— Долог наш путь, о король, время коротко, к тому же женщины и дети сильно утомились!

— Довольно, дитя мое, я убежден, что ты горевал в душе, а также горевало твое племя. Скажи мне, все ли тут?

— Все тут, о Слон, все в сборе. Краали мои опустели, скот без пастухов ходит по холмам, птицы клюют заброшенные посевы!

— Так, Македама, так, верный слуга мой, я верю, что ты стремился погоревать со мной. Так слушай же: расположи племя по левую и по правую стороны от меня, вдоль уступов, по самому краю расщелины!

Когда Македама исполнил королевский приказ, никто из приближенных не догадывался, в чем дело, только я, изучивший злое сердце Чаки, все понял. Толпы народа десятками, сотнями рассыпались по склонам и скоро покрыли всю траву. Когда все встали, Чака опять обратился к Македаме, отец мой, и повелел ему опуститься на дно пропасти и там завопить. Старец повиновался. Медленно, с большим трудом спустился он на дно. Оно было так глубоко, так узко, что свет едва проникал туда, волосы старца чуть белели издалика в надвигавшемся мраке. Тогда, стоя там внизу, он поднял плач; его стенания слабо

доносились до толпы, они звучали глухо, будто голос с занесенной снегом горной вершины.

Так пел мой родитель, старец Македама, глубоко на дне расщелины. Он пел тихим, слабым голосом, но его песнь подхватывали люди наверху и так отвечали ему, что, казалось, горы дрожали.

К тому же с шумом разверзлись собравшиеся тучи, пошел дождь крупными медленными каплями, блистала молния, гремел гром.

Чака слушал, слезы текли по его щекам. Дождь хлестал все сильнее, окутывая людей как бы сетью, а люди все кричали, заглушая непогоду. Вдруг они замолчали. Я посмотрел вправо. Повсюду развевались над их головами перья воинов, вооруженных копьями. Я посмотрел влево — и там развевались перья, блистали копья.

Опять из толпы вырвался вопль, но вопль ужаса и отчаяния.

— Вот они когда горюют, — сказал Чака, — вот когда племя твоё искренне тоскует, не одними только устами!

При этих словах толпа людей колыхнулась, как волны, в одну сторону, в другую и, подгоняемая копьями воинов, с ужасным криком стала падать целым потоком мужей, жен, детей на дно пропасти, далеко вниз, в мрачную глубину...

Отец мой, прости мне слезы; я слеп, стар, я — словно маленький ребенок, я плачу, как плачут дети. Всего не перескажешь. Скоро все кончилось, все стихло...

Так погиб Македама, погребенный под телами своих соплеменников, так кончилось племя э-лангени. Сон матери оказался вещим: Чака отомстил за отказанную ему когда-то кружку молока.

— Ты проиграл, Мбопа! — сказал немного погодя король. — Смотри, тут есть еще место. Мы до краев наполнили наш склад, но разве некому заполнить вот это пустое место?

— Есть еще человек, о король! — отвечал я. — Я тоже из племени э-лангени, пусть мой труп ляжет здесь!

— Нет, Мбопа, нет! Я не нарушу обета, да и кто останется горевать со мной?

— В таком случае никого нет!

— А я думаю, что есть, — сказал Чака, — есть у нас с тобой общая сестра, да вот она идет!

Я поднял голову, отец мой, и вот что увидал. Я увидел Балеку, направляющуюся к нам и закутанную в шкуру леопарда. Два воина охраняли ее. Она выступала гордо, как царица, высоко держа голову. Вот она заметила мертвых, они чернели, как стоячая вода в пруду... С минуту

она дрожала, поняв, что ее ждет, потом двинулась, стала перед Чакой и посмотрела ему в глаза, сказав:

— Не видать тебе покоя, Чака, с этой ночи до конца дней твоих, пока тебя не поглотит вечная жизнь. Я сказала. — Чака слышал и испуганно отвернулся.

— Мбопа, брат мой, — обратилась ко мне Балека, — поговорим в последний раз, на то королевская воля!

Я отошел с ней в сторону с копьем в руке. Мы одни стояли около трупов, Балека надвинула на брови леопардовую шкуру и быстро прошептала:

— Видишь, Мбопа, слова мои оправдались, поклянись теперь, что если ты останешься жить, то эти самые руки отомстят за меня!

— Клянусь, сестра!

— Прощай, Мбопа, мы всегда любили друг друга. Сквозь дымку прошлого я вижу нас детьми, играющими в краалях э-лангени; будем ли мы снова играть там, в иной стране?... А теперь, Мбопа, — она твердо взглянула на меня широко раскрытыми глазами, — теперь я устала. Я спешу к духам моего племени, я слышу, они зовут меня. Все кончено!...

XIX. Мезило в краале Дукуза

В ту ночь, когда проклятие Балеки пало на Чаку, он спал плохо. Так плохо спалось ему, что он потребовал меня к себе и приказал сопровождать его в ночной прогулке. Я повиновался, и мы шли молча: Чака впереди, а я — следуя за ним. Я заметил, что ноги сами несли его по направлению к ущелью Лука-Тазьяна, к тому месту, где весь мой народ лежал убитым и с ним сестра моя, Балека. Мы медленно поднялись на холм и дошли до края пропасти, до того самого места, где стоял Чака, пока люди падали через край скалы, подобно воде. В то время слышен был шум и плач, теперь же царило молчание. Ночь была очень тиха, светила полная луна и освещала тех убитых, которые лежали поближе к нам, и я ясно мог видеть их всех; я мог даже разглядеть лицо Балеки, которую бросили в самую середину груды мертвых тел. Хотя никогда еще лицо ее не было так прекрасно, как в этот час, но, глядя на него, я испытывал страх. Дальний конец ущелья был покрыт мраком.

— Теперь ты не выиграл бы заклада, Мбопа, слуга мой! — сказал Чака. — Посмотри, тела мертвецов уплотнились в ущелье, и оно пустоует на высоту целого копыа!

Я не отвечал; при звуке голоса короля шакалы поднялись и тихо исчезли.

Вскоре он заговорил снова, громко смеясь во время своей речи:

— Ты должна спать хорошо эту ночь, мать моя, немало людей отправил я к тебе, чтоб баюкать твой сон. О люди племени э-лангени, хотя вы все забыли, я помнил все! Вы забыли, как приходила к вам женщина с мальчиком, прося крова и пищи, и вы ничего не захотели дать им, ничего, даже кружки молока. Что обещал я вам в тот день, люди племени э-лангени? Разве я не обещал вам, что за каждую каплю, которую могла бы содержать эта кружка, я возьму у вас жизнь человека? Разве я не сдержал своего обещания? Не лежат ли здесь мужчины, многочисленнее, чем капли воды в кружке, а с ними женщины и дети, бесчисленные, как листья? О люди племени э-лангени, вы отказались дать мне молока, когда я был ребенком, теперь, став великим, я отомстил вам! Великим! Да, кто может сравниться со мной? Земля дрожит под моими ногами; когда я говорю, народы трепещут; когда я гневаюсь, они умирают тысячами. Я стал великим и великим останусь. Вся страна моя; куда только может дойти нога человека, страна моя, и мне принадлежат все те, кто живет в ней. Я стану

еще сильнее, еще могущественнее. Балека, твое ли это лицо пристально смотрит на меня из толпы тех тысяч, которых я умертвил? Ты обещала мне, что отныне я буду плохо спать. Балека, я тебя не боюсь, по крайней мере, ты спишь крепко. Скажи мне, Балека, встань ото сна и скажи мне, кого должен я бояться? — внезапно прервал он свой горделивый бред.

Отец мой, пока король Чака говорил таким образом, мне пришла в голову мысль докончить все его кровавые дела и убить его; сердце мое бесновалось от гнева и жажды мщения. Я стал за ним, я уже поднял палку, которую держал в руке, чтобы разmozжить ему голову, как вдруг и я остановился, потому что увидел нечто необычное. Там, среди мертвых, я увидел руку, которая двигалась. Она задвигалась, поднялась и поманила кого-то из тени, скрывающей конец ущелья и набросанные в кучу тела; и мне показалось, что рука эта принадлежала Балеке. Может быть, то была и не ее рука, может быть, то была рука кого-нибудь, кто еще жил среди тысячи мертвых, говоришь ты, мой отец? Во всяком случае, рука поднялась рядом с нею, хотя ее холодное лицо не изменилось. Три раза поднялась рука, три раза вытянулась она кверху, три раза поманила она к себе согнутым пальцем, как бы призывая кого-то из мрака тени и из тьмы мертвых. Потом она упала, и в полном молчании я слышал ее падение и звон медных браслетов. Когда рука упала, из тени раздалось пение, громкое и нежное, какого я никогда не слышал. Слова песни долетали до меня, отец мой; но потом они исчезли из моей памяти, и я их больше не помню. Знаю только, что слова говорили о сотворении мира, о начале и конце всех народов. Они рассказывали, как размножились черные племена и как белые люди пожрут их, и почему они живут и почему перестанут существовать. Песня говорила о женщине и мужчине, о Зле и Добре, о том, как они воюют друг с другом и каков будет конец борьбы. Она пела также о народе зулу, о том, как они победят страну Малой Руки, где Белая Рука поднимется на них, и как они растают в тени этой Белой Руки; будут забыты и перейдут в страну, где никто не умирает, а живет вечно. Добрый с добрым, злой со злым. Песня пела о жизни и смерти, о радости и горе, о времени и том море, в котором время — лишь плавающий листок, и о причине, почему все так создано. Много имен поминалось в этой песне, но из них я знал не все, хотя мне слышались и мое имя, и имена Балеки и Умслопогаса, и имя Чаки Льва. Недолго пел голос, но все это было в его песне, было и многое другое; смысл песни исчез из моей памяти, хотя было время, когда я узнал его, и буду знать снова, когда все кончится. Голос из мрака пел и наполнял все пространство звуками своего пения; казалось, что и мертвые его слушают. Чака слышал голос и дрожал от страха, но уши его были глухи к

смыслу песни, хотя мой слух был открыт для него.

Голос все приближался, и среди мрака засветился слабый луч света, подобно сиянию, которое является после шести дней на лице умершего человека. Медленно приближался он сквозь мрак, и, по мере его приближения, я видел, что светлое сияние принимает облик женщины. Вскоре я ясно увидел его и узнал этот лик славы. Отец мой, то было лицо Инкосазаны зулусов — Небесной Царицы. Она приближалась к нам очень медленно, скользя по бездне, которая была полна мертвыми, и путь, по которому она ступала, был мощен трупами; пока она подходила, мне казалось, что из числа мертвых поднимались тени и следовали за нею, Царицей мертвых, — тысячи и тысячи умерших. Отец мой, какое сияние, сияние ее волос, подобных расплавленному золоту, ее очей, подобных полдневному небесам, блеска ее рук и груди, похожих на свежесвыпавший снег, когда он сверкает при солнечном закате. На ее красоту страшно было взглянуть, но я радуюсь, что дожил до счастья видеть ее, пока она сияла и блистала в меняющейся пелене света, составляющей ее одеяние.

Но вот она подошла к нам, и Чака упал на землю, скорчившись от страха, закрывая лицо руками; я не боялся, отец мой, только злые должны бояться Небесной Царицы. Нет, я не боялся: я стоял прямо лицом к лицу и глядел на ее сияние. В руке она держала небольшое копье, вправленное в дерево вождей: то была тень копья которое Чака держал в руке, того, которым он убил свою мать и от которого он сам должен был погибнуть. Она перестала петь и остановилась перед лежащим ниц королем и передо мной, стоящим за королем, так что свет ее сияния падал на нас. Она подняла свое небольшое копье, тронула им чело Чаки, сына Сензангаконы, обрекая его на гибель. Потом она заговорила. Но хотя Чака почувствовал прикосновение, он не слышал слов, которые предназначались только для моих ушей.

— Мбопа, сын Македамы, — сказал тихий голос, — придержи свою руку, чаша Чаки еще не полна. Когда в третий раз ты увидишь меня на крыльях бури, тогда убей его, Мбопа, дитя мое!

Так проговорила она, и облако скользнуло по лику луны. Когда оно прошло, видение исчезло, и снова я остался один в ночной тишине с Чакой и мертвецами.

Чака поднял голову, и лицо его посерело от холодного пота, вызванного страхом.

— Кто это был, Мбопа? — спросил он хриплым голосом.

— Это — Небесная Инкосазана, та, которая заботится о людях наших племен, король, и которая время от времени показывается людям перед

совершением великих событий!

— Я слышал об этой царице, — сказал Чака. — Почему появилась она теперь, какую песню пела она и почему она прикоснулась ко мне копьем?

— Она явилась, о король, потому, что мертвая рука Балеки призвала ее, как ты сам видел. То, о чем она пела, недоступно моему пониманию, а почему она прикоснулась к твоему челу копьем, я не знаю, король! Может быть, для того, чтобы короновать тебя королем еще большего царства!

— Да, может быть, чтоб короновать меня властелином в царстве смерти!

— Ты и без того король смерти, Черный! — отвечал я, взглянув на немую толпу, лежащую перед нами, и на холодное тело Балеки.

Снова Чака вздрогнул.

— Пойдем, Мбопа, — сказал он, — теперь и я узнал, что такое страх!

— Рано или поздно страх становится гостем, которого мы все опасаемся, даже цари, о Сотрясающий Землю! — отвечал я. Мы повернулись и в молчании пошли домой.

Вскоре после этой ночи Чака объявил, что его крааль заколдован, что заколдована вся Земля Зулу; он говорил, что больше не может спать спокойно, а вечно просыпается в тревоге, произнося имя Балеки. Поэтому он в конце концов перенес свою резиденцию далеко оттуда и основал большой крааль Дукуза здесь, в Натале.

Послушай, отец мой! Там, на равнине, далеко отсюда, находятся жилища белых людей — место то зовут Стейнджер. Там, где теперь город белых людей, стоял большой крааль Дукуза. Я ничего более не вижу, мои глаза слепы, но ты видишь. Где стояли ворота крааля, теперь находится дом; в этом доме белый человек судит судом справедливым; раньше через ворота этого крааля никогда не проникала Справедливость. Сзади находится еще дом; в нем те из белых людей, которые согрешили против Небесного Царя, просят у него прощения; на том самом месте видел я многих, не сделавших ничего дурного, молящих короля людей о милосердии, и только один из них был помилован. Да, слова Чаки сбылись, я скоро расскажу тебе о них, отец мой. Белый человек завладел нашей землей, он ходит взад и вперед по своим мирным делам там, где раньше наши отряды мчались на убийство; его дети смеются и рвут цветы в тех местах, где сотнями умирали в крови люди; они купаются в водах Тугелы, где раньше крокодилы ежедневно питались человеческими телами; белые молодые люди мечтают о любви там, где раньше девушки целовали только ассегай. Все изменилось, все стало иным, а от Чаки остались только могила и страшное имя.

После того как Чака построил крааль Дукуза, некоторое время он пребывал в покое, но вскоре прежняя жажда крови проснулась в нем, и он выслал свои войска против народа пондо; они уничтожили этот народ и привели с собой его стада. Но воинам не разрешалось отдыхать; снова их собрали на войну и послали в числе десятков тысяч с приказанием победить Сошангаана, вождя народа, который живет к северу от Лимпопо. Они ушли с песнями, после того как король сделал им смотр и приказал вернуться победителями или не возвращаться вовсе. Их число было так велико, что с рассвета до того часа, когда солнце стояло высоко на небе, эти непобедимые воины проходили сквозь ворота крааля, подобно бесчисленным стадам. Не знали они, что победа более не улыбнется им, что придется им умирать тысячами от голода и лихорадки в болотах Лимпопо и что те из них, которые вернутся, принесут щиты свои в своих желудках, съев их для утоления неумолимого голода! Но что говорить о них? Они — ничто. «Прах» было название одного из полков, отправленных против Сошангаана, и прахом они оказались, прахом, который послало на смерть дуновение Чаки, Льва Зулусов.

Таким образом мало осталось воинов в краале Дукуза, почти все ушли в поход; оставались только женщины и старики. Дингаан и Мхлангана, братья короля, были в их числе, потому что Чака не отпустил их, боясь, что они устроят заговор с войсками против него; он всегда смотрел на них гневным оком, и они дрожали за свою жизнь, хотя не смели показывать страха, чтобы опасения их не оправдались. Я угадал их мысли и, подобно змее, обвился вокруг их тайны, и мы говорили между собой туманными намеками. Но об этом ты узнаешь потом, отец мой; я сперва должен рассказать о приходе Мезило, того, кто хотел жениться на Зините и которого Умслопогас-Убийца выгнал из крааля племени Секиры.

На следующий день после отбытия нашего отряда Мезило явился в крааль Дукуза, прося разрешения говорить с королем. Чака сидел перед своей хижиной, и с ним были Дингаан и Мхлангана, его царственные братья. Я тоже находился там, а с нами некоторые из индун, советников короля. В это утро Чака чувствовал себя уставшим, так как ночью спал плохо, как, впрочем, спал он теперь всегда. Поэтому, когда ему доложили, что какой-то бродяга по имени Мезило хочет говорить с ним, он не только не приказал убить его, но велел провести к себе. Вскоре раздались возгласы приветствия, и я увидел толстого человека, утомленного дорогой, ползущего в пыли по направлению к нам, перечисляя все имена и титулы короля. Чака приказал ему замолчать и говорить только о своем деле.

Тогда человек этот приподнялся и передал нам тот рассказ, который ты

уже слышал, отец мой; о том, как явился к племени Секиры молодой, высокий и сильный человек и, победив Джикизу, вождя Секиры, стал вождем всего народа; о том, как он отнял у Мезило весь его скот, а его самого выгнал. До этого времени Чака ничего не знал о племени Секиры; страна была обширна в те времена, отец мой, и в ней жили далеко от нас многие маленькие племена, о которых король никогда даже не слышал; он стал расспрашивать Мезило о них, о числе их воинов, о количестве скота, об имени молодого человека, который правит ими, а особенно о дани, которую он платит королю.

Мезило отвечал, что число их воинов составит, быть может, половину одного полка; что скота у них много, что они богаты, что дани они не платят и что имя молодого человека — Булалио-Убийца, по крайней мере, он был известен под этим именем, а другого Мезило не слышал.

Тогда король разгневался.

— Встань, Мезило, — сказал он, — беги обратно к твоему народу, скажи на ухо ему и тому, кого зовут Убийцей: «Есть на свете другой убийца, который живет в краале, называемом Дукузой; вот его приказ вам, народ Секиры, и тебе, владеющему Секирой: поднимись со всем народом, со всем скотом своего народа, явись перед живущим в краале Дукуза и передай в его руки Великую Секиру Виновницу Стонов; не медли и исполни это приказание, чтобы не очутиться тебе сидящим на земле в последний раз!»

Мезило выслушал и отвечал, что исполнит приказание, хотя дорога предстоит дальняя, и он опасается явиться перед тем, кого зовут Убийцей и кто живет в двадцати днях пути к северу, в тени горы Призраков.

— Ступай, — повторил король, — и вернись ко мне с ответом от хозяина Секиры на тридцатый день! Если ты не вернешься, я пошлю искать тебя, а вместе с тобой и вождя племени Секиры!

Тогда Мезило повернулся и быстро удалился, чтобы исполнить приказание короля; Чака же больше не говорил об этом событии. Но я невольно задавал себе вопрос, кто может быть молодой человек, владеющий Секирой; мне показалось, что он поступил с Джикизой и с сыновьями Джикизы, как мог бы поступить Умслопогас, если бы дожил до этого возраста. Но я ничего об этом не говорил.

В тот день до меня дошла весть, что моя жена Макрофа и дочь Нада, жившие среди племени свази, умерли. Рассказывали, что люди племени галакази напали на их крааль и зарубили всех, в том числе Макрофу и Наду. Выслушав это известие, я не пролил слез, отец мой, потому что был так погружен в печаль, что ничто больше не волновало меня.

XX. Мбопа входит в сговор с принцами

Прошло двадцать восемь дней, отец мой, а на двадцать девятый Чаке во время его беспокойного отдыха приснился сон. Утром он приказал позвать к себе женщин из крааля, числом до сотни или более. Среди женщин были те, которых он называл «сестрами», иные были девушки, еще не выданные замуж; но все без исключения были молоды и прекрасны. Какой сон приснился Чаке, я не знаю, а может быть, и забыл, так как в те дни ему постоянно снились сны; все они вели к одному — к смерти людей. Мрачный сидел он перед своей хижиной, и я находился тут же. Налево от него стояли призванные женщины и девушки, и колени их ослабели от страха. По одной подводили их к королю, и они останавливались перед ним с опущенными головами.

Он просил их не печалиться, говорил с ними ласково и в конце разговора задавал им один и тот же вопрос: «Есть ли, сестра моя, в твоей хижине кошка?»

Некоторые отвечали, что у них есть кошка, другие — что у них нет кошки, а иные стояли неподвижно и не отвечали вовсе, онемев от страха. Но что бы они ни отвечали, конец был тот же: король кротко вздыхал и говорил: «Прощай, сестра моя, очень жаль, что у тебя есть кошка!» или «что у тебя нет кошки!», или «что ты не можешь сказать мне, есть ли у тебя кошка или нет!»

Тогда несчастную хватали палачи, вытаскивали из крааля, и конец ее наступал быстро. Таким образом прошла большая часть дня, шестьдесят две женщины и девушки были убиты. Наконец привели к королю девушку, которую Змей ее одарил присутствием духа. Когда Чака спросил, есть ли у нее в хижине кошка, она отвечала, что не знает, но что «на ней висит полкошки», — и она указала на шкуру этого животного, привязанную вокруг ее стана.

Тогда король рассмеялся, захлопал в ладоши, говоря, что наконец он получил ответ на свой сон; в этот день и после он больше не убивал, за исключением одного раза.

В этот вечер сердце мое окаменело в груди, и я воскликнул в мыслях моих: «Доколе?» — и не мог успокоиться. Я вышел из крааля Дукуза, пошел к большому ущелью в горах и сел там на скале, высоко над ущельем. Оттуда я видел огромные пространства, тянущиеся на север и на юг, налево и направо от меня. День близился к ночи, и воздух был

необыкновенно тих, жара днем была необычная, и собиралась гроза, как я ясно видел. Закат солнца стоял красный, как бы окрашивающий кровью все вокруг, словно вся кровь, пролитая Чакой, наводнила страну, которой он правил. Потом из середины сумерек поднялись огромные тучи и остановились перед солнцем, и оно окружило их сиянием, а внутри их молнии трепетали, как огненная кровь. Тень от их крыльев пала на гору и равнину, а под крыльями царило молчание. Медленно зашло солнце, и тучи собрались в толпу, как отряд воинов, призванных приказанием начальника; мерцание же молнии было подобно блеску копий. Я смотрел на эту картину, и страх проник в мое сердце. Молния исчезла, постепенно наступила такая тишина, что мне стало казаться, я слышу ее: ни один лист не шевелился, ни одна птица не пела, словно мир вымер, один я жил в мертвом мире.

Внезапно, отец мой, блестящая звезда упала с высоты небес и коснулась вершины горы; при ее прикосновении разыгралась гроза. Серый воздух дрогнул, стон пронесся среди скал и замер в отдалении, потом ледяное дыхание вырвалось из уст грозы и устремилось по земле. Оно захватило падающую звезду и погнало ее ко мне, в виде летящего огненного шара. Приближаясь, звезда приняла облик, походивший на женщину. Я узнал ее, отец мой, даже когда она еще была далеко, я узнал ее — Инкосазану, явившуюся, как она обещала, на крыльях бури. Все ближе мчалась она, несомая вихрем, и страшно было взглянуть на нее; молния была ее одеждой, молнии сверкали из ее огромных глаз, молнии тянулись из ее распущенных волос, а в руке она держала огненное копьё и потрясала им на ходу. Вот она приблизилась к входу в ущелье, перед нею царила тишина, за нею бились крылья бури, гремел гром, дождь свистел, как змеи. Она промчалась мимо и взглянула на меня своими страшными глазами. Вот она удаляется, она исчезла! Ни слова не сказала она, только потрясла своим огненным копьём. Но мне показалось, что буря заговорила, что скалы громко воскликнули, что дождь просвистел мне в уши слова, и те слова были:

— Убей его, Мбопа!

Слова эти я слышал — сердцем или ушами, не всели равно? Потом я оглянулся, сквозь вихрь бури и пелену дождя я мог еще разглядеть ее, несущуюся высоко в воздухе. Вот крааль Дукуза под ее ногами. Огненное копьё упало из ее руки на крааль, и оттуда навстречу вырвался огонь.

Некоторое время я еще просидел в ущелье, потом встал и, с трудом борясь с разбушевавшейся грозой, направился к краалю Дукуза. Подходя к краалю, я слышал крики ужаса, раздававшиеся среди рева ветра и свиста

дождя. Я спросил о причине тревоги, мне отвечали, что с неба на хижину короля упал огонь в то время, как он спал в ней, что вся крыша сгорела, но что дождь потушил этот огонь.

Я стал пробираться дальше, пока не дошел до большой хижины и не увидел при свете луны, которая теперь сияла на небе, что перед хижинкой стоял Чака, дрожа от страха. Дождевая вода ручьями сбегала с него, пока он пристально смотрел на свое жилище, тростниковая кровля которого была сожжена.

Я поклонился королю, спрашивая его, какое случилось несчастье. Он схватил меня за руку и прижался, как прижимается к своему отцу ребенок при виде палачей, и втащил меня за собой в небольшую хижину, стоящую рядом.

— Бывало, я не знавал страха, Мбопа, — сказал Чака на мой вторичный вопрос, — а теперь я боюсь, да, боюсь так же, как в ту ночь, когда мертвая рука Балеки призвала кого-то, кто шел по лицам умерших!

— Чего тебе бояться, король, тебе, властителю всей земли?

Тогда Чака нагнулся ко мне и прошептал:

— Слушай, Мбопа, мне снился сон. Когда кончился суд над колдунами, я ушел и лег спать, пока еще было светло, потому что я почти совсем не могу спать, когда мрак окружает землю. Сон мой покинул меня — сестра твоя Балека унесла его с собой в жилище смерти. Я лег и уснул, но явилось сновидение с закрытым лицом, село рядом со мной и показало мне картину. Мне почудилось, что стены моей хижины упали, и я увидел открытое место; в середине этого места лежал я, мертвый, покрытый ранами, а кругом моего труп ходили братья мои, Дингаан и Мхлангана, гордые, как львы. На плечах Мхланганы надет был мой королевский плащ, и на копье была кровь. Потом, во сне моем, Мбопа, ты приблизился и, подняв руку, отдал королевские почести братьям моим, а ногой ударил мой труп, труп своего короля. Потом видение с закрытым лицом указало вверх и исчезло, я проснулся, и огонь пылал на кровле моей хижины. Вот что снилось мне, Мбопа, а теперь, слуга мой, отвечай: почему бы мне не убить тебя? Тебя, желающего служить другим королям и воздавать королевские почести принцам, моим братьям? — И он взглянул на меня.

— Как желаешь, король! — отвечал я кротко. — Без сомнения, твой сон не предвещает добра, а еще худшее предзнаменование — огонь, упавший на твою хижину. А все же... — и я невольно остановился, придумав хитрый план. На следующие вопросы короля я отвечал намеком на возможность убить принцев, если призвать полк Убийц, находившийся в дне пути отсюда.

— Если бы даже все слова, произнесенные тобой, были ложью, эти последние слова — истина, — сказал Чака; — еще знай, слуга мой: если план не удастся, ты умрешь не простой смертью. Иди!

Я знал прекрасно, отец мой, что Чака осудил меня на смерть, хотя сначала с моей помощью хотел погубить принцев. Но я не боялся, так как знал и то, что наконец наступил час Чаки.

Ночью я пробрался в хижину принцев и сообщил им об угрожавшей опасности. Оба принца задрожали от страха, узнав о намерении короля убить их. Тогда я рассказал им, что побудительною причиной убийства послужил сон Чаки. Тут вкратце я передал и его содержание.

— Кто надел королевский плащ? — спросил Дингаан тревожно.

— Принц Мхлангана! — ответил я медленно, нюхая табак и следя за обоими принцами через край табакерки.

Тогда Дингаан, мрачно хмурясь, взглянул на Мхлангану, но лицо Мхланганы было подобно утреннему небу.

— Чаке снилось еще вот что, — продолжал я, — будто один из вас, принцы, завладел его королевским копьем!

— Кто завладел королевским копьем? — спросил Мхлангана.

— Принц Дингаан! А с копья капала кровь!

Тогда лицо Мхланганы стало мрачным, как ночь, а лицо Дингаана прояснилось, как заря.

— Снилось еще Чаке, что я, Мбопа, ваш пес, недостойный стоять рядом с вами, приблизился к вам и воздал вам королевские почести!

— Кому воздал ты королевские почести, Мбопа, сын Македамы? — спросили в один голос оба принца.

— Я воздал почести вам обоим, о двойная утренняя звезда, принцы зулусов!

Тогда принцы взглянули по сторонам и замолчали, не зная, что сказать: они ненавидели друг друга. Однако опасность заставила их забыть вражду.

— Нельзя ли подняться теперь и напасть на Чаку? — спросил Дингаан.

— Это невозможно, — отвечал я, — короля окружает стража!

— Не можешь ли ты спасти нас, Мбопа? — простонал Мхлангана. — Мне сдается, что у тебя есть план для нашего спасения!

— А если я могу вас спасти, принцы, чем наградите вы меня? Награда должна быть велика, потому что я устал от жизни и не стану изощрять своей мудрости из-за всякого пустяка! — Тогда оба принца стали мне предлагать всякие блага, каждый суля больше другого, подобно тому, как два молодых соперника засыпают обещаниями отца девушки, на которой оба хотят жениться. Я слушал их и отвечал, что обещают они мало, пока

оба не поклялись своими головами и костями своего отца Сензангаконы, что я буду первым человеком в стране после них, королей, и стану начальником войск, если только укажу им способ убить Чаку и стать королями. После того как они дали клятву, я заговорил, взвешивая свои слова.

— В большом краале за рекой, принцы, располагается не один полк, а два. Один носит название «Убийц» и любит короля Чаку, который щедро одарил его, дав воинам скот и жен. Другой полк зовут «Пчелы», и он голоден и хотел бы получить скот и девушек, кроме того, принц Мхлангана — начальник этого полка, и полк любит его. Вот мой план: вызвать Пчел именем Мхланганы, а не Убийц именем Чаки. Нагнитесь ко мне, принцы, чтобы я мог сказать вам два слова!

Тогда они нагнулись, и я зашептал им о смерти короля, и в ответ сыновья Сензангаконы кивали головами, дружно, как один человек. Потом я встал и выполз из хижины, как и вполз в нее. Разбудив верных гонцов, я послал их, те быстро исчезли во мраке ночи.

XXI. Смерть Чаки

На следующий день, часа за два до полудня, Чака вышел из хижины, где просидел всю ночь, и перешел в небольшой крааль, окруженный рвом, шагах в пятидесяти от хижины. На мне лежала обязанность день за днем выбирать место, где король будет заседать, чтобы выслушивать мнение своих индун и вершить суд над теми, кого он желал умертвить; сегодня же я избрал это место. Чака шел от своей хижины до крааля один, и по некоторым соображениям я пошел за ним. На ходу король оглянулся на меня и тихо спросил:

— Все ли готово, Мбопа?

— Все готово, Черный! — отвечал я. — Полк Убийц будет здесь в полдень!

— Где принцы, Мбопа? — снова спросил король.

— Принцы сидят в домах своих женщин со своими женами, король, — отвечал я, — они пьют пиво и спят на коленях своих жен!

Чака мрачно улыбнулся.

— В последний раз, Мбопа!

— В последний раз, король!

Мы дошли до крааля, и Чака сел в тени тростниковой изгороди, на воловьей кожи. Около него стояла девушка, держа тыквенную бутылку с пивом, здесь же находился старый военачальник Нгвазона, брат Нанди, Матери Небес, и вождь Мксамама, которого любил Чака. Вскоре после того как мы пришли в крааль, вошли люди, несшие журавлиные перья. Король посылал их собирать эти перья в местах, лежащих очень далеко от крааля Дукуза, и людей немедленно допустили к королю. Они долго не возвращались, и король гневался на них. Предводителем этого отряда был старый вождь, который участвовал во многих битвах под начальством Чаки и больше не мог воевать, потому что ему топором отрубили правую руку. Это был человек большого роста и очень храбрый.

Чака спросил его, почему он так долго не приносил перьев; тот отвечал, что птицы улетели из тех мест, куда его посылали, и ему пришлось ждать их возвращения.

— Ты должен был отправиться в погоню за журавлями, даже если бы они пролетели сквозь солнечный закат, непослушная собака, — возразил король. — Уведите его и всех тех, кто был с ним!

Некоторые из воинов стали молить о пощаде, но вождь их только

отдал честь королю, называя его «Отцом» и прося о милости перед смертью.

— Отец мой, — сказал начальник, — я хочу просить тебя о двух милостях. Я много раз сражался в битвах рядом с тобой, когда оба мы были молоды, и никогда не поворачивался спиной к врагу. Удар, отрубивший эту руку, был направлен в твою голову, король, я остановил его голой рукой. Все это пустяки, по твоей воле я живу и по твоей умираю. Мне ли оспаривать повеление короля? Но я прошу тебя, чтобы ты снял с себя плащ, о король, для того чтобы в последний раз глаза мои могли насладиться видом того, кого я люблю больше всех людей!

— Ты многоречив! — сказал король. — Что еще?

— Еще позволь мне, отец мой, проститься с сыном, он маленький ребенок, не выше моего колена, король! — И вождь тронул себя рукой немного выше колена.

— Твое первое желание я исполню! — отвечал король, спуская плащ с плеч и показывая мощную грудь. — Вторая просьба будет также исполнена, не хочу я добровольно разлучать отца с сыном. Приведите мальчика, ты простишься с ним, а затем убьешь его своей собственной рукой, после чего убьют и тебя самого, мы же посмотрим на это зрелище!

Человек этот с черной кожей стал серым и слегка задрожал, но прошептал:

— Воля короля — приказ для его слуги. Приведите ребенка!

Я взглянул на Чаку и увидел, что слезы текли по его лицу и что словами своими хотел он только испытать старого вождя, любившего его до конца.

— Отпустите его, — сказал король, — его и бывших с ним!

И они ушли с радостью в сердце и прославляли имя короля.

Я рассказал тебе об этом, отец, хотя это не касается моей повести, потому что только в тот день был я свидетелем того, как Чака помиловал осужденного им на смерть.

В то время как начальник со своим отрядом выходил из ворот крааля, королю доложили на ухо, что какой-то человек желает его видеть. Он вполз на коленях. Я узнал Мезило, которому Чака дал поручение к Булалио-Убийце, правящему племенем Секиры. Да, то был Мезило, но он утратил свою полноту и сильно похудел от долгих странствий, кроме того, на спине у него виднелись следы палок, едва начинающие заживать.

— Кто ты? — спросил Чака.

— Я Мезило из племени Секиры, которому ты приказал отправиться к Булалио-Убийце, их вождю, и вернуться на тридцатый день. Король, я

вернулся, но в печальном состоянии!

— Это видно! — заметил король, громко смеясь. — Теперь я вспомнил, говори, Мезило Худой, бывший Мезило Толстый, что скажешь ты об Убийце? Явится ли он сюда со своим народом и передаст ли в мои руки Секиру?

— Нет, король, он не придет. Он выслушал меня с презрением и с презрением выгнал из своего крааля. Кроме того, меня схватили слуги Зиниты, той, которую я сватал, но которая стала женой Убийцы, они разложили меня на земле и жестоко избили, пока Зинита считала удары!

— А что сказал этот щенок?

— Вот его слова, король: «Булалио-Убийца, сидящий в тени горы Призраков, Булалио-Убийце, сидящему в краале Дукуза. Тебе я не стану платить дани; если желаешь получить нашу Секиру, приходи к горе Призраков и возьми ее. Я же обещаю: здесь ты увидишь лицо, знакомое тебе, ибо есть человек, который хочет отомстить за кровь убитого Мбопы!»

Пока говорил Мезило, я заметил две вещи: во-первых, небольшая палочка просунулась сквозь тростник изгороди, а во-вторых, полк Пчел собирался на холме против крааля, повинувшись приказанию, посланному ему от имени Мхланганы. Палочка означала, что за изгородью скрывались принцы в ожидании установленного сигнала, а приближение войск — что наступало время действовать.

Когда Мезило кончил свой рассказ, Чака в гневе вскочил с места. Его глаза бешено бегали, лицо исказилось, пена показалась на губах — с тех пор как он стал королем, подобные слова еще никогда не оскорбляли его слух; если бы Мезило больше знал Чаку, он никогда бы не осмелился произнести их.

С минуту король задыхался, потрясая своим маленьким асsegаем, и от волнения не мог вымолвить ни слова. Наконец он заговорил.

— Собака, — прошипел он, — собака смеет плевать мне в лицо! Слушайте все! Приказываю вам, чтобы этого Убийцу разорвали на куски, его и все его племя. Как осмелился ты передать мне речь этого горного хоряка? Мбопа, и твое имя упоминается в ней. Впрочем, с тобой я поговорю позже. Мксамама, слуга мой, убей этого рабского гонца, выбей ему палкой мозги. Скорей! Скорей!

Тогда старый вождь Мксамама кинулся вперед по приказанию короля, но старость уменьшила его силы, и кончилось тем, что Мезило, обезумев от ужаса, убил Мксамаму, а не Мксамама его. Нгвазона, брат Нанди, напал на Мезило и покончил с ним, но сам был ранен в борьбе. Я взглянул на Чаку, который продолжал потрясать маленьким красным асsegаем, и немедленно

решился действовать.

— Помогите! — закричал я. — Короля убивают!

При моих словах тростниковая изгородь раздалась, и сквозь нее ворвались принцы Мхлангана и Дингаан, как проскакивают быки сквозь чащу леса.

Своей иссохшей рукой я указал на Чаку, говоря:

— Вот ваш король!

Тогда из-под своих плащей принцы вытащили по небольшому копью и поразили ими Чаку. Мхлангана ударил его в левое плечо, Дингаан — в правый бок. Чака уронил свой маленький ассегай, вделанный в алое дерево, и оглянулся: его движение было так величественно, что братья смутились и отступили от него.

Дважды взглянул он на каждого из них, потом сказал:

— Неужели вы убиваете меня, домашние собаки, которых я выкормил? Неужели вы убиваете меня, думая завладеть и управлять страной? Но я говорю вам, владеть вы будете недолго. Я слышу топот бегущих ног, ног великого белого народа. Они вас затопчут, дети моего отца! Они будут управлять страной, которую я покорил, и вы, и ваш народ станете их рабами!

Так говорил Чака, пока кровь текла из его ран на землю, потом он снова величественно взглянул на них, как загнанный олень.

— Кончайте, если хотите быть королями! — вскричал я, но робость охватила их сердца и они не решались. Тогда я, Мбопа, выскочил вперед и поднял с земли маленький ассегай, вправленный в дерево вождей, тот самый ассегай, которым Чака убил свою мать Нанди и сына моего Мусу, и высоко поднял его; пока я поднимал копье, отец мой, снова, как в дни моей молодости, красная пелена заколебалась перед моими глазами.

— Почему хочешь ты убить меня, Мбопа? — спросил король.

— Чтоб отомстить за Балеку, сестру мою, которой я в том поклялся, и за всех моих родных! — вскричал я и пронзил его копьем. Он, умирающий, упал на мятые воловьих кожи. Еще раз заговорил он, но только и сказал:

— Жаль, что я не послушался совета Нобелы, которая предостерегала меня против тебя, собака!

Затем он замолк навеки. Но я стал рядом с ним на колени и твердил ему в ухо имена всех тех моих близких, которые умерли от его руки: имена Македамы, отца моего, моей матери, моей жены Ананди, моего сына Мусы и всех остальных моих жен и детей, наконец, имя Балеки, сестры моей. Глаза и уши его были открыты, и я думаю, отец мой, что он видел и понимал; я думаю также, что ненависть на моем лице, когда я потрясал

своей иссохшей рукой перед его глазами, была для него страшнее ужаса смерти. Наконец он отвернулся, закрыл глаза и застонал. Вскоре глаза его открылись сами, он умер.

Таким образом, отец мой, погиб король Чака, самый великий человек, когда-либо живший в Земле Зулу, и самый жестокий; погиб он от моей руки и ушел в те краали Инкосазаны, где нет сна. Он умер, как жил, в крови; пловца в конце концов всегда уносит течение. Он ушел по той тропинке, которую гладко проторили для него ноги убитых им, многочисленные, как трава на склоне гор, но лгут те, которые говорят, что он умер как трус, моля о пощаде. Чака умер, как и жил, мужественно. Да, отец мой, я хорошо это знаю, эти глаза видели его, а эта рука лишила его жизни.

И вот король лежал мертвым, а полк Пчел приближался, и я беспокоился о том, как он отнесется к происшедшему; хотя принц Мхлангана и считался их начальником, но все же воины любили короля за то, что он был велик в битве, а подарки раздавал не считая. Я оглянулся: принцы стояли в недоумении, девушка убежала, вождь Мксамама был убит Мезило, который также лежал мертвым, а старый вождь Нгвазона, убивший Мезило, стоял раненый, никого другого не было в краале.

— Проснитесь, короли! — закричал я братьям. — Войска у ворот! Скорее заколите этого человека! — И я указал на старого вождя. — Остальное же предоставьте мне.

Дингаан тогда подскочил к Нгвазоне, брату Нанди, и сильным ударом копья поразил его; тот свалился, не испустив даже крика. Но принцы опять остановились, молчаливые и недоумевающие.

Между женщинами, слышавшими крики и видевшими взмахи копий над изгородью, распространилась весть об убийствах, от них она перешла к полку Пчел, который с песнями подходил к воротам крааля. Внезапно воины перестали петь и бегом кинулись к хижине, перед которой мы стояли.

Я бросился к ним навстречу, испуская крики печали, держа в руке маленький ассегай короля, еще окрашенный его кровью, и обратился к вождям их:

— Плачьте, вожди и воины, плачьте и рыдайте, нет больше вашего отца! Король умер! Небо соединится с землей от ужаса, ибо король умер!

— Каким образом, Мбопа? — спросил предводитель Пчел. — Каким образом умер наш отец?

— Он умер от руки злого бродяги по имени Мезило, который, услышав от короля повеление умереть, выхватил из его рук этот ассегай и заколол его, потом, прежде чем кто-либо из нас мог его удержать, он убил вождей

Нгвазону и Мксамаму. Подойдите и взгляните на того, кто был королем; по приказанию королей Дингаана и Мхланганы подойдите и взгляните на того, кто был королем, чтобы весть о гибели от руки Мезило разошлась по всей стране.

— Ты лучше умеешь делать королей, Мбопа, чем защищать от удара бродяги того, кто был твоим королем! — сказал предводитель Пчел, смотря на меня с подозрением.

Но слов его никто не услышал: некоторые из вождей прошли вперед, чтобы взглянуть на умершего великого короля, а другие с толпой воинов стали бегать взад и вперед, крича в ужасе, что теперь земля и небо соединятся и род человеческий прекратится, потому что король Чака умер.

Как поведать тебе, отец мой, о том, что случилось после смерти Чаки? Рассказ об этих событиях наполнил бы много книг белых людей, а может быть, многое уже об этом написано в них. Потому-то я стараюсь говорить кратко и рассказал тебе только некоторые события из царствования Чаки; предмет же моего повествования не царствование Чаки, а жизнеописание людей, живших в те дни, из которых только Умслопогас и я живы — если только Умслопогас, сын Чаки, еще не умер. Поэтому в немногих словах расскажу о том, что случилось после кончины Чаки, до того времени, как король Дингаан послал меня к тому, кого звали Убийцей и кто правил племенем Секиры. Если бы я знал, что Умслопогас жив, Дингаан скоро бы последовал за Чакой вместе с Мхланганой, и Умслопогас стал бы править как король в Земле Зулу. Но увы! Мудрость покинула меня. Я не обратил внимания на голос сердца, твердившего мне, что угрозы Чаке и желание отомстить за смерть Мбопы шли от Умслопогаса. Узнал я истину слишком поздно. Тогда же мне казалось, что речь шла о каком-нибудь другом Мбопе. Таким образом, отец мой, судьба играет нами. Мы воображаем, что управляем ею, а на деле судьба управляет нами, и ничто не случается без ее воли. Весь мир составляет большой узор, отец мой, разрисованный рукой Всемогущего на чаше, из которой Он пьет воды премудрости; наши жизни, то, что мы делаем и чего не делаем, — крохотные части узора, такого огромного, что только очи того, кто живет наверху, в силах видеть его целиком. Даже Чака, палач людей, и все убитые им составляют крохотную песчинку на пространстве этого узора. Как нам быть мудрыми, отец мой, когда мы только орудия мудрости? Как нам строить, когда мы только камешки в стене? Как нам даровать жизнь, когда мы младенцы во чреве судьбы? Или как нам убивать, когда мы только копья в руках убийцы?

Вот что случилось, отец мой! Сперва все шло гладко в стране после смерти Чаки. Люди говорили, что чужеземец Мезило заколол короля, но

вскоре все узнали, что Мбопа, мудрец, врач и приближенный короля, убил его и что оба брата короля Мхлангана и Дингаан, дети Сензангаконы, также подняли копьё против него. Но он умер, а земля и небо не соединились от ужаса, так не все ли равно? Кроме того, новые короли обещали править народом кротко и облегчить ярмо, надетое Чакой, а люди в беде всегда готовы верить в лучшие времена. Благодаря этому единственными врагами, грозившими принцам, были они сами, и Нгвади, сын Нанди, любимый единоутробный брат Чаки. Я же, Мбопа, ставший после королей первым человеком в стране, перестал быть врачом, а стал вождем. Во главе полков Пчел и Убийц я пошел на Нгвади и убил его среди его краалей. Битва была отчаянная, но в конце концов я победил его и его племя: Нгвади убил восемь человек, пока не подоспел я и не заколол его. Я вернулся в свои краали с немногими оставшимися в живых.

Братья-короли стали все чаще ссориться, а я мысленно взвешивал их на своих весах, чтоб узнать, который из них более расположен ко мне. Я убедился, что оба боятся меня, но что Мхлангана решил убить меня, если одержит верх, а Дингаану мысль эта еще не приходила в голову. Тогда я опустил чашу весов Мхланганы и поднял чашу Дингаана, усыпляя опасения Мхланганы, пока мне не удалось окружить его хижину. Тогда Мхлангана последовал за своим братом Чакой по дороге, которую открывает ассегай, и на время править стал один Дингаан. Вот что случается с земными князьями, отец мой. Я человек маленький, и участь моя скромна; несмотря на это, мне выпало послужить причиной смерти всех трех братьев, двое из них пали от моей руки.

Через две недели после смерти принца Мхланганы вернулся назад в печальном состоянии наш большой отряд, посланный в болота Лимпопо; половина его перемерла от лихорадки и стычек с неприятелем, остальные же умирали от голода. Великое счастье для оставшихся, что Чаки не было более в живых, а то воины наши быстро последовали бы за товарищами, умершими в пути: за последние годы не случалось зулусским войскам возвращаться побежденными и без отбитого у врага скота. Потому-то они с радостью признали короля, который щадил их жизнь, и до того времени как судьба изменила ему, Дингаан царствовал без помех.

Дингаан был, правду сказать, одной крови с Чакой, подобно Чаке, он был величествен на вид и жесток сердцем, но он не обладал силой и умом Чаки. Кроме того, он был лжив и вероломен, слишком любил женщин и проводил с ними время, которое следовало бы посвящать государству. Несмотря на все это, он царствовал много лет. Дингаану очень хотелось убить своего брата Мпанде, чтобы окончательно уничтожить все потомство

Сензангаконы, своего отца. Мпанде был человеком с кротким сердцем, не любившим войны, и за это его считали слабоумным, я же любил Мпанде, и когда стал вопрос о том, чтобы умертвить его, я и вождь Мапита стали просить за него, убеждая короля, что нечего опасаться такого глупца. Тогда Дингаан уступил.

Мпанде назначили управителем королевских стад. В конце концов слова Дингаана оправдались, потому что Мпанде скоро сверг его с престола; только, если Мпанде был собакой, укусившей его, я был человеком, который натравил собаку.

XXII. Мбопа отправляется к Убийце

Дингаан вскоре покинул крааль Дукуза, вернулся обратно в Землю Зулу и построил большой крааль, который он назвал «жилищем Слона». Всех самых красивых девушек в стране он взял себе в жены и, хотя их было очень много, все требовал новых. В то время дошел до короля Дингаана слух, что среди племени галакази живет девушка поразительной красоты, которую зовут Лилией и кожа которой светлее, чем кожа нашего народа. Ему страшно захотелось получить в жены эту девушку. Дингаан снарядил послов к вождю галакази, прося уступить ему Лилию. По истечении месяца посольство вернулось и доложило королю, что в краале галакази их встретили грубыми словами, избили и с позором выгнали.

А еще вождь галакази велел сказать Дингаану, королю зулусов:

— Девушка, которую зовут Лилией, действительно чудно хороша и еще не вышла замуж; до сих пор она не встретила человека, сумевшего ей понравиться, а любовь народа к ней так велика, что никто не желает насильно навязывать ей мужа!

В конце вождь объявил, что он и его народ вызывают на бой Дингаана и зулусов, как раньше их отцы вызывали Чаку, что они плюют на его имя и ни одна из девушек не согласится стать женой собаки зулуса.

После этой речи вождь галакази приказал привести девушку, называемую Лилией, и послы Дингаана были поражены ее удивительной красотой: она была высока, как тростник, и движения ее напоминали тростник, колеблемый ветром. Ее вьющиеся волосы струились по плечам, глаза, большие и карие, были кротки, как глаза лани, цвет ее лица был подобен густым сливкам, улыбка ее напоминала легкую зыбь на воде, а когда она говорила, ее низкий голос был приятнее, чем звучание музыкального инструмента. Посланные рассказывали, что девушка хотела заговорить с ними, но начальник запретил ей и велел с великими почестями увести ее.

Услышав этот рассказ, Дингаан разъярился, как лев в сетях, он желал овладеть этой девушкой, и ему, господину стольких людей, не удавалось получить ее. Он приказал собрать большое войско, выслать его против племени галакази, уничтожить это племя и захватить девушку. Но когда об этом деле стали толковать с индунами в присутствии короля, я, в качестве старшего индуны, стал убеждать его отказаться от этого плана, говоря, что племя галакази многолюдное и сильное и что война с ним вовлечет зулусов

также и в войну со свази; живут они в пещерах, которыми завладеть очень трудно. Я прибавил, что не время теперь посылать целое войско за одной девушкой; всего лишь несколько лет прошло с тех пор, как погиб Черный, врагов у нас много, а число воинов уменьшилось из-за постоянных походов, кроме того, половина войск погибла в болотах Лимпопо. Надо дать время рядам их пополниться снова. Теперь же наши войска похожи на маленького ребенка или на человека, истощенного голодом. Девушек у нас много, пусть король возьмет их на утешение себе, но пусть он не начинает войны из-за женщины.

Смело говорил я истину в лицо королю, как никогда никто не смел говорить с Чакой, моя решимость перешла в сердца других индун и вождей, и они повторяли мои слова, хорошо сознавая, что из всех глупостей самой большой была бы новая война с народом свази.

Дингаан слушал, лицо его омрачилось, но он не чувствовал себя настолько сильным, чтоб не обращать внимания на наши слова: многие в стране оставались преданными памяти Чаки и помнили, что его и Мхлангану убил Дингаан. С тех пор как умер Чака, люди стали забывать, как жестоко он поступал с ними, и помнили только, что он был велик и создал народ зулусов из ничего, подобно тому как кузнец делает копье из кусочка железа. Хотя и переменялся их правитель, но иго их не стало легче: как убивал Чака, так убивал и Дингаан, и как притеснял Чака, так притесняет и Дингаан. Поэтому Дингаан уступил мнению своих индун и не послал войска против галакази за девушкой, называемой Лилией. Но в сердце своем он стремился к ней и с этой минуты возненавидел меня за то, что я восстал против его воли и помешал исполнению его желаний.

Теперь скажу тебе, отец мой, мне было неизвестно, что девушка, называемая Лилией, была дочерью моей Надой. Мне приходила в голову мысль, что никто, кроме Нады, не мог быть так прекрасен. Но я был уверен в том, что Нада и ее мать Макрофа умерли; тот, кто принес мне известие об их смерти, видел их обнявшиеся трупы, проткнутые одним ударом копья. Но как потом оказалось, он ошибался: хотя Макрофа и была убита, возле нее в крови лежала другая девушка; племя, к которому я послал Макрофу и Наду, платило дань племени галакази, вождь же галакази, занявший место Галази-Волка, поссорился с ними, напал на них ночью и перебил их.

Впоследствии я узнал, что причиной их гибели, как впоследствии и уничтожения галакази, было не что иное, как красота Нады; слава о ее красоте распространилась по стране, и старый вождь галакази приказал, чтобы девушку привели в его крааль, где она и должна жить. Краса ее могла сиять там, как солнце, и по своему желанию она могла выбрать себе

мужа среди знатных людей галакази. Старейшина крааля отказался исполнить приказание, потому что взглянувший раз на Наду не захочет потерять ее из виду, хотя в судьбе этой девушки была какая-то тайная власть, благодаря которой никто не пытался стать ее мужем насильно. Многие сватали ее и в том племени, и среди галакази, но она только качала головой и отвечала:

— Нет, я не хочу выходить замуж!

В народе существовало мнение, что лучше ей не выходить замуж, чтобы не быть запертой вдали от всех в доме мужа, тогда каждый мог бы любоваться ею. Они думали, что красота ее дана на радость всем, подобно прелести утреннего рассвета или вечернего заката.

Красота же Нады была и причиной многих смертей. Как увидишь сам, из-за этой красы и любви, вызываемой ею, сама Лилия увяла рано, чаша моих горестей переполнилась, а сердце Умслопогаса-Убийцы, сына короля Чаки, стало печально, как черная пустыня, спаленная пожарами. Так было суждено, отец мой, и так случилось; все люди, белые и черные, ищут красоту и когда наконец находят ее, она быстро исчезает или причиняет им смерть. У великой радости и великой красоты есть крылья, и не хотят они долго гостить на земле. Они спускаются с неба, как орлы, и быстро возвращаются обратно на небо.

И случилось так, отец мой, что я, Мбопа, думая, что дочь моя Нада умерла, не подозревал того, что она носила имя Лилии в краалях галакази и что именно ее король Дингаан хотел взять в жены.

Итак, после того как я оказал сопротивление Дингаану, когда тот собирался посылать войско, чтобы сорвать Лилию в садах галакази, он стал ненавидеть меня. Я также был участником его тайн, со мной он убивал брата своего, Чаку, и другого брата, Мхлангану, и я удержал его от убийства третьего брата, Мпанде; по всем этим причинам он и возненавидел меня, как умеют люди малодушные ненавидеть тех, кто возвысил их. Он еще не смел отделаться от меня: я пользовался большим влиянием в стране, и народ прислушивался к моему голосу. Дингаан задумал хоть на время освободиться от меня, пока не почувствует себя достаточно сильным, чтобы предать меня смерти.

Он решил послать меня к Булалию-Убийце, некогда оскорбившему Чаку через Мезило, чтобы узнать, продолжает ли Булалию упорствовать и отказываться от уплаты дани.

Я выслушал волю короля и старался уяснить себе значение его слов; мне было ясно, что намерение Дингаана состояло в том, чтобы на время отделаться от меня и подготовить мое падение, и что, в сущности, он был

мало озабочен вызовом незначительного вождя, живущего далеко и осмелившегося сопротивляться Чаке. Несмотря на все это, мне хотелось отправиться к нему, во мне родилось сильное желание увидеть этого Булалию, который собирается мстить за какого-то Мбопу и чьи поступки весьма похожи на поступки Умслопогаса, если бы Умслопогас остался в живых. Поэтому я немедленно согласился.

Итак, отец мой, на следующий день в сопровождении десяти выбранных мною людей я, Мбоба, отправился в путь по направлению к горе Призраков. В дороге я много думал о том, как шел вот так же по этой тропинке в давно минувшие дни. Тогда жена моя, Макрофа, Нада, моя дочь, и Умслопогас, сын Чаки, которого все считали моим сыном, шли рядом со мной. Теперь же я с грустью думал о том, что никого из них больше нет в живых, скоро умру и я. Да, люди жили плохо и недолго в те дни, впрочем, не все ли равно? По крайней мере, я отомстил Чаке и успокоил свое сердце.

Наконец однажды вечером мы добрались до пустынного места, где ночевали в тот злополучный час, когда Умслопогаса унесла львица; я взглянул на ту пещеру, откуда он похитил львенка, на страшное лицо каменной Колдуньи, которая вечно сидит высоко на горе Призраков. В эту ночь я спал плохо, печаль терзала меня, я сидел и смотрел на яркую луну, на серое лицо каменной Колдуньи и в глубь леса, который рос на ее коленях, задавая себе вопрос, в этом ли лесу лежат кости Умслопогаса. Во время нашего перехода я слышал много рассказов о горе Призраков. Иные говорили, что на ней являются призраки, люди, принявшие вид волков, другие же рассказывали, что люди те — умершие, которых колдовство вернуло к жизни. Они лишены языков, так как будь у них язык, они бы громко поведали смертным о страшных тайнах умерших, поэтому они только могут плакать, как маленькие дети. Их можно слышать по ночам в лесу, когда они безутешно рыдают между молчаливыми деревьями.

Ты смеешься, отец мой, но я не смеялся, размышляя над этими рассказами; если у людей есть души, куда уходят они, когда тело умирает? Надо же им уйти куда-нибудь, и что было бы странного, если бы они возвращались в места, где родились? Я мало занимался такими вопросами, хотя я врач и знаю кое-что о жизни призраков. Сказать правду, отец мой, я так много занимался освобождением душ людей из их тел, что мало заботился о них после освобождения: успею подумать об этом, когда сам уйду к ним.

Итак, я сидел и смотрел на гору и лес, который рос на ней, как на волосы на женской голове; вдруг я услышал звук, идущий издалека, из самой середины леса, как мне показалось. Сначала слабый звук раздавался

очень далеко, как плач детей в краале, лежащем по другую сторону долины. Потом звук стал громче, но все же я не различал, откуда он идет, потом еще громче — и я понял, в чем дело: то мчались на охоту дикие звери. Их вой раздавался все ближе, скалы отвечали ему, и от этих голосов кровь застывала в жилах. По-видимому, на ночную охоту пустилась большая стая — вот она близко, там, на противоположном склоне, и вой так усилился, что спутники мои проснулись и стали смотреть в ту сторону. Внезапно появился большой буйвол, на мгновение он ясно возник на фоне светлого неба, стоя на гребне горного хребта, потом исчез во мраке. Он мчался по направлению к нам, вскоре мы опять увидели его, мчащегося вперед большими скачками. Потом мы увидели бесчисленное множество зверей, серых и худых, бегущих вслед за ним; они показались на хребте горы, исчезли в тени, появились на откосе, пропали в долине, а с ними мчались и два человеческих существа.

Большой буйвол проскакал на близком расстоянии мимо нас, и за ним устремились бесчисленные волки; из пастей этих волков вылетал ужасный вой. Но кто те, которые сопровождали волков, эти огромные и сильные люди? Они бежали быстро и молча, волчьи зубы сверкали на их головах, волчьи шкуры висели на их плечах. Один держал в руке топор — месяц отражался на нем, другой нес тяжелую дубину. Они бежали рядом, никогда еще я не видел так быстро бегущих людей. Вот они сбегают к нам по откосу, даже волки отстали, за исключением четырех; мы слышали топот их ног, они поравнялись с нами и пробежали, исчезли, и с ними исчезла их бесчисленная свора. Вой стал слабее, замер и прекратился, охота удалилась, ночь стала снова тиха!

— Братья, — спросил я своих спутников, — что это мы сейчас видели? Один из них отвечал:

— Мы видели призраков, которые живут на коленях старой Колдуньи, а люди эти — Братья-Волки, колдуны, цари призраков!

XXIII. Мбопа открывается Убийце

Всю ночь просидели мы без сна, но больше не видели и не слышали волков и людей, которые охотились с ними. Утром, на рассвете, я отправил человека к Булалию, вождю племени Секиры, объявить ему, что посланный к нему от короля Дингаана желает миролюбиво переговорить с ним в его краалях. Я велел гонцу не говорить моего имени, но назвать меня только «Ртом Дингаана». Я же и мои спутники медленно последовали за гонцом, так как путь был еще далек, а я приказал этому человеку вернуться и встретить меня с ответом Убийцы, владельца Секиры.

Весь день, почти до заката солнца, мы огибали основание огромной горы Призраков, держась берега реки. Мы никого не встречали, только раз наткнулись на развалины крааля, в котором лежало много человеческих костей, а рядом с ними заржавленные ассегаи и щиты из воловьей кожи, выкрашенные в белый и черный цвета. Я осмотрел щиты и по окраске узнал, что они принадлежали тем воинам, которые несколько лет тому назад были посланы Чакой за Умслопогасом и которые больше не вернулись.

Мы продолжали путь молча, и всю дорогу каменное лицо Колдуньи, которая вечно сидит наверху, смотрело на нас с горной вершины. Наконец за час до заката солнца мы вышли на открытое место и там, на хребте холма, за рекой, увидели крааль племени Секиры. Крааль был большой и хорошо построенный, скот пасся на равнине многочисленными стадами. Мы сошли к реке и перешли брод, здесь мы сели в ожидании, пока не увидели посланного вперед гонца, который возвращался к нам. Он подошел ко мне с поклоном, и я спросил его о результате поручения. Он отвечал:

— Я видел того, кого зовут Булалию, это — огромный человек, высокий и худой, и лицо у него свирепое, в руках у него топор, такой топор, как у того, кто прошлой ночью охотился с волками. Когда меня привели к вождю, я приветствовал его и поведал ему слова, которые ты вложил в мои уста. Он выслушал меня, громко рассмеялся и сказал: «Скажи пославшему тебя, что я рад видеть Рот Дингаана и что он без страха может повторить мне слова своего короля, но мне жаль, что не пришла голова Дингаана вместе со Ртом, тогда бы моя Секира приняла участие в нашей беседе, хотелось бы мне поговорить с Дингааном о том Мбопе, которого брат его Чака умертвил. Но так как рот — не голова, пусть Рот является без страха!»

Я вздрогнул, когда снова услышал о Мбопе, имя которого опять

назвали уста Булалио-Убийцы. Кто мог так любить Мбопу, как не тот, кто давно умер? А может быть, Булалио говорил о другом Мбопе, имя это не принадлежало исключительно мне, — Чака предал смерти одного из своих вождей с таким же именем во время великой тризны, говоря, что двум Мбопам не ужиться в стране, он убил его, хотя тот Мбопа плакал обильно, когда другие не могли выжать ни одной слезинки.

Я ответил только, что Булалио очень заносчив, и мы направились к воротам крааля.

Никто не встретил нас у входа и никто не стоял у дверей хижины, но дальше, из середины окруженного хижинами крааля, где помещаются стада, поднималась пыль и слышался шум, как будто шли приготовления к войне. Некоторые из моих спутников испугались и хотели повернуть назад, опасаясь измены, испуг их усилился, когда при входе во внутренний крааль скота мы увидели человек пятьсот воинов, стоящих в боевом порядке, и двух высоких молодых людей, которые с громкими криками бегали между ними.

Я обратился к своим испуганным спутникам:

— Не бойтесь! — вскричал я. — Смелый взгляд покоряет сердца врагов. Если бы Булалио желал умертвить нас, ему для этого незачем было бы созывать стольких воинов. Он гордый вождь и хочет показать свои силы, не подозревая того, что король, которому мы служим может выставить целую роту на каждого из его воинов. Смело пойдем вперед!

И мы пошли по направлению к войску, которое собиралось на противоположном конце крааля. Высокие молодые люди, командующие войском, заметили нас и пошли нам навстречу, один за другим. Шедший впереди нес на плече большую секиру, а следовавший за ним вертел в руках огромную дубину. Я взглянул на первого и, отец мой!... Сердце мое замерло от радости — я узнал его, несмотря на истекшие годы. То был Умслопогас, мой питомец, ставший взрослым человеком — таким человеком, с которым никто не мог сравниться во всей Земле Зулу. Он был большого роста, с лицом свирепым, немного худ, но широк в плечах и узок в бедрах. Руки у него были длинные, но не толстые, хотя мускулы выступали на них, как узлы на канате, ноги также были длинные и очень широкие под коленями. Глаза его были словно глаза орла, нос немного крючковатый, и голову он держал слегка наклоненной вперед, как человек, непрерывно высматривающий затаившегося врага. Казалось, что двигается он медленно, хотя шел он очень быстро, походка у него была плавная, как у волка или льва, пальцы его все время играли роговой рукоятью секиры. Тот, кто шел за ним, был также очень высокого роста,

хотя ниже Умслопогаса на полголовы, но более широкого сложения. Его маленькие глаза беспрерывно мерцали, как звезды, выражение лица было совершенно дикое, и время от времени он улыбался, показывая белые зубы.

Когда я увидел Умслопогаса, отец мой, внутри у меня все задрожало, мне хотелось подбежать и броситься ему на шею. Но я сдержался и не только не уступил этому порыву, но даже опустил угол своего плаща на глаза, пряча лицо, чтобы он не узнал меня. Вскоре он стоял передо мной, смотря на меня своими зоркими глазами, в то время как я кланялся ему.

— Привет тебе, Рот Дингаана! — сказал он громким голосом. — Ты маленький человек, чтобы служить ртом такому большому вождю!

— Рот — небольшая часть лица, даже и великого короля, вождь Булалио, правитель племени Секиры, колдун волков, живущих на горе Призраков, а раньше называемый Умслопогасом, сыном Мбопы, сына Македамы!

Услыхав эти слова, Умслопогас вздрогнул, как ребенок при шелесте во мраке, и пристально взглянул на меня.

— Ты много знаешь! — сказал он.

— Уши короля велики, если рот его мал, вождь Булалио, — ответил я, — я же, будучи только ртом, говорю то, что слышали уши!

— Откуда тебе известно, что я жил с волками на горе Призраков? — спросил он.

— Глаза короля видят далеко, вождь Булалио. Вчера они видели большую и веселую охоту. Говорят, они видели мчащегося буйвола, а за ним бесчисленных воющих волков, а с волками двух людей, одетых в волчьи шкуры; те люди похожи на тебя, Булалио, и на того, кто с дубиной следует за тобой!

Умслопогас поднял свою Секиру, как бы готовясь разрубить меня пополам, потом опустил ее, пока Галази-Волк сверкал на меня широко открытыми глазами.

— Откуда ты знаешь, что когда-то меня называли Умслопогасом? Имя это я утратил давным-давно. Говори, Рот Дингаана, а то я убью тебя!

— Убивай, если хочешь, Умслопогас, — отвечал я, — но помни, что когда голова разбита, рот немеет. Разбивающий головы лишается мудрости!

— Отвечай! — повторил он.

— Не хочу! Кто ты, что я должен отвечать тебе? Я знаю правду, и мне достаточно этого. Теперь к делу!

Умслопогас заскрежетал зубами от ярости.

— Я не привык, чтобы мне перечили здесь, в моем собственном краале! — сказал он. — Но к делу! Говори, маленький Рот!

— Вот мое дело, маленький вождь. Когда еще жил ныне умерший Черный, ты послал ему вызов через человека по имени Мезило — таких слов он никогда не слышал до этого, и они могли бы стать причиной твоей смерти, о глупец, надутый гордостью, но смерть раньше посетила Черного и удержала его руку. Теперь Дингаан, тень которого лежит на всей стране, тот король, которому я служу и который сидит на престоле Черного, говорит с тобой посредством меня, своего Рта. Он бы хотел знать: правда ли, что ты отказываешься признать его власть, платить ему дань воинами, девушками и скотом и помогать ему в войнах? Отвечай, маленький вождь, отвечай немногими ясными словами!

Умслопогас от гнева еле переводил дыхание и снова поднял свой большой топор.

— Счастье твое, Рот, — сказал он, — что я обещал тебе безопасное пребывание у меня, а то ты бы не ушел отсюда, с тобой бы я поступил, как с теми воинами, которые в давно прошедшие дни были посланы на поиски Умслопогаса. Но отвечу тебе немногими ясными словами. Взгляни на эти копья — это только четвертая часть всех моих воинов — вот мой ответ! Взгляни также на ту гору, гору Призраков и волков, неизведанную, непроходимую для всех, исключая меня и еще одного человека — вот мой ответ! Копья и гора войдут в союз, гора ошестинится копьями и пастями волков. Пусть Дингаан оттуда берет дань! Я сказал!

Я резко расхохотался, желая испытать сердце Умслопогаса, моего питомца.

— Дурак! — сказал я. — Мальчишка с разумом обезьяны, против каждого твоего копья Дингаан, которому я служу, может выслать сотню, а гору твою сровняют с долиной, на твоих же призраках и волков, смотри, я плюю! — И я плюнул на землю.

Умслопогас задрожал от бешенства, и огромный топор засверкал в его руке. Он повернулся к вождю, стоящему за ним, и сказал:

— Скажи, Галази-Волк, не убить ли нам этого человека и всех спутников его?

— Нет, — отвечал, улыбаясь, Волк, — не убивай их, ты ручался за их безопасность. Отпусти их обратно к их собачьему королю, чтобы он выслал своих щенков на сражение с нашими волками. Хороша будет битва!

— Уходи отсюда, Рот, — сказал Умслопогас, — уходи поскорей, пока с тобой не случилось беды! За оградой ты найдешь пищу, чтобы утолить свой голод. Поешь и уходи, если же завтра в полдень тебя найдут поблизости от этого крааля, ты и твои спутники останетесь там навеки, Рот Дингаана!

Я сделал вид, что ухожу, но, внезапно вернувшись, снова заговорил:

— В твоём послании к ныне умершему Черному ты говорил об одном человеке, — как его имя... — о каком-то Мбопе?

Умслопогас вздрогнул, как раненный копьем, и взглянул на меня:

— Мбопа! Что тебе за дело до Мбопы, о Рот со слепыми глазами? Мбопа умер, а я был его сыном!

— Да, — сказал я, — да, Мбопа умер, то есть Черный убил Мбопу. Но как же случилось, Булалио, что ты его сын?

— Мбопа умер, — повторил Умслопогас, — он умер со всем своим домом, его крааль сровняли с землею, и по этой причине я ненавижу Дингаана, брата Чаки; я лучше разделю участь Мбопы и дома Мбопы, чем заплачу королю хоть одним быком!

Я говорил с Умслопогасом измененным голосом, отец мой, но тут я заговорил своим голосом:

— Теперь ты говоришь от искреннего сердца, молодой человек, и я добрался до корня дела. Ты посылаешь вызов королю из-за этой мертвой собаки Мбопы?

Умслопогас узнал мой голос и дрожал уже не от гнева, а скорее от страха и удивления. Он, не отвечая, пристально смотрел на меня.

— Нет ли здесь поблизости хижины, вождь Булалио, враг короля Дингаана, где я, Рот Короля, могу поговорить с тобой наедине; я хочу заучить слово в слово твой ответ, чтобы не ошибиться, повторяя его. Не бойся оставаться наедине со мной в хижине, Убийца! Я стар и безоружен! А в твоей руке оружие, которого мне нужно опасаться! — И я указал на топор.

Умслопогас, дрожа всеми членами, отвечал:

— Следуй за мной, Рот, а ты, Галази, оставайся с этими людьми!

Я пошел за Умслопогасом, и вскоре мы очутились около большой хижины. Он указал на вход, я прополз в него, и он последовал за мной. Первое время казалось, что в хижине темно: солнце уже садилось, и помещение было полно мрака; я молчал, пока глаза наши не привыкли к темноте. Потом я откинул с лица плащ и взглянул в глаза Умслопогаса.

— Посмотри-ка на меня теперь, Булалио-Убийца, когда-то называемый Умслопогасом, посмотри и скажи, кто я?

Тогда он взглянул на меня, и лицо его дрогнуло.

— Или ты Мбопа, ставший стариком, умерший отец мой, или призрак Мбопы! — отвечал он вполголоса.

— Я Мбопа, твой отец, Умслопогас! — сказал я. — Долго же ты не узнавал меня, я же узнал тебя сразу!

Умслопогас громко вскрикнул и, уронив топор, кинулся ко мне на грудь и зарыдал. Я заплакал тоже.

— О отец мой, — сказал он, — я думал, что ты умер со всей нашей семьей, но ты снова пришел ко мне, а я в своем безумии хотел поднять на тебя *Инкосикази*. Какое счастье, что я жив, я не умер, потому что мне дана радость смотреть на твое лицо, которое я считал мертвым, но которое живо, хотя сильно изменилось, как бы от лет и горя!

— Тише, Умслопогас, сын мой! — сказал я. — Я тоже думал, что ты погиб в пасти льва, хотя, правду сказать, мне казалось невероятным, чтобы другой человек, кроме Умслопогаса, мог совершить те подвиги, которые совершал Булалио, вождь племени Секиры, да еще осмелившийся послать вызов самому Чаке. Но ни ты, ни я не умерли. Чака убил другого Мбопу, умертвил же Чаку я, а не он меня!

— А где Нада, сестра моя? — спросил он.

— Твоя мать Макрофа и сестра Нада умерли, Умслопогас. Они погибли, убитые племенем галакази, которые живут в Земле Свази!

— Я слышал об этом народе, — отвечал он, — и Галази-Волк знает его. Он еще должен отомстить им — они убили его отца; я также теперь жажду мщения за то, что они умертвили мою мать и сестру. О Нада, сестра моя! Нада, сестра моя! — И этот огромный человек закрыл лицо руками и стал качаться взад и вперед.

Отец мой, мне пришло в голову объявить всю правду Умслопогасу и сказать, что Нада ему не сестра, что он мне не сын, а сын Чаки, которого рука моя умертвила. Но я ничего не сказал, о чем горячо жалею теперь. Я ясно видел, как велика была гордость и высокомерно сердце Умслопогаса. Если бы он узнал, что трон Земли Зулу принадлежит ему по праву рождения, ничто не удержало бы его — он открыто восстал бы против Дингаана; мне же казалось, что время еще не наступило. Если бы я знал за год до этого, что Умслопогас жив, он занимал бы место Дингаана; но я не знал, и судьба распорядилась иначе. Теперь же Дингаан был королем и имел в своем распоряжении много войск; я его постоянно удерживал от войны, как я уже рассказывал, когда он хотел предпринять набег на свази. Случай прошел, но может подвернуться другой, а до той поры я должен молчать. Лучше всего свести Дингаана и Умслопогаса, чтобы Умслопогас стал известен во всей стране как великий вождь и лучший воин. Тогда я похлопочу, чтобы его избрали индуной и начальником войск, а кто командует войсками, уже наполовину король!

Итак, я молчал обо всем этом, но, пока не настала ночь, Умслопогас и я сидели и беседовали, передавая друг другу все случившееся с тех пор, как

его унес лев. Я рассказал ему, как были убиты все мои жены и дети, как меня пытали, и показал ему мою белую и иссохшую руку. Я рассказал о смерти Балеки, сестры моей, и всего племени э-лангени, о том, как я отомстил Чаке за зло, причиненное мне, как сделал Дингаана королем и как сам стал первым человеком в стране после короля, хотя король боялся и не любил меня. Но я не сказал ему, что Балека была его матерью.

Когда я окончил свою повесть, Умслопогас рассказал свою — о том, как Галази спас его от львицы, как он сделался одним из Братьев-Волков, как победил Джикизу и сыновей его, стал вождем племени Секиры и взял в жены Зиниту.

Я спросил его, почему он все еще охотится с волками, как я видел прошлую ночь. Он отвечал, что в округе больше не осталось врагов, и от безделья на него иногда находит тоска, тогда он должен встряхнуться, охотиться вместе с Галази, мчаться с волками, и только таким образом успокаивает он свою душу.

Я возразил, что укажу ему на лучшую дичь, потом спросил его, любит ли он жену свою Зиниту. Умслопогас отвечал, что любил бы ее больше, если бы она меньше любила его; она ревнива и вспыльчива и часто огорчает его.

После того как мы поспали немного, он вывел меня из хижины; и меня и моих спутников угостили на славу; во время пира я беседовал с Зинитой и Галази-Волком. Галази очень мне понравился. Хорошо в битве иметь такого человека за спиной. Но сердце мое не лежало к Зините. Она была высока и красива, но глаза у нее были жестокие, вечно следящие за Умслопогасом, моим питомцем; я заметил, что тот, который ничего не боялся, по-видимому, боялся Зиниты. Я также ей не понравился, особенно когда она убедилась в дружеских чувствах Убийцы ко мне, она немедленно стала ревновать, как ревновала его к Галази. Будь то в ее власти, она быстро избавилась бы от меня. Итак, сердце мое не лежало к Зините, но даже я не предчувствовал тех несчастий, причиной которых она стала.

XXIV. Избиение буров

Утром я отвел в сторону Умслопогаса и сказал ему:

— Сын мой, вчера, когда ты еще не узнавал меня, ты дал мне поручение к королю Дингаану. Если бы оно дошло до ушей короля, то навлекло бы смерть на тебя и весь твой народ. Дерево, стоящее одиноко в поле, думает, что величина его огромна и что нет тени, равной той, которую оно дает. Но на свете есть другие большие деревья. Ты подобен этому одинокому дереву, Умслопогас, но верхние ветки того, кому я служу, толще твоего ствола, и под его тенью живут дровосеки, которые рубят слишком высоко выросшие деревья. Ты не можешь драться с Дингааном, хотя, живя здесь одиноко в пустынной стране, и кажешься огромным в своих собственных глазах и в глазах твоих приближенных. Умслопогас, помни одно: Дингаан ненавидит тебя за те слова, которые ты велел дураку Мезило передать умершему Черному, он слышал твой вызов и теперь мечтает погубить тебя. Меня он прислал сюда только для того, чтобы избавиться от моего присутствия, и какой бы ответ я ни принес, конец будет один — ты вскоре увидишь у своих ворот целое войско!

— Так стоит ли говорить об этом, отец? — спросил Умслопогас. — Что суждено, то и случится. Я буду ждать здесь войска Дингаана и сражаться насмерть!

— Нет, сын мой, можно убить человека не только ассегаем, кривую палку можно выпрямить на пару. Я бы хотел, Умслопогас, чтобы Дингаан любил тебя, чтобы он не убил, а возвеличил тебя, чтобы ты вырос великим в его тени. Слушай! Дингаан, конечно, не то, что Чака, но он жесток не менее Чаки. Дингаан — глупец, и весьма вероятно, что человек, выросший в его тени, сумеет заменить его. Я мог бы стать этим человеком, но я стар, изнурен горем и не желаю властвовать. Ты молод, Умслопогас, и нет тебе подобного во всей Земле Зулу. Есть также другие обстоятельства, о которых нельзя говорить, но которые могут послужить тебе ладьей, чтоб доплыть до власти!

Умслопогас зорко взглянул на меня, он был властолюбив в то время и желал стать первым среди народа. Могло ли быть иначе, когда в его жилах текла кровь Чаки?

— Каковы твои намерения, отец? — спросил он. — Каким образом можно привести в исполнение твой план?

— Вот каким образом, Умслопогас. В Земле Свази, среди племени

галакази, живет девушка по имени Лилия. Говорят, она удивительная красавица, и Дингаан страстно желает получить ее в жены. Недавно Дингаан посылал посольство к вождю галакази, прося руки Лилии, но вождь галакази отвечал дерзкими словами, что они не отдадут в жены зулусской собаке свою красавицу. Дингаан разгневался и хотел собрать и послать свои войска против галакази, чтобы уничтожить их и завладеть девушкой; я же удержал его под тем предлогом, что теперь не время начинать войну. По этой причине Дингаан возненавидел меня. Понимаешь ли теперь, Умслопогас?

— Не совсем, — отвечал он. — Говори яснее.

— Полуслова лучше целых слов в нашей стране. Слушай же! Вот мой план: ты нападешь на племя галакази, уничтожишь его и отведешь девушку к Дингаану в знак мира и дружбы!

— План твой хорош, отец! — отвечал он. — Во всяком случае, можно будет посражаться, а после сражения поделить стада!

— Сперва победи, потом считай добычу, Умслопогас!

Он подумал немного, потом сказал:

— Позволь мне позвать сюда Галази-Волка, моего военачальника. Не бойся, он человек верный и не болтливый!

Вскоре вошел Галази и сел рядом с нами. Я представил ему все дело таким образом, будто Умслопогас хочет напасть на галакази и доставить Дингаану девушку, которую тот желает получить, я же удерживаю его от этой попытки, потому что племя галакази большое и сильное. Говорил я все это, чтобы оставить себе лазейку для объяснений, если бы Галази выдал наше намерение. Умслопогас понял меня, хитрость же моя была излишней — Галази был человек верный.

Галази-Волк молча слушал, когда же я кончил, он отвечал спокойно, хотя в глазах его загорелся огонь:

— По праву рождения я — вождь галакази и хорошо их знаю. Это могущественное племя, которое может сразу собрать два полка, а у Булалио в распоряжении всего один полк, да и то небольшой. Кроме того, галакази держат день и ночь стражу и шпионов, рассеянных по всей стране, а потому очень трудно захватить их врасплох; их крепость состоит из огромной пещеры, открытой в середине. До сих пор никто не проникал в эту крепость, да и найти вход в нее могут только знающие дорогу. Таких немного, но я знаю, где вход. Отец мой показал мне его, когда я был еще мальчиком. Теперь ты видишь, за какое нелегкое дело — покорение галакази — берется Булалио. Вот как дело обстоит по отношению к Булалио, но для меня оно имеет и другое значение. Много лет назад, когда

отец мой умирал от яда, данного ему колдуньей из их племени, я поклялся, что отомщу за него, что полностью уничтожу галакази, перебью их мужчин, уведу их женщин и детей в рабство! Год за годом, месяц за месяцем, ночь за ночью, лежа на горе Призраков, думал я о том, как сдержать свою клятву, и не видел к тому способа. Теперь я вижу возможность и радуюсь. Но все же это рискованное предприятие, и может быть, в конце его племя Секиры перестанет существовать! — Он замолчал и стал нюхать табак, следя поверх табакерки за нашими лицами.

— Галази-Волк, — сказал Умслопогас. — Ты лишился отца по вине собак галакази. Для меня также дело это имеет особенное значение, хотя я до вчерашнего вечера этого не знал. Их копыта отняли у меня мать и с нею ту, которую я любил больше всех на свете — сестру Наду. Этот человек, — и он указал на меня, — этот человек говорит, что если мне удастся уничтожить племя галакази и взять в плен девушку Лилию, то я приобрету милости Дингаана. Мало расположен я к Дингаану, мне бы хотелось идти своей дорогой, жить, пока живется, и умереть, когда придется, может быть, от руки Дингаана или кого-нибудь другого — не все ли равно? Но, узнав о смерти матери моей Макрофы и сестры моей Нады, я начну войну с галакази и покорю их, или сам буду побежден ими. Может быть, Рот Дингаана, ты вскоре увидишь меня в краале короля и со мной девушку Лилию и скот галакази. Если же ты не увидишь меня, то будешь знать, что я умер и что племени Секиры больше не существует!

Так говорил Умслопогас в присутствии Галази-Волка, потом при прощании обнял меня.

Я быстро прошел путь от горы Призраков до краала короля и там предстал перед Дингааном. Вначале он принял меня холодно, но когда я передал ему известие, что вождь Булалио-Убийца вступил на путь войны, чтоб добыть ему Лилию, обращение его изменилось. Он взял меня за руку и похвалил, говоря, что напрасно не доверял мне, когда я убеждал его не посылать войска против галакази. Теперь же он видит, что я хотел зажечь пожар другой рукой и уберець его руку от ожогов, и он благодарил меня.

Король прибавил еще, что если вождь Булалио приведет ему девушку, к которой стремится его сердце, он не только простит слова, переданные Мезило умершему Черному, но отдаст Булалио весь скот галакази и возвеличит его перед народом. Я отвечал, что пусть он поступает как желает, я же только исполнил свой долг перед королем и устроил все таким образом, что, каков бы ни был исход войны, гордый вождь будет унижен и враг побежден без потерь для короля, а кроме того, может статься, что Лилия вскоре очутится во власти короля.

После того я стал ждать дальнейших событий.

Наступило то время, отец мой, когда к нам явились белые люди, которых мы называли амабуну, а вы — бурами. Невысокое мнение вынес я об этих амабуну, хотя и помог им одержать победу над Дингааном, — я и Умслопогас!

До этого времени, правда, появлялись изредка в краалях Чаки и Дингаана белые люди, но те приходили молиться, а не сражаться. Буры же умеют сражаться и молиться, а также красть; этого-то я и не понимаю: ведь молитвы белых людей запрещают воровство.

Итак, когда со времени моего возвращения домой не прошло еще и месяца, явились к нам амабуну, человек шестьдесят, под начальством капитана, высокого малого по имени Ретиф; они были вооружены длинными ружьями, которые всегда носили с собой. Может быть, буров была и целая сотня, если считать слуг и конюхов. Цель их приезда заключалась в том, чтобы получить права на землю в Натале, лежащую между реками Тугелой и Умзимвубу. Но, по совету моему и других индун, Дингаан потребовал от буров, чтобы они сперва покорили вождя по имени Сигомайо, который похитил у короля скот, и отняли бы у него похищенное. Буры согласились, отправились против вождя и вскоре вернулись, уничтожив племя Сигомайо и гоня перед собой весь его скот вместе со стадами, похищенными у короля.

Лицо Дингаана просияло, когда он увидел скот; в ту же ночь он собрал совет и спросил наше мнение о переуступке земель. Я заговорил первым и заметил, что совершенно безразлично, уступит ли он земли или нет, так как еще умерший Черный отдал их англичанам; вероятно, все кончится тем, что между англичанами и амабуну разгорится война из-за этой земли. Начинают сбываться слова Черного, мы уже слышим топот бегущих белых людей, которые со временем завоюют всю нашу страну.

Когда я замолчал, сердце Дингаана опечалилось, а лицо омрачилось, слова мои проникли в его грудь, как копье. Он не отвечал и распустил совет.

Утром король обещал подписать бумагу, в которой передавал бурам земли, о которых они просили, и все казалось гладким, как вода в тихую погоду. Перед тем как подписать бумагу, король устроил большой праздник; много было собрано воинов в краале, и в течение трех дней продолжались пляски; на третий день он распустил все войско, за исключением одного полка, состоявшего из юношей, которым было приказано остаться. Мне очень хотелось знать, что на уме у Дингаана, и я опасался за безопасность амабуну. Но он хранил свою тайну и никому,

кроме командира полка, ничего не говорил, даже члены совета ничего не знали. Но я предчувствовал, что он готовит беду; мне хотелось предупредить капитана Ретифа, но я побоялся ошибиться в своих предположениях. Отец мой, если бы я исполнил свое намерение, сколько людей, умерших вскоре после того, осталось бы в живых! Но, впрочем, не все ли равно? Во всяком случае, многие из них теперь бы уже поумирали.

Ранним утром четвертого дня Дингаан послал за амабуну, приглашая их явиться к нему в крааль, где он намерен был подписать бумагу. Они пришли и оставили свои ружья у ворот крааля; смертью наказывался человек, как белый, так и черный, если появлялся вооруженным перед королем. Крааль Дингаана был выстроен большим кругом, как строились у нас все королевские краали. Вначале тянулась высокая наружная изгородь, потом тысячи хижин между наружной и внутренней изгородью. За внутренним рвом лежало большое открытое пространство, в котором могли поместиться пять полков, а в конце его, против входа, находился крааль скота, который отделялся от открытого места также изгородью, изогнутой, как лук. За нею помещалось Эм-Тандени — жилище королевских жен, далее — помещение для стражи, лабиринт и Ум-Длункулу, дом короля. Дингаан вышел и сел на скамью перед краалем скота, рядом с ним стоял человек, державший щит над его головой, чтобы предохранить его от солнечных лучей. Мы все, члены совета, были тут же, а вдоль всей изгороди, вооруженные короткими палками, а не дубинами, отец мой, стояли воины того полка, который Дингаан не отсылал. Командир полка находился рядом с королем, по его правую руку.

Вскоре вошли буры и всей толпой приблизились к королю. Дингаан принял их милостиво и пожал руку Ретифу, их начальнику. Ретиф вынул из кожаной сумки бумагу, по которой устанавливались уступка и границы земель, и переводчик перевел королю содержание бумаги. Дингаан сказал, что все в порядке, и приложил к бумаге руку; Ретиф и буры, видимо, были довольны и широко улыбались. По окончании дела они стали прощаться, но Дингаан не пустил их, говоря, что сперва он желает угостить их и показать им пляску воинов; по его приказанию были внесены заранее приготовленные блюда с вареной говядиной и чашки с молоком. Буры отвечали, что они уже обедали, но все же выпили молока, передавая чашки из рук в руки.

Воины стали плясать и запели воинственную песнь зулусов, отец мой, а буры отодвинулись к центру площади, чтобы не мешать пляске воинов. В это время я услышал, как Дингаан приказывал одному из слуг отправиться к белому Доктору Молитвы, находящемуся вне крааля, и попросить его не

бояться ничего. Я удивился, не понимая смысла приказания, почему Доктору Молитвы надо бояться танца, часто виденного им? Вскоре Дингаан встал, в сопровождении свиты прошел сквозь толпу, подошел к капитану Ретифу и стал прощаться с ним, пожимая ему руку и желая ему счастливой дороги. Затем он вернулся к воротам, которые вели к королевскому дому; около входа стоял командир полка, как бы в ожидании приказаний.

Неожиданно для всех, отец мой, Дингаан остановился и закричал громким голосом: «*Билалани абатагати!* Бей колдунов!» — и, закрыв лицо углом своего плаща, вошел за изгородь.

Мы же, его советники, стояли пораженные, словно превращенные в камни. Не успели мы еще слова вымолвить, как командир полка громко прокричал: «Бей колдунов!» — и возглас его был подхвачен со всех сторон. Раздался ужасный крик, отец мой, и топот ног. Сквозь облака пыли мы видели, как воины кинулись на амабуну, и, несмотря на шум, мы услышали удары палок. Амабуну вытащили свои ножи и зачищались храбро, но нельзя было успеть сосчитать до ста, как все было кончено, — немногих уже мертвых, многих еще живых выволокли из ворот крааля, на Холм Убийств, и там перебили всех до одного. Каким образом — я лучше не скажу тебе, их перебили и сложили в кучу, и этим окончилось их предприятие, отец мой.

Но я и другие советники молча направились к дому короля. Он стоял перед своей большой хижиной, подняв руки, мы поклонились ему, не говоря ни слова. Дингаан заговорил первый, слегка посмеиваясь, как человек, чувствующий себя не вполне спокойно.

— Что, советники мои? — сказал он. — Когда хищные птицу сегодня утром взывали к небу о крови, они не ожидали пира, приготовленного для них. И вы, вожди, не знали, какого великого правителя послало вам Небо, и как глубок ум короля, вечно заботящегося о благе своего народа. Теперь страна очистилась от Белых Колдунов, о которых каркал Черный перед смертью, или, вернее, скоро очистится, так как это только начало. Слушайте, гонцы! — и он повернулся к людям, стоящим за ним. — Немедленно отправляйтесь к полкам, собранным за горой, и передайте их вождям слова короля. Вот мой приказ: пусть войско совершит набег на земли Наталя и перебьет всех буров, уничтожит их всех: мужчин, женщин и детей. Ступайте!

Гонцы прокричали привет королю и пустились, как копья из рук бойцов, через секунду они исчезли. Но мы, советники, стояли молча.

Дингаан заговорил снова, обращаясь ко мне:

— Успокоилось ли наконец твое сердце, Мбопа, сын Македамы? Ты часто жужжал мне в уши о белых людях и об их победах над нами, а вот видишь! Я только дунул на них, и они исчезли. Скажи, Мбопа, все ли колдуны умерли? Если хоть один из них остался в живых, я хочу поговорить с ним!

Я взглянул Дингаану прямо в лицо и отвечал:

— Они умерли, король, но и ты также умер!

— Для тебя было бы лучше, собака, — сказал Дингаан, — если бы ты выражался яснее!

— Да простит меня король, — отвечал я, — вот что хочу я сказать. Ты не можешь уничтожить белых людей, они не принадлежат к одному племени, их племен много, море — их стихия, они являются из черных вод океана. Убей тех, которые находятся здесь, другие придут мстить за них. Их будет все больше и больше! Теперь убивал ты, в свое время начнут убивать они. Теперь они лежат в крови, но в скором будущем, король, лежать в крови будешь ты. Тобой овладело безумие, о король, когда ты исполнил это злодеяние, и следствием этого безумия будет твоя смерть. Я сказал! Да будет воля короля!

Я стоял неподвижно, ожидая смерти, отец мой. Во гневе сердца моего, при виде совершавшегося злодеяния я не мог удержать своих слов. Раза три Дингаан злобно взглянул на меня, и на лице его страх боролся с яростью. Я хладнокровно ждал, что победит — страх или ярость. Когда же он наконец заговорил, то сказал одно только слово: «Иди», — а не два: «Возьмите его». И я ушел, а со мной советники, король остался один.

Ушел я с тяжелым сердцем, отец мой. Из всех ужасных событий, виденных мною, мне казалось, что это — коварное избиение амабуну — худшее, вместе с приказанием войскам так же умертвить оставшихся в живых и их женщин и детей. И они их перебили — шестьдесят человек перебили они — там, в Стране Плача.

Скажи, отец мой, почему Ункулункулу, который сидит на небесах, позволяет таким ужасам совершаться на земле? Я слышал проповеди белых людей, которые говорят, что все о нем знают. Имена его — Власть, Милосердие и Любовь. Почему же он допускает все это? Зачем он позволяет людям, подобным Чаке и Дингаану, мучить людей на земле, а в конце наказывает их одной смертью за те тысячи смертей, которые они причинили другим? Вы говорите, что все это происходит в наказание людям, которые злы, но это неверно; не страдают ли безвинные вместе с виновными, не погибают ли сотнями невинные дети? Может быть, на это есть другой ответ, но как могу я в своем слабоумии постигнуть

Необъяснимое? Может быть, все это — часть целого, маленькая часть того узора, о котором я говорил, узора на чаше, содержащей воды Его премудрости. Я ничего не понимаю, я — дикий человек. Но не больше знания нашел я в сердцах белых, просвещенных людей. Вы знаете многое, но многого и не знаете. Вы не можете объяснить, где мы находились за час до рождения или чем станем после смерти, зачем родились и почему умрем. Вы можете только надеяться и верить — вот и все; может быть, отец мой, скоро я стану мудрее всех вас. Я очень стар, огонь моей жизни угасает, он еще горит только в моем уме, там огонь еще ярок, но скоро и он погаснет, и тогда, может быть, я пойму.

XXV. Война с племенем галакази

Я должен рассказать тебе, отец мой, как Умслопогас-Убийца и Галази-Волк воевали с племенем галакази. Когда я вышел из тени горы Призраков, Умслопогас собрал всех своих вождей. В длинной речи он сказал им, что желает, чтобы племя Секиры перестало быть незначительным народом, стало бы велико и считало бы стада свои десятками тысяч.

Вожди спросили, каким образом этого можно достигнуть и не задумал ли он для этой цели войну с королем Дингааном? Умслопогас отвечал, что, напротив, желает приобрести расположение короля. Он рассказал им о девушке Лилии, о племени галакази и о том, как он собирается на них войной. Некоторые из вождей согласились сразу, другие не хотели войны, и между ними возник спор, который затянулся до вечера. Когда начало смеркаться, Умслопогас встал и сказал, что, будучи вождем племени Секиры, он приказывает всем подняться против галакази. Если же найдется человек, желающий воспротивиться его власти, пусть выступит вперед побороться с ним, и победитель приобретет право повелевать. На это никто не отвечал: мало было охотников встретиться лицом с лезвием Виновницы Стонов. Таким образом, решилась война между племенами Секиры и галакази. Умслопогас выслал гонцов, чтобы вызвать к себе всех подвластных ему воинов.

Когда же Зинита, его старшая жена, услышала о приготовлениях к войне, она разгневалась и стала осыпать Умслопогаса упреками, а меня, Мбопу, проклятиями. Меня она знала только как посланного от Дингаана, проклинала же за то, что, как она справедливо предполагала, от меня исходила затея Убийцы.

На третий день собраны были все воины, храбрые, решительные люди, числом, вероятно, около двух тысяч. Умслопогас вышел к ним и объявил о предстоящей войне. Рядом с ним находился Галази-Волк. Воины слушали молча, и было ясно, что, подобно своим вождям, они разделялись во мнениях. Галази заявил им, что знает дорогу к пещерам галакази и знает число их скота, но они стояли в нерешимости. Тогда Умслопогас сказал:

— Завтра на рассвете я, Булалио, владелец Секиры, вождь всего племени Секиры, выступаю против галакази вместе с братом моим, Галази-Волком. Если даже только десять человек будут сопровождать нас, мы все равно пойдем. Воины, выбирайте! Кто желает, пусть идет с нами! Кто не желает, пусть остается дома с женщинами и детьми!

Мощный крик вырвался у всех:

— Мы пойдем с тобой, Булалию, на смерть или победу!

Наутро они выступили, и поднялся плач среди женщин племени Секиры. Одна Зинита не плакала, но смотрела грозно и мрачно, предсказывая беду, с мужем она не захотела проститься, когда же он ушел, она горько заплакала.

Долго шел Умслопогас со своим войском, терпя голод и жажду, пока не вступил во владения галакази через узкое и глубокое ущелье. Галази-Волк опасался, что в ущелье им окажут сопротивление, хотя они не причиняли никакого вреда краалям, лежащим на их пути, и брали скот только для питания. Он знал, что со всех сторон были посланы гонцы, чтобы предупредить галакази о приближении врага. Но в ущелье они никого не видели. Приближалась ночь, поэтому на той стороне прохода они сделали привал. На заре Умслопогас оглядел далеко простирающиеся широкие равнины. Галази указал ему на длинную низкую гору, лежащую в двух часах ходьбы от главного крааля галакази.

Они снова отправились в путь. День только начинался, когда они дошли до хребта холма и услышали звук рогов по другую его сторону. Воины остановились на хребте и увидели издали бегущее по направлению к ним войско галакази, и войско то было многочисленно.

Умслопогас сказал спутникам:

— Вот там видны собаки свази, дети мои, их много, а нас мало, но неужели дома скажут, что нас, зулусов, прогнала свора собак свази? Неужели такую песню споют нам наши жены и дети, воины Секиры?

Иные из воинов вскричали «нет!», но другие молчали. Умслопогас снова заговорил:

— Пусть все, кто хочет, уходят обратно, еще есть время. Возвращайтесь, кто хочет, но настоящие воины пойдут вперед со мной. Впрочем, если хотите, можете вернуться обратно все; предоставьте Секире и Дубине самим решить это дело!

Тогда послышался мощный крик:

— Умрем с теми, с кем жили!

— Клянитесь! — вскричал Умслопогас, высоко держа Секиру.

— Клянемся Секирой! — отвечали воины.

Умслопогас и Галази начали готовиться к битве. Они поставили всех молодых воинов на холмах над долиной, так как хотели уберечь их от врагов, начальство над ними принял Галази-Волк, старые воины расположились на склонах, и с ними остался Умслопогас.

Галакази приближались, их было целых четыре полка. Равнина

чернела от их тел, воздух дрожал от их криков, и копья их сверкали, как молнии. На противоположном склоне холма они остановились и выслали гонца, чтобы узнать, чего племя Секиры требует от них. Убийца отвечал, что требует он, во-первых, голову их вождя, место которого займет Галази, во-вторых, ту прекрасную девушку, которую зовут Лилией, и, наконец, тысячу голов скота. Если эти условия будут исполнены, он пощадит галакази, в случае отказа — он уничтожит их и возьмет себе все.

Гонец ушел обратно и, дойдя до рядов галакази, громко прокричал ответ. Тогда из рядов воинов раздался взрыв хохота, взрыв, от которого задрожала земля. Лицо Умслопогаса-Убийцы загорелось яркой краской под черной кожей, когда он услышал этот смех, он потряс Секирой в сторону неприятеля.

Галакази подняли крик и направились против молодых воинов, возглавляемых Галази-Волком, но за подножием холма тянулось торфяное болото, и переход через него был труден. Пока они медленно продвигались вперед, Галази со своей молодежью напал на них; удержать их долго он не мог, число врагов было слишком велико, и потому вскоре битва разгорелась вдоль всего ущелья. Под мужественным предводительством Галази молодые воины дрались беспощадно, и вскоре все силы галакази были направлены на них. Два раза Галази собирал уцелевших и водил их в бой и два раза останавливал он наступательное движение галакази, приводя их в замешательство, пока, наконец, все их отряды и полки не перемешались. Но долго держаться зулусы не могли; более половины воинов полегло, а остальных, отчаянно сражающихся, враги погнали вверх на гору.

В то же время Умслопогас и старые воины сидели рядом на краю обрыва и следили за битвой, причем старые воины проявляли нетерпение, то вытягивая ноги, то снова поджимая их. Их лица становились все свирепее, а пальцы нетерпеливо перебирали древки ассегав.

Наконец один из вождей громко крикнул Умслопогасу:

— Скажи, Убийца, не пора ли нам спуститься туда? Трава сырая и мы окоченеем, сидя на ней!

— Подождите немного, — отвечал Умслопогас. — Пусть они обессилят в игре. Пусть еще ослабеют!

Пока он говорил, галакази собрались в кучу и сильным напором погнали назад Галази и оставшихся в живых молодых воинов. Да, в конце концов им пришлось бежать, а за ними гнались свази; во главе галакази находился их вождь, окруженный кольцом храбрецов.

Умслопогас видел все это и, вскочив на ноги, заревел, как бык.

— Вперед, волки! — закричал он.

Ряды воинов воспрянули, как поднимается на море волна, и их головные уборы из перьев походили на морскую пену. Подобно грозно нарастающему валу, они внезапно вскочили на ноги и, как разлившаяся волна, спустились вниз по откосу. Впереди шел Убийца, высоко держа Секиру, быстро несли его ноги. Он шел с такой быстротой, что, как ни торопились воины, он далеко опередил их. Галази услышал шум их бега, оглянулся, и в то же время Убийца промелькнул мимо него, мчась, как олень. Тогда Галази также кинулся вперед, и Братья-Волки помчались вниз с горы, на небольшом расстоянии друг от друга.

Галакази также все видели и слышали и старались собраться в ряды, чтобы встретить натиск врага. Перед Умслопогасом очутился их вождь, высокий человек, окруженный изгородью асседаев. Прямо на стену щитов мчался Умслопогас, дюжины копий вытянулись ему навстречу, дюжины щитов поднялись на воздух — то была изгородь, через которую никто не мог пройти живым. Но Убийца решил проникнуть за нее. Вот он прыгает высоко в воздух, ноги его задевают за головы воинов и стучат о верхушки их щитов. Они ударяют вверх копьями, но он пролетает через них, как птица. Вот он перескакивает через них, он стоит на земле — и теперь изгородь из щитов оберегает двух вождей. Но ненадолго. Секира поднялась, падает — ни топор, ни щит не могут остановить удара, они разбиты — и у галакази нет больше вождя!

Волна разлилась по берегу. Слушай ее рев, слушай рев щитов! Стойте, воины галакази, стойте! Их ведь немного. Все кончено! Клянусь головой Чаки! Они не устоят, их оттесняют, волна смерти разливается по береговому песку и уносит врага, как сорную траву, и по всему пространству слышен свист, похожий на свист просачивающейся воды.

Отец мой, я стар. Нет мне более дела до битв, сражений и их восторгов! Но лучше умереть в такой битве, чем продолжать жить в ничтожестве. Да, я видал сражения, много я видал подобных сражений. В мое время умели драться, отец мой, но никто не умел драться так, как Умслопогас-Убийца, сын Чаки, и названный брат его Галази-Волк. Итак, они рассеяли галакази, они разметали их, как девушка выметает пыль из своей хижины, как ветер гонит сухие листья. Очень скоро за началом последовал конец. Иные бежали, другие погибли, и таким образом окончилось сражение. Но война не окончилась. Галакази были разбиты в поле, но многие добежали до большой пещеры, и только там могло решиться дело. Вскоре же туда направился Убийца с оставшимися у него воинами. Увы! Многие были убиты; но нет смерти более славной, чем в сражении. Оставшиеся стоили всего войска; они знали, что под

начальством Секиры и Дубины их нелегко победить.

Они стояли перед холмом, окружность основания которого равнялась приблизительно трем тысячам шагов. Холм был невысок, но взобраться на него было невозможно; один из воинов попытался влезть на него, но склоны холма оказались совершенно отвесными, и на них нога человеческая удержаться не могла; пройти могли разве только горные кролики и ящерицы. Вокруг холма никого не было видно, так же, как и в большом краале галакази, лежащем на востоке от горы; вся земля около холма была истоптана копытами быков и ногами людей, а из середины горы слышалось мычание стада.

Тогда Галази провел отряд немного в сторону, до места, где почва была вся изрыта и истоптана, как бывает у крааля скота. Там они увидели низкую пещеру, ведущую внутрь горы, подобную тем туннелям, которые строят белые люди. Но пещера эта была загромождена огромными кусками скал, установленными друг на друга таким образом, что снаружи сдвинуть их было невозможно. По-видимому, загнав внутрь скот, галакази заложили вход в пещеру.

Воины последовали за Галази и дошли до северной стороны горы, нотам, в двадцати шагах от них, стоял воин... Увидев их, он внезапно исчез. Воины добежали до места, где виднелось маленькое отверстие в скале, не больше норки муравьеда; из отверстия слышались звуки и виднелся свет.

— Нет ли между нами гиены, которая захочет пролезть в новую нору? — вскричал Умслопогас. — Сто голов скота тому, кто пройдет внутрь и очистит путь!

Два молодых воина выскочили вперед; тот, кто раньше достиг отверстия, опустился на колени и вполз внутрь, лежа на своем щите и вытянув вперед копье. На мгновение свет в норе исчез, и ясно было слышно, как человек полз вперед. Потом раздались звуки ударов, и в отверстии снова появился свет. Человек был убит.

— У него была неверная змея, — сказал второй воин, — она покинула его. Посмотрю, не лучше ли моя змея!

Он так же опустился на колени и вполз в нору, как первый воин, только голову он прикрыл щитом. Недолго слышно было, как он полз, потом снова раздались звуки ударов по воловьей коже щита, а за ударами — стоны. Он также был убит, но, по-видимому, тело его было оставлено в норе, так как свет более не появлялся из нее. Случилось же это вот почему, отец мой: когда на воина посыпались удары, он прополз немного назад и умер там, а со стороны врагов никто не проник в проход, чтобы вытащить его.

Между тем воины смотрели на отверстие норы и, по-видимому, никому не улыбалась мысль войти туда и умереть там так бесславно. Галази и Умслопогас также задумчиво смотрели на нору.

— Меня зовут Волком, — сказал Галази, — волк не должен бояться мрака, кроме того, галакази — мое родное племя, и я первый должен навестить их! — И он опустился на колени без дальнейших разговоров. Но Умслопогас, еще раз осмотревший нору, заметил:

— Подожди, Галази, я пройду вперед! Я знаю, как надо действовать. Следуй за мной. А вы, дети мои, кричите погромче, чтоб никто не слышал шума от наших движений, если же мы пробьемся, быстро следуйте за нами, а то мы долго не продержимся при входе в эту пещеру. Слушайте еще! Вот вам мой совет: если я погибну, выбирайте себе в вожди Галази-Волка, конечно, если он останется в живых!

— Нет, Убийца, не называй меня своим преемником, — возразил Волк, — мы вместе жили, вместе и умрем!

— Пусть будет так, Галази. В таком случае выбирайте другого вождя и больше не пытайтесь проникнуть в нору. Если мы не пройдем, никто не сумеет пройти, поищите пищу и сидите здесь, пока шакалы не появятся, тогда будьте готовы. Прощайте, дети!

— Прощай, отец! — отвечали воины. — Иди осторожно, а то мы останемся, как стадо без пастуха, покинутое и блуждающее!

Умслопогас прополз в нору, не взяв щита, но держа перед собой Секиру, за ним последовал Галази. Подвинувшись вперед шагов на двенадцать, Умслопогас вытянул руку и, как он того ожидал, наткнулся на ноги воина, который проник туда перед этим и умер там. Умслопогас просунул голову под ноги убитого и прополз вперед, пока весь труп не оказался лежащим у него на спине; он крепко придерживал его таким образом, захватив обе руки мертвого человека в одну свою. Затем он еще немного продолжал ползти, пока не заметил, что достиг внутреннего выхода норы. Внутри было очень темно из-за огромных камней, лежавших перед норой и не пропускавших света.

Умслопогас как можно скорее пополз вперед, держа мертвого на своей спине, и внезапно оказался на открытом месте в густой тени большой скалы.

— Клянусь Лилией, — вскричал находившийся там воин, — явился и третий! Получай, зулусская крыса! — И он со всей силы ударил дубиной убитого человека.

— Получи еще! — закричал снова и пронзил труп копьем так, что колынул под ним Умслопогаса.

— Еще, еще и еще! — повторили другие, терзая мертвое тело. Умслопогас тяжело застонал и тихо лег в густом мраке.

— Не стоит тратить ударов! — сказал первый из нападавших. — Этот никогда более не вернется в Землю Зулу, я думаю, не многие добровольно последуют за ним. Пойдите кто-нибудь, принесите камней, чтобы заложить нору, игра теперь окончена!

С этими словами он отвернулся, за ним последовали остальные; этого только и ждал Убийца. Быстрым движением он освободился от трупа и вскочил на ноги. Воины услышали шум и снова повернулись назад, но в то же мгновение Секира мягко опустилась, и тот, кто клялся Лилией, исчез из числа живых. Умслопогас прыгнул вперед и, вскочив на большую скалу, встал на ней, подобный горному оленю.

— Не так-то легко убить зулусскую крысу, ласки! — вскричал он, пока они с криками сразу со всех сторон накидывались на него. Он разил направо и налево с такой быстротой, что едва можно было видеть, куда падали удары лезвия топора. Хотя враги едва различали удары, но, отец мой, они, как снопы, валились от них. Враги окружили Умслопогаса, они прыгали на Убийцу, как накатывает волна на стены утеса. Всюду сверкали копья, со всех сторон их концы устремлялись на него. Спереди и по бокам Секира могла удержать их, но один из воинов ранил Умслопогаса в шею, другой зацепил его сзади, тогда Секира сразила врага и повергла его в прах.

Между тем Волк также выполз из норы, и Дубина его скоро нашла занятие, они вместе работали так усердно, что спине Убийцы больше не угрожала опасность; пришлось опасаться тем, кто стоял за его спиной. Братья дрались бесстрашно, убивая всех кругом; вскоре одна за другой показались из норы украшенные перьями головы воинов племени Секиры, и сильные руки приняли участие в битве. Они появлялись быстро, вступали в сражение, как выдры разрезают воду, — вот их десять, вот уже и двадцать, и вот воины галакази, не ожидая такого нападения, не выдержали и побежали. Остальные воины племени Секиры вошли беспрепятственно, и вечер постепенно перешел в ночь, пока все они не проникли сквозь нору.

XXVI. Нада

Умслопогас, несмотря на темноту, собрал свое войско и просил Галази вести их. Миновав извилистый лаз, они добрались до места, где под нависшей скалой начиналось устье огромной пещеры. Здесь в последний раз галакази оказали им сопротивление, и факелы осветили мрачную картину битвы. Но сопротивление продолжалось недолго, мужество совершенно покинуло их.

В одном углу пещеры Умслопогас заметил кучку людей, окружавших и как бы оберегавших кого-то. Он кинулся на них, за ним последовали Галази и другие. Пробившись сквозь круг, при свете своего факела Умслопогас увидел высокого и стройного человека, который прислонился к стене пещеры и держал щит перед лицом.

Щит был моментально вырван лезвием топора Умслопогаса из державших его рук; в зазвучавшем же голосе было что-то такое, что помешало ему ударить врага во второй раз: ему казалось, что, словно во сне, к нему вернулось воспоминание о детстве. Факел догорал, но он вытянул его вперед, чтобы разглядеть того, кто прижался к скале. Одет он был в одежду воина, но облик имел не мужской. Действительно, то была почти белая красивая женщина. Она опустила руки, которыми закрывала лицо, и он смог разглядеть ее. Он увидел глаза, светящиеся как звезды, вьющиеся волосы, спадающие по плечам, и всю красоту ее, чуждую нашему народу. И так же как голос ее напомнил о чем-то невозвратном, так и глаза ее, казалось, сияли сквозь мрак прошедших лет, а красота ее напоминала что-то давно уже известное ему.

— Как зовут тебя, прекрасная девушка? — спросил он наконец.

— Теперь зовут меня Лилией, когда-то я носила другое имя. Когда-то я была Надой, дочерью Мбопы, но имя и все вокруг него погибло; я также умираю с ними. Кончай скорей, убей меня. Я закрою глаза, чтобы не видеть блеска оружия!

Умслопогас снова взглянул на нее, и Секира выпала у него из рук.

— Посмотри на меня, Нада, дочь Мбопы, — сказал он тихим голосом, — посмотри на меня и скажи, кто я!

Она взглянула на него. Ее лицо застыло, как у того, кто смотрит сквозь пелену воспоминаний, оно стало неподвижно и странно.

— Клянусь, — сказала она, — клянусь, ты Умслопогас, мой умерший брат, которого мертвого, как и живого, я одного и постоянно любила!

Факел потух, Умслопогас в темноте схватил свою сестру, найденную после многих лет разлуки, прижал к себе и поцеловал, и она поцеловала его.

После того как воины утолили свой голод из запасов галакази, как расставлена была стража для охраны скота и из опасения нападения, Умслопогас долго беседовал с Надой-Лилией, сидя с ней в стороне, и рассказал ей про всю свою жизнь. Она также рассказала ему то, что тебе уже известно, отец мой, как она жила среди маленького племени, подвластного галакази, со своей матерью Макрофой и как весть о ее красоте распространилась по всей стране.

Она рассказала, как галакази потребовали ее выдачи, как захватили ее силой оружия, умертвив жителей ее крааля и среди них ее родную мать. После этих событий она стала жить среди галакази, которые переменили ее имя и называли Лилией; с ней они обращались хорошо, оказывали ей уважение благодаря ее кротости и красоте и не неволили ее выходить замуж.

— А почему ты не хотела выходить замуж, Нада, сестра моя? — спросил Умслопогас. — Тебе давно пора быть замужем!

— Я не могу сказать тебе причину, — ответила она, опуская голову, — я не расположена к замужеству. Я только прошу, чтобы меня оставили в покое.

Умслопогас задумался на мгновение, а потом сказал:

— Разве ты не знаешь, Нада, почему я предпринял войну, почему племя галакази погибло и рассеялось и скот их стал добычей моего оружия? Слушай же: я знал о тебе только по слухам, знал, что тебя зовут Лилией, что ты самая прекрасная женщина в стране, и пришел сюда для того, чтобы добыть тебя в жены Дингаану. Причиной, почему я начал войну, было намерение завоевать тебя и помириться с Дингааном, и я достиг своей цели!

Услыхав эти слова, Нада-Лилия задрожала и заплакала, она упала на колени и обхватила с мольбой ноги Умслопогаса.

— О, не будь так жесток со мной, твоей сестрой, — молила она, — лучше возьми топор и покончи со мной и с красотой, которая принесла столько горя всем, а в особенности мне. Зачем я оберегала свою голову щитом и не дала топору раскроить ее? Я оделась воином, чтобы подвергнуться участи воина. Будь проклята моя женская слабость, которая вырвала меня у смерти, чтобы обречь меня на позор!

Так молила она Умслопогаса тихим, кротким голосом, и сердце дрогнуло в нем, хотя он не имел более намерения отдавать Наду Дингаану,

как Балека отдана была Чаке, чтобы, может быть, обречь ее на участь Балеки.

— Научи меня, Нада, — сказал он, — как мне исполнить взятое на себя обязательство? Я должен отправиться к Дингаану, как обещал отцу нашему, Мбопе; что же я отвечу Дингаану, когда он спросит меня о Лилии, которую он желает получить и которую я обещал добыть ему? Что должен я сказать, чтобы уйти живым от гнева Дингаана?

Нада подумала и отвечала:

— Поступи таким образом, брат мой: скажи ему, что Лилия, одетая в походную одежду воина, случайно была убита во время сражения. Видишь ли, никто из твоего народа не знает, что ты нашел меня; в час победы и торжества воины не думают о девушках. Так вот каков мой план: поищем теперь, при свете звезд, тело какой-нибудь красивой девушки — без сомнения, найдутся убитые по ошибке во время сражения; на нее мы наденем мужскую одежду и положим рядом с ее трупом одного из убитых воинов твоего племени. Завтра, когда будет светло, ты соберешь своих вождей и, положив тело девушки в темном углу пещеры, покажешь ее своим воинам и скажешь, что это Лилия, убитая одним из твоих воинов, которого, рассердившись за убийство девушки, ты умертвил сам. Они не станут внимательно разглядывать ее, если же случайно будут смотреть и не найдут ее особенно красивой, то подумают, что смерть похитила у нее красоту. Таким образом рассказ, который ты приготовишь для Дингаана, будет построен на прочном основании, и Дингаан поверит ему до конца!

— Как это возможно, Нада? — спросил Умслопогас. — Как это возможно, когда люди увидят тебя среди пленных и узнают тебя по твоей красоте? Разве в стране существуют две такие Лилии?

— Меня не узнают, потому что не увидят, Умслопогас. Ты должен сегодня же освободить меня. Я уйду отсюда, переодетая юношей и покрытая кароссом, если бы кто-нибудь и встретил меня, кто скажет, что я Лилия?

— Куда же ты пойдешь, Нада? На смерть? Неужели затем мы встретились после стольких лет разлуки, чтобы снова расстаться навеки?

— Где находится твой крааль, брат? В тени горы Призраков, которую легко узнать по скале, имеющей форму старухи, обращенной в камень, не так ли? Расскажи, какой дорогой можно дойти туда? Я отправлюсь к тебе!

Тогда Умслопогас позвал Галази-Волка и рассказал ему всю правду; Галази был единственным человеком, которому он мог довериться. Волк выслушал молча, любуясь красотой Нады, неясной при свете звезд. Когда все было сказано, он только заметил, что больше не удивляется, что племя

галакази оказало сопротивление Дингаану и накликало на себя смерть из-за такой девушки. Но он прибавил откровенно, что сердце его предчувствует беду; дело смерти еще не кончилось, «вот светит Звезда Смерти», и он указал на Лилию.

Нада задрожала при этих зловещих словах, а Убийца рассердился, но Галази не отказался от своих слов и ничего не прибавил к ним. Они встали и отправились искать среди мертвых убитую девушку, подходящую их намерениям; вскоре они нашли высокую и красивую девушку, и Галази на руках донес ее до большой пещеры.

Одев тело девушки в наряд воина, разложив рядом с ней копье и щит, они положили ее в темном углу пещеры и, найдя мертвого воина из племени Секиры, перенесли его поближе к ней. Окончив свое дело, они покинули пещеру, делая вид, что проверяют часовых; Умслопогас и Галази переходили с места на место, а Лилия шла за ними, как вестовой, прикрывая лицо щитом, держа в руке копье и неся мешок с зерном и сушеным мясом.

Они шли таким образом, пока не достигли выхода из горы. Камни, закрывавшие выход, были сняты, но у входа все-таки стояли часовые. Умслопогас окликнул их, и они приветствовали его; он заметил, что они сильно утомлены путешествием и битвой и мало понимают, что происходит вокруг. Он, Галази и Нада вышли из пещеры в долину, лежащую перед горой.

Здесь Убийца и Лилия простились, пока Галази сторожил их; вскоре Волк увидел возвращающегося Умслопогаса, который шел медленно, как бы под бременем горя; вдали на равнине виднелась Лилия, несущаяся легко, как ласточка.

Умслопогас и Галази медленно вошли под своды горной пещеры.

— Что это значит, предводитель? — спросил начальник караула. — Вас вышло трое, а вернулось всего двое?

— Глупец! — отвечал Умслопогас. — Ты пьян от пива галакази или ослеп от сна! Двое вышли, двое вернулись. Того, кто был с нами, я услал обратно в лагерь!

— Да будет так, отец! — сказал начальник. — Двое вышли, двое вернулись. Все в порядке!

XXVII. Костер

На следующее утро воины выпались, отдохнули и поели, тогда Умслопогас собрал их и выразил им благодарность за мужество, с которым они завоевали славу и скот. Воины были веселы, мало думали о погибших и громко запели хвалу ему и Галази. Когда пение окончилось, Умслопогас снова обратился к ним с речью, в которой повторил, что победа их велика и завоеванные стада бесчисленны, но он прибавил, что чего-то не хватает в этой победе — той, которая предназначалась в дар королю Дингаану и из-за которой произошла эта война. Где Лилия? Еще вчера она была здесь, одетая в каросс воина, со щитом в руках, об этом он слышал от пленных. Так где же она теперь?

Воины отвечали, что не видели ее. После их ответа заговорил Галази, как было условлено между ним и Умслопогасом. Он рассказал, что в то время, когда они приступом брали пещеру, он видел, как один из их воинов в пещере кинулся на воина-врага с намерением убить его. Но при его приближении тот, кому угрожала смертельная опасность, бросил свой щит, прося о пощаде, и Галази увидел, что это не галакази, а очень красивая девушка. Он крикнул воину не трогать ее, так как был строгий приказ не убивать женщин. Но воин, опьяненный сражением, отвечал, что, будь то мужчина или женщина, враг должен умереть, и заколол ее. Видя это, он, Галази, в ярости подбежал к этому человеку, ударил Дубиной и убил его.

— Ты хорошо сделал, брат! — отвечал Умслопогас. — Пойдемте же туда и посмотрим на мертвую девушку. Может быть, это Лилия, что будет весьма несчастливым для нас; не знаю даже, как об этом известить Дингаана!

Вожди последовали за Умслопогасом и Галази до того места, куда положили девушку и рядом человека из племени Секиры.

— Все, что рассказал Волк, брат мой, правда! — сказал Умслопогас, размахивая факелом над лежащими трупами. — Без сомнения, здесь лежит та, которую называли Лилией и которую мы хотели завоевать, рядом с нею лежит тот глупец, который убил ее и сам пал от удара палицы. Некрасивое зрелище, печальная повесть, которую придется мне рассказать в краале Дингаана. Но что случилось — случилось, изменить мы ничего не можем, девушка, которая была красавицей среди красавиц, не слишком-то хороша теперь. Пойдем! — И он быстро удалился, потом приказал:

— Завяжите эту мертвую девушку в воловью кожу, покройте солью, и мы унесем ее с собой!

Приказание было исполнено.

Вожди ему отвечали:

— Вероятно, все случилось, как ты говоришь, и мы ничего изменить не можем. Дингаан обойдется и без невесты! — Говорили это все, за исключением того человека, который командовал стражей в то время, когда Умслопогас, Галази и третий их спутник вышли из пещеры. Этот вождь ничего не отвечал и не раскрывал никому своих мыслей. Ему казалось, что он ясно видел трех, а не двух людей, выходящих из пещеры. Ему казалось также, что каросс, покрывавший третьего человека, раскрылся, когда тот проходил мимо него, что под кароссом он увидел облик прекрасной женщины и блеск женских глаз — больших и темных, подобных глазам серны.

Этот же вождь заметил, что Булалио не призвал никого из пленных, чтобы признать в убитой девушке Лилию, что факел колебался взад и вперед, когда освещал ее, хотя рука Убийцы никогда не дрожала. Все это вождь подметил и не забыл.

Случилось же так, что позже, во время обратного путешествия, отец мой, Умслопогасу пришлось сделать строгое замечание этому вождю, который хотел отнять у другого его долю военной добычи. Он резко поговорил с ним, лишил его командования отрядом и назначил другого на его место. Кроме того, он отнял у него скот и отдал тому, которого тот хотел ограбить.

Поэтому, хотя наказание было заслуженным, вождь этот все больше и больше думал о третьем человеке, который вышел из пещеры и больше в нее не вернулся и имел облик прекрасной женщины.

В тот же день Умслопогас направился к краалю, в котором жил Дингаан. С собою они вели большое количество скота в подарок Дингаану и множество пленных молодых женщин и детей; Умслопогас хотел умиловить сердце Дингаана, так как не мог привести ту, которую обещал, — Лилию, цветок из цветов. Будучи осторожным и мало веря в доброту королей, Умслопогас, как только достиг границ Земли Зулу, отослал лучший скот и самых красивых девушек и детей в крааль племени Секиры, у горы Призраков. Тот, кто раньше был начальником стражи и стал простым воином, заметил также и это.

В одно прекрасное утро я, Мбопа, сидел в краале в обществе Дингаана. Я продолжал служить ему, хотя он ни слова не сказал мне с той минуты, как я предсказал ему, что из крови белых людей, погубленных им, вырастет цветок его смерти. Умслопогас же вошел в крааль Дингаана на следующий день после избиения амабуну.

Настроение Дингаана было мрачным, и он искал случая чем-нибудь развлечься. Он вспомнил о белом «Докторе Молитвы», который явился в крааль для того, чтобы научить народ зулусов поклоняться иным богам, нежели ассегаи и цари. Он был хорошим человеком, но учение его не привилось у нас, мы даже с трудом понимали его; индунам также учение это не нравилось, им казалось, что оно ставит начальника над начальником, короля над королем и учит миру тех, чье ремесло — война. Дингаан послал за белым человеком, чтобы завести с ним беседу. Дингаан считал себя самым умным из людей.

Лицо белого человека было бледно. Он присутствовал при том, что случилось с бурами, и так как обладал кротким сердцем, то подобные зрелища были ему ненавистны. Король пригласил его сесть и сказал ему:

— Недавно ты рассказывал мне об огненном месте, куда отправляются после смерти люди, которые совершили злые поступки при жизни. Известно ли твоей премудрости, находятся ли там мои предки?

— Я не могу узнать этого, король! — отвечал Доктор Молитвы. — Я не могу судить о поступках людей. Я только говорю, что те, кто убивают, грабят, притесняют невинных и лжесвидетельствуют при жизни, отправляются после смерти в огненное место!

— Насколько мне известно, предки мои совершали все эти поступки, и если они находятся в этом месте, то и я отправлюсь туда; я хочу после смерти соединиться со своим отцом и дедами. Но я думаю, что мне удастся избежать огня, если я попаду туда!

— Каким образом, король?

Дингаан хотел подставить ловушку Доктору Молитвы. В центре той открытой площади, где совершилось нападение на буров, он велел воздвигнуть огромный костер: снизу лежал хворост, а на хворосте бревна и даже целые деревья. Таким образом среди площади находилось востановишьдесят сложенных сухих дров, отец мой.

— Ты увидишь сам, белый человек! — отвечал он и приказал слугам поджечь кругом валежник, затем он призвал тот полк юношей, который оставался в краале. Кажется, воинов была тысяча и еще полтысячи, не более — тех самых, которые перебили буров.

Огонь начал ярко разгораться; полк вошел и стал рядами перед Дингааном. В то время как все юноши вошли и заняли свои места, костер представлял одно огромное ревущее пламя. Хотя мы сидели в ста шагах от него, жара была невыносима, когда ветер дул в нашу сторону.

— Скажи, Доктор Молитвы, неужели огненное место жарче этого костра? — спросил король.

Белый человек отвечал, что это ему неизвестно, но что костер действительно горит жарко.

— Я покажу тебе, как я выберусь из огненного места, если мне суждено будет лежать на таком огне, хотя бы он в десять раз был больше и жарче. Слушайте, дети мои! — вскричал он, вскакивая с места и обращаясь к воинам. — Вы видите этот костер? Бегите и затопчите его своими ногами. Где теперь бушует огонь, пусть останутся черная зола и уголья!

Белый человек поднял в ужасе руки и стал молить Дингаана отменить свое приказание, которое повлечет за собой смерть многих людей, но король велел ему замолчать. Тогда тот поднял глаза кверху и стал молиться своим богам. С минуту воины в недоумении смотрели друг на друга, огонь бешено ревел, пламя высоко подымалось к небу, а над ним и вокруг него плясал горячий воздух. Но командующий полком громко закричал:

— Велик наш король! Слушайте короля, отличающего нас! Вчера мы уничтожили амабуну, — но то был не подвиг, они были безоружны. Вот враг, более достойный нашей доблести. Дети, выкупаемся в огне — мы свирепее огня! Велик король, отличающий нас!

Окончив свою речь, он кинулся вперед, и ряд за рядом с громкими криками кинулись за ним воины. Они действительно были храбры, кроме того, они знали, что если впереди их ждет смерть, смерть ждет и тех, которые останутся позади — лучше умереть с честью, чем со стыдом. И потому они пошли вперед весело, как на сражение, под предводительством своего вождя и запели «Ингомо», воинственную песнь зулусов. Вот вождь приблизился к ревущему огню, мы видели, как он поднял щит, чтоб защититься от жара. Потом он исчез, он прыгнул в самую середину костра, и едва ли впоследствии был найден его труп. За ним последовал первый ряд воинов. Они шли, ударяя по огню щитами из воловьей кожи, вытапывая его босыми ногами, вытаскивая пылающие бревна и раскидывая их по сторонам. Ни один человек первой роты не уцелел, отец мой, они падали, как мотыльки, налетающие на свечу, а упав, они погибали. За ними шли другие роты, и в этой битве счастливы были те, кому последнему пришлось сразиться с «врагом». Вскоре густой дым смешался с пламенем, огонь все уменьшался и уменьшался, а дым все увеличивался; люди, почерневшие, без волос, голые, обожженные, с пузырями от ожогов, шатаясь выходили из противоположного конца костра и падали там и здесь на землю.

За ними шли другие; пламя исчезло, оставался только дым, в котором неясно двигались люди, и вскоре, отец мой, все кончилось. Они победили огонь. Последние семь рот почти не пострадали, хотя каждый воин прошел

сквозь костер. Сколько людей погибло, не знаю, их не считали, но умершими и ранеными полк потерял половину людей, пока король не завербовал в него новых.

— Видишь, Доктор Молитвы, — сказал, смеясь, Дингаан, — вот как я избегу огня той страны, о которой ты рассказываешь, если, впрочем, она существует: я прикажу своим войскам затоптать огонь!

Белый человек ушел из крааля, говоря, что больше не станет учить зулусов; вскоре он покинул страну. После его ухода убрали сгоревшие дрова и мертвых людей; обожженных же стали лечить или добили их, смотря по ожогам, а те, которые мало пострадали, явились перед королем и славили его.

— Надо дать вам новые щиты и головные уборы, дети мои, — сказал Дингаан. — Щиты почернели и съежились, а головных уборов из волос и перьев осталось очень мало!

— Да, — заметил снова Дингаан, смотря на оставшихся в живых воинов, — бриться будет легко и дешево в том огненном месте, о котором рассказывает белый человек!

Он приказал принести пива для людей, которых от сильного жара мучила жажда.

Может быть, отец мой, ты не догадываешься, что я описал тебе это событие потому, что оно имеет отношение к моей истории; не успело еще все свершиться, как явились гонцы с докладом, что Булалию, вождь племени Секиры, и его войска стоят у краалей, вернувшись с богатой добычей, перебив галакази в Земле Свази.

На мгновение воцарилось молчание, потом издалека, из-за высокой изгороди большой площади, слышались звуки пения, и сквозь ворота крааля вбежали два высоких человека. Они добежали до середины площади и внезапно остановились, при их остановке горячая зола от костра взлетела под их ногами маленьким облачком.

За своими вождями вошли воины племени Секиры, вооруженные только короткими палками.

Неожиданно для всех Умслопогас поднял топор и бегом кинулся вперед, а за ним устремилось его войско. Они мчались прямо на нас, перья на их головах вздымались по ветру, казалось, что они неизбежно должны растоптать нас. Но в десяти шагах от короля Умслопогас опять поднял Секиру, Галази вытянул вверх Дубину, и, как один человек, воины стали неподвижно на своих местах, пока пыль облаками поднималась вокруг них. Они остановились длинными прямыми рядами, вытянув вперед щиты и низко опустив головы, ни одна голова не поднималась выше небольшого

копья над землей. Так они стояли одну минуту, потом в третий раз Умслопогас поднял Секиру, и в одно мгновение воины выпрямились, высоко подкинули свои щиты и из их груди раздался громкий салют королю.

Братья-Волки выступили вперед и остановились перед королем; с минуту они внимательно смотрели друг на друга.

XXVIII. Лилия перед Дингааном

— Как вас зовут? — спросил Дингаан.

— Нас зовут Булалио-Убийца и Галази-Волк, король! — отвечал Умслопогас.

— Не ты ли оскорбил дерзкими словами умершего теперь Черного, Булалио?

— Да, король, я посылал гонца к брату твоему, но, как я узнал впоследствии, Мезило, мой гонец, превысил свои полномочия и заколол Черного. Мезило был человек коварный!

Дингаан потупился, он хорошо знал, что сам он с помощью Мбопы заколол Черного, но, предполагая, что далеко живущий вождь не слышал об этом событии, он больше не напоминал о Мезило и данном ему поручении.

— Каким образом осмелились вы явиться предо мной с оружием в руках? Разве вы не знаете правила: кто является вооруженным перед королем, должен умереть!

— Мы не знали этого закона, король, — отвечал Умслопогас. — Кроме того, я могу возразить тебе: в силу того, что я владею Секирой, я один правлю своим народом. Не носи я топора, всякий желающий занял бы мое место, так как Секира — владычица нашего народа, а тот, кто владеет ею, только ее слуга!

— Станный обычай, — заметил Дингаан, — пусть будет так. А что скажешь ты, Волк, о своей большой Дубине?

— Вот что я скажу тебе о своей палице, король! — отвечал Галази. — Силой этой Дубины я охраняю свою жизнь. Будь я без Дубины, всякий охотно отнимет у меня жизнь, Дубина — мой хранитель, а не я — ее!

— Никогда ты еще не был так близок к тому, чтобы лишиться и Дубины, и жизни! — сказал Дингаан сердито.

— Очень возможно, король! — отвечал Волк. — Я знаю, что когда наступит мой час, без сомнения, хранитель перестанет охранять меня!

— Станные вы люди! — проговорил Дингаан. — Где были вы теперь, и какое дело привело вас в жилище Слона?

— Мы были в далекой стране, король! — отвечал Умслопогас. — Мы бродили в чужих краях, чтобы отыскать Цветок в дар королю. Во время наших поисков мы истоптали большой сад свази, и вот перед тобой люди, которые обрабатывали сад! — И он указал на пленных. — Вне крааля стоит скот, с помощью которого сад вспахивался!

— Хорошо, Убийца! Я вижу садовников и слышу мычание стада, но где же Цветок? Где Цветок, который вы пересадили из Земли Свази? Может быть, то была Лилия?

— Действительно, цветок тот была Лилия, король! Но увы! Лилия завяла, остался один стебель, побелевший и увядший, как кости человека!

— Что хочешь ты сказать? — спросил Дингаан, вскакивая на ноги.

— Скоро ты узнаешь! — отвечал Умслопогас. Он тихо отдал приказание вождям, стоящим за ним. Из рядов его войск выбежали вперед четыре человека. На плечах они несли носилки, а на носилках лежал сверток из сырых воловьих кож, туго стянутый ремнями. Воины отдали честь королю и положили перед ним свою ношу.

— Разверните! — приказал Убийца. Они развернули кожи, и в них обсыпанное солью лежало тело девушки, когда-то высокой и стройной.

— Вот лежит стебель Лилии, король! — сказал Умслопогас, указывая на нее топором. — Если цветок ее еще существует, то, во всяком случае, не здесь.

Дингаан пришел в ярость, но беде помочь никто не мог. Лилия умерла, виновник ее смерти погиб также и уже не мог искупить свою вину.

— Уходите отсюда, вы и ваш народ! — сказал он Братьям-Волкам. — Я беру себе скот и пленных. Будьте благодарны за то, что я не отнимаю у вас жизни: во-первых, за то, что вы осмелились воевать без моего разрешения, а во-вторых, за то, что повели войну неудачно и принесли мне только труп той, которую я желал получить!

Когда король сказал, что мог бы отнять жизнь у всего племени Секиры, Умслопогас мрачно улыбнулся и взглянул на свои войска. Отдав честь королю, он повернулся, чтобы идти. Но в эту минуту из рядов его воинов выскочил человек и обратился к Дингаану.

— Разрешешь ли мне сказать правду перед королем, а затем отдохнуть в тени короля?

Говоривший был именно тот вождь, который командовал стражей в ночь, когда три человека вышли из пещеры, а вернулись всего двое, тот, которого Умслопогас лишил почетного места.

— Говори, тебе нечего бояться! — отвечал Дингаан.

— Король, уши твои выслушали ложь! — сказал воин. — Послушай меня, король! Я был начальником стражи у выхода из пещеры в ночь избиения галакази. Три человека подошли к выходу из горы — Булалию, Волк-Галази и еще один. Он был высок, строен и нес щит перед собою. Когда этот третий человек проходил сквозь ворота, каросс, надетый на него, задел за меня и раскрылся. Под кароссом скрывалась не мужская

грудь, король, то была женщина, почти белая и очень красивая. Поправляя каросс, она опустила щит. За щитом скрывалось не мужское лицо, король, но лицо девушки, прекраснее луны, с глазами, блестящими как звезды. Три человека вышли из пещеры, король, но вернулись только двое; я смотрел им вслед, и мне казалось, что я вижу, как третий их спутник бежит по равнине, быстро, как бегают девушки, король. Кроме того, о Слои, Булалио солгал мне, когда я в качестве начальника стражи спросил его о третьем человеке, вышедшем из ворот, он отвечал, что выходило только двое. Также он не призвал пленных, чтобы признать тело девушки. Теперь, конечно, сделать это слишком поздно; человек же, лежавший рядом с нею в пещере, был убит не Галази, он был убит перед пещерой ударом дубины воина галакази. Я своими глазами видел, как он пал мертвым, и сам заколол его убийцу. Еще, король мира, знай, что лучшие пленные и лучший скот не приведены тебе в подарок, их послали в крааль Булалио, вождя племени Секиры. Все это я рассказал тебе, о король, потому, что сердце мое не любит лжи. Я сказал правду и теперь прошу тебя защитить меня от свирепых и жестоких Братьев-Волков!

Все то время, пока говорил изменник, Умслопогас шаг за шагом подвигался все ближе и ближе к нему, пока не остановился так близко, что мог прикоснуться к нему вытянутым копьем. Никто не заметил этого, исключая меня да еще, может быть, Галази; все следили за выражением лица Дингаана, как люди следят за грозой, готовой разразиться.

— Не бойся Братьев-Волков, воин! — проговорил Дингаан, страшно поводя красными глазами. — Лапа Льва охраняет тебя, слуга мой!

Еще король не кончил своей речи, как Убийца подпрыгнул. Он подскочил прямо к изменнику, не говоря ни слова, глаза его были ужасны. Он подскочил к нему, схватил его руками, не поднимая оружия, и благодаря своей страшной силе сломал его, как ребенок ломает палку. Не знаю, каким образом — все произошло слишком быстро. Он сломал его и, высоко подкинув мертвого, бросил к ногам Дингаана и вскричал громким голосом:

— Вот твой слуга, король! Действительно, теперь он отдыхает в твоей тени!

Наступило молчание, и в воцарившейся тишине слышен был вздох удивления и испуга; подобный поступок еще никогда не совершался в присутствии короля, со времен Сензангаконы и его отца, Джамы. Дингаан заговорил, голос его хрипел от ярости, и весь он дрожал.

— Убейте его! — прошипел он. — Убейте собаку и всех пришедших с ним!

— В эту игру и я умею играть! — отвечал Умслопогас. — Народ

Секиры! Неужели вы будете ждать, чтобы вас перебили эти опаленные крысы? — И своим топором он указал на воинов, невредимо вышедших из огня, но лица которых были опалены.

В ответ на его слова раздался громкий крик, а за криком неудержимый смех. Воины Умслопогаса кричали:

— Нет, Убийца, мы не станем ждать нападения! — Они поворачивались направо и налево, чтобы встретить врага, и по всем их рядам слышался шум поднимаемых щитов. Умслопогас отскочил назад, чтобы стать во главе своих людей, вперед кинулись воины Дингаана, желая, по возможности, исполнить волю короля. Галази-Волк бросился к Дингаану и, размахивая своей Дубиной, закричал громким голосом:

— Стой!

Опять наступило молчание; все видели, что тень от Дубины темным пятном лежала на голове Дингаана.

Дингаан, взглянув на великана, стоявшего над ним, почувствовал, как тень блестящей Дубины холодком легла на его лоб, и опять задрожал, но на этот раз от страха.

— Идите с миром! — сказал он.

— Хорошее слово, король! — заметил Волк, улыбаясь. Он медленно, спиной стал отступать к своим войскам, говоря: — Хвалите короля! Король приказал своим детям идти с миром!

Но как только Дингаан перестал чувствовать тень смерти над своей головой, ярость вернулась к нему, он собирался приказать своим воинам совершить нападение на племя Секиры, но я остановил его, говоря:

— В этом приказании таится твоя смерть, король, Убийца ногами растопчет твоих малочисленных воинов, и снова Дубина взглянет на тебя!

Дингаан понял, что я говорю правду, и не отдал опасного приказания; у него оставались только те воины, которые избегли огня, все остальные были посланы в Наталь, чтобы истребить буров. Но он жаждал крови, а потому обратился ко мне:

— Ты изменник, Мбопа, как я давно предполагал, и я поступлю с тобой, как та собака со своим неверным слугой! — И он бросил в меня ассегай, который держал в руке.

Я заметил его движение, предвидел удар и, подпрыгнув высоко в воздухе, избегнул его. Затем я повернулся и пустился быстро бежать, а за мной погналась часть королевских воинов. Бежать пришлось недалеко, до последней роты народа Секиры; воины увидели меня и под предводительством Умслопогаса, шедшего сзади всех, устремились ко мне навстречу. Воины, гнавшиеся за мною для того, чтобы убить меня, отстали.

— Здесь, у короля, мне больше нет места, сын мой! — сказал я Умслопогасу.

— Не бойся, отец, я найду тебе место! — отвечал тот.

Тогда я обратился к преследовавшим меня воинам и сказал:

— Передайте слова мои королю: нехорошо сделал он, что прогнал меня; я, Мбопа, посадил его на царство и я один мог там его держать. Так скажите ему, что будет еще хуже, если он станет разыскивать меня; тот день, когда мы еще раз встретимся лицом к лицу, будет днем его смерти. Так сказал Мбопа-врач, который еще никогда не предсказывал того, что не сбывалось!

После этого мы удалились из крааля Дингаана. Я вернулся впоследствии в этот крааль для того, чтобы предать пламени все, что Дингаан не уничтожил. Когда же я опять встретился с Дингааном... но рассказ об этом впереди, отец мой.

Мы удалились от крааля, никто не препятствовал нам, так как некому было препятствовать.

Когда Дингаан услышал мои слова, он испугался, он знал, что лгать я не стану.

Поэтому он придержал свою руку, не послал войск, чтобы умертвить Умслопогаса, опасаясь смерти, которую я обещал навлечь на него. Раньше чем исчез его страх, Дингаана отвлекла война с амабуну, причиной которой стало избиение белых людей, и у него не оставалось свободных воинов, чтобы мстить какому-то мелкому вождю.

Но ярость его была так велика после всего случившегося, что, по своему обыкновению, он умертвил много невинных людей, чтобы удовлетворить жажду мщения.

XXIX. Рассказ Мбопы

Во время нашего пути Умслопогас рассказал мне обо всем, что случилось при нападении на галакази, и о своей встрече с Надой.

Наконец мы очутились у подножия горы Призраков и взглянули в каменное лицо старой Колдуньи, которая вечно сидит на высоте и ждет кончины мира; в ту же ночь мы дошли до крааля племени Секиры и с громким пением вступили в него. Галази не вошел с нами, он отправился на гору собрать свою стаю волков: проходя у подножия горы, мы слышали, как волки приветствовали его громким воем.

При нашем приближении к краалю все женщины и дети вышли к нам навстречу; во главе их шла Зинита, старшая жена Умслопогаса. Встретили они нас радостно, но при виде того, как много не хватает воинов, которые месяц назад выступили в поход, радость их сменилась печалью, и рыдания вознеслись к небу.

Умслопогас нежно приветствовал Зиниту, но мне показалось, что в его обращения звучала неискренность. Сначала она разговаривала с ним кротко, но когда узнала все, что случилось, ее слова из кротких стали резкими, и она начала бранить меня и с гневом накинулась на мужа.

Все это случилось много лет назад, а недавно я слышал, что Умслопогас бежал на север и стал на всю жизнь бездомным бродягой, и случилось это также из-за женщины, которая предала его и обвинила в убийстве Лусте, бывшего, подобно Галази, его названным братом. Не знаю, как все это случилось, но этот сильный и свирепый человек страдал той же слабостью, как и его дядя Дингаан, слабость эта погубила его, и я больше никогда не увижу своего питомца.

Итак, отец мой, мы сидели вдвоем молча в хижине, как вдруг мне показалось, что на тростниковой кровле копошится крыса.

Я снова заговорил:

— Умслопогас, наконец настал час, когда я должен сообщить тебе тайну, которую я скрывал с самого дня твоего рождения!

— Говори, отец! — отвечал он с удивлением.

Я подкрался к двери хижины и выглянул из нее. Ночь была темная, и никого не было видно или слышно вокруг, из предосторожности я обошел хижину. Отец мой, когда тебе придется сообщать тайну, не поддавайся так легко обману. Недостаточно осмотреть все кругом и позади. Осмотри пол и огляди крышу, приняв все эти предосторожности, уходи оттуда и в другом

месте сообщи свою тайну. Зинита была права, я — глупец, несмотря на свою мудрость и седые волосы. Если бы я не был глупцом, я бы выкурил крысу, забравшуюся на кровлю, прежде чем стал говорить. Крысой той была Зинита, которая влезла на кровлю и лежала там в темноте, приложив ухо к дымовому отверстию и прислушиваясь к каждому нашему слову.

— Слушай, — сказал я, — ты не сын мне, Умслопогас, хотя с детства называл меня отцом. Твое происхождение более знатно, Убийца!

— Я был доволен своим отцом, старик, — возразил Умслопогас, — происхождение мое казалось мне достаточно почетным. Скажи мне, чей же я сын?

Я нагнулся вперед и прошептал, но, увы, недостаточно тихо: «Ты сын умершего Черного, ты приходишь от Чаки и Балеки, сестры моей!»

— Следовательно, я все же остаюсь в родстве с тобой, Мбопа, и радуюсь этому. Кто мог подумать, что я — сын этого человека-гиены? Может быть, поэтому я, подобно Галази, люблю общество волков, хотя не чувствую в сердце никакой любви к отцу своему и его дому!

— У тебя мало причин любить его, Умслопогас, ведь он убил твою мать, Балеку, и хотел убить также и тебя. Но все же ты сын Чаки!

— Я вижу, что для того, чтобы узнать в толпе своего отца, надо иметь зоркие глаза, дядя. Припоминаю теперь, что когда-то слышал уже этот рассказ, хотя давно забыл его!

— От кого слышал ты этот рассказ, Умслопогас? Еще недавно знал обо всем этом только один человек, остальные давно умерли. Теперь известно только нам обоим! (Отец мой, я не подозревал о третьей.) От кого же ты узнал всю правду?

— Узнал я правду от мертвого; по крайней мере, Галази-Волк слышал этот рассказ от мертвеца, который сидел в пещере на горе Призраков. Мертвец сказал ему, что вскоре явится на гору и станет его братом человек по имени Умслопогас-Булалио, сын Чаки; Галази повторил мне этот рассказ, но я давно забыл о нем!

— Видно, мудрость живет среди мертвых, — отвечал я, — теперь тебя зовут Умслопогас-Булалио, а сегодня я объявляю тебе, что ты сын Чаки. Но выслушай меня!

И я рассказал ему все, начиная с минуты рождения; повторил слова его матери Балеки, когда я рассказал ей свой сон, и описал ее смерть, совершившуюся по приказанию Чаки, и величие, с которым она умерла. Умслопогас заплакал, хотя плакать ему случалось редко. Когда рассказ приближался к концу, я заметил, что слушает он невнимательно, как слушает человек, в сердце которого зародился тревожный вопрос. Не дав

мне договорить, он прервал меня:

— Итак, дядя Мбопа, если я — сын Чаки и Балеки, Нада-Лилия мне не сестра?

— Нет, Умслопогас, она только твоя двоюродная сестра!

— Все же близкое родство! — заметил он. — Впрочем, оно не будет служить препятствием к браку между нами! — И лицо его стало радостным.

Тут я понял, что Умслопогас любит Наду, и сказал ему:

— Нада еще не у твоих ворот и, может быть, никогда их не отыщет! Я желаю, Умслопогас, чтобы ты правил Землей Зулу по праву рождения; хотя будто бы все складывается неблагоприятно, но мне кажется, что можно найти способ осуществить мою мечту.

— Каким образом? — спросил он.

— Многие из великих вождей, моих друзей, боятся и ненавидят Дингаана. Если бы они знали, что сын Чаки жив и сын этот — Убийца, они подставили бы ему свои плечи, чтобы, опираясь на них, он достиг власти. Воины чтят имя Чаки, он обращался с ними жестоко, но был щедрым и храбрым королем. Они не любят Дингаана: жесток он не менее Чаки, но дары его не так щедры, поэтому они с радостью приняли бы сына Чаки, если бы достоверно узнали о его существовании. Но в том-то и вопрос, что им пришлось бы положиться только на мое слово. Надо постараться убедить их!

Вскоре после этого Умслопогас покинул меня и пошел в хижину Зиниты, своей инкосикази; она лежала, завернувшись в одеяла, и, по-видимому, спала.

— Привет тебе, супруг мой, — сказала она медленно, как бы только пробуждаясь. — Мне снился странный сон, будто тебя называли королем, и все полки зулусов проходили перед тобой, приветствуя тебя, как короля!

Умслопогас с удивлением взглянул на нее, он не понимал, слыхала ли она что-нибудь или то был вещий сон.

— Подобные сны опасны, — отвечал он, — и тот, кому они снятся, хорошо делает, если молчит, пока они не забудутся!

— Или не сбудутся! — возразила Зинита, и снова Умслопогас с удивлением взглянул на нее.

После этой ночи я начал свою деятельность: выслал шпионов в краали Дингаана и от них узнавал все, что происходило у короля. Он хотел было собрать войско для нападения на племя Секиры, но в это время до него дошла весть, что буры, числом до пяти тысяч всадников направляются к его краалю. Поэтому Дингаан не мог выслать войска к горе Призраков, и

мы, живущие в ее тени, пребывали там в покое.

На этот раз амабуну были разбиты, потому что Богоза, шпион, завел их в засаду; убитых было немного, остальные отступили только для того, чтобы впоследствии вернуться снова, и Дингаан это понял. В то же время белые люди из Наталя, англичане, напали на Дингаана через низовья Тугелы и были перебиты нашими воинами.

При помощи многочисленных колдунов я наводнил страну всякими слухами, пророчествами и неясными предсказаниями и старался подействовать на умы дружественных мне вождей, посылая неудобопонятные вести и подготавливая их к пришествию того, кто скоро объявится им. Они слушали внимательно, но дело двигалось медленно, племена жили далеко друг от друга, а многие вожди находились в походах со своими отрядами.

Так шло время. Прошло много дней с тех пор, как мы вернулись к горе Призраков. Умслопогас больше не ссорился с Зинитой, но она ревниво наблюдала за ним, а он ходил угрюмый. Он все ждал Наду, а та не приходила.

XXX. Появление Нады

Как-то ночью — на небе светила полная луна — я сидел в своей хижине один с Умслопогасом, и мы беседовали о своих планах; потом разговор перешел на Наду-Лилию, и он начал впадать в отчаяние, что девушка уже не вернется.

Вдруг среди полной тишины залаяла собака. Мы встали и выползли из хижины. Было поздно, и не мешало бы быть осторожным; собака могла лаять на шелохнувшийся лист, как и на отдаленные шаги идущего войска, которое она почуяла.

Нам не пришлось долго искать причину тревоги: перед нами стоял высокий, стройный человек, который осматривал хижины, как бы не решаясь окликнуть живущих в них. В одной руке он держал ассегай, а в другой — небольшой щит. Мы не могли разглядеть лица этого человека, оно было в тени, изорванный каросс висел на его плечах. Видно было, что он хромал и стоял, выдвинув одну ногу. Мы выглянули из-за хижины, тень которой скрывала нас, незнакомец же не замечал нас. Он постоял немного, потом заговорил сам с собой; голос его был удивительно нежный, и мой чуткий слух уловил, что это голос Нады-Лилии, единственной оставшейся в живых из моих детей. Я затрепетал от радости, но, сделав знак Умслопогасу, чтобы он скрылся в тени, сам выступил вперед и потребовал назвать себя. Нада боязливо молчала. Тогда я сорвал каросс, прикрывавший ее.

Когда Нада увидела, что я открыл ее тайну, она бросила щит рядом с копьем, как предмет больше ей не нужный, и угрюмо опустила голову. Но когда я сказал, что отведу ее к старому вождю, она кинулась на землю и обняла мои колени; слыша, что я назвал его стариком, она подумала, что вождь наш — не Умслопогас, и продолжала со слезами просить меня.

Я повернул голову по направлению к хижине и заговорил.

— Вождь, — сказал я, — судьба милостива к тебе сегодня, она дарит тебе девушку, прекрасную, как Лилия галакази!

Нада испуганно взглянула на меня.

— Иди же сюда и возьми ее!

Нада нагнулась, чтобы поднять с земли ассегай; хотела ли она убить меня или вождя, которого так боялась, или себя, я не знаю; в своем отчаянии она назвала Умслопогаса по имени. Она нашла ассегай и снова выпрямилась. Перед нею стоял, опираясь на большую секиру, высокий

вождь; угрожавший ей старик исчез, недалеко, правда, — он находился за углом хижины.

Нада-Лилия подняла голову, протерла себе глаза и взглянула снова.

— Мне показалось, девица, что голос Нады звал Умслопогаса? — сказал человек, опиравшийся на секиру.

— Да, я звала Умслопогаса, но где тот старик, который обошелся так грубо со мной? Впрочем, все равно — оставь его там, куда он ушел. Судя по твоему росту и секире, ты Умслопогас, мой брат. Сказать, что это точно ты, я не могу при этом слабом свете, но я узнаю секиру, которая когда-то промелькнула близко перед моими глазами!

Так говорила она, чтобы выиграть время, продолжая рассматривать Умслопогаса, пока не убедилась, что то был действительно он. Тогда она замолчала, кинулась ему на шею и стала целовать его.

— Надеюсь, что Зинита спит крепко! — пробормотал Умслопогас, внезапно вспоминая, что Нада ему не сестра, как думала она.

Несмотря на это, он взял ее за руку и сказал:

— Входи, сестра. Из всех девушек мира ты здесь самая желанная. Я думал, что ты умерла!

Со своей стороны, я, Мбопа, вбежал в хижину раньше нее, когда она вошла, я уже сидел у огня.

— Видишь, братец, — сказала Нада, указывая на меня пальцем, — вот сидит тот старик, который (если то был не сон) еще так недавно оскорбил меня. Да, брат, он поступил еще хуже: он поклялся, что отведет меня к какому-то старому вождю, он бы исполнил свое намерение, если бы ты вовремя не пришел. Неужели ты не накажешь его, брат?

Умслопогас мрачно улыбнулся, а я отвечал:

— Как называла ты меня, Нада, когда просила защитить тебя? Отцом, не правда ли? — И я повернулся лицом к яркому пламени, так что весь свет падал на меня.

— Да, я назвала тебя отцом, старик. Ничего в этом нет странного, потому что бесприютной девушке надо обращаться за помощью даже к незнакомым... но, впрочем... Нет, быть не может, такая перемена... и побелевшая рука... Кто ты? Когда-то жил человек по имени Мбопа, у него была маленькая дочь, которую называли Надой. О, отец, отец, теперь я узнаю тебя!

— Да, Нада, я сразу узнал тебя, несмотря на мужскую одежду и истекшие годы, я узнал тебя!

Лилия, рыдая, обняла меня, помню, что и я также заплакал.

Когда она выплакала свои радостные слезы, Умслопогас принес Наде-

Лилии кислого молока и каши из зерен кукурузы. Она съела молоко, но каши не ела, говоря, что слишком устала.

После ужина она рассказала нам повесть о своих скитаниях с той минуты, как она рассталась с Умслопогасом возле пещеры галакази; рассказ этот так длинен, что я не стану повторять его, он сам по себе составляет отдельную повесть.

Когда Нада окончила свой рассказ, Умслопогас поведал ей, как возникла его ссора с Дингааном. Когда он рассказывал о передаче королю тела девушки под видом самой Лилии, она одобрительно кивнула головой, когда же он рассказал об убийстве изменника, она захлопала в ладоши, хотя сердце ее было кротко, и она не любила рассказов об убийствах и смерти.

Наконец он замолчал. Нада стала вдруг печальной; она грустно заметила, что, должно быть, судьба преследует ее, и теперь племя Секиры из-за нее подвергается большой опасности.

— О брат мой! — воскликнула она, беря Умслопогаса за руку. — Лучше мне умереть, чем навлечь несчастье на тебя!

— Это не поправит дела, Нада, — отвечал он. — Будешь ли ты жива или умрешь, мы уже заслужили ненависть Дингаана. Кроме того, Нада, знай, что я не брат твой!

Услыхав эти слова, Лилия дико вскрикнула и выпустила руку Умслопогаса; она схватила мою руку и прижалась ко мне.

— Что это за новость, отец? — спросила она. — Он был моим близнецом, с ним я воспитывалась, а теперь он говорит, что вся наша жизнь была обманом, и он не брат мой. Кто же он такой, отец?

— Он твой двоюродный брат, Нада!

— Я рада и этому, — отвечала она. — Мне было бы больно знать, что тот, кого я любила, чужой человек, жизнь которого меня не касается! — И она слегка улыбнулась глазами и углами губ. — Но расскажите мне и об этом!

Я рассказал ей историю рождения Умслопогаса, потому что доверял ей.

— Да, — сказала она, когда я закончил. — Да, ты производишь из злого, хотя и королевского рода. Я не стану больше любить тебя, сын человека-гиены!

— Недоброе намерение, — возразил Умслопогас, — а я бы хотел, Нада, чтобы ты любила меня больше прежнего, чтобы стала моей женой и полюбила бы меня как мужа!

Она протянула ему руку, и Убийца прижал ее к своей широкой груди и поцеловал.

Вскоре она выскользнула из его объятий и попросила его уйти, она устала и хотела отдохнуть.

XXXI. Женская война

На следующий день на заре, покинув волков, Галази сошел с горы Призраков и вступил в ворота крааля. У порога моей хижины он увидел Наду-Лилию и поклонился ей, так как они узнали друг друга. Потом он отправился к месту общих собраний и подошел ко мне.

— Итак, над народом Секиры засияла Звезда Смерти, Мбопа! — сказал он. — Не ради ли ее появления моя серая стая так страшно была прошлую ночь? Я знаю только, что на меня первого сегодня пал свет Звезды, и я обречен на смерть. Она так прекрасна, что может служить причиной многих смертей, Мбопа! — Он засмеялся и пошел дальше, размахивая палицей. Его слова, хотя и глупые, смутили меня. Я помнил, что там, где красота Нады пленяла людей, эти люди всегда становились жертвами смерти.

Я пошел к Наде, чтобы отвести ее на место собрания. Там было уже много народу: был день ежемесячного совета вождей. Все женщины краалей, с Зинитой во главе, также находились там. Между ними уже распространился слух, что девушка, из-за которой Убийца ходил в пещеры галакази, явилась в крааль народа Секиры, и все глаза устремились на нее. Шепот одобрения раздался из уст мужчин, а из уст женщин — завистливые замечания. Только Зинита молчала и смотрела на Наду из-под нахмуренных бровей; одной рукой держала она маленькую дочь Умслопогаса, своего ребенка, а другой играла бусами, надетыми на шею. Лилия прошла, улыбаясь, и приветствовала Умслопогаса кивком.

Он повернулся к своим вождям и продолжал:

— Вот та, которую мы ходили добывать для Дингаана в пещеры галакази. Вся правда теперь известна; тот, кто рассказал ее королю, больше не повторит своего предательства. Она просила меня спасти ее от Дингаана, что я и исполнил; все бы сошло благополучно, не будь среди нас изменника, с которым я рассчитался. Посмотрите на нее, друзья мои, и скажите, не хорошо ли я сделал, что сохранил Лилию, подобной которой нет во всем свете, чтоб стать радостью племени Секиры и женой моей?

Все вожди отвечали сразу:

— Ты поступил хорошо, Убийца! — Чары Нады действовали на них, и они были готовы любить ее, как любили ее другие раньше их. Только Галази-Волк покачал головой, но не сказал ничего, слова были бессильны против судьбы. Зинита, старшая жена Умслопогаса, зная, чей он сын, знала

также, что Нада ему не сестра. Но когда она услышала, что он намерен взять Лилию себе в жены, она повернулась к нему и спросила:

— Как это возможно, господин?

— Что за вопрос, Зинита? — отвечал он. — Не имею ли я права взять новую жену, если пожелаю?

— Без сомнения, господин, — возразила она, — но нельзя жениться на своих сестрах, а я слыхала, что ты спас эту Наду от Дингаана потому что она твоя сестра, и тем навлек гнев Дингаана на племя Секиры, гнев, который уничтожит всех нас!

— Я сам так думал, Зинита, — отвечал он, — но теперь узнал истину. Нада действительно дочь Мбопы, но он — не отец мой, хоть его называли так; мать Нады не была моей матерью. Вот вся правда, советники!

Зинита взглянула на меня и прошептала:

— О, старый глупец, недаром я ждала зла от тебя!

Я слыхал ее слова, но не обратил на них внимания, а она снова заговорила с Умслопогасом:

— Все это таинственно, Булалио. Не пожелаешь ли ты сообщить нам, кто твой отец?

— У меня нет отца, — ответил он, начиная раздражаться, — небо над нами было моим отцом. Я рожден из Крови и Огня, а Лилия рождена красавицей, чтобы стать моей подругой. А теперь, женщина, молчи! — Он подумал немного и прибавил: — Впрочем, если хочешь знать, отцом моим был иньянга Индабазимби, сын Арпи!

Это заявление Умслопогас сделал на всякий случай, так как, отказавшись от меня, ему надо было объявить имя своего отца, а назвать умершего Черного он не смел. Впоследствии в стране подхватили это заявление и утверждали, что Умслопогас сын Индабазимби, давно покинувшего наши края; он от этого и не отказывался. Ему не хотелось, чтоб узнали, что он сын Чаки; он более не желал стать королем и опасался навлечь на себя гнев Дингаана.

Нада встала и поднесла Умслопогасу цветок, который она держала в руках, вместо приданого — она была бедна и не могла принести ничего больше.

Он взял цветок, ему было неловко держать его — он привык носить топор, а не цветы. На этом разговор прекратился.

В этот же день, по древнему обычаю, владетель Секиры должен быть вызвать всех желающих на бой — победитель становился обладателем Секиры и вождем племени. Поэтому, когда разговор с Надой прекратился, Умслопогас встал и произнес свой вызов, не ожидая, что кто-нибудь

откликнется на него; вот уже много лет, как никто не осмеливался выступить против его страшной силы. Но теперь выступил и вперед три человека, двое из них были вожди, которых Умслопогас искренне любил. Весь народ и он с удивлением взглянули на них.

— Что это значит? — тихо спросил он того из вождей, который стоял ближе к нему и хотел вступить с ним в бой.

Вместо ответа тот указал на Лилию, стоящую тут же. Умслопогас понял, что из-за чар Нады у всех мужчин появляется желание завладеть ею; тот же, кто завоюет Секиру, возьмет также и девушку. Умслопогасу предстояло бороться с многочисленными соперниками, борьба была неизбежна.

О битве скажу тебе мало, отец мой. Умслопогас убил одного вождя, затем другого, после чего третий в страхе не вышел против него.

С этого дня Умслопогас взял Наду-Лилию себе в жены, и на время наступили мир и тишина.

Легко догадаться, отец мой, что Зините и другим женам все это не нравилось. Они переждали некоторое время, думая, что Умслопогас изменится, потом стали роптать, жаловаться не только своему мужу, но и посторонним, и народ разделился на две партии: сторонников Зиниты и сторонников Нады.

Партия Зиниты состояла из женщин и тех из мужчин, которые любили и боялись своих жен, но партия Нады была гораздо многочисленнее и состояла целиком из мужчин, с Умслопогасом во главе; это разделение было причиной недоразумений среди народа и постоянных ссор в хижинах. Ни Лилия, ни Умслопогас не обращали внимания на происходящее кругом, да и вообще на все окружающее их, так сильно были они поглощены и довольны своей взаимной любовью. Однажды Зинита сказала собравшимся на поле женщинам:

— Лилия смеется над нами, сестры. Выслушайте мой совет. Надо устроить на новолуние женский праздник в отдаленном отсюда и скрытом месте. Все женщины и дети отправятся туда, за исключением Нады, которая не расстанется со своим возлюбленным, если же найдется человек, горячо любимый женщиной, может быть, сестры мои, тому человеку лучше будет отправиться путешествовать во время новолуния; могут произойти великие несчастья в краях племени Секиры, пока мы будем пировать на нашем празднике.

— Что же может случиться, сестра? — спросила одна из женщин.

— Откуда мне знать? — отвечала она. — Я знаю только, что мы хотим освободиться от Нады и таким образом отомстить человеку, который

презрел нашу любовь, и тем, которые бегают за красотой Нады. Поэтому помолчим о наших планах и приготовимся к нашему празднику!

Вскоре Зинита попросила у Умслопогаса разрешения устроить женский праздник далеко от их краалей, и он с радостью согласился. Сильнее всего ему хотелось отделаться, хоть на время, от Зиниты и ее сердитых взоров; он и не подозревал о заговоре. Он только объявил ей, что Нада не пойдет на праздник, и одновременно обе женщины, Зинита и Нада, отвечали, что их желание исключительно исполнить его волю — что в этом случае и было правдой.

XXXII. Зинита в королевском краале

Однажды король Дингаан сидел в краале, ожидая возвращения своих войск из мест, прозванных теперь Блад Ривер, Кровавой рекой. Он послал их туда с приказанием уничтожить лагерь амабуну и надеялся вскоре снова увидеть их победителями. Праздный сидел он в краале, следя за полетом хищных птиц над Холмом Убийств, вокруг него стоял отряд воинов.

— Мои птицы голодны! — сказал он одному из советников.

— Скоро найдется пища для них, о король! — отвечал советник.

Он еще говорил, когда подошел слуга, докладывая, что какая-то женщина просит разрешения говорить с королем по очень важному делу. Вскоре привели женщину. Она была высока и красива и держала за руки двух детей.

— Чего просишь ты? — спросил Дингаан.

— Правосудия, король! — отвечала она.

— Проси крови, ее легче добыть.

— Я прошу и крови, король!

— Чьей крови?

— Крови Булалио-Убийцы, вождя племени Секиры, крови Нады-Лилии и всех ее сторонников!

Дингаан вскочил на ноги, гневное проклятие вырвалось у него.

— Что? — вскричал он. — Неужели Лилия жива, как предполагал тот убитый воин?

— Она жива, король. Она стала женой Убийцы, и это из-за ее колдовства он удалил меня, свою старшую жену, вопреки закону и чести. Поэтому я прошу мести против колдуньи и против того, кто был моим мужем!

— Ты добрая жена! — заметил король. — Да убережет меня мой добрый дух-хранитель от подобной жены. Слушай! Я с радостью исполнил бы твоё желание, я также ненавижу Убийцу и хотел бы уничтожить Лилию. Но, женщина, ты пришла в недобрую минуту, у меня остался всего один полк, я же думаю, что с Убийцей нелегко сладить. Подожди, пока не вернутся мои войска, посланные уничтожить белых амабуну, и тогда я исполню твоё желание. Чьи это дети?

— Это мои дети и дети Булалио, который был моим мужем!

— Дети того, кого ты желаешь предать смерти?

— Да, король!

— Без сомнения, женщина, ты такая же хорошая мать, как и жена! — сказал Дингаан. — Я ответил тебе, иди!

Но сердце Зиниты алкало скорого и ужасного мщения против Лилии, занявшей ее место, и против мужа, устранившего ее ради Лилии. Она не хотела ждать и одного лишнего часа.

— Слушай, король! — вскричала она. — Я не все еще рассказала тебе. Булалио затевает заговор против тебя вместе с Мбопой, сыном Македамы, твоим бывшим советником.

— Он затевает заговор против меня, женщина? Ящерица подкапывается под скалу, на которой греется? Пусть устраивает заговоры, а что касается Мбопы, живым ему от меня не уйти!

— Да, король, но это еще не все. Этот человек носит другое имя — его зовут Умслопогасом, сыном Мбопы. Но он не сын Мбопы, он сын умершего Черного, могучего короля, твоего брата, и Балеки, сестры Мбопы. Да, я слыхала все это из уст самого Мбопы. От него я узнала всю эту повесть. Умслопогас по праву рождения наследник твоей власти, о король, и ты занимаешь его место!

Некоторое время Дингаан сидел пораженный. Потом он приказал Зините подойти ближе и рассказать все, что она знает.

Зинита поведала Дингаану повесть о рождении Умслопогаса и обо всем, что случилось впоследствии; по многим признакам и многим поступкам Чаки, которые он припоминал, Дингаан убедился, что рассказ ее правдив.

Когда наконец она замолчала, он подозвал командующего полком, стоявшего тут же; то был человек очень большого роста, по имени Факу, он, в свою очередь, призвал людей для исполнения приказаний короля. Король повелительно и резко заговорил с вождем:

— Возьми три роты и проводников и ночью напади на крааль племени Секиры, лежащий у горы Призраков, сожги его и перебей всех колдунов, живущих в нем. Прежде всего убей вождя племени, которого зовут Булалио-Убийца, или Умслопогас. Умертви его мучительной смертью, если возможно, но в любом случае убей его и принеси мне его голову. Схвати жену его, известную под именем Нады-Лилии, живой, если возможно, и приведи ко мне.

Вождь поклонился ему и, вернувшись к полку, отдал приказание. Три роты выступили вперед и выбежали за ним через ворота крааля по направлению к горе Призраков.

После этого король приказал исполнителям своей воли взять детей Зиниты и покончить с ними.

Но, услышав эти слова, Зинита, любившая своих детей, громко зарыдала. Дингаан стал смеяться над нею.

Таким образом пришлось Зините испить ту чашу, которую она приготовила для других, она обезумела от горя и, ломая руки, кричала, что раскаивается в причиненном ею несчастье и, чтобы искупить его, предупредит Умслопогаса и Лилию о грозившей опасности. Действительно, она бегом направилась к выходу. Но король рассмеялся, кивнул головой, ее схватили и снова привели к нему. Вскоре она лежала мертвой.

Так и закончилась месть Зиниты, старшей жены Умслопогаса, моего питомца.

Смерть Зиниты была последним убийством в краале короля. Вскоре после описанных событий, когда Дингаан снова начал скучать, он поднял глаза и увидел холмы, покрытые людьми. Судя по одежде, то были воины его войск — те, которых он высылал против буров.

Но где же их гордая поступь, где перья и щиты, где победные песни? Перед ним были воины, но они шли кучками, как женщины, повесив головы, как дети, которых бранили.

Король вскоре узнал всю правду. Войско его было разбито на берегах Кровавой реки, тысячи воинов погибли в лагере, сраженные ружьями буров, тысячи других утонули в реке, пока вода не покраснела от крови; оставшиеся в живых могли свободно переходить по затонувшим.

Дингаана при этом рассказе охватил ужас; ему доложили, что амабуну поспешно идут по следам побежденных.

В тот же день он бежал в чащу, растущую по берегам реки Черной Умфолози; ночью небо окрасилось ярким заревом от пожара его краалей, и хищные птицы покинули Холм Убийств, напуганные ревом пламени.

Галази сидел на коленях каменной Колдуньи и бесцельно смотрел в направлении крааля племени Секиры. Вдруг его глаза заметили отблеск света, который как будто двигался по полосе тени, падающей от горы Призраков, как скользит женская игла сквозь ткани, то видимая глазом, то скрытая тканью.

Перед ним был небольшой отряд, состоящий из двухсот человек, не более, которые бежали молча, не готовые к битве, так как на них не было украшений из перьев. Целью их было, по-видимому, убийство, потому что они шли ротами, и каждый воин нес ассегай и щит. Тогда Галази понял, что они хотят напасть на его друга Умслопогаса.

Необходимо было предупредить Умслопогаса. Но каким образом? Он мог переплыть быструю реку и таким образом сократить расстояние к

краалю племени Секиры; этот путь относился к тому, по которому шел отряд, как тетива к древку лука. Но воины успели пройти половину всего лука. Несмотря на это, он решился попробовать, зная, что во всей стране никто не умеет бегать так быстро, как он, за исключением Умслопогаса. А может быть, отряд остановится у реки напиться...

Все эти мысли, быстрые как молнии, промелькнули в голове Галази. Одним прыжком он очутился далеко на склоне горы. Он прыгал со скалы на скалу, как олень, он рассекал воздух, как ласточка. Гора осталась позади, перед ним лежала желтая река, пенясь в своем течении; такова была она, когда он переплывал ее в первый раз, отправляясь на поиски мертвеца. Сильным скачком он прыгнул в середину потока, течение было бурное, но он одолел его. Он переплыл реку, он уже стоял на другом берегу, стряхивая воду, как собака, потом пустился бежать в узкое каменное ущелье, к длинному оврагу, низко пригибаясь к земле, как бегают волки.

Перед ним появился крааль; одна часть его отливала серебром под заходящей луной, другая серела при слабом свете зари. Но и враги находились тут же; он заметил их, они осторожно пробирались в траве к восточным воротам крааля, он видел длинные вереницы убийц, ползущих направо и налево.

Лишь бы ему успеть проскользнуть мимо них, пока они не оцепили крааль своим смертельным кольцом. Ему оставалось бежать еще далеко, а они подошли уже близко. В этом месте маис рос высоко и доходил почти до изгороди. Вверх по тропинке! Могли Умслопогас бежать быстрее, чем Волк, мчавшийся ему на помощь? Он продвигался вперед, скрытый стеблями маиса, а там, у самой изгороди, направо и налево, пробирались убийцы! Вдруг послышался крик мощного голоса:

— Проснитесь, спящие, враг у ваших ворот!

XXXIII. Гибель народов, Черного и Серого

Галази мчался по краалю, громко крича, и вслед просыпались и поднимались люди. Все спали, часовых не ставили; Умслопогас был так поглощен своей любовью к Наде, что забыл всякую осторожность и не думал более ни о войне и смерти, ни о ненависти Дингаана. Вскоре Волк добежал до новой большой хижины, которую Умслопогас велел выстроить для Нады-Лилии, он вошел в нее, зная, что там найдет своего брата Булалию. В глубине хижины лежали оба спящих; голова Умслопогаса покоилась на груди Лилии, а рядом с ним сверкала огромная Секира.

— Проснись! — вскричал Волк.

Умслопогас и Нада вскочили и, как во сне, исполняли его приказание; пока они искали свою одежду и оружие, Галази выпил пива и немного отдышался. Они вышли из хижины. Небо серело, а с востока и с запада, с севера и юга подымались к небу красные языки пламени: крааль со всех сторон подожгли убийцы.

Умслопогас при виде этого пришел в себя; он понял все.

— В какую сторону идти, брат? — спросил он.

— Сквозь пламя и врагов к нашему Серому народу на гору! — отвечал Галази. — Там, если удастся пробиться, мы найдем помощь.

Они побежали к изгороди, и к ним присоединились человек десять воинов, полусонных, охваченных ужасом, вооруженных кто копьями, кто ножами.

Впереди мчались Умслопогас и Галази, держа каждый за руку Лилию. Они достигли изгороди, из-за которой слышались крики убийц, вся изгородь была в огне. Нада в ужасе откинулась назад, но Умслопогас и Галази потащили ее вперед. Они кинулись на пылающую изгородь, разрушая ее Секирой и Дубиной. Они пробились сквозь нее и вышли по ту сторону, не особенно пострадав от огня. Там стояла кучка убийц, немного в отдалении от невыносимого жара пламени. Убийцы увидели их и с криком: «Вот Булалию, убивай колдуна!» — подскочили к ним с поднятыми копьями. Воины Секиры окружили кольцом Наду и впереди всех стали Умслопогас и Галази. Затем они бросились вперед и встретились с убийцами, воины Дингаана были раскиданы и разбросаны во все стороны Секирой и Дубиной, как ветер разносит пыль, как серп срезает траву.

Они пробились, потеряв только одного человека, но среди врагов распространился слух, что вождь колдунов и Лилия, его жена, бежали.

Помня приказание прежде всего умертвить именно их, командующий отрядом отозвал своих воинов, подстерегавших бегущих из крааля, и бросился в погоню за Умслопогасом.

В это время Братья-Волки и их спутники были уже далеко, им легко было спастись от преследования, никто в стране не мог сравниться быстротой бега с ними; но отряд равняет свой шаг с самым слабым из своих воинов; Нада не могла долго бежать рядом с Братьями-Волками. Они торопились изо всех сил и пробежали половину ущелья, ведущего к реке, раньше, чем отряд Дингаана вступил в узкий проход. Когда они достигли конца ущелья, а враг все приближался (этот конец ущелья, отец мой, узок, как горлышко бутылки), Галази остановился и сказал:

— Стойте, воины Секиры, поговорим с теми, кто преследует нас, пока же отдохнем немного. Ты же, брат, переплыви реку вместе с Лилией. Мы присоединимся к тебе в лесу, если же случайно мы не найдем тебя, ты знаешь, что надо сделать: доведи Лилию до пещеры, потом вернись и собери наше Серое войско. Помни, брат мой, что мне необходимо будет найти тебя; если воинам Дингаана хочется драться, то на горе Призраков произойдет такая охота, какой еще никогда не видела старая Колдунья. Теперь иди, брат!

Умслопогас схватил Наду за руку и помчался к реке, он еще не добежал до нее, как услышал шум битвы, воинственный крик убийц, кинувшихся на воинов Секиры, и вой его брата Волка, сопровождавший при начале схватки меткие удары его Дубины.

Они прыгнули в пенящуюся реку; к счастью, Лилия умела плавать, а то они утонули бы оба. Им удалось переплыть реку, они стали подниматься на гору. Здесь они быстро поднимались между деревьями, пока наконец не достигли конца леса и Умслопогас не услышал вой волков.

Ему пришлось взять Наду на плечи и нести ее, как когда-то Галази нес мертвеца; всякий человек, за исключением Братьев-Волков, вздумавший подняться на гору Призраков, когда волки не спят, становился жертвой смерти.

Вскоре волки окружили Умслопогаса и начали прыгать от радости, сверкая жадными глазами на ту, которая сидела на его плечах. Увидав их, Нада едва не упала, теряя сознание от страха; волков было много, они были страшные, и при их завываниях кровь стыла в ее жилах.

Наконец они дошли до колен старой Колдуньи и до входа в пещеру. Она была пуста, если не считать одного или двух волков; Галази редко приходил сюда, когда же он появлялся на горе, то ночевал в лесу, лежащем ближе к краалю брата его, Убийцы.

— Ты должна побыть здесь, милая, — сказал Умслопогас, — смотри, я покажу тебе, как двигать этот камень; подвинуть его надо до этого места, но не далее. Одного толчка достаточно, чтобы выбить его из желоба, но тогда только два очень сильных человека могут снова поставить его на место. Поэтому двигай камень осторожно, из опасения, чтобы он не стал в такое положение, из которого, при всем желании, ты не могла бы его сдвинуть. Не бойся, ты здесь в безопасности; никто не знает об этом убежище, кроме Галази, меня и волков, и никто не отыщет его. Теперь я должен присоединиться к Галази, если он еще жив. Если он погиб, я вместе с волками постараюсь отомстить за него убийцам!

Нада заплакала, она боялась оставаться одна и опасалась, что более никогда его не увидит; ее горе сжало его сердце. Несмотря на тяжелое чувство грусти, Умслопогас обнял ее и ушел, задвинув за собой камень так, как учил ее. С приваленным камнем пещера стала почти совсем темной, только узкая полоса света проникала сквозь отверстие немного больше человеческой руки, которое находилось справа от камня. Нада села так, чтобы полоса света падала на нее, она любила свет и без него чахла, как цветок.

Внезапно свет в отверстии исчез, и она услышала тяжелое дыхание животного, которое чует добычу. Она подняла голову и во мраке увидела острый нос и оскаленные клыки волка, который просовывал морду через небольшое отверстие рядом с ней.

Нада громко закричала. В безрассудном страхе она ухватила за камень и потянула его к себе, как показывал ей Умслопогас. Камень задрожал, сдвинулся с желоба, в котором держался, и пополз внутрь пещеры, как падает камешек через горлышко бутылки.

Закрыв пещеру, Умслопогас быстро спустился с горы, и с ним отправилась часть волков. На одном из поворотов он услышал продолжительный, длинный вой, раздавшийся из глубины леса; он узнал крик и приободрился — то звал Галази, спасшийся от копий убийц.

Умслопогас продолжал быстро бежать, отвечая на зов. Наконец он достиг цели. Отдыхая на камне, сидел Галази, а вокруг него толпились их многочисленные серые друзья. Умслопогас подошел и оглядел его; Галази казался слегка утомленным, на его широкой груди и руках виднелись раны. Его небольшой щит был изрублен почти в куски, а на палице виднелись следы ударов.

— Что произошло без меня, брат? — спросил Умслопогас.

— Ничего особенного, все те, которые остались со мной на дороге, погибли, а с ними часть врагов. Я бежал один, как трус. Они трижды

наступали на нас, но мы отбивали их, пока Лилия не очутилась в безопасности, тогда, потеряв всех своих людей, я бежал, Умслопогас, и переплыл поток, мне хотелось умереть здесь, в моем лесу!

Когда Галази отдохнул, они встали и собрали свою стаю, которая была в полном сборе, хотя и не так многочисленна, как за несколько лет до того, когда впервые Братья-Волки стали охотиться на горе Призраков.

Они спустились по лесным тропинкам и скрылись в чаще зарослей около темного ущелья, каждый со своей частью стаи заняв одну сторону прохода. Они спокойно ждали, пока не услышали шаги отряда королевских убийц, тихо продвигавшегося вперед в поисках врага. Во главе отряда шли два воина, внимательно осматривающих местность, чтобы не попасть в засаду; то были те воины, между которыми на рассвете проскочил Галази. Они разговаривали между собой, оглядываясь по сторонам. Не видя ничего опасного, они остановились при входе в ущелье и стали поджидать свой отряд. Их голоса долетали до Умслопогаса.

Братьям-Волкам стоило большого труда сдержать на месте свою стаю; волчьи пасти щелкали, и глаза сверкали при виде людей, но вскоре усилия Братьев оказались бессильны; одна из волчиц с воем сорвалась с места и кинулась на грудь воина, она больше не выпустила его. Волк и человек упали, покатались по земле и умертвили друг друга.

— Оборотни, оборотни напали на нас! — вскричал второй разведчик и помчался обратно по направлению к отряду. Но он не добежал, с обеих сторон со страшным воем выскочили из засады волки-оборотни, кинулись за ним, и вскоре ничего не осталось от него, кроме копья.

Тихий крик ужаса раздался из рядов отряда; воины хотели бежать, но Факу, их предводитель, высокий, храбрый человек, громко закричал:

— Стойте, дети короля, стойте, то не оборотни, то только Братья-Волки и их свора! Неужели вы побежите перед собаками, когда раньше умели смеяться над копьями людей? Становитесь в круг, стойте твердо!

Воины услышали голос своего предводителя и повиновались ему, они стали в двойной круг, кольцо в кольце. Взглянув направо, они увидели устремившегося на них, подобно буре, с высоко поднятым топором, с волчьими клыками на лбу Булалию, а за ним мчалась красноглазая стая; взглянули налево и увидели слишком хорошо им известную Дубину. Недавно еще слышали они ее удары на берегу реки и хорошо знали великана, владеющего ею, как легкой палочкой, короля волков, обладающего силой десяти человек.

Как долго длился бой? Кто может сказать? Время летит быстро, когда сыплются частые удары. Наконец Братья отбиты, они выбились из круга,

куда проникли и исчезли с теми из волков, которые остались в живых. Но и отряд сильно пострадал, в живых осталась всего одна треть из всех людей, еще так недавно глядевших на солнце; остальные погибли, разбитые, растерзанные, мертвые, скрытые под кучами трупов диких животных.

Факу стал подниматься на гору с оставшимися в живых воинами; всю дорогу волки делали на них набеги и загрызали то одного, то двух воинов. Братья-Волки, хотя слышали и видели все, не нападали больше на отряд, сберегая свои силы для последнего, решительного боя.

Умслопогас взглянул на каменное лицо той, которая сидела высоко над ним, и лицо ее все светилось от заходящего солнца.

Тропинка у подножия горы, отец мой, разделялась надвое, посередине находился большой выступ скалы, и две небольшие тропинки вели с двух сторон к площадке на коленях Колдуньи. Умслопогас стал на верху левой тропинки, а Галази — у правой. Они ждали врага, держа копья в руках. Вскоре из-за скалы показались воины и кинулись на них, часть по одной, часть по другой дорожке.

Долго длилась битва. Наконец Галази, сразив последнего врага, в изнеможении опустился на землю. Он не мог идти на помощь другу, против которого оставался тоже всего один враг.

Галази-Волк с усилием поднялся на колени и в последний раз потряс Дубиной над головой, потом упал и умер.

Умслопогас, сын Чаки, и Факу, военачальник Дингаана, смотрели друг на друга. Они стояли одни на горе, все остальные погибли кругом. Умслопогас был покрыт ранами, Факу был невредим; то был сильный человек, также вооруженный топором.

XXXIV. Прощание с Лилией

В течение нескольких минут оба воина описывали круги топорами, выжидая удобного момента для удара. Вскоре Факу опустил оружие на голову Умслопогаса, но Убийца поднял свою Секиру, чтобы отбить удар. Факу согнул руку и так ловко направил топор, что острое поразило Умслопогаса в голову, рассекло его головной убор, а за ним — череп.

Обезумев от боли, Убийца как бы проснулся. Он схватил Секиру обеими руками и нанес три удара. Первый срезал перья, рассек щит Факу и откинул его на несколько шагов назад; второй не попал в цель; при третьем, самом сильном ударе Секира выскользнула из мокрых от крови рук, и удар топора пришелся боком. Несмотря на это, топор плашмя упал на грудь Факу, раздробляя его кости, и смел его с края скалы вниз, в ущелье. Факу, скатившись на дно, остался неподвижным.

— Дело окончилось еще засветло! — сказал Умслопогас, свирепо улыбаясь. — Теперь, Дингаан, присылай еще убийц в поисках убитых! — И он повернулся, чтобы идти в пещеру к Наде.

Но Факу не был убит, хотя рана его была смертельна. Он приподнялся и, собрав последние силы, кинул топор, оставшийся в его руке, в того, чья сила одержала верх над ним. Топор был направлен верно, Умслопогас не видел, как он летел. Лезвие ударило его в левый висок, пробило кость и врезалось глубоко в голову. Тогда Факу упал мертвым, а Умслопогас, подняв кверху руки, грохнулся, как бык. Подобно мертвецу, лежал он в тени мрачной скалы.

Вскоре Нада решила выйти из пещеры и хотела отвалить камень. Однако он не двигался. Тогда она вспомнила, что, испугавшись волков, она сдвинула его с желоба, в котором он держался, и что камень сполз на середину пещеры. Умслопогас предостерегал ее, чтобы она этого не делала, но она забыла о его совете в своем безрассудном страхе. Может быть, ей удастся сдвинуть камень... Нет, ни на волос не сдвинулся он. Она оказалась запертой, без пищи и воды, и ей приходилось ждать появления Умслопогаса. А если он не придет? В таком случае ей придется умереть.

Она громко закричала от ужаса, призывая Умслопогаса по имени. Стены пещеры отвечали: «Умслопогас! Умслопогас!» И все смолкло.

Через некоторое время безумие нашло на Наду, мою дочь, и она много дней и ночей пролежала в пещере, сама не сознавая, как долго она лежит.

Несмотря на свое беспмятство, Нада замечала, что два раза свет

проникал в отверстие скалы и наступал день; что два раза свет погасал и наступала ночь. В третий раз появилась полоса света и погасла, тогда безумие покинуло ее, она очнулась и поняла, что умирает; сквозь отверстие в камне слышался голос, который она так любила, и спросил тихо и хрипло:

— Нада? Жива ли ты еще, Нада?

— Да, — глухо отвечала она. — Воды! Дай мне воды!

Ей показалось, что с величайшим усилием проползла большая змея. Прошло несколько минут, затем сквозь отверстие в камне дрожащая рука просунула небольшую тыквенную бутылку. Она жадно напилась, ей стало легче, и она в силах была говорить, хотя ей казалось, что вода огненным потоком разлилась по ее жилам.

— Неужели это ты, Умслопогас? — спросила она. — Или ты умер и явился мне во сне?

— Это я, Нада! — сказал голос. — Слушай! Ты ли сдвинула камень с места?

— Увы, да! — отвечала она. — Может быть, соединив наши усилия, мы сможем отвалить его?

— Да, если бы наши силы не изменили нам; но теперь это невозможно! Впрочем, попытаемся!

Они налегли на камень, но у обоих вместе сил было не больше, чем у ребенка, и камень не сдвинулся с места.

— Не будем даже стараться, Умслопогас! — сказала Нада. — Мы теряем те краткие часы жизни, которые остались мне. Поговорим в последний раз!

Недолго, однако, пришлось говорить им. Вскоре Нада стала слабеть и незаметно скончалась, сжимая руку Умслопогаса, который уже без чувств лежал по ту сторону камня.

В таком положении, отец мой, нашел я их, когда отправился на поиски пропавших. Благодаря моим стараниям Умслопогас не умер, а стал поправляться. Когда он совершенно выздоровел, я стал расспрашивать о его намерениях, желая узнать, следует ли мне продолжать хлопоты, чтобы сделать его королем всей страны.

Но Умслопогас покачал головой, сердце его больше не лежало к этому делу. Ему по-прежнему хотелось уничтожить короля и его власть, но теперь он не желал занять его места, а жаждал только мщения. Я отвечал, что сам хочу мстить и что, соединившись, мы, может быть, вдвоем достигнем цели.

Слушай, отец мой, дальнейший рассказ мой будет краток. Мне пришло в голову противопоставить Дингаану Мпанде. Я дал совет Мпанде бежать

вместе со своими приверженцами в Наталь. Он последовал моему совету, а я вступил в переговоры с бурами, в частности с одним буром, которого звали Длинная Рука. Я доказал бурам, что Дингаан коварен и не заслуживает доверия, а Мпанде добр и верен им. Дело кончилось тем, что буры, соединившись с Мпанде, объявили войну Дингаану. Я начал эту войну, чтобы отомстить Дингаану.

Принимали ли мы участие в большой битве при Магонго? Да, отец мой, мы были там. Когда воины Дингаана отбросили нас назад и все казалось потерянным, я подал мысль Нонгазале, нашему вождю, сделать вид, что он ведет буров в атаку; амабуну не принимали участия в битве, предоставляя драться нам, Черному народу. Умслопогас с Секирой в руке пробивался сквозь ряды одного из полков Дингаана, пока не добрался до бурского начальника и закричал ему, чтобы он с флангов окружил Дингаана.

Таким образом, исход битвы был решен, отец мой; они побоялись сопротивляться соединенным белым и черным полкам. Они бежали, мы преследовали и убивали их, а Дингаан перестал быть королем, но все-таки еще был жив.

Мы ловили короля в течение нескольких недель, как охотники преследуют раненого быка. Мы преследовали его до леса у Черной Умфолози и сквозь него. Наконец и нам улыбнулась удача. Дингаан вошел в кусты в сопровождении всего двух людей. Мы закололи его слуг, схватили его и повели на гору Призраков.

Когда мы дошли до пещеры, я отослал всех наших спутников; нам хотелось остаться наедине с Дингааном. Он сел на землю в пещере, а я сказал ему, что под землей, на которой он сидит, лежат кости той Лилии, которую он убил, и кости Галази-Волка.

После этого мы привалили камень ко входу в пещеру и оставили его с призраком Галази и призраком Нады.

На третий день, перед зарей, мы вытащили стонущего Дингаана из пещеры на край утеса, висящего сверху на груди каменной старухи Колдуньи. Там стояли мы, ожидая рассвета, того часа, когда умерла Нада. Мы прокричали ему в уши ее имя и имена детей Умслопогаса, затем столкнули в пропасть.

Таков был конец Дингаана, отец мой, Дингаана, обладавшего жестоким сердцем Чаки, но не его величием.

Вот и вся повесть о жизни Нады-Лилии, отец мой, и нашей мести за нее. Печальная повесть, грустная повесть, впрочем, все было печально в те дни. Все изменилось впоследствии, когда стал царствовать Мпанде;

Мпанде был человек миролюбивый.

Мало осталось рассказывать. Я покинул страну, в которой жить для меня, убийцы двух королей, было опасно; я перебрался жить сюда, в Наталь, чтобы окончить свое существование поблизости от того места, где раньше стоял крааль Дукуза...

Внезапно старик замолчал, его голова упала на иссохшую грудь. Когда же белый человек, которому он рассказывал свою повесть, приподнял его голову и взглянул на него, он был мертв.



Ласточка





ЛАСТОЧКА

I Почему фроу Ботмар вздумала рассказать свои воспоминания. — Как Сузанна Ботмар нашла Ральфа Кензи.

Женщина я совсем простая, почти безграмотная. Читать еще кое-как читаю, а писать могу только свое имя, и то с таким трудом и такими невозможными каракулями, что мой старик Ян всегда подсмеивается надо мною, когда я берусь за перо. Правда, и перо-то мне приходится брать не часто: только в тех случаях, когда нужно бывает подписать счет или другую пустяшную бумагу за Яна, который сам этого не может делать с тех пор, как его разбил паралич. Во многом я была бы ровня своему Яну, если бы только меня в детстве так же хорошо научили грамоте, как его.

Но несмотря на свою безграмотность, я все-таки понимаю, как приятно и полезно читать хорошие правдивые книги. Я много видела и немало испытала, и мне пришло в голову заставить свою правнучку Сузанну написать под мою диктовку такую книгу, в которой была бы только одна правда о людях и их делах. Многие находят, что такие книги скучны. По-моему, это неправда: чем правдивее книга, тем она интереснее.

Как бы удивились моя покойная мать и все наши умершие родственники, если бы они могли встать из своих могил и увидели бы, что я, Сузанна Науде (это была моя девичья фамилия), собираюсь написать книгу! В их время ни одной барышне не могло прийти на ум ничего подобного, потому что дальше своего хозяйства они ничего не видели, да и знать не хотели.

Кстати, Сузанна привезла из Дурбана, где она училась, удивительную машинку, похожую на тыкву. Стоит только постучать пальцами на этой машинке — и на бумаге сейчас же выйдут печатные буквы. Господи, чего только не придумают умные люди! Машинка мне эта очень понравилась, Яну — тоже. Он всегда любил музыку, и как только Сузанна начнет постукивать на своей машинке, Ян (он теперь слепой и почти совсем оглох) воображает (бедный старик!), что правнучка играет на шпинете, вроде того, который был в доме моего дедушки, в Старой колонии. Под стукотню

Сузанна Ян обыкновенно дремлет и, верно, вспоминает то время, когда ухаживал за мной, а я наигрывала ему на дедушкином шпинете его любимые песенки.

Итак, пусть правнучка пишет... то есть печатает на своей машинке то, что я буду рассказывать: и ей занятие, и Яну удовольствие, и другим поучение.

Бедный Ян! Ничего почти от него не осталось! Жалко даже смотреть на него! Кто бы узнал теперь в этом слабом, сморщенном, обросшем белыми волосами слепом и глухом старике, неподвижно сидящем в кресле, с разбитыми параличом ногами и руками, прежнего красивого и могучего бура? Давно ли, кажется, он в битве при Вехтконе, когда Мзиликази выслал свои войска против нас, схватил в каждую руку по зулусу и так стукнул их головами друг о друга, что они тут же испустили дух?... Я как сейчас помню эту битву, хотя это было уже давно, очень давно, кажется, еще в тысяча восемьсот тридцать шестом году, когда мы вынуждены были бежать от преследования англичан из наших старых насиженных пепелищ в поисках новых мест для жилья — таких мест, где бы нас никто не трогал.

Да, много утекло с тех пор воды. Молодой, сильный и красивый Ян превратился в ни на что не годную развалину, да и я стала частенько прихварывать. Наверное, мы с Яном вместе умрем, как вместе провели всю жизнь, деля пополам и радость и горе.

Вот теперь, перед смертью, я и вспоминаю все пережитое и слышанное мною в те страшные дни, когда происходило так называемый Великий трек буров, во время которого погибло так много наших — от стрел дикарей, от голода и жажды, от изнурительных лихорадок, от зубов и когтей диких зверей в пустыне...

Если я не расскажу об этом ужасном времени, то, пожалуй, оно забудется, как забывается все в этом мире, и никто не будет знать, как буры сумели добиться свободы.

Наша правнучка, Сузанна Кензи, которая так проворно и ловко выстукивает на своей машинке все, что я ей диктую, — последняя из своего рода. Ее отец и дед — последний был нашим приемным сыном, а впоследствии мужем нашей единственной дочери — пали на войне с зулусами, сражаясь за англичан против Кетчвайо.

В свое время многие, конечно, знали странную историю Ральфа Кензи, английского сироты, так чудесно найденного нашей дочерью, тоже Сузанной (нужно заметить, что почти все женщины моего рода носили имя Сузанна); знали и еще более удивительную историю о том, как наша дочь была спасена от громадной опасности дикарями и более двух лет прожила

среди них в обществе знаменитой знахарки и инкосикази племени горцев, Сигамбы, пока Ральф, бывший в то время уже мужем Сузанны и очень любивший свою жену, после страшных трудов не разыскал ее. Но теперь едва ли кто помнит все это так хорошо, как я. Вот почему мне и пришлось в голову сохранить для потомства память о Ральфе Кензи, нашем приемном сыне, а потом зяте. Он вполне заслуживает этого потому, что был одним из лучших людей, несмотря на свое английское происхождение.

* * *

Вот как нашла наша дочь Сузанна своего будущего мужа.

Надо вам сказать, что мой муж, Ян Ботмар, был родом из Старой колонии, где вся его родня пользовалась почетом и уважением. Вместе со многими другими переселился и он в Транскей. В то время я была еще совсем девочкой.

Наше переселение началось из-за того, что один из самых уважаемых буров, Фредерик Безюйденгоот, человек смелый и энергичный, чтобы придраться к нему, был обвинен в жестоком обращении со своими черными рабами. Англичане послали отряд панду ров, или готтентотов, из которых они составляли свои полки, арестовать Безюйденгоота. Последнему не хотелось попасться в руки этим дьяволам в человеческом образе, и он укрылся в одной пещере, где долго отбивался от многочисленных врагов, но в конце концов им все-таки удалось убить его.

Когда пандуры ушли, родственники и друзья убитого над его трупом поклялись отомстить за него. Они вскоре подняли восстание. Против них тоже были высланы пандуры, которые значительно превосходили своей численностью горсть буров. Произошла жестокая схватка, во время которой был убит брат Фредерика Безюйденгоота, Ян; перебили также почти всех его защитников.

Оставшиеся же в живых, в числе пяти человек, были схвачены и приговорены к повешению лордом Соммерсетом, который в то время был губернатором английских владений в Южной Африке. Среди приговоренных были отец и дядя моего мужа. Вскоре приговор был приведен в исполнение.

Эта и другие жестокости Соммерсета переполнили чашу терпения всех буров, и они решили покинуть английские владения.

Вот тогда и началось наше переселение в Транскей. Вместе с прочими переселились и мои родители, фамилия которых была Науде. Отец мой нередко говорил, что его дед был французским графом. Будучи гугенотом, он вынужден был бежать с родины, потому что там стали резать всех гугенотов. Значит, в моих жилах течет благородная французская кровь. Впрочем, я не особенно горжусь этим: кровь буров не хуже.

Жена моего прадеда, тоже Сузанна, была, говорят, замечательной красавицей; да и вообще все женщины нашего рода отличались красотой. Скажу без хвастовства, что и я считалась в свое время одной из первых красавиц во всем Транскее.

Я отличалась стройностью, у меня были густые темно-русые вьющиеся волосы, темные брови, карие глаза, здоровый цвет лица, небольшой рот и два ряда прекрасных зубов. Вот мой портрет по описанию лиц, не имевших надобности льстить мне.

Понятно, что от женихов у меня, как говорится, отбоя не было. Но из всех претендентов на мою руку я выбрала Яна Ботмара.

Мы обвенчались. Через год у нас родилась дочь Сузанна, которую кафры почему-то прозвали «Ласточкой». Других детей у нас не было. Но мы нисколько не горевали об этом и без всякой зависти смотрели на соседей, из которых некоторые имели по восемь, десять и даже по целой дюжине ребят.

Жили мы с мужем, как я уже говорила, очень счастливо, хотя он и был немного... простоват и иногда поступал не так, как бы следовало умному мужчине, но я всегда вовремя выручала его из беды, когда ему приходилось попадать в нее. Недаром же Бог послал ему умную жену!

Дочка наша, Сузанна, была в этом отношении вся в отца и тоже часто попадала впросак. Сколько она причинила мне горя, когда пропадала два года без вести! Но если у Яна была умная жена, то и у нашей дочери был не менее умный и энергичный муж. Как мне приходилось выручать своего Яна из разных бед и неприятностей, так и Ральфу свою жену.

Но довольно об этом; пора перейти к делу.

Нужно вам сказать, что наша ферма в Транскее стояла почти на берегу моря; с крыши дома даже можно было на довольно далекое расстояние видеть океан. Мы часто сидели там и любовались сверкавшими вдали морскими волнами.

Однажды разыгралась сильная буря. Яна не было дома. Когда буря утихла, Ян возвратился домой и рассказал нам, что он сейчас встретил знахарку, которая сообщила ему, что вблизи нас, около устья Умзимвубу, она слышала пушечные выстрелы и видела, как несло бурей к берегу

большой корабль с тремя мачтами и множеством «глаз», то есть пушечных люков, из которых то и дело вылетали молнии.

Устье Умзимвубу было видно с крыши нашего дома, и мы взобрались на нее, чтобы посмотреть, что случилось с кораблем. Сузанна тоже увязалась за нами. Ян поставил свой «роер» около печной трубы, и мы стали смотреть на море. Но сколько мы ни напрягали зрение, ровно ничего не заметили. Корабль или отбросило в море, или он был выброшен на берег далеко от нас.

Пока мы с Яном рассуждали о корабле, Сузанна взяла «роер» и стала проделывать с ним разные штуки, хотя «роер» был очень тяжелый, а ей едва исполнилось семь лет.

Наконец Ян заметил Сузанне:

— Оставь, Сузи, «роер»! Он заряжен — долго ли до беды. Тебе бы следовало родиться мальчиком, а не девочкой, — прибавил Ян со своей добродушной улыбкой, отнимая у расшалившейся девочки опасную игрушку. — Хотелось бы тебе быть мальчиком, а?

— Нет, мальчиком я бы не желала быть, — отвечала наша баловница. — А вот если бы у меня был братец, это было бы очень хорошо.

Она часто слышала, что дети приносятся морем, а потому, помолчав минуту, добавила:

— Ах, если бы море принесло и мне братца!

— А ты молись Богу, море и принесет тебе братца, — сказала я, нисколько не думая о том, что в скором времени выйдет из этих слов.

На другой день утром Сузанна отправилась со своей няней-негритянкой — честной и хорошей женщиной, очень любившей нашу дочь, — к морю собирать раковины. Девочка, все время вертевшаяся на глазах няньки, вдруг пропала. Негритянка сначала подумала, что Сузанна где-нибудь спряталась, и стала искать проказницу, громко зовя ее. Но все поиски и крики оказались напрасными: девочка исчезла. Негритянка, разумеется, страшно испугалась: ей пришло в голову, не упала ли Сузанна в море. Она хотела бежать к морю, но вдруг заметила на песке свежие следы маленьких ног; следы вели в противоположную от моря сторону. Нянька бросилась по этим следам, но они вскоре исчезли в высоком густом тростнике, росшем на обширном пространстве. Видя, что поиски напрасны, бедная женщина прибежала к нам и, захлебываясь от слез, рассказала о случившейся беде.

Ян тотчас же собрал всех кафров, работающих у нас на ферме, и отправился с ними на поиски.

Какие я пережила часы во время отсутствия Яна — об этом знали

только Бог да мое бедное сердце!

Ян возвратился только после заката солнца. Вид у него был такой расстроенный, что я невольно заподозрила самое ужасное и едва могла спросить его:

— Наша девочка... умерла?... Ты нашел ее мертвую?

— Мы совсем не нашли ее, — отвечал он глубоко грустным тоном. — Теперь слишком темно... искать невозможно. Завтра с рассветом снова отправлюсь, а теперь дай мне уснуть... Я страшно устал.

Бедный Ян действительно едва держался на ногах и сейчас же лег. Не знаю, в состоянии ли он был заснуть. А что касается меня, то я, понятно, всю ночь промолилась о спасении нашей дорогой девочки.

С восходом солнца он вышел на двор, где его уже ожидали с оседланными лошадьми кафры, чтобы снова отправиться на поиски. Я вышла проводить его.

Лишь только Ян, простившись со мной, хотел сесть на лошадь, как в отворенные ворота вошла наша Сузи, ведя за руку красивого беловолосого мальчика, который был с виду немного старше ее. Сузи весело улыбалась, хотя сразу было видно, что она очень устала, и платье ее все было измарано и изорвано.

Разумеется, я вскрикнула от радости, обхватила беглянку и чуть не задушила ее поцелуями.

Ян, конечно, был рад не меньше меня, но как мужчина не хотел показать этого, а потому с напускной строгостью спросил нашу милую беглянку:

— Где ты пропадала? Что это за мальчик?

Сузи улыбнулась и, подведя мальчика к Яну, весело проговорила:

— А ты помнишь, отец, мама сказала, что море принесет мне братца, если я хорошенько помолюсь. Я помолилась, и вот море принесло мне брата.

Потом, когда мы немного успокоились, Сузи рассказала нам, как она нашла мальчика.

После нашего разговора на крыше, вечером того же дня, перед тем как лечь спать, Сузи долго молилась и просила Бога дать ей брата. Когда она заснула, то увидала, что находится в ущелье, куда она не раз ходила с нами гулять. Посреди этого ущелья она заметила хорошенького белокурого мальчика, который стоял на коленях и горячо молился, произнося слова молитвы на каком-то неизвестном языке. Проснувшись, она вспомнила свой сон и подумала, что этот сон был указанием, где найти брата, которого она так желала иметь. Она решилась пойти в ущелье и посмотреть, нет ли

там и в самом деле мальчика. Ни нам, ни няньке она ничего не сказала из боязни, что мы не поверим ей и не пустим ее туда. Делая вид, что собирает раковины, она незаметно ушла от няньки и направилась прямо к ущелью... Нужно вам сказать, что ущелье находится довольно далеко от нашей фермы, и я удивляюсь, как наша проказница могла найти туда дорогу! Добравшись до ущелья, густо заросшего кактусами, мимозами и разными деревьями, Сузи заглянула в него и действительно увидела там стоявшего на коленях хорошенького белокурого мальчика, горячо молившегося на неизвестном языке, точь-в-точь как она видела во сне. Сузи подошла к нему и попробовала заговорить с ним; но бедный мальчик, очевидно, не понял ее и ответил ей что-то, чего она тоже не поняла. Он был очень худ, бледен и весь дрожал. Тогда она стала разговаривать с ним знаками и приласкала его. У нее с собой была корзинка с пирожками и фруктами, которые я дала ей на завтрак. Заметив, что мальчик очень голоден, Сузи накормила его. Между тем уже стало смеркаться. В ущелье находилась небольшая пещера. Не решаясь идти домой в темноте с мальчиком, который был очень слаб, Сузи привела его в эту пещеру и уложила спать, а сама всю ночь просидела над ним. Когда взошла луна, Сузи заметила двух больших леопардов, которые долго ходили вокруг пещеры. Бедная девочка, конечно, сильно испугалась. Но, к счастью, кровожадные звери, должно быть, не заметили детей и, побродив вокруг них, куда-то скрылись. Утром, незадолго до восхода солнца, Сузи разбудила мальчика и повела его к себе домой.

Удивляюсь, как это Ян и его провожатые не догадались заглянуть в ущелье, хотя были очень близко от него. Может быть, им трудно было продираться с лошадьми сквозь густые заросли мимоз и колючих растений.

Вот при каких чудесных обстоятельствах Сузи нашла своего будущего мужа.

Мы, конечно, обласкали бедного мальчика, приняли его к себе в дом и стали воспитывать как сына.

II История кораблекрушения. — Тень англичанина.

— Что же нам делать с этим мальчиком, которого Сузи привела в дом? — спросил меня Ян, когда усталые дети улеглись спать, и мы остались вдвоем.

— Как, что делать?! — воскликнула я. — Конечно, оставить его у себя. Он будет сыном, посланным нам Богом.

— Он — англичанин, а я, ты знаешь, ненавижу англичан, — сказал Ян, смотря вниз.

Добрый Ян всегда смотрел вниз, когда желал скрыть от меня свои настоящие мысли.

— Кто бы он ни был, но его послал нам Бог, и если мы оттолкнем его, то сделаем дурное дело и лишимся своего счастья, — возразила я.

— А если за ним явятся его родственники?

— Когда они явятся, тогда мы и обсудим, как быть... Но я не думаю, чтобы кто-нибудь явился: его родственники, наверное, подумают, что и он погиб в море вместе с другими.

Ян ничего не возразил на это. Я знала, что он очень хотел иметь сына и в душе был рад оставить этого мальчика, так чудесно попавшего к нам.

Прежде чем окончательно решить что-нибудь, Ян захотел узнать, кто этот мальчик, и отправился верхом к одному из наших ближайших соседей, до которого было не более двух часов езды, к хееру ван Воорену. Это был самый богатый из буров, и попал он в нашу пустынную сторону после того, как совершил какое-то дурное дело... кажется, в запальчивости убил кого-то из туземцев. Он был всегда молчалив и угрюм. Все чуждались его. Говорили, что его бабушка была инкосикази племени красных кафров; но это было более заметно по его единственному сыну Питу, нежели по нему самому. Об этом сыне прозванном в детстве за его дикость и необузданность «маленьким кафром», а впоследствии — «Черным Питом», я расскажу потом подробнее.

С тех пор как жена ван Воорена умерла, он взял в воспитатели своему сыну одного бедного молодого голландца, который знал по-английски и был сведущ в математике — если я не ошибаюсь в названии науки, с помощью которой все можно высчитывать и измерять. Как-то раз в шутку я спросила его, может ли он сказать, сколько раз обернется колесо нашего

большого фургона, если ехать от нас до Капштадт-Кастла. Он тотчас же с самым серьезным видом смерил колесо, потом нарисовал какие-то фигуры на клочке бумаги, что-то пробормотал над ними и дал мне ответ.

Когда я сказала ему, что он, может быть, соврал, потому что я не в состоянии проверить его, он очень обиделся и принялся с досады действительно врать. Он стал уверять меня, что будто бы при помощи своих фигур может даже вычислить, сколько раз обернется колесо на пути от Земли к Луне или к Солнцу и какое от нас расстояние до этих светил! Чудак! Да ведь это может знать один только Бог, создавший их для нашего удобства. Я так и сказала ему.

Вот Ян и поехал просить этого чудака к нам, чтобы он расспросил нашего маленького гостя, потому что бедняжка ни слова не знал по-нашему.

К обеду Ян возвратился в сопровождении учителя, который был в больших синих очках и приехал на муле, потому что боялся ездить на лошадях.

Когда мальчик проснулся, мы его накормили и представили учителю. Последний сейчас же заговорил с ним на противном английском языке, который я не могу слышать без смеха.

Мальчик, называвший себя Ральфом Кензи, очень обрадовался, когда услышал родной язык, и рассказал, что он ехал с отцом, матерью и многими другими на большом корабле из страны, называемой Индией. Потом я узнала, что Индия — одна из тех стран, которые наворованы англичанами во всех частях света, как, например, Кап и Наталь. Ехали они долго, — Индия очень далеко, — как вдруг поднялась страшная буря и погнала корабль на наш скалистый берег, где корабль и разбился, милях в двухстах от нашего жилища. Удалось спустить только одну лодку, в которую и насело столько людей, что она едва не перевернулась вверх дном. Попали в эту лодку и Ральф с матерью. Отец его отказался сесть с ними, уступив свое место одной женщине с ребенком, хотя капитан упрашивал его спасти себя. Но этот английский лорд — я думала, что он был лорд, и не ошиблась, как оказалось потом, — стоял на своем и говорил, что не желает спасти свою жизнь за чужой счет. Из этого его поступка видно, что он был человек благородный и великодушный. Благословив сына и жену, он остался на корабле, который тут же пошел ко дну, раньше чем успели спустить другую лодку. Так все оставшиеся на нем и погибли, Упокой, Господи, их души!

Недалеко от места, где можно было бы пристать к земле, начала тонуть и лодка. Часть сидевших в ней была выброшена на берег, в том числе и Ральф с матерью, а остальные погибли в волнах.

У одного из спасшихся оказался компас; по указанию этого инструмента все направились на юг, где они надеялись найти какое-нибудь селение.

Ральф был так потрясен, что не мог хорошенько запомнить всего происшедшего. Но, кажется, все мужчины, спасшиеся вместе с ним и его матерью, были перебиты дорогой напавшими на них туземцами, пощадившими только женщин и детей. Одни из этих несчастных умерли от истощения, а другие были разорваны хищными зверями. В живых остались только Ральф и его мать. У них было с собой немного съестных припасов, так что в течение нескольких дней они могли продолжать путь. Когда же все припасы истощились, Ральф однажды утром нашел свою мать тоже мертвой.

Обезумев от ужаса и горя, мальчик бросился бежать, куда глаза глядят. Бежал он до тех пор, пока ноги не отказались служить ему. Увидав вблизи ущелье, он кое-как дотащился до него, надеясь укрыться там от зверей, и стал молиться. В эту минуту и нашла его наша Сузи.

Слушая печальный рассказ мальчика, переводимый учителем, мы все плакали от жалости, даже сам учитель был так взволнован, что едва мог говорить, хотя и старался не показать этого.

Впоследствии мы убедились, что Ральф ничего не солгал. Один из наших кафров вскоре даже набрел на тело матери мальчика и похоронил его. (Удивляюсь, как хищные звери не разорвали тела!) По словам кафра, это была красивая высокая, стройная женщина не старше тридцати лет и очень благородная на вид.

Кафр прибавил, что на ней ничего не было, кроме лохмотьев да двух золотых колец: одного гладкого, а другого с изумрудами. В карманах же ее рваного шелкового платья он нашел небольшую книжку в красном переплете, оказавшуюся Новым Заветом. На заглавном листе этой святой книги была следующая надпись на английском языке: *«Флоре Гордон ко дню первого причастия от ее матери Агнессы Дженни Гордон»*. Под надписью были обозначены год, месяц и число.

Кафр оказался из честных (это большая редкость!). Все найденные вещи он передал нам в целости вместе с прядью белокурых волос, отрезанных им с головы покойницы. Кроме этих вещей, мы сами нашли еще одну.

Раздевая мальчика, чтобы уложить спать, мы заметили у него на груди большой золотой медальон на такой же цепочке. Потом мы узнали, что его мать надела ему это на шею в ночь перед своей смертью. В медальоне оказалось три портрета, нарисованных красками на слоновой кости: один

представлял красивого господина в мундире, другой — красивую даму в белом наряде, а третий — мальчика. На последнем портрете мы сейчас же узнали Ральфа, а господин и дама были его родители.

Ян с помощью своих родственников поставил на могиле матери Ральфа памятник и обвел его каменной оградой. Недавно мы узнали от одного кафра, побывавшего в Старой колонии, что все эти сооружения еще целы и что народ очень уважает эту могилу.

Крушение того корабля, на котором плыл Ральф, наделало много шума. Английское правительство даже прислало другой корабль для осмотра места, где произошло несчастье; но к нам за расспросами никто не являлся. Так англичане ничего толком и не узнали, и мало-помалу все забыли об этой истории, как все забывается на этом свете. Сначала Ральф был точно помешанный. Днем, бывало, сидит целыми часами как истукан и все о чем-то думает, а по ночам с ним делались припадки: вскочит вдруг во сне на постели и начнет плакать и что-то бормотать на своем языке, но таким голосом, что нас дрожь пробирала. Сам он тоже весь дрожит и мечется из стороны в сторону. Но стоило только подойти Сузи, сказать несколько слов и положить ему на лоб руку, он тотчас же успокаивался и опять мирно засыпал. С годами припадки стали у него проходить, а потом, благодарение Богу, и совсем прошли. Но зато он так привязался к Сузи, да и она к нему, что отрадно было глядеть на них. Они думали, чувствовали, говорили и делали одно и то же; манеры у них сделались совершенно одинаковые; даже лицами они стали как будто походить друг на друга, точно были и правда брат с сестрой. В конце концов нам с Яном стало казаться, что у них обоих одна душа, одно сердце, одна мысль и одно чувство.

Я много пожила на свете, немало видела и слышала, однако ни раньше, ни после мне не приходилось не только видеть, но и слышать о такой привязанности, какая существовала у Сузи и Ральфа. Чувство это было неземное; оно и вознесло их обоих в светлую небесную обитель, где, я уверена, они теперь тоже находятся вместе и вкушают вечное блаженство, которое так заслужили на земле.

Ральф рос красивым, здоровым и сильным мальчиком. Он был гибок и строен, несмотря на его широкие плечи, имел стальные мускулы и положительно не знал усталости. При всем том он обладал недюжинным умом и часто давал Яну хорошие советы. Впрочем, это может быть еще и потому, что он был гораздо учнее Яна.

Мы, буры, не особенно уважаем книжное учение, потому что оно немногим приносит настоящую пользу. Умеет бур прочесть слово Божие,

написать нужное письмо, подсчитать счет — и довольно с него в нашей простой рабочей жизни. Но Ральф был не нашей крови, хотя мы и смотрели на него как на родного сына, а потому я и Ян решили дать ему лучшее образование, на которое он имел право по своему уму и рождению.

Как-то раз — Ральф был у нас уже два года — учитель, живший у хеера ван Воорена, приехал к нам и объявил, что он ушел от ван Воорена. Мы предложили ему остаться у нас для занятий с Ральфом и Сузи. Он согласился и прожил с нами шесть лет. Дети за это время многому научились у него, насколько я могла судить. Они научились читать, писать, арифметике, истории, географии, английскому языку и еще каким-то мудреным наукам, названия которых не помню. Понимать и говорить по-английски Сузи научилась еще у Ральфа, который, в свою очередь, выучился у нее по-голландски, а учитель научил их английской грамматике. Я только не позволяла открывать им тайны неба, как он хотел было, чтобы они не могли измерять расстояний от земли до небесных светил простым колесом: это мне казалось богохульством и волшебством, вроде постройки вавилонской башни или тех проделок, которых я насмотрелась у знахарки Сигамбы и других колдунов.

После шестилетнего пребывания в нашем доме учитель вдруг ушел от нас, женился на одной богатой вдове, которая была гораздо старше его, и зажил припеваючи. Я была очень рада, когда он оставил нас. Сама не знаю, почему у меня не лежало к нему сердце; дурного он мне ничего не сделал. Может быть, главным образом, за его умение измерять колесом расстояние от земли до неба — право, не умею сказать. Во всяком случае, — повторяю, — я с удовольствием рассталась с ним.

* * *

Теперь я сразу перейду к тому времени, когда Ральфу исполнилось девятнадцать лет и он казался уже настоящим мужчиной, хотя и не имел еще бороды. Вообще в нашей стране дети рано мужают, если не умом, то хоть телом.

Со стыдом и раскаянием я вспоминаю это время, потому что тогда мы с Яном совершили непростительный грех, за который впоследствии так тяжело были наказаны.

Дело в том, что глубокой осенью этого несчастного года Ян

отправился за пятьдесят миль в одно местечко, где был назначен нахтмаал, чтобы исполнить христианский долг и вместе с тем продать шкуры, шерсть и все, что было приготовлено к этому времени.

Возвратился он домой бледный и расстроенный.

— Знать, ничего не продал, Ян? — спросила я, когда мы поздоровались.

— Все продал, — угрюмо отвечал он.

— Значит, кафры опять бунтуют?

— Нет, они пока спокойны, хотя проклятые англичане всячески стараются настроить их против нас.

— Так в чем же дело? — приставала я. — По твоему лицу вижу, что случилось что-то дурное.

— Эх, не хотелось бы и говорить, жена! — со стоном вырвалось у него из груди. — Но и скрыть нельзя... Видишь ли, в чем дело. Я встретил человека из Порт-Элизабет, и он рассказал мне, что у них там недавно были два англичанина — шотландский лорд и какой-то знаменитый законовед. Эти люди разыскивают одного мальчика, лет десять тому назад потерпевшего кораблекрушение. Они слышали, что мальчик живет у буров в Транскее. Мальчик этот, понимаешь, наследник громадного состояния и многих важных титулов. Вот его и разыскивают для того, чтобы передать ему все это по закону... Ты, конечно, догадываешься, кто этот мальчик?

Как было мне не догадаться! Я сразу поняла это, но была так убита сообщением Яна, что не могла произнести ни слова, а только молча кивнула головой.

Как только ко мне возвратился дар речи, я горячо сказала мужу:

— Если придут за ним, мы не отдадим его, потому что он нам больше чем сын! Да и Сузи...

— Мы не имеем права делать этого, жена, — грустно перебил меня Ян, — по рождению он нам все-таки чужой.

— Но он сам не захочет уйти от нас, и...

— И это ничего не значит: он несовершеннолетний по английским законам, и его могут увести силой. В Англии совершеннолетие считается с двадцати одного года, а Ральфу еще только девятнадцать.

— Скрой его, Ян, спрячь, ради Бога, если не хочешь, чтобы мы все умерли с горя! — умоляла я, обняв мужа. — Отправляйся скорее с ним провожать наше стадо на зимовку и предоставь мне одной вести переговоры с этими англичанами, если они пожалуют сюда. Я уж сумею отбить у них всякую охоту шнырять по фермам честных буров и отыскивать чего не следует.

— Не искушай меня, жена! — проговорил Ян. — Не заставляй меня брать греха на душу... Расскажем все Ральфу, и пусть он сам решит, как хочет. По нашим законам он уже совершеннолетний и имеет право лично распоряжаться своей судьбой... Где он сейчас?

— В краале, выбирает быков под ярмо.

— Ну хорошо, подождем, когда он вернется оттуда.

Настаивать дольше было невозможно. Я знала характер Яна, да и сама чувствовала, что он прав. Я затаила в себе горе и стала придумывать способ удержать Ральфа у нас, несмотря на глупые законы его страны, которые признают мужчину совершеннолетним только по достижении двадцати одного года, а до тех пор любой может распоряжаться им, как вещью.

Я пошла к Сузи. Цветущая и сияющая, она сидела за столом и варила кофе. Ей почти исполнилось восемнадцать лет, и она была так хороша, что трудно описать: нежная, точно воздушная, беленькая, с розовыми щечками, большими голубыми глазами, пепельными волосами и крохотным ротиком, одним словом — прелесть! Я говорю так не потому, что она мне дочь, а потому, что это была истинная правда — все считали так.

Я спросила, для кого она готовит кофе.

— Конечно, для Ральфа, — ответила она. — Ведь ты знаешь, мама, что он особенно любит кофе, сваренный мною.

Я знала, что, напротив, он любит больше то, что я ему готовила, потому что Сузи — царство ей небесное! — особенными способностями по хозяйству не отличалась, но промолчала, чтобы не огорчать дорогую девочку.

— Ах, мама, — продолжала она, — представь себе: Черный Пит опять был здесь, привез мне громадный букет цветов, наговорил разного вздора и приставал, чтобы я устроила с ним посиделки!

— Ну и что же ты ответила, дочка? — спросила я, хотя наперед знала, что она скажет.

— Конечно, я сказала, что никаких посиделок устраивать с ним не буду! — воскликнула она, вся покрасневшись. — Какой он противный, мама! Мне кажется, он стал еще хуже с тех пор, как умер его отец... И не только противный, а прямо-таки злой, очень злой... Как он глядел на меня, если бы ты видела?... Я просто боюсь его!

Поговорив немного о Пите, я незаметно свела разговор на Ральфа и намекнула, что он, как птичка, залетевшая в чужое гнездо, может быть вынут из него кем-нибудь.

Суть моих намеков Сузи поняла скорее сердцем, чем разумом. Бедная девочка страшно изменилась в лице, и я испугалась, что она лишится

чувств. Но, несмотря на свою кажущуюся хрупкость, наша дочь могла вынести многое и не так легко падала в обморок, как большая часть нынешних девушек, которые с виду гораздо крепче ее.

Она скоро оправилась и стала расспрашивать меня, что я знаю насчет Ральфа. Конечно, я отвечала ей уклончиво и просила только передать Ральфу, чтобы он, после того как управится здесь, отправился в горы поохотиться на лосей, потому что у нас вышла вся дичь.

— А мне можно будет сопровождать его? — спросила она.

— Конечно, можно, — поспешила ответить я. — Ведь это будет не первая ваша прогулка. С Ральфом тебе бояться нечего. Это не Пит, — прибавила я смеясь.

Сузи отлично ездила верхом и часто бывала на охоте с отцом или Ральфом, хотя всегда плакала, когда в ее присутствии убивали каких-либо животных. Вообще наша девочка была так мягкосердечна, что не могла равнодушно видеть страдания живых существ. Она жалела даже язычников-кафров и никак не хотела понять, что животные и кафры созданы Богом исключительно для нашей потребности. Но зато она хорошо поняла, что страданий на земле гораздо больше, чем радостей, и потому часто присутствовала на охоте, чтобы, как она сама говорила, привыкнуть к ним.

Случилось так, что охота завела Ральфа и Сузи в то самое ущелье, в котором они в первый раз увидели друг друга десять лет тому назад.

После Ральф говорил мне, что при виде этого места он вдруг почувствовал, будто вступает в новую жизнь и любит Сузи уже не как сестру, а как женщину, дороже которой для него нет никого в мире.

III Объяснение. — Ссора и примирение.

Я столько раз слышала, каким образом произошло у Сузи с Ральфом объяснение, что могу повторить его почти слово в слово.

Вышло это вот как. Погоня за лосем завела их в знакомое ущелье, и Ральф убил животное как раз около того места, где они встретились десять лет тому назад.

В ущелье был большой камень, на который молодые люди и уселись, чтобы отдохнуть.

Сузи, по обыкновению, плакала, жалея убитого лося; Ральф утешал ее, доказывая ей печальную необходимость для людей убивать даже таких животных, которые не причиняют им никакого зла. Наша девочка сидела вся облитая солнечным светом; слезы медленно катились по ее лицу, как роса по цветку. Так рассказывал мне потом Ральф, которому она в эту минуту, по его словам, показалась ангелом, оплакивающим грехи людей. Тут только он понял, как она ему дорога и как горячо он любит ее.

Долго он смотрел на нее молча и, когда она немного успокоилась, вдруг окликнул ее:

— Сузи! — проговорил он таким голосом, что она невольно вздрогнула и, повернув к нему свое удивленное личико, спросила:

— Что такое? Зачем ты так кричишь? Ведь я тут.

Но у Ральфа было так много слов на языке, что они мешали друг другу, и он мог только повторить еще более странным голосом:

— Сузи!

Она улыбнулась и сказала:

— Ральф, ты точно наша голубая сойка, которая заучила одно слово и целый день твердит его.

— Да, — отвечал он, собравшись немного с духом, — я действительно, как сойка, только и знаю одно слово «Сузи» и вечно готов твердить его... Впрочем, нет, я знаю еще три слова: «Сузи, я люблю тебя!»

Она снова улыбнулась и весело проговорила:

— Я давно знаю, что ты любишь меня, милый Ральф, как сестру. Я тоже...

— Нет, Сузи, не так!...

Она вздрогнула и, с недоумением взглянув на него, тихо прошептала:

— Как... не так? Разве ты уже не считаешь меня своей сестрой?

— Нет, Сузи, нет! — горячо возразил он. — Ты мне не сестра, и я тебе

не брат.

— Это для меня очень грустно, Ральф... Я так привыкла думать, что ты... что мы брат и сестра,

— И я так думал до сих пор, Сузи. Но теперь... теперь я понял, что я люблю тебя не как сестру, а как... женщину, как жених свою невесту... О Сузи, Сузи! Скажи мне, любишь ли ты... можешь ли ты любить меня как жениха? Как будущего мужа? Согласна ли ты стать моей женой?

Он поднялся и, весь дрожа, со страхом ожидал ответа. Она закрыла лицо руками и несколько минут просидела неподвижно. Когда она опустила руки, Ральф заметил, что глаза ее сияют как звезды и все лицо покрыто румянцем смущения от счастья и радости.

— О, Ральф! — проговорила наконец она таким глубоким и мягким голосом, какого он раньше никогда не слышал у нее. — Это так... ново для меня, а между тем кажется мне таким же старым, как мир. Ты спрашиваешь, согласна ли я стать твоей женой. О, мой милый, дорогой, конечно — да! Раньше я тоже не признавала, а теперь и я чувствую, что люблю тебя уже не как брата... Нет, нет, подожди, не целуй меня! — прибавила она, когда молодой человек хотел было заключить ее в свои объятия. — Выслушай меня, а потом можешь поцеловать, и, быть может, поцелуй этот будет... прощальный.

— Прощальный! — повторил Ральф, побледнев от испуга. — Что ты говоришь, Сузи? Мы хотим стать мужем и женой, то есть соединиться навеки, а ты толкуешь о прощании! Разве ты боишься, что твои родители...

— О нет, Ральф, они любят тебя не меньше, чем меня. Дело не в этом...

— Но в чем же, Сузи? Ради Бога, не мучай меня, говори скорее!

— Видишь ли, Ральф: я только сегодня узнала от мамы, что ты англичанин и что твои богатые родственники могут явиться и взять тебя от нас... Я не знаю, почему она сказала это, но слова ее очень огорчили меня

— Только это, Сузи! — воскликнул он, вздохнув с облегчением. — Ну, так клянусь тебе Богом, что если за мной действительно явятся мои родственники и предложат мне хоть целое королевство с тем, чтобы я оставил тебя, — я откажусь и от них, и от королевства. Слышишь, Сузи?... Пусть Господь накажет меня, если я изменю этой клятве!

— Ты еще слишком молод, Ральф, и все клятвы в твои лета...

— Я не из таких, Сузи, чтобы давать необдуманные клятвы! — горячо перебил Ральф. — Поверь, я никогда не изменю ей.

Она взглянула на него и увидела по его лицу, что он действительно способен на это.

— Я верю тебе, мой Ральф, — просто сказала она.

— Спасибо, моя Сузи! Значит, теперь можно поцеловать тебя?

— Да, Ральф, и пусть этот поцелуй скрепит наш союз на всю жизнь.

Они обнялись и крепко поцеловались поцелуем жениха и невесты, потом опустились на колени и обратились с горячей молитвой к Богу, чтобы Он благословил их союз.

Как только они возвратились домой, я сразу по их лицам поняла, что между ними произошло что-то особенное.

После ужина, который, против обыкновения, прошел на этот раз в полном молчании, Ян все время порывался что-то сказать, но, очевидно, не мог и только изо всех сил дымил своей длинной трубкой и обжигался горячим кофе.

Ральф тоже сидел сам не свой и, видимо, боролся со словами, которые никак не хотели сойти у него с языка, хотя он всячески старался выпустить их на свет Божий. Я видела, как Сузи несколько раз пожимала ему украдкой под столом руку, желая ободрить его.

Смотрела, смотрела я на этих чудаков, да вдруг расхохоталась и сказала:

— Все вы точно костры из сырого хвороста: как ни пыжитесь — все не можете разгореться. А интересно будет посмотреть, кто из вас раньше всех вспыхнет.

Эти слова, а в особенности смех, задели самолюбие мужчин; я давно знала, что они не любят насмешек над собой со стороны женщин.

— Мне нужно сказать кое-что, — разом проговорили Ян и Ральф и остановились, с беспокойством глядя друг на друга.

— Дай же мне говорить, — добавил Ян. — Зачем ты мне мешал? Успеешь сам сказать и потом.

— Извини, отец, это случилось нечаянно. Я вовсе не хотел мешать тебе, — ответил Ральф.

Я поняла, что он опасается со стороны Яна выговора за Сузи, хотя мой старик (тогда он, впрочем, вовсе еще не был стариком) ровно ничего не знал из того, что угадала я своим материнским чутьем.

— Извинение принимаю, хотя я тебе не отец, — отрезал Ян, стараясь не смотреть на Ральфа.

— Я называю вас отцом по привычке, — проговорил молодой человек, изменившись в лице. — Если вам это теперь не нравится, то я...

— Мне-то нравится, — перебил грустно Ян, — но... видишь ли, в чем дело, мальчик: я и мать в большом горе... Мы, то есть, они...

Бедный Ян спутался, замолчал и снова принялся усиленно сосать

трубку. Ральф сидел молча, ожидая, что будет дальше.

— Ральф, — немного погодя опять заговорил Ян, — они хотят отнять тебя у нас!

— Кто они? — с недоумением спросил Ральф.

— Да эти проклятые англичане, черт бы их побрал!

— Англичане! — вскричал Ральф. — Зачем же я понадобился им?

Выпустив целое облако дыма, Ян продолжал:

— Ральф, ты знаешь, каким путем ты попал к нам и как стал нам дорог. Мы думали, что все твои родственники погибли, когда разбился корабль, на котором ты плыл, и что о тебе совершенно забыли; но оказывается, что мы ошиблись... В соседнем селении, куда я ездил на нахтмаал, видели двух шотландцев... Они разыскивают мальчика твоих лет, чье имя Ральф, чтобы передать ему важные титулы и большие имения... Эти шотландцы каким-то путем узнали, что разыскиваемый ими мальчик находится в Транскее у буров... На днях они, наверное, придут сюда и возьмут тебя.

— Вот оно что! — проговорил Ральф. — Ну что ж, пусть приезжают... С чем приедут, с тем и уедут.

— А ты разве не последуешь за ними? — пытливо спросил Ян.

— Я? — вскричал Ральф. — Ни за что! Клянусь Богом!... Может быть, по рождению я и англичанин, но я вырос здесь, среди буров, и сам навсегда останусь буром. Мои родители умерли, а до остальных родственников мне дела нет. Никакие титулы и никакое богатство меня не прельщают. Все, что мне дорого, находится здесь, в Транскее.

При последних словах он взглянул на Сузи, которая до сих пор сидела бледная и дрожащая, а теперь расцвела, как роза, и смотрела на него счастливыми глазами.

— Ты говоришь как мальчик и совсем не знаешь жизни, — пробурчал Ян, стараясь казаться серьезным, чтобы скрыть свою радость. — Но я человек уже пожилой, выдавший виды, и должен тебе сказать, что быть лордом у англичан очень недурно, хотя они и скверный народ... Я знаю, как живет английский лорд. Когда мне довелось побывать в Капштадте, я видел тамошнего губернатора, настоящего лорда. Он сидел на лошади, которой, как говорили, цены нет, и был одет, как сказочный принц, весь в золоте. Все встречные снимали перед ним шляпы. При взгляде на него я невольно подумал, что хорошо, должно быть, живет на свете этим лордам... Вот и ты будешь таким же... Не забудь только совсем о нас, когда будешь знатным и богатым лордом... мы тебе, кажется, не сделали ничего дурного... Не смотри на меня такими глазами... Ты должен идти с этими

шотландцами и пойдешь... то есть, я хотел сказать, поедешь. Я тебе отдам на память свою серую в яблоках лошадь и черную поярковую шляпу, которую только что купил на нахтмаале... Ну, слава Богу, теперь я все высказал... легче стало на душе... Фу-у!... Ишь, ведь, как я тут накурил... пойду немного проветрюсь... Ну, не дай Бог теперь этим шотландцам попасться мне под руку... не миновать им моих кулаков!

О, эти шотландцы! Если Ян готовился попотчевать их кулаками, то и я не прочь была бы угостить их чем-нибудь таким, чего бы они долго не забыли. Однако мысль о том, что мы скоро можем лишиться, и, быть может, навсегда, нашего дорогого мальчика, приводила меня в полное отчаяние. А что касается Сузи, то бедная девочка плакала навзрыд.

— погоди, отец! — твердым и ясным голосом проговорил Ральф, видя, что Ян встал и собирается уходить. — Ты кончил, а теперь начну я.

— Говори! — коротко сказал Ян, со вздохом снова опускаясь на свое место и принимаясь яростно сосать потухшую трубку.

— Я хотел сказать, — начал Ральф, — что если вы отдадите... вернете, прогоните меня, то потеряете гораздо больше, чем выиграете.

Ян в недоумении вытаращил глаза на Ральфа, но я улыбалась, зная наперед, что тот скажет дальше.

— Что же я потеряю, — произнес Ян, — свою лучшую лошадь и новую шляпу? Так это не важно!... Может быть, тебе мало, и ты желаешь получить еще что-нибудь?... Например, полную запряжку черных волов?... Что ж, я согласен, возьми и их. Пусть в Англии посмотрят, какой у нас скот.

— Нет, — холодно отвечал Ральф, — мне нужна ваша дочь, а не волы. Если вы прогоните меня, то и она пойдет со мною, слышите?

Сузи вскрикнула и схватилась за сердце, а я опять засмеялась, глядя на растерянное лицо Яна. Мой смех в конце концов вывел его из себя, и Ян сердито крикнул мне:

— Что ты все хохочешь, глупая женщина? Говорят о таких серьезных вещах, а она знай себе хохочет! Слышишь, что сказал этот молокосос!

— Слышу, слышу и странного в этом ничего не вижу, — отвечала я.

— Как ничего не видишь странного?! — вскричал окончательно выведенный из себя Ян. — Да что вы сегодня, сговорились взбесить меня или все с ума сошли?

— Нет, нет, Ян, погоди, сейчас все объяснится, — успокоила я мужа. — Сузи, — обратилась я к дочери, — что ты скажешь на все это?

— Я? — воскликнула моя девочка. — А вот что. Если я должна исполнить свою обязанность по отношению к моим родителям, то не могу нарушить и ту, которую Небо возложило на меня относительно Ральфа,

моего богоданного жениха, принесенного морем. Поэтому, если вы отдадите Ральфа, я последую за ним, как только буду совершеннолетняя, чтобы выйти за него замуж... Если же вы будете удерживать меня, то я умру, потому что жить без него не могу... Вот все, что я хотела сказать.

— И этого совершенно достаточно, — заметила я, в душе довольная смелостью нашей девочки.

— Вот оно что! — пробурчал Ян, сурово глядя то на Ральфа, то на Сузи. — А я-то до сих пор думал, что вы только брат и сестра!... Скажи-ка мне, гадкая девчонка, — обратился он к Сузи, — как осмелилась ты обещать свою руку без моего позволения?

— Я не успела еще просить у тебя этого позволения, отец: мы только сегодня объяснились с Ральфом, — отвечала Сузи.

— И из-за этой скороспелой любви ты готова покинуть отца и мать и бежать на край света с этим молокососом? — крикнул Ян.

— Что же делать, если ты гонишь его, а я не могу без него жить? — возразила Сузи.

— Не лги, дерзкая девчонка! — продолжал, еще более горячась, Ян. — Ты хорошо знаешь, что я вовсе не хочу прогонять Ральфа.

— Зачем же, в таком случае, ты отдаешь ему свою лучшую лошадь и новую шляпу?

— Зачем?... Затем, что не пешком же он пойдет за своими проклятыми англичанами. Только еще этого не хватало, чтобы сказали, что Ян Ботмар пожалел дать... Я желаю ему добра и...

— И гонишь его, когда хорошо знаешь, как я... как мы все любим его и как тяжело нам будет расстаться с ним! — перебила Сузи и, опустив голову на руки, судорожно зарыдала.

— Не плачь, Сузи, — взволнованным голосом проговорил Ральф. — Слушайте! — торжественно обратился он ко мне и к Яну. — Сузи и я любим друг друга, любим уже давно, с того самого дня, когда она нашла меня, хотя до сих пор и не сознавали этого... Разлучить нас не может никто... Я знаю, что я бедный найденыш, у которого нет ни кола ни двора... Вы, наверное, находите, что я плохая партия для вашей дочери, которая, помимо красоты, получит все ваше состояние, когда Богу угодно будет призвать вас к Себе. Против этого я ничего не могу возразить, как мне ни горько это... Но вы говорите, что у меня много земель и богатства в Англии, и гони... уговариваете меня ехать туда, чтобы получить это богатство. Хорошо, я поеду. Но клянусь Богом, что, получив его, я возвращусь опять сюда, женюсь на Сузи и увезу ее от вас. Теперь выбирайте одно из двух: или оставьте меня здесь и благословите наш союз

с Сузи, или, прогнав меня, ждите моего возвращения за Сузи.

— Сузи, Сузи! Только и слышишь от тебя, Ральф, о Сузи. Значит, я и отец уж ровно ничего теперь не значим для тебя? — воскликнула я, тоже начиная волноваться.

— Раньше и вы были для меня одинаково дороги, но теперь вы меня гоните, значит, мне остается только...

— погоди! — перебила я Ральфа. — Я хотела сначала узнать ваши мысли, прежде чем высказать свои. Теперь я узнала, что мне нужно, и прошу выслушать мое мнение. Ты, Ян, — извини меня, — очень глуп, если воображаешь, что для мужчин нет ничего дороже титулов и богатства, и ради этого отталкиваешь от себя Ральфа, который в этом нисколько не нуждается и сам лично не желает уходить из нашего дома... А ты, Ральф, еще глупее, если думаешь, что твой воспитатель, Ян Ботмар, гонит тебя по своей охоте, тогда как он делает это только из-за того, что желает тебе добра и не жалеет даже своего собственного сердца... Ты же, Сузи, и совсем дурочка, потому что, ничего еще не видя, кидаешься на всех, как кошка, у которой хотят отнять ее первых котят... Впрочем, это неудивительно: влюбленные девочки все такие!... Теперь я спрошу тебя, Ян: действительно ли ты желаешь отдать Ральфа тем шотландцам, о которых ты говорил и не хочешь, чтобы он по-прежнему оставался у нас и сделался мужем Сузи?

— Господи! — с отчаянием вскричал Ян. — Как ты можешь спрашивать меня об этом, жена? Разве ты не знаешь, что потерять Ральфа для меня то же самое, что лишиться правой руки?... Я хотел бы, чтобы он навсегда остался с нами и взял бы все, что у нас есть, не исключая и Сузи. Но как это сделать — я не придумаю.

— Очень просто: Ральф останется с нами и женится на Сузи, и их счастье будет нашим счастьем.

— А как же нам быть с шотландцами, которые приедут за ним? — спросил Ян, начиная сдаваться.

— Предоставь мне видеться с ними, а ты и Ральф отправляйтесь завтра со скотом на зимнюю стоянку.

— Хорошо, — весело сказал Ян, — я согласен. Ты это отлично придумала, жена. Богу известно, как трудно было бы мне расстаться с Ральфом; я думаю, труднее, чем самой Сузи, потому что у молодых людей горе проходит, а старых оно сводит в могилу... Ну, дети, подойдите ко мне, я благословлю вас.

Да благословит вас Господь Бог, как благословляю я... Вы оба одинаково мне милы и дороги... Пошли вам Господь долгую, безмятежную

и счастливую жизнь!

После этих слов он крепко обнял и поцеловал счастливую парочку.

Я плакала от умиления и потом, в свою очередь, благословила дорогих детей.

IV Прибытие англичан. — Грех фроу Ботмар. — Подвиг Сузи.

Через три дня после того как Ян и Ральф отправились со скотом на зимнее пастбище, прибыли шотландцы в сопровождении переводчика и нескольких кафров в качестве проводников. По первому взгляду я догадалась, кто из прибывших лорд, а кто — законовед. Один из них был высокий красивый мужчина с благородным лицом, очень похожим на лицо Ральфа, а другой — противный, приземистый, рыжий, с громадными очками на носу и весь в веснушках. Первый действительно оказался лордом, а второй — адвокатом.

Я вежливо пригласила их в нашу лучшую комнату, приказала подать закуску и велела Сузи сварить кофе.

Лорд и законовед долго шаркали перед нами ногами по полу и несли что-то на своем отвратительном языке, который я, благодарение Богу, до сих пор не понимаю. Сузи понимала их, но как умная девочка не показывала вида. Переводчик пересказывал нам все, что говорили англичане, а им — что говорили мы.

Гости объявили, что приехали по очень важному делу, но я ответила, что у нас, у буров, не принято говорить о делах, пока мы не выполним долга гостеприимства.

Лорд все время не сводил глаз с Сузи, поднял платок, который она уронила, и вообще любезничал с ней так, точно она была какой-нибудь леди. А что касается законоведа (право, я готова была разорвать его на куски — до того он был мне противен), то он все ерзал в кресле и, точно кошка, обнюхивал воздух, кидая на меня самые ядовитые взгляды. Должно быть, он смекнул, что я его враг и что ему не сладить со мной, несмотря на все его крючкотворство. Я сидела совершенно спокойная внешне, хотя в душе у меня кипела буря. Во время закуски и кофе я заметила, что лорд ест и пьет точь-в-точь как Ральф. Это еще больше утвердило мою уверенность, что они близкие родственники.

Когда было убрано со стола, я велела Сузи идти спать (было уже довольно поздно). Она исполнила это очень неохотно, так как знала, зачем приехали гости, и желала бы участвовать в нашей беседе.

После ее ухода я села так, чтобы свечи освещали не мое лицо, а лица гостей; это необходимая предосторожность для людей, собравшихся лгать и

вместе с тем читать на лицах тех, кому они будут лгать, какое на них производит впечатление вранье.

— Теперь я к вашим услугам, господа, — сказала я, когда мы уселись.

Разговор, конечно, велся через переводчика.

— Вы госпожа Ботмар? — спросил законовед.

Я молча поклонилась.

— А где ваш муж, Ян Ботмар?

— Где-нибудь в поле, но где именно — не знаю.

— Когда же он вернется?

— Месяца через два, а то и через три.

Законовед, потолковав на своем языке с лордом, продолжал:

— Не живет ли у вас в доме молодой англичанин по имени Ральф Макензи?

— У нас живет Ральф Кензи, а не Макензи.

— А где он?

— С мужем в поле.

— Вы можете послать отыскать его?

— Нет, поле слишком велико. Если вы желаете видеть его, то вам придется подождать, пока он сам возвратится.

— А когда он вернется?

— Я уже сказала, что месяца через два или три.

Гости опять принялись совещаться на противном английском языке, затем последовал новый вопрос рыжего очконосца:

— Был ли Ральф Макензи, или Кензи, на корабле «Индия», который потерпел крушение в тысяча восемьсот двадцать четвертом году?

— Господи! — воскликнула я, начиная выходить из терпения. — Разве я какая-нибудь несчастная кафрянка, которую обвинили в краже и допрашивают как на суде? Говорите сразу, что вам от меня нужно?

Адвокат пожал плечами и достал из своего портфеля бумагу, которую переводчик и прочитал мне. В этой бумаге были написаны имена всех пассажиров, плывших на погибшем у наших берегов в тысяча восемьсот двадцать четвертом году корабле «Индия», севших на него в далеком городе, который, насколько помню, кажется, называется Бомбеем. Между этими пассажирами значились лорд и леди Глентирк с сыном, почтенным Ральфом Макензи, девяти лет. (Странные эти англичане: девятилетнего ребенка уже величают «почтенным»!) Затем следовали показания двух пассажиров, оставшихся в живых после крушения и утверждавших, что они видели, как леди Глентирк и ее сын благополучно достигли берега на лодке, которая была спущена с разбитого корабля.

Потом мне еще прочитали вырезку из одной английской газеты, издающейся в Капштадте. Это была небольшая заметка под заглавием: «Странная морская история», напечатанная года два назад. В этой заметке рассказывалось, только с некоторыми неточностями, о спасении Ральфа от кораблекрушения и от смерти в пустыне и говорилось, что он до сих пор живет в Транскее, на ферме бура Яна Ботмара.

Я думаю, что эта заметка была написана нашим бывшим учителем; больше некому было сделать это.

Когда чтение закончилось, законовед сказал, что в Англии уверены, что лорд Глентирк утонул в море (как оно и было на самом деле), а его жена и сын погибли вместе с другими пассажирами у самого берега, до которого хотели добраться в лодке. Так, по крайней мере, донесли те, которые были посланы английским правительством в нашу страну для наведения справок. Вследствие этого все владения и титулы лорда Глентирка перешли к его младшему брату, который и пользовался ими целых восемь лет, то есть до самой своей смерти. Но за год до нее кто-то прислал ему «Странную морскую историю», и он очень расстроился, хотя и был уверен, что это простая выдумка, каких, говорят, немало бывает в газетах. Сначала он хотел было разузнать, нет ли и в самом деле доли правды в этой истории, но затем оставил это намерение, вероятно потому, что ему мало было бы пользы от этого. Когда же у него открылась под ногами могила и ему более не нужны были его титулы, земли и богатства, он сознался во всем своему сыну и адвокату, которые теперь сидели со мной, и поручил им узнать правду насчет его племянника Ральфа, и если он найдется, то восстановить все его права.

Насколько я могла понять, слушая, что говорил мне законовед, и догадываясь о том, чего он не говорил, нахожу, что умерший лорд напрасно доверился ему и сыну в этом деле, так как они оба были сильно заинтересованы в том, чтобы Ральф не нашелся, хотя молодой лорд и был, по-видимому, вполне честным человеком. Разбирая потом в своих мыслях все это дело, я решила, что старый лорд, отец того, который был у меня с адвокатом, сам отлично понимал это и поручил им расследование только для того, чтобы успокоить свою совесть, в полной уверенности, что сын его от этого ничего не потеряет. Законовед даже намекнул, что его покойный доверитель назначил ему в своем завещании десять тысяч фунтов стерлингов в награду за долголетнее ведение его дела; а если бы отыскался Ральф, то последний мог бы и не согласиться на выдачу такой большой суммы, и законовед потерял бы ее. Вот почему я отделалась от этих людей гораздо легче, чем ожидала.

Но я слишком отдалилась в сторону.

Рассказав мне все, что находил нужным, законовед уставил на меня свои очки и спросил:

— Уверены ли вы, что молодой англичанин, живущий у вас в доме, не тот, которого мы ищем, и можете ли вы доказать это?

Я с минуту помедлила с ответом, и в эту минуту передумала и перечувствовала больше, чем за целый год. Не было никакого сомнения, что наш Ральф был именно тот, кого они искали, и от моего ответа зависела вся его судьба. Но я уже решилась врать до конца (это была единственная ложь за всю мою жизнь, да простит мне ее милостивый Творец!) и потому ответила:

— Да, я уверена, что это не тот, хотя для его пользы и желала бы, чтобы он был тем, кого вы ищите. Я могу доказать вам, что это другой.

Я помню, что когда эта страшная ложь сорвалась с моего языка, у меня вдруг сделалась какая-то пустота в голове, и среди этой пустоты я услышала громкий смех, раздавшийся где-то в воздухе, как бы над крышей нашего дома.

Однако я скоро оправилась и окинула внимательным взглядом сидящих против меня допросчиков. Мне не трудно было заметить, что мои слова успокоили и обрадовали их, особенно адвоката. Один переводчик, как человек совершенно посторонний, оставался вполне равнодушным: и в том и в другом случае он ничего не выигрывал и не проигрывал.

— Мы ждем ваших доказательств, госпожа Ботмар, — вежливо напомнил законовед.

— Сейчас представлю их, — проговорила я. — Вы, кажется, сказали, что крушение корабля «Индия» произошло в тысяча восемьсот двадцать четвертом году?

— Да, — отвечал законовед.

— Так... А вы, быть может, слышали, что в следующем году у наших берегов потерпел крушение корабль «Флора» и несколько из его пассажиров спаслись?

— Да, мы читали об этом в английских газетах и слышали недавно в Капштадте, когда были там.

— Хорошо. Так смотрите же...

Я встала, подошла к шкафу и достала оттуда нашу семейную библию, принадлежавшую еще моему деду. В начале этой книги находились чистые листы, на которых были записаны все важные события, произошедшие в нашем семействе.

— Читайте, — сказала я переводчику, указывая на одну запись,

сделанную крупным почерком моего мужа, и он прочел следующее:

— Двенадцатого сентября тысяча восемьсот двадцать пятого года (числа были написаны прописью) наша маленькая дочь Сузанна в одном из ущелий береговых скал нашла умирающего с голоду английского мальчика, потерпевшего кораблекрушение и выкинутого на берег морем. Мы взяли его к себе как Божий дар. Он объявил нам, что его зовут Ральфом Кензи.

— Видите числа? — спросила я, когда переводчик окончил чтение.

— Да, — задумчиво отвечал законовед, — ваш мальчик попал к вам в тысяча восемьсот двадцать пятом году, а мы ищем того, который потерпел крушение в тысяча восемьсот двадцать четвертом году... Притом и названия кораблей разные.

— В том-то и дело! — воскликнула я, умолчав, однако, о том, что запись была сделана Яном чуть ли не год спустя после того, как Ральф попал в наш дом, и что, делая запись, Ян ошибся годом. Я тогда же указала ему на эту ошибку и советовала исправить ее, но он сказал, что это не важно и что из-за этого не стоит марать книгу. Так запись и осталась неисправленной, а ошибка Яна поддержала мою ложь. — Но это еще не все, — продолжала я. — Вы говорите, что родители мальчика, которого вы разыскиваете, были люди благородного происхождения, но я видела тело матери Ральфа Кензи и могу уверить вас, что она вовсе не походила на благородную леди: она была одета в грубое платье, имела обыкновенное лицо, как у простолюдинок, и большие мозолистые руки, привыкшие к черной работе. На одном из пальцев ее правой руки я нашла вот это кольцо. (Я вынула из комода и показала простое серебряное кольцо, купленное мною как-то раз у разносчика для подарка горничной.) Отец нашего мальчика, — продолжала я, — тоже не мог быть лордом, если только в вашей стране лорды не имеют обыкновения сами пасти своих овец (при этих словах лорд и адвокат улыбнулись). Ральф говорил, что отец его на родине был пастухом большого стада овец. Получив от кого-то небольшое наследство, он отправился искать счастья в одну из дальних английских колоний... Вот все, что я знаю о мальчике, которого мы из милости приняли к себе в дом. Очень жалею, что он не тот, кого вы ищете.

Когда переводчик передал мои последние слова, сказанные мной совершенно спокойно, молодой лорд встал, потянулся и весело проговорил:

— Ну вот и конец этому тяжелому кошмару. Я очень рад, что мы побывали здесь и узнали правду, иначе у меня не было бы ни одной спокойной минуты в жизни.

— Да, — проговорил не менее довольный законовед, — госпожа Ботмар представила нам самые точные и неопровержимые доказательства, что слух, пущенный относительно принадлежности воспитанного ею английского мальчика к вашему дому, милорд, лишен всякого основания... Я сейчас запишу все, что она нам показывала, и попрошу ее подписать. Этим дело и будет закончено.

— Пишите, а я пока пойду подышать свежим воздухом, — произнес лорд и, скрывая зевоту, вышел в дверь, которая вела в сад.

Законовед, достав из кармана чернильницу и перо, а из портфеля — чистый лист бумаги, принялся быстро записывать все, что я говорила; кроме того, сделал он выписку и из Библии.

Переводчик, которому пока нечего было делать, попросив позволения закурить трубку, зажег ее и сел с ней в сторонке.

Через полчаса законовед закончил. Переводчик прочел мне написанное. Все оказалось слово в слово, как я говорила. По прочтении адвокат попросил меня скрепить этот, как он назвал его, протокол моей подписью и протянул мне перо.

Между тем свечи на столе догорали; догорала и масляная лампа на комод; огонь ее то с треском вспыхивал, то замирал, и вся комната то ярко освещалась, то погружалась во мрак.

Какая-то невидимая сила удерживала мою руку, и я медлила взять перо — орудие, которым я должна была закрепить навсегда свою ложь. При синем пламени, трепетавшем в лампе, законовед показался мне каким-то демоном-искусителем. Тайный внутренний голос шептал мне отогнать этого искусителя и сказать всю правду.

Несколько мгновений мы впивались друг в друга глазами, читая на наших бледных, покрытых синевой лицах все, что происходило у нас на душе.

— Ну что же, госпожа Ботмар? — нетерпеливо проговорил наконец законовед. — Мы сейчас останемся впотьмах... Подписывайте же скорее.

Я поспешно схватила перо и своим корявым почерком нацарапала свое имя на бумаге. Когда я дописывала последнюю букву, лампа ярко вспыхнула и с шипением погасла. В наступившей темноте я снова услышала над своей головой тот же насмешливый хохот.

Хотя Сузи и не могла слышать ни слова из того, что у нас говорилось, но тем не менее она знала, в чем было дело, и всю ночь не сомкнула глаз от душевной тревоги. Чем больше она думала об этом, тем ужаснее казалось ей, что мы, любя Ральфа и не желая разлучаться с ним, лишили его всего принадлежащего ему по рождению и закону. Совесть ее не могла примириться с этой мыслью и заглушала голос сердца, требовавшего, чтобы Ральф остался у нас.

Промучившись до зари, Сузи в конце концов решила, что она должна потихоньку повидаться с англичанами и открыть им всю правду, а там будь что будет. Успокоившись на этом решении, она наконец заснула, и это и было причиной неудачи ее намерения... А может быть, так хотела судьба!

На другой день рано утром англичане вышли из комнаты, отведенной им под спальню, ко мне в столовую, где я уже готовила им кофе и завтрак, зная, что они хотели уехать на рассвете.

После кофе законовед попросил позволения написать несколько нужных писем, которые он хотел сдать в ближайшем городе на почту, а лорд заявил, что он пока пойдет вперед в сопровождении двух кафров к небольшому озеру, недалеко от нашей фермы, где он накануне заметил множество диких уток, и ему хотелось бы поохотиться на них. Законовед должен был догнать его у озера.

Прощаясь со мной, лорд подарил мне на память золотую шейную цепочку с большим брильянтом на передвижке. Подарок этот до сих пор хранится у меня. Распростились мы по-дружески, и я от души пожелала благородному англичанину счастливого пути.

Когда Сузи наконец встала и узнала от горничной, что англичане собираются уезжать (горничная не видела, что лорд уже уехал), она потихоньку вышла из дома и стала у поворота дороги, по которой должны были проехать наши непрошенные гости. Ей недолго пришлось ждать: законовед с переводчиком и двумя кафрами-проводниками скоро появились перед ней. Видя, что лорда с ними нет, она остановила законоведа и спросила у него по-английски, где лорд.

Законовед обрадовался, услышав родную речь, и воскликнул (Сузи мне потом передала этот разговор):

— Как жаль, что вы не побеседовали с нами вчера! Мы не знали, что вам знаком наш язык, иначе попросили бы вас не покидать нашу компанию так скоро... Вы спрашиваете, где милорд? Час тому назад уехал вперед к озеру, чтобы успеть немного поохотиться. Желаете что-нибудь передать ему? Я с удовольствием исполню ваше поручение.

— Благодарю вас, сэр, — ответила Сузи, — но я люблю черпать воду сама, — (это наша бурская поговорка). — Вы сами приведете лорда обратно, когда услышите, что я сейчас сообщу вам... Вы были у нас из-за Ральфа Кензи, и моя мать сказала вам, что у нас живет не тот, кого вы ищете. Так?

Законовед молча кивнул головой.

— Ну, а я объявляю вам, что мать говорила неправду, — продолжала Сузи и сообщила ему все, что знала о Ральфе и о нашем заговоре с целью оставить юношу у себя.

Нужно заметить, что Сузи, как я потом узнала, не совсем хорошо говорила по-английски, а потому законовед, слушавший ее с видимым беспокойством, притворился, что не понимает ее. Но когда она заметила это и повторила свой рассказ, стараясь выразиться как можно яснее, он сказал:

— Да, все сообщенное вами так странно, что я действительно должен просить милорда возвратиться, чтобы снова разобрать дело. Идите домой и ждите нас; мы опять будем у вас сегодня же вечером или завтра утром.

Распростившись с адвокатом, Сузи вернулась домой с облегченным сердцем. Весь этот вечер и следующий день она то и дело подходила к окну и смотрела в ту сторону, куда уехали англичане. Она все ждала их возвращения, но они больше не возвратились. Я уверена, что расчетливый законовед и не думал сообщать лорду о своей встрече с нашей дочерью и о том, что он от нее узнал. Он сделал свое дело и заработал десять тысяч фунтов стерлингов, а начинать дело сызнова — для него значило потерять их.

На третье утро я опять нашла Сузи у окна с тревожным выражением ее прекрасных голубых глаз.

— Что ты все стоишь у окна, девочка? — спросила я. — Кого ты еще ждешь? Новых гостей, что ли?

— Нет, не новых, а тех, которые уже были у нас! — ответила Сузи с несвойственной ей резкостью.

— Разве они опять хотели быть у нас? Ведь они уехали совсем, — продолжала я.

Она обернулась, пристально посмотрела мне в лицо и с той же резкостью сказала:

— Они должны вернуться. Я вчера остановила законоведа на дороге и объявила ему, что ты солгала насчет Ральфа и что он именно тот, кого они ищут.

— Как ты смела... — начала было я в сердцах, но тотчас же

сдержалась и спросила по возможности спокойно: — Ну, и что же он сказал тебе на это?

— Он обещал привести своего лорда обратно, но, должно быть, обманул меня, иначе бы они давно...

— Конечно, обманул! — перебила я обрадовавшись. — Если бы он серьезно хотел найти Ральфа, то, поверь, нашел бы его и без нашей помощи. Но ему это не выгодно, поэтому он и не обратил внимания на твои слова. Можешь теперь успокоиться: ты сделала, что приказывала тебе твоя совесть, и, вместе с тем, не лишилась Ральфа.

— Нет, я не могу успокоиться! — воскликнула Сузи. — Разве ты забыла, что грехи родителей взыскиваются с детей?

И наша кроткая девочка начала осыпать меня такими обвинениями и горькими упреками, на какие я никогда не считала ее способной! Слушая их, я, пожилая женщина, совсем растерялась перед этой семнадцатилетней девочкой, которая стыдила меня так, точно она была пастором.

Я совсем опешила и, не зная, что возразить, вскричала:

— Да для кого же все это было сделано, как не для тебя же, неблагодарная девчонка!

— За что же мне быть благодарной? Разве за то, что вы сделали меня невольной соучастницей своего преступления?... Можно было бы обойтись без лжи и обмана. Ральф меня так любит, что все равно остался бы моим. Перед его отъездом мы обвенчались бы, и если бы он уехал, то, вероятно, со мной. Оформив в Англии все, что нужно, мы оба вернулись бы сюда.

Верность этих замечаний положительно сразила меня. Я поняла что мы с Яном действительно напрасно взяли на себя такой страшный грех. Я даже заплакала с отчаяния. Слезы мои обезоружили мою добрую девочку. Она начала успокаивать меня, и мы помирились. Но с тех пор я стала замечать, что она относится ко мне уже не с прежней любовью и уважением, хотя и старалась не показывать этого. Зато я полюбила ее еще больше, хорошо сознавая, какое бремя легло на ее совесть.

Так окончилась история посещения нас англичанами. Больше мы никогда их не видели и ничего о них не слышали.

V Как Сузи спасла Сигамбу. — Клятва Сигамбы.

Теперь я хочу рассказать, какую роль в нашей жизни играл Черный Пит, этот демон в человеческом образе, и как кафрская знахарка, Сигамба Нгеньянга, что значит «гуляющая при лунном свете», была спасена Сузанной от смерти и стала добровольной рабыней нашей дочери.

К этому времени отца Черного Пита, хеера ван Воорена, уже два года не было в живых. О смерти его шли странные слухи, что будто он был убит своим сыном. Хеер ван Воорен оставил Черному Питу большое состояние: множество скота, громадные земли и, как говорили, довольно крупную сумму в английском банке.

Все удивлялись, почему Черный Пит, достигнув известного возраста, не женится и даже не ухаживает за девушками. Но потом оказалось, что и у него сердце не каменное и что ему на роду было написано полюбить Сузи. У кого какая любовь, а у Черного Пита она отличалась тем, чтобы преследовать и делать несчастным предмет своей страсти.

Страсть его стала проявляться незадолго до приезда англичан, искавших Ральфа. Где бы Пит ни встретился с Сузи, — большей частью вне нашего дома, потому что Ян не любил принимать его, — он сейчас же начинал приставать к ней со своими медовыми речами и разными глупостями, которых она никогда не вызывала и не поощряла, но, напротив, всегда с негодованием отклоняла как женщина, сердце которой уже занято другим.

Нужно заметить, что Черному Питу всегда было известно все, что делалось у соседей, благодаря донесениям его приятелей-кафров, которые повсюду шныряли и все для него выведывали. Поэтому от него не укрылось и то обстоятельство, что Яна с Ральфом не было на ферме. Этим случаем он поспешил воспользоваться и стал являться к нам раза по три в неделю. Бедная Сузи положительно не знала, как отделаться от его противных любезностей, и у нее дело часто доходило до слез.

Как-то раз я собралась с духом (я должна сознаться, что Черный Пит был из тех немногих людей, которых я боялась) и стала доказывать ему всю бесполезность его ухаживаний за Сузи. Я говорила долго и, кажется, убедительно. Он терпеливо выслушал меня до конца и потом ответил:

— Все это, пожалуй, и верно, тетушка. Но если вы хотите получить

яблоко, которое еще не упало на землю, то должны трясти дерево до тех пор, пока яблоко не упадет.

— А если оно так крепко срослось с веткой, что не упадет, как бы вы ни трясли дерева? — заметила я.

— Тогда нужно взобраться на дерево и сорвать яблоко, — сказал Пит.

— Ну, а если на это яблоко наложен зарок другим?

— В таком случае, милая тетушка, ничего более не остается, как избавиться от этого другого, — отвечал он с такой зловещей улыбкой, что у меня вся кровь застыла в жилах. — Таким образом уничтожится его зарок, плод будет вашим и сделается от этого еще слаще.

— Уходите, ради Бога! — с сердцем сказала я. — В нашем доме не должно быть людей, которые способны говорить такие страшные вещи... Жаль, что нет Яна и Ральфа; они живо выпроводили бы вас.

— То, чего я ищу в вашем доме, не вделано ведь в стены, — насмешливо произнес он. — Я могу и не мозолить вам глаз и ушей. Прощайте пока, тетушка. Благодарю за гостеприимство!

После его ухода я отправилась сообщить о нашем разговоре Сузи, но ее не оказалось дома. Сопровождавшие Черного Пита кафры, наверное, сказали ему, куда она пошла, судя по тому, что он сразу отыскал ее и опять стал говорить ей о своей любви. Потом он даже потребовал, чтобы она поцеловала его. Это, понятно, очень рассердило ее, и она наговорила ему дерзостей. Но он был не из робких и хотел поцеловать ее насильно. Она с силой оттолкнула его и пустилась бежать.

— Поцелуй за тобой, прекрасная девица! — крикнул он ей вслед. — Без этого я не расстанусь. Я знаю, что ты любишь английского найденыша, но меня это несколько не смущает. Женщина может любить многих в своей жизни: умрет один — явится другой на его место.

— Что вы хотите этим сказать, хеер ван Воорен? — с ужасом спросила Сузи, невольно остановившись.

— Ничего особенного... Только помни, что ты поцелуешь меня раньше, чем думаешь!

И действительно, эти последние слова его сбылись очень скоро.

В долине между горами, на расстоянии часа езды от нашей фермы, и близ дороги, которая вела к ферме Черного Пита, жила знахарка Сигамба. Эта женщина не принадлежала ни к одному из транскейских или соседних племен, но явилась в нашу сторону с севера. Это была небольшого роста, здоровая, хорошо сложенная девушка с кожей темно-красного цвета. Маленький рост ее заставлял думать, что она бушменка, но это впоследствии оказалось неверным. Кафрские женщины вообще очень

безобразны, а Сигамба была прямо недурна. У нее были тонкие и приятные черты лица, белые зубы, большие, удивительно умные глаза и целая копна черных курчавых волос на голове.

Эта странная девушка, которой было уже лет тридцать, жила с нами по соседству несколько лет, занимаясь знахарством, — и надо сознаться, довольно успешно. Она составляла разные наговорные зелья и лекарства и лечила от всех болезней, особенно домашний скот. Говорили, что она даже отлично умела предсказывать судьбу. Кроме того, она пользовалась — даже между бурами — репутацией лучшей «вызывательницы дождя» и предсказательницы начала и конца наводнений, бурь и тому подобных явлений природы. Благодаря этим занятиям она понемногу приобрела себе хижину и маленькое стадо.

Ян несколько раз посылал к ней заговаривать скотину. Сначала мне это очень не нравилось (я вообще не люблю никакого колдовства, считая это грехом), но потом, видя, что она всегда помогала, я примирилась с этой необходимостью.

У Сузи была маленькая рыжая собачка, которую ей подарили еще щенком ночевавшие у нас путешественники. Они сказали, что эта собачка очень хорошей породы. Через неделю после описанного мной посещения нас Черным Питом собачка эта, которую Сузи очень любила, чем-то захворала. Недолго думая, Сузи уложила ее на мягкой подстилке в корзину и велела нести одному из наших кафров, а сама села на лошадь и отправилась к Сигамбе. Хижина знахарки была так расположена в конце долины, посреди обросших деревьями холмов, что человек, незнакомый с местностью, с трудом нашел бы ее.

Подъехав к жилищу Сигамбы, Сузи увидела сначала стадо овец и коз, пасшихся под наблюдением нескольких кафров. В стороне ютилась хижина знахарки, едва видная из-за громадного дерева. Под этим деревом лежала почти совершенно обнаженная Сигамба со связанными назад руками и закинутой вокруг шеи петлей веревки, один конец которой был переброшен через сук дерева. Перед ней, грубо хохоча, стоял Черный Пит, а вокруг него расположилась группа кафров и полубелых людей из тех, которые не хотят ничего делать и таскаются с фермы на ферму, выпрашивая гостеприимства под предлогом дальнего родства или прямо во имя милосердия, и живут до тех пор, пока их не прогонят. Я слыхала, что таких людей в Европе зовут паразитами, то есть живущими за чужой счет. Название это, по-моему, очень меткое.

Сначала Сузи хотела было повернуть назад, испуганная видом Черного Пита и всей этой картины, но потом устыдилась своей трусости и решила

остаться. Она смело подъехала к Питу, который, очевидно, задумал что-то ужасное против несчастной знахарки, и резко спросила его:

— Ради Бога, скажите мне, минеер, что тут у вас происходит?

— А, мисс Сузанна! — воскликнул он. — Вы пожаловали как раз вовремя и сейчас будете присутствовать при казни этой воровки, которая приговорена к повешению судом.

— Судом! — с негодованием повторила Сузи, оглядывая толпу, в которой не было ни одного порядочного лица. — Уж не сами ли вы разыграли тут роль судей?... Что сделала Сигамба?

— Живя из милости на моей земле, она украла у меня часть стада и скрыла в дальнем ущелье, — отвечал Пит. — Это доказано свидетельскими показаниями. Вот и сейчас мои овцы и козы пасутся с ее скотиной... Вы сами можете убедиться в этом по моим клеймам. Я полевой надзиратель здешнего округа, и потому, разобрав это дело по закону, нашел, что воровка подлежит смертной казни.

— А позвольте спросить вас, минеер, — смело сказала Сузи, — давно ли закон допускает обвинителя быть и судьей, да еще в своем собственном деле? О, я теперь не удивляюсь, почему англичане так дурно говорят о бурах и кричат на весь мир о нашем жестоком обращении с туземцами. Вы поступаете не только не по закону, а напротив, творите полное беззаконие. За это вас накажет Бог, если вам удастся избежать правосудия людей.

— Вы правы, молодая госпожа, — заговорила Сигамба совершенно спокойным голосом, доказывавшим, что она не чувствует ни малейшего страха, — этот приговор — действительно преступление, совершаемое из мести, и я должна поплатиться жизнью за то, что этот человек полон зла. Я женщина свободная и никому не сделала ничего дурного во всю свою жизнь. Я только помогала больным людям и больной скотине. Хеер ван Воорен говорит, что я из милости живу на его земле, но это неправда: я плачу ему за этот клочок и не нахожусь у него в рабстве. Потом он говорит, что я увела его овец и коз, — и это неправда: он сам приказал своим людям перемешать их в ущелье с моим маленьким стадом, чтобы иметь против меня улику и повесить меня в отместку за... одно дело. Но я прошу вас, молодая госпожа, не беспокойтесь из-за такого низкого существа, как я; уезжайте скорее отсюда, вид смерти не для вас.

— Нет, я не уйду! — крикнула Сузи и, сойдя с лошади, подошла к Питу. — Если я и уеду, то только для того, чтобы направить против вас, хеер ван Воорен, тот закон, над которым вы так нагло издеваетесь! Слышите?

Слова Сузи сильно смутили Черного Пита и его сообщников. Само по

себе повешение этой знахарки, уличенной в краже, не было особенным преступлением, так как буры часто сильно страдали от воровства кафров и поневоле должны были прибегать к самосуду в своих пустынях. И вообще в то время мало обращалось внимания на справедливость или несправедливость белых по отношению к кафрам. Но если белый же обвинял перед властями, жившими в Капштадте, своего соплеменника в самовольном убийстве невинного туземца, то дело получало другой оборот и могло очень худо кончиться для обвиняемого.

Черный Пит отлично понял, что если Сузи исполнит свою угрозу и донесет на него, то ему несдобровать. Но он не хотел показать, что испугался ее угроз, и вместе с тем задумал воспользоваться удобным случаем, чтобы унижить ее при всех и отомстить за то, что я недавно почти выгнала его из нашего дома.

— Что эта воровка уличена и присуждена к смертной казни по закону, я могу доказать вот этим протоколом, в котором все записано и который подписан всеми, кто умеет писать, — сказал Пит, вынимая из кармана какую-то бумагу. — Я закона не нарушил, и потому ровно ничего не боюсь. Самосуд существует у буров не первый день; без него они не могли бы и жить здесь, среди этих разбойников-кафров. Но в угоду вам, милая девушка, я готов подарить этой черномазой колдунье жизнь — с двумя условиями. Во-первых, она должна отдать мне, в вознаграждение за беспокойство, все, что имеет: хижину, скарб и скот. Согласна ли ты на это, колдунья?

— Если я даже и не соглашусь, вы все равно возьмете все сами: сила на вашей стороне, — с горечью ответила Сигамба. — Ну, а второе условие?

— Оно тебя не касается, — грубо проговорил Черный Пит и, обратившись к Сузи, добавил: — второе условие состоит в том, чтобы вы при всем народе дали мне тот поцелуй, в котором, помните, отказали неделю тому назад, при нашей встрече около вашего дома.

Прежде чем Сузи нашлась, что ответить на эту наглость, Сигамба поспешила сказать:

— Не делайте этого, милая госпожа, не оскверняйте своих губ. Я скорее готова умереть, нежели допустить, чтобы вас коснулся этот злодей, который, родившись от белого отца и черной матери, получил от них только одно дурное и сделался врагом белых и черных.

— Да, минеер, я не могу исполнить вашего требования, — проговорила Сузи, вся побледнев от негодования и не скрывая своего отвращения. — Придумайте какое-нибудь другое условие.

— Ах, вы не можете! — ядовито прошипел Черный Пит. — Ну, делать

нечего, принуждать я вас не буду... Эй, вы! — обратился он к своим разбойникам. — Вздерните-ка эту черномазую... Да не сразу, черти! Пусть она сначала попляшет между небом и землей... Забавно будет полюбоваться на ее кривлянья.

Бедная Сигамба в один миг была приподнята на веревке, так что только кончики ее ног касались земли. Сузи не могла вынести вида ее почерневших, искривленных губ, закатившихся глаз и судорожно подергивавшегося тела.

— Отпустите ее! — крикнула она, едва помня себя от ужаса, негодования и жалости. — Я исполню ваше желание, хеер ван Воорен, только, ради Бога, прикажите освободить эту несчастную!

И, подойдя к негодю, она взглянула на него в упор и проговорила задышающимся от гнева голосом:

— Целуйте!... О, как я желала бы, чтобы мои губы были пропитаны ядом!... Целуйте же!... Чего же вы ждете?

— Не нужно... не нужно!... Не делайте этого! — кричала хриплым голосом Сигамба, еле живая от душившей ее петли и удара о землю, когда по знаку Пита разбойники выпустили из рук веревку.

— Вы ошибаетесь, — с улыбкой возразил Пит, отступая назад и упершись руками в бока, — не я должен поцеловать вас, а вы меня.

Сузи тоже отскочила назад. По знаку палача Сигамбу снова подняли на воздух. Это заставило нашу бедную девочку опять подойти к негодю и прикоснуться своими губами к его губам. Он сейчас же обхватил ее и целовал до тех пор, пока она не лишилась чувств. После этого даже его сообщники потребовали, чтобы он оставил свою жертву. Когда Пит наконец выпустил Сузи из рук, она грохнулась на землю. Провожавший ее кафр, все время отчаянно кричавший и шумевший из сочувствия к ней, тотчас же поднял ее и принялся приводить в чувство.

Когда она очнулась, первой ее заботой было взглянуть, что случилось с Сигамбой. Последняя уже была освобождена от петли и спешила надеть свою одежду, которую ей милостиво возвратили.

Пойдя в себя, Сузи молча села на свою лошадь и повернула на дорогу к дому, одарив Черного Пита таким взглядом, от которого даже он побледнел.

Она тихо ехала, погруженная в свои грустные размышления. Вдруг лошадь ее остановилась. Сузи вздрогнула и, поспешно взглянув вниз, увидела стоявшую на коленях Сигамбу, которая целовала край ее платья и бормотала:

— Может ли Сигамба когда-нибудь забыть, что из-за нее вынесла

Белая Ласточка?

— Встань, — ласково сказала Сузи, — ты в этом не виновата.

— Как не виновата? — возразила Сигамба. — Повторяю: все это случилось из-за меня. Черный Пит находит и меня красивой, а потому... Но зачем грязнить уши чистой Ласточки.

— Ничего, — с горьким смехом проговорила Сузи, — по крайней мере, и уши будут под стать моему уже замаранному лицу... Но я догадываюсь, что ты хотела сказать.

— Если догадываетесь, то должны понять, в чем состоит моя вина перед вами. Я, жалкая черная женщина, на которую ваш народ смотрит с таким презрением, — не хотела купить себе жизнь той ценой которую вы, дочь белого начальника, отдали добровольно, чтобы сохранить мне эту жизнь!

— Если я сделала этим доброе дело, то Бог запишет мне его в Свою книгу, в которую заносятся все поступки людей.

— Это запишется не только в книге вашего Великого Духа, но и в моем сердце... О, слушайте, моя добрая госпожа! Иногда на меня находит облако, и в этом облаке я вижу то, что должно случиться в будущем. Вот и сейчас меня накрыло облако, и я вижу в нем, что через много месяцев я спасу вас так же, как вы сегодня спасли меня.

— Может быть, — сказала Сузи. — Я знаю, что ты можешь отгадывать будущее... Ну, теперь прощай! Отыщи своих и укройся у них от врага.

— Своих мне очень далеко искать, — со вздохом ответила Сигамба, — Да они и не захотят принять меня.

— Почему? — удивилась Сузи.

— Потому что я, по рождению, должна бы быть их инкосикази, но они требовали, чтобы я вышла замуж, иначе не желали признать меня своей инкосикази, а я не хотела и не хочу замуж: природа создала мои тело и душу не такими, как у других женщин... Я поссорилась со своими и пошла искать счастья у чужих.

— Плохое же ты нашла здесь счастье: веревку Черного Пита!

— О нет! Очень хорошее: я нашла Ласточку и свободу... то есть не свободу, а нечто лучшее — добровольное рабство. Вы дорогой ценой купили мое сердце, и я ваша раба навсегда... У меня ничего не осталось: Черный Пит все отнял, кроме ума в моей голове, и я...

— Что же ты думаешь теперь делать? — спросила Сузи, видя, что маленькая женщина замялась.

— Идти за вами и служить вам до конца моих дней, — горячо ответила Сигамба.

— Это доставило бы мне большое удовольствие, — сказала Сузи. — Но я не знаю, понравится ли это отцу.

— Что нравится Ласточке, то нравится и ее отцу. Я не буду вам в тягость и сама заработаю себе пищу.

— Хорошо, иди за мной, — решила Сузи. — Когда вернется отец, я попрошу его оставить тебя у нас.

Когда Сузи привела к нам знахарку, я была очень недовольна и не хотела позволить этой язычнице остаться у нас, но Сузи уговорила меня подождать, что скажут отец и Ральф, а до их возвращения разрешить черной женщине жить в пустой хижине возле нашего крааля.

* * *

Мужчины возвратились через десять дней. Поздоровавшись, Ян прежде всего спросил:

— Были англичане?

— Были и уехали, — ответила я.

Ян более ничего не стал расспрашивать об этом деле, но я видела, что он и так все понял и в душе чувствовал себя нехорошо: он всегда был противником всякого обмана.

У Сузи была длинная беседа с Ральфом. Из этой беседы он узнал, что произошло между его невестой и Черным Питом. Дело это вышло так. Ральф хотел на радостях свидания поцеловать свою невесту, но она сказала, что недостойна его поцелуя и этими словами чуть не свела его с ума. Прежде чем все рассказать ему, она заставила его поклясться, что он не убьет того, из-за кого она сделалась недостойной его поцелуя. Это еще больше смутило бедного малого и заставило его предположить самое худшее, так что он колебался, дать ли ему требуемую клятву. Но Сузи настояла на своем, и, когда он поклялся, она рассказала ему о поступке Пита. Ральф смыл с ее лица поцелуи негодяя своими поцелуями; но в его глазах Сузи прочла, что он никогда не забудет, как Черный Пит оскорбил его невесту, хотя и обещал «на этот раз» не требовать с него кровавой расплаты.

Узнав об этой истории, Ян тоже страшно вознегодовал и сказал, что следовало бы проучить негодяя за его дерзость, но находил опасным наживать себе смертельного врага в лице такого богатого и жестокого

человека. Поэтому советовал выждать время, когда можно будет найти законное основание обезвредить его.

Вечером пришла Сигамба. Она была очень миловидна в ее вышитом и очень опрятном кароссе. Сначала Ян говорил с ней очень сурово и обвинил ее в том, что его дочь перенесла из-за нее такую неприятность. Но потом он смягчился и даже согласился на просьбу Сузи оставить у нас в доме знахарку с тем, чтобы она безвозмездно лечила скот в случае, если он заболит.

Так Сигамба и осталась у нас. Хотя я чувствовала, что мы приобрели в ней надежного друга, но все-таки душа моя была очень беспокойна, и ночью, ложась спать, я сказала Яну:

— Знаешь что? Мне кажется, что наше мирное время безвозвратно миновало и теперь нас ожидают бури и грозы.

— Да, и мне кажется так, — со вздохом ответил он. — Наше счастье повернулось к нам спиной с того дня, когда тебе пришла в голову несчастная мысль солгать англичанам и убедить меня согласиться на эту ложь.

Увы! Он был прав.

VI Как Ральф «поучил» Черного Пита. — Что указала Зинти корова.

Утром следующего дня я хотела переговорить с Ральфом относительно его свадьбы с Сузи и отправилась искать его, но нигде не могла найти. Предполагая, что он в нашем краале, я пошла туда. Проходя мимо хижины Сигамбы, я увидела негритянку, которая сидела на пороге своего жилища.

— Добрый день, мать Ласточки, — приветствовала она меня. — Я знаю, кого вы ищете.

— Знаешь? — удивилась я.

— Да, — отвечала она улыбнувшись. — Он уехал еще на рассвете.

— А куда? — спросила я.

— Туда, где заходит солнце.

И знахарка указала рукой в ту сторону, где находилась ферма Черного Пита. Сердце мое тревожно забилося, и я поспешила спросить:

— А ты не заметила, с ним был «роер»?

— Нет, у него в руках был только толстый хлыст, из тех, которыми погоняют быков и наказывают кафров.

Я облегченно вздохнула, но все-таки возвратилась домой с тяжелым сердцем. Я поняла, что Ральф отправился искать встречи с Питом. Хотя он и обещал Сузи не убивать Пита, но не давал слова не трогать его вообще и потому считал себя вправе «поучить» оскорбителя своей невесты, то есть избить его до полусмерти.

Он потом мне сам рассказывал, что отправился прямо к краалю своего врага и стал поджидать его в узкой лощине, отделявшей ферму Пита от краала. Немного погодя со стороны фермы показался и Пит, сопровождаемый кафром и вооруженный «роером». Заметив Ральфа, негодяй сразу понял, зачем тот явился, но не проявил ни малейшего смущения. Он как ни в чем не бывало поклонился ему и с напускным простодушием спросил:

— Как поживаете, хеер Кензи? Не желаете ли осмотреть моих новых овец?

— Я вовсе не за тем явился сюда, хеер ван Воорен, — резко ответил Ральф.

— Значит, вы пожаловали, — невозмутимо продолжал Черный Пит, — по поводу ярочки, которую, как я слышал...

— Да, вы угадали, — перебил Ральф, едва сдерживаясь, — я явился именно по поводу овечки, которую жестоко оскорбил один негодяй. Я хочу наказать этого...

— А!... Ну, в таком случае, счастливого пути, хеер Кензи... Желаю вам успеха! — насмешливо проговорил Пит и, приподняв шляпу, хотел было проехать дальше.

— И этот негодяй — ты! — dokonчил Ральф, подскакивая к Питу и поднимая над ним хлыст.

Пит заставил свою лошадь попятиться назад и схватился за «роер». Но прежде чем он успел выстрелить, Ральф соскочил с коня, сильным ударом выбил из рук Пита «роер», стащил его самого с лошади и подмял под себя.

— Ты осмелился оскорбить беззащитную девушку на глазах целой толпы, так пусть же теперь хоть этот кафр увидит и расскажет, как наказываются у свободных буров такие оскорбления! — проговорил Ральф, стоя коленом на груди ошеломленного противника, который не делал даже попытки освободиться.

После этих слов Ральф принялся своим хлыстом наносить удары Питу по чему попало, переворачивая его во все стороны как бревно.

Избив его чуть не до полусмерти, Ральф наконец опомнился и, оттолкнув от себя Пита так, что тот ударился головой о камень, поднялся на ноги.

— Я дал клятву не убивать тебя, а потому и ограничился этим наказанием! — проговорил он, тяжело отдуваясь. — Но если ты осмелишься сделать еще что-либо подобное, то так дешево не отделаешься от меня... А чтобы ты не позабыл этого, вот тебе для памяти.

С этими словами Ральф еще несколько раз ударил своего врага хлыстом по лицу. Хотя эти удары были и не сильны, но тем не менее на выдававшихся скулах и широком носу Пита сейчас же выступили красные борозды, которые должны были надолго обезобразить его и без того некрасивое лицо.

После этого наш будущий зять вскочил на лошадь и направился домой.

Сначала Черный Пит как будто не чувствовал ударов бича по своему лицу; но лишь только Ральф успел отъехать несколько шагов, Пит с трудом поднялся на ноги и крикнул вслед своему сопернику прерывающимся от боли, гнева и стыда голосом:

— Я тебе этого никогда не забуду, подлый найденыш... Нищий... Английская собака!... Мы еще увидимся с тобой, только при других обстоятельствах... я тебе тогда отплачу. А пока получай задаток!

Раздался выстрел, и Ральф почувствовал, как что-то пролетело мимо

его уха и содрало у него на щеке кожу.

Он обернулся и хотел было возвратиться, но, к счастью, вовремя одумался, пришпорил лошадь и ускакал, избежав таким образом смертельной опасности.

Я забыла прибавить, что хотя у Пита и был с собой кафр, но он не оказал никакой помощи своему господину, отчасти потому, что почти все кафры трусы и никогда не вмешиваются в ссоры белых, а отчасти, быть может, и потому, что этот кафр не любил Пита за его жестокое обращение со своими чернокожими рабами. Как бы там ни было, но в самом начале схватки кафр поспешил скрыться за деревьями, окружавшими лошину.

Когда Ральф возвратился домой, то первой его встретила Сузи Бедная девочка едва не упала в обморок, увидев, в каком состоянии находится ее жених: платье его было все изорвано, а из щеки текла кровь.

Ральфу стоило большого труда успокоить ее и уверить, что он не ранен и что на щеке простая царапина, которая скоро пройдет. Разумеется, он не сказал ей правды. Свой растерзанный вид он объяснил тем, что долго гнался за ланью и что, пробираясь сквозь кусты, он изорвал платье и расцарапал щеку.

Но лично мне он в тот же день вечером передал все, как было, а я, в свою очередь, рассказала об этом Яну.

Утром на следующий день муж, не сказав никому ни слова и вооружившись «роером», отправился тоже к Питу. К счастью, последний догадался куда-то обратиться, так что Ян возвратился ни с чем.

Можно было подумать, что эта история так и заглохнет. О Черном Пите не было ни слуху ни духу. Но, зная мстительный характер нашего соседа, я хорошо понимала, что он никогда не простит нам нанесенного ему Ральфом оскорбления. Поэтому я посоветовала Сузи не отходить далеко от дома, а Яну и Ральфу — никогда не выезжать без оружия и без провожатых.

Однако недели через две Пит сам напомнил о себе. Какой-то кафр принес Яну письмо. Муж мой часто получал деловые письма от соседей и потому прочел его сначала про себя. Но вдруг Ян позвал меня и прочел мне письмо вслух. Содержание его было следующее:

Хееру ван Ботмару.

Многоуважаемый хеер!

Вам известно, что я люблю вашу дочь Сузанну и желаю на ней жениться. По некоторым обстоятельствам мне сейчас неудобно явиться к вам лично и просить руки вашей дочери. Поэтому я вынужден просить

вашего согласия на мой брак с ней. Вам известно, какое у меня состояние, и я озолочу вашу дочь, если она сделается моей женой. Надеюсь, что вы не откажете мне в ее руке, на том основании, что лучше иметь меня зятем и другом, нежели врагом. Я слышал, что на нее имеет виды живущий у вас английский подкидыш. Но надеюсь, что вашего согласия на ее брак с этим найденным не будет и что это ни больше ни меньше как баловство, которому не следует придавать никакого серьезного значения, не правда ли? Кстати, прошу передать этому дерзкому мальчишке, что если я где-нибудь встречу с ним, то ему не поздоровится. Ответ на это письмо (надеюсь, он будет благоприятный) потрудитесь передать моему посланному; он уже знает, куда доставить его. Вместе с сим благоволите принять и передать мой привет вам и вашей дочери.

Остаюсь, многоуважаемый хеер, вашим преданным другом.

Пит ван Воорен

Узнав содержание этого письма, я позвала Ральфа и Сузи и попросила Яна прочесть его и им. Единодушный крик негодования и удивления вырвался у наших детей, когда и они познакомились с этим нахальным письмом.

Ян только крякнул, скомкал письмо в крепко стиснутой руке и после минутного молчания спросил Сузи:

— Что ты скажешь на это, дочка?

— Я?! — воскликнула наша девочка с ярко заблестевшими глазами. — Я скорее готова лечь живой в могилу, нежели стать женой этого... негодяя!... О мой Ральф! — прибавила она, бросаясь на грудь своего жениха. — Я чувствую, что этот ужасный человек принесет нам много зла... Но будь уверен: что бы ни случилось, я навеки твоя, и разлучить нас на земле может одна только смерть!

— Так, дочка, хорошо сказано! — проговорил Ян. — Сынок, — обратился он к Ральфу, — возьми-ка бумагу и перо и напиши, что я буду говорить.

Ральф под диктовку моего мужа написал следующий ответ:

Питу ван Воорену.

Минеер!

Я лучше собственными руками зарою свою дочь в землю, нежели отдам ее за такого человека, как вы. Вот мой ответ, а вот совет: не показываться около моей фермы на целую милю кругом. Наши «роеры» стреляют лучше вашего, а потому этот совет прошу намотать на ус. Что же

касается вашей вражды к нам, то я на это отвечу, что, уповая на Бога, мы ее не боимся.

Подписав это письмо, Ян аккуратно запечатал его и лично понес в кухню, где дожидался посланный Пита. Это был полунагой кафр с простоватым лицом и широким белым рубцом на правой щеке. Ян застал его беседующим с Сигамбой. Отдав кафру письмо, он приказал ему скорее нести его тому, кто его послал.

Когда дикарь удалился, Ян повернулся и тоже хотел было уйти, но потом потер себе лоб, посмотрел вслед дикарю и, обернувшись к Сигамбе, вдруг спросил ее:

— Ты знаешь этого дикаря?

— Нет, хозяин, — отвечала знахарка.

— Зачем же ты разговаривала с ним?

— Я обещала следить за всем, что касается гнезда Ласточки, и хотела узнать, откуда он пришел и кто его послал.

— Ну и что же, узнала?

— Нет. Тот, кто его послал, наложил печать молчания на его язык. Он только сказал мне, что живет в краале где-то далеко в горах и что этот крааль принадлежит одному белому, который держит там свой скот и нескольких жен, но посещает его редко. Остальное я узнаю, когда он отдаст Черному Питу ваш ответ и возвратится сюда за лекарством, которое я обещала приготовить для его больной жены.

— Каким образом ты узнала, что его прислал именно Черный Пит, если он не сказал тебе, кто его послал? — с удивлением спросил Ян,

— Ну, это нетрудно было угадать, — ответила с улыбкой Сигамба. — Я умею по одной нитке добираться до самого клубка.

Ян задумался. Постояв с минуту молча, он снова обратился к знахарке:

— Сигамба, я припоминаю, что где-то раньше видал тебя разговаривающей с этим кафром. Я узнал его по шраму на правой щеке.

— Да, хозяин, хотя я вижу его в первый раз и никогда раньше с ним не говорила, вы уже видели его, — загадочно сказала странная маленькая женщина, пристально глядя на моего мужа своими большими блестящими глазами.

Ян с недоумением взглянул на нее и удивленно пробормотал:

— Как же это могло быть?... Я не понимаю тебя, Сигамба!

— А вы припомните тот день, хозяин, когда Ласточка привела меня и просила не прогонять.

Ян ударил себя по лбу и вскричал:

— Да, да, теперь припоминаю! Я видел тебя разговаривающей с этим кафром именно в твоих собственных глазах.

— Вот и вспомнили, хозяин, — продолжала Сигамба со своей загадочной улыбкой. — Если у меня есть способность отражать в глазах будущее, то вы обладаете даром читать будущее.

Некоторое время Ян стоял в глубокой задумчивости около странной женщины, очевидно, пытаясь понять это необъяснимое явление, потом махнул рукой и молча вышел из кухни.

Стоя в дверях кухни, я видела всю эту сцену и слышала весь разговор. Божусь, что все это истинная правда, хотя и не могу объяснить этого в высшей степени загадочного явления.

* * *

Опять прошло две недели. Выйдя как-то утром на крыльцо, я увидела полунагого кафра, сидевшего на одной из ступенек крыльца. Он оказался тем же самым, который приносил первое письмо.

— Что скажешь? — спросила я дикаря.

— Письмо вашему хозяину, — ответил он, подавая мне запечатанный пакет.

Я взяла письмо, отыскала Яна и попросила его прочесть вслух новое послание Черного Пита.

Ян вскрыл пакет, в котором оказалось письмо следующего содержания:

Многоуважаемому хееру Яну ван Ботмару.

Я получил ваш ответ и нахожу, что выраженный в нем нехристианский дух едва ли угоден Богу. Повторяю: я желаю не вражды, а самой искренней дружбы, и потому не принимаю ваших резких слов за обиду; мало того, я даже готов исполнить ваше желание — не показываться около вашей фермы, чтобы не подавать повода к кровопролитию (да избавит нас от этого Бог). Я люблю вашу дочь; но если она не желает иметь меня своим мужем, мне остается только покориться своей горькой участи и пожелать вашей дочери полного счастья с ее избранником.

Я навсегда покидаю эти края и продаю свою ферму. Не желаете ли приобрести ее, если не для себя, то для того, чтобы дать ее дочери в

приданое? Сообщите мне об этом с подателем сего письма. Прощайте. Да хранит вас Бог!

Пит ван Воорен

Наступило время завтрака; все собрались в столовой, и я попросила Яна прочесть Ральфу и Сузи это письмо. Дети наши так и просияли, когда мой муж прочитал им письмо: они думали, что теперь навсегда избавятся от преследований Черного Пита. А что касается меня, то это письмо нисколько не облегчило моего сердца: слишком уж не в характере Пита были такое смирение и такая покорность судьбе!

Мы решили отослать кафра без всякого ответа.

Когда ему объявили об этом, он отправился к Сигамбе. Данное ею лекарство подняло на ноги его жену; в благодарность за это он привел знахарке корову, которая только что отелилась и всю дорогу билась и вырывалась у кафра, желая вернуться назад к своему теленку.

Так как Сигамбе и на этот раз не удалось вывести у посланного, откуда он пришел, то умная женщина придумала очень ловкую штуку, желая добиться своего.

Спустя несколько часов после ухода посланного она отправилась к дикарям, служившим у нее до ее истории с Питом. Дикари эти очень любили свою бывшую госпожу. Сигамба выбрала среди них одного молодого сильного кафра, который был особенно ей предан. Дикаря этого звали Зинти. Он отличался большой наблюдательностью и способностью к исполнению всякого рода поручений.

Сигамба приказала ему выследить, куда пойдет корова, которую она решила выпустить на волю, и донести все, что он увидит там, куда приведет его корова. Кафр сразу понял, чего от него требовали, и обещал в точности исполнить приказание своей бывшей госпожи.

После этого Сигамба спустила с привязи корову; та с радостным мычанием бросилась бежать с такой скоростью, что Зинти едва мог поспевать за ней.

Таким образом они шли три дня и три ночи. Только по ночам корова останавливалась, чтобы отдохнуть и пощипать травы. Она охотно позволяла кафру доить себя во время остановок. Ее молоко составляло почти единственную пищу Зинти.

На рассвете четвертого дня, после запутанных переходов по горам (удивительно, как животные могут хорошо находить дорогу), Зинти и его проводница очутились около большого загона для скота. Загон был расположен на громадной луговине, окруженной высокими холмами,

поросшими густым лесом. Корова стрелой помчалась к стаду. Прибежав туда, она принялась громко мычать и вертеть во все стороны головой, и мычала до тех пор, пока к ней не подбежал маленький теленок, который тотчас же принялся сосать ее, а она стала его облизывать.

В стороне около деревьев сидело несколько кафрских женщин. Они занимались очисткой от сучьев и листьев громадной груды ветвей, из которых устраиваются хижины дикарей.

Притаившись за деревьями, Зинти стал прислушиваться к разговору этих женщин и услышал, как одна из них спрашивала другую:

— Для кого это Бычья Голова строит новую хижину в нашей долине?

Бычьей Головой был прозван кафрами Черный Пит, голова которого действительно немного походила на голову быка.

— Не знаю, — печально отвечала другая, совсем еще молоденькая женщина. — Может быть, для новой жены — наверное, для дочери какого-нибудь белого инкоси, потому что для простой женщины он не стал бы строить такой большой и красивой хижины.

— Наверное, так, — отозвалась третья. — И, должно быть, он хочет украсть ее, иначе зачем бы ему прятать ее в это место, куда никогда не заглядывает никто из белых... Но тихо! Я слышу, как стучат подковы лошади Бычьей Головы.

Действительно, через минуту к ним подъехал Черный Пит. И без того некрасивое лицо его было сильно обезображено подживающими красными рубцами, оставшимися от ударов хлыста Ральфа.

При виде Пита все женщины встали и, сложив руки на груди, почтительно поклонились.

— У вас очень плохо идет дело, черномазые лентяйки! — сердито крикнул он им вместо приветствия. — У меня работать живее, если не хотите познакомиться с этой вот штукой! — прибавил он, размахивая бичом и хлестнув им ближайшую из стоявших перед ним женщин.

— Мы стараемся, хозяин, — отвечала она, корчась от боли. — Но скажи нам, пожалуйста, кто будет жить в новой хижине?

— Уж, конечно, не такая черномазая образина, как ты! — с ядовитым смехом проговорил Черный Пит. — Здесь поселится красивая белая женщина, которая будет вашей хозяйкой. Я скоро пойду за ней. Но горе будет вам, если кто-нибудь из вас проговорится, что здесь живет белая женщина! Я всех вас передую, как земляных крыс. Поняли?

— Поняли, хозяин! — хором отвечали женщины.

— То-то! И чтобы через неделю здесь все было готово.

Отдав еще несколько приказаний, Черный Пит уехал, а Зинти

поспешил направиться к Сигамбе с отчетом о виденном и слышанном.

Дорогой он сильно повредил себе ногу и пробыл в пути гораздо дольше, чем шел сюда за коровой.

Только на шестой день, ночью, он кое-как добрался до леса, за которым начинались наши владения. Войдя в лес, он заметил невдалеке небольшой костер, около которого сидели двое людей. Зинти ползком подкрался к ним и спрятался за ближайшее дерево. Выглянув затем из своего убежища, он узнал в одном из сидевших около костра Черного Пита, а в другом — какого-то незнакомца, одетого готтентотом. Зинти стал прислушиваться к их разговору.

— Ну, рассказывай, что тебе удалось узнать? — спросил Черный Пит.

— Все, что нужно, баас, — отвечал готтентот. — Я узнал, что Ян Ботмар с женой, дочерью и живущим у них молодым англичанином отправился вчера на крестины к хееру ван Роозену, который живет в пяти часах езды от фермы Ботмара. Назад они поедут завтра утром. Дорога ведет, как тебе известно, баас, через лощину, которая называется Логовищем Льва.

— А много с ними провожатых, не знаешь?

— Только два кафра.

— Значит, всего шесть человек, из которых две женщины, а вас будет двадцать... Отлично! — продолжал Черный Пит, весело потирая руки. — Запасайтесь только оружием.

— Значит, их всех надо убить, кроме Ласточки, баас?

— Всех, всех, если не удастся захватить ее без сопротивления! — закричал Черный Пит. — Особенно постарайтесь ухлопать англичанина. Но помни уговор: моего имени чтобы никто не произносил!

— Хорошо, хорошо, я помню это, баас, — сказал готтентот.

Дольше Зинти не стал слушать. Он со всех ног пустился к Сигамбе и, добравшись до нее еле живой только под утро, сейчас же рассказал ей все, что узнал.

— Великий Дух! — воскликнула она, всплеснув руками. — Ласточка и ее родные теперь должны уже быть в дороге!... Надо спешить к ним навстречу... Оставайся пока здесь, Зинти, отдохни и жди меня.

С этими словами она побежала к нам на конюшню, взяла лучшую лошадь Яна и, вскочив на нее, вихрем помчалась кратчайшей дорогой нам навстречу.

Все рассказанное мной в конце этой главы я узнала потом от самой Сигамбы.

VII Подвиг Сигамбы. — Свадьба.

Ничего не подозревая, мы спокойно возвращались домой от нашего соседа ван Роозена. Мы все находились в очень хорошем настроении и собирались въехать в Логовище Льва, как вдруг из него нам навстречу выскочила лошадь, вся в крови и мыле, с дымящимися ноздрями и пеной у рта; на спине лошади, без седла и даже без узды, сидела растрепанная маленькая женщина, державшаяся руками за длинную гриву животного.

— Ба! — воскликнул Ян. — Да это наша колдунья и на моей Стреле! Как ты смела, негодная...

— Назад! — крикнула Сигамба, загораживая нам дорогу. — Назад!... В лощине вас ждет смерть!

Голос и лицо знахарки доказывали, что она не шутит. Мы молча повиновались и, повернув лошадей назад, проскакали галопом мили три, пока не выбрались на открытое поле. Здесь лошадь Сигамбы, все время несшаяся впереди, вдруг упала на колени и стала дрожать всеми членами, а сама всадница, потеряв равновесие, перелетела через голову лошади, растянувшись на земле, которая сейчас же стала окрашиваться вокруг нее кровью. Мы все остановились.

Ральф поспешил прыгнуть с седла, поднял Сигамбу и посадил ее, прислонив спиной к маленькому пригорку. Сузи тоже сошла со своей лошади и, взяв у отца фляжку с персиковой настойкой, заставила маленькую женщину выпить несколько глотков.

— Благодарю! — прошептала Сигамба. — Дайте теперь этой настойки Стреле, а то она погибнет.

— Ты ранена, бедняжка? — спросила Сузи, наклоняясь над знахаркой, пока Ян, по совету последней, лил Стреле прямо в рот настойку.

Мера эта оказалась действительно очень хорошей: бедное животное ободрилось и перестало дрожать.

— Рана моя — пустяки, — отвечала Сигамба. — Несколькими каплями крови я еще далеко не оплатила своего долга.

— Но в чем дело? — спросил Ральф. — Почему нас ждала смерть в Логовище Льва?

— И зачем ты так измучила мою любимую лошадь? — добавил немного некстати Ян.

— Не сделай я этого, вас всех теперь не было бы уже в живых, — продолжала знахарка. — Впрочем, Ласточка осталась бы жива, но... от

этого ей было бы не легче. Вот в чем дело. Часа полтора тому назад я узнала, что Черный Пит устроил засаду в лощине, через которую вы должны были проехать. Двадцать человек нанятых им разбойников должны были перебить всех вас, а Ласточку взять в плен. Чтобы предупредить вас, времени у меня осталось так мало, что только одна Стрела и могла помочь мне в этом, и я решилась взять ее. Она и вправду оказалась стрелой: никакая другая лошадь не была бы в состоянии донести меня за час до Логовища Льва... Когда я въехала в эту лощину, из кустов раздался крик: «Это черная колдунья! Она хочет предупредить Ботмара. Стреляй в нее!» Пули посыпались мне вслед градом, и одна из них попала в мою ногу... Но Великий Дух помог, и я доскакала до вас вовремя...

— Но ты истекаешь кровью! — вскричала Сузи. — И потом эта пуля...

— Это пустяки... Я знаю, как вынуть ее, — перебила Сигамба и, оглянувшись вокруг, прибавила: — Принесите мне листьев вон того растения с красными цветками, которые горят, как огонь. Вон они, там, около болота. Я сама приложу их к ране, и кровь остановится, а пулю можно вынуть после.

Ральф поспешил исполнить просьбу нашей спасительницы и принес ей целый пучок широких листьев какого-то растения с ярко-красными чашечками цветков. И действительно, как только Сигамба приложила это растение к своей ране, кровь сейчас же перестала течь из нее. Приходилось только удивляться знанию этой маленькой дикарки свойств каждого растения и умению пользоваться им!

По просьбе Сузи один из провожавших нас кафров посадил знахарку к себе на лошадь, и мы тронулись в путь — конечно, не через лощину, а другой дорогой. Этот путь был длиннее, зато совершенно безопасный.

К обеду мы благополучно прибыли домой. Вечером мы с Яном и Ральфом долго совещались, как поступить, чтобы наконец обезвредить Черного Пита. Сначала мы хотели подать на него жалобу в суд, но потом раздумали. До Капштадта было несколько сотен миль, и притом у нас имелись только два неважных свидетеля преступного замысла Пита: кафр и знахарка неизвестно какого племени. Судьи едва ли приняли бы всерьез показания подобных свидетелей. Поэтому мы и порешили на том, что нужно оставить без внимания замысел Пита, тем более что он благодаря бдительности нашей зоркой телохранительницы не удался.

Через некоторое время мы узнали, что наш враг продал свою ферму и уехал неизвестно куда. Ян и дети очень обрадовались этому известию. Они думали, что теперь навсегда избавились от преследований Пита; но мое сердце чуяло, что вовсе не конец его преследованиям. Поэтому я торопила

свадьбу наших детей, чтобы Ральф имел законное право защищать Сузи от посягательств на нее со стороны негодного человека.

Хорошо сознавая, что быть в доме двум женщинам на правах хозяек крайне неудобно, хотя бы они и были родная мать и дочь, мы с Яном решили отделить часть нашей земли, скота и людей и выстроить для молодых новый дом, в нескольких милях от нашего, на берегу небольшой реки.

Во время стройки новобрачные будут жить в большом селении, миль за пятьдесят от нас, у одной из моих двоюродных сестер, богатой и бездетной вдовы. Там они будут в первое время своей супружеской жизни в полной безопасности, находясь в густонаселенной местности, и Черный Пит не осмелится их тронуть. А потом он примирится с мыслью, что Сузи потеряна для него, и забудет ее. Так мы, по крайней мере, думали, но не так случилось на деле.

Однажды вечером, за неделю до свадьбы, я пошла посмотреть, убрано ли полотно, которое белилось на солнце днем на луговине, близ хижины Сигамбы. Ночь была лунная, и я отправилась без фонаря.

Подойдя к луговине, я услышала тихое и странное пение, донесшееся со стороны жилища Сигамбы. Я остановилась, прислушалась и сейчас же узнала голос знахарки. Напев был так печален, что у меня надрывалось сердце. Слов песни я не поняла, но мне показалось, будто в ней упоминалось имя Сузи.

Сильно заинтересованная, я подошла поближе и увидела Сигамбу, сидящую на камне около хижины. Лицо знахарки было освещено бледным светом луны, падавшим сквозь вершины деревьев, окружавших хижину. Перед знахаркой, на другом камне, стояла деревянная чаша, наполненная до краев водой. Знахарка пристально глядела в чашу и, тихо раскачиваясь, пела свою печальную песню.

Вдруг она, как будто увидав в чаше что-то страшное, отскочила от нее, перестала петь и громко, болезненно застонала.

Я догадалась, что застала ее за колдовством, и хотела было крикнуть ей, чтобы она оставила это нечестивое занятие, но меня одолело любопытство: мне очень захотелось узнать, что могла колдунья видеть в воде горшка и почему она упоминала имя Сузи в своей песне. Поэтому я подошла к знахарке и резко спросила:

— Что это ты делаешь, Сигамба?

Хотя мой приход и вопрос были совершенно внезапны, однако знахарка не только не испугалась и не вскрикнула, как сделала бы на ее месте всякая другая порядочная женщина, но даже не вздрогнула и

спокойно ответила:

— Я читала судьбу Ласточки и всех близких ей.

— Где же ты читала это? — продолжала я.

— Вот здесь, — указала она на чашку с водой.

Я с любопытством взглянула в чашку и увидела на дне белый песок, поверх которого лежало пять кружков зеркального стекла разной величины, но правильной круглой формы, как монеты. Самый большой кружок находился посредине остальных, расположенных вокруг него крестообразно.

— Вот это Ласточка, — объяснила Сигамба, указывая на большой кружок, — наверху — ее будущий муж, направо — отец, налево — мать, а внизу — Сигамба. Кружки эти от большого стекла, которое показывает лица людей. Мне дала его Ласточка, а я расколола его на пять частей и сделала их круглыми, потому что природа любит все круглое. Видите, они расположены в чаше так, как вот те звезды на небе.

Меня пробирала дрожь при виде этого колдовства, но я скрыла свой страх и сказала с деланным смехом:

— Что за глупая игра у тебя, Сигамба!

— Это совсем не игра, и тот, у кого двойное зрение, может многое увидеть в этой чаше, — совершенно спокойно, без малейшей обиды в голосе проговорила Сигамба. — У вас нет такого зренья, и вы не можете ничего увидеть, а баас может. Позовите бааса. Он посмотрит и расскажет все, что увидит, потому что одной мне вы не поверите.

Мне стало очень досадно, что Ян, которого я, не в обиду будет ему сказано, считала гораздо глупее себя (хотя это вовсе не мешало мне уважать и любить его), может видеть то, чего не могу я, но я все-таки пошла и привела его.

Пока я рассказывала ему, в чем дело, знахарка сидела не шевелясь, подперев рукой подбородок и не сводя своих блестящих глаз с лица моего мужа. Казалось, в ее взгляде было что-то такое, что невольно подчиняло Яна ее влиянию.

— Ну, показывай свои штуки, чернушка, — полунасмешливо проговорил Ян, выслушав мои объяснения.

— А вот взгляните туда, отец Ласточки, — отвечала Сигамба, указывая на чашку.

Ян опустился на колени и заглянул в чашу.

— Я вижу, — начал он точно чужим голосом, пристально смотря в воду и медленно выпуская слово за словом, — Сузи... себя... жену... Ральфа... и... тебя, Сигамба... А теперь вот... все... слилось в... темный

цвет, и я... да, я больше ничего не могу различить.

— Смотрите пристальнее! — приказала повелительным голосом Сигамба, так и впиваясь своими странными глазами в лицо Яна.

Муж снова взглянул в воду и опять начал вытягивать из себя слова:

— Теперь... я... вижу... тень... густую... темную тень... Она похожа на... да, на голову... Черного Пита, вырезанную из... черной... бумаги... Из-за этой... тени я ничего... не... вижу... Ах, вот она делается... все меньше... меньше... меньше... теперь она закрывает... да, только тебя, Сигамба... Ты просвечиваешь сквозь тень вся... красная... точно в... крови... А теперь... Ну, теперь все пропало!... Я ничего больше не вижу.

С этими словами он поднялся на ноги; лицо его было бледно как смерть, и сам он весь дрожал. Доставая из кармана свой шелковый платок, чтобы обтереть с лица пот, он с ужасом прошептал:

— О Господи, да ведь это настоящее чародейство!... Прости мне мое прегрешение!

Я снова нагнулась над чашей, но по-прежнему ровно ничего не заметила, кроме воды и зеркальных кружков, в которых отражались только лунный свет да мое лицо. Из этого я заключила, что Ян, по своей простоте, видел все, что внушала колдунья, или, вернее, воображал, что видит.

— Что же все это значит, Сигамба? — спросил Ян, растерянно глядя то на чародейку, то на меня.

— Отец Ласточки, что видели ваши глаза, то видели и мои, но только яснее ваших, потому что мое зрение еще острее, — отвечала Сигамба. — Вы спрашиваете — что это значит? Будущее никому не открывается до конца... даже я не могу знать всего. Мне ясно только то, что Ласточке и всем ее близким будет много зла от Черного Пита. Но все кончится тем, что для Ласточки и ее родных настанут опять светлые дни, а я погибну от руки Пита или через него... Как все это случится — я не знаю, но советую вам венчать Ласточку скорее и не на дому, как вы хотите, а в дорне, где она будет жить первое время после свадьбы.

Я не поверила ни одному слову из того, что говорила колдунья, и очень разозлилась, что она так дурачила бедного Яна и заставила его задуматься о том, что он видел и слышал от нее. Только потом я осознала, как она была права. Но тогда, повторяю, ее предсказания казались мне ни больше ни меньше как пустой болтовней, на которую не стоило обращать внимания. По моему совету Ян письменно пригласил из ближайшего города пастора, который должен был венчать наших детей у нас на дому и находился уже давно в пути. Неужели из-за глупой болтовни этой полусумасшедшей девки мы должны послать встретить его и воротить назад. Вообще я терпеть не

могла, когда в мои распоряжения вмешивались даже муж и дети, а тут еще лезла со своим советом какая-то полоумная дикарка, живущая у нас из милости!

Видя, что муж сильно задумался над предсказаниями и советом Сигамбы, я прикрикнула на нее, чтобы она не вмешивалась не в свои дела, и, схватив Яна за руку, потащила его домой.

Сигамба что-то хотела мне сказать, но я сделала вид, что не заметила этого, и ускорила шаги. Однако, пройдя несколько шагов, я не утерпела и оглянулась назад: Сигамба стояла на прежнем месте и, подняв руки к небу, тихо плакала.

* * *

Наконец наступил и день свадьбы. Пастор прибыл накануне, и все давно уже было готово.

Покончив с распоряжениями по дому, я вышла на двор взглянуть, все ли там было в порядке, как вдруг прямо над моей головой раздался пронзительный крик ястреба. Я с испугом подняла глаза вверх и увидела, как ястреб, выхватив из гнезда, находившегося под крышей нашего дома, одну из сидевших там красногрудых ласточек, сейчас же поднялся с ней к облакам. Другая ласточка с громким жалобным криком полетела вслед за похитителем.

У меня так и защемило сердце, когда я увидела это зрелище.

— Бедная жертва! — невольно воскликнула я, считая этот случай дурным предзнаменованием. — Неужели твоя гибель предвещает несчастье и нашей Ласточке?

— Нет, — раздался за моей спиной спокойный голос Сигамбы, — нет, мать Ласточки, не бойтесь! Видите, вон летит сокол; он отобьет у хищника добычу.

Действительно, сверху, со страшной высоты, летел стрелой сокол и со всего размаха ударил грудью ястреба. Хищник не успел уклониться от удара и, сделав громадный пируэт в воздухе, выпустил из когтей свою жертву, которая вскоре упала на траву около дома.

Сигамба подбежала и подняла ласточку; у нее оказалось сильно поврежденным одно крыло и были сломаны обе лапки.

— Это ничего, — проговорила знахарка, — я вылечу ее. Вторая

ласточка стала кружиться над Сигамбой с жалобным писком, как бы умоляя ее возвратить ей подругу.

— Успокойся, — сказала ей Сигамба (как будто птица могла понимать ее), — я устрою под крышей своей хижины новое гнездо, посажу туда твою подругу и буду лечить, а ты будешь кормить ее.

Птицы и правда точно поняли ее: раненая смирно сидела у нее на руках, а другая спокойно уселась на ближайшем дереве.

— Мать Ласточки, — обратилась ко мне знахарка, когда я, успокоенная относительно участи раненой птицы, в которой видела свою дочь, хотела войти в дом, — дайте мне вашего коричневого мула в обмен на тех двух коров, которых мне недавно привел готтентот за то, что я вылечила его жену от укуса змеи. Я знаю, что мул стоит дороже, но у меня пока больше ничего нет, а он мне очень нужен.

— На что он тебе? — удивилась я.

— Проводить Ласточку в дорн.

— Разве она желает этого?

— Нет, ей теперь не до меня, но я должна это сделать.

Ударение, которое она сделала на слово «должна», заставило меня после минутного колебания согласиться на ее просьбу.

— Хорошо, можешь взять мула, а коровы пускай останутся у тебя, — проговорила я.

— Благодарю, мать Ласточки, — просто сказала знахарка.

— А когда же будешь лечить птицу? — спросила я, вспомнив о раненой ласточке. — Ведь она требует ухода.

— О, об этом не беспокойтесь! — с живостью отвечала Сигамба. — Я сейчас сделаю гнездо, посажу в него птичку и перевяжу ей крыло и лапки травой. Когда кости срастутся, — а это будет скоро, — она сама снимет повязки.

Я не знала, что возразить, и, молча пожав плечами, ушла в дом.

Вскоре началось венчание. Сузи была очень хороша в своем белом платье и с большим букетом белых цветов в руках, который принесла ей Сигамба. Под стать ей был и Ральф. Во всей его фигуре, в каждой черте лица, в манерах, даже во взгляде и голосе было сразу видно его благородное происхождение.

Если Сузи и была ниже его родом, зато вполне подходила ему по красоте, манерам, характеру и образованию. Я никогда не видала более подходящей пары и прямо могу сказать, что они были созданы друг для друга, поэтому и любовь их была так прочна.

Гостей у нас не было, потому что свадьба держалась в тайне, чтобы

Черный Пит не услышал о ней и не придумал какой-нибудь гадости. Однако, как потом оказалось, он все-таки узнал об этом, вероятно от пастора, который, не в обиду будет ему сказано, очень любил молоть языком и, должно быть, проболтался дорогой, когда ехал к нам.

После венчания был хороший обед, но пил, ел и болтал за столом только один пастор. В конце концов он стал нести такие глупости, что я едва не поругалась с ним.

По окончании обеда молодые стали прощаться со мной (Ян ехал их провожать). Я не знала, что теперь очень долго не увижу Сузи, а потому не давала воли слезам и крепилась, как могла. Что же касается Сузи, то она, припав к моему плечу, рыдала так сильно, что я вынуждена была остановить ее и пристыдить. Наконец она немного успокоилась и, вспомнив о Сигамбе, захотела проститься и с ней. Я послала за знахаркой, но ее нигде не могли найти. Тогда я вспомнила, что Сигамба хотела ехать провожать молодых, и сказала Сузи, что она, наверное, поджидает их где-нибудь на дороге.

Простившись еще раз со мной, новобрачные и Ян уселись на лошадей и тронулись в путь; за ними с сильным скрипом двинулся и тяжело нагруженный фургон.

Я осталась одна.

VIII Как Ральф чуть было снова не попал в море. — Что сделала Сигамба.

Проводив молодых несколько миль, Ян распрощался с ними и возвратился домой; новобрачные продолжали путь только в сопровождении отправленных с ними кафров.

С наступлением темноты Ральф распорядился сделать привал в горах, на берегу моря, милях в десяти от нашей фермы. Пока провожатые разводили костер, чтобы приготовить себе ужин, молодые супруги отправились прогуляться в живописное ущелье, спускавшееся прямо к морю. Пройдя все ущелье, они очутились на выступе невысокой скалы, у подошвы которой с трех сторон плескалось море, так что скала вдавалась в него в виде мыса.

Ральф и Сузи уселись в нескольких шагах от крутого, почти отвесного спуска к морю и, прижавшись друг к другу, заворковали словно голубки.

— Боже мой, как хороша природа, не правда ли, Ральф? — шептала Сузи, глядя на освещенное луной море. — Смотри, как красивы эти бесконечные волны, когда в них отражается небо с луной и звездами!

— Да, сейчас эти волны очень красивы, — отвечал Ральф. — Но я видел их другими и никогда не забуду этого.

Сузи поняла намек мужа и тихо продолжала:

— Да, Ральф, море, как и жизнь наша, не может быть постоянно спокойным. Но я люблю море, потому что оно дало мне тебя, а жизнь — потому что могу провести ее с тобой.

— Только бы море не разлучило нас! — невольно вырвалось у Ральфа.

— Что ты говоришь, мой дорогой?! — с испугом воскликнула Сузи, крепко обнимая его. — Нет, нет, Ральф, нас теперь ничто не может разлучить... даже море, потому что, если тебе опять нужно быть в море, то я последую за тобой... Даже сама смерть, дорогой муж мой, не в состоянии будет разлучить нас: мы и в той жизни будем вместе. Почему тебе пришло в голову, что море должно разлучить нас?

— Сам не знаю, моя Сузи, — печально отвечал Ральф. — Мне все кажется, что счастье наше непрочное.

В это время луна вдруг закрылась темным облаком и по ущелью пронесся порыв резкого, холодного ветра; вершины деревьев как-то зловеще заскрипели. Но облако вскоре исчезло, ветер утих, и луна снова

засияла во всем своем блеске, проводя широкую серебристую полосу по хребтам морских волн.

Молодые люди несколько минут сидели молча.

— От судьбы не уйдешь, Ральф, — сказала наконец Сузи, поднимаясь со своего места. — Давай лучше помолимся Богу, поблагодарим Его за то, что Он нам дал, и попросим у Него покровительства на будущее.

Опустившись на колени, оба они начали горячо молиться. Но не успели они окончить последних слов молитвы, как услышали позади себя чей-то язвительный смех. Молодые люди поспешно вскочили, обернулись назад и замерли от ужаса: перед ними стоял Черный Пит, а из-за его спины выглядывало человек десять темнокожих, вооруженных ружьями и ножами.

Ральф и Сузи сразу поняли всю опасность своего положения: они находились на таком расстоянии от своих провожатых, что не могли быть услышаны ими, если бы вздумали кричать, и на лицах их выразилось полное отчаяние.

Черный Пит сразу сообразил, что происходит в душе молодых людей, и еще язвительнее расхохотался.

— Как хорошо иметь дело с набожными людьми, — насмешливо произнес он, — это дало нам возможность подкрасться незамеченными... А какую хорошую молитву вы произносили, мои голубки! Мне казалось, что я нахожусь в церкви, когда слушал ее... Погодите, как она заканчивалась?... Ах, да! Там, кажется, говорилось о том, что вы желаете провести вместе всю жизнь? Но Бог решил как раз наоборот и поручил мне разлучить вас. Я, как покорный исполнитель Его воли...

— Перестаньте богохульствовать! — вскричал с негодованием Ральф. — Скажите лучше прямо: что вам нужно от нас?

— Та-та-та, молодой человек, как вы нетерпеливы! — проговорил Черный Пит со своей улыбкой. — Извольте, скажу, если уж вам так не терпится. Я хочу обладать той, красота и презрение которой сводят меня с ума и которой я напрасно добиваюсь уже столько времени... Одним словом, я желаю завладеть Сузанной Ботмар.

— Сузанна Ботмар уже нет, здесь находится Сузанна Кензи, моя жена, — сказал Ральф. — Неужели вы решитесь отнять у меня жену?

— Нет, мой друг, это было бы незаконно, а я всегда привык уважать закон, — продолжал Пит. — Я хочу воспользоваться не женой вашей, а вдовой, что будет и разумнее, и законнее. Сделать это мне будет не особенно трудно при помощи моих молодцов, тем более что вы здесь одни, и другого оружия, кроме молитв, у вас не имеется... А это оружие, как вы уже убедились, не может принести вам никакой пользы.

Сузи вскрикнула от ужаса и, упав на колени перед негодеем, принялась умолять его пощадить жизнь ее мужа.

Вид Пита, этого чудовища в человеческом образе, нахально стоявшего перед коленопреклоненной молодой женщиной, вся фигура которой дышала какой-то неземной красотой и невинностью, так порастил благородное сердце Ральфа, что он, поднимая жену, вскричал:

— Оставь, Сузи! Я не желаю покупать себе жизнь ценой твоего унижения.

Затем, обратившись к своему противнику, он проговорил ясным, твердым и полным достоинства голосом и нарочно на наречии кафров, чтобы и они могли понять его:

— Я вижу, что вы, хеер ван Воорен, решились убить меня и... овладеть (здесь голос Ральфа невольно дрогнул) моей женой... К моему крайнему отчаянию, я не могу помешать вам осуществить это «благородное» намерение... Но берегитесь, хеер ван Воорен: чаша долготерпения нашего Творца когда-нибудь переполнится, и наказание ваше будет ужасно!... Просить вас о пощаде я не стану: это, конечно, будет бесполезно, а главное — слишком... унижительно. Но я требую у вас пять минут, чтобы я мог проститься с женой... В этом вы не можете отказать мне: вам не позволят ваши же сообщники, хотя они и кафры.

— Ни одной секунды! — вскричал Пит, взбешенный презрением, которое ясно слышалось в тоне Ральфа.

С этими словами он выхватил из-за пояса пистолет и хотел прицелиться в Ральфа, но кафры действительно не позволили ему этого. Они обступили его со всех сторон, и один из них сказал ему:

— Мы пришли сюда, Бычья Голова, помочь тебе убить твоего врага и увести белую женщину, но мы не знали, что она его жена. Если ты не позволишь ему проститься с ней, то мы отказываемся повиноваться тебе. Мы и так не рады, что ты хочешь заставить нас смотреть, как ты будешь убивать беззащитного человека; ведь он твой враг, а не наш, и мы...

— Ну, ладно, ладно! — перебил Пит, испуганный угрозой кафра уйти и покинуть его, а это могло расстроить все его планы. — Англичанин! — крикнул он Ральфу. — Даю вам пять минут для прощания с ва... с Сузанной Ботмар.

Он отошел немного в сторону и, вытащив из кармана громадные серебряные часы, навел на них бледные лучи луны, чтобы заметить время.

Ральф обернулся к Сузи. Та с воплем кинулась в его объятия и замерла в них. Прошла целая минута в полном молчании.

— Прощай, Сузи!... Прощай, моя дорогая жена! — проговорил

наконец Ральф, крепко обнимая рыдающую молодую женщину. — Еще несколько минут — и мы расстанемся навеки...

— О мой Ральф!... Мой дорогой, любимый муж!... — захлебываясь слезами, говорила бедная Сузи. — Неужели это... не сон?... Неужели наше счастье... было... так мимолетно?... Неужели Бог... допустит...

И, не в состоянии говорить, она склонилась на грудь мужа и громко зарыдала.

Ральф, как мужчина, был, конечно, тверже, и хотя ему было не менее горько, но он все-таки старался успокоить и утешить жену.

— Перестань, Сузи!... Не надрывайся так!... Бог захотел испытать нас, и мы должны покориться Его святой воле, — уговаривал он ее.

— О Ральф!... Ты... должно быть... меня не так любишь, как я тебя... Я не хочу жить без тебя... Ральф! Море близко... давай бросимся и...

— Нет, Сузи, это будет страшный грех... самоубийство... Бог не прощает самоубийц... Прощай, моя дорогая!... Мне пора... данное нам этим злодеем время уже прошло... Старайся, если будет можно, уйти от него к своим родителям... Увидишь их, передай им мой последний привет и мою глубокую благодарность за...

— Пять минут прошло! — резко объявил Пит, подходя к своим жертвам. — Довольно! Наворковались!

— До свидания, моя дорогая, там... на небе... Господь да хранит тебя! — прошептал Ральф, крепко обнимая несчастную жену; но, видя, что она не может держаться на ногах, осторожно опустил ее на землю; затем, обернувшись к Питу, твердо проговорил:

— Я готов, господин палач!

Пит поднял пистолет и нацелился в свою жертву, но руки у него так дрожали, что он не мог даже спустить курок. Он опустил оружие и, отступив на несколько шагов, крикнул хриплым голосом стоявшим неподалеку с понурыми головами кафрам:

— Стреляйте вы в него!

Но ни один кафр не поднял головы и даже не пошевелился.

— А, проклятые трусы! — закричал выведенный из себя таким неповиновением Пит и, подняв снова пистолет, выстрелил из него в свою жертву.

Ральф, не издав ни единого звука, тихо упал на землю; но когда убийца подошел к нему, чтобы удостовериться, жив ли он, губы его жертвы тихо прошептали:

— Будь... проклят... убийца! Божий гнев всюду... последует... за... тобой!

Пит отскочил от него, как ужаленный, и закричал не своим голосом:
— Он жив еще!... Жив!... В воду его! Авось, он там скорее увидится со своими благородными предками!... Что же вы стоите, черномазые дьяволы? Берите и бросайте его в море... прямо со скалы!

Но кафры продолжали стоять, не трогаясь с места.

— А, вы и этого не хотите сделать!... Хорошо, я потом расправлюсь с вами! — продолжал ужасный человек, заскрежетав зубами.

После этих слов он схватил тело Ральфа и с яростью поволок его к краю утеса.

— Получай обратно свой непрощенный подарок! — крикнул он морю, сбрасывая с утеса тело своей жертвы.

Постояв с минуту на краю утеса, злодей обернулся к безмолвно стоявшим в качестве зрителей кабрам и насмешливым тоном проговорил:

— Ха-ха!... Он проклял меня... он грозил мне гневом Божьим... Где же этот гнев Божий?... Что же не разверзается небо, чтобы поразить меня?... Почему земля не поглощает меня?... Отчего этот утес стоит так же твердо, как стоял целые века?

Даже кафры содрогались, слушая эти страшные слова.

Наговорив еще много таких ужасных слов, которые я не решаюсь даже повторить, злодей подошел к неподвижно лежавшей Сузи и нагнулся над ней.

— А, она в обмороке! — сказал он, любуясь на озаренное луной прекрасное лицо своей жертвы. — Тем лучше: легче будет унести ее отсюда... Ну, черномазые, марш за мной!

Он взял Сузи на руки и направился в ущелье; его провожатые молча последовали за ним.

* * *

Пит думал, что никто не видел его злодеяния, кроме его сообщников, но он ошибался: спрятавшись за большим камнем, Сигамба отлично видела всю эту страшную сцену и слышала каждое слово.

Она всю дорогу ехала позади новобрачных, но, не желая быть навязчивой, старалась не попасться им на глаза. Когда она заметила, что они с места остановки пошли гулять, и притом совершенно одни, то отправилась за ними, так как сердце ее чувствовало, что эта прогулка

добром не кончится.

Умиленная трогательной сценой молящихся супругов, она сначала не заметила внезапного появления Черного Пита с его шайкой, а когда заметила, то было уже поздно. Привести помощь она все равно не успела бы, потому что место стоянки, где находились провожатые новобрачных, было довольно далеко. Поэтому она решилась остаться наблюдать и оказать помощь, когда это будет возможно. Из своего гадания она знала, что ни Ральф, ни Сузи не погибнут, а только претерпят много несчастий, которые им заранее были суждены, и не особенно тревожилась за них. Ей хотелось только знать, что сделает Черный Пит с Ральфом, а где искать Сузи — она уже знала: Пит, наверное, спрячет ее там, куда ходил кафр Зинти, когда следовал за коровой.

После ухода Пита с неподвижной Сузи и со всеми его сообщниками Сигамба поспешила к месту стоянки. Провожатые новобрачных, поужинав, беззаботно сидели вокруг костра, поджидая молодых господ. Лошади и волы, распряженные, мирно паслись на лугу. Правда, одному из погонщиков волов послышалось, что в том направлении, куда направились новобрачные, как будто выстрелили, и он сообщил об этом товарищам. Но те уверили его, что ему послышалось, и он успокоился.

— Что вы тут зеваете? — раздался вдруг голос знахарки. — Молодой баас, может быть, уже умер, Ласточку похитили, а вы сидите как пни.

Внезапное появление знахарки и ее страшное сообщение так удивили и напугали кафров, что они все вскочили со своих мест; с широко раскрытыми глазами и с разинутыми ртами они молча глядели на вдруг появившуюся вестницу.

— Вот оно что! — проговорил наконец погонщик. — Значит, я и правда слышал выстрелы?... А меня уверили... Кто же это мог сделать, госпожа?

Все кафры питали к Сигамбе величайшее уважение и постоянно величали ее госпожой.

— Ну, об этом теперь некогда толковать, — поспешно сказала Сигамба. — После все узнаете. Оставьте здесь половину людей, а остальные пусть скорее идут за мной.

И она быстро направилась к тому месту, где только что разыгралась ужасная сцена; за ней следовало около десятка кафров, в числе которых был и Зинти. Спустившись с утеса к морю, они нашли там тело Ральфа. Молодой человек лежал почти у самой воды, так что, начнись прилив, его снесло бы в море, и он наверняка бы погиб.

— Бедный молодой баас! — проговорил один из кафров, нагнувшись к

безжизненному Ральфу. — Думал ли ты, когда так весело ехал со своей красивой молодой женой, что тебя постигнет такая участь? Рассчитывал ли ты найти смерть?...

— Довольно тебе причитать! — остановила его Сигамба. — Смерть еще далека от бааса... он только без памяти. Поднимите его и несите скорее в фургон.

Своим опытным глазом она сразу увидела, что Ральф ранен не тяжело, а только обессилел от потери крови и оглушен падением.

Когда раненого принесли и уложили в фургон, Сигамба сейчас же подробно осмотрела его. Оказалось, что пуля попала ему в правый бок и прошла насквозь, но, к счастью, не повредила ни одного из важнейших внутренних органов, как потом сообщил нам доктор.

Знахарка приказала его раздеть, обмыла и искусно перевязала рану; потом она влила ему в рот какой-то подкрепляющей настойки, после чего мертвенно бледное лицо раненого покрылось легкой краской и сердце забилося сильнее.

Убедившись, что непосредственная опасность миновала, знахарка дала кафрам подробное наставление, что нужно делать в случае, если Ральф очнется, и добавила:

— Теперь поезжайте назад к старым господам и скажите им, что Черный Пит ранил молодого бааса и украл Ласточку, а я отправлюсь по его следам, чтобы быть около Ласточки и следить за ней. Я беру с собой Зинти, потому что он знает дорогу в то место, где Бычья Голова намерен спрятать Ласточку. Зинти расскажет вам, как найти это место. Запомните хорошенько его слова и передайте их старому баасу. Скажите ему, чтобы он собрал как можно больше вооруженных людей и скорее шел с ними на выручку Ласточки. Передайте ему и матери Ласточки, что пока я жива, мной будет сделано для Ласточки все, что только я буду в силах сделать. Пусть они не беспокоятся, если даже мы с Ласточкой исчезнем на долгое время. Уверьте их моим именем, что Ласточка останется жива, несмотря ни на какие ухищрения Бычьей Головы, и что я все время буду следить за ней и охранять ее. Но пусть и они, со своей стороны, принимают все меры для отыскания Ласточки... Смотрите, не забудьте ни одного слова из того, что скажет вам Зинти... А если вы не исполните всех моих приказаний, я поражу вас слепотой, глухотой и немотой. Слышите?

— Слышим, госпожа, слышим! — хором ответили внимательно слушавшие кафры. — Будь спокойна, мы ничего не забудем и все слово в слово передадим старому баасу, когда доставим к нему молодого.

После того как Зинти дал нужные указания относительно дороги в

тайное убежище Черного Пита, фургон с раненым Ральфом направился назад к нашей ферме, а Сигамба, сопровождаемая Зинти, поскакала вдогонку за похитителем нашей несчастной дочери.

Можно себе представить, что было с нами, когда нам привезли назад полуживого Ральфа и сообщили о похищении Сузи! Описать наше душевное состояние невозможно, это надо пережить самому.

Первые слова Ральфа, когда он пришел в себя, были следующие:

— Разве я еще не умер?... Как я опять попал сюда?

— Нет, сынок, ты, слава Богу, еще жив, — отвечала я, обрадованная, что он находится в полном сознании. — Тебя спасла наша славная Сигамба, и наши люди, по ее приказанию, доставили тебя сюда.

— А Сузи? — тревожно спросил он.

— Увы, сынок! Сузи пока еще здесь нет, — продолжала я и, видя, как омрачилось его лицо, поспешила прибавить: — Но ты не беспокойся: ее будет охранять Сигамба, и отец уже уехал с сильным отрядом хорошо вооруженных людей выручать твою жену. Он знает, где искать ее.

— Сигамба! — со стоном произнес Ральф. — Что может сделать слабая женщина с таким злодеем, как Пит ван Воорен?... Отец опоздает, и моя бедная милая голубка будет биться в когтях этого коршуна... О моя дорогая жена!... Нет, я не... вынесу!... Я сойду... с ума!

Он начал метаться и городить разную чепуху, пока не лишился чувств. Я поняла, что с ним сделалась горячка, и сейчас же послала в дорн за врачом, который постоянно жил там и славился своим искусством. Врач приехал в тот же день вечером и, осмотрев больного, успокоил меня, заверив, что молодость и сильная натура Ральфа помогут ему перенести горячку и что беспокоиться особенно нечего. Необходим только тщательный уход за больным. Врач пробыл у нас несколько дней, находясь почти безотлучно около больного. Когда главная опасность миновала, врач дал мне нужные советы, как обращаться с больным, и уехал домой, так как не мог дольше оставаться у нас.

Я строго исполняла все его предписания и была очень обрадована, когда через семь недель наш дорогой зять снова был в состоянии сесть на лошадь.

Кроме искусства врача, молодости и сильной натуры, выздоровлению Ральфа здорово помогало еще одно обстоятельство, о котором будет сказано дальше.

IX По горячим следам. — В хижине Черного Пита.

Я забыла сказать, что прежде, чем отправиться в путь, предусмотрительная Сигамба послала Зинти взять из фургона одеяло, фляжку с персиковой настойкой, провизию и даже «роер» Ральфа; кроме того, она поручила кафру привести трех лошадей для себя, своего проводника и для Сузи, если им удастся освободить ее. Всю поклажу она приказала Зинти навьючить на своего мула и вести его в поводу. Сама она взялась вести таким же образом лошадь для Сузи.

Доехав до места, где Черный Пит и его сообщники сели на лошадей, знахарка и кафр направились по их следам, которые хорошо были видны при лунном свете в помятой траве лесной опушки. Но когда они достигли открытой долины, где трава была выжжена солнцем, следы исчезли.

— Теперь надежда только на тебя, Зинти, — сказала Сигамба. — Можешь ли ты отсюда найти дорогу в логово Бычьей Головы?

— Могу, госпожа, — ответил кафр. — Оно находится там, за тем пиком, который выше всех гор. Внизу этого пика есть сквозная пещера, такая низкая, что человек с трудом проходит через нее. Отверстие ее с этой стороны закрыто кустарником, но корова пробралась сквозь него, а за ней прошел и я.

— Хорошо! Поезжай же вперед. Только смотри в оба, чтобы нам не наткнуться на кого-нибудь из шайки Черного Пита.

— Будь спокойна, госпожа; мои глаза и уши открыты.

Сигамба и ее проводник ехали всю ночь, не заметив ничего подозрительного. Под утро они ненадолго остановились на берегу одного ручья, чтобы дать животным возможность вздохнуть, пощипать травку и утолить жажду, да и самим немного подкрепиться. Отдохнув, снова отправились в путь и ехали до самого вечера, как вдруг, недалеко от пика, поднялась сильная буря с грозой и дождем.

— Ну, теперь, наверное, придется ждать до утра! — тоскливо проговорила Сигамба. — Едва ли ты в этой темноте найдешь дорогу.

— А молния-то на что, госпожа? — ответил Зинти. — Она будет на миг указывать признаки, по которым я найду дорогу... Да вот, видишь, налево выступ горы, похожий на голову большой птицы? Туда нам и нужно ехать. Потом будет лощина с маленькими деревьями, а там уж и самый пик.

Убедившись, что проводник не запутается в горах, несмотря на страшную темноту, лишь изредка прорезываемую молнией, и на то, что он только один раз и был в этой местности, знахарка спокойно стала продолжать путь.

Через некоторое время Зинти остановился и сказал:

— Вот вход в пещеру, госпожа. Но провести через него животных нельзя: слишком уж узко и низко. Нужно оставить их здесь и к чему-нибудь привязать.

Сверкнувшая в это время молния дала Сигамбе возможность разглядеть, что они находятся у подножия громадного утеса с острой вершиной, окруженного густой порослью кустарника.

Сойдя с лошадей, они привязали их и мула к группе небольших деревьев, стоявших немного в стороне. Затем Сигамба надела им на морды мешки с кормом, подняла над ними руки и что-то прошептала.

— Что это ты делаешь, госпожа? — осмелился спросить заинтересованный Зинти.

— Я внушаю животным, чтобы они стояли и не ржали, пока находятся здесь, — ответила знахарка. — Ну, теперь бери «роер» и веди меня через пещеру.

Между тем гроза прекратилась, вокруг стало светлее. Только еще бушевал ветер, и то порывами, так что в промежутках можно было бы услышать, если бы поблизости кто-нибудь ехал или шел.

Когда Зинти провел свою спутницу через природный тоннель в утесе в окруженную со всех сторон горами долину, он указал ей на черневшую в некотором отдалении большую круглую хижину, освещенную лучами засиявшей на небе луны, и прошептал:

— Вот, госпожа, это место; но хижины еще не было тогда, когда я был здесь.

— Ага! Значит, Ласточка там, — сказала Сигамба, и Зинти показалось, будто глаза знахарки в это время горели, как свечи.

Она хотела еще что-то сказать, но Зинти поспешно схватил ее за руку и чуть слышно прошептал:

— погоди, госпожа, я чую людей!

Действительно, вслед за тем послышался шум падающих камней, и с одной из окружающих скал стала спускаться какая-то тень.

— Стой! Кто там? — раздался окрик мужского голоса на кафрском наречии.

— Это я, Азика, жена Бычьей Головы, — ответил тихий, приятный женский голос. — Ты поставлен сторожить, Коршун?

— Да, и я не один: еще двое из нас стоят и считают звезды, пока баас празднует свадьбу с новой женой.

— С новой женой? — повторила та, которая назвала себя Азикой. — Разве он уже привез ее?

— Привез сегодня после захода солнца, — послышался ответ. — Мой дядя, который был в числе провожатых бааса, говорит, что это дочь белого инкosi. Бычья Голова вчера ночью убил ее мужа, тоже белого, и увез ее тайком от людей, которые дожидались в стороне, пока она ходила с мужем гулять... Да он только с утра и был ее мужем, и они ехали в дорн к родным... Белолицая госпожа сначала была как мертвая, но дорогой ожила, и тогда Бычья Голова связал ей ноги, чтобы она не убежала; сам принес ее сквозь гору и поселил в новой хижине, которую, как ты знаешь, он построил для нее. Но она, видно, не хочет быть его женой, а то чего бы ему бояться, что она убежит от него, — заключил рассказчик.

— Опять дурное дело сделал Бычья Голова; оно, наверное, всем нам принесет зло, — промолвила Азика. — Он только и делает одно дурное... Я иду в крааль... Проводи меня, Коршун... В лесу, кажется ходят привидения... я боюсь их.

— Не смею, Азика: Бычья Голова может узнать, что я отходил от этого места, и тогда, ты знаешь...

— Не узнает... Ему теперь не до тебя, — с заметной горечью проговорила Азика.

— Ну хорошо, пойдем провожу, — согласился кафр после некоторого молчания. — Только нужно идти скорее, чтобы я мог сейчас же возвратиться сюда.

Собеседники поспешно удалились в сторону, противоположную той, где скрывались Сигамба и Зинти.

— Иди назад к лошадям и жди там, — шепнула знахарка своему спутнику. — Если услышишь отсюда крик совы, беги скорее сюда. Раньше же не трогайся с места.

— Хорошо, госпожа. А ты слышала, что тут есть еще два сторожа? — спросил Зинти.

— Слышала. Но я сделаю так, что они меня не заметят, — ответила знахарка. — Иди и делай, как я сказала.

Зинти неслышно проскользнул назад в тоннель, а Сигамба поползла на четвереньках к хижине. В десяти шагах от хижины она заметила другого часового. Это побудило ее повернуть к задней стороне хижины. Однако в то время, когда она пробиралась по маленькой полянке между деревьями и кустарником, часовой заметил ее и, приняв за зверя, бросил в нее дротик.

— Вот тебе, ночной бродяга, — проговорил он.

На Сигамбе был ее меховой каросс, надетый по случаю дождя и ночной свежести на плечи (в сухое и теплое время дикари спускают свою одежду до пояса). Это обстоятельство и заставило дикаря вообразить, что он увидел перед собой шакала. Дротик попал в край каросса и не причинил Сигамбе никакого вреда. Она даже обрадовалась, что ей попало в руки оружие, которым она отлично умела владеть. Спрятав дротик, она поползла дальше.

— Далеко не уйдешь! — крикнул ей вслед часовой. — Утром я отыщу тебя и вытащу из тебя свой дротик.

— Ну, это тебе едва ли удастся сделать! — прошептала Сигамба, скрываясь из его глаз в тени деревьев.

Она узнала в этом часовом того самого кафра, который по приказанию Черного Пита накидывал петлю ей на шею, и решила отомстить ему.

Наконец она очутилась у задней стены хижины, устроенной из толстых ветвей, переплетенных лианами, и для устойчивости кое-где подпертой кольями. Сквозь тонкие щели хижины проникал свет, и слышался мужской голос, что-то с жаром говоривший.

Окон в подобных строениях не полагается, и только на крыше имеется отверстие над очагом для выхода дыма. Этим отверстием и воспользовалась Сигамба. С проворством кошки она взобралась на покатую крышу и, уцепившись там за край отверстия, осторожно заглянула в хижину. То, что она увидела, несколько успокоило ее.

Сузи полулежала на постели; волосы ее были распущены и растрепаны, лицо мертвенно бледно, безразличный взгляд устремлен прямо перед собой, из-под платья виднелась веревка, которой были связаны ее ноги.

На столе горела свеча из бараньего сала, вставленная в бутылку. У стола стоял Черный Пит и, размахивая руками, оживленно говорил:

— Выслушай же меня, Сузанна. Я всегда любил тебя, с самых детских лет, когда в первый раз увидел тебя. Но я понял свою любовь только тогда, когда встретил тебя в лесу, верхом, рядом с тем ненавистным англичанином, которого я вчера убил на твоих глазах (при этих словах Сузи всю передернуло, но она не сказала ни слова). Да, в этот день я понял, что насколько люблю тебя, настолько же ненавижу этого англичанина... Я стал говорить тебе о своей любви — ты убегала от меня... Тебе нужен был не я, а этот... Кензи. Это еще больше разжигало мою любовь, сводило меня с ума... Да, благодаря моей любви к тебе я — сумасшедший и делаю такие вещи, о которых даже мне стыдно говорить тебе... Впрочем, все равно,

скажу. Я связался с кафрами, научился у них колдовству и разным жестокостям, отрекся от Бога и продался... дьяволу... И даже поднял руку на родного отца, когда тот был пьян и требовал от меня повиновения... Говорят, что он от этого умер. Может быть... Но я об этом не жалею. Он поступил со мной хуже, научив понимать силу зла. Я хорошо сознаю, что все мои дела очень... скверны, но я иначе не могу... Я знаю, что ты думаешь в эту минуту обо мне: «Какой, дескать, это злодей, убийца, обрызганный кровью моего мужа и своего родного отца. Как только земля терпит такое чудовище!» Так ведь, а? Но ты в моей власти, и ничего не можешь сделать мне... Это-то меня и радует... Да, я и убийца, и злодей, и чудовище, но в этом виноват не я. Дед и отец вложили в меня предрасположение к сумасшествию, а ты... ты дала толчок к его развитию... Значит, на вас всех падает и ответственность за все то, что я делаю дурного... От моей бабушки, которая была кафрянкой и знахаркой, перешла ко мне жажда мести, но зато перешли и знания, каких никогда не может быть у белых... Когда тот, тело которого, надеюсь, уже съедено акулами, нанес мне тяжелое оскорбление, мое сумасшествие окончательно прорвалось, и я поклялся... Я сдержал эту клятву: англичанин умер, а ты — в моей власти... Ты молчишь, Сузанна? Значит, ты понимаешь, что ничто в мире не заставит меня отказаться от тебя? Ты права: я хитростью и преступлением добыл тебя, — хитростью же и преступлением и удержу тебя у себя. Ты в моей власти, тебе от меня не уйти, и никому тебя не найти здесь: это место известно только немногим из моих кафров, а они никогда не решатся изменить мне, потому что хорошо знают, как я им отплачу за это... Итак, будь моей женой добровольно — и ты найдешь во мне самого нежного и преданного мужа... Огонь страсти, пожирающий мой мозг и мою кровь, угаснет, и я сделаюсь таким же тихим и кротким, каким был до тех пор, пока не увидел тебя и твою любовь к этому англичанину... Слышишь, Сузанна?... А, ты не отвечаешь!... Хорошо! Я теперь тебя покину, но через час снова явлюсь, и ты тогда должна дать мне ответ, иначе я... Ну, да об этом потом, а теперь я пойду приму еще кое-какие меры на случай поисков со стороны твоих родственников, хотя и уверен, что они не найдут твоих следов. Ха!... Теперь даже сама продувная Сигамба ни за что не пронюхает, куда ты девалась, а все-таки известные предосторожности не будут лишними... «Береженого Бог бережет».

После этих слов негодяй захохотал и вышел из хижины.

— Убийца! — проговорила ему вслед Сузи, и страшное отчаяние выразилось на ее лице.

Как только Черный Пит отошел достаточно далеко от хижины,

Сигамба спустилась в нее сквозь потолок, как раз в то время, когда Сузи вынула свой кинжал, перерезала веревку на ногах и, опустившись на колени, готовилась произнести предсмертную, быть может, молитву.

Для того чтобы Сузи не вскрикнула от неожиданности, знахарка, подкравшись сзади, зажала ей рот обеими руками и прошептала:

— Это я, Ласточка, твоя Сигамба, не бойся.

С этими словами она обошла вокруг Сузи, так что та могла убедиться собственными глазами, что перед ней действительно Сигамба. Сузи равнодушно взглянула на знахарку и тихо спросила:

— Зачем ты здесь, Сигамба?

— Чтобы спасти тебя, Ласточка.

— Меня уже никто не может спасти, — тихо прошептала Сузи.

— Я вырву тебя отсюда, и ты опять будешь счастлива.

— На что мне теперь жизнь? Ральфа уже нет...

— Ральф жив. Он был только ранен. Мы нашли его на берегу моря и отправили к твоим родителям, — быстро проговорила Сигамба.

Сузи мигом вскочила на ноги. Личико ее покрылось румянцем радости, и в безжизненных до сих пор глазах засветился огонь неземного восторга. Но, как бы боясь поверить невероятному, она спросила Сигамбу, пристально глядя ей в лицо:

— Ты не лжешь?

— Клянусь Великим Духом, что муж Ласточки жив и еще долго будет жить!... Но время бежит, нужно скорее действовать. Ты очень слаба. Выпей вот скорее молока, подкрепи свои силы, они тебе понадобятся, а я пока займусь своим делом.

На столе стоял кувшин с молоком и лежали маисовые лепешки. Пока Сузи утоляла свой голод, которого раньше не чувствовала, знахарка подняла веревку, сделала из нее петлю и закинула ее на вбитый в стену гвоздь.

— Что это ты делаешь? — спросила заинтересованная молодая женщина.

— А вот увидишь, — ответила знахарка. — Ты кончила есть?

— Да, и чувствую, что силы возвратились ко мне.

— Тем лучше. Теперь слушай меня, Ласточка. Перед хижинкой стоит на часах кафр, который повесил бы меня, если бы тогда Ласточка не спасла меня. Я ему тогда предсказала скорую смерть. Теперь его час настал. Я сейчас просуну голову в эту петлю и сделаю вид, будто я удушенная. Ты беги к двери и кричи о помощи. Когда часовой прибежит в хижину, ты с испугом укажешь на меня. Он подумает, что это привидение, которое

явилось напомнить ему о моей угрозе, и бросится бежать. Но этот дротик догонит его и не позволит поднять тревогу. Потом мы...

— Зачем же тебе нужно разыгрывать удушенницу и пугать этого несчастного? — недоумевала Сузи.

— Так нужно, Ласточка, — отвечала знахарка. — Делай, пожалуйста, как я говорю, — прибавила она, просовывая голову в петлю и только кончиками пальцев опираясь о земляной пол, точь-в-точь как тогда в лесу.

Сузи бросилась к двери и громко закричала:

— Помогите!... Помогите!... Ко мне кто-то забрался!

Часовой поспешно отодвинул наружную задвижку и вошел в хижину. Свет падал на страшно искаженное, с высунутым языком лицо Сигамбы. Взглянув на мнимую удушенницу, суеверный дикарь с ужасом закрыл лицо руками и попятился к двери. В то же время его поразил прямо в сердце дротик, пущенный ловкой, привычной рукой знахарки. Дикарь, не издав ни звука, упал на пол и тут же умер.

Сигамба сбросила с себя петлю, схватила за руку Сузи и выскочила из хижины. Обе пустились бегом к утесу.

Очутившись по ту сторону утеса, Сигамба прокричала совой. Зинти, все время не спускавший глаз с тоннеля, уже заметил женщин и догадался, не дожидаясь дальнейших приказаний, подвести к ним лошадей.

— Слава Великому Духу! — прошептала Сигамба, усаживая дрожащую спутницу на лошадь. Усевшись затем сама на другую лошадь, она быстро проговорила:

— Зинти, к дому Ласточки!

— А как же быть с мулом, госпожа? — спросил кафр.

— Отвяжи его и оставь здесь. Он сам найдет дорогу домой, — распорядилась Сигамба.

Кафр поспешил исполнить это приказание, и через минуту беглецы во всю прыть мчались по дороге к нашей ферме. Все шло хорошо, как вдруг из одного ущелья, через которое нужно было проехать, показался небольшой отряд всадников с Черным Питом во главе.

Беглецы остановились, как по команде.

— Есть другой проход, Зинти? — торопливо спросила Сигамба.

— Нет, госпожа, — ответил кафр. — Но направо есть большая гора, можно переехать через нее.

— Значит, едем к горе, — сказала Сигамба. — Только вот что. Если нам случайно придется расстаться, то тот, кто придет раньше, должен ожидать других по ту сторону горы.

Х Как Стрела спасла Сузи и Сигамбу. — Предсказание о Белой Ласточке.

Когда беглецы повернули лошадей в сторону, Черный Пит со своими спутниками был от них всего в ста шагах, но беглецов спас лесок, через который лежал их путь. Ван Воорен не думал, что они решатся покинуть этот лесок, и потому искал их там во всех направлениях, между тем как они, проехав лес, уже мчались по открытой равнине.

Они ехали всю ночь и только перед рассветом добрались до небольшого ручья. Теперь до той горы, о которой говорила знахарка, оставалось всего миль двадцать. Сузи оглянулась назад и, не заметив больше погони, предложила остановиться, чтобы дать возможность измученным лошадям немного отдохнуть и утолить мучившую их жажду.

Удостоверившись, в свою очередь, что непосредственной опасности пока нет, Сигамба согласилась на небольшую остановку на берегу ручья.

— Зачем мы едем к этой горе? — спросила Сузи, пока лошади, громко фыркая от удовольствия, утоляли свою жажду в прозрачной воде ручья.

— Там есть место, где можно будет укрыться в случае надобности, — ответила Сигамба. — А когда нас перестанут преследовать, мы можем спуститься с той стороны горы и направиться прямо к вам домой через смежную цепь гор. Это будет гораздо безопаснее, чем ехать по открытому месту, где нас можно видеть за несколько миль.

— А эта гора обитаема? — продолжала Сузи.

— Да, Ласточка, там живет могущественный инкоси красных кафров, Сигва, который считает своих воинов тысячами. Он мог бы помочь нам, но я слыхала, что он отправился к северу на войну с некоторыми из племен свази, с которыми поссорился по какому-то поводу.

— А его народ разве не может оказать нам помощи?

— Мог бы. Но я не знаю, кто там остался из вождей... Вот приедем — увидим... Во всяком случае, у красных кафров мы будем в большей безопасности, нежели где-либо, пока не доберемся до дому.

Сузи хотела еще что-то спросить, но вдруг раздалось восклицание Зинти, увидавшего сзади, на расстоянии всего одной мили, нескольких всадников, несшихся во весь опор прямо к ним. В переднем всаднике нетрудно было узнать Черного Пита.

— Ага! — проговорила Сигамба, взглядевшись во всадников. — Они на

свежих лошадях. Должно быть, переменили их в краале, мимо которого мы недавно проезжали. Этот крааль тоже принадлежит Черному Питу. Вот почему они и отстали от нас...

— Так нам надо скорее ехать! — воскликнула побледневшая Сузи.

— Да, мешкать нечего, тем более что наши лошади немного отдохнули и напились, — отвечала Сигамба, поспешно подсаживая свою испуганную спутницу на лошадь.

— Скорее! Скорее! — твердила Сузи, со страхом оглядываясь назад.

— Не бойся, Ласточка, — успокаивала ее Сигамба. — Они еще далеко и не настигли нас, да и едва ли настигнут.

Но если в ее тоне и слышалась уверенность, зато в душе шевелилось сильное опасение, потому что она хорошо видела, что их лошади были сильно утомлены этой бешеной скачкой и что преследователи легко могут догнать их на своих свежих лошадях. Только лошадь Сузи выглядела еще хорошо. Это была та самая Стрела, с помощью которой знахарка однажды уже спасла всех нас, когда мы возвращались от ван Роозена. Стрела была подарена Яном Ральфу, и Сигамба догадалась взять ее вместе с «роером» нашего зятя, как бы предчувствуя, что она еще раз может принести большую пользу.

Успокоенная словами своей спасительницы, Сузи села на лошадь, и скачка возобновилась. Однако через некоторое время, когда беглецы очутились в местности, усеянной буераками и перерезанной во всех направлениях глубокими оврагами с густой порослью, Зинти вдруг заявил Сигамбе, что его лошадь не может больше поспевать за их лошадьми.

— Спроси, госпожа, свою мудрость и скажи, что мне теперь делать? — сказал кафр.

Знахарка окинула взглядом всю местность и быстро проговорила:

— Спустись вон в тот овраг и посиди там, пока наши преследователи не проедут мимо.

— А потом, госпожа?

— А потом... потом сам придумай, как лучше поступить.

Обе женщины поскакали дальше, а кафр, соскочив со своей тяжело дышавшей лошади, поспешно повел ее к оврагу и вскоре исчез из вида. Ван Воорен со своими спутниками как раз в это время переезжал через пригорок, за которым ему ничего не было видно.

Через час наши беглянки подъехали к реке, по ту сторону которой ясно вырисовывалась громадная гора. Стрела все еще не сбавляла своего бега, хотя бока ее, покрытые пеной, втянулись, а глаза страшно расширились; лошадь же Сигамбы, видимо, ослабевала, но все еще старалась, напрягая

последние силы, не отставать от Стрелы.

— До реки у нее хватит сил, а дальше едва ли, — сказала Сигамба, глядя по шее свою измученную лошадь.

— А потом что же мы будем делать? — с ужасом прошептала Сузи, оглядываясь назад и видя, что расстояние между ними и преследователями значительно уменьшилось.

— А потом мы увидим, — ответила Сигамба, понукая свою выбившуюся из сил лошадь.

Наконец беглянки очутились почти на самом берегу реки, известной у дикарей под названием «Красные Воды». К немалому испугу Сигамбы, река оказалась страшно поднявшейся и разлившейся из-за ночного ливня. Выйдя из берегов, она с шумом катила свои мутные покрытые грязной пеной красноватые волны.

— Неужели нам нужно переправляться через эту реку? — ужаснулась Сузи.

— А разве Ласточке приятнее опять попасть в руки к Черному Пити? — заметила Сигамба.

Сузи вздрогнула и молча погнала Стрелу.

В двух шагах от воды лошадь Сигамбы вдруг затрепетала, подпрыгнула кверху и, как подстреленная, упала на землю.

— Вперед, Ласточка!... Смелее! — воскликнула знахарка, ловко спрыгнувшая с седла в самый момент падения лошади. — Стрела перенесет тебя на тот берег, а там ты...

— А ты, Сигамба? — перебила Сузи. — Неужели ты...

— Я?... Я останусь здесь, — отвечала мужественная женщина. — Жаль только, что я не догадалась взять у Зинти «роер».

— Нет, нет! Я не могу допустить этого! Ты не останешься, если не хочешь, чтобы я бросилась прямо в воду! — вскричала моя благородная дочь. — Садись скорее ко мне. Места хватит нам обеим, притом ты такая легенькая.

Сигамба молча кивнула головой. Когда Стрела вошла в воду, знахарка последовала за лошастью и, ухватившись за ее густую гриву, поплыла рядом с ней. В это время преследователи тоже подъезжали к реке, и ван Воорен крикнул беглянкам, чтобы они лучше сдались, если не желают погибнуть в реке.

Сигамба чувствовала, как задрожала Сузи, услышав этот противный голос. Ободрив свою спутницу несколькими словами, знахарка погладила шею лошади и что-то шепнула ей. Умное животное, тряхнув головой, быстро направилось к противоположному берегу, прямо наперерез

быстрому течению.

Преследователи испустили крик удивления и досады. Черный Пит тоже хотел перебраться через реку вплавь, но никакие понукания и угрозы не смогли заставить его лошадь последовать примеру Стрелы, и он вынужден был оставить свое намерение. Скрежеща в бессильной ярости зубами, он молча смотрел на ускользавших от него беглянок.

Между тем Стрела, победоносно справившись со стремниной, приближалась к противоположному берегу, а преследователи вынуждены были направиться вдоль берега, чтобы найти брод. Сигамба засмеялась, зная, что на это им понадобится несколько часов.

Через десять минут храброе и преданное животное благополучно доставило обеих женщин на землю и с громким радостным фырканьем стала отряхиваться.

Потрепав по шее свою спасительницу, Сигамба помогла Сузи сойти с седла и весело сказала:

— Ну, теперь нам всем можно немного отдохнуть после такого подвига. Никто не поверит, что мы переплыли через Красные Воды во время разлива на одной лошади и притом вдвоем. Спасибо тебе, наша храбрая спасительница.

С этими словами она обхватила обеими руками мокрую морду лошади и крепко поцеловала, животное ответило на это тихим ласковым ржанием, точно понимая, что его благодарят. Сузи тоже с благодарностью погладила Стрелу по ее красивой крутой шее.

Через полчаса обе путницы опять уселись на лошадь и продолжили путь. В нескольких шагах от берега начинался подъем в гору.

— Долго нам еще придется ехать? — спросила Сузи.

— Нет, теперь мы скоро доберемся до селения Сигвы, — отвечала Сигамба, зорко всматриваясь во все стороны.

— Слава Богу! — продолжала Сузи. — А то я так устала, что едва держусь в седле.

— Знаю, знаю, Ласточка, — ласково говорила ее телохранительница. — Что же делать, продержись еще немного.

Подъем на гору продолжался часа полтора. Но вот, завернув за один громадный выступ горы, путницы вдруг очутились на обширном, ровном и открытом пространстве, на котором было разбросано множество хижин. На площадке стояла целая армия черных воинов, распределенная по полкам, как у бледнолицых. От блеска множества металлических наконечников копий и дротиков резало глаза. Немного в стороне помещалась группа вождей и военачальников.

— Сейчас решится наша участь, — прошептала Сигамба, направляя Стрелу прямо к этой группе.

Все с изумлением смотрели на неожиданное странное явление: на чистокровную, видимо загнанную лошадь и сидящих на ней — прекрасную бледнолицую женщину и маленькую негритянку. Остановившись перед вождями, Сигамба сошла на землю, а Сузи осталась в седле.

— Кто ты? — спросил у Сигамбы стоявший впереди вождь, высокий статный человек в одежде из леопардовых шкур, пристально глядя на растрепанную и мокрую фигурку маленькой женщины.

— Я — Сигамба Нгеньянга, знахарка, о которой вы, быть может, кое-что слышали, — смело ответила последняя.

— Слыхали, слыхали!... Знаем! Она великая знахарка! — раздалось несколько голосов из рядов войска в ответ на вопросительный взгляд вождя.

— К какому роду и племени ты принадлежишь? — продолжал вождь в леопардовых шкурах.

— К роду Звиде, которого Чака прогнал из Земли Зулу. По рождению я — инкосикази племени упомондвана, живущего на горе Упомондвана. Они были детьми Звиде, а теперь стали детьми Чаки...

— Что же заставило тебя так удалиться от своего дома?

— Когда Звиде и его народ были изгнаны Чакой, мой народ, Упомондвана, добровольно, вопреки моей воле, подчинился Чаке. Я этого не могла стерпеть и потому ушла.

— Хотя твое тело мало, но ум и сердце велики, — сказал вождь.

— То, что рассказывает Сигамба, — верно, — заметил один из близстоящих воинов. — Я слышал об этом, когда меня посылали к ндвандве.

— А кто эта красивая женщина, которая сидит на лошади? — вновь продолжал предводитель.

— Это — моя сестра и госпожа, которой я буду служить до самой своей смерти, потому что она спасла мне жизнь. Ее зовут Ласточкой.

При этом слове все, кто его слышали, вскрикнули от изумления и переглянулись радостно сверкнувшими глазами. Недалеко от предводителей стояли несколько мужчин и женщин, принадлежавших, судя по одежде, к почетному званию иньянг — знахарей и знахарок. Все они теперь подошли ближе и с видимым благоговением смотрели на Сузи.

Сигамба отлично заметила впечатление, произведенное именем Ласточки, но, не желая показывать этого, спокойно продолжала:

— Ласточка и я спешили сюда, надеясь застать здесь мудрого Сигву.

Мы нуждаемся в его совете и помощи. Если он не выступил еще против врагов, то...

— Я — Сигва, — перебил беседовавший с ней высокий кафр в леопардовых шкурах. — Чего хочет от меня моя сестра?

— Привет тебе, великий инкоси! — проговорила Сигамба, сложив на груди руки в знак своего уважения к вождю. — Выслушай меня и разреши нам укрыться в тени твоего могущества.

В немногих словах Сигамба рассказала всю историю Сузи с Черным Питом. При имени Пита, которого она, конечно, назвала Бычьей Головой — именем, более известным дикарям, последние переглянулись; а когда услышали, как они с Сузи переправились через разлившиеся Красные Воды, многие пожали плечами, считая это просто похвальбой. Нисколько не смущаясь этим, Сигамба закончила свой рассказ и добавила:

— Мы просим у тебя, великий инкоси, защиты против Бычьей Головы и охраны, чтобы проводить нас до морского берега, в дом Ласточки. Ее отец — великий белый инкоси; он тебя щедро вознаградит за эту услугу. Я сказала все и жду ответа.

Сигва отозвал в сторону знахарей и знахарок и, поговорив с ними несколько минут, снова подошел к Сигамбе и Сузи.

— Сигамба Нгеньянга и ты, Белая Ласточка, выслушайте теперь меня. Сегодня в моем селении произошел удивительный случай, какого не помнят даже наши отцы. Вы видите, войско мое собрано. Завтра оно должно выступить в поход против ндвандве, смертельно оскорбивших меня и мое племя. И вот сегодня, следуя обычаю наших предков, наши знахари и знахарки вопрошали судьбу, чтобы узнать, чем для нас окончится война. Вопросив судьбу, они поведали нам, что, если моих воинов будет сопровождать белая ласточка, то мы возвратимся победителями и нашей крови будет пролито немного, но сама ласточка не должна возвращаться с нами, потому что, если она повернет свою голову на полдень, мы все должны погибнуть. Пока мы удивлялись этому пророчеству и недоумевали, где нам взять белую ласточку, подъехали вы, и одна из вас оказалась именно Белой Ласточкой. Теперь мы поняли, что это и есть та самая Ласточка, которая должна сопровождать нас и принести нам счастье. Поэтому ваша просьба будет мною исполнена, но с той разницей, что вы пойдете вместе с нами к северу, а не к югу, к себе домой. Хотя я и иду против твоего народа, Сигамба Нгеньянга, но я пощажу твое племя, несмотря на то, что оно подчинено враждебному мне народу и одной с ними крови. Пока вы будете между нами, не бойтесь ничего; вам будут оказываться все почести, которых вы достойны, и вы будете находиться под

моим особым покровительством, а Белая Ласточка получит десятую часть всей нашей военной добычи как главная виновница нашей будущей победы над врагами. Но знайте, что не будь нам такого предсказания, я вынужден был бы отказать вам в вашей просьбе и выдать Белую Ласточку Бычьей Голове, потому что поклялся ему в дружбе. Теперь же обстоятельства изменились: честь и благо моего народа — прежде всего, и я буду защищать вас от Бычьей Головы, если он явится сюда требовать Ласточку хоть с целыми сотнями вооруженных воинов. Я сказал все, и слово мое неизменно, — прибавил вождь и, отвернувшись от разочарованных женщин, показал этим, что аудиенция окончена.

Сузи с тоской взглянула на Сигамбу и тихо прошептала:

— Да ведь это — перемена одного плена на другой... Нас хотят тащить Бог весть куда, и ни Ральф, ни мой отец не будут знать, куда я девалась и где меня искать... Ральф умрет с горя... да и я...

— Да, это скверно, — перебила шепотом Сигамба, — но все-таки лучше, чем если бы мы опять попали в руки Черного Пита... Ведь ты знаешь, что ожидает тебя там... Если же мы пойдем за Сигвой и его войском, то будем в полной безопасности и, быть может, найдем способ как-нибудь известить твоих родных о том, где ты находишься, Ласточка, или же придумаем средство к бегству.

Во время этой беседы Сузи с Сигамбой прибежал часовой и донес Сигве, что к селению приближаются пять всадников, в числе которых находится Бычья Голова.

По знаку Сигвы Сузи и Сигамба сейчас же были окружены сплошным кольцом из нескольких сотен воинов. Едва успел этот круг сомкнуться, как появился Черный Пит со своими четырьмя спутниками.

Увидев Сузи, все еще сидевшую на лошади, в самой середине круга копьеносцев, Пит с торжеством улыбнулся и вместо обычного приветствия громко крикнул вождю кафров:

— Сигва! От меня сбежала одна из моих жен вместе со служанкой... Вот она сидит на лошади, окруженная твоими воинами. Прикажи скорее выдать их мне, чтобы я мог отвести их обратно в свою хижину и наказать за бегство, как они того заслуживают.

— Привет тебе, Бычья Голова, — вежливо и с достоинством проговорил Сигва. — Благодарю тебя за твое посещение. А что касается белой женщины и ее спутницы, то это мои гости, и вопрос о выдаче их подлежит серьезному обсуждению. Я узнал, что это дочь белого инкосо, которого зовут Толстой Рукой; я узнал также, что ты хотел убить ее мужа, чтобы сделать ее насильно своей женой. Эти женщины просят моего

гостеприимства и отдались под мою защиту, поэтому я должен разобрать это дело по справедливости, как все дела, с которыми обращаются ко мне. В настоящем же деле я в особенности обязан быть справедливым, потому что не желаю ссориться с белыми и навлекать их гнев на себя и на свой народ... Будь пока моим гостем, а завтра утром я соберу своих советников и разберу твоё дело.

Хорошо зная характер и обычаи кафров, Черный Пит понял, что Сигва только морочит ему голову и вовсе не намерен выдать Сузи и Сигамбу. Мысль, что Сузи, несмотря на все его проделки и даже преступление, так же далека от него, как была раньше, привела его в страшное бешенство. Соскочив с лошади, он схватил «роер», подбежал к кругу воинов и крикнул им расступиться. Но ни один из них не тронулся с места.

Два раза он обежал вокруг живого кольца, скрипя зубами от ярости. Видя, что ему не удастся проскользнуть в круг, он закричал:

— Эй, Сигамба! Ты там?

— Здесь, — послышался голос маленькой женщины из-за живой стены воинов. — Расступитесь-ка немного, друзья мои, — обратилась она к кафрам, — дайте возможность этому ублюдку полюбоваться на меня.

Воины потеснились и образовали узкий проход, на одном конце которого оказалась Сигамба, а на другом — Пит.

— Ну, Бычья Голова, о чем ты желаешь побеседовать со мной? — продолжала наша знахарка, когда ее небольшая фигурка сделалась видна ван Воорену. — Не о Ральфе ли Кензи, которого, быть может, ты воображаешь, что убил? Так успокойся: этого лишнего греха на твоей черной душе нет. Он только неопасно ранен и скоро выздоровеет, чтобы выплатить тебе долг... Не о нем? Может быть, о новой хижине в твоём тайном убежище, которое, ты думаешь, никому не известно? Так могу тебя успокоить и на этот счет: я уже давно хорошо знаю его и даже могу дать тебе добрый совет относительно твоей новой хижины — исправить в крыше отверстие для дыма; я, кажется, немного повредила его, когда пролезала внутрь, чтобы насладиться твоей речью, которую ты говорил Белой Ласточке. Что, и об этом не желаешь говорить?... Так уж я, право, не знаю, о чем... Ах, да! Разве вот о том, как я и Ласточка, сидя на измученной лошади и притом вдвоем, переправились на твоих глазах через Красные Воды, а ты, мужчина, не мог сделать этого на свежей лошади.

Сигамба произнесла всю эту речь и в особенности закончила ее таким насмешливым тоном, что стоявшие вокруг кафры, несмотря на всю свою сдержанность, не могли не улыбнуться, а Черный Пит прямо выходил из себя от бешенства.

— А, проклятая колдунья, я сейчас покажу тебе, как насмехаться над Питом ван Воореном!

Проговорив эти слова с пеной у рта, Черный Пит поднял свой «роер», прицелился в Сигамбу и выстрелил. Но сообразительная маленькая женщина предвидела это: в тот самый момент, когда Пит поднимал «роер», она упала на землю, и пуля, просвистев над ней, попала в одного из воинов и уложила его на месте.

Крик негодования пронесся по рядам кафров. Сигва подошел к Питу и резко сказал ему:

— Бычья Голова! Ты нарушил долг гостя и этим навсегда порвал узы, связывающие нашу дружбу. Хотя за смерть моего воина ты и должен был бы отплатить смертью же, но во имя нашей прежней дружбы я пощажу твою жизнь, а наказания ты все-таки не избежишь. Возьмите этого человека, — обратился он к кафрам, — и накажите его палками, потом выгоните из нашего селения.

Кафры в отместку за смерть своего товарища так добросовестно исполнили приказание вождя, что если после этого Пит и остался жив, то благодаря исключительно своей крепкой натуре.

После экзекуции полуживого Черного Пита сдали на руки провожатым и с насмешками выпроводили всех из селения, а Сузи и Сигамбу с почестями отвели в большую и сравнительно хорошо обставленную хижину, в которой Сигва обыкновенно помещал своих особенно уважаемых гостей.

XI Сон Ральфа и Сузи. — Поход Белой Ласточки.

На другой день утром Сигва пригласил к себе Сигамбу и сказал ей, указывая на Зинти, стоявшего в почтительном отдалении:

— Сигамба Нгеньянга, вот человек, которого мои люди нашли около нашего селения. Этот человек уверяет, что он твой слуга и ищет тебя. Он приехал на лошади, и с ним мул, нагруженный пищей и вещами.

— Да, это действительно мой слуга Зинти, — ответила обрадованная Сигамба. — Я уж и не надеялась вновь увидеть его.

И она рассказала, как и когда рассталась с ним.

Потом и Зинти по приказанию Сигамбы рассказал, как он попал сюда.

Спрятавшись по совету знахарки в овраг, он вскоре после того, как проскакал Черный Пит со своими спутниками, крепко заснул от утомления и проспал в овраге до тех пор, пока его не разбудил новый топот лошадей. Осторожно выглянув из-за кустов, он увидел Бычью Голову и его людей, возвращающихся прежней дорогой назад. Лицо Черного Пита было такое опухшее, покрытое синяками и ссадинами от побоев, нанесенных ему красными кафрами, что его с трудом можно было узнать. Он скрежетал зубами, потрясал кулаками и страшно ругался на всех знакомых ему наречиях.

Сообразив, что Сузи и Сигамба нашли защиту в горах у красных кафров, которые и отделали так Черного Пита, Зинти решил, что опасаться его больше нечего; он вывел из оврага лошадь, которая тоже хорошо отдохнула, и поехал по следам своей госпожи.

Достигнув Красных Вод, он, конечно, подумал, что женщины никак не могли в этом месте переправиться через реку, и стал искать следов лошадей вдоль берега до брода. Но он напал на следы Черного Пита и его спутников. Эти следы и привели его к броду. Так как тем временем уже стемнело, то Зинти пустил свою лошадь пастись на траве, на некотором расстоянии от берега, а сам улегся на ночь под небольшою горкой, где и проспал до рассвета.

Проснувшись, он очень удивился, увидев, что рядом с его лошадью пасется мул, которого бросили тогда ночью, в начале бегства. Умное животное отыскало следы его лошади и догнало ее. Для Зинти это было более чем кстати, потому что он уже вторые сутки не ел и ' был страшно

голоден, а на спине мула находились съестные припасы.

Перекусив, Зинти по следам лошадей Черного Пита и его спутников добрался до крааля Сигвы, где его заметили часовые и привели к своему вождю.

— Верному слуге — почет, — проговорил Сигва, дослушав до конца рассказ Зинти, и приказал отвести его в хижину для гостей.

Потом, узнав, что Сузи проснулась, Сигва послал Сигамбу пригласить ее к нему. Сузи, за которой ухаживало множество прислужниц, угощая всем, что у них было лучшего и оказывая ей всевозможные услуги, тотчас же отправилась к вождю, который ожидал ее на том самом месте, где она накануне в первый раз увидела его.

— Белая Ласточка, — начал Сигва после обмена приветствий, — я должен объявить тебе, что так как ты волей моих предков, выраженной через наших прорицателей, избрана вести мое войско, то начальницей его во время войны будешь ты, а не я. Когда ты желаешь выступить в поход?

— Хорошо, Сигва, я готова сделать все, что от меня потребуется, если, конечно, это не будет противоречить моей совести, — ответила Сузи, понимая, что ей больше ничего не остается делать, как покориться обстоятельствам. — Но прежде чем назначить день для выступления в поход, мне необходимо знать причину войны.

Сигва подозвал одного из своих воинов и отдал ему какое-то приказание. Тот ушел и через несколько минут возвратился назад с толстой, противной одноглазой женщиной лет пятидесяти.

— Вот, — причина войны, — проговорил Сигва, указывая на эту женщину и в то же время с отвращением отворачиваясь от нее.

— Я не понимаю, — недоуменно сказала Сузи, с удивлением глядя на некрасивую негрityнку.

— Слушай, Ласточка, я расскажу тебе, в чем дело, — сказал Сигва. — У Сикуньяны, вождя ндвандве, есть сестра по имени Батва, которая славится своей красотой. Я хочу жениться на ней и послать к Сикуньяне послов с просьбой отдать ее за меня...

— Я знаю Батву, сестру Сикуньяны, — вставила Сигамба, — она моя двоюродная сестра и действительно очень хороша собой.

— Вот ты и можешь быть свидетельницей в этом деле, Сигамба Нгеньянга, — подхватил Сигва. — Сикуньяна ответил мне, что мое предложение — особенная честь, так как считает меня самым могущественным из всех инкоси нгуни, но что сестра его не может быть отдана дешево. Если я хочу получить ее в жены, то должен прислать ему за нее тысячу голов скота, половина которого должна быть совершенно белого

цвета, как день, а другая половина — черного, как ночь. Такой скот очень редок. Собрав с большим трудом в течение двух лет требуемое количество такого скота, я послал его под надежным конвоем, чтобы его не отбили дорогой, к вождю ндвандве. Четыре месяца я с нетерпением ждал возвращения своих послов с невестой. На днях они наконец вернулись и привезли мою невесту. Я собрал весь свой народ, чтобы он вместе со мной мог полюбоваться на новую жену, которую я сразу назначил главной, и послал привести ее, чтобы ее красота могла озарить и меня и мой народ, как солнце одинаково озаряет всех. И вот, вместо молодой красавицы, ко мне привели эту безобразную горную кошку! Разве это не насмешка надо мной и не требует кровавого возмездия? — прибавил вождь дрожавшим от гнева голосом.

Сузи едва удерживалась от смеха, глядя на статного Сигву и на толстую, некрасивую, кривую Батву, и поняла, что Сигва имел серьезное основание обидеться на Сикуньяну.

— Как смеешь ты, красная кафрская собака, так оскорблять благородную женщину?! — закричала одноглазая толстуха, когда Сигва окончил свой рассказ. — Я действительно сестра вождя ндвандве, которую сам великий Чака желал взять в жены... Ты просил у моего брата Сикуньяны в супружество его сестру Батву — он и прислал тебе меня.

— Стало быть, у вас две Батвы? — спросил Сигва, начиная догадываться, в чем дело.

— Две! — воскликнула толстуха. — У нас их целых четыре. В нашем племени все женщины крови вождей носят имя Батвы. Я из них самая старшая и мудрая; я даже старше брата Сикуньяны на двадцать лет, имела трех мужей и всех их пережила. А та дрянь, о которой ты говоришь, на десять лет моложе брата. Она тонка, как тростинка, и глаза ее светятся точно у козла, когда он зол. Это дочь от последней жены нашего отца; она гораздо ниже меня, потому что я родилась от первой и главной его жены.

— Жаль, что я раньше не знал, что все женщины в вашем проклятом племени называются Батвами, — сказал Сигва. — Впрочем, будь уверена, что в скором времени у вас не останется ни одной Батвы: я всех вас уничтожу, а тебя повешу на двери хижины твоего обманщика-брата. Чтобы иметь это удовольствие, я оставлю тебя пока в живых... Убирайся теперь с глаз моих!

— А! Ты хочешь напасть на ндвандве и рассчитываешь победить их, красная собака? — взвизгнула Батва. — Ну нет, этого не будет! Я еще поживу и полюбуюсь, как вас всех со стыдом и позором выгонят с нашей земли!

— Уведите ее, — крикнул Сигва, — иначе я могу нарушить свое слово и повесить ее теперь же!

Страшно озлобленную и ругающуюся Батву немедленно увели. Когда Сигва немного успокоился, Сузи, посоветовавшись сначала с Сигамбой, обратилась к нему.

— Теперь я поняла причину твоей войны, инкоси, — сказала она, — и нахожу ее не совсем законной. Стоит ли резать друг друга из-за простого недоразумения? Советую тебе по прибытии к ндвандве предложить Сикуньяне мирные условия; может быть, он и согласится на них. Потребуй от него следующего: пусть он отдаст тебе ту Батву, которую ты желаешь иметь, вместо той, которой ты не желаешь. Кроме того, он должен возвратить тебе скот, подаренный тобой ему, и дать еще две тысячи голов скота, какого у него наберется, за его обман, если только он действительно обманул тебя, а не ошибся или сам не был введен в заблуждение. Ведь ты не объяснил ему, какую именно Батву желаешь иметь женой. Если он согласится на эти условия, то не должно быть пролито ни одной капли крови, а откажется — тогда, конечно, пусть свершится неизбежное. В случае твоего несогласия на мой совет я отказываюсь добровольно следовать за тобой, потому что я — Ласточка мира, а не войны.

После долгого совещания со своими советниками Сигва объявил Сузи, что он согласен сделать так, как она предлагала ему. Как человек миролюбивый и не алчный, Сигва даже рад был обойтись без кровопролития; ему нужна была только красавица Батва. Что же касается его советников, то они были уверены, что Сикуньяна не согласится на условия Сигвы и что дело все-таки дойдет до войны, то есть до грабежа, ради которого они вечно готовы были воевать.

После этого Сузи, назначив на следующее утро выступление, попросила Сигву послать Зинти к ее родителям и мужу с вестью о том, где она находится, но Сигва не согласился на это. Он понял, что как только мы узнаем о местопребывании Сузи, то сейчас же соберем людей и пойдем выручать ее. Для того чтобы Зинти не ушел из селения, Сигва приказал не спускать с него глаз, но обращаться с ним как с гостем и ни в чем остальном не стеснять его. Такой же строгий надзор был установлен за самой Сузи и Сигамбой. Ночью знахарка попыталась было подкупить обещаниями хорошего вознаграждения кое-кого из часовых, чтобы они взяли доставить нам весть о нашей дочери. Но попытка ее не увенчалась успехом: часовые не только не поддались на это, но даже немедленно донесли обо всем Сигве, который приказал усилить надзор.

Сильно огорченная невозможностью успокоить Ральфа и нас вестью о

себе, Сузи долго не могла заснуть, а когда наконец заснула, то увидела во сне, будто стоит она в своей спальне у нас в доме и видит своего мужа лежащим на постели в бреду, а меня и какого-то незнакомого ей человека (она впоследствии подробно описала мне его приметы, и я узнала в нем доктора, лечившего Ральфа) — склонившимися над ним. Она даже слышала, что я и доктор говорили между собой. Потом, заметив, что мы с ним ушли, она сама подошла к Ральфу, поцеловала его и просила не тревожиться о ней, так как она цела и невредима, избавилась от Черного Пита и находится с Сигамбой у красных кафров, которые очень хорошо обращаются с ней, но требуют, чтобы она вела их на войну против ндвандве, и пока не отпускают ее домой.

Когда Ральф спросил, где ему найти ее, перед ним вдруг открылся вид на большую красноватую гору, стоявшую на обширной равнине, окруженной другими горами, такими же красноватыми и отличающимися плоскими вершинами. На восточной стороне главной горы тянулось пять кряжей, походивших на растопыренные пальцы руки. Между тем кряжем, который был похож на большой палец руки, и следующим протекала широкая река, на берегу которой росли какие-то странные деревья с толстыми темно-зелеными листьями и громадными белыми цветами. За этими деревьями, на горе, находилось кафрское селение. Словом, точь-в-точь то место, где жило племя Сигамбы вместе с другими, против которых шел Сигва.

Затем Сузи проснулась и поняла, что видела только сон. Но интереснее всего было то, что в эту же самую ночь я действительно призывала доктора взглянуть на Ральфа, лихорадка которого вдруг усилилась, и говорила ему именно то, что слышала Сузи. Потом, по уходу доктора, пошла и я в соседнюю комнату отдохнуть. Успокоенная доктором, что положение больного не опасно, я только стала засыпать, как вдруг Ральф позвал меня и рассказал взволнованным от радости голосом свой сон. Оказалось, что он видел во сне Сузи точно наяву. Она сообщила ему о своем положении и указала место, где найти ее. Его сон вполне совпал со сном Сузи.

Утром наша дочь спросила Сигамбу, не живет ли ее народ на красной горе с пятью кряжами, не протекает ли между двумя кряжами широкая река и не растут ли на берегах этой реки деревья с толстыми темно-зелеными листьями и крупными белыми цветами?

Сигамба удивленно вскинула на нее глаза и проговорила:

— Да, Ласточка, он живет именно там. Но откуда ты это узнала? Я, кажется, никогда не говорила тебе об этом... Да, гора Упомондвана именно такая, как ты говоришь. Деревья ты тоже описываешь совершенно верно,

хотя едва ли могла видеть их, потому что такие деревья растут только в моей стране. Цветами этих деревьев наши девушки украшают свои головы, а из листьев мы делаем мазь, которая быстро заживает всякие раны.

— Я видела все это во сне, — сказала Сузи и передала ей свой сон.

— А! — воскликнула Сигамба, внимательно выслушав ее. — Значит, и белым дана частичка той силы, которой владеем мы, кафрские знахарки? Твой дух, Ласточка, говорил с духом твоего мужа, хотя вы и разделены друг с другом большим пространством. Я уверена, что и баас Ральф видел такой же сон. Это послужит ему утешением, что ты жива, и указанием, где искать тебя. Можешь утешиться и ты: если судьба заставляет тебя идти в мою землю, то только потому, что там ты должна встретиться с мужем.

— Дай Бог! — проговорила со вздохом Сузи. — Ах, как бы я желала видеть его раньше!

— Это невозможно, Ласточка, — возразила маленькая женщина, — судьба этого не хочет, а против судьбы никто не может идти.

В тот же день войско Сигвы выступило в поход. Сузи ехала впереди войска на своей Стреле. В момент выступления из селения все войско восторженно приветствовало свою новую предводительницу.

В течение двух недель войско двигалось без всяких приключений. Чтобы не утомлять Сузи, каждый день рано вечером останавливались на ночлег. Сигамба и Зинти ехали рядом с Сигвой, который все время зорко следил за ними из опасения, как бы они не удрали по дороге.

Местность, по которой они проходили, была довольно густо населена различными кафрскими племенами, беспрепятственно пропускавшими Сигву и его войско. Сигва не трогал их, ограничиваясь только взиманием с них контрибуции в виде провианта для людей и лошадей.

На пятнадцатый день они достигли границы, за которой начались владения племени пондо. Сигва здесь остановился и отправил к вождю племени пондо послов объявить тому, что он идет против идвандве и просит пропуска через его владения.

Послы Сигвы возвратились на третий день в сопровождении посланных от вождя пондо и объяснили, что он только после долгих переговоров, и то очень неохотно, разрешает пройти через его владения и дает проводников, но требует за это почетного подарка.

Сигамба заметила, что посланные очень внимательно оглядывали войско, точно подсчитывая его численность, и особенно пристально всматривались в Сузи. «Это люди ненадежные», — решила она про себя и составила план действия. План ее состоял в том, чтобы узнать, нельзя ли пройти мимо владения пондо, не задевая их. Она смекнула, что пондо,

очевидно, задумали завести войско Сигвы в какую-нибудь засаду, перебить его, взять в плен Сузи, а потом завладеть землями Сигвы.

Когда она поделилась с последним своими опасениями и посоветовала не доверяться пондо, тот вполне согласился с ней и сказал, что будет ей очень признателен, если она узнает обходной путь, так чтобы не проходить по владениям пондо.

Сигамба отправилась к посланным пондо и предложила им свои услуги в качестве знахарки. Один из них, молодой, глуповатого вида парень, сказал, что даст ей несколько голов самого лучшего скота, если она приворожит к нему сердце одной девушки, которую он давно уже любит, но она не обращает на него ни малейшего внимания.

Сигамба ответила, что это для нее пустяки и она сделает так, что девушка будет любить его еще больше, чем он ее, но для этого ему нужно прийти к ней, Сигамбе, ровно в полночь в лагерь.

Молодой человек обещал прийти и действительно явился в назначенное время. Сигамба уже ожидала его в условленном месте и вручила ему какой-то порошок, который он должен был незаметно дать выпить своей возлюбленной... Наговорив ему затем разной ерунды, она в то же время очень ловко выведала у него об обходном пути в землю ндвандве через соседнюю горную цепь.

Уверенный в близкой победе над сердцем жестокой красавицы, все время отвергавшей его, парень ушел от Сигамбы сам не свой от радости, а знахарка поспешила к поджидавшему ее Сигве и передала ему все, что узнала. Когда посланные пондо, которым дали сонного питья, приготовленного нашей знахаркой, крепко заснули, все войско разом поднялось и направилось по указанному Сигамбой пути к горам. По дороге они встретили принадлежавшее пондо громадное стадо в несколько тысяч голов рогатого скота, которое Сигва и приказал забрать вместе с его пастухами.

Утром по ту сторону горного прохода их встретил сильный отряд пондо под предводительством самого вождя племени (очевидно, кто-то донес ему о хитрости Сигвы), но вид Сузи так поразил вождя пондо, что он не решился вступить в битву и отступил назад. Должно быть, наша дочь в своем белом платье, сидящая на статной красивой лошади, показалась ему существом высшим, явившимся прямо с неба для охраны Сигвы и его воинов.

Совершив довольно утомительный переход по горам и совершенно голой, необитаемой пустыне, войско Сигвы на тридцать четвертый день своего похода достигло наконец земли ндвандве. Там его встретили послы

от Сикуньяны, пожелавшие узнать причину появления Сигвы с таким большим войском. Сигва, указав на Белую Ласточку как на свою покровительницу, посланную ему Провидением, высказал свои претензии и предъявил свои требования.

Послы уехали, и вскоре явился сам Сикуньяна, оказавшийся молодым человеком довольно приятной наружности. Воздав Сузи чуть не божеские почести, он в очень ловкой речи извинился перед Сигвой за происшедшее недоразумение (он, дескать, думал, что Сигва сватается к старшей его сестре Батве как к более опытной и мудрой, уже бывшей женой трех вождей) и сразу согласился на все его требования. Взяв обратно старую Батву, он выдал молодую, действительно очень красивую девушку, возвратил полученный от Сигвы скот и беспрекословно отдал еще две тысячи голов. Потом, скрепив дружбу с Сигвой, он выразил надежду, что Белая Ласточка не откажет и ему в своем покровительстве. Он даже предложил Сигве погостить у него и отпраздновать здесь свадьбу с его сестрой. Сигва с удовольствием согласился на это. Пока вожди целую неделю пировали в селении Сикуньяны, войско Сигвы стояло лагерем в поле, все время щедро получая продовольствие от ндвандве.

Так окончился этот поход, названный потом дикарями «Походом Белой Ласточки», но не окончились испытания нашей бедной дочери, которой пришлось перенести еще много разных невзгод.

XII Как Сузи сделалась предводительницей племени дикарей. — Тщетные поиски.

Когда наступило время отправляться восвояси, Сигва пришел к Сузи и сказал ей:

— Белая Ласточка, завтра я со своими воинами выступаю в обратный путь и пришел узнать, куда ты желаешь идти отсюда. Ты, кажется, не намерена оставаться здесь, хотя Сикуньяна и его народ сочли бы за особое счастье, если бы ты осталась у них.

— Я не могу остаться у них, — ответила Сузи. — Что мне здесь делать? Я желаю возвратиться с вами, а от вас как-нибудь добратся до своего дома.

— Увы, Белая Ласточка, этого нельзя сделать! — со смущенным видом проговорил Сигва. — Ты помнишь, что сказали наши прорицатели? Они объявили, что если Белая Ласточка будет предшествовать моему войску, то поход мой будет благополучен. Так и случилось: благодаря твоему присутствию мы избежали опасности от пондо и даже забрали весь их скот. Здесь я получил все, чего добивался, не омочив даже копья в крови, и вдобавок приобрел в лице Сикуньяны нового друга и союзника. Но прорицание состояло из двух частей; во второй части было сказано, что если Белая Ласточка повернет при нас свое лицо к югу, то счастье нам изменит, и мы все погибнем. Так как первая часть предсказаний сбылась, то я не могу сомневаться в том, что сбудется и вторая, если ты пойдешь с нами на юг. Надеюсь, ты не потребуешь, чтобы я пренебрегал указаниями духов своих предков?... Вообще, Белая Ласточка, я готов сделать для тебя все, что только в моих силах, но брать тебя с собой назад не могу, — прибавил он тоном, не допускавшим возражений.

— В таком случае, Ласточка, — сказала Сигамба, — нам остается только одно: искать убежище у моего народа, упомондвана; земли его находятся отсюда на расстоянии четырех дней пути. Но, сказать по правде, я не знаю, как нас там примут. Ведь уже двенадцать лет, как я, поссорившись с ним за его союз с Чакой и за то, что меня там хотели выдать замуж против моего желания, ушла от него. Вместо меня там управляет мой сводный брат, рожденный от рабыни. Может быть, он не хочет принять меня, а следовательно, и тебя. Но другого выхода у нас нет, и

нам нужно сделать попытку приютиться у моего народа, пока мы не найдем удобного случая возвратиться домой.

— Попытаемся, — произнесла со вздохом Сузи. — Попросим Сигву, не согласится ли он, по крайней мере, проводить нас к упомондвана. Ведь они живут на западе и, наверное, примут нас хорошо, если мы явимся к ним с таким большим войском.

Сигва и его советники с радостью согласились на это. Любя и почитая Сузи, они очень огорчились невозможности взять ее с собой в свою землю.

На следующее утро войско, возглавляемое Сигвой, его молодой женой, Сузи и Сигамбой, направилось к горе Упомондвана. Сикуньяна проводил их до границы своих владений и, пожелав им благополучного пути, сердечно распростился с ними.

Во время пути, пролежавшего через малонаселенные местности, ничего особенного не случилось.

На пятый день, утром, Сигамба сказала Сузи, указывая на видневшийся впереди горизонт:

— Вот, Ласточка, и моя родина.

Сузи, взглядевшись в очертания громадного утеса, выступавшего из-за прозрачной завесы утреннего тумана, воскликнула:

— Да это именно та скала, которую я видела во сне! Вот и пять кряжей, расположенные как пальцы на руке, и та же широкая река между двумя кряжами... Только деревьев не видно.

— Увидишь и деревья, когда мы подъедем ближе, — проговорила Сигамба. — Другой такой горы нигде нет, и она по своему виду, напоминающему ладонь руки с распростертыми пальцами, названа «Упомондвана», то есть «Большая Рука»...

— Удивительно меткие названия умеете вы давать предметам, — заметила Сузи.

Во время этого разговора Сузи и Сигамба ехали одни впереди войска и на довольно большом расстоянии, потому что местность казалась вполне безопасной; кроме того, Сузи захотелось хоть на время избавиться от надоевшего ей топота множества животных и людей и шума, производимого следовавшим за войском громадным стадом.

Дорога шла через узкую лощину, мимо целого ряда высоких холмов, поросших крупными деревьями. Заметив, что войско отстало слишком далеко, Сузи предложила сойти с лошадей и посидеть на траве. Сигамба согласилась. Не успели наши путницы сойти с лошадей и усесться на небольшом пригорке, как вдруг кто-то произнес на языке буров:

— Здравствуй, Сузанна!

При звуке этого голоса, раздавшегося где-то вблизи, Сузи вздрогнула и, ухватив свою спутницу за руку, испуганно прошептала:

— Сигамба!... Слышишь? Ведь это голос Пита ван Воорена.

— Да, Сузанна, ты не ошиблась, это я, — продолжал тот же странный голос, исходящий как будто из недр холма, у подошвы которого сидели женщины.

— Боже мой!... Он опять здесь!... Он убьет нас!... Сигамба, уйдем скорее отсюда! — дрожащим от ужаса голосом кричала Сузи, бросаясь к своей лошади.

— Напрасно ты боишься этого, Сузанна, — говорил голос невидимого Пита ван Воорена. — Если бы я хотел убить тебя, то давно бы уже мог сделать это, но мне не смерти твоей нужно... Вот эту черную змею, которая увивается вокруг тебя, я действительно охотно отправил бы к ее праотцам... когда-нибудь ей и не миновать моих рук. Но сейчас, к сожалению, я не могу сделать этого: боюсь своим выстрелом задеть тебя... Сузанна, ты идешь просить упомондвана, чтобы они укрыли тебя от меня... О, я отлично знаю все, что ты задумала... Ты воображаешь, что я далеко? Ошибаешься! Я все время слежу за тобой, и несколько раз был так близко, что мог бы легко схватить тебя; но я понял, что мне не удалось бы далеко уехать с тобой, — вот почему я сдерживался до более удобного случая. Когда ты укроешься на неприступной горе, мне с тобой труднее будет повидаться, поэтому ты должна выслушать теперь, что я хочу сказать тебе. Конечно, если бы мне не удалось здесь поговорить с тобой, я сумел бы доставить тебе письмо... Прежде всего, предупреждаю тебя, что рано или поздно, но ты будешь моей... Но это еще дело будущего. А пока вот что: твой английский подкидыш умер...

Сузи отчаянно вскрикнула, услышав это страшное извещение, но Сигамба поспешила успокоить ее, шепнув: «Не верь, Ласточка! Он лжет, чтобы только помучить тебя».

— Да, он умер на вторую ночь по прибытии на вашу ферму, — продолжал ван Воорен. — Твой отец являлся искать меня в известном тебе месте и был увезен оттуда тяжело раненным. Жив ли он еще, не знаю, потому что я тотчас же после схватки с ним отправился догонять тебя. Дорогой я узнал, что твоя мать топит свое горе в вине, — (вот греховодник-то! Я с роду не пила никакого вина!), — и тоже, наверное, скоро...

Тут уже Сигамба не смогла выдержать и перебила своим звенящим и насмешливым голосом:

— Эх, Бычья Голова! Прежде чем начать врать, ты бы хоть поучился этому искусству у нас, кафрских знахарок, а то очень уж у тебя нескладно

выходит... Ты говоришь, что муж Ласточки умер на вторую ночь по прибытии домой, а я знаю обратное — что он был на пути к выздоровлению даже на третью ночь, и сейчас он живехонек. Хеер Ян ван Ботмар вовсе не был даже ранен. А что касается фроу Ботмар, то она никогда, кроме кофе, воды и молока, ничего не пила и пить не будет. Значит, все, что ты наговорил, — наглая ложь, в которой, как видишь, тебя совсем не трудно уличить. Убирайся же подобиру-поздорову туда, откуда пришел, вылезай скорее из норы, в которую ты забрался, чтобы напугать нас, а не то вон идут наши защитники; если ты попадешься к ним в руки — будет плохо.

В это время действительно приближались передние ряды войска. Когда Сигва узнал о присутствии поблизости Пита, он сейчас же приказал обыскать все холмы и прилегающую к ним местность, но найти его нигде не могли. Поэтому вождь красных кафров решил, что молодым женщинам просто слышались горные отзвуки и они приняли их за голос Пита и даже истолковали по-своему, сообразно со своими расстроенными мыслями. Но Сузи и Сигамба знали, что они не только слышали Черного Пита, но и говорили с ним; разуверить их в этом, понятно, было трудно.

Сознание близости злейшего врага действовало на Сузи угнетающе. Хотя из всего сказанного им она поверила только тому, что он следил за ней все время и везде будет ее подстерегать, но и это приводило ее в отчаяние. Если упомондвана не примут ее с Сигамбой, то она неминуемо опять очутится во власти ван Воорена; если же и примут, ей придется вечно сидеть в селении и не отходить от него ни на шаг, чтобы опять не попасть в руки своего упорного, неутомимого преследователя, который постоянно будет сторожить ее. Словом, куда Сузи ни обращала свой взгляд — везде она видела одну темную, грозную тучу, собирающуюся над ее головой.

Когда войско стало приближаться к горе Упомондвана, с нее спустилась толпа испуганных дикарей, явившихся узнать, что означает появление такого большого войска, в то время как прочее население с криками ужаса стало разбегаться в разные стороны, таща на себе свое имущество и маленьких детей и угоняя подальше в горы скот.

Сигва распорядился сделать остановку и послал двух человек объявить упомондвана, что он идет к ним не войной, а с мирными намерениями и желает поговорить с вождем племени.

Упомондвана, немного успокоенные, поднялись обратно на гору и вскоре возвратились назад в сопровождении двух стариков в дорогах меховых шкурах, доказывавших их знатность и почетное положение.

Обменявшись с ними обычными приветствиями и пригласив их сесть,

Сигва объявил им свое имя, а затем спросил, кто из них вождь.

— Увы, — грустным голосом ответил один из стариков, — у нас сейчас нет вождя; мы находимся в большом горе и беспокойстве. Наш вождь только что умер от оспы, которая недавно свирепствовала среди нас. Она унесла не только нашего вождя, но и всех его детей, так что после него даже не осталось наследников. Мы вообще страдаем от гнева духов. Вы видите, наши поля кругом сожжены засухой, и если не будет вскоре дождя, нас ожидает голод. Тогда останется только прийти нашим врагам, зулусам, и покончить с нами.

— Вы, наверное, чем-нибудь навлекли на себя гнев духов ваших предков, — сказал Сигва, — иначе вас не могли бы постичь сразу все эти бедствия... Кто же у вас теперь имеет законное право быть вождем?

— Среди нас никого нет, — ответил старик. — А жива ли наша настоящая законная инкосикази, дочь нашего прежнего вождя, — нам неизвестно. Она была нашей первой знахаркой и славилась даже далеко за пределами наших владений. Имя ее Сигамба Нгеньянга, потому что она с самого раннего детства любила ходить одна при луне и собирать травы, цветы и камни, которые очень скоро научилась различать. Когда отец ее умер, управлять нами стала она, потому что, кроме нее, оставался только сын вождя, рожденный от рабыни, и, следовательно, только полузаконный...

Рассказав йотом, почему ушла от них Сигамба (точь-в-точь так, как говорила она сама), старик добавил:

— С тех пор как она скрылась от нас неизвестно куда, дела наши пошли все хуже и хуже. Зулусы, с которыми мы кое-как заключили мир, требуют от нас такой дани, какую мы едва ли в состоянии давать; оспа унесла почти половину нашего племени, не пощадив даже Кораана, нашего полузаконного вождя, заступившего на место Сигамбы; засуха съела всю нашу жатву. Кроме того, мы со дня на день ожидаем появления Дингаана, вождя зулусов, противостоять которому мы теперь не можем. Увидав вас, мы подумали, что это он идет окончательно разделаться с нами. И вообще, мы совсем растерялись и решительно не знаем, что делать.

— Сигамба Нгеньянга и Белая Ласточка, теперь ваша очередь говорить, — обратился Сигва к молодым женщинам, которые сначала были скрыты среди войск.

Сигамба, приодевшаяся на последнем ночлеге, вышла вперед, ведя за руку Сузи, поверх белого платья которой был накинут роскошный каросс из леопардовой шкуры, подаренный ей Сигвой.

— Кто эти женщины? — спросил Сигва, обратившись опять к

старикам.

— О белой я могу только сказать, что она прекраснее всех женщин, которых я когда-либо видал, — ответил тот же старик. — А ее спутница... Великий Дух! Если глаза мои не обманывают меня, то это наша Сигамба Нгеньянга.

— Да, это действительно Сигамба Нгеньянга, — сказал Сигва. — Она узнала от духов своих предков о постигших вас бедствиях и пришла помочь вам. Пусть она сама расскажет вам свою историю и историю Белой Ласточки, которая сопровождает ее.

Сигамба рассказала все, что нашла нужным, о себе и о Сузи. А потом произнесла такую речь, что старики слушали ее, затаив дыхание и боясь пропустить хоть одно слово.

Речь свою она закончила следующими словами:

— Я пришла к вам назад, жалея вас, хотя вы, оскорбившие меня, и не стоите жалости. Но я решила, что вы уже достаточно наказаны, и хочу помочь вам и вывести вас из вашего бедственного положения. Если вы примете меня вместе с Белой Ласточкой, с которой я поклялась никогда не разлучаться, то счастье вновь озарит вас; если же оттолкнете нас, то все погибнет от копий Дингаана. Но мы вам не навязываемся; делайте, как хотите. Нам ничего от вас не нужно; мы жили и проживем без вас, и если пришли к вам, то только потому, что желаем вам добра. Но помните, что мы будем жить у вас как правительницы, слово которых — закон и воля которых священна. Если вы позволите себе хоть чем-нибудь оскорбить нас, участь ваша будет решена бесповоротно. Спросите вот у вождя красных кафров, какая власть у Белой Ласточки; он вам подтвердит мои слова.

Сигва рассказал, что сделала для него Белая Ласточка, и добавил, что очень хотел бы удержать ее у себя, но она не желает оставаться у него, а силой он держать ее не смеет.

О том, что ей нельзя было возвращаться с ним, разумеется, он не сказал, чтобы не давать упомондвана повода думать, что они окажут Сузи благодеяние, если примут ее к себе.

Посоветовавшись между собой, старики объявили Сузи и Сигамбе, что они признают их обеих своими правительницами и просят их управлять ими, как сочтут нужным.

После этого молодые женщины простились с Сигвой, который чуть не плакал, расставаясь с ними, а войско его устроило Сузи самую восторженную прощальную овацию. Сигва приказал передать ей большую часть стада, забранного у пондо. Распростившись с красными кафрами, Сузи и Сигамба торжественно вступили в свои новые владения под

радостные крики упомондвана.

Вот каким образом наша дочь сделалась инкосикази племени дикарей, среди которых ей пришлось пробыть два года.

* * *

Между тем Ральф, через несколько недель полностью оправившийся от своей болезни, то и дело стал пропадать из дому. Возвращался он каждый раз сам не свой и то только за тем, чтобы, отдохнув день-другой, снова пуститься в путь. Он все отыскивал скалу, которую ему показывала во сне Сузи, и ничем нельзя было убедить его, что глупо придавать такое значение снам; мало ли что пригрезится во сне человеку, — не стоит всему верить.

Дошло наконец до того, что он почти совсем перестал жить дома и разговаривать с нами, разве только о чем спросишь его, или ему необходимо сказать что-либо по поводу домашних дел. Большую часть времени он или ходил один по краю, или сидел целыми часами неподвижно, где попало, сложив руки на груди и уставившись глазами в одну точку.

Положим, мне и Яну тоже было не до разговоров; но все же нам было бы легче, если бы мы не видели, как страдает наш милый сын и зять, вместо того чтобы по-христиански покориться испытанию, ниспосланному Провидением, и стараться заняться какой-нибудь работой, как делали мы с Яном. Это намного облегчает горе и душевные страдания.

После бесплодных поисков нашей дочери лично, своими силами, Ян во время болезни Ральфа разослал ко всем соседним бурам письма. В этих письмах он изложил все обстоятельства и просил немедленно собраться к нему с вооруженными людьми, сколько кто может набрать, чтобы помочь ему спасти свою дочь от Черного Пита и проучить его за все совершенные им злодеяния.

Буры собрались у нас на третий же день после получения приглашения и привели с собой множество людей, так что когда Ян присоединился к ним с нашими людьми, то получилась настоящая армия, прокормить которую, кстати сказать, стоило нам совсем не дешево.

Буры обыскали, как говорится, все норки, где могла бы быть хоть какая-нибудь надежда напасть на следы Пита, но все было напрасно: Пит, а

с ним вместе и Сузи точно в воду канули.

О красных кафрах никто и не подумал, потому что никак не могли предположить, чтобы две женщины в сопровождении только одного слуги были в состоянии забраться так далеко.

Проискав целую неделю, буры решили, что Сузи погибла, а сам Пит куда-нибудь скрылся, чтобы избежать правосудия, и разъехались по своим фермам.

Описывать нашего горя не буду — слишком уж тяжело вспоминать об этом. Скажу только, что нет-нет да и промелькнет у нас надежда, что Сузи жива и где-нибудь скрывается до поры до времени, и мы опять увидим ее. Я основывала свою надежду на каком-то предчувствии, а Ян — на том фокусе, который показывала ему Сигамба ночью, накануне свадьбы Сузи. Впрочем, эта надежда посещала нас изредка. Вообще же мы с Яном были убеждены, что Сузи потеряна для нас навсегда, и постоянно упрекали друг друга, что своей ложью о Ральфе мы накликали на себя такое горе.

А что касается Ральфа, — делавшегося, кстати сказать, с каждым днем все более и более похожим на того английского лорда, который был у меня, так что мне даже неловко было называть его сыном, — то он упорно стоял на том, что если бы ему удалось узнать, где находится гора, похожая на большую руку, то он нашел бы Сузи.

Он положительно сходил с ума. В конце концов он начал говорить о том, что уедет надолго и не вернется до тех пор, пока не разыщет Сузи или не погибнет сам.

Как раз в это время нас то и дело стали беспокоить дикари своими набегами. Должно быть, они науськивались на нас ван Воореном, действовавшим откуда-нибудь издалека. Раз они даже целых три дня держали нас в осаде, зажгли было наш дом, убили нескольких из наших людей и заставили нас откупиться большой суммой и несколькими сотнями голов скота. Уходя от нас, они угрожали, что явятся опять, когда будут иметь нужду в чем-нибудь.

Это наконец надоело Яну. Он видел, что с ними будет трудно бороться, раз ими руководит Черный Пит, как он случайно узнал. Поэтому он стал придумывать, как бы отделаться раз и навсегда от этих набегов, разорявших нас.

Однажды вечером, когда мы только что поужинали и я убирала со стола, Ян вдруг стукнул кулаком по столу и воскликнул:

— Решено! Переселяемся! Я даже нашел место, куда можно будет нам переселиться из этого проклятого края, где нас постигло столько бед.

Ральф, все время сидевший молча, уткнувшись в свою тарелку,

которая весь ужин оставалась у него пустой, поднял глаза на Яна и коротко спросил:

— А где это место?

— На севере, — ответил мой муж.

— Отлично, отец. Я именно туда и собирался ехать. Я обыскал юг, восток и запад и только на севере еще не был. Там я найду Сузи.

Я тоже была не прочь покинуть место, где нас поразило такое горе, и потому не противоречила мужу.

Таким образом, наше переселение на север было решено.

XIII Великое переселение. — Сообщение раненого кафра.

Приняв решение, мы на другой же день начали сборы и приготовления к переселению, а ровно через месяц распростились со своим насиженным гнездом, где нам жилось так хорошо, пока судьба не стала преследовать нас в лице Пита ван Воорена в наказание за нашу ложь.

Найти солидного покупателя на нашу ферму нам так и не удалось, потому что соседние буры из-за гнета англичан и постоянных нападений дикарей, не дававших нам покоя, тоже решили переселиться.

Таким образом, все наше имение, состоявшее из двенадцати тысяч акров земли, прекрасного каменного дома со службами, двух больших садов, из которых один был фруктовый, нескольких краалей с громадным количеством скота, пойменных лугов, множества разных построек для людей, животных и хозяйственных надобностей — все это было обнесено оградой, сложенной из полевых камней, — пришлось отдать за бесценок одному молодому буру, поссорившемуся со своими родными и желавшему устроиться отдельно. Мы получили за свою ферму, со всеми перечисленными угодьями, только пятьдесят фунтов стерлингов и старый фургон, который нам был нужен для перевозки нашего имущества, так как собственных повозок у нас не хватало.

Кстати сказать, сын этого бура, которому наша ферма досталась почти даром, через несколько лет продал ее за двадцать тысяч фунтов стерлингов, и там теперь разводят дорогих лошадей, ангорских коз и страусов.

Когда мы двинулись в путь, бур, который приобрел нашу ферму, насмешливо сказал нам, что хотя он и желает нам счастливого пути, но боится неисполнения этого желания, потому что нам едва ли удастся благополучно пересечь громадную пустыню: мы наверняка погибнем — или от диких зверей, или от бродячих кафров. На это Ян ответил ему, что мы надеемся на Бога, Который всегда помогает верующим в Него.

И действительно, только благодаря Его помощи нам удалось пройти невредимыми через пустыню, несмотря на множество опасностей, окружавших нас со всех сторон.

По пути к нам присоединились несколько других фермеров, так что нас, белых, набралось человек полтораста, не считая детей. И этой-то горстке людей, вооруженных только старыми «роерами» и ножами, удалось

победить страшного Мзиликази, сломить силу не менее страшного Дингаана (это имя на языке зулу значит *Слон, Потрясающий Землю*) и заселить Свободный Штат, Трансвааль и Наталь.

Подробно описывать наше великое переселение я не буду, потому что для этого потребовалось бы слишком много времени; расскажу только то, что касалось лично нас.

Места, по которым мы проходили, теперь заняты городами, построенными белыми людьми, а тогда они были населены только необозримыми стадами всевозможных мирных травоядных животных; на пространстве в целые сотни миль все так и кишело ими, и наши повозки, проезжая посреди них, точно врезались в живое море. Леса были наполнены слонами, леопардами и львами, а реки — гиппопотамами, крокодилами и другими подобными им существами. Из всех этих животных на нас ни одно не нападало, они только расступались перед нами не то с испугом, не то с удивлением.

Переправившись через Оранжевую реку, мы встали лагерем на некотором расстоянии от Таба-Нгу, резиденции вождя Марока, пока его не прогнал Мзиликази, и стали поджидать партии других переселенцев, которые обещали сойтись с нами в этом месте, так как было очень опасно идти дальше небольшими отрядами из-за близости поселений воинственных дикарей и возможности их нападений.

Но, прождав понапрасну несколько месяцев, некоторые из буров потеряли терпение и решили двинуться вперед одни. Двое из них, ван Тригаарт и ван Рензенбург, настойчиво уговаривали Яна идти с ними; но мой муж наотрез отказался от этого, не объяснив причины своего отказа даже мне.

Как потом оказалось, Ян поступил мудро, потому что Рензенбург со всеми своими спутниками был убит курносыми кафрами; а Тригаарт, поссорившись с Рензенбургом из-за чего-то и повернувший по направлению к Делагоа, только один, и то с громадным трудом, достиг этого пункта, а все бывшие с ним погибли дорогой от желтой лихорадки.

Вскоре от нас отделился еще кое-кто, так что нас осталось всего человек пятьдесят, кроме детей. Тут уж и мы двинулись вперед, не дождавшись остальных партий из покинутой колонии. Дорогой мы узнали, что все ушедшие после Тригаарта и Рензенбурга были перерезаны бродячими шайками Мзиликази, поджидающими и нас.

Добравшись до Крокодиловой реки, мы снова остановились, услышав от наших разведчиков, что сам Мзиликази идет нам навстречу с сильным войском, чтобы разом покончить со всеми «бледнолицыми псами», как он

называл нас, белых.

Мы поняли, что дело плохо. Сдвинув повозки и крепко связав их, мы устроили вокруг этого укрепления вал из колючих мимоз. Посредине мы поставили три фургона, в которых должны были укрываться женщины и дети. Лошадей же и волов мы, к сожалению, вынуждены были оставить снаружи укрепления, потому что иначе не хватило бы места для нас самих.

Ночь прошла благополучно, но на заре наши часовые дали нам знать о приближении врагов.

Необозримыми, бесконечными рядами надвигались на нас дикари, сверкая остриями своих копий, гордыми, горевшими отвагой глазами и белыми оскаленными зубами.

Помолившись Богу, мы простились друг с другом и приготовились к защите. Те из женщин, которые были похрабрее (в том числе и я), взялись заряжать «роеры» и вообще оказывать какую могли помощь; остальные, вместе с детьми, укрылись в приготовленных для этой цели фургонах.

Беспримерная битва началась. Я говорю «беспримерная» потому, что в ней пятьдесят человек белых противостояли шести тысячам дикарей и все-таки победили их. И что это была за битва! При одном воспоминании о ней содрогается сердце, хотя с тех пор прошло уже столько лет.

Дикари отчаянно лезли на наше укрепление, не обращая внимания ни на колючки, впивавшиеся им в голое тело, прикрытое только повязкой вокруг бедер, ни на наши пули, градом сыпавшиеся на них. Но сколько ни падало дикарей — новые и новые ряды их, словно волны бесконечного моря, продолжали надвигаться на нас. Все наши защитники были опытными стрелками и ни разу не давали промаха, так что после каждого залпа с нашей стороны дикари валились целыми десятками. К счастью, у нас был громадный запас пороха и пуль, без чего нам, конечно, нельзя было бы и думать вступать в борьбу с таким страшным числом врагов.

Буры и слуги стали полукругом (сзади была река) и таким образом успешно выдерживали натиск дикарей.

Сыпавшиеся на нас целые тучи стрел ранили десятка два из наших, но тяжелые раны получили только двое.

Женщины сидели сзади своих защитников, под прикрытием фургонов, и потому ни одну из них даже не задело стрелами, перелетавшими через их головы.

Целый час продолжалась самая ожесточенная битва. Вокруг нашего укрепления образовался высокий вал из мертвых тел дикарей, по которому с громким воем взбирались живые, чтобы сейчас же разделить участь своих товарищей, служивших им как бы лестницами.

Вдруг одна из бывших с нами молодых девушек, тоже помогавшая заряжать «роеры» и перевязывать раненых, громко крикнула:

— Смотрите! Смотрите! Они лезут под фургоны! Действительно, из-под одного фургона выползли два зулуса.

Мы, женщины, в ужасе заметались во все стороны, крича и воя не хуже нападавших дикарей и не зная, что делать.

— Чего вы испугались, глупые женщины! — крикнул мой муж, увидав, в чем дело. — Неужели вы думаете, мы не справимся с этими двумя собаками?... Жена, поддержи-ка мой «роер» и заряди его кстати.

С этими словами он подскочил к зулусам, не успевшим еще подняться на ноги, схватил их обоих за курчавые волосы и так стукнул несколько раз головами друг о друга, что у них треснули черепа. После этого он перебросил их через укрепление, а место, где они проползли, снова заткнул колючими ветвями мимозы.

Со стороны нападавших было еще несколько попыток пробраться к нам в укрепление; но все эти попытки кончились так же, как и первая.

Очевидно, Мзиликази в конце концов понял, что дальнейшая осада нашего укрепления — только напрасная трата людей, и подал знак к отступлению.

Через несколько минут черное людское море отхлынуло от нас, и мы остались одни, тоже черные от порохового дыма и крайне утомленные хотя и кратковременной, но упорной борьбой. С недоумением глядя друг на друга, мы не знали, верить нам нашей победе или нет. Может быть, внезапный уход дикарей — не что иное, как военная хитрость Мзиликази.

С целью узнать об этом наверняка Ральф осторожно отправился вслед за дикарями посмотреть, что они намерены предпринять и не думают ли повторить свое нападение. Но дикари пошли прямым путем к своим горам. Из этого наш мальчик заключил, что они, несмотря на свое громадное численное превосходство, нашли дальнейшую борьбу с нами невозможной, потому что у нас в руках была «молния», как дикари в то время называли наши ружья.

Возвращаясь назад в лагерь, Ральф увидел лежавшего на берегу реки молодого кафра; дикарь был ранен, и вокруг образовалась целая лужа крови, сочившейся из раненой ноги. «Он хоть и ранен, но может повредить нам, — подумал Ральф. — Нужно будет прикончить его».

Он поднял «роер» и хотел было застрелить раненого, но тот вдруг поднялся на колени и, простирая к Ральфу сложенные на груди руки, стал умолять пощадить его. Дикарь был еще очень молод, с приятным и простодушным лицом; Ральф невольно почувствовал к нему жалость и

опустил ружье, но все-таки сказал ему:

— Зачем же я буду жалеть тебя? Разве ты не воевал против нас?

— Нет, инкоси, — отвечал дикарь, — я пришел не по своему желанию. Я человек мирный и никогда никого не трону, если меня не тронут. Меня потащили сюда насильно. Я — пленник из другого племени и должен был носить им воду и пищу. Но я и не сражался. У меня даже не было оружия. Вы ранили меня в то время, когда я пробирался к реке за водой, потом я притворился убитым, чтобы меня бросили здесь и я мог бы освободиться. Я даже хотел проситься к вам на службу, потому что, как я слышал, у белых хорошо служить, если не обманывать их. Я все время придумывал, как бы мне подойти к вам, чтобы вы не решили, что я иду с дурным намерением, а ты как раз сам и подъехал ко мне... Не убивай меня, пожалуйста. Я принесу тебе счастье, баас, это правда.

— Счастье? — задумчиво проговорил Ральф. — Для меня его не существует... Мое счастье отняли у меня, и я не понимаю, как ты можешь принести мне его... Но все равно, я пощажу тебя. Я вижу, что ты действительно не похож на зулуса.

— Да, баас, я совсем из другого племени. Мое племя не любит войны и крови... А что я принесу тебе счастье, не сомневайся: я чувствую это.

Услыхав, что Ральф с кем-то разговаривает, Ян вышел из лагеря и пошел узнать, с кем наш зять беседует. Когда мой муж увидел дикаря, в нем закипела вся кровь, и он крикнул Ральфу:

— Охота тебе нежничать с этой черной собакой! Он пришел убивать нас, а ты с ним беседуешь, как с добрым приятелем. Наверное, он просит оставить его в живых, чтобы он потом мог зарезать тебя же... Вот я ему сейчас покажу, чего он стоит.

С этими словами Ян поднял ружье и хотел выстрелить в дикаря.

— погоди, отец! — остановил его Ральф. — Этот человек был пленником у зулусов и приведен ими сюда насильно. Он даже и не сражался против нас, потому что он не воин, а только слуга. Потом, он говорит, что принесет мне счастье, и я верю ему. Он просится к нам на службу. Надо взять его, отец. Мне он нравится...

— Взять его к себе! — вскричал Ян. — Да ты с ума сошел! Убить эту собаку — и все дела! Он только хитрит. Знаю я этих бестий... Э-э, да что тут разговаривать! — прибавил он, снова поднимая ружье.

— Не убивайте меня, баас! — воскликнул дикарь. — Я принесу вам счастье, только пощадите меня.

Ян вдруг опустил «роер» и пристально взгляделся в дикаря.

— Боже мой! — пробормотал он, — где-то я раньше видел этого

дикаря... и даже не его одного, а всю эту обстановку... всю эту местность, покрытую мертвыми телами... эту реку... сдвинутые кругом фургоны... тебя, Ральф, на лошади, а себя стоящим перед тобой и этим кафром... Но где? где?... А-а! Теперь я вспомнил, где видел всю эту картину: в глазах Сигамбы, в тот вечер, когда она пришла к нам... Да, этот человек, наверное, должен принести нам счастье, и мы возьмем его к себе... Как тебя зовут и какого ты племени? — вдруг обратился он по-кафрски к дикарю, видимо начинавшему успокаиваться, потому что хотя тот не понимал голландского языка, на котором говорил Ян с Ральфом, но по глазам Яна понял, что ему теперь нечего бояться.

— Мое имя Гааша, — ответил дикарь. — Я из племени упомондвана.

В это время подошла и я, привлеченная любопытством. Ян и Ральф в двух словах передали мне, в чем дело. Я была очень недовольна их решением оставить у себя дикаря: у нас было много хлопот и со своими ранеными, а тут еще изволь возиться с чужими, если он даже говорит искренне и действительно не желает нам вреда. Ян передал дикарю мои слова по-кафрски.

— Напрасно госпожа боится этого, — проговорил тот. — Я сам перевяжу свою рану, так что к утру мне уже можно будет ходить. Я вылечу и всех ваших раненых, если только у них не затронуты те места, в которых находится источник жизни. Мы, упомондвана, знаем все целебные растения и травы.

Я вспомнила о Сигамбе, хотя и не знала еще, из какого она племени, и согласилась взять к себе этого дикаря.

Так как рана не позволяла Гааше идти самому, то Ян поднял его на руки, как маленького ребенка, и понес в один из фургонов, где мы его и уложили на полу, на подстилке. Пока муж нес его, бедный малый целовал его в плечо и все время благодарил. По указанию дикаря мы нарвали листьев и разных трав, которыми он сам и перевязал свою раненую ногу. Потом он научил и нас, как лечить наших раненых.

На другой день Гааше действительно было гораздо лучше: рану его затянуло, и он уже мог кое-как двигаться, между тем как наши раненые поправились только через несколько дней; должно быть, дикари легче нас переносят все болезни, как люди, более закаленные, чем мы.

Когда на другой день Гааша вышел из фургона, Ральф стал подробно расспрашивать о его племени и месте, где оно живет.

— Мы живем на горе Упомондвана, — ответил дикарь. — Племя наше невелико. Зулусы и разные болезни истребили половину нас, а те, которые остались, живут хорошо, без нужды и в полном согласии.

— Что значит Упомондвана? — спросил Ральф.

Когда кафр объяснил значение этого слова, наш зять выронил изо рта трубку, которую курил, и широко раскрыл свои красивые глаза, загоревшиеся каким-то странным огнем на мертвенно-бледном лице.

— Почему ваша гора носит такое странное название? — поспешно спросил он.

— Я думаю, баас, потому, что она издали очень похожа на растопыренную руку, — отвечал Гааша. — На той стороне, которую освещает солнце, когда оно восходит, есть пять длинных кряжей: три средних подлиннее и по одному с боков — покороче. Из середины горы течет река и спускается вниз на равнину между тем кряжем, который издали кажется большим пальцем, и вторым, подлиннее.

Ральф зашатался, точно пьяный, и, наверное, упал бы, если бы я не поддержала и не усадила его.

— Это та самая гора, которую я видел во сне! — пробормотал он.

— Ну вот еще! — сказала я, опасаясь, как бы он, основываясь на случайном сходстве местности, виденной им во сне, с описанной кафром, не вздумал отправиться туда искать там Сузи. — Мало ли есть гор в этой стране с кряжами и реками?

Не слушая меня, Ральф продолжал:

— А как имя вождя вашего племени?

— Его имя Кораан. Но не знаю, жив ли он. Я недавно встретил одного знакомого человека из соседнего племени. Он сообщил мне, что будто Кораан умер от оспы, и теперь нашим племенем опять управляет прежняя инкосикази, правившая нами раньше, когда я был еще мальчиком. Она за что-то рассердилась на нас и ушла, а теперь, видать, опять возвратилась. Мы очень жалели об ее уходе, потому что она — правительница мудрая и умеет вызывать дождь, лечить людей и скот лучше всех наших стариков. При ней было очень хорошо. Слава Великому Духу, если она и вправду опять пришла к нам. Мой знакомый сказал мне, что она пришла не одна, а вместе с какой-то белой женщиной, которая тоже стала инкосикази, так что у нас теперь две инкосикази.

Ральф еще больше вытаращил глаза. Ян тоже весь обратился в слух. Видя, что они оба совсем лишились языка, я спросила дикаря:

— А как зовут этих женщин?

— Сигамба Нгеньянга и Белая Ласточка, — ответил кафр.

Тут уж и я не выдержала. Вскрикнув от радости, я схватила за одну руку мужа, а за другую Ральфа, и мы все втроем принялись говорить, плакать и смеяться в одно и то же время. Дикарь глядел на нас в полном

недоумении, очевидно предполагая, что мы все сразу сошли с ума.

От сильного волнения Ральфу сделалось дурно, и нам с трудом удалось привести его в чувство.

На другой день мы под предводительством Гааши двинулись в путь по направлению к его родине.

XIV Последняя попытка и гибель Пита. — Геройская смерть Сигамбы.

В то время как у нас происходило все описанное, Сузи и Сигамба, получив свободу действий, отправили к нам Зинти сообщить о том, что с ними случилось и где они находятся. Но Зинти на старом месте нас уже не застал и только понапрасну подвергся всевозможным опасностям, лишениям и невзгодам (он даже попал в плен к бродячим дикарям и смог освободиться только через два месяца) и возвратился к своим господам ни с чем.

Узнав, что мы задумали переселиться, умная Сигамба сообразила, что кроме Наталя мы больше никуда не могли направиться. Предположение ее оправдывалось дошедшими до нее слухами о том, что видели буров, переправлявшихся через Оранжевую реку. Сам же Зинти не мог знать, куда мы пошли, так как бур, приобретший нашу ферму, был, очевидно, человек не из общительных. Он прогнал бедного дикаря и даже угрожал убить его, если тот будет приставать к нему с расспросами и не уберется немедленно из его владений.

Во время продолжительного отсутствия Зинти Сузи почти целые дни проводила на самой вершине горы Упомондвана, где природа устроила нечто вроде громадного кресла, на котором было очень удобно сидеть. С этого места Сузи могла видеть дорогу, по которой должен был возвратиться Зинти в сопровождении, как она мечтала, ее мужа с отрядом вооруженных людей, чтобы выручить ее.

Долгое отсутствие посланного сильно волновало молодую женщину, но Сигамба успокаивала ее, говоря, что, наверное, возникла какая-нибудь непредвиденная задержка; Зинти же настолько сообразителен, что сумеет преодолеть все препятствия и с успехом исполнит данное ему поручение.

В ловкости и сообразительности Зинти Сигамба не ошиблась, но она не могла предвидеть, что он не застанет нас на старом месте.

Сузи пришла в полное отчаяние, когда узнала, что мы покинули свою ферму и направились неизвестно куда. Сигамба опять явилась ее утешительницей.

— Не горюй, Ласточка, — уговаривала ее мудрая маленькая женщина. — Твой муж и твои родители, наверное, направились в Наталь. Там есть большие незаселенные пространства, и земля еще плодороднее, чем в тех

местах, где вы жили. Наталь недалеко отсюда, всего в нескольких часах езды. Как только Зинти отдохнет и немного поправится после всех трудов и лишений, которые ему пришлось перенести, мы пошлем его в Наталь. Ты уже столько терпела, потерпи еще немного. К тому времени и твои родные успеют добраться туда.

— А уверена ли ты в этом, Сигамба? — спрашивала Сузи. — Что, если они направились совсем в другую сторону?

— Этого быть не может, — уверяла Сигамба и начала доказывать, почему именно это невозможно.

Доводы ее были так убедительны, что Сузи ничего больше не оставалось, как согласиться с ними и ждать с новой надеждой.

Однако этой надежде не суждено было скоро оправдаться. Судьба уготовила еще много тяжелых испытаний нашей дочери и нам.

Наше путешествие задерживалось новыми нападениями дикарей от которых мы избавлялись с большим трудом и ценой жизни чуть не половины буров. Ян и Ральф были тяжело ранены, и если бы не Гааша, я думаю, им не остаться бы и в живых. Молодой дикарь сказал правду когда умолял сохранить ему жизнь: он действительно принес нам счастье или, по крайней мере, избавлял нас от несчастий, и вообще был нам очень полезен. Кстати сказать, он отличался такой кротостью, честностью, услужливостью и был так признателен за малейшую ласку, что я в конце концов положительно полюбила его, несмотря на то, что он был язычником. Впрочем, путем долгих размышлений я пришла к убеждению, что дело не в одной религии, не в том, кто как называет Бога и какие совершает обряды, а в том, какая у кого душа: человек с дурной душой не может спастись только одним тем, что он считается христианином. Черный Пит считался христианином, а душа у него была хуже души любого язычника.

Мы были уже недалеко от горы Упомондвана, когда узнали, что путь туда прегражден зулусским войском, встречаться с которым — значило бы подвергнуться верной гибели, потому что это войско, по слухам, было отборное и хорошо вооруженное.

Как потом оказалось, Пит ван Воорен, тщетно старавшийся каким-нибудь путем пробраться на гору Упомондвана, вздумал наконец поднять против племени Сигамбы всех зулусов.

Бродя вокруг горы, он ежедневно видел Сузи, сидевшую на высоте пятисот футов над его головой и не обращавшую ни малейшего внимания ни на его угрозы, ни на мольбы, которыми он осаждал ее снизу. По выражению Сигамбы, Сузи сидела там, как светлый дух — хранитель горы, и Пит, конечно, должен был беситься, видя ее такой прекрасной,

спокойной, невозмутимой и не имея возможности овладеть ею.

Иногда рядом с Сузи появлялась черная фигурка Сигамбы, и тогда Пит окончательно выходил из себя, буквально бесновался с пеной у рта. Одно время он исчез. Вскоре после этого Сигамбе донесли, что посреди ее стада оказались взявшиеся неизвестно откуда снежно-белые быки и коровы.

— Великий Дух! — с испугом вскричала она. — Ведь это известный во всей стране скот короля Дингаана. Как мог он попасть сюда?... А, поняла: это опять проделки Бычьей Головы. Он уже раз хотел сгубить меня таким путем, и если это не удалось ему, то только благодаря заступничеству за меня Белой Ласточки. Надеюсь, что не удастся ему эта низость и теперь. Он, наверное, выкрал этот скот из стада Дингаана и примешал к моему, чтобы бросить на меня подозрение, будто это я украла знаменитых животных, которых можно узнать с первого взгляда. Но я предупрежу его и сейчас же пошлю скот обратно к Дингаану с объяснением, как он попал ко мне.

Она немедленно сделала так, как говорила. Но Дингаан не принял никаких объяснений, приказал убить послов Сигамбы и объявил ей, что не верит ее оправданиям и что возвращением украденного она не уничтожила факта воровства, которое нельзя оставлять без наказания. Вследствие этого он явился с сильным войском, чтобы проучить ее.

Началась правильная осада горы Упомондвана. Чтобы лишить осажденных воды, под самой горой им был отрезан доступ к реке большим отрядом войска под командованием Черного Пита. Из-за этого у осажденных вскоре наступили ужасы, вызванные лишением воды. Люди и животные от мучений, причиняемых жаждой, доходили решительно до неистовства. Скот в бешенстве бросался на людей, топча их под собою; люди с остервенением убивали животных и тут же рвали на части, чтобы утолить свою жажду их кровью. Сосали траву, выворачивали из земли камни и облизывали те стороны, которые были сырыми от соприкосновения с землей; сосали саму землю, в которой было хоть немного влаги. Старые и слабые люди и дети валились как мухи, и мертвые тела сбрасывались вниз с горы.

Сигамба, как инкосикази имевшая право сохранять для себя одной воду в своей хижине, между тем как остальные должны были делиться последней каплей с другими, сама почти не пила из большого сосуда, наполненного водой, стараясь сберечь ее для более слабой Сузи и иногда уделяя немного попадавшим ей на глаза детям, умиравшим от жажды.

Наконец, когда общее бедствие достигло высшего предела, к Сигамбе явились те самые старики, которые приняли ее с Сузи в предводительницы,

и категорически потребовали, чтобы она выдала Сузи Бычьей Голове, который согласен сейчас же снять осаду, как только это будет сделано.

Сигамба с негодованием отвергла это требование, говоря, что пусть лучше выдадут Бычьей Голове ее саму, чем Белую Ласточку, находящуюся под ее покровительством.

Старики, до такой степени ослабевшие, что едва держались на ногах и могли издавать одни хриплые, отрывистые звуки вместо связной речи, стали доказывать Сигамбе, что Белая Ласточка только навлекла на упомондвана еще большие несчастья, нежели были те, против которых ею и Сигамбой была обещана помощь, поэтому племя решило насильно выдать Бычьей Голове виновницу всех настоящих бедствий и тем избавиться от угрожавшей всем страшной смерти от жажды, если она, Сигамба, откажется сделать это добровольно.

Долго спорила бедная Сигамба, отстаивая Сузи, угрожая своим соплеменникам еще большим гневом духов их предков и Великого Духа за то дурное дело, которое они собирались сделать. Но все было напрасно, и она вынуждена была сдаться, хотя и выговорила себе известное условие.

— Если уж такова ваша непреклонная воля, что вы хотите спасти себя только ценой выдачи ни в чем не повинной Белой Ласточки, то скажите Бычьей Голове, чтобы он подпустил вас к воде... Так как я не могу выдать Белую Ласточку собственными руками, то объявите ему, чтобы он сам пришел к нам на гору за ней. Она будет сидеть на своем любимом месте, на вершине горы, и следить за тем, чтобы он заставил освободить вам проход к воде и уговорил вождя зулусов совсем отступить и оставить нас в покое. Как только зулусы уйдут и нам дадут свободный доступ к воде, пусть Бычья Голова приходит за Белой Ласточкой. Вы и я ручаемся ему за то, что она пойдет за ним. Я приношу моему племени страшную жертву; но боюсь, как бы Великий Дух не наказал нас потом за то, что мы ради своего спасения нарушаем священные правила гостеприимства.

Старики с просиявшими лицами поклонились и отправили к Черному Питу посла объявить ему решение Сигамбы. Тот сначала было потребовал немедленной выдачи Сузи без всяких условий, но потом, после долгих переговоров, согласился на предложение Сигамбы.

Было уже поздно, поэтому решили, что Сузи утром, с первыми лучами рассвета, будет сидеть на вершине горы, и Пит, как только увидит ее, исполнит свой уговор: снимет осаду, откроет проход к воде и отошлет войско назад. Так как осада была начата благодаря тому, что он подружился с Дингааном и просил его помочь ему получить убежавшую от него «жену», за что обязался уступить королю часть своих обширных земель со

всем находившимся на них движимым и недвижимым имуществом, то от него зависело и прекращение враждебных действий зулусов против упомондвана.

Между тем Сузи, уже несколько дней не выходявшая из своей хижины, была совершенно убита, хорошо понимая, что она невольная причина страданий племени, которое не только ее приютило, но даже почтило избранием в правительницы. Конечно, всеми делами руководила одна Сигамба, а Сузи только пользовалась преимуществами своего положения и ни во что не вмешивалась.

Отпустив стариков, Сигамба пошла к Сузи. Терзаемая страшными душевными муками, молодая женщина лежала на постели, уткнувшись лицом в подушку, сделанную для нее Сигамбой.

— Ласточка, ты спишь? — тихо окликнула ее маленькая женщина.

— Нет. Сигамба, — ответила Сузи, подняв голову. — Я только лежу и думаю, не лучше ли мне пойти и сказать Черному Питу, что я готова сделаться его женой, лишь бы прекратилась эта ужасная осада, из-за которой люди гибнут мучительной смертью от жажды. Я не в силах больше слышать этих жалобных криков и воплей, раздирающих душу стонов и проклятий. Пусть берет меня Черный Пит. Как только я увижу, что вы все спасены, то сейчас же сделаю то, что приказывает мне моя честь: кинжал все еще со мной.

— Ну, до кинжала дело все-таки не дойдет, хотя я и вынуждена была согласиться на выдачу тебя Бычьей Голове, — спокойно сказала Сигамба.

— Да?! — вскричала Сузи, вскочив на ноги и дикими глазами глядя на маленькую женщину. — Ты все-таки согласилась на это?... Боже мой!... Могла ли я подумать, что ты, Сигамба, мой лучший друг, когда-нибудь решишься выдать меня, как бы тебя к этому не принуждали? Неужели ты не понимаешь, что мне легче сделать это самой?... Я и так уже готова была на эту жертву, но не на вынужденную, а на добровольную; в этом большая разница... Впрочем, это, пожалуй, и к лучшему, — с невыразимой горечью добавила она, поникнув головой. — Легче будет умирать с разочарованием в душе.

Бедная наша дочь во всем желала видеть честность, доведенную до конца, и мучилась, когда видела — или думала, что видит, — хотя бы малейшую низость в ком-либо.

— Успокойся, Ласточка, — нежно проговорила Сигамба, кладя ей свою крохотную черную руку на плечо. — Я ведь только обещала выдать тебя, но еще не выдала.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила Сузи, с недоумением

взглянув на свою собеседницу.

— А вот я тебе сейчас расскажу, что придумала.

Наскоро объяснив Сузи их безвыходное положение, маленькая женщина продолжала:

— Человека, который сам постоянно хитрит, обманывает и способен действовать из-за угла, тоже не стыдно обмануть и сделать так, чтобы он не остался безнаказанным. Я отрежу тебе волосы и выкрашу тебя в наш цвет. Завтра утром, как только освободят проход к воде, ты смешаешься с толпой, которая бросится вниз к реке. Никто не заметит тебя; все будут рады скорее добраться до воды. Когда ты очутишься внизу, у тебя уже не будет больше надобности во мне, и ты одна можешь спастись. Я научу тебя, что нужно будет тебе сделать. Я прикажу Зинти...

— Если ты так любишь меня, как я тебя, то должна идти со мной, Сигамба, — перебила Сузи, целуя ее. — Ты будешь жить у меня, как моя сестра...

— Нет, Ласточка, лучше не уговаривай меня, — сказала Сигамба твердым голосом. — Я лучше тебя знаю, что нужно делать. Жить с тобой, как сестра, я не могу, а быть у вас опять служанкой для меня теперь унижительно. Оставаться же здесь инкосикази я не желаю: народ мой опротивел мне с тех пор, как я услышала, что он готов выдать тебя, лишь бы спастись самому; не так завещали нам действовать наши предки... Нет, Ласточка, не говори больше об этом, — прибавила благородная, мужественная женщина, видя, что Сузи, вся в слезах и в страшном отчаянии, хочет опять перебить ее. — Мое решение бесповоротно. Я должна уплатить тебе долги и умереть; никто не может воспрепятствовать мне в этом. Если тебе всего сказанного мною мало, то я прибавлю, что мне так назначено судьбой, а против судьбы, надеюсь, ты спорить не будешь!

При этих словах Сигамба бросила на Сузи такой взгляд, что наша бедная дочь вдруг лишилась всякой возможности возражать и, покорно склонив голову, позволила Сигамбе делать с собой все, что той было нужно.

Усадив Сузи посреди хижины, знахарка остригла ее прекрасные густые и длинные волосы и окрасила ей лицо, шею и руки в темный цвет. Я видела Сузи окрашенной таким образом, и могу сказать по совести, что хотя ее и трудно было узнать, но красота ее от этого нисколько не пострадала. То же самое находили мой муж, Ральф и многие другие, знавшие нашу дочь.

Покончив с превращением Сузи, ее спасительница выкрасила в белый цвет только что умершую высокого роста негритянку. Потом она передела

ее в платье Сузи и приладила на ее голове роскошные косы нашей дочери. После этого хитроумная маленькая женщина при помощи Зинти отнесла наряженную таким образом мертвую негритянку на гору и усадила там в «кресло», крепко привязав ее, чтобы она не свалилась. Издали этот труп смело можно было принять за Сузи.

Покончив с этим делом, Сигамба приказала Зинти служить нашей дочери, как ей самой, научила их, что нужно делать, когда они на другой день утром будут у подножия горы, и растолковала, как найти дорогу в Наталь.

Сузи, конечно, всю ночь не могла сомкнуть глаз; она все плакала и молилась Богу. В сердце ее радостная надежда на окончание всех мучений и на близкое свидание с мужем и с нами, ее родителями, перемешивались с глубокой скорбью о Сигамбе, обрекшей себя на смерть.

Наконец занялась заря. Весь народ давно уже толпился у прохода к реке, еще занятого зулусами. Шум, теснота и давка были страшные. Всякий старался быть ближе к проходу, перед которым наверху стояла своя стража, на случай насильственного вторжения неприятеля.

Взоры всех с нетерпением обращались на восток, который постепенно начал алеть, гораздо медленнее, чем обыкновенно, как казалось умиравшему от жажды народу.

Но вот блеснули первые лучи рассвета и прямо упали на белую фигуру, сидевшую на вершине горы, и на маленькую черную женщину, неподвижно стоящую рядом с ней.

Крик торжества снизу слился с криком восторга наверху в один оглушительный гул. Внизу Черный Пит торжествовал свою победу, и все его приспешники вторили ему, потому что он, в случае успеха своей последней затеи, обещал им щедрую награду; а наверху радовался народ, что наконец-то он получит доступ к так нетерпеливо ожидаемой воде.

Сузи, насильно втолкнутая Сигамбой в самую середину толпы, рванулась было назад к своей спасительнице, спокойным шагом направлявшейся к тому месту, где ей предстояла смерть; но подхватившая нашу дочь людская волна с неодолимой силой понесла ее в противоположную сторону, к проходу. На это и рассчитывала Сигамба, предвидевшая, что Сузи пожелает возвратиться к ней, чтобы еще раз проститься или попытаться уговорить ее изменить решение, чем она, конечно, и выдала бы себя.

Когда войско внизу отступило и проход освободился, народ бурным потоком устремился вниз, опрокидывая и давя друг друга. Некоторых, между прочим и Сузи, напиравшая толпа почти вынесла на своих плечах.

Очутившись внизу, толпа с радостным воем бросилась к реке.

Пользуясь общей суматохой, Зинти увлек Сузи за выступ горы и скрылся там с ней. В это же время Пит ван Воорен быстро взобрался на гору, к тому месту, где были две фигуры: высокая белая, неподвижно сидевшая, и маленькая черная, стоявшая также неподвижно и глядевшая вниз. Хорошо, что Пит ван Воорен не мог видеть, каким взглядом провожала черная фигура двух бежавших внизу людей, мужчину и женщину, а то бы он, пожалуй, догадался, в чем дело. Те двое несколько раз оборачивались, глядели вверх и махали черной фигуре рукой.

— Вот, Бычья Голова, — сказала ему с торжествующей улыбкой Сигамба, когда он, запыхавшись, подлетел к ней, — бери свою жену: она ждет тебя уже со вчерашнего дня. Будь счастлив, палач, и не поминай меня лихом!... До свидания! Мы скоро увидимся!

С этими словами она, встав на самый край утеса, ударила себя ножом прямо в сердце и бросилась вниз.

Крик бешенства вырвался из груди Черного Пита, когда он схватил сзади мертвую женщину в объятия, думая, что это Сузи, повернул ее лицо к себе и увидел страшное, раскрашенное лицо трупа...

В тот же момент он вместе с этим трупом был сброшен в бездну, вслед за бедной Сигамбой.

Летя вниз, Пит невольно поднял глаза кверху. На вершине горы, с копьем в руке, стоял Ральф.

XV Как Ральф нашел свою жену. — Заключение

Как я уже сказала, мы стояли лагерем недалеко от горы Упомондвана, не решаясь идти прямо туда ввиду осады ее зулусами. Разумеется, мы страшно беспокоились за участь нашей дочери и мучились, что не можем помочь ей, хотя были близко от нее.

Мы совсем извелись бы с горя, если бы не Гааша. Он умел говорить по-зулусски и вызвался разузнать все что можно о нашей дочери. Нарядившись зулусом, он смело направился в лагерь осаждающих и узнал, что осада предпринята ими благодаря проискам друга короля Дингаана, Бычьей Головы, который уверил короля, что вторая инкосикази упомондвана, Белая Ласточка, его жена, и просил помочь ему вытребовать ее у упомондвана. Убедившись еще, что его родители на горе умерли, Гааша возвратился назад и все рассказал нам. Это было накануне того дня, в который должна была произойти выдача нашей дочери Черному Питу. Услыхав, что Черный Пит требует выдачи Сузи, Ральф с негодованием вскричал:

— И Сигамба согласилась выдать мою жену?! О нет, этого быть не может!

— Что же ей еще оставалось делать, Ральф? — глухим голосом сказал Ян, бледный как смерть. — Не губить же ей весь свой народ из-за нашей Сузи. Я уверен, что сам народ и вынудил ее выдать Сузи. Насколько я знаю Сигамбу, она, наверное, отстаивала нашу дочь, которую так любит, до последней возможности... Но мне думается, что она обманет этого негодяя и спасет Сузи, несмотря ни на что. Скорее Сигамба выдаст себя, чем свою Белую Ласточку... Это я тоже прочел у нее в глазах, — задумчиво добавил он, стараясь дрожащими руками высечь огонь, чтобы закурить трубку, но все не попадая огнем по кремню.

Наступило глубокое молчание. Яну после долгих усилий удалось наконец закурить свою трубку, и он начал дымить, точно современный паровоз. Ральф, обхватив обеими руками голову, сидел, как истукан, и, видимо, думал глубокую думу. Я тихо плакала, по временам бросая взгляды на обоих мужчин и желая утешить их, но положительно не знала, что

сказать, так как не меньше их сходила с ума. Я видела, что Ян только храбрится, а на самом деле не ждет ничего хорошего... Хотя я тоже была уверена, что Сигамба едва ли так выдаст Сузи, но вместе с тем понимала, что в настоящем ужасном положении у нее нет другого выхода.

Вдруг Ральф встрепенулся, поднял голову и позвал Гаашу, который, не любя сидеть сложа руки, уже возился около одного фургона и что-то исправлял в нем.

— Иду, баас! — откликнулся своим звонким голосом дикарь, подходя с куском дерева в одной руке и с топором в другой. — Что прикажешь?

— Можешь ты провести меня к горе Большой Руки так, чтобы меня никто не заметил?

Гааша подумал немного и проговорил:

— Могу, баас, только длинным обходом через соседние горы.

— А сколько понадобится времени на этот обход?

— Придется идти целую ночь, баас.

— Отлично. Значит, если мы выйдем отсюда, когда сядет солнце, то успеем туда как раз к восходу... Матушка, — обратился Ральф ко мне, — приготовь нам на всякий случай еды и фляжку апельсиновой настойки; может быть, Сузи и Сигамба нуждаются...

— Ральф, да неужели ты и в самом деле пойдешь туда! — вскричала я, в ужасе всплеснув руками. — Подумай, что ты хочешь предпринять: Сузи ты все равно не спасешь, а сам наверняка погибнешь, и мы лишимся нашего последнего утешения... И потом, имей в виду, что если Господь судил Сузи спастись и этот раз, как спасал ее до сих пор, то это произойдет и без твоей помощи.

— Нет, я думаю, именно теперь и нужна моя помощь, — отчеканил Ральф. — Недаром же видел я во сне гору Большой Руки; это было мне указанием, что я должен найти Сузи там, точно так же, как и ей, маленькой, снилось, что она видит меня в ущелье, в котором она и нашла меня наяву, послушавшись своего сна... Вообще, матушка, вы знаете, если я раз что-то решил, то никто не отговорит меня от этого.

То же самое говорила в тот день, может быть даже в тот же час, и Сигамба нашей дочери.

— Я тоже иду с тобой, Ральф, — заявил Ян, вставая. — Приготовь мне, жена...

— Нет, отец, ты не пойдешь!... — резко сказал Ральф.

— Это почему? — удивился мой муж.

— Потому что ты нужнее здесь, чем там. В том месте будет дело только для одного меня, а здесь каждую минуту может произойти новое

нападение со стороны дикарей, и такому прекрасному стрелку, как ты, не следует отходить отсюда ни на шаг... Во всяком случае, я тебя не возьму с собой, так ты и знай!

Вечером он отправился с Гаашей. Шли они все время по горам. Им приходилось взбираться на такие кручи, переправляться через такие расщелины и пропасти, и притом ночью, при неверном освещении луны, что только особенной милости Провидения может быть приписан их благополучный переход через горы, на каждом шагу угрожавшие им смертью.

Наконец они добрались до горы Упомондвана со стороны, противоположной той, на которой находились осаждающие. Гааша провел Ральфа в небольшую пещеру сбоку, откуда им можно было наблюдать за всеми передвижениями зулусов.

Они знали, что при первых лучах солнца Сузи будет сидеть на самой вершине горы, где Черный Пит и возьмет ее как награду за снятие осады и освобождение прохода к воде; войско же пока должно оставаться вблизи, на случай, если бы Сигамба и Сузи захотели обмануть Пита. В последнем случае все племя было бы перерезано.

Ральф с лихорадочностью и нетерпением стал ожидать того момента, когда народ хлынет сверху к реке, а Пит поднимется на опустевшую гору за своей добычей, которая, по мнению этого негодяя, наконец-то была в его власти и теперь уже не могла ускользнуть от него.

Момент этот наступил. Стремившийся с горы народ думал лишь о так давно желаемой воде и не обращал ни малейшего внимания на то, что делалось вокруг него. Поэтому никто и не мог предупредить ван Воорена, что вслед за ним крадется вверх по горе человек, очевидно со злым намерением против него, потому что держит наготове в одной руке копье, а в другой — пистолет.

Сердце Ральфа замерло от наплыва разнородных чувств, когда он сзади увидел белую фигуру той, которую принимал за свою жену. Он и радовался, что она была так близко от него, хотя и не подозревает этого, и вместе с тем боялся, как бы она при виде своего врага не вздумала броситься в бездну, зиявшую под ее ногами; крикнуть же ей, что он тут, возле нее, он, конечно, не мог, чтобы не расстроить своего плана. Никогда он так горячо не молился, как в эту страшную минуту, которая должна была решить его судьбу: сделать его самым счастливым или самым несчастным человеком в мире.

С первых же слов Сигамбы, сказанных ею Питу, наш зять понял по ее тону, что она обманула его и что женщина, сидящая в «кресле», вовсе не

Сузи, которая, наверно, спрятана где-нибудь.

К глубокому огорчению Ральфа, он не мог предупредить самоубийство этой маленькой ростом, но великой сердцем и умом женщины.

В то время как Пит ван Воорен с воплем ярости хотел сбросить вниз труп, которым его ввели в заблуждение, Ральф толкнул его самого туда и, сбросив ему вдогонку труп, крикнул:

— Вот тебе, Пит ван Воорен, и награда за все твои злодеяния! Возьми ее с собой на тот свет вместе с сознанием, что ты погиб от руки Ральфа Кензи, отомстившего наконец за свою жену!

После этого наш зять по совету Гааши сейчас же скрылся в пещере, так что зулусы, ошеломленные этой страшной сценой, не заметили, куда он девался, и приняли его за сверхъестественное существо.

Так погиб человек, который за всю свою жизнь ничего, кроме зла, не делал. Разбитое до неузнаваемости тело его нашли потом почти рядом с телом бедной Сигамбы. На лице первого застыло злобное выражение, смешанное с испугом, а лицо последней выражало только покорность судьбе и величавое спокойствие.

Сигамбу похоронили со всеми почестями, подобавшими ее сану, а тело ван Воорена было расклевано хищными птицами.

После ухода зулусов, пользуясь тем, что упомондвана еще не возвращались на гору, Ральф стал разыскивать жену по всем хижинам, которые, однако, оказались пустыми. Гааша старательно ему помогал.

Вдруг они наткнулись на молодую девушку, лежавшую на земле; у нее была сломана нога, и она не могла двинуться с места, чтобы вместе с другими утолить свою жажду.

— Воды, белый человек, воды! — прохрипела она. — Я скажу тебе, где Белая Ласточка, которую ты ищешь.

Ральф остановился, достал из висевшей у него на боку сумки фляжку с водой и напоил несчастную девушку.

— Где же Белая Ласточка? — спросил он, когда девушка утолила свою жажду.

— Она ушла с Зинти вон к тем горам, за которыми, говорят, стоят лагерем белые люди. Наверное, ты от них, и пока шел сюда, Белая Ласточка полетела туда... О, я отлично узнала ее, хотя Сигамба и выкрасила ее в нашу краску и заставила идти с народом, когда он бросился к воде...

— Спасибо тебе за это сообщение, — сказал наш зять. — А есть ты хочешь? — прибавил он, вынимая из сумки кусок хлеба и мяса.

— Хочу, — ответила девушка. — Я давно уже не ела: у нас в доме все вышло. А главное, мне хотелось пить... Когда я бежала к воде, меня

толкнули; я упала и сломала ногу. Я просила поднять меня, но никто не слышал моего голоса: каждому было дело только до себя. Как меня еще не раздавили?! Многие проходили через меня...

— Вот тебе еда, — нетерпеливо перебил Ральф и, вручив ей мясо и хлеб, он в сопровождении Гааши пустился бегом с горы.

— Где кратчайший путь назад к нам? — спросил он дикаря.

— Вот там, баас, — ответил Гааша, указывая рукой вдоль по равнине, мимо горной цепи.

— Отлично. Идем...

Вдруг за Ральфом раздалось громкое ржание и кто-то толкнул его в плечо. Оглянувшись, он увидел за собой Стрелу, ласково глядевшую на него своими умными глазами и тыкавшую в него мордой.

Как потом оказалось, Стрела уцелела вместе с несколькими быками Сигамбы и все время находилась в отдельном загоне.

Сигамба, одинаково заботившаяся как о людях, так и о животных, предусмотрительно отворила утром загон, чтобы животные потом могли свободно пройти к реке.

Стрела только что напилась и выкупалась и была вся мокрая. Должно быть, она издали узнала своего хозяина и побежала за ним.

Обрадованный ее неожиданным появлением, Ральф поцеловал ее во влажную морду и дал ей большой кусок хлеба, который она с жадностью сжевала.

Потом он сел на нее, как она была — мокрая, без седла и узды.

— Садись и ты, Гааша, — сказал он дикарю, тоже радовавшемуся, что баасу теперь скорее можно будет догнать свою жену. — Или ты хочешь остаться у своего племени? — добавил наш зять, видя, что Гааша колеблется.

Но тот энергично тряхнул своей курчавой головой и ответил:

— Нет, баас, я привязался к вам и больше с вами не расстанусь. Родители мои умерли, а других близких родственников у меня нет, и мне нечего тут более делать.

— Так садись же скорее ко мне, — торопил Ральф.

— Нет, баас, лошади будет тяжело; поезжай один, я немного отстану от тебя и отправлюсь пешком.

— Вздор, садись, а то я рассержусь на тебя! — пригрозил Ральф. — В тебе и весу-то немного.

— Не надо сердиться на Гаашу, баас. Он все сделает, что ему велит баас, — покорно промолвил дикарь и ловко вскочил сзади Ральфа на лошадь.

Действительно, он был так легок, что Стрела почти не замечала, что на ней сидят двое. Ральф ухватился за ее волнистую гриву, Гааша уцепился за кожаный пояс Ральфа, и они помчались.

Между тем Сузи, проходя по горам, вывихнула себе ногу, и Зинти пришлось нести ее на руках. Это сильно замедляло ход и очень утомляло Зинти, особенно при подъемах на горы. Идти же прямым путем, по равнине, он не решался, помня о возможности погони со стороны Черного Пита.

Но как ему было ни трудно, он все-таки притащил к нам нашу дочь.

Я не берусь описывать, что было со мной и Яном, когда мы наконец снова увидели ее: это надо чувствовать.

Первым ее вопросом было, конечно: «А где же Ральф?»

Когда мы сказали ей, что он ушел ночью к горе Упомондвана, узнав, что жена его там и что она должна быть выдана Черному Питу, она вскричала:

— Боже мой! Да ведь Пит убьет его! Зачем вы его отпустили?... Ведь я теперь больше никогда...

И, не договорив того, что хотела сказать, она лишилась чувств.

Но не прошло и трех часов со времени ее прибытия к нам, как явился Ральф и Гааша на Стреле.

Удивляюсь, как мы все не помешались тогда от радости!...

С этого дня все наши беды окончились. Благополучно прибыв в Наталь и выбрав себе хороший участок земли — такой же, как в прежней колонии, — мы устроили рядом две фермы: одну для наших детей, а другую для себя, и стали жить по-прежнему, мирно и счастливо. Только работать приходилось втрое больше прежнего, пока мы окончательно не устроили своего нового хозяйства. Но мы об этом не горевали: буры не боятся работы.

У Ральфа и Сузи был один только сын, тоже Ральф. Сын этот уже был вдовцом (жена его умерла, произведя на свет ту самую Сузанну, которая теперь выстукивает на машинке), когда умерла его мать, наша милая дочь. Ей было тогда уже пятьдесят лет, но на вид она казалась не более тридцати пяти. Несмотря на то, что они с мужем жили очень счастливо, Сузи вечно была задумчива и печальна и как будто не радовалась жизни.

Когда она очутилась под землей, Ральф, еще в полной силе, несмотря на свои седые волосы, отправился сражаться против Кетчвайо; сын его последовал за ним. Там они оба и остались.

Дочь нашего внука, Сузанну, мы, разумеется, взяли к себе. Когда она достигла школьного возраста, мы отдали ее в пансион в Дурбане, чтобы ее

потом не могли обвинить в невежестве, в котором так часто упрекали нас, стариков...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ, написанное баронессой Глентирк, в девичестве Сузанной Кензи

Моя прабабушка, Сузанна Ботмар, не захотела больше мне диктовать из-за одного события, которое вдруг превратило меня из дочери простого бура в леди Глентирк, владельницу многих имений в Шотландии, с титулом баронессы. Поэтому мне пришлось самой окончить этот правдивый рассказ.

Когда я отстучала на пишущей машинке последние слова, которыми закончился рассказ прабабушки, ей доложили о приезде к нам на ферму шотландского офицера, Ральфа Макензи. При этом известии прабабушка чуть не умерла от испуга, а я — от радости. Опомнившись от неожиданности, прабабушка пошла встречать гостя.

Нужно сказать, что я уже была знакома с этим Ральфом Макензи. Я познакомилась с ним в Дурбане, когда еще училась в пансионе. Он стоял в этом городе с шотландским полком и был очень дружен с сыном хозяйки пансиона, в котором я воспитывалась. Она очень любила меня, и я проводила с ней почти каждый вечер. У нее я встретила с Ральфом Макензи, или лордом Глентирком, моим теперешним мужем. Мы познакомились и полюбили друг друга.

Перед тем как я, по окончании своего образования, должна была ехать в провинцию к прабабушке, Ральф просил меня быть его женой, сознавшись при этом, что он не Макензи, а лорд Глентирк, но не желает носить этого титула, потому что не считает свои права на него законными. Из дальнейшей моей беседы с ним оказалось, что лет шестьдесят тому назад в Транскее разыскивался прямой наследник лордов Глентирк, спасшийся еще мальчиком от кораблекрушения, во время которого погибли его родители, лорд и леди Глентирк. Официальные сведения доказывали, что этот мальчик пропал бесследно; а по неофициальным оказывалось, что он был жив и жил как бур под именем Ральфа Кензи, сначала в Транскее, а затем в Натале. Отец Ральфа Макензи умер, ничего не зная; а дед, переживший своего единственного сына, будучи уже девяноста лет от роду и находясь на смертном одре, открыл своему внуку тайну относительно Ральфа Кензи (моего деда), что этот Кензи и есть подлинный лорд Глентирк. Совесть всю жизнь упрекала его в том, что он не открыл этой тайны сыну. Он все собирался сделать это, но сын его умер в Индии, так и

не узнав ничего, а потому он, чувствуя приближение смерти, решил облегчить свою совесть исповедью хотя бы перед внуком.

— Когда ты закроешь мне глаза, — заключил старый лорд, — переведись в наш полк, стоящий в Дурбане, и разузнай там, жив ли еще Ральф Кензи — так буры называли моего двоюродного брата — или кто-нибудь из его потомков. Если кто-нибудь из них окажется в живых, то ты сам будешь знать, что нужно сделать, чтобы тебя не мучила совесть, как мучила она меня.

Познакомившись со мной, Ральф сначала был поражен моей фамилией и все время расспрашивал меня о моих родных. Я тогда сама знала еще очень мало об истории нашего семейства и потому не могла сполна удовлетворить его любопытство; но он и помимо меня узнал все и нашел нужным до поры до времени скрыть это от меня.

Я очень любила Ральфа, но, зная, что он лорд, а я дочь простого бура, не решилась принять его предложение — из опасения, что буду в его кругу не на своем месте. Так я и объявила ему. Тогда он сказал мне:

— Ну хорошо, Сузанна. Вы находите, что не будете на своем месте в качестве моей жены, потому что я называюсь лордом Глентирком, а вы — Сузанной Кензи. Но что вы скажете, если я докажу вам, что вы — леди Глентирк, а я — только Ральф Макензи, потомок младшей линии Глентирков?

Сначала я от изумления, конечно, не могла выговорить ни слова, но когда Ральф объяснил мне, в чем дело, я ответила, что если я действительно окажусь законной наследницей титулов и владений лордов Глентирк, то охотно буду его женой; до тех же пор прошу оставить меня в покое и не поддерживать со мной никаких отношений.

На этом мы и порешили. Я уехала к прабабушке, а он взял отпуск и отправился в Англию с собранными им доказательствами моего происхождения от законного лорда Глентирка, Ральфа Макензи, заброшенного судьбой в детстве в Транскей и жившего там под именем Ральфа Кензи.

Не желая преждевременно возбуждать лишних разговоров, я ничего не сказала прабабушке о моем знакомстве с Ральфом Макензи и о последствиях этого знакомства; я стала ожидать результата его хлопот о восстановлении моих законных прав.

У прабабушки оказался портрет моего деда, Ральфа Кензи, написанный акварелью одним гостившим на ферме путешественником-живописцем. Увидав этот портрет, я нашла, что сходство его с моим Ральфом прямо изумительное. Сходство имен тоже не оставляло никакого

сомнения в том, что оба эти Ральфа родственники. Очевидно, дед, будучи очень маленьким, сам прозвал себя Кензи, потому что не мог выговорить более длинного слова Макензи.

Записывая под диктовку прабабушки историю нашего семейства, я полностью убедилась, что законная наследница шотландского баронства Глентирк — именно я, и вполне освоилась с этой мыслью, нисколько не сомневаясь, что мои права будут признаны в Англии.

И вот Ральф явился к нам на ферму с документом, утверждавшим меня в этих правах.

Прабабушка, увидав Ральфа, сделалась как сумасшедшая; она отмахивалась от него обеими руками и кричала, что он выходец с того света и пришел за ее душой, обремененной грехом лжи против него.

А прадедушка (бедный старик уже впал в детство!) принял блестящего офицера прямо за своего приемного сына Ральфа и все время обнимал и целовал его, радуясь его возвращению. Он не мог даже сообразить, что его Ральфу теперь было бы лет под семьдесят, а мой Ральф был лет тридцати. Это происходило оттого, что все Глентирки, как я уже сказала, необычайно похожи друг на друга.

Когда все объяснилось, прабабушка сначала страшно рассердилась на меня за то, что я все скрыла от нее и даже не подавала вида, когда она мне диктовала, что знаю больше нее. В конце концов она, однако, простила меня и даже стала относиться с любовью к моему Ральфу, так напоминавшему ее любимого приемного сына и мужа ее незабвенной дочери, Белой Ласточки.

* * *

Наша с Ральфом свадьба была отпразднована в Дурбане, в присутствии прабабушки и прадедушки. Последний был абсолютно уверен, что это свадьба его дочери с Ральфом Кензи, произведенным в офицеры за победы над войсками ван Воорена (по мнению старика, и у того было войско), Мзиликази, Дингаана и Кетчвайо.

Через полгода после свадьбы я уехала с мужем в Шотландию, а еще через полгода было получено от прабабушки письмо. Она писала, что муж ее умер и она хоть и не больна, но тоже умрет, как только отправит это письмо, потому что без мужа, с которым прожила около восьмидесяти лет

(когда он умер, ему было сто с лишним лет, да и ей немногим меньше), она не может жить ни одного дня. Действительно, вслед за тем мы получили с ее фермы, которую она оставила мне в наследство, известие, что прабабушка тихо скончалась на другой же день после того, как отправила нам свое последнее письмо.

Так окончилась жизнь родителей Ласточки, намного ее переживших и столько испытавших.



Бенита,
или
Дух Бамбатсе





БЕНИТА, ИЛИ ДУХ БАМБАТСЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Быть может, читателям будет небезынтересно узнать, что автор предлагаемого повествования считает его фабулу основанной на фактах, имевших место в действительности.

Лет двадцать пять или тридцать тому назад нам пришлось слышать об одном бродячем торговце, посетившем земли, лежащие за Келимане, туземные обитатели которых рассказывали ему о легендарных сокровищах, зарытых там приблизительно в шестнадцатом веке португальскими путешественниками, впоследствии убитыми. Предприимчивый торговец сделал попытку обнаружить клад при помощи гипнотизера. Согласно этому рассказу, ребенок, игравший роль медиума в гипнотическом эксперименте, находясь в состоянии транса, подробно описал мучения и смерть несчастных португальцев, мужчин и женщин, двое из которых нырнули с вершины большой каменной глыбы в Замбези. Хотя этот ребенок знал только английский язык, он, как уверяли рассказчики, повторил по-португальски все те молитвы, которые злополучные европейцы обращали ввысь, и пропел все те гимны, которые они пели. Мало того, он описал, как зарывали клад, а также его местонахождение столь подробно, что торговец и гипнотизер получили полную возможность немедленно приступить к отысканию клада. Однако результаты оказались плачевными: река размыла яму, где находились сокровища, и унесла их. На месте осталось всего несколько золотых монет, в том числе венецианский дукат времен дожа Алоиза Мочениго. После этого мальчик, будучи загипнотизирован вновь (всего он подвергался этой процедуре восемь раз), обнаружил то место, где мешки лежат и доныне, но, прежде чем бледнолицый мог возобновить свои раскопки, нагрянули туземцы, и компания, едва не поплатившись жизнью, была вынуждена удирать во все лопатки за пределы этих земель.

Необходимо добавить, что вождь племени, правивший этими землями тогда, когда разыгралась португальская трагедия, объявил клад священным, прибавив, что в случае посягательства на него стране грозят неисчислимые несчастья.

Благодаря этому на протяжении ряда поколений клад оставался нетронутым, пока потомки вождя не были по причине войны отброшены от

реки. От нескольких их представителей торговец и услышал
вышеприведенное сказание.



Глава I. Признания

Чудная, чудная была эта ночь! Воздух не колыхался; черные клубы дыма из труб почтового парохода «Занзибар» низко стлались над поверхностью моря, точно широкие плавающие страусовые перья, которые одно за другим исчезали при свете звезд. Бенита Беатриса Клиффорд (это было полное имя молодой девушки, названной первым именем в честь своей матери, а вторым — в честь единственной сестры своего отца) стояла, лениво опершись на перила, и мысленно говорила себе, что по такому морю всякий ребенок, умеющий хоть немного грести, мог бы пуститься в челноке и благополучно доплыть до берега.

Но вот высокий молодой человек лет тридцати, куривший сигару, подошел к ней. Она немного подвинулась, желая дать ему место возле себя, и в этом движении было нечто, что могло бы дать постороннему наблюдателю, находясь здесь таковой, основание заключить, что отношения между ними были дружескими или еще более близкими. С секунду он колебался, и выражение сомнения, даже печали показалось на его лице; словно он считал, что многое зависело от того, примет ли он это безмолвное приглашение или откажется от него, и не знал, как поступить.

И действительно, многое зависело от этого, а именно судьба их обоих. Если бы Роберт Сеймур прошел мимо Бениты и докурил свою сигару в уединении, наше повествование имело бы совсем другой конец, а вернее, кто может сказать, чем бы оно закончилось! Заранее предначертанное чудовищное событие, таившееся под покровом этой знаменательной ночи, произошло бы, оставив известные слова произнесенными.

Едва он сделал шаг вперед, чтобы пройти дальше, Бенита заговорила своим низким, приятным голосом:

— Куда вы направляетесь, мистер Сеймур, в курительную комнату или в салон потанцевать? Один из офицеров только что сообщил мне, что сейчас собираются устроить танцы, — прибавила она, — ведь море до того спокойно, что мы можем вообразить, будто находимся на берегу!

— Ни туда, ни сюда, — ответил он. — Курительная набита битком, там слишком душно, а дни, когда я танцевал, уже прошли. Я просто собирался походить после сегодняшнего обильного обеда, а потом усестись в кресло и заснуть. Но, — тут голос говорившего оживился, — как вы узнали, что это я? Ведь вы не обернулись ко мне.

— У меня есть не только глаза, но и уши, — ответила она с легким

смехом. — И после того как мы около месяца пробыли на одном пароходе, я должна знать вашу походку.

— Я что-то не могу припомнить, чтобы кто-нибудь прежде узнавал ее, — промолвил он скорее про себя, чем вслух. Затем подошел к перилам и облокотился по соседству с девушкой. Его сомнения исчезли. Судьба высказалась...

Некоторое время оба молчали; наконец Сеймур спросил свою соседку, не пойдет ли она потанцевать. Бенита покачала головой.

— Почему нет? Вы ведь любите танцевать и танцуете просто превосходно. Кроме того, к вашим услугам много офицеров, в особенности капитан... — он замолчал, не dokonчив своей речи.

— Я знаю, — сказала она, — танцевать было бы приятно, но... мистер Сеймур, не сочтете ли вы меня глупой, если я скажу вам кое-что?

— Раз уж до сих пор мне и в голову не приходило считать вас таковой, то на каком же основании я должен прийти к подобному заключению теперь? В чем дело?

— Я не могу идти танцевать, потому что мне страшно, да, невыносимо страшно...

— Страшно? Что же вас страшит?

— Сама не знаю, но, мистер Сеймур, у меня такое чувство, как будто все мы находимся на краю какой-то ужасной катастрофы, как будто скоро должна произойти большая перемена, результатом которой будет новая и незнакомая жизнь. Это чувство овладело мной за обедом — вот почему я вышла из-за стола. Совершенно неожиданно я посмотрела вокруг себя, и все сидящие, за малым исключением, преобразились в моих глазах.

— Я тоже преобразился? — с любопытством спросил Сеймур.

— Вы? Нет! — ему показалось, что она добавила чуть слышно: — Слава Тебе, Боже!

— А вы сами?

— Не знаю. Я не смотрела на себя. Я наблюдала за другими, но не за собой. Я всегда такая.

— Несварение, — задумчиво произнес Сеймур. — Мы едим здесь чересчур много, сегодняшний же обед был слишком продолжителен и плотен. Его тяжесть и внушила мне мысль походить.

— Чтобы после этого отправиться спать.

— Да, сначала моцион, затем сон. Мисс Клиффорд, это правило и... смерти. Со сном заканчивается мысль, поэтому некоторым из нас ваша катастрофа крайне желательна — ведь ее наступление означает долгий сон и отсутствие мыслей...

— Я сказала, что сидевшие изменились в моих глазах, но не говорила, что они перестали думать. Быть может, они думали больше, чем обыкновенно.

— В таком случае нам надо помолиться об отвращении от нас катастрофы. Я прописываю вам углекислоту с содой. В такую погоду весьма трудно предположить подобную вещь. Взгляните туда, мисс Клиффорд, — прибавил он с воодушевлением, указывая рукой на восток, — взгляните!

Глаза Бениты устремились по направлению вытянутой руки Роберта, и она увидела огромный диск африканской луны, выползавший из недр горизонта. Вся видимая поверхность океана сразу засеребрилась; широкая, колышущаяся серебряная дорога протянулась от луны к ним. Мягкий, приятный свет лился на гигантский пароход, рельефно очерчивая его заостренные мачты и ясно выделяя мельчайшие детали его снастей. Проникая дальше, этот свет обнаруживал выступавшую то там, то здесь окаймленную пеной береговую полосу, покрытую растительностью. При этом освещении даже круглые хижины африканских краалей сделались слегка видимыми — как, впрочем, сделались видимыми и другие вещи, например, сама стоявшая пара. Ее можно было теперь рассмотреть вполне отчетливо.

Мужчина был румян, с чистой кожей, с белокурыми волосами, в которых уже начала пробиваться седина, что в особенности было заметно на усах; бороды у него не было. Его аккуратно выбритое лицо не отличалось особой красотой, несмотря на тонкость черт, так как этим чертам не хватало правильности: скулы выдавались слишком высоко, подбородок же был очень мал; недостатки эти до известной степени искупались выразительными и веселыми серыми глазами. Что же касается остального, то он был широкоплеч, хорошо сложен, и во всем его облике улавливались хорошо знакомые черты, присущие истому англичанину. Такова была внешность Роберта Сеймура.

При лунном свете находившаяся рядом с ним девушка выглядела красивой, хотя, в действительности, этим эпитетом ее можно было наградить, разве что приняв во внимание ее фигуру — гибкую, округленную и своеобразно грациозную. Ее чужестранный облик был необычен: темные глаза, несколько великоватый и очень подвижный рот, белокурые волнистые волосы, широкий лоб, приятное и временами какое-то молящее выражение лица, обыкновенно задумчивое, но часто озаряемое внезапной улыбкой. В общем, женщина, которую нельзя назвать красавицей, но чрезвычайно привлекательная, обладающая какой-то

притягательной силой.

— Наконец-то Африка близко, — сказала она.

— Нахожу, что слишком близко, — ответил Сеймур. — Будь я капитаном, я держался бы подальше от берега. Африка удивительная, полная неожиданностей страна. Мисс Клиффорд, вы не сочтете меня нескромным, если я спрошу вас, почему вы едете в Африку? Вы никогда не говорили мне об этом.

— Нет, не говорила, потому что это печальная история, но, если хотите, я расскажу. Хотите?

Сеймур утвердительно кивнул головой и придвинул два палубных кресла, поместив их в уголке между бортом и одной из поднятых на палубу шлюпок.

Здесь молодые люди уселись, по-прежнему обращая взоры на водную ширь, и Бенита приступила к рассказу.

— Вы знаете, что я родилась в Африке, — сказала Бенита, — и жила там до тринадцати лет. Кстати, оказывается, я до сих пор не забыла зулусского наречия; сегодня днем я говорила на нем. Мой отец был одним из первых натальских поселенцев. Его же отец был священником — младший сын линкольнширских Клиффордов. Они и теперь еще считаются у себя в округе важными персонами. Но я не думаю, чтобы им было известно что-нибудь о моем существовании.

— Я знаю их, — отозвался Роберт Сеймур. — В ноябре прошлого года я охотился в их владениях, и как раз в это время мне на голову свалилось банкротство, — вздохнул он. Но, пожалуйста, продолжайте.

— Мой отец поссорился со своим отцом, из-за чего — не знаю, и эмигрировал. В Натале он женился на моей матери, мисс Феррейра; ее звали, как меня и ее собственную мать, — Бенитой. Она была одной из дочерей Андреаса Феррейры, наполовину голландца, наполовину португальца, женившегося на англичанке. Я хорошо помню его — такой красивый старик, с темными глазами и бородой цвета железа. По тем временам он был богат, то есть владел большими участками земли как в Натале, так и в Трансваале и имел огромные стада. Так что, вы видите, я наполовину англичанка, на четверть голландка и на четверть португалка, — полное смешение народностей! Отец с матерью ладили плохо.

Мистер Сеймур, рассказывая вам всю свою семейную историю, я не нахожу нужным скрывать от вас какие-либо детали, а потому скажу откровенно: отец мой пил, и хотя чувствовал к жене страстную привязанность, тем не менее она ревновала его. Кроме того, он играл в карты и проиграл большую часть ее приданого, так что после смерти

старика Феррейры они оказались без средств. Однажды ночью между ними произошла ужасная сцена, во время которой выпивший отец, выйдя из себя, ударил мать.

Надо вам сказать, что моя мать была очень гордая и решительная. После удара она повернулась к нему и — я слышала это сама — сказала: «Я никогда тебе этого не прощу; между нами все кончено». На следующее утро мой отец, уже трезвый, просил у нее прощения, но она ничего не ответила, хотя он уезжал куда-то на две недели. Когда он уехал, она приказала запрячь капский фургон, уложила вещи, взяла кое-какие сбережения и отправилась со мной в Дурбан.

По прибытии в Дурбан моя мать поместила деньги в банк, чтобы получать небольшой доход в виде процентов. Затем, послав отцу письмо, в котором было сказано, во-первых, что он больше ее никогда не увидит и, во-вторых, что если он станет требовать меня к себе, то она прибегнет к помощи английского суда, который, несомненно, не позволит мне получить воспитание в доме пьяницы, мать вместе со мной отплыла в Англию.

Приехав в Англию, мы отправились в Лондон и поселились у моей тетки, которая прежде была замужем за майором Кингом, но к этому времени овдовела и жила с пятью детьми. Мой отец часто писал матери, прося ее вернуться, но она не соглашалась и, думаю, поступала нехорошо. Так продолжалось двенадцать лет или больше; наконец, в один прекрасный день, моя мать скорпостижно скончалась, и я стала обладательницей маленького капитала, приносившего доход в двести с лишним фунтов стерлингов в год, который она поместила таким образом, что никто не мог его тронуть. Случилось это приблизительно год тому назад. Я написала отцу о ее смерти и получила от него грустное письмо; у меня есть несколько его писем. Он молил меня приехать к нему, не дать ему умереть одиноким и говорил, что умрет с разбитым сердцем, если я не исполню его просьбу. Он уверял, что давно перестал пить, так как вино расстроило его жизнь, и прислал свидетельство об этом, подписанное судьей и доктором. И вот, несмотря на уговоры моих двоюродных братьев, сестер и тетки, я согласилась — и теперь пароход несет меня в Африку. Отец должен встретить меня в Дурбане, но каким образом мы будем существовать с ним вместе — не знаю. Мне хочется видеть его, так как, в конце концов, он мой отец.

— Ваш поступок заслуживает всяческой похвалы. У вас благородное сердце, — сказал задумчиво Роберт.

— Это мой долг. К тому же неблагоприятная сторона моего визита не страшит меня, рожденную в Африке и предназначенную для нее. В самом

деле, будучи в Лондоне, я часто мечтала вернуться снова сюда, окунуться в воздух вельда, почувствовать себя далеко от городских улиц и лондонского тумана. Я молода и сильна и хочу видеть вещи естественные, а не те, что создаются рукой человека, хочу видеть то, что видела еще ребенком. Что же касается Лондона, то туда всегда можно вернуться.

— Или, по крайней мере, некоторые могут вернуться туда. Как ни странно, мисс Клиффорд, но я однажды встретился с вашим отцом. Вы все время напоминали мне встреченного мною человека, но я забыл его фамилию; теперь я припоминаю, его фамилия была Клиффорд.

— Где же вы с ним встретились? — удивленно спросила Бенита.

— В странном месте. Как я уже говорил вам, я еду в Южную Африку во второй раз, посетив ее четыре года тому назад, при совершенно иных обстоятельствах: тогда я прибыл из Европы для охоты на крупную дичь. Направляясь в глубь материка от Восточного берега, мы с братом — его, бедняги, уже нет в живых — попали в Землю Матабеле, на берега Замбези. Не найдя там много дичи, мы собирались двинуться на юг, но туземцы рассказали нам об удивительных развалинах на холме, над рекой, в нескольких милях от нас. Оставив фургон по эту сторону высокой гряды, через которую его было бы трудно перевезти, мы с братом захватили ружья, мешок с провизией и двинулись в путь. Цель нашего путешествия оказалась дальше, чем можно было предположить, созерцая ее с вершины горы, которую нам пришлось одолеть, поэтому, прежде чем мы достигли конечного пункта, уже стемнело.

Перед развалинами мы заметили фургон и палатку и, решив, что они принадлежат белым, пошли к этой стоянке. В палатке светился огонь, пола ее была откинута, так как стояла очень жаркая ночь. В ней сидело двое людей: старик с седой бородой и красивый малый, лет сорока, с темными, пронзительными глазами и с черной остроконечной бородкой. Оба обитателя палатки рассматривали груды золотых бусин и безделушек, лежавших на столе между ними. Я хотел заговорить, но в эту минуту чернобородый человек услышал или увидел нас; схватив ружье, прислоненное к столу, он быстро повернулся и прицелился в меня.

«Ради Бога, не стреляйте, Джейкоб, — сказал старик, — это англичане». — «Во всяком случае, лучше, если они умрут, — ответил тот мягким голосом, в котором слышался легкий иностранный акцент. — Нам не нужно ни шпионов, ни воров!» — «Мы ни то ни другое, милейший, а что касается стрельбы, то я тоже умею обращаться с огнестрельным оружием», — заметил я и в свою очередь навел на него винтовку.

Он опустил свое ружье, и мы объяснили, что отправились в

археологическую экспедицию. В конце концов наши отношения сделались вполне дружескими, хотя мы с братом держали ухо востро по отношению к мистеру Джейкобу — фамилии его я не припомню; он слишком много играл ружьем и вообще казался мне человеком с темным и таинственным прошлым. Короче, когда ваш отец (старик — это был ваш отец) убедился в том, что имеет дело с людьми совершенно безвредными, он откровенно рассказал нам, что они, то есть он и мистер Джейкоб, ищут клад, два или три столетия тому назад спрятанный, судя по рассказам, в этом холме какими-то португальцами.

Однако их подстерегали неприятности: племя макаланга, жившее в крепости (крепость и была теми развалинами, которыми мы заинтересовались), что носила название Бамбатсе, не соглашалось позволить им производить раскопки, мотивируя свой отказ тем, что холм этот посещается призраком и что если они выполнят просьбу белых, то на голову племени обрушится несчастье.

— И что же, удалось им в конце концов отыскать золото? — спросила Бенита.

— Не могу вам сказать, потому что на следующий день мы отправились назад; но, прежде чем уйти, мы посетили племя макаланга, которые, не видя в наших руках заступов и кирок, с охотой нас приняли. Кстати, те золотые вещицы, за рассматриванием которых мы застали вашего отца и его партнера, были найдены в каких-то древних могилах вне крепостных стен и ничего общего с пресловутым мифическим кладом не имели.

— А как выглядели развалины? Я люблю отголоски минувшего, — снова вставила Бенита.

— О, удивительно! У подошвы холма — гигантская каменная стена, выстроенная Бог ведает кем, затем, на середине холма, другая такая же стена и, наконец, близ вершины — третья, подобная двум первым, окружавшая, как я понял, некое святилище. А над всем этим, на краю обрыва, красовался огромный гранит конической формы.

— Созданный человеческими руками или же естественный?

— Не знаю. Нас не пустили за третью стену; мы были представлены их светскому и духовному главе в одном лице, замечательному старцу, весьма мудрому и очень симпатичному. Я помню, он сказал мне, что мы с ним встретимся снова. Это показалось мне странным. Я спросил его о кладе и о том, отчего он не позволяет белым производить раскопки. Он ответил, что ни белые, ни черные никогда не смогут найти клад, и только одна женщина найдет его в определенное время, а именно когда этого

пожелает Дух Бамбатсе, под чьей охраной и находится упомянутый клад.

— А что это за Дух Бамбатсе, мистер Сеймур?

— Не могу сказать вам ничего определенного, ибо сам не добился никакого толку. Слышал только, что дух этот вырастает в виде белой женщины, которая иногда на восходе солнца или при лунном свете появляется на вершине того гранитного конуса, о котором я только что говорил вам. Помню, как я, чтобы узреть ее, поднялся до рассвета, поступив, как полный идиот, поскольку, конечно, ничего не увидел. Больше мне ничего не известно об этом призраке.

— Скажите, мистер Сеймур, вы беседовали с моим отцом — я подразумеваю, наедине?

— Да, немного. На следующий день он проводил нас до нашего фургона и, как мне показалось, был доволен переменой компании. Странного тут ничего не было, потому что он, как и я, получил воспитание в Итоне и Оксфорде и, каковы бы ни были его недостатки, — хотя мы не заметили и признака их, ибо он не проглотил при нас ни капли вина, — в нем виден джентльмен, чего нельзя сказать о Джейкобе. Тем не менее этот Джейкоб оказался довольно начитанным субъектом, в особенности в области отвлеченных материй, и мог болтать чуть ли не на всех языках мира — словом, умный и ловкий пройдоха.

— Отец вам говорил что-нибудь о себе?

— Да. В минуту полной откровенности, а такая в конце концов наступила между нами, он поведал мне, что вся его жизнь — не что иное, как цепь неудач, за что он заслуживает много упреков. Он упомянул о том, что у него есть семейство, какое — он не сказал, живущее в Англии, сделать которое богатым, дабы загладить прошлое, он так стремится. Потому-то он и решил пуститься на поиски клада. Но, судя по тому, что вы мне сообщили, я, вероятно, не ошибусь, если скажу, что он не нашел ничего.

— Не нашел ничего и ничего не найдет, но все равно я рада слышать, что он думал о нас. Между прочим, я хотела бы исследовать это место, Бамбатсе.

— Так же как и я, мисс Клиффорд; только в обществе вашем и вашего отца, но не мистера Джейкоба. Если когда-либо вам придется отправиться туда с ним, предупреждаю вас: будьте осторожны!

— О, я не боюсь никакого Джейкоба! — ответила она со смехом. Хотя, кажется, отец все еще продолжает водить дружбу с ним; по крайней мере, в одном из писем он упоминает о компаньоне-немце.

Наступило молчание, длившееся некоторое время, после чего Роберт

вдруг сказал:

— Вы рассказали мне вашу историю, хотите послушать мою?

— Да, — ответила она.

— Вам не придется слушать долго, потому что, в сущности говоря, мне нечего рассказывать. Перед вами одна из самых бесполезных личностей на свете, ничем не примечательный член класса, который в Англии называется высшим, человек, который умеет лишь метко стрелять. Скажу искренне, что за последние пятнадцать лет — в этом году мне стукнуло тридцать два года — все мое время, за исключением небольших перерывов, связанных с весенней рыбной ловлей, было отдано охоте. Не желая умалять своих достоинств, спешу прибавить, что я считаюсь одним из шести первых стрелков Англии и что, движимый честолюбием — да, великие небеса, честолюбием! — лелеял мысль превзойти пятерых остальных. Из-за своего увлечения споткнулся стоящий перед вами бедный человек. Эта страсть погубила меня. Говорили, что у меня есть дарования, но в погоне за вышеозначенной формой безделья я пренебрег ими. Я не избрал себе профессии, я не работал, и в результате в тридцать два года я разорен и не вижу выхода впереди.

— Почему же ваше положение безвыходно? — спросила она участливо, так как тон, которым эти слова были произнесены, опечалил ее больше, чем самые слова.

— Я разорен потому, что мой старый дядя, почтенный Джон Сеймур, наследником которого я считался, совершил нелепый шаг, женившись на молоденькой девушке, одарившей его парой цветущих близнецов. С появлением их на свет мои виды на будущее разлетелись в пух и прах; подобной же участи подверглись тысяча пятьсот фунтов стерлингов — ежегодное вспомоществование, которое дядя любезно выдавал мне, с тем чтобы я поддерживал свое положение в свете в качестве его близкого родственника. У меня были кое-какие собственные средства, но также были и долги; и посему в данный момент все, что я имею за душой, выражается в чеке на 2163 фунта 14 шиллингов 5 пенсов и в небольшом количестве наличных денег. В общем, все вместе составляет ту сумму, которую я привык проживать ежегодно.

— Я не считаю это разорением, по-моему, это — целое богатство, — с облегчением сказала Бенита. — Имея две тысячи фунтов, вы в Африке можете нажать состояние. Но почему вы считаете ваше положение безнадежным?

— Я считаю его безнадежным потому, что у меня впереди нет ничего, за что я мог бы ухватиться. В самом деле, когда я истрачу эти две тысячи

фунтов, я не буду знать, как заработать даже шесть пенсов. Обдумывая свою участь, я пришел к мысли, что единственный способ приложения моего умения стрелять — сделаться охотником на крупного зверя, и я решил убивать слонов, пока какой-нибудь слон не прикончит меня. По крайней мере, — прибавил Сеймур изменившимся голосом, — так я думал полчаса тому назад.

Глава II. Конец «Занзибара»

— Полчаса тому назад? Тогда зачем... — И Бенита замолчала.

— Изменил я этот скромный план жизни? Мисс Клиффорд, так как вы были настолько добры, что проявили ко мне участие, то я скажу вам. В последние полчаса мною овладело искушение, которому я противился прежде и перед которым я теперь устоять не в силах. Вы знаете, что для всякого напряжения есть своя граница.

Он нервно затанулся, выпустил дым, бросил сигару в воду и, после паузы, продолжил:

— Мисс Клиффорд, я признаюсь вам в своей дерзости: я осмелился влюбиться в вас; нет, выслушайте меня! После того как я выскажусь, на ответ, которого я ожидаю, у вас останется достаточно времени; пока же позвольте мне роскошь, доселе чуждую моему образу жизни, — быть серьезным. Для меня это ощущение новое, а потому неоценимое. Могу я продолжать?

Бенита не отвечала. Он поднялся — с известной осторожностью, которая была свойственна всем его движениям, так как Роберт Сеймур, казалось, никогда не торопился, — и встал перед нею, так что ее лицо находилось под лучами лунного света, в то время как сам он оставался в тени.

— Кроме ранее упомянутых двух тысяч фунтов и самого их владельца, в виде придачи к ним, ничего более предложить вам я не в состоянии. Я человек неимущий и никчемный. Даже в дни моего благоденствия, когда я мог надеяться на большое наследство, я, хотя мне это часто внушалось, никогда не решался предложить какой-нибудь женщине разделить... мое будущее богатство. Теперь я думаю, настоящая причина крылась в том, что ни одна женщина не нравилась мне по-настоящему, так как в противном случае мой эгоизм взял бы верх над совестью, как это произошло сегодня вечером. Бенита, — позвольте назвать вас так, быть может в первый и последний раз, — я... я... люблю вас.

— Слушайте, — продолжал он, оставляя свою размеренную манеру и принимаясь говорить поспешно, как человек, желающий сообщить нечто важное и не располагающий временем, — это странная вещь, непонятная вещь, но это правда. Я влюбился с первого же раза, как увидел вас. Помните, вы стояли вон там, облокотившись на бортовые перила, когда я, поднимаясь в Саутхемптоне по трапу на пароход, посмотрел вверх,

посмотрел — и наши взгляды встретились. Я остановился как вкопанный; в это время та старая толстая дама, которая сошла на Мадейре, с разбегу налетела на меня. Я помню ее раздраженный возглас: «Проходите вперед или назад». Помните ли вы это?

— Да, — ответила она тихим голосом.

— Этот возглас заключал в себе аллегию, — продолжал он, — я почувствовал это в ту самую минуту. Да, я уже почти решил сказать «назад» и отказаться от своего места на пароходе, но, взглянув на вас вторично, услышал какой-то внутренний голос, произнесший «вперед». Таким образом я прошел остальную часть трапа и, очутившись наверху, поклонился вам, на что, собственно говоря, я не имел права, хотя, припоминая, вы ответили на мой поклон.

Роберт Сеймур сделал передышку, после чего заговорил дальше.

— Начало было положено. Дальше все пошло само собой. Так оно всегда и бывает, не правда ли? Самое главное — это начало, конец же приходит неминуемо. И теперь он наступил. Еще полчаса тому назад я не предвидел того, что произойдет, но вдруг вы каким-то образом, не оборачиваясь, увидели меня, и это меня сразило. Нет, прошу вас оставаться спокойной, я еще не закончил. Я уже объяснил вам, что представляет собой моя персона; в самом деле, немного найдется еще такого, что можно было бы прибавить к этому описанию, так как я не обладаю особыми пороками, за исключением праздности — худшего порока из всех, — и не могу обнаружить в себе ни малейшего следа какой-либо добродетели. Но мне присуще известное знание света, приобретенное мной за время длинного ряда охотничьих экспедиций, и, как человек с опытом, беру на себя смелость дать вам простой совет. Возможно, что для вас моя личность представляет лишь временную забаву, средство от скуки, но возможно, вы смотрите на это по-другому; в последнем случае я, как человек опытный и друг, предостерегаю вас — измените свой взгляд. Не имейте со мной ничего общего, гоните меня прочь; вы никогда не пожалеете об этом.

— Скажите, вы шутите или говорите искренне, мистер Сеймур? — спросила Бенита, продолжая по-прежнему говорить тихим голосом и глядя прямо перед собой.

— Как вы могли усомниться в моей искренности?

— Я всегда придерживалась убеждения, что люди в подобных обстоятельствах стараются выставить себя в наилучшем свете.

— Совершенно верно, но я никогда не делаю того, что мне нужно сделать, — факт, которому я благодарен, так как иначе меня бы здесь не было сегодняшним вечером. Я желаю себя выставить в наихудшем, самом

наихудшем свете, ибо, кто бы я там ни был, я честный человек. Теперь, объяснив вам, что я есть, или, вернее, чем был полчаса назад, — лентяй, шалопай, существо, ничего не имеющее впереди, — я спрашиваю вас, говорить ли мне дальше?

Бенита приподнялась и, впервые взглянув на него, увидела, как при лунном свете бледнеет его лицо. Быть может, этот цвет лица тронул ее настолько, что смягчил неприятное впечатление, навеянное его самобичеванием; во всяком случае, она, по-видимому, изменила свое решение, так как опять опустилась в кресло и произнесла:

— Если хотите, продолжайте.

Он слегка поклонился.

— Благодарю вас. Я рассказал вам, чем я был полчаса тому назад, теперь же, надеясь, что вы мне поверите, скажу вам, кто находится перед вами в данную минуту. Перед вами человек, который раскаивается, человек, для которого открылся новый мир. Я не очень стар и думаю, что все-таки не лишен некоторой предприимчивости. Может быть, мне на пути улыбнется удача, если же нет, я ради вас постараюсь найти такую возможность. Я не думаю, что вы были бы в состоянии найти кого-нибудь, кто стал бы относиться к вам с большей заботой. Я не хочу произносить громких фраз, но, говоря правду, я должен сказать, что стою на перекрестке двух дорог. Если бы вы согласились быть моею, тогда, я чувствую, из меня еще мог бы получиться человек, которым вы могли бы гордиться; если нет, я пишу «конец» на могильном камне возможностей, носивших имя Роберта Сеймура. Я обожаю вас. Вы единственная женщина, с которой я хотел бы провести свои земные дни, это вас мне не доставало всю мою жизнь. Я прошу вас быть храброй и рискнуть выйти за меня замуж, хотя я не вижу ничего, что ожидало бы нас впереди, кроме бедности, ведь я не кто иной, как искатель приключений.

— Не говорите так, — поспешно возразила Бенита. — Все мы искатели приключений, и я, быть может, больше, чем вы. Важно то, что мы собой представляем, а не то, что у нас есть или чего нет.

— Пусть так, мисс Клиффорд. Тогда, значит, мне нечего больше прибавить, теперь слово за вами.

Как раз в это время звуки рояля и скрипки в салоне стихли. Окончился один из вальсов, и некоторые из танцевавших пар поднялись на палубу, кто с намерением освежиться, а кто пофлиртовать. Одна пара, отдав, что было слишком очевидно, предпочтение второму занятию, остановилась настолько близко от Роберта и Бениты, что разговор между молодыми людьми сделался немыслимым и им волей-неволей пришлось обратиться в

слушателей банальной болтовни.

Добрых десять минут парочка вела милый и игривый спор из-за какого-то танца, которым кавалер был якобы обойден, пока в конце концов Роберт Сеймур, обычно столь спокойный, не дошел до желания убить ни в чем не повинных влюбленных. Он чувствовал, неизвестно почему, что ответ Бениты ускользает от него, ощущал, как предчувствие чего-то зловещего, неминуемого, о котором она недавно говорила, передается от нее к нему. Молчание становилось невыносимым, и не было конца ему. Даже попросить Бениту перейти в какое-нибудь другое место при данных обстоятельствах не было никакой возможности, тем более, что для этого пришлось бы просить щебетавшую парочку посторониться. И все это время Роберт с упавшим сердцем думал о том, что, вероятно, Бенита старается подавить в себе всякую нежность к нему и что в случае появления сильно запоздавшего ответа последний выразится словом «нет».

Из зала снова понеслись звуки музыки, и неумолчно болтающая парочка наконец приготовилась удалиться. Вдруг на капитанском мостике послышалось какое-то необычное движение, и на фоне ласкового неба Роберт увидел промелькнувшую человеческую фигуру, опрометью бросившуюся вперед. Через минуту в машинном отделении отчаянно зазвонил колокол. Роберт знал этот сигнал: он обозначал команду «стоп». И сейчас же вслед новый сигнал: «Полный назад».

— Что там такое? — спросил Роберт не Бениту, а, скорее самого себя.

Но раньше, чем он успел закончить фразу, все стало ясно. Казалось, вся нижняя половина корпуса громадного парохода резко остановилась, тогда как верхняя его часть продолжала двигаться вперед; за этим ощущением последовало другое, гораздо страшнее: ощущение безудержного падения вниз; так падает человек, поскользнувшийся на льду или на натертом полированном полу. Раздался треск дерева. Хрустнули брусья, с хлопком пистолетного выстрела полопались снасти и стропы, тяжелые предметы понеслись по палубе, сметая все на своем пути. Толчок сорвал Бениту с кресла, она натолкнулась на Роберта, и оба упали и покатались к желобу для стока воды. Он не ушибся и быстро вскочил, но она лежала неподвижно, и Сеймур понял, что она ударилась обо что-то головой. Кровь бежала по ее щеке. Он поднял девушку и, полный безумного ужаса и отчаяния, прижал руку к ее сердцу. Слава Богу, оно билось. Бенита была жива!

Музыка в салоне замерла, и на одно короткое мгновение воцарилось гробовое молчание, и вдруг со всех сторон поднялись крики отчаяния, голоса тонущего корабля. Люди с безумными глазами кидались туда и

сюда; слышались вопли и визг женщин и детей; какой-то священник громко молился, упав на колени.

Так продолжалось в течение некоторого времени; но вот появился второй офицер и, стараясь напустить на себя беспечный вид, выкрикнул, что все в порядке и что капитан просил никого не пугаться. Он добавил, что берег находится от них не далее чем в шести милях и что через полчаса судно выбросится на берег. Действительно, пока он говорил, остановившаяся машина опять заработала, и нос парохода, описав кривую, устремился прямо на береговую полосу. Очевидно, пароход, перебравшись через подводную скалу, опять попал в глубокие воды и теперь пошел довольно быстро, но с заметным креном на правый борт. Заработали помпы, монотонно хлюпая и выбрасывая большие столбы пенистой воды в спокойный океан. Экипаж бросился срывать брезент со спасательных шлюпок и готовить их к спуску на воду.

Роберт некоторое время стоял в раздумье, прижимая потерявшую сознание Бениту к груди, и кровь из ее раны текла на его плечо. Но вот он пришел в себя. К счастью, ее каюта была на палубе невдалеке, и, не выпуская свою ношу из рук, Сеймур стал пробираться через беспорядочную толпу пассажиров: на этом пароходе насчитывалось не менее пятисот душ! Каюта Бениты оказалась пуста, пассажирка, которая помещалась вместе с ней, убежала. Положив девушку на нижнюю койку, Сеймур зажег свечу в качающемся подсвечнике, отыскал два спасательных пояса, и один из них не без большого труда надел на мисс Клиффорд, потом, взяв губку и пропитав ее водой, омыл окровавленную голову девушки. На виске Бениты была большая ссадина от блока или какого-то другого твердого предмета. Оттуда все еще сочилась кровь, но рана эта была не очень глубока и опасна, и, насколько мог судить Сеймур, черепная кость была цела. Он надеялся, что Бенита только оглушена и скоро очнется. Больше Сеймур сделать для нее ничего не мог. В эту минуту ему пришла в голову одна мысль. На полу каюты лежал ее несессер с принадлежностями для письма, упавший с полки от толчка. Он открыл его и, взяв оттуда бумаги, набросал карандашом несколько торопливых слов:

Вы мне не ответили, и более чем вероятно, что я не узнаю ответа на этом свете, который один из нас или мы оба, может быть, скоро покинем. В последнем случае вопрос может решиться в другом месте — найдись таковое. Если же мне суждено погибнуть, а вам остаться, надеюсь, вы будете иногда вспоминать того, кто любил вас с такой преданностью. Может статься, погибнете вы, и никогда не прочтете этих слов. Но, если

мертвым дано знать происходящее на земле, вы увидите меня таким же, каким покинули: вашим и только вашим. А может быть, мы оба останемся живы, я молюсь об этом.

Сложив письмо, он расстегнул одну из пуговиц на блузке Бениты и просунул его туда, уверенный, что она найдет послание, если только выживет. Затем он вышел на палубу, желая узнать, что делается вокруг. Машина все еще работала, но пароход шел медленно. Он так сильно кренился теперь в правую сторону, что трудно было удержаться на ногах. Поэтому почти все пассажиры столпились у противоположного борта, инстинктивно ища пристанища подальше от воды.

Какой-то человек с бледным, растерянным лицом шел к нему навстречу, спотыкаясь и держась за поручни. Это был капитан. На мгновение он остановился, словно для того, чтобы подумать, обхватив руками стойку бортовых перил. Роберт Сеймур, воспользовавшись этим, обратился к нему.

— Простите меня, — сказал он, — я не люблю вмешиваться в чужие дела, но, руководствуясь причинами, не относящимися ко мне, советую остановиться и спустить шлюпки. Море спокойно, и если только все сделать вовремя, то будет нетрудно добраться до берега.

Капитан рассеянно посмотрел на говорившего, затем ответил:

— Их не хватит на всех, мистер Сеймур. Я надеюсь выброститься.

— Во всяком случае, хватит на некоторых, тогда как... — И Роберт указал на воду, уже почти подступившую к палубе.

— Может быть, вы и правы, мистер Сеймур. Для меня лично, во всяком случае, это уже безразлично. Я конченный человек. Но пассажиры, бедные пассажиры! — И он потащился к капитанскому мостику, как раненая кошка, карабкающаяся на дерево; оттуда через несколько мгновений до слуха Роберта долетели слова его приказаний.

Спустя минуту-другую пароход остановился. Капитан слишком поздно решил пожертвовать своим судном и спасти тех, кто на нем находился. Матросы начали готовить шлюпки. Роберт вернулся в каюту, где все еще в обмороке лежала Бенита; он завернул ее в плащ и одеяло и, увидев на полу второй спасательный пояс, надел его на себя, зная, что времени терять нельзя. Подняв Бениту и сообразив, что все кинутся к правому борту, где шлюпки висели низко на водой, он с трудом отнес ее по крутому подъему к противоположному борту, к катеру, помещавшемуся на левой стороне. Катер этот, как он знал, находился в ведении знающего свое дело человека — второго офицера, постоянно руководившего воскресными лодочными

прогулками.

Действительно, у левого борта толпа была редка: большая часть пассажиров думала, что катер невозможно благополучно спустить; тем же несчастным, рассудок которых померк, инстинкт подсказывал бежать к правому борту. Между тем второй офицер и подчиненный ему экипаж уже трудились, готовя катер к спуску.

— Ну, — скомандовал офицер, — женщины и дети вперед!

Пассажиры бросились к катеру. Роберт увидел, что там скоро совсем не останется места.

— Боюсь, — сказал он, — что мне следует счесть себя женщиной, как видите, она у меня на руках.

С огромным усилием, придерживая Бениту одной рукой, он по веревке спустился вниз и с помощью боцмана благополучно добрался до катера.

Еще двое мужчин карабкались вслед за Робертом.

— Отчалить, — приказал офицер, — катер не сможет выдержать большего груза.

Веревку отпустили. Когда катер уже отошел футов на двенадцать от парохода, к левому борту хлынула толпа обезумевших людей, которые не нашли места в шлюпках у противоположного борта. Некоторые смельчаки ринулись по трапам вниз, другие просто прыгали и падали на сидевших в катере, кое-кто, не попав в катер, очутился в воде; ударившиеся о борта катера убивались насмерть.

Несмотря на то что катер был перегружен, он держался на воде ровно. Люди налегли на весла и обогнули «Занзибар», судорожно покачивавшийся в предсмертной агонии; единственной их мыслью было добраться до берега, видневшегося в трех милях.

Очутившись со стороны правого борта погибавшего парохода, они увидели страшную картину. Сотни пассажиров отчаянно боролись за место в шлюпках, перегруженных больше всякой возможности; борьба эта приводила лишь к тому, что шлюпки переворачивались, опрокидывая всех сидящих в них в воду. Другие шлюпки повисли на носу или на корме, так как спутавшиеся веревки не давали возможности спустить их, между тем как люди один за другим падали из них в воду. Возле еще не спущенных шлюпок кипел адский бой, бой мужчин, женщин и детей, цеплявшихся за жизнь, бой, в котором сильный, обезумев от страха, безжалостно оттеснял слабого.

Над толпой, большая часть которой была осуждена на гибель, стоял неумолчный гул; крики сливались в один длительный вопль, такой ужасный, какой мог бы вырваться из уст титана в агонии. И над этой

картиной раскинулось спокойное, залитое лунным светом небо; кругом было море, гладкое, как зеркало. С парохода, который теперь лежал на боку, неся призывный вой сирены, и несколько храбрецов продолжали пускать ракеты, взлетающие к небу и рассыпавшиеся там звездным дождем.

Роберт вспомнил, что в последний раз он видел фейерверк однажды вечером по случаю какого-то праздника. Этот контраст поразил его своим трагизмом. Он думал, какой власти или каким адским силам могла быть нужна та трагедия, которая разыгрывалась перед его глазами, чем объяснить, что такая ненужная жестокость допускается милостивым Провидением, в которое верует род людской.

Судно перевернулось вверх дном, сжатый воздух и пар с грохотом взорвали палубы; обломки разлетелись далеко в воздухе. Несчастный капитан все еще цеплялся за перила мостика. Сеймур успел разглядеть его побелевшее лицо — лунный свет нарисовал на нем подобие ужасной улыбки.

Офицер, командовавший их катером, крикнул гребцам налечь на весла, чтобы не быть увлеченными в пучину тонущим пароходом.

Вот «Занзибар» закачался, как умирающий кит. Лунные лучи заиграли на его киле, обнажив пробоину, полученную от удара о подводную скалу. Еще минута — и он исчез. Только маленькое облако дыма, смешанного с паром, указывало на то место, где еще недавно высился «Занзибар».

Глава III. Как Роберт добрался до берега

Когда пучина поглотила «Занзибар», на его месте образовалась огромная воронка бурлившей воды, в которой то и дело появлялись и исчезали темные предметы.

— Прошу сидеть смирно, если вам дорога жизнь, — проговорил спокойным голосом офицер, — воронка приближается.

Через минуту она добралась до катера и потянула его, сначала вниз, так что вода стала проникать внутрь, затем назад, по направлению к себе. Но прежде чем катер был окончательно втянут в пучину, морская бездна успела переварить свою жертву, и наступило спокойствие, нарушавшееся лишь неестественной рябью и блужданием шумно лопающихся пузырей. Люди были на время спасены.

— Пассажиры, — сказал офицер, — первоначальное намерение пристать к берегу должно быть изменено. Я выйду в открытое море и останусь там до рассвета. Может быть, мы встретим какое-нибудь судно. Если же мы попытаемся сейчас подойти к берегу, то, конечно, береговой прибой уничтожит катер.

Никто не возражал: все были настолько ошеломлены случившимся, что никому не хотелось говорить; но Роберт мысленно сказал себе, что офицер принял разумное решение. Катер двинулся, однако не прошел и нескольких ярдов, как около него появилась какая-то черная масса. Обломок погибшего парохода! За него цеплялась женщина, прижимая к груди какой-то сверток. Она была жива, так как воздух огласился ее криками о помощи.

— Спасите меня и мое дитя, — все повторяла она, — ради всего святого, спасите меня!

Роберт узнал этот прерывавшийся голос: он принадлежал молодой женщине, недавно вышедшей замуж, его хорошей знакомой. Она ехала со своим ребенком в Наталь, к мужу.

Он протянул руку, утопающая судорожно ухватилась за нее, но офицер сказал мрачным голосом:

— Катер и так уже перегружен. Любая дополнительная тяжесть грозит общей безопасностью.

При этих словах пассажиры, до того сидевшие в безмолвии, словно очнулись.

— Оттолкнуть ее, — раздался голос, — она должна покориться своей

участи.

Со всех сторон послышалось одобрительное бормотание.

— Ради Бога, ради Бога! — вопила обессиливающая женщина, судорожно цепляясь за руку Роберта.

— Если вы сделаете попытку втащить ее на катер, мы выбросим вас за борт, — произнес тот же голос. Вверх поднялся нож с явным намерением опуститься на руку Роберта.

Снова заговорил офицер:

— Если мы возьмем эту леди в катер, кто-нибудь должен покинуть его. Я сам выбросился бы в море, но мой долг не позволяет мне оставить присутствующих в столь трудную минуту. Найдется ли мужчина, желающий уступить ей место?

Все мужчины — их было семеро, не считая матросов, — понурили головы и молчали.

— Вперед, — сказал офицер тем же суровым голосом, — она отпустит руки.

Роберту показалось, что, прежде чем заговорить, он пережил целый год. Перед ним был прекрасный случай искупить свою праздную жизнь. И час тому назад он с радостью воспользовался бы представившимся случаем, но как быть теперь... теперь, когда на руках у него покоилась бесчувственная Бенита и желаемый ответ до сих пор не был получен? Однако Бенита одобрила бы его поступок и, если не любила его при жизни, то, благодаря этому, станет чтить его память после его смерти.

Остановившись на этом, Роберт решился — и быстро сказал, обращаясь к офицеру:

— Мистер Томпсон, даете ли вы мне слово, если я брошусь в воду, взять на борт женщину и ее дитя?

— Конечно, мистер Сеймур.

— Тогда остановитесь! Я ухожу... Если кто-нибудь из вас, джентльмены, останется в живых, пусть расскажет этой леди, — и он указал на Бениту, — как я умер, и прибавит, что мне казалось, она одобрила бы мой поступок.

— Ей скажут, — снова ответил офицер, — кроме того, я сделаю все от себя зависящее, чтобы ее спасти.

— Держите миссис Джеффрис, — обратился он к матросам, — я сниму с себя плащ; я хочу оставить его, чтобы она могла укрыться.

Один из матросов исполнил его желание, и Роберт с трудом высвободил свою руку, поцеловал в лоб Бениту, потом осторожно опустил ее на дно катера, освободился от плаща и медленно перекатился через борт

в воду.

— Теперь, — сказал он, — тащите миссис Джеффрис!

Это исполнили не без труда, и Сеймур видел, как измученная женщина и ее ребенок без чувств упали на его место.

— Да благословит вас Бог! Вы отважный человек, — промолвил Томпсон, — я не забуду вас, даже если мне будет суждено прожить целую сотню лет.

Но больше никто не прибавил ни слова: быть может, все почувствовали ледяные объятия стыда.

— Я лишь выполнил свой долг, — ответил из воды Роберт. — Как далеко до берега?

— Около трех миль, — пояснил Томпсон. — Не упускайте этой доски, а не то вам не одолеть прибрежных валов. Прощайте.

— Прощайте, — отозвался Роберт.

Катер отошел и вскоре исчез в тумане.

Отдыхая на той доске, которая спасла жизнь миссис Джеффрис, Роберт огляделся вокруг и прислушался. Временами до него долетали глухие вопли тонувших, на расстоянии же пары сотен ярдов он приметил какой-то темный предмет, который, судя по очертаниям, должен был оказаться шлюпкой. Но даже если это и шлюпка, то, без сомнения, переполненная; кроме того, не было возможности нагнать ее.

Нет, единственный выход, представлявшийся ему, — двинуться по направлению к берегу.

Так как Роберт был хорошим пловцом, а вода была теплой как парное молоко, можно было надеяться на благополучный исход, — вот только акулы! Впрочем, можно было рассчитывать на их добродушие, ибо пищи в этот вечер они получили в избытке. Сеймур хорошо знал положение берега; теперь, в полной тишине, он слышал гул могучего прибоя.

О, этот прибой! Вся сила волн предстала перед успокоившимся Сеймуrom. Он вспомнил, как сегодня днем, наблюдая их вместе с Бенитой в свой полевой бинокль, в то время как те атаковали скалистое побережье, дробясь и рассыпаясь в мелкие брызги при столкновении с неприступной стеной прибрежных скал, удивлялся, почему, несмотря на редкое затишье, они обладали такой силой. Итак, если ему суждено добраться до них живым, то сражение неизбежно. Чем раньше этот миг наступит, тем лучше: другого пути у него нет. В этом смысле обстоятельства благоприятствовали Роберту: отлив сменился приливом. Ему оставалось только лежать на доске и действовать ногами как рулем. Однако, несмотря на подобную пассивность, Роберт приближался к берегу относительно быстро, делая

почти милю в час. Он мог бы, конечно, преодолеть и большее расстояние, начни он плыть по-настоящему, но надо было беречь силы.

Это странное путешествие по тихому морю, под молчаливыми звездами вызвало у Роберта рой отрывочных мыслей.

Ему хотелось узнать, останется Бенита в живых или нет, и если да, то что она скажет.

Быть может, она уже умерла, и тогда они скоро встретятся. Ему хотелось узнать, умрет ли он и будет ли смерть искуплением прошлого. Он надеялся на это и помолился за себя и за Бениту, а также за всех несчастных, которые, отторгнутые от земных радостей, были брошены в чертоги Смерти.

Погруженный в свои мучительные думы, Роберт плыл и плыл, а гул прибоя становился все отчетливее и отчетливее. Вдруг ему показалось, что около него появилась акула. Он вздрогнул и вышел из своего угнетенного состояния. Однако это оказался всего лишь кусок дерева. Но хотя вскоре пловцу пришлось действительно натолкнуться на представителя океанских хищников, который, впрочем, был либо чересчур сытым, либо трусливым по природе, ибо метнулся в сторону и был таков, как только Роберт ударил рукой по воде и закричал.

Долины между водными горами сделались глубже; на противоположных валах стали появляться белые гребни. Сеймур попал в волны прибоя, и тут началась борьба не на жизнь, а на смерть. Волны неслись перед ним торжественно и величественно. Те, кто лицезрел их из какого-нибудь безопасного места, например, с берега острова Вознесения, могут засвидетельствовать, что один вид этих громад вселяет ужас. Какое же впечатление производили они в лунном свете на брошенного на произвол судьбы Роберта, с доской в качестве единственной опоры, можно себе только представить. Тем не менее он не пал духом, наоборот, почувствовал в себе сильный подъем. Явившееся было чувство усталости сняло как рукой: ему стало жарко, закипела энергия. С гребня одной из волн он увидел, что примерно в полумиле от него бежит маленькая речушка, к которой он и пустился плыть.

Вначале все шло хорошо. Роберт то взмывал на гребни, то съезжал вниз. Но вот подъем и спуск сделались круче, а пена стала переливаться через его голову. Он больше не мог придерживаться определенного направления; оставалось положиться на волю стихии. Миг — и Роберт очутился в адском круговороте воды, откуда ему ни за что бы не выбраться, если бы не поддержка доски и спасательного круга. Затянутый на страшную глубину, он вынырнул на поверхность, чтобы снова услышать

вокруг себя свист и схожий с пушечной пальбой гул валов, разбивающихся о берег.

Роберт с трудом удерживался на доске, ее края резали ему руки, но он цеплялся за нее с силой отчаяния. Когда волны с грохотом разбивались над его головой, он задерживал дыхание; вынесенный на гребень, он жадно ловил воздух, пользуясь короткой передышкой. То он носился, как чайка, по самой верхушке валов, то, как дельфин, погружался в глубину; когда силы покидали его, он падал и касался ногами дна. Вдруг Роберт почувствовал, что огромная тяжесть тянет его ко дну. Вода вырвала у него доску, однако пробковый пояс снова поднял его. Отхлынувшие волны унесли его в более глубокое место; беспомощный и обессиленный, он отдался их воле, потому что больше был не в силах бороться.

Опять нахлынул громадный вал, такой большой, каких Сеймур еще никогда не видывал, «отец волн», по выражению прибрежных кафров. Вал подхватил Роберта, обнял громадным зеленым гребнем и перенес, как соломинку, далеко за цепь гибельных утесов. Вал с грохотом разбился, ударил его о каменисто-песчаную мель, образованную речкой, и, толкая своей несокрушимой силой, катил до тех пор, пока эта мощь не истощилась и пена не начала отступать обратно к морю, увлекая за собой и несчастного пловца.

Роберт почти потерял сознание, но у него осталась искра рассудка, и он понял, что если вода снова унесет его на глубину, он погибнет. Чувствуя, что море засасывает его, Сеймур с силой запустил руки в песок и, на его счастье, они уцепились не то за корень, не то за камень, — он никогда не узнал этого. Но это нечто крепко сидело в земле, и он отчаянно сжал свою опору... Неужели эта пытка никогда не кончится? Его легкие готовы лопнуть. Воздуху!

Придется отпустить руки! Слава тебе, Боже! Пена делается тоньше. Голова его уже наверху, а вот воды уже нет, и он лежит распластаный на берегу. С полминуты он дышал безостановочно, точно выброшенная рыба, затем, приподнявшись, оглянулся. Неподалеку обрисовался силуэт нового приближающегося вала. Увидев его, Роберт поднялся на ноги, упал, снова встал и бросился, спотыкаясь, бежать, вернее, отчаянно волочить ноги прочь от коварной волны, преследовавшей его по пятам. Вперед, еще вперед... ну, теперь он на сухом песке, вне пределов досягаемости валов! Но усилие это оказалось последним, — жизненные силы покинули его. Покрытый сотней кровоподтеков и ссадин, с расшибленной ногой, он грузно рухнул на землю и замер.

Катер, в котором лежала Бенита, был сильно нагружен, гребцы с трудом работали веслами против прилива: численность пассажиров мешала им. Вскоре поднялся легкий ветер с суши, как это часто бывает к утру, и Томпсон решил поднять парус. Это было сделано не без труда, потому что пришлось в тесноте вытащить из-под банок мачту и поставить ее. Когда ветер накинудся на парус, катер сильно накренило. Женщины подняли крик.

— Каждый, кто пошевелится, будет выброшен за борт, — сказал офицер, управлявший рулем. Все утихли.

Катер довольно быстро шел в море, но матросы, сознававшие положение вещей, тревожились: появились признаки того, что ветер усилится, а при волнении перегруженный катер вряд ли уцелел бы. Через два часа парус пришлось опустить и отдаться на волю течения. Томпсон старался приободрить пассажиров, говоря, что теперь катер находится вблизи путей прохождения судов и что если с наступлением рассвета они не увидят ни одного судна, он пойдет к берегу в надежде найти место, свободное от прибрежных валов, где бы можно было высадиться. Если слова офицера и не вселили надежды в пассажиров, то, по крайней мере, успокоили их. Многие в глубоком молчании созерцали небосвод.

Мало-помалу стало рассветать, и наконец взошло животворное солнце, щедро разбросав свои лучи по поверхности океана. Лучи эти оживили съезжившиеся фигуры пассажиров катера, которые принялись рассматривать друг друга, желая удостовериться, нет ли среди них мертвых. Раздались даже голоса, просившие чего-нибудь поесть и попить; таким дали сухарей и воды.

Все это время Бенита лежала без чувств. Черствый малый, который поместил ее себе под ноги, в качестве скамейки, сказал, что она, вероятно, умерла и что ее лучше всего бросить за борт и облегчить катер.

— Если вы, мистер Бейтен, бросите в воду эту леди, живую или мертвую, — произнес Томпсон с недоброй ноткой в голосе, — то вам придется отправиться вслед за ней. Помните, кто принес ее сюда и как он умер.

Мистер Бейтен стушевался. Томпсон поднялся, окинул взглядом широкое пространство моря, потом наклонился к поднимавшемуся матросу и шепнул ему несколько слов. Тот кивнул головой.

— Это, вероятно, пароход другой компании, — сказал он.

Пассажиры, повернув головы, увидели на горизонте полоску дыма. Были отданы приказания; подняли небольшой парус с привязанным наверху клочком белого полотна, заработали весла.

Пароход неся с необыкновенной быстротой, а катер, которому надо было пройти не одну милю, не осмеливался даже поставить лишний клочок паруса из-за поднявшегося ветра. Через полчаса пароход находился почти против катера, последний же был от него все еще на большом расстоянии. Поставили еще немного парусов и пошли вперед с самой большой допустимой скоростью. Пароход проходил мимо на расстоянии трех миль, и всех охватило беспредельное отчаяние. Но находчивый Томпсон без всяких извинений разделся, сняв свою белую рубаху, в которой танцевал накануне, и приказал матросу размахивать ею в воздухе, привязав предварительно к веслу.

Однако пароход продолжал идти дальше. Но вот послышался звук его сирены, и истрадавшиеся люди увидели, как он поворачивает.

— Нас заметили, — сказал Томпсон. — Благодарите Бога, потому что поднимается ветер. Спустите парус, он нам больше не понадобится.

Через полчаса, когда ветер действительно уже поднял волны и легкие брызги воды перелетали через корму катера, последний с большими предосторожностями был привязан к канату, брошенному с палубы трехтысячетонного парохода «Касл», шедшего в Наталь. Вот с шумом упали трапы, и сильные руки людей, стоявших на сходнях, начали поднимать одного пассажира за другим на пароход, спасая их от смерти, к которой они были так близки. Последним поднимался Томпсон, а перед ним — Бенита, которую, когда очередь дошла до нее, пришлось обвязать веревкой.

— Стоит ли брать се на борт? — спросил офицер, стоявший на сходне, бросая взгляд на неподвижное тело.

— Не знаю... посмотрим, — ответил Томпсон. — Пригласите вашего доктора.

И Бениту бережно понесли наверх.

Катер хотели было бросить, но Томпсон запротестовал и убедил капитана втащить его на палубу. Между тем новость облетела весь пароход. На палубу высыпали проснувшиеся пассажиры «Касла», одетые на скорую руку в первое попавшееся платье и даже в одеялах. Они столпились вокруг потерпевших, предлагая им свою помощь.

— Я вообще трезвенник, — сказал Томпсон, после того как окончил краткий доклад о случившемся капитану «Касла», — но если кто-нибудь

угостит меня виски с содовой, я буду ему премного обязан.

Глава IV. Мистер Клиффорд

Хотя ушиб, полученный Бенитой, заставил ее пролежать без чувств много часов, ее рана не была по-настоящему серьезна: упавший блок скользнул по лбу, и, несмотря на разорванную кожу, череп был цел. Благодаря надлежащей медицинской помощи она скоро очнулась, но сознание ее еще не отличалось ясностью, и она бредила, воображая, что по-прежнему находится на борту «Занзибара». Судовой врач нашел целесообразным продержать ее в течение некоторого времени в неведении. Поэтому, после того как она немного поела, он дал ей снотворных капель, и она заснула до следующего утра.

Наутро сознание вернулось к ней во всей полноте и ясности. Она страшно удивилась, почувствовав боль в перевязанной голове, и, увидев около себя незнакомую горничную с чашкой мясного бульона в руках, спросила:

— Где я? Это что, сон?

— Я вам скажу, но только сначала вы должны выпить это, — ответила горничная.

Бенита послушалась, так как ей хотелось есть, затем повторила свой вопрос.

— Ваш пароход потерпел крушение, — сказала горничная, — и много народу потонуло, но вы оказались в одной из двух встреченных «Каслом» шлюпок. Вот ваше платье, на нем нет ни малейшего признака пребывания в воде.

— Кто поместил меня в шлюпку? — тихо спросила Бенита.

— Говорят, какой-то джентльмен закутал вас в одеяло и надел на вас спасательный круг.

Теперь Бенита вспомнила все, что произошло до того момента, когда она лишилась сознания. Вопрос, на который она так и не успела дать ответа, молодая парочка, ворковавшая по соседству, — все припомнилось ей.

— А мистер Сеймур спасся? — прошептала она, побледнев как полотно.

— Полагаю, что да, — уклончиво ответила горничная. — Но на борту нашего судна не имеется джентльмена с такой фамилией.

В это время в каюту Бениты вошел доктор, к которому последняя и обратилась с тем же вопросом. Но тот, знакомый со всей историей

самопожертвования Роберта, не решился быть откровенным, чтобы не потрясти девушку, так как догадывался об их отношениях с Сеймуром. Поэтому он лишь ограничился предположением, что, судя по всему, мистер Сеймур спасся на одной из прочих лодок.

Лишь на третье утро Бенита узнала всю горькую правду, скрывать которую дольше было бессмысленно. В ее каюту пришел мистер Томпсон и рассказал ей все. Бенита слушала молча, в ее глазах отразился ужас.

— Мисс Клиффорд, — сказал он в заключение, — редко кто из людей совершал такой храбрый поступок. На пароходе он мне представлялся гордым, надменным, но в действительности оказался превосходным малым, и я молю Бога, чтобы он остался жив, как осталась жива та дама с малюткой, ради которой он рискнул жизнью. Они теперь вполне поправились.

— Да, — машинально повторила она, — в самом деле он оказался превосходным человеком, — и прибавила со странной уверенностью: — Мне кажется, он жив. Если бы он был мертв, я бы узнала об этом.

— Очень рад, что вы говорите так, — поддержал Томпсон, полностью убежденный в противном.

— Слушайте, — продолжала Бенита, — я вам скажу кое-что. Перед тем как произошло несчастье, мистер Сеймур просил моей руки, и я собиралась ответить «да»... так как люблю его. Я верю, что еще смогу дать ему этот ответ.

Мистер Томпсон, будучи по натуре человеком не только отважным, но и сердечным, поспешил в самой серьезной форме согласиться с Бенитой; в голове же у него вертелась мысль, что ответ не будет произнесен на этом свете. Затем, исполняя возложенное на него поручение, он отдал Бените письмо, найденное у нее под платьем, на груди, после чего поспешил ретироваться, не в силах вынести дольше грустной сцены. Бенита два раза жадно прочитала строки, набросанные Сеймуром, прижалась к ним губами, бормоча:

— Да, я буду вспоминать вас, Роберт, так горячо, как только может вспоминать женщина мужчину. Если вы по-прежнему ждете ответа, вы получите его — теперь или после. Где бы и когда бы мы ни встретились, мой ответ для вас всегда будет готов.

После полудня к Бените пришла миссис Джеффрис, принеся с собой своего ребенка. Она все еще была бледна, еще не совсем оправилась от пережитого потрясения; что касается ребенка, то он совершенно не пострадал от пребывания в теплой воде.

— Что вы подумаете обо мне? — воскликнула она, падая на колени

перед Бенитой. — Но что я могла? Я сама не знала, что со мной делается. Ужас, боязнь за ребенка, — я все на свете забыла. — Она поцеловала спящее дитя. — Он отдал свою жизнь за меня, а другие в это время собирались отогнать меня ударами весла. Кровь его на мне, я знаю это; он умер, чтобы я и мой ребенок остались жить.

Бенита посмотрела на нее с участием и сказала:

— Может быть, он вовсе не умер. Не печальтесь. Если он погиб, то славной смертью, и я теперь больше горжусь им, чем если бы он жил так, как живут другие — те, кто хотел отогнать вас ударами весла. Зато вы с вашим ребенком вернетесь целы и невредимы к вашему мужу, — хотя я и заплатила за это жизнью того, кто должен был стать моим мужем.

Вечером Бенита вышла на палубу и беседовала с другими женщинами, спасшимися на катере, разузнавая малейшие подробности истории с Сеймуром. Но ни одного мужчины, за исключением Томпсона, она не удостоила хотя бы единым словом; те же, видя как обстоит дело, один за другим поспешили скрыться с ее глаз, как они уже поступили раньше по отношению к миссис Джеффрис.

«Касл» пробыл в зоне крушения тридцать часов, приняв на борт еще одну шлюпку с пассажирами «Занзибара» и одного из кочегаров, удержавшегося на обломке парохода. Но подойти близко к берегу и выслать шлюпки ему не удалось, так как поднявшийся сильный ветер настолько возмутил океан, что линия прибрежных валов стала абсолютно непроходимой. Зато ему удалось поделиться ужасной новостью, которая после этого в два-три дня облетела весь свет, с встречным судном, державшим курс в Порт-Элизабет. «Касл» также передал сообщение со списком фамилий всех спасенных.

Ночью того дня, когда у Бениты состоялся разговор с миссис Джеффрис, «Касл» бросил якорь на расстоянии видимости Дурбана, так как, принадлежа к крупным судам, он не мог пройти через нанос, образовавшийся в устье реки Береа, на которой расположен город.

На рассвете горничная разбудила Бениту, спавшую прерывающимся, беспокойным сном, сообщив ей, что ее желает видеть какой-то старый джентльмен, прибывший с берега на буксирном судне, причем она особенно подчеркнула слово «старый», дабы не вызвать у Бениты ложных надежд.

Одевшись при помощи горничной, Бенита поднялась на палубу как раз в то время, когда взошедшее солнце начало золотить реку, мыс, город и весь прекрасный Наталь, и увидела подле борта облокотившуюся на перила фигуру, от которой, несмотря на долгие годы разлуки, сразу повеяло чем-то

хорошо знакомым, фигуру старика высокого роста, с седой бородой.

Она невольно вздрогнула, увидев этого задумавшегося старика. Ведь это был все-таки ее отец! Может быть, не только он был виновен в ссоре с женой... Она подошла к нему и дотронулась до его плеча:

— Отец!

Он обернулся с проворством, бывшим всегда одной из особенностей его характера и унаследованным дочерью.

— Моя дорогая, — сказал он, — я всюду узнал бы твой голос! Я слышал его во сне в продолжение всех этих долгих лет. Благодарю тебя, дорогая, за то, что ты вернулась ко мне. И благодарение Богу, что ты уцелела во время бедствия, погубившего столько других!... — Он обнял ее и поцеловал.

Бенита слегка отпрянула назад, так как он случайно задел рану на ее голове.

— Прости меня, отец, — сказала она, — но ты дотронулся до больного места. Я ведь была ранена.

Тут только отец заметил повязку у нее на голове и начал усиленно извиняться.

— Мне об этом ничего не сказали, — воскликнул он своим приятным, располагающим к себе голосом, в обладателе которого чувствовались родовитость и воспитание. — Мне только сообщили, что ты спасена. Такая, видно, злосчастная у меня судьба, что мне пришлось причинить тебе боль в первый же момент нашей встречи, мне, который и без того принес своей семье немало горя.

Бенита была тронута.

— Ничего, — отвечала она. — Ты ведь не нарочно.

— Нет, дорогая моя, не нарочно. Поверь мне, я никогда не грешил по желанию, а лишь по слабости. Какая ты красавица, Бенита! Я не ожидал увидеть тебя такой.

— Что? — ответила она с улыбкой. — С повязкой-то на голове? Разве только в твоих глазах.

Про себя же она подумала, что эпитет «красавец» гораздо больше подходит к самому отцу; который, со своими выразительными глазами, подвижным лицом, красиво очерченным ртом с впадинками в уголках, столь похожими на ее собственные, и седой бородой, был, невзирая на преклонный возраст, действительно чрезвычайно интересен. Бенита с удивлением спросила себя: неужели этот человек мог ударить ее мать, но, припомнив его таким, каким он бывал прежде, в период своего пристрастия к крепким напиткам, нашла вопрос излишним.

— Голубка моя, — сказал мистер Клиффорд, поглаживая руку дочери своими тонкими пальцами, — ты и представить себе не можешь, что я вынес. В ожидании твоего прибытия я остановился в Королевской гостинице. Вдруг приходит депеша, извещающая о гибели «Занзибара» и всех находившихся на нем. Известие это так подействовало на меня, что я, впервые после долгих лет, выпил, желая потопить в вине свое горе. Не бойся, дорогая, в первый и последний раз. Но вскоре подоспела телеграмма со списком спасенных, в котором, хвала Всевышнему, значилась и ты.

Старик облегченно вздохнул.

— Да, — сказала Бенита, — я должна благодарить Его и... другого. Ты слышал историю... ну, словом, как мистер Сеймур спас меня?

— Отчасти. В то время как ты одевалась, я говорил с офицером, командовавшим вашим катером. Сеймур был отважный человек, Бенита, и мне грустно говорить о его кончине.

Бенита, мертвенно-бледная, ухватилась за поручни. Ее глаза впились в лицо отца.

— На основании чего говоришь ты это, отец? — скороговоркой произнесла она.

Мистер Клиффорд вытащил из кармана своего пиджака последний номер «Натальского вестника» и, в то время как его дочь, испытывая сильнейшее отчаяние, состояние, понять которое невозможно, не испытывав самому, ждала ужасных слов, стал наскоро пробежать длинные столбцы, посвященные описанию гибели «Занзибара». Наконец он нашел то, что искал, и начал читать.

Прочел он следующее:

Люди, посланные для осмотра той части берега, которая расположена против места кораблекрушения, сообщили, что они встретили какого-то кафра, направлявшегося вдоль берега, у которого оказались золотые часы, снятые им, согласно его словам, с тела неизвестного белого, найденного им на песке у устья реки Умвоти. На внутренней стороне верхней крышки выгравировано: «Сэру Роберту Сеймуру от его дяди по случаю исполнения двадцати одного года». По наведенным справкам выяснилось, что Роберт Сеймур значился в числе пассажиров первого класса погибшего парохода. Он был членом древнего английского рода в Линкольншире и направлялся в Южную Африку во второй раз, уже побывав там несколько лет тому назад, когда приезжал вместе со своим братом для охоты на диких зверей. Мистер Сеймур был известный стрелок и английский джентльмен в полном смысле слова. Последний раз его видели в то время, когда он, как

рассказывает один из спасшихся пассажиров, переносил мисс Клиффорд, дочь известного нательского пионера, в спасательную шлюпку, но так как, исходя из последних сообщений, мисс Клиффорд оказалась в числе спасенных, а он спустился в шлюпку вместе с ней, то причина его печального конца остается пока что в области догадок и предположений...

— Боюсь, что это достаточно ясно, — произнес мистер Клиффорд, складывая газету.

— Да, достаточно ясно, — отозвалась убитым голосом Бенита. — А все-таки, все-таки, о Господи!... Отец, он как раз перед тем просил моей руки, и мне не верится, что он умер прежде, чем получил ответ.

— Вот оно что! Бедное дитя! Это очень тяжело... Однако ничего не поделаешь; ясно, что мистер Сеймур один из трехсот погибших. Возьми себя в руки, детка, сюда идут. А вот и буксир!

Следующая неделя прошла для Бениты почти незаметно, так как когда она переехала с отцом на берег и остановилась у его хороших друзей, как раз в близком соседстве с Берейской набережной, нервное возбуждение, вызванное спасением и горем, сменилось упадком, — наступила неизбежная реакция. Девушка была так слаба, что приглашенный доктор уложил ее в постель, в которой она провела пять дней. За эти пять дней рана на ее голове зажила и силы восстановились настолько, что на шестой день Бенита выбралась из своей комнаты на веранду и взглянула на жестокий океан, лениво дремавший под спокойным небом.

Мистер Клиффорд, который все время нежно ухаживал за дочерью, подошел и сел рядом с нею, взяв ее за руку.

— Превосходно, — промолвил он, заботливо глядя на дочь, — ты становишься похожей сама на себя.

— Я никогда не буду прежней, — ответила она, — та Бенита умерла, восстановилась лишь оболочка. Отец, хоть это и нехорошо, но я желала бы тоже быть мертвой. Я жалею, что он не взял меня с собой, когда бросился в воду, чтобы облегчить катер.

— Не говори так, — поспешно вставил Клиффорд. — Конечно, я знаю, что значу для тебя не много — да и может ли быть иначе после всего прошлого? Но я люблю тебя, дорогая, и если опять останусь в одиночестве... — он замолчал.

— Ты не останешься одиноким, — сказала Бенита, устремляя на отца ласковый взгляд своих темных глаз. — Мы должны теперь жить друг для друга, так как больше нам жить не для кого, не так ли? Остальные ушли без возврата.

Клиффорд, обняв дочь, привлек ее к себе и горячо поцеловал.

— Если бы ты только научилась любить меня! — воскликнул он.

— Я и люблю тебя, — ответила она, — я, которая отныне никогда не полюбит другого мужчину.

Разговор этот послужил началом возникновения глубокой привязанности между отцом и дочерью, впоследствии так и не прервавшейся.

— Есть какие-нибудь новости? — спросила Бенита немного погодя.

— Относительно него — никаких. Без сомнения, после ухода кафра прилив смыл тело... Теперь я его отлично припоминаю. Как тебе, вероятно, известно, я встретился с ним несколько лет тому назад — так и есть, известно. Он был прекрасный молодой человек, и при прощании с ним я подумал: как жаль, что у меня нет такого сына. И подумать только, что он мог стать моим близким родственником. Однако, как гласит африканская поговорка, когда ветер дует, трава должна гнуться...

Заговорили о другом. Между прочим, Клиффорд сказал дочери, что история ее спасения стала общим достоянием и что все считают Сеймура героем, а она сама сильно возбудила любопытство у горожан.

— В таком случае, нельзя ли уехать отсюда как можно скорее? — нервно заговорила Бенита, но прибавила: — А куда мы, отец, поедем?

— Это, моя дорогая, всецело зависит от тебя. Слушай, что я тебе скажу. В течение долгих лет я упорно трудился, сначала один, потом совместно с компаньоном, и в результате мы имеем превосходную ферму в Трансваале, на возвышенной местности возле озера Кристи, в стороне от Ваккерструмской дороги. Там мы занимаемся разведением лошадей. Я отложил полторы тысячи фунтов, а ферма приносит нам в год шестьсот фунтов чистого дохода. Но место там уединенное, в округе всего несколько буров — хотя и симпатичных малых. Весьма возможно, что ты не согласишься жить в такой глуши.

— Не думаю, чтобы я имела что-нибудь против такой жизни.

— Боюсь, ты рассуждаешь так только потому, что не испытала всех «прелестей» безлюдного существования. Далее. Я могу продать свою часть компаньону, который, полагаю, не откажется приобрести ее, или доверить ему высылку моей доли дохода, что, конечно, не столь удобно. Тогда можно будет поселиться в каком-нибудь городе или поблизости от одного из них или даже, так как у тебя есть собственный доход, возвратиться в Англию.

— Лично тебя тянет в Англию? — спросила Бенита.

Клиффорд покачал головой.

— Нет. Вся моя жизнь здесь. Кроме того, мне хочется найти кое-что

для тебя, дорогая.

— Найти среди развалин на холме?

— Так ты знаешь? Впрочем, конечно, ты знаешь — слышала от Сеймура. Но только я расскажу тебе об этом в другой раз, не здесь. Помни, Бенита, я всецело в твоём распоряжении. Итак, высказывай свое желание.

— Я не хочу жить в городе, не хочу возвращаться в Англию, — ответила она. — Африка стала для меня святой землей. Отец, поедem на ферму и будем там спокойно жить вдвоем.

— Да, — ответил он. — Но мы будем не вдвоем. Мой компаньон, Джейкоб Мейер живет в моем доме.

— Джейкоб Мейер? А, припоминаю, — и Бенита поморщилась, — это немец, какой-то странный, кажется?

— Немец, верно, и очень странный человек. Двадцать раз мог составить себе состояние и тем не менее до сих пор ничего не добился. Он очень непрактичен, фантазер, при всей своей сметливости и предприимчивости. У него пренеприятный характер, Бенита, но мы с ним ладим. Кроме того, отделаться от него я не могу, во-первых, потому что он нужен мне, а во-вторых, потому что связан с ним контрактом.

— Как он стал твоим компаньоном? — спросила Бенита.

— Много лет тому назад Мейер явился ко мне и рассказал грустную историю, тронувшую меня. По его словам, он вел торговлю с зулусами, но почему-то повздорил с ними, — уж не знаю, почему. Кончилось тем, что они сожгли его фургон, товары и волов забрали себе, а слуг перебили. Они убили бы также и его, если бы он, судя по его собственным словам, не спасся от них каким-то странным образом.

— Как именно?

— Загипнотизировав, согласно его словам, их вождя, который провел его через ряды подданных. Довольно странная история, но я верю, что она могла произойти с Мейером.

Он проработал у меня шесть месяцев и оказался очень умным и ловким человеком. И вот однажды ночью, — я отлично помню, что это случилось через несколько дней после того, как я рассказал ему о португальском сокровище в Земле Матабеле, — Мейер достал из-за подкладки своего жилета пятьсот фунтов кредитными билетами Английского королевского банка и предложил мне их в виде своей доли во владении фермой. Да, это были пятьсот фунтов! А я в течение всех этих месяцев считал его нищим. Ну, раз он сумел так ловко подойти ко мне, я и решил войти с ним в компанию; было лучше взять его себе в компаньоны, чем остаться совсем без такового в этой безлюдной местности. Я в конце

концов согласился. С тех пор наши дела шли хорошо, за исключением экспедиции за ненайденным кладом. Впрочем, она больше чем окупилась, благодаря перепродаже закупленной нами по пути слоновой кости. Но не беда, в следующий раз наше предприятие удастся, — с увлечением прибавил Клиффорд, — то есть, конечно, если макаланга позволят нам рыть на их горе.

Бенита улыбнулась.

— Мне кажется, вам лучше бросить эту затею и продолжать спокойно заниматься разведением лошадей, отец, — сказала она.

— Выслушав всю историю, ты сама рассудишь. Впрочем, ты воспитывалась в Англии. Скажи, Бенита, не пугает тебя поездка к озеру Кристи?

— Чем? — спросила она.

— Перспективой безлюдия и присутствия Мейера.

— Отец, я родилась среди вельда и всегда ненавидела Лондон; что же касается твоего компаньона, мистера Мейера, он мне не страшен, — я теперь не боюсь мужчин. Я покончила с ними. Во всяком случае, я попробую пожить у тебя и посмотреть, как мне понравится такая жизнь.

— Отлично, — ответил со вздохом облегчения отец, — ведь ты всегда можешь уехать, правда?

— Да, — произнесла она безразличным тоном, — полагаю, что всегда могу.

Глава V. Джейкоб Мейер

Три недели спустя Бенита, спавшая на походной постели внутри фургона, проснулась рано утром и, одевшись со всей тщательностью, которую допускала темнота ее импровизированной спальни, откинула полог и села на деревянный ящик, служивший козлами.

Солнце еще не взошло, и воздух был морозный, так как стоял конец зимы и они находились в горах Трансвааля. Бенита, дрожавшая от холода, несмотря на теплое пальто, окликнула кучера, исполнявшего также обязанности повара, и попросила его поторопиться с приготовлением кофе; его фигура, закутанная в одеяло, виднелась около костра, над которым он склонился, стараясь вдохнуть в него жизнь.

— Потерпите, мисси, потерпите, — ответил он, кашляя от едкого дыма, проникавшего ему в легкие, — котелок еще не запел, и костер черен, как ад.

Бенита подумала про себя, что народная фантазия обычно изображает это место в красных красках, но не стала с ним спорить и продолжала сидеть на ящике, ожидая, когда закипит вода и придет ее отец.

Вскоре появился мистер Клиффорд из другой половины фургона, в которой он спал, и, заметив, что в такой холод невозможно умыться, перелез на сторону дочери и поцеловал ее.

— Как далеко мы находимся сейчас от Роой-Крантца, отец? — спросила она; так называлась ферма мистера Клиффорда.

— Приблизительно в сорока милях, дорогая моя, но эти слабые волы не в состоянии дотащить фургон до вечера. В полдень мы сменим их на лошадей, поедem быстрее и будем дома на закате солнца. Боюсь, что ты устала от этой тряски в фургоне!

— Нет, — отвечала она. — Мне нравится эта спокойная езда: лежишь себе в фургоне и спишь крепким сном. Мне иногда кажется, что я могла бы так прожить всю свою жизнь.

— Если тебе хочется, дорогая, то ты можешь колесить целыми месяцами по стране. Африка велика, а когда пойдет расти трава, можно будет предпринять большое путешествие, если твои желания не изменятся до тех пор.

Она улыбнулась, но промолчала, зная, что он намекает на те далекие места, где, по его мнению, португальцы когда-то зарыли золото.

Наконец котелок весело запел свою песню; повар Ханс снял его с огня

с торжествующим видом — он успел за это время порядочно поработать легкими — и всыпал в него порядочное количество молотого кофе из старой жестянки, из-под горчицы. Размешав его хорошенько палочкой, он достал из костра кусочек угля и бросил его в котелок, что, как это известно всякому путешественнику, очищает кофе. Затем он вынул чашки и наполненную сахаром консервную банку и передал то и другое мистеру Клиффорду. Молока у них не было, но кофе получился вкуснее, чем казался с виду. Бенита с удовольствием выпила две чашки, размачивая в кофе жесткие сухари. Она быстро согрелась и утолила голод. Еще до того как кончился день, она имела основание быть довольной этим обстоятельством, как мы увидим впоследствии.

На горизонте показалось солнце, казавшееся необыкновенно большим и красным сквозь густой туман, наполнявший воздух. По окончании завтрака мистер Клиффорд приказал запрячь в фургон волов, которые паслись, поедая сухую траву. Погонщик, зулусский мальчик, помогавший Хансу справиться с оставшимся кофе, с ворчанием поднялся с земли и побежал за волами. Минуту спустя Ханс, занятый укладыванием вещей в фургон, приостановил работу и воскликнул:

— Кек, баас!

Взглянув в указанную сторону, Бенита и Клиффорд увидели в сотне ярдов от себя большое стадо гну. Животные шли по каменной гряде, время от времени останавливались и принимались проделывать те удивительные прыжки, которые дают бурам основание утверждать, что в мозгу этих животных сидит какой-то беспокойный червячок.

— Поддай мне мое ружье, Ханс, — сказал мистер Клиффорд. — У нас нет мяса, гну нам пригодится.

Пока превосходный «Уэсли Ричард» вынимался из ящика и заряжался, животные стали понемногу исчезать, и только один гну, заметивший фургон, приостановился, подозрительно его оглядывая. Мистер Клиффорд прицелился и выстрелил. Животное упало, но, вскочив, исчезло за каменной грядой. Мистер Клиффорд печально покачал головой.

— Я не часто делаю такие промахи, дорогая, но ведь еще так темно. Но все же я ранил его. Как ты думаешь, дорогая, не сесть ли нам на лошадей и не догнать ли его? Поездка верхом согреет тебя.

Бенита, у которой было очень доброе сердце, решила, что было бы милосерднее добить бедное животное, и утвердительно кивнула головой.

Через пять минут они уже ехали легким галопом вверх по склону. Перед отъездом мистер Клиффорд приказал своим людям ждать его около фургона и положил пакет патронов себе в карман. По ту сторону гряды они

увидели широкую полосу болотистой равнины, окаймленную другой горной возвышенностью, на хребте которой вскоре и появился раненый зверь. Тем временем воздух совершенно очистился, и гну можно было видеть совсем ясно. Клиффорд с дочерью поскакали за ним, но раньше, чем они очутились на расстоянии выстрела, он снова помчался вперед, так как был только легко ранен в бок и угадал, откуда ему грозила опасность. Как только они приближались, гну отбегал, и наконец, в тот самый момент, когда мистер Клиффорд решил сойти с лошади и попробовать выстрелить издали, гну решил больше не ждать и стремглав пустился прочь.

— Прибавим шагу, — сказал Клиффорд, в котором проснулся азарт охотника. — Не позволим ему уйти.

Они поскакали галопом, то поднимаясь на возвышенности, то спускаясь с откосов, что напоминало Бените плавание в Бискайском заливе во время шторма. По пути им попадались полувывсохшие болота, превращавшиеся в дождливое время года в настоящие озера, каменистые равнины с норами муравьедов, из-за которых они чуть не пострадали. Они проскакали таким образом по крайней мере пять миль, так как исхудавший за зиму гну бежал очень быстро, несмотря на свою рану, — гораздо быстрее, чем их лошади. Наконец, поднявшись еще на одну гряду, они поняли, куда он направлялся, потому что внезапно очутились в громадном стаде: тысячи тысяч животных виднелись вокруг, насколько глаз хватало.

Это была удивительная картина, которой — увы! — теперь уже не увидишь, по крайней мере в трансваальском вельде. Тут были гну, другие антилопы, дикие козлы в огромных количествах, а между ними попадались единичные экземпляры квагг.

С шумом, напоминавшим раскаты грома, замелькали мириады копыт, поднимая клубы пыли с почерневшего вельда; исполинское стадо рассеялось при появлении своего врага — человека. Длинными вереницами мчались животные в разные стороны.

В этой громадной впадине, похожей на чашу, остался только один раненый, измученный гну.

Всадники продолжали скакать по его следам, пока мистер Клиффорд, значительно опередивший свою дочь, не оказался почти рядом с ним. Тогда бедное обезумевшее животное решило прибегнуть к последней отчаянной попытке спасти свою жизнь. Гну внезапно остановился, повернулся на одном месте, опустил голову и кинулся на своего преследователя. Мистер Клиффорд, державший ружье в правой руке, выстрелил наудачу. Пуля попала в животное, но не смогла остановить его нападения: низко опущенные рога ударили лошадь по ногам, и в следующую секунду конь,

человек и гну упали.

Бенита, отставшая от Клиффорда на пятьдесят ярдов, вскрикнула, но не успела она поравняться с отцом, как он со смехом поднялся на ноги, совершенно невредимый. Лошадь тоже вскочила, но гну не двигался, он не мог встать; попытался было подняться на передние ноги, издал какой-то рыдающий стон, дико озираясь по сторонам, перевернулся и испустил дух.

— Я никогда не думал, чтобы гну мог напасть таким образом, — сказал Клиффорд. — Да будет он проклят! Кажется, моя лошадь захромала.

Она действительно хромала, так как удар пришелся ей по передним ногам, но, к счастью, не особенно сильно. Клиффорд привязал к одному рогу убитого животного носовой платок, чтобы отпугнуть хищных птиц, бросил несколько охапок сухой травы на его тело, собираясь, если будет возможность, прислать за добычей позже, сел на свою хромую лошадь и двинулся обратно к фургону. Он не предполагал, что забрался так далеко в погоне за животным, поэтому только к полудню они вышли на место, по которому, как им показалось, проходила дорога. Но не найдя ее, они повернули обратно, надеясь встретить фургон с распряженными быками. Однако миля пробегала за милей, а никаких следов фургона все не было. Тогда, убедившись в том, что они выбрали неправильный путь, всадники снова вернулись на старое место. Тут они покинули тропу и повернули вправо.

Между тем небо покрылось тучами, и около трех часов над ними разразилась гроза с бурей, с потоками ледяного дождя — первого весеннего дождя — и с сильным ветром, пронизывающим их насквозь. Потом ливень перешел в неприятный мелкий дождь и стал надвигаться туман, сгущавшийся все больше и больше с наступлением вечера.

Положение их было ужасно. Заблудившиеся, голодные, промокшие насквозь, сидя на утомленных лошадях, одна из которых вдобавок хромала, они беспомощно блуждали по пустынной равнине. Проблеск удачи мелькнул лишь однажды. Перед закатом лучи солнца на несколько коротких мгновений пронизали туман и указали заблудившимся, в какую сторону им следовало направиться. Они повернули лошадей к западу и ехали в этом направлении, пока не спустилась тьма. Путники на время остановились, думая передохнуть, но почувствовали, что не выдержат холода и погибнут до наступления утра, и решили ехать дальше. Вдруг лошадь мистера Клиффорда захромала так сильно, что он был вынужден спешиться и взять ее под уздцы. Он вел ее, идя возле дочери и горько упрекая себя за неблагоразумие, из-за которого Бенита теперь подвергалась такой опасности.

— Это ничего, отец, — ответила она устало, так как чувствовала себя крайне утомленной. — Не все ли равно, умереть ли в горах, или на море, или в каком-нибудь другом месте!

Они продолжали наугад двигаться вперед. Бенита задремала в седле и вострепелась только от воя гиены, который раздался совсем близко от них; в другой раз она проснулась оттого, что ее лошадь споткнулась и упала на колени.

— Какой час? — спросила она наконец.

Ее отец зажег спичку и взглянул на часы. Они показывали десять. Пятнадцать часов тому назад они уехали от фургона и с тех пор ничего не ели. Время от времени мистер Клиффорд, снова севший на лошадь, стрелял из ружья. Вскоре у него остался только один заряд, но, увидев при свете спички измученное лицо своей дочери, он выстрелил в последний раз, хотя у него было чрезвычайно мало надежды на какую-нибудь помощь в этой страшной глуши.

— Поедем дальше или остановимся? — спросил отец.

— Мне все равно, — ответила дочь, — только если я остановлюсь, то, мне кажется, это будет навсегда. Лучше поедем дальше.

Тем временем дождь прошел, но туман был все такой же густой. Теперь им казалось, что они едут среди зелени, так как по лицу их поминутно хлестали мокрые листья. Совершенно изможденные путники еле двигались вперед. Вдруг Бенита почувствовала, что ее лошадь внезапно остановилась, точно сильная рука схватила ее под уздцы; в то же мгновение совсем близко от нее послышался мужской голос, говоривший с иностранным акцентом:

— Mein Gott! Куда вы едете?

— Сама не знаю, — отвечала она словно во сне.

В эту минуту луна выглянула из-за туч, и Бенита впервые увидела лицо Джейкоба Мейера.

При лунном свете его наружность не производила неприятного впечатления. Это был человек лет сорока, не слишком высокий, худой и подвижный, с черной остроконечной бородкой, с бледным, как слоновая кость, лицом, не загоревшим даже под африканским солнцем, и с черными блестящими глазами, которые то, казалось, принимали сонное выражение, то вспыхивали каким-то внутренним огнем. Как ни чувствовала себя Бенита изнуренной тревожностями этого дня, она не могла уйти от ощущения зловещей тревоги, которое вызывала в ней личность этого человека. Она чувствовала, что он полон неудовлетворенных желаний и честолюбивых стремлений и не остановится ни перед чем, чтобы достичь

своей цели. В это время он опять заговорил. Нечто в его голосе привлекало к нему внимание Бениты.

— Какая-то счастливая мысль побудила меня двинуться навстречу вам. Впрочем, нет, не мысль, а — как это у вас называется? Да, инстинкт. Посмотрите, дружище Клиффорд, куда вы завели вашу дочь. Смотрите, смотрите! — добавил он, указывая пальцем вниз.

Клиффорд и Бенита перегнулись вперед, вглядываясь в темноту. Прямо перед ними зияла страшная пропасть, глубину которой нельзя было разглядеть даже при лунном свете.

— Клиффорд, мой друг, позвольте сказать вам, что вы никудышный путешественник; еще один шаг вперед, и вы оба вместе с животными превратились бы в груды мяса с переломанными костями... Знаете ли вы, что до дна пропасти добрых пятьсот футов? О, можно сказать, что вас обоих ожидал сегодня ночью крепкий сон!

— Что это за место? — спросил пораженный Клиффорд. — Леопардово ущелье?

— Да, не что иное, как Леопардово ущелье. Вы все время двигались по гребню горы, а не внизу. Какое все же счастье, что до меня дошла мысль этой молодой особы, вашей дочери, потому что, я абсолютно в этом уверен, она обладает способностью посылать мысли на расстояние. Я как-то внезапно это почувствовал, словно меня пронзила игла. Я искал вас повсюду, узнав, что вы потеряли ваш фургон, и вдруг что-то мне подсказало: «Поезжай на вершину Леопардова ущелья, поезжай скорее». И я гнал свою лошадь, несмотря на темноту и скалы, несмотря на туман и дождь, и оказался здесь как раз в ту минуту, когда вы подъехали, чтобы схватить за узду лошадь этой леди.

— Поверьте, мы крайне признательны вам, — прошептала Бенита.

— Я и так вознагражден сторицей. Нет, я считаю, что это я вам обязан, — ведь я спас вам жизнь только благодаря тому, что вы передали мне свою мысль.

— Передала или не передала, это не важно, — важно то, что все кончилось хорошо, — нетерпеливо перебил его мистер Клиффорд. — А самое лучшее то, что, слава Богу, мы всего в каких-нибудь трех милях от дома. Вы покажете нам дорогу, Джейкоб? Ведь вы всегда хорошо видели в темноте.

— Охотно, — ответил он, схватив за уздечку лошадь Бениты своей сильной белой рукой. — О! Моя лошадь сама пойдет за нами, а впрочем, если хотите, перебросьте на руку ее поводья — вот так. Теперь вперед, мисс Клиффорд, и не бойтесь больше ничего. С Джейкобом Мейером вы

находитесь в полной безопасности.

Они начали спускаться с горы. Мейер больше не разговаривал, сосредоточив, казалось, все свое внимание на том, чтобы найти безопасные тропинки, по которым лошади могли бы идти не спотыкаясь. Молчала и Бенита — она была слишком измучена, так измучена, что не могла больше контролировать свои мысли и воображение, которые, казалось, отделились от нее и приобрели небывалую до того силу, новую способность проникать в мысли человека, шедшего возле нее. Они мелькали перед нею чередой, словно живые существа, и все же прочесть их она не могла. Впрочем, одно ей уже стало ясно: то, что она приобрела какое-то большое значение в жизни этого человека, — не то, какое женщина вообще имеет в жизни мужчины, но совсем особенное. Ей почудилось, что ее жизнь каким-то непостижимым образом переплелась с его жизнью, что отныне она стала ему необходимой для достижения его целей; казалось, что она была тем самым существом, которое он разыскивал в течение многих лет, единственным существом, которое могло внести свет в окружающую его темноту.

Эта игра воображения смущала ее до такой степени, что она сильно обрадовалась, когда все это вдруг прекратилось и она вновь почувствовала себя полумертвой от усталости и холода. Все ее тело болело, а крутая тропинка казалась бесконечной.

Наконец они выбрались на ровное место, по которому и поехали. Вскоре они переправились через ручей и, въехав в ворота, внезапно остановились у двери дома с освещенными окнами.

— Вот и ваш дом, мисс Клиффорд, — раздался звучный голос Джейкоба Мейера. — И я благодарен судьбе, управляющей нашей жизнью, что она привела меня к вам как раз вовремя.

Ничего не отвечая, Бенита соскользнула с седла, но тотчас почувствовала, что не может держаться на ногах, и упала на землю. С легким восклицанием Мейер бросился к девушке, поднял ее, велел двум кафрам, вышедшим к ним навстречу, взять лошадей и проводил Бениту в дом.

— Вам нужно сейчас же лечь в постель, — сказал он, подводя девушку к двери комнаты, примыкавшей к гостиной. — Я велел затопить камин в вашей комнате на случай вашего приезда, а старая тетка Салли принесет вам супу с водкой и горячей воды, чтобы согреть ноги. Ах, вот и вы, Салли. Идите сюда и помогите этой леди, вашей госпоже, раздеться. У вас все готово?

— Все, баас, — ответила полная пожилая мулатка с добрым лицом. —

Пойдемте, деточка, я вам помогу раздеться.

Через полчаса Бенита, выпив предварительно водки больше, чем за всю свою жизнь, лежала в постели, тепло укутанная, и вскоре крепко заснула.

Когда она проснулась, солнечные лучи проникали в ее комнату сквозь занавешенное окно, освещая часы, стоявшие на камине, стрелки которых показывали половину двенадцатого. Бенита проспала почти двенадцать часов и, несмотря на холод и усталость предыдущего дня, почувствовала, что вполне здорова, если не считать некоторой ломоты в суставах и небольшой тяжести в голове, что, впрочем, можно было приписать действию непривычной для нее водки и даже голода; зато она чувствовала голод, а это было самое главное.

С веранды донесся голос Джейкоба Мейера, казавшийся ей таким знакомым, как будто она его слышала всегда. Он приказывал находившимся во дворе туземцам прекратить пение, которое могло разбудить «госпожу». Говоря о ней, он употребил зулусское слово инкосикази, которое, как Бенита помнила, означало «повелительница» или «предводительница». Она нашла, что он очень заботлив, и почувствовала к нему благодарность, но потом вдруг вспомнила, что этот человек произвел на нее, в сущности, отталкивающее впечатление.

Бенита окинула взором свою комнату, уютную, хорошо обставленную и оклеенную хорошими обоями, с висевшими по стенам акварелями неплохой работы, которых она никак не ожидала увидеть в этом уединенном месте. На одном из столов виднелась ваза с крупными водяными лилиями. Девушка задумалась над тем, кто их сюда поставил, старая Салли или Джейкоб Мейер; Она также недоумевала, кто мог написать картины, на которых были изображены только сюжеты из африканской жизни, и какое-то чутье подсказало ей, что и то и другое исходило от Джейкоба Мейера.

На маленьком столике у ее постели стоял колокольчик, в который она и позвонила. Тотчас послышался голос Салли, приказавшей подать кофе и «поживее». В следующую секунду старуха уже входила в ее комнату с подносом в руках, на котором лежали хлеб, масло и даже яйца с поджаренными сухарями — все это, по-видимому, было приготовлено специально к ее пробуждению. Салли заговорила на английском языке с примесью голландского и сообщила девушке, что ее отец еще лежит в постели, но посылает дочери привет и спрашивает, как она себя чувствует. Пока Бенита с аппетитом завтракала, Салли приготовила воду для умывания; потом она внесла в комнату туалетные принадлежности,

которые служили Бените во время ее путешествия в фургоне и были благополучно доставлены на ферму в то время, пока она спала. Бенита поинтересовалась, кто распорядился распаковать ее вещи, и узнала, что это тоже было сделано по приказанию мистера Мейера для того, чтобы все необходимое было готово по первому ее требованию.

— По-видимому, мистер Мейер очень заботится о других, — заметила Бенита.

— Да, да! — ответила старая Салли. — Он думает о других людях, когда хочет о них думать, но еще больше он думает о себе. Баас Мейер умный человек — о, очень умный! — и он хочет быть еще и великим человеком. Когда-нибудь он сделается богатым и сильным — если только Всемогущий Господь Бог пожелает этого.

Глава VI. Золотая монета

С той памятной ночи, когда Бенита приехала в Роой-Крантц, прошло около шести недель. Наступила весна, и вельд покрылся изумрудной травой и пестрел яркими цветами. В ущелье за домом на деревьях распустились листья и зацвела мимоза, наполняя воздух своим ароматом. На ее ветвях сотни диких голубей свили гнезда, а на крутых скалах, над пропастью, ястребы кормили своих птенцов. В речных заводях и по берегам озера белыми пятнами сверкали водяные лилии. Вся местность вокруг стала необыкновенно красива, жизнь была повсюду ключом, радостно и безбрежно. В одном только сердце Бениты царствовали смерть и полная безнадежность.

Здоровье ее окончательно восстановилось, и никогда еще она не чувствовала себя такой сильной и бодрой. Но зато душа ее была совсем больна. Днем из головы ее не выходил образ человека, без колебаний отдавшего свою жизнь, чтобы спасти женщину с ребенком, ночью он переполнял ее сновидения. Бенита спрашивала себя, мог ли он сделать это, если бы узнал тогда ответ, уже готовый сорваться с ее уст. Не оттого ли ей не суждено было выговорить тех слов, которые могли бы заставить его проявить малодушие?

О Роберте Сеймуре никаких известий больше не приходило, да и трагическая катастрофа «Занзибара» стала забываться. Живые погребли своих мертвецов, и с той поры на свете произошло много других еще более страшных катастроф.

Но Бенита не могла похоронить своего мертвеца. Она блуждала по горам, ездила верхом по вельду, сидела на берегу озера, наблюдая за дикими птицами, или слушала по ночам, как их стаи проносились над ее головой. Она прислушивалась также к воркованию голубей, к завыванию выпи в камышах и к стону кулика где-то высоко в воздухе. Она считала диких коз, пробиравшихся вдоль берегов, пока мысли не начинали путаться в ее голове. Она искала забвения в разнообразной, многоликой жизни природы, но не находила его; она старалась раствориться в необъятности звездного неба, но оно оставалось так далеко от нее. В душе Бениты царила смерть, хотя ее цветущая внешность говорила о другом.

В обществе отца, впрочем, она находила некоторое облегчение, потому что он любил ее, а исстрадавшаяся душа девушки нуждалась в ласке. Джейкоб Мейер тоже занимал ее, так как теперь она перестала его бояться,

и он несомненно был интересным человеком, даже, в своем роде, хорошо воспитанным.

Джейкоб рассказывал, что родился в Германии, но еще мальчиком уехал в Англию. Там он сделался клерком в торговом доме южноафриканских купцов и благодаря своим способностям получил должность заведующего отделением этого дома в Капской колонии. Что случилось с ним там, Бенита так и не узнала, но, вероятно, он проявил себя далеко не с лучшей стороны. Во всяком случае, его связь с фирмой прекратилась, и он на несколько лет сделался странствующим торговцем и в конце концов стал компаньоном ее отца.

Каково бы ни было прошлое Джейкоба, его можно было назвать необычайно способным человеком и приятным собеседником. Оказалось, что акварели, украшавшие стены ее комнаты, были написаны его рукой. Кроме того, он музицировал и пел так же хорошо, как писал картины. Мистер Мейер был очень начитан и интересовался вопросами, весьма мало изучаемыми в вельде Южной Африки; у него было целое собрание книг по вопросам философии, истории и науки, и он охотно предоставил их Бените для прочтения. Романов он не любил, говоря, что жизнь полна таких тайн и загадок, какие и не снились романистам.

Однажды вечером, когда они прогуливались вдвоем по берегу озера, наблюдая, как отсвет вечерней зари дрожал на поверхности воды, любопытство Бениты заставило ее спросить Мейера, почему он с его способностями довольствуется той жизнью, которую сейчас ведет.

— Я живу так, чтобы иметь возможность добиться лучшей жизни, — ответил он. — О нет, нет, только не на небесах, мисс Клиффорд, потому что о них я ничего не знаю, да, как мне кажется, о них и знать-то нечего... а здесь, на земле...

— Что вы подразумеваете под лучшей жизнью, мистер Мейер?

— Это прежде всего, — ответил он, и его черные глаза вспыхнули, — большое богатство и те возможности, которые оно открывает. Ах, я вижу, вы обвиняете меня в корыстолюбии и материализме, но в здешнем мире деньги — это все, мисс Клиффорд, деньги — божество!

Она улыбнулась и заметила:

— В таком случае, мистер Мейер, боюсь, как бы в здешних местах божество это не оказалось невидимым. Вряд ли вам удастся добиться богатства, разводя лошадей, да и повелевать здесь некем.

— А вы думаете, что я торчу в Роой-Крантце только для того, чтобы разводить лошадей? Разве ваш отец не говорил вам о сокровище, зарытом во владениях племени макаланга?

— Я кое-что слышала о нем, — со вздохом ответила Бенита, — а также знаю, что оба вы однажды отправились отыскивать клад, но обманулись в своих надеждах.

— Ага, утонувший англичанин, мистер Сеймур, говорил вам об этом, не так ли? Он нас застал там.

— Да, и вы хотели застрелить его. Помните?

— Царь Небесный! Да я думал, будто он явился, чтобы обокрасть нас. Но ведь я не выстрелил, и вскоре нас выгнали из этого места, что, впрочем, неважно, потому что глупые туземцы не позволили нам производить раскопки в крепостных стенах. Но это ничего не значит.

— Так почему же вы все еще думаете о кладе, которого, по всей видимости, вовсе и не существует?

— А отчего вы, мисс Клиффорд, думаете иногда о вещах, которые, вероятно, также не существуют? Не оттого ли, что, по вашему внутреннему убеждению, они должны существовать, если и не здесь, то где-нибудь в другом месте? То же чувствую и я относительно этого клада. Я всегда в это верил. Он существует, и я найду его. Поэтому-то я и продолжаю жить в трансваальском вельде и разводить лошадей. Ах, вы смеетесь, вы думаете, что все это, конечно, плод моего больного воображения.

Он не договорил, увидев старую Салли, которая появилась из-за складки холма позади них, и раздраженно спросил:

— Ну, чего вам, тетка?

— Баас Клиффорд желает видеть вас, баас Джейкоб. К вам издалека пришли какие-то гонцы.

— Какие гонцы? — спросил Джейкоб.

— Не знаю, — ответила Салли, обмахивая свое полное лицо большим желтым носовым платком. — Они какие-то странные люди, очень устали с дороги и говорят они на языке, похожем на зулусский. Баас Клиффорд просит, чтобы вы пришли.

— Вы тоже пойдете, мисс Клиффорд? Нет? Тогда простите, я оставлю вас. — С этими словами он приподнял шляпу и удалился.

— Станный он человек, мисси, — проговорила старая Салли, следя за его быстро удаляющейся фигурой.

— Да, — ответила Бенита равнодушным тоном.

— Очень странный человек, — продолжала старуха. — Слишком много у него мыслей здесь, — добавила она, касаясь пальцем своей головы. — Я боюсь, как бы она у него не лопнула в один прекрасный день. Если же она не лопнет, то он будет великим человеком. Я говорила вам это раньше и повторяю теперь, потому что думаю, что его час придет. Теперь я пойду

варить обед.

Бенита просидела на берегу озера, пока не спустились сумерки и дикие гуси не начали кружиться над ее головой. Тогда она встала и направилась назад к дому, совсем позабыв о Джейкобе Мейере и думая только о том, как ей тягостно стало жить в этом доме, где ничто не занимает ее мыслей и не дает забвения в неизбывном горе.

Вечером, за обедом, или, вернее, за ужином, она заметила, что ее отец и его компаньон находятся в сильном волнении, которое они тщетно пытались скрыть, и ей показалось, что она угадывает причину этого возбуждения.

— Видели вы ваших гонцов, мистер Мейер? — спросила она, когда Джейкоб и ее отец закурили трубки и на стол поставили «широколицего», как в те времена называли голландские сыры, и бутылку вина.

— Да, я их видел, — ответил он. — Они сейчас на кухне. При этом он взглянул на мистера Клиффорда.

— Бенита, дорогая моя, — сказал отец, — случилась нечто необычайное.

Ее лицо вдруг просветлело, но он покачал отрицательно головой, сказав:

— Нет, нет, это не имеет отношения к кораблекрушению... там все кончено. Но все же новость, вероятно, может заинтересовать тебя, если ты не прочь выслушать, в чем дело.

Бенита утвердительно кивнула головой, она радовалась всему, что могло занять ее мысли.

— Ты уже знаешь об истории с кладом, — продолжал старик. — Теперь я расскажу тебе все подробности. Вот как было дело. Много лет тому назад, после того как ты и твоя мать уехали в Англию, я отправился в глубь материка, чтобы поохотиться за крупной дичью. Моим товарищем был немолодой уже человек по имени Том Джексон — перекасти-поле и один из лучших охотников на слонов во всей Африке. Охота шла довольно успешно, но под конец мы расстались на севере Трансвааля, так как я должен был везти на юг и продать там добытую нами слоновую кость, а Том остался еще на один охотничий сезон, говоря, что позже отыщет меня и мы разделим деньги. Я приехал сюда, купил эту ферму у одного бура, желавшего от нее отвязаться, и заплатил за нее довольно дешево — я дал всего сто фунтов за шесть тысяч акров. Кухня позади нашего дома служила ему жильем, а новый дом построил я сам впоследствии.

Прошел год, но я не видел Тома Джексона; наконец он явился, больше похожий на мертвеца, чем на живого человека. Беднягу ранил слон, и он

несколько месяцев пролежал больной среди туземцев племени макаланга, к северу от Земли Матабеле, в поселении, которое называется Бамбатсе и расположено на реке Замбези. Эти макаланга довольно странный народ. Кажется, их название означает «народ солнца», во всяком случае, это последние отпрыски какого-то очень древнего народа. Пока Том лежал там, он вылечил старого Молимо, верховного жреца этого племени, от злокачественной лихорадки, давая ему большие дозы хинина; это исцелило старика, и они, понятно, подружились. Этот Молимо жил в развалинах, которых так много в этой части Южной Африки. Сейчас никто не знает, кто их выстроил; вероятнее всего, они принадлежали народу, жившему там несколько тысяч лет тому назад. Как бы то ни было, Молимо открыл Тому Джексону сравнительно новую легенду, имевшую отношение к этим местам.

Это было, по его словам, за шесть поколений до нашего времени, когда его пра-пра-пра-дед был вождем племени (он называл его *Мамбо*). Тогда туземцы всей этой части Южной Африки восстали против белых поселенцев — я полагаю, что это были португальцы, которые занимались там добычей золота. Туземцы перебили много тысяч португальцев вместе с их рабами, оттесняя с юга, где теперь властвует Лобенгула, к реке Замбези, по которой португальцы надеялись добраться до океана. Наконец небольшая горсть этих людей, еще оставшихся в живых, всего каких-нибудь две-три сотни мужчин и женщин, добрались до крепости под названием Бамбатсе, в которой теперь живет Молимо посреди огромных развалин, воздвигнутых каким-то древним народом на неприступной скале, нависшей над самой рекой. Они принесли громадное количество золота, все, что забрали с собой и надеялись увезти на родину. Однако даже достигнув реки, они не могли спастись по ней, потому что туземцы, которые целыми тысячами гнались за ними, день и ночь стерегли их в своих челнах, а у несчастных беглецов не было ни одной лодки. Таким образом португальцы оказались запертыми в крепости, которую взять штурмом было невозможно, но и выбраться оттуда было нельзя. Так все они поодиночке и погибли в ней от голода.

Когда стало известно, что все защитники крепости погибли, туземцы, преследовавшие их с самого юга и жаждавшие крови и мести, а вовсе не золота, с которым они не знали что делать, вернулись в свои земли. Один только предок старого Молимо, который был в дружеских отношениях с португальцами, знал потайной ход в крепость, пробрался в цитадель и нашел среди мертвых тел живую душу, обезумевшую от горя; это была молодая и красивая девушка, дочь португальского военачальника. Он дал

ей пищи, но среди ночи, когда к ней вернулись силы, она ушла от него; утром, на восходе солнца, он увидел ее на вершине скалы, над рекой — она стояла вся в белом.

Он созвал своих советников, и они вместе стали уговаривать ее сойти со скалы, но она ответила, что не может, так как ее жених и все ее родные погибли, и что она тоже решила последовать за ними. Тогда они спросили ее, где хранится золото; они отлично знали, что сокровище не было брошено в реку, потому что день и ночь наблюдали за португальцами. Она ответила, что золото находится там, где и находилось, но что ни один человек черного племени никогда не отыщет его. Потом прибавила, что поручает Молимо и его потомкам хранить клад до тех пор, пока она снова не вернется к ним. Еще она добавила, что если они не выполнят ее приказаний, те же самые дикари, что убили ее отца и близких, истребят также и все их племя. После этих слов она простояла с минуту на скале, читая молитву, потом внезапно кинулась в реку и исчезла навсегда.

С тех пор считается, что развалины посещает дух, и кроме самого Молимо, который иногда отправляется туда для размышлений и для общения с духами, в верхнюю часть цитадели не допускается ни одно живое существо. Впрочем, и сами туземцы скорее согласились бы умереть, чем приблизиться к этим руинам. Итак, золото по-прежнему лежит нетронутым там, где оно было спрятано. Самого этого места Том Джексон ни разу не видел, потому что, несмотря на расположение к нему, Молимо не впустил его туда.

Бедный Том так и не поправился. Он умер здесь, и его похоронили на маленьком кладбище за нашим домом, где покоится прах нескольких буров. Вскоре после его смерти мистер Мейер сделался моим компаньоном. Я ему рассказал всю историю, и мы решили попытаться раздобыть этот клад. Остальное тебе известно. Мы отправились в Бамбатсе под видом бродячих торговцев и явились к старому Молимо, который знал о моей дружбе с Томом Джексон. Мы спросили его, правду ли рассказывал он Джексон}' о кладе, и старик ответил, что каждое слово его истории такая же истина, как то, что солнце каждый день восходит на небеса. Этот рассказ и еще многое другое, о чем он говорил, передавалось от отца к сыну. Молимо прибавил, что он даже знает имя той белой девушки, которая разбилась, бросившись со скалы. Ее звали Феррейра — так же, как и твою мать, Бенита; это довольно распространенное в Южной Африке имя.

Мы попросили старика позволить нам войти в верхнюю часть развалин, но он отказал, ответив, что заклятие все еще лежит на нем и его народе и что туда не войдет ни один человек, пока снова не явится леди по

имени Феррейра. В остальной части крепости мы могли ходить совершенно свободно и даже вести раскопки где нам вздумается. Мы так и поступили и нашли немного золота, зарытого вместе с разными старинными вещами: с бусами, кольцами и запястьями — всего приблизительно на сотню фунтов. А также — это случилось в тот день, когда молодой Сеймур встретился нам и стал причиной раздражения Мейера, думавшего, что мы напали на след сокровища, — мы отыскивали одну золотую монету, по всей вероятности, из тех, что принадлежали португальцам. Вот она, — тут старик бросил на стол перед Бенитой тонкий золотой кружок. — Я показывал ее человеку, знающему толк в подобных вещах, и тот сказал мне, что это дукат, отчеканенный при одном из венецианских дождей.

Но больше мы ничего не нашли. Кончилась наша экспедиция тем, что макаланга поймали нас во время попытки пробраться украдкой в верхнюю часть цитадели и предложили на выбор или немедленно уйти, или подвергнуться смерти. Разумеется, мы предпочли убраться восвояси, потому что мертвым сокровища не нужны.

Клиффорд замолчал и стал набивать свою трубку. Мейер с рассеянным видом наливал себе из бутылки. Что касается Бениты, то она с любопытством рассматривала странный старинный золотой с проделанным в нем небольшим отверстием и мысленно спрашивала себя, какие ужасы и кровопролития видел этот кружок металла.

— Оставь это себе, — сказал отец, — его можно привесить к твоему браслету.

— Благодарю тебя, отец, — ответила она, — хотя, по правде сказать, не знаю, по какому праву я должна присвоить себе весь португальский клад, ведь больше мы не увидим из него ни одной монеты.

— Почему вы так думаете, мисс Клиффорд? — быстро спросил Мейер.

— Вы сами знаете почему. Это вытекает из всей истории, ведь туземцы не позволят вам даже искать его; впрочем, искать и найти — вещи совершенно разные.

— Туземцы могут изменить свое решение, мисс Клиффорд. История, которую вам рассказали, еще не окончена, она только начинается, и скоро вы узнаете ее вторую главу. Клиффорд, могу позвать гонцов? — И он встал и, не дожидаясь ответа, вышел из комнаты.

После его ухода ни мистер Клиффорд, ни его дочь не произнесли ни слова. Бенита, казалось, была поглощена золотой монетой, которую старалась надеть на маленькую цепочку своего браслета; в это самое время

в ней опять пробудилось то странное, уже знакомое ей чувство. Она ощутила ужас, как тогда на пароходе в день катастрофы. Снова на ее душу пала тень от надвигавшейся смерти и мучительного страха. Золотая монета, казалось, говорила ей о чем-то, но — увы! — она не могла понять ее языка. Она только знала, что ее отец, Джейкоб Мейер и — да-да — Роберт Сеймур имели отношение к этой трагедии. О! Как же это могло быть, когда он умер? Каким образом эта золотая монета служила им связью? Этого она не знала, да и не хотела знать. Зато она знала, что пойдет за этим кладом на край света и даже, если нужно, дальше, если только это приведет ее к нему.

Глава VII. Посланцы

Дверь отворилась, и в комнату вошел Джейкоб Мейер; за ним следовали трое туземцев. Но Бенита не видела и не слышала их; ее душа витала где-то далеко. Она стояла прямая и неподвижная, под самой лампой, бросавшей на нее свой свет, одетая с ног до головы в белое, так как она носила траур только в своем сердце.

На ее лице и в широко раскрытых темных глазах было такое странное выражение, что Джейкоб Мейер сразу заметил это и остановился как вкопанный. Туземцы тоже обратили на это внимание и также остановились. Все четверо стояли в конце длинной гостиной, не сводя глаз с белой фигуры Бениты.

Один из туземцев указал на нее своим тонким пальцем и что-то шепнул другим. Мейер, понимавший их язык, уловил этот шепот. Туземец сказал:

— Смотрите, Дух Скалы!

— Какой дух, какая скала? — тихо спросил Джейкоб.

— Дух женщины, которая посещает Бамбатсе; это ее видели наши глаза, — ответил туземец, не отрывая взгляда от Бениты.

Бенита слышала шепот и знала, что говорят о ней, хотя она не разобрала ни одного слова. Девушка с усилием прогнала охватившее ее странное состояние оцепенения и с глубоким вздохом опустилась в стоявшее возле нее кресло. Тогда один за другим гонцы стали подходить к девушке, и каждый из них низко кланялся ей, касаясь пальцами земли и не отрывая взгляда от ее лица. Отца ее они приветствовали только поднятием руки.

Она с любопытством смотрела на них, да и действительно они представляли своеобразный интерес. Это были высокие, стройные люди, со светлым оттенком кожи, с тонкими подвижными лицами. В них не чувствовалась негритянская кровь, скорее можно было предположить, что они происходили от какого-нибудь древнего исчезнувшего народа вроде египтян или финикийцев; казалось, их предками были люди, принадлежавшие много тысяч лет тому назад к мудрому, цивилизованному народу, быть может, посещавшие дворцы фараонов или царя Соломона.

Покончив с приветствиями, гонцы уселись в ряд на пол, завернувшись в свои просторные меховые кароссы и стали ждать в полном молчании.

Джейкоб Мейер немного подумал и сказал:

— Клиффорд, можете ли вы взять на себя труд перевести вашей дочери то, что будет сказано здесь, чтобы она могла в точности понять, что произойдет?

Потом он повернулся и обратился к туземцам:

— Вас зовут Тамас, Тамала и Хоба. И вы, Тамас, сын Молимо из Бамбатсе, которого зовут Мамбо, а вы, Тамала и Хоба, его советники. Так ли это?

Они утвердительно кивнули в ответ.

— Отлично. Тамас, расскажите нам всю историю и повторите ваше поручение, чтобы эта леди — леди Бенита — тоже узнала все, так как она принимает участие в нашем деле.

— Я понимаю, что она принимает участие, — ответил Тамас. — Мы читаем на ее лице, что ее участие важнее всех. Без сомнения, именно о ней вещал Дух Бамбатсе моему отцу. Слова, что я сейчас произнесу, будут словами моего отца, которые я приехал передать вам.

«Когда вы, двое белых людей, четыре года тому назад посетили Бамбатсе, то вы попросили меня, Мамбо, допустить вас в священную крепость для того, чтобы искать сокровище, спрятанное там португальцами во времена моего предка в шестом поколении. Тогда я отказался вас впустить или даже показать вам священное место, так как я по своему рождению состою хранителем клада, хотя и не знаю, где он зарыт. Но в настоящее время я оказался в большом затруднении. Я узнал, что Лобенгула, узурпатор, правящий племенем матабеле, разгневался на меня по многим причинам, главным же образом за то, что я не посылаю ему надлежащую дань. Мне стало известно, что будущим летом он собирается послать на меня войско, чтобы стереть с лица земли и меня самого, и весь мой народ, сжечь мое селение, как пожар выжигает луга. У меня нет сил противиться ему: он силен, а я слаб, да и мой народ не отличается воинственностью. Из поколения в поколение макаланга были торговцами, землепашцами, искусными работниками по металлу, они всегда были людьми мирными, не желающими убивать или быть убитыми. И их так немного. А потому у меня нет силы противостоять Лобенгуле.

Я помню, что вы приносили с собой ружья, которые могут убивать людей и животных издали. Если бы у меня было достаточное количество таких ружей, я бы из-за моих стен мог убивать воинов Лобенгулы, которые вооружены assegais. Поэтому, если бы вы доставили мне сотню хороших ружей с необходимым количеством пороха и пуль, то я мог бы, согласно откровению, полученному мною свыше, допустить вас к святому месту, разрешив вам искать спрятанное золото; в случае, если бы вы нашли его,

вы могли бы унести его с собой без всякого препятствия с моей стороны или со стороны моих людей. Но я не хочу скрывать от вас истины. Ни вы, ни другие никогда не найдете этого клада. Его не найдет никто, кроме того единственного, кто для этого предназначен. Так говорила белая девушка во времена моих предков. Они слышали это собственными ушами, а я слышал своими ушами от их потомков, и так оно и есть.

Но если вы доставите мне ружья, то можете идти и попытаться узнать, не окажется ли кто-нибудь из вас тем предназначенным человеком. Впрочем, я не думаю, чтобы это могло случиться, так как эта тайна находится в руках женщины. Вы можете в этом убедиться сами, я же говорю только то, что было сказано мне самому.

Вот моя весть, переданная моими устами, Тамасом, моим единокровным сыном, а мои советники, сопровождающие его, подтвердят правдивость его слов. Я же, Мамбо, Молимо из Бамбатсе, шлю вам свой привет и жду вас, чтобы оказать радушный прием и исполнить свое обещание, если вы привезете с собой стреляющие издала ружья, числом десять раз десять, а также порох и пули, с которыми я мог бы прогнать матабеле, — другого способа у меня нет. Мой сын, Тамас, и мои советники доведут ваш фургон до моих владений, но вы не должны брать с собой чужеземных слуг. Дух белой женщины, убившей себя на глазах моего предка, недавно появлялся на вершине скалы. Я не вполне уверен, что это могло означать, но мне кажется, она хотела предупредить меня о нападении матабеле. Я жду указаний свыше. Я посылаю вам в подарок одеяния и маленькую старинную золотую вещицу, потому что моим посланникам трудно нести слоновую кость так далеко, а фургона у меня нет. Прощайте».

— Мы вас выслушали, — сказал Мейер, когда Клиффорд закончил переводить, — и хотим вам задать еще один вопрос. Что вы подразумеваете, говоря, что дух белой женщины появлялся вновь?

— Я подразумеваю то, что говорю, белый человек, — ответил Тамас. — Мы все трое видели ее в сумерках на скале; мой отец также видел ее и говорил с ней ночью во время сна. Она является ему таким образом уже в третий раз — и всегда перед каким-нибудь важным событием.

— На кого она похожа? — спросил Мейер.

— О, она похожа на госпожу, которая сидит вон там. Да, она выглядит совершенно так же — по крайней мере, так нам кажется. Но кто знает? Мы никогда не видели других белых женщин, к тому же мы были довольно далеко. Пусть эта госпожа придет и встанет рядом с призраком, чтобы мы могли хорошенько их сравнить, тогда мы сможем дать вам ответ. Принимаете ли вы предложение Молимо?

— Завтра утром мы ответим, — сказал Мейер. — Сотню ружей достать нелегко, да и стоит это довольно дорого. А пока вам дадут поесть и укажут, где переночевать.

Туземцы казались разочарованными его ответом, который они, по-видимому, сочли за намек на отказ. Они несколько мгновений совещались друг с другом, после чего Тамас сунул руку в карман и вытащил оттуда какой-то предмет, завернутый в сухие листья. Раскрыв этот сверток, он вынул великолепное ожерелье из золотых колец с белыми камнями, в которых сразу можно было узнать необработанные алмазы довольно большой ценности. К ожерелью было привешено золотое распятие.

— Мы просим госпожу принять этот подарок от моего отца, так как золото и остальные вещи для нее не годятся. Эта цепочка имеет свою историю. Когда португальская девушка бросилась в реку, цепочка висела у нее на шее. Падая в реку, она ударилась о выступ скалы, на котором и повисло зацепившееся и разорвавшееся ожерелье. Вы видите, оно было разорвано и затем скреплено золотой проволокой. Мой предок достал его со скалы. Это подарок для госпожи, если она даст обещание носить его.

— Ты должна принять, — прошептал Клиффорд, окончив переводить речь Тамаса, — иначе ты их обидишь.

На это Бенита ответила:

— Я благодарю Молимо и принимаю подарок.

Тогда Тамас встал и, подойдя ближе, накинул ей на шею старинное ожерелье, судьба которого была такой трагичной. Когда оно коснулось ее плеч, Бенита почувствовала, словно ее опутала цепь судьбы, которая повлечет ее Бог весть куда. Ведь эту вещь носила та женщина, столь же несчастная и одинокая, как и она сама, не нашедшая убежища от своего горя нигде, кроме смерти. Что чувствовала эта женщина, когда ожерелье было сорвано с ее шеи? Не то ли, что теперешняя, живая Бенита, когда это же ожерелье очутилось на ней?

Гонцы встали, поклонились и вышли из комнаты, оставив хозяев одних. Джейкоб Мейер поднял голову, словно намереваясь заговорить с девушкой, но передумал и продолжал молчать. И Клиффорд, и его компаньон ждали, чтобы заговорила Бенита, но так как она этого не сделала, то старик первый нарушил тишину тревожным вопросом:

— Что ты скажешь, Бенита?

— Я? Что я могу сказать, кроме того, что услышала любопытную историю. Ведь эти посланцы пришли к вам, отец, и к мистеру Мейеру, и от вас они и должны получить ответ. Какое же отношение имею к этому я?

— Ты имеешь, как мне кажется, непосредственное отношение к этому

делу, моя дорогая. И так же, по-видимому, полагают и эти люди. Во всяком случае, я не могу отправиться в Бамбатсе без тебя, а везти тебя против твоего желания тоже не собираюсь. Путь предстоит долгий, да и само это предприятие небезопасное... Весь вопрос в том, хочешь ли ты ехать туда.

Бенита задумалась, а двое мужчин с беспокойством наблюдали за ней.

— Да, — ответила она наконец спокойным голосом. — Если вы оба хотите ехать, поеду и я, но не ради сокровища, а потому, что меня просто интересует странный рассказ и то место, о котором говорится в нем. Собственно говоря, я не верю в существование клада. Даже если допустить, что они слишком суеверны и трусливы, чтобы разыскивать его самим, вряд ли они позволили бы вам искать его, если бы думали, что золото можно найти. Я не считаю это путешествие выгодным деловым предприятием, к тому же оно сопряжено с известным риском.

— Мы считаем его достаточно выгодным, — решительным тоном вмешался Мейер, — да и нельзя рассчитывать, что наживешь миллионы без всяких хлопот.

— Да, да, — подтвердил Клиффорд, — но все-таки она права — опасности большие: лихорадка, дикие звери, дикари и другие совершенно непредвиденные случайности. Имею ли я право подвергать всему этому мою дочь? Не следует ли нам отправиться без нее?

— Это было бы бесполезно, — ответил Мейер. — Эти люди видели вашу дочь и связали ее облик со своими суеверными представлениями, которым я, конечно, не верю, зная, что ничего подобного быть не может. Но все же без мисс Клиффорд наше дело обречено на неудачу.

— Что касается риска, отец, — проговорила Бенита, — то лично я не придаю этому никакого значения и считаю, что должно случиться то, что определено судьбой. Даже если бы я знала, что мне суждено погибнуть в Замбези, то это не остановило бы меня: умереть здесь или там — для меня разницы не составляет. Однако мне кажется — сама не знаю почему, — что ты и мистер Мейер идете навстречу гораздо большей опасности, чем я. Значит, вам обоим следует подумать, согласны ли вы рисковать.

Клиффорд улыбнулся.

— Я уже стар, — сказал он, — в этом весь мой ответ.

— А я привык к такого рода вещам, — заметил Мейер, пожав плечами. — Кто не согласится подвергнуться некоторому риску ради такого блестящего дела? Богатство, такое богатство, о котором можно только мечтать, и вместе с ним могущество. Сила, дающая возможность награждать, карать, купить себе положение в обществе, наслаждение, все прекрасное, ослепительное, что составляет удел исключительно людей

богатых! — И он раскинул руки и поднял глаза вверх в немом восхищении перед золотым божеством.

— Кроме таких безделиц, как здоровье и счастье, — не без сарказма прибавила Бенита. Ее иногда передергивало от низменных стремлений этого человека, особенно когда она мысленно сравнивала его с тем, другим, которого она потеряла навсегда; правда тот, другой, считался в прошлом праздным и никчемным человеком. В то же время слова Мейера интересовали ее, потому что до сих пор она еще не встречала людей, подобных ему: такие дарования, такая жажда удовольствий — и такое бездушие.

— Значит, решено? — спросила она.

Мистер Клиффорд колебался, но Мейер ответил, не задумываясь ни на секунду:

— Да, все решено.

Она подождала ответа отца, но он ничего не сказал. Он подчинялся решению других.

— Отлично. Тогда не будем больше мучить себя сомнениями и рассуждениями. Мы отправляемся в Бамбатсе на Замбези, мы едем в это отдаленное место на поиски клада, и я надеюсь, мистер Мейер, что, если вам посчастливится, это даст вам возможность осуществить все ваши надежды и принесет вам много счастья. Спокойной ночи, отец, спокойной ночи.

— Моя дочь думает, что эта поездка принесет нам несчастье, — сказал Клиффорд, когда за ней закрылась дверь. — Это ее всегдашняя манера говорить.

— Да, — мрачно ответил Мейер, — она в этом уверена, а ведь она принадлежит к числу людей, обладающих даром предвидения будущего. А впрочем, и мисс Клиффорд может ошибаться. Поэтому весь вопрос сводится к тому, нужно ли нам воспользоваться удачным стечением обстоятельств, несмотря на все опасности, или же оставаться здесь, чтобы всю оставшуюся жизнь разводить дешевых лошадей. А как она будет смеяться над нашей трусостью! Нет, я еду в Бамбатсе.

Мистер Клиффорд снова не дал прямого ответа, ограничившись вопросом:

— Сколько понадобится времени, чтобы достать ружья и все необходимое, и что это будет стоить?

— До Ваккерструма и обратно около недели пути, — ответил Мейер. — Старик Потджайтер, тамошний торговец, только что получил сто ружей «Мартини» и сотню «Уэсли Ричардсов». По пятьдесят штук тех и других,

да десять тысяч зарядов обойдутся фунтов в шестьсот, а как раз такая сумма лежит на нашем счету в банке. У нас также есть новый фургон и достаточное количество хороших волов и лошадей. Можно захватить с собой дюжину лошадей и продать их на севере Трансвааля за хорошую цену, раньше чем мы въедем в полосу обитания мухи цеце. Волы, вероятно, довезут нас, так как в большинстве своем они не так чувствительны к укусам.

— Я вижу, вы обо всем подумали, Джейкоб, но ведь это к тому же будет стоить огромных денег, не говоря уже о прочих трудностях.

— Да, огромных денег, ружья эти слишком хороши для кафров. Для них больше бы подошла бирмингемская дешевка, но где ее достанешь! Однако что значат деньги и ружья по сравнению с тем, что они нам принесут?

— Я думаю, вам лучше всего поговорить об этом с моей дочерью, Джейкоб. У нее, по-видимому, имеется свое особое мнение по этому вопросу.

— Мисс Клиффорд решила, как ей поступить, и не изменит своего решения. Я не стану больше ничего у нее спрашивать, — отрезал Мейер.

И он также вышел из комнаты, чтобы распорядиться насчет предстоящего отъезда в Ваккерструм. Что же касается Клиффорда, то он просидел в гостиной далеко за полночь, спрашивая себя, поступил ли он правильно, решившись на поездку, найдут ли они золото, о котором он мечтал столько лет, и стараясь узнать, что уготовило им будущее.

Если бы только он мог заглянуть в это будущее!

* * *

Когда на следующее утро Бенита вышла к завтраку, она тотчас спросила, где мистер Мейер, и узнала, что он уже отправился в Ваккерструм.

— Видно, что он взялся за дело всерьез, — заметила она со смехом.

— Да, — ответил ей отец, — Джейкоб ко всему относится серьезно, хотя до сих пор это не принесло ему удачи. Если наша затея провалится, то уж, конечно, никак не по вине непредусмотрительности или небрежности с его стороны.

До возвращения Мейера прошла целая неделя, в это время Бенита

также готовилась к предстоящему путешествию. В промежутках между несложными приготовлениями она при помощи отца часто беседовала с тремя стройными макаланга, которые с удовольствием отдыхали после своего долгого перехода. Их разговор носил общий характер, потому что, по какому-то молчаливому соглашению, никто не упоминал о кладе и обо всем, что так или иначе имело к нему отношение; зато из разговоров с туземцами она вынесла весьма благоприятное мнение о них и об их племени. Бенита убедилась в том, что, хотя макаланга говорили на одном из зулусских наречий, они не отличались храбростью этого народа, а напротив, испытывали постоянный смертельный страх перед матабеле, которые представляли родственное зулусам племя.

Макаланга так сильно их боялись, что девушка засомневалась, помогут ли им ружья, если на них когда-нибудь нападет это храброе племя.

Они занимались тем же, чем и их праотцы: земледелием, выделкой металла, но никогда они не были воинственным народом. Бенита воспользовалась случаем, чтобы познакомиться с их языком, не показавшимся ей особенно трудным, так как она отличалась большими способностями. Она быстро вспомнила голландский и зулусский языки, на которых очень бегло говорила в детстве, и без труда освоила их с помощью чтения и знакомства с грамматикой, на что она тратила все свое свободное время.

Так проходили дни, пока в один из вечеров не появился Джейкоб Мейер с двумя шотландскими повозками, нагруженными десятью длинными ящиками, похожими на гробы, и другими, меньших размеров, но крайне тяжелыми, а также большим количеством всяких запасов и вещей. Как и предсказывал мистер Клиффорд, он не забыл решительно ничего. Так, он догадался купить Бените необходимую для путешествия одежду и револьвер, которого она не просила.

Три дня спустя они уже покидали Роой-Крантц, сказав оставшимся в доме людям, что уезжают по торговым делам и на охоту в северную часть Трансвааля. Стояло великолепное весеннее утро. Бенита взглянула еще раз на аккуратную ферму, на лесистое ущелье позади дома, в которое она чуть было не упала в ту дождливую ночь, на тихое красивое озеро, над которым проносились птицы, спеша в свои гнезда с добычей. Она вздохнула. Теперь, когда ей приходилось покидать это место, оно казалось ей родным домом, и ей пришла в голову мысль, что она никогда больше его не увидит.

Глава VIII. Бамбатсе

Прошло около четырех месяцев. Фургон, в котором находились Бенита, мистер Клиффорд и Джейкоб Мейер, достиг однажды вечером владений Молимо из Бамбатсе, имя которого было Мамбо. Впрочем, это был скорее его титул, так как, по словам Тамаса, каждый вождь, преемник прежнего, назывался Мамбо, хотя далеко не каждый из них был Молимо, то есть жрецом и прорицателем Великого Духа, которого они называли Мунвали. Таким образом Молимо, или жрец Мунвали, и Мамбо, или вождь племени, бывали иногда двумя различными лицами. Рассказывая об этом, Тамас добавлял, что ему самому после смерти отца предстояло сделаться Мамбо, но ему не являлось откровений, а потому, по крайней мере до сих пор, он не имел права называться Молимо.

Во время своего долгого пути им пришлось испытать множество приключений, которые всегда сопровождали путешествия по Африке в те дни, когда там еще не было железных дорог. Им встречались дикие звери, племена туземцев, они видели вздувшиеся реки; но гораздо хуже была жажда, которую им пришлось терпеть целых три дня, когда они были вынуждены оставаться без воды из-за того, что колодец, из которого они надеялись пополнить свои запасы, оказался пересохшим.

Однако ни одно происшествие не было слишком серьезно, и никто из трех путников никогда не чувствовал себя так хорошо, как к концу этого путешествия; им даже посчастливилось избежать лихорадки. Простая, суровая жизнь принесла огромную пользу здоровью Бениты; тот, кто встречал мисс Клиффорд на улицах Лондона, вряд ли узнал бы ее в загорелой, энергичной молодой девушке, сидевшей в ту ночь подле костра.

Они продали всех лошадей, которых взяли с собой, за исключением нескольких, павших в пути. Трех, по местному выражению, прочных, то есть привитых против местной смертельной конской болезни, они оставили себе. Собственных своих слуг они давно уже отправили обратно в Роой-Крантц, доверив им шотландскую повозку, нагруженную слоновой костью, которую Клиффорд и Мейер купили у бурских охотников, возвращавшихся из северной части Трансвааля. С этого момента, как было условлено, трое макаланга взяли на себя труд вести маленький караван и смотреть за скотом, а Бенита готовила еду, которую оба белых добывали на охоте или покупали дорогой у туземцев.

В течение многих дней они двигались по совершенно пустынной

местности, пока наконец не добрались до высокого хребта, того самого, у которого когда-то Роберт Сеймур оставил свой фургон. Перевалив через него, они раскинули лагерь в долине, бывшей когда-то, судя по остаткам стен, видневшимся со всех сторон, густо населенным и хорошо возделанным местом. Справа от них виднелась гряда холмов, за которой, по словам макаланга, текла река Замбези, а прямо перед ними, на расстоянии не более десяти миль, поднимался высокий одинокий холм с крепостью Бамбатсе, с трех сторон омываемый могучей рекой. Это место и было целью их путешествия.

Один из троих макаланга, который носил имя Хоба, немедленно отправился в крепость возвестить об их прибытии. Тем временем путники распрягли волов и расположились среди развалин, большая часть которых имела круглую форму. Разглядывая эти руины при свете яркой луны, Бенита догадалась, что они были когда-то домами, давно всеми покинутыми и опустевшими, но, без сомнения, принадлежавшими сотни и тысячи лет назад какому-то великому народу. Скорее всего, это было тысячи лет назад, так как невядалеке от их стоянки, из середины разрушенного дома, поднимался огромный баобаб, которому было не меньше десяти или даже пятнадцати веков; он вырос из-под цементированного пола, остатки которого виднелись у его могучего подножия.

Заметив, что Бенита рассматривает эти памятники древности, Тамас, сын Молимо, тотчас приблизился к ней и поклонился.

— Госпожа, — проговорил он на своем родном языке, на котором она изъяснялась уже довольно хорошо, — госпожа, — повторил он, величественно простирая руку в сторону развалин, — взгляни на город моего народа!

— Откуда вы знаете, что этот город принадлежал вашим предкам? — поинтересовалась она.

— Я не знаю этого, госпожа. Камни не умеют говорить, духи безмолвны, мы же все забыли. И все же я так думаю, ибо, по словам наших отцов, за шесть или восемь поколений до нас здесь жило множество людей, хотя эти стены были построены и не ими. Всего пятьдесят лет тому назад многие из них были еще живы, но всех перебили матабеле, и нас осталось совсем немного. Завтра вы увидите, как нас мало. Идите сюда и взгляните, — продолжал он, указывая ей на дорогу к четырехугольной постройке, похожей на скотный двор, где виднелись трава, несколько кустов и кучи черепов и других костей.

— Матабеле убили этих людей во времена Мзиликази, — пояснил

Тамас, — после этого вы не станете удивляться, что мы, оставшиеся в живых, боимся матабеле и хотим раздобыть оружие для защиты от них. Мы готовы даже продать свою тайну, чтобы купить ружья, за которые ничем другим заплатить не можем.

— Нет, — воскликнула Бенита, окидывая взглядом высокую и исполненную достоинства фигуру человека, в душе которого запечатлелись следы страха и рабской покорности, — нет, я не удивляюсь.

На рассвете они двинулись дальше, по-прежнему проходя среди развалин, встречая следы умершего, давно забытого народа. До цели их долгого путешествия оставалось не больше десяти миль, но дорога — если путь, по которому они двигались, можно было назвать дорогой — поднималась в гору. Волы, из которых уцелело всего четырнадцать, сильно истомились, исхудали, разбили себе ноги, а потому двигались очень медленно, с трудом волоча вверх тяжело нагруженный фургон. Было уже за полночь, когда путешественники наконец вошли в то населенное место, которое лишь с натяжкой можно было назвать городом Бамбатсе.

— Когда мы двинемся отсюда, нам, вероятно, придется возвращаться по воде, если только до тех пор мы не закупим свежих волов, — сказал Мейер, с сомнением поглядывая на тяжело дышавших измученных животных.

— Почему? — тревожно спросил мистер Клиффорд.

— Потому что мухи цеце искусили многих из наших волов, а также и мою лошадь, и яд уже начинает оказывать свое действие. Я еще сомневался прошлой ночью, но сейчас я уверен в этом. Посмотрите на их глаза. Это случилось еще в кустарниках в долине, где мы останавливались восемь дней тому назад. Я говорил тогда, что не следовало этого делать.

В это время они пришли к гребню холма, и оттуда перед ними открылся величественный вид развалин, окружавших Бамбатсе. Теперь трое белых сели на лошадей. Прямо перед путниками возвышался крутой холм, который как бы вдавался в широкую Замбези, служившую ему защитой с трех сторон. Четвертая его сторона, находившаяся как раз перед ними, тоже была защищена природой, воздвигнувшей здесь неприступную, совершенно отвесную гранитную скалу, поднимавшуюся от самого подножия холма на высоту пятидесяти футов. Только в одном месте было нечто вроде естественной скалистой дорожки, которая вела в город. На самом холме, который, вероятно, занимал восемь или десять акров и был окружен глубокой донгой, или рвом, возвышались три кольца укреплений, расположенных одно над другим; стены были мощной кладки, очевидно возведенные в давно минувшие времена. Глядя на них, Бенита без труда

поняла, почему несчастные португальские беглецы избрали Бамбатсе своим последним убежищем, где они погибли не от рук дикарей, преследовавших и окруживших их со всех сторон, а только от голода. И в самом деле, крепость казалась неприступной для любой армии, если только нападающие не располагали осадными орудиями.

Поэту сторону естественного рва, который, без сомнения, в былые времена наполнялся водой, отведенной от Замбези, раскинулась деревушка макаланга, состоявшая примерно из семидесяти-восемидесяти жалких хижин такой же круглой формы, как и дома их предков, но выстроенных из глины и тростника. Их окружали сады и четырехугольные поля, очень хорошо обработанные и в это время года колосившиеся хлебами. Зато скота Бенита нигде не увидела; это заставило ее предположить, что его держали для безопасности на холме, за стенами укрепления.

Фургон, подпрыгивая на дороге, прогремел по деревне, немногие выбежавшие из домов женщины и дети боязливо посмотрели на него. Вскоре путники достигли скалистой дорожки, которая у стены замыкалась нагромождением больших каменных глыб, взятых из развалин, и кучами колючего кустарника. Пока фургон стоял, а сопровождающие путников макаланга при помощи немногих появившихся теперь мужчин очищали путь, Бенита смотрела на массивную круговую стену, имевшую около сорока футов высоты и двадцать — толщины, выстроенную из чистого гранита, без цемента, и украшенную орнаментом из разноцветных пород камней. В толще стены Бенита различила выемки, в которых когда-то был подъемный мост, уже давным-давно исчезнувший.

— Какое удивительное место, — сказала она отцу. — Я рада, что приехала сюда. Вы все здесь осматривали?

— Нет, мы были только между первой и второй стеной и один раз — между второй и третьей. Древний храм, или что-то вроде этого, помещается на вершине, куда нас не хотели пускать; именно там и зарыт клад.

— То есть вы предполагаете, что там зарыт клад, — с улыбкой поправила его Бенита. — Скажи, отец, кто поручится тебе, что макаланга выполнят свои обещания и впустят вас на вершину в этот раз. Может быть, они возьмут ружья, которые мы привезли, а нам покажут на двери... вернее, на ворота.

— Ваша дочь права, у нас нет никаких гарантий, что нас пропустят; и потому раньше, чем из фургона будет вынут хотя бы один ящик, мы должны обезопасить себя, — заметил Мейер. — О, я знаю, что все это довольно рискованно и что следовало подумать об этом раньше, но теперь уже поздно рассуждать. Смотрите, камни уже отвалили. Вперед!

Длинный бич щелкнул, бедные измученные волы натянули постромки, и фургон въехал в роковую крепость. За стеной виднелось большое открытое пространство, нечто вроде открытой площади, на которой некогда возвышались строения, теперь превратившиеся в груды камней, наполовину исчезнувшие под высокой травой, под деревьями и ползучими растениями. Эта площадь образовывала внешнее кольцо храма; в этом кольце в древние времена были дома жрецов и вождей народа. Пройдя ярдов сто-сто пятьдесят, они приблизились ко второй стене, не такой толстой, но во всем остальном не отличавшейся от первой, и увидели в тени — так как день был жаркий — всех жителей Бамбатсе, собравшихся, чтобы поприветствовать белых.

Когда их разделяло уже только пятьдесят ярдов, путешественники сошли с лошадей и оставили их вместе с фургоном под присмотром макаланга Тамалы. Бенита стала между отцом и Джейкобом Мейером, и все трое направились к сидевшим полукругом туземцам. Здесь были только взрослые мужчины, всего около двухсот человек.

Все они быстро вскочили на ноги в знак уважения к гостям — за исключением одного человека, который продолжал сидеть, прислонясь спиной к стене. Бенита увидела, что все они обладали такой же внешностью, как и их посланцы. Они были высоки и красивы, с печальными глазами и боязливым выражением лиц. Было видно, что эти люди жили изо дня в день в постоянном страхе перед угрожавшим им рабством или смертью.

Круг туземцев разрывался в одном месте проходом, через который Тамас ввел белых; когда Бенита вошла в круг, она почувствовала на себе пристальные взгляды всех этих людей с печальными глазами. В нескольких шагах впереди сидел на земле, прислонившись спиной к стене, человек, голова которого была спрятана под великолепно вышитым покрывалом, брошенным сверху. Белым пришельцам поставили три стула прекрасной резной работы. Жестом руки Тамас пригласил их сесть, что они и сделали; так как им не подобало заговаривать первыми, чтобы не унижить своего достоинства, то они молчали.

— Будьте терпеливы и снисходительны, — проговорил наконец Тамас. — Мой отец, Мамбо, возносит молитвы к Мунвали и к духам своих праотцев, прося их благословить ваш приезд и открыть ему будущее.

Бенита, которая чувствовала на себе взгляд двух сотен пар человеческих глаз, вначале с нетерпением ожидала, чтобы старца наконец посетило откровение; но вскоре она подчинилась общему настроению и даже стала испытывать некоторое удовольствие от всего происходившего.

Эти могучие, старинные стены, воздвигнутые руками неведомых людей и видевшие столько исторических событий и столько человеческих смертей, безмолвное тройное кольцо терпеливых и торжественно настроенных людей, быть может, последних отпрысков культурной расы, согбенная фигура под покрывалом, воображавшая себя в общении со своим божеством, — все было настолько необычно, что вполне заслуживало внимания людей, утомленных однообразием современной цивилизации.

Наконец человек, сидевший у стены, зашевелился и сбросил назад покрывало; из-под него показалась голова седого старца с умным, одухотворенным, аскетическим лицом — таким худым, что на нем были видны все кости, с темными глазами, устремленными куда-то вдаль, как у человека, находящегося в трансе. Он трижды глубоко вздохнул под внимательными взглядами своих соплеменников и обратил свой взор на сидевших перед ним белых людей. Сперва он взглянул на мистера Клиффорда, и на его лице промелькнула тень грусти; затем он посмотрел на Джейкоба Мейера, и это выражение сменилось беспокойством и тревогой.

Только когда его глаза остановились на Бените, в них снова появилось спокойное и счастливое выражение.

— Белая девушка, — проговорил он приятным тихим голосом, — говорю тебе, я могу сообщить хорошие вести: хотя смерть пройдет совсем близко от тебя, хотя ты будешь видеть ее и справа, и слева, и спереди, и сзади, но говорю тебе, не бойся ее. Ты испытала глубокое горе, но здесь ты найдешь счастье и спокойствие, о ты, в которой обитает душа такого же чистого и прекрасного существа, умершего в давно прошедшие времена.

Пока Бенита раздумывала над его словами, сказанными с такой глубокой серьезностью, что они дали ей некоторое утешение, хотя она не могла им верить, Мамбо взглянул еще раз на ее отца и на Джейкоба Мейера, но, сделав над собой видимое усилие, смолчал.

— А мне вы не предскажете ничего хорошего, дружище? — спросил его Мейер. — Мне, приехавшему для этого издалека?

Старое лицо сразу сделалось непроницаемым, всякое выражение на нем исчезло, скрылось за тысячей мелких морщинок. Он ответил:

— Нет, белый человек. Мне ничего не поручено передать тебе. Ты такой ученый, можешь сам обратиться к небесам и прочесть то, что в них написано, если только ты сможешь... Пришельцы, — продолжал он уже другим тоном, — я приветствую вас при моих детях и от их имени. Мой сын Тамас, я приветствую и тебя тоже, ты хорошо исполнил возложенное на тебя поручение... Слушайте же: я знаю, что вы устали и хотели бы

отдохнуть и поесть, но потерпите немного, ибо мне нужно сказать вам несколько слов. Взгляните вокруг. Это весь мой народ, тогда как прежде нас было столько, сколько весною бывает листьев вон на том дереве. Куда они все девались? Все по вине племени матабеле, лютых собак, которых за два поколения до нас Мзиликази, полководец Чаки, привел с юга в нашу страну, чтобы из года в год грабить и убивать.

Мы не воинственны, мы изжили войну и жажду убийства. Мы мирные люди, мы желаем возделывать землю, заниматься ремеслом, которое перешло к нам от наших предков, и прославлять небеса, на которые попадаем для воссоединения с духами наших праотцев. Они же свирепы, сильны и жестоки; они приходят сюда и убивают наших детей и стариков, уводят с собой в рабство молодых женщин и девушек, угоняют весь наш скот. Где наш скот? Лобенгула, вождь матабеле, забрал его у нас; осталось всего несколько коров, молока которых едва хватает для больных детей и младенцев, лишившихся матерей. А между тем он все продолжает посылать за скотом. «Дай дань, — говорят его посланцы, — не то мы пошлем на вас своих воинов, они придут и возьмут дань и вашу жизнь в придачу. Но у нас уже нет скота, весть скот отдан. У нас ничего не осталось, кроме этой старой горы, нескольких построек на ней и горсти зерна, которым мы живем. Да, это говорю я — я, Молимо, предки которого были великими властителями, я, человек, в голове которого больше разума, чем в головах всех матабеле!

Произнеся эти слова, старец опустил свою седую голову на грудь, и слезы потекли по его изможденным щекам; все его единоплеменники воскликнули:

— Мамбо, это истинная правда!

— Слушайте меня дальше, — продолжал он. — Так как Лобенгула снова начал угрожать нам, я послал гонцов к этим белым людям, которые однажды уже побывали здесь, и велел передать им, что если 352

они привезут мне сто ружей, а также порох и пули, чтобы мы могли отразить нападение матабеле из-за этих крепких стен, я проведу их в тайное, священное место, куда вот уже шесть поколений не ступала нога ни одного белого человека, и позволю им искать зарытый там клад, тот самый клад, который они хотели найти четыре зимы тому назад.

Тогда мы отказали им в их просьбе и прогнали отсюда, боясь лежащего на нас проклятия белой девушки, предсказавшей, что нас постигнет судьба ее народа, если мы отдадим зарытое золото не тому человеку, которому предназначено получить его. Дети мои, Дух Бамбатсе посетил меня. Я видел белую девушку, как ее видели другие, и она сказала мне во время

моего сна: «Позволь этим людям войти в крепость и искать, так как между ними находится лицо, которому предназначено получить сокровище моего народа; вам угрожает большая опасность, ибо надвигается множество копий». Дети мои, я послал моего сына и других гонцов в далекое путешествие, в страну, где живут белые люди; они вернулись через несколько месяцев, привезя среди тех людей и еще одно лицо, о существовании которого я и не подозревал, — ту самую девушку, на которую указывал Дух Бамбатсе.

Старец поднял свою высохшую руку и указал на Бениту:

— Говорю вам, что перед вами сидит та, которую ждали поколения людей!

— Это верно, — заметили макаланга, — белая госпожа вернулась сюда, чтобы взять то, что ей принадлежит.

— Друзья, — спросил Молимо приезжих, сильно удивленных всем происшедшим, — скажите мне, привезли ли вы ружья?

— Конечно, — ответил мистер Клиффорд. — Они здесь, в фургоне. Это лучшие ружья, какие только можно было найти, а вместе с ними десять тысяч патронов, купленных за очень большие деньги. Мы исполнили обещанное. Теперь вы должны сдержать ваше слово, если не хотите, чтобы мы сейчас же уехали домой вместе со всеми ружьями, предоставив вам встречать матабеле с одними копьями, луками и стрелами.

— Скажите же, каковы ваши требования, мы слушаем, — ответил Молимо.

— Хорошо, — проговорил мистер Клиффорд. — Вот они. Мы требуем, чтобы ты дал нам кров и пищу на все время, которое мы проведем у вас. Чтобы ты провел нас в тайное место на вершине холма, туда, где умерли португальцы, туда, где скрыто золото. Чтобы ты позволил нам искать это золото в любое удобное для нас время и везде, где нам вздумается. В случае, если мы найдем его или какие-нибудь другие ценные вещи, ты не только должен разрешить нам увезти их с собой, но обязан оказать нам содействие, снабдив нас лодками с гребцами, чтобы спуститься вниз по Замбези, или упряжными животными. Кроме того, ты должен оградить нас от оскорблений, обид и притеснений со стороны твоих соплеменников на все время, пока мы твои гости. Верно ли я изложил наши условия?

— Да, но это еще не все, — ответил Молимо. — К этому нужно еще прибавить следующее: во-первых, вы должны научить нас обращаться с вашими ружьями; во-вторых, вы будете искать скрытый клад и найдете, если это суждено, без всякой помощи с нашей стороны, потому что мы не имеем права вмешиваться в это дело; в-третьих, если матабеле нападут на

нас, пока вы будете еще здесь, вы должны сделать все возможное, чтобы помочь нам устоять против них.

— А разве вы ожидаете нападения? — подозрительно спросил Мейер.

— Белый человек, мы всегда ожидаем нападения. Что же, согласны ли вы на эти условия?

— Да, — в один голос ответили Клиффорд и Мейер. При этом Джейкоб добавил: — Ружья и патроны принадлежат вам. Теперь поведи нас и покажи тайное место. Мы свое исполнили, теперь черед за вами; мы верим, что ты и твой народ честны и выполните обещанное.

— Белая девушка, — спросил Молимо, обращаясь к Бените, — ты также согласна?

— Я скажу то же, что говорит мой отец.

— Хорошо, — воскликнул Молимо. — В таком случае я, Мамбо, пророк Мунвали, заявляю от его имени в присутствии всего моего народа, что таков наш договор и что Небо отомстит тому, кто его нарушит. Распрягите волов белых людей, накормите их лошадей и разгрузите их фургон, чтобы мы могли сосчитать ружья. Пускай также принесут пищу в «дом гостей»; когда же они подкрепят свои силы, я отведу их в священное место, куда еще не входил ни один человек, кроме меня, и предоставлю им искать то, чего белые люди горячо желают в течение уже многих поколений. Если найдут — пускай им владеют; если же нет — то уедут с миром.

Глава IX. Клятва Мадуны

Мистер Клиффорд и Джейкоб Мейер встали, собираясь идти к фургону, чтобы посмотреть, как будут распрягать волов, и распорядиться насчет корма для лошадей. Бенита тоже поднялась, спрашивая себя, когда дадут им поесть, потому что она сильно проголодалась. Тем временем Молимо обратился к своему сыну, Тамасу, говоря с ним ласковым голосом и похлопывая его по руке. Вдруг Бенита, с любопытством наблюдавшая за происходившей перед ней семейной сценой, услышала позади себя какой-то шум. Она быстро обернулась и увидела трех высоких мужчин, вооруженных с головы до ног в полные военные доспехи туземцев: на левой руке у них висел щит, в правой они держали ассегай; полированные обручи, переплетенные волосами, венчали их голову, черные страусовые перья развевались над ними, черные пояса обхватывали их бедра, черные бычьи хвосты свешивались с их колен. Люди эти шли сквозь толпу макаланга, как будто вовсе их и не замечая.

— Это матабеле! Матабеле напали на нас! — воскликнул чей-то испуганный голос.

— На стены! — кричали в другом месте. — Убейте их! Их немного, а нас много!

Но матабеле шли, не обращая ни на что внимания, пока не подошли к Мамбо совсем вплотную.

— Кто вы такие и что вам надо? — смело спросил старик, хотя при виде этих людей его также охватил страх, заставлявший дрожать все его тело.

— Тебе следовало бы знать это, вождь из Бамбатсе, — со смехом ответил один из воинов, — ведь ты и раньше видел таких, как мы. Мы дети Лобенгулы, Инкоси, Великого Слона, Черного Быка, Отца Матабеле. Увидев открытые ворота, мы вошли сюда, чтобы шепнуть тебе на ухо, старый человек, о поручении, с которым нас прислали.

— Передавайте же ваше поручение, посланцы Лобенгулы, в присутствии моего народа, — проговорил Молимо.

— Твоего народа! Неужели это весь твой народ! — воскликнул с презрением один из матабеле. — Стоило после этого инкоси посылать сюда большое войско с великими военачальниками, когда для этого было бы достаточно нескольких мальчишек с простыми палками! А мы-то думали, что это только твои сыновья, члены твоей семьи, которых ты созвал, чтобы

попировать с белокожими чужестранцами.

— Закройте проход в стене! — вскричал Молимо, взбешенный этими оскорбительными словами.

Кто-то ответил ему:

— Отец, это уже сделано.

Но матабеле рассмеялись, нисколько этим не смущаясь, и один из них проговорил:

— Смотрите, братья, они думают поймать нас в ловушку, так как нас всего трое. Хорошо же, убей нас, если хочешь, старый колдун, но знай, что если нас кто-нибудь тронет, то мой асsegай пронзит твое сердце, и что дети Лобенгулы дорого продают свою жизнь. Знай также, что если это случится, войско, ожидающее невдалеке, уничтожит вас всех до единого, мужчин и женщин, юношей и девушек, стариков и грудных младенцев. Никто не останется в живых, ни один человек. Пусть говорят: здесь когда-то жили трусливые макаланга из Бамбатсе. Не будь же безрассуден и поговори с нами вежливо, тогда мы, может быть, пощадим ваши жизни.

Затем матабеле стал и друг к другу спинами, так, чтобы видеть все, что происходит вокруг, и чтобы на них не могли неожиданно напасть сзади.

— Я никогда не убиваю гонцов, — ответил Молимо, — но когда они бывают дерзки, я выбрасываю их за свои стены. Передавайте же ваше поручение, люди из племени матабеле.

— Хорошо. Внимайте же словам Лобенгулы.

Тут посланный заговорил, употребляя местоимение «я» за своего повелителя, точно речь произносил сам правитель матабеле, обращаясь к своему вассалу, вождю макаланга:

— В прошедшем году я присылал к тебе, моему рабу, дерзавшему называть себя Мамбо, вождем макаланга, с требованием дани. Я требовал скота и женщин. Тогда я предупреждал, что если они не будут присланы, я сам приду взять их. Ты не прислал ничего. Но в тот раз я пощадил тебя. Теперь я снова посылаю заданью. Вручи моим посланцам пятьдесят коров и пятьдесят быков с пастухами для присмотра за ними, а также двенадцать девушек по выбору моих посланцев, иначе я уничтожу всех вас, столь долго обременявших землю, прежде чем родится новый месяц.

— Вот слова Лобенгулы, — заключил посланный, затем, сняв рожок с нюхательным табаком, взял щепотку и с насмешливым видом протянул его старому Молимо.

Но старый вождь был так взбешен, что потерял всякое самообладание и ударил по табакерке, выпавшей из рук его мучителя; при этом весь табак рассыпался по земле.

— Так же быстро прольется по земле и кровь твоего народа, — спокойно сказал посланный, поднимая табакерку и пытаясь собрать просыпавшийся табак.

— Слушайте, — проговорил Молимо слабым, дрожащим голосом. — Ваш вождь требует скота, зная, что его больше не осталось, что у нас едва ли найдется хоть одна корова, молоком которой можно было бы напоить грудных младенцев, лишенных матери. Он также требует девушек, но если мы их отдадим, нашим юношам не на ком будет жениться. Отчего же это происходит? Оттого, что злой ястреб Лобенгула ощипал нас уже до самых костей; он живьем сдирал с нас мясо. Из года в год его воины грабили и убивали, пока от нас ничего не осталось. Теперь же он требует того, чего мы не можем дать, просто желая затеять с нами ссору и окончательно уничтожить нас. Нам нечего больше дать Лобенгуле. Вот мой ответ.

— В самом деле? — насмешливо возразил посланец. — Откуда же взялся фургон, нагруженный всяким добром и запряженный волами, который я вижу вон там? Да, — прибавил он многозначительно, — фургон, нагруженный такими вещами, которые мы выдывали в Булавайо. Ведь Лобенгула тоже иногда покупает у белых товар. О, ничтожный вождь макаланга! Слушай же: уступи нам фургон с этим грузом, с волами и лошадьми, и хотя это весьма незначительная дань, мы готовы удовлетвориться и ничего больше не потребуем в течение этого года.

— Разве я могу отдать вам то, что принадлежит белым людям, моим гостям? — спросил Молимо. — Убирайтесь вон, пока целы, или я прикажу прогнать вас как собак.

— Хорошо, мы уйдем, но знай же, что мы очень скоро вернемся обратно и покончим с вами, чтобы навсегда избавиться от этих долгих и утомительных путешествий, которые нам ровно ничего не дают. Идите, собирайте свое зерно, жители Бамбатсе, ибо, клянусь вам именем Лобенгулы, это будет ваша последняя жатва!

Толпа, внимавшая словам матабеле, затрепетала от ужаса, но в старого Молимо они, казалось, только влили пророческую силу. Он постоял с секунду, устремив взор в голубое небо и вытянув руки кверху, словно для молитвы. Затем он заговорил совсем иным, ясным и спокойным голосом, не похожим на его собственный:

— Кто я такой? — сказал он. — Я Молимо из Бамбатсе, принадлежащего макаланга. Я промежуточная ступень между ними и небесами. Я сижу на верхней ветке дерева, под которым они укрылись, и оттуда внимаю словам Мунвали. То, что для вас кажется ветром, для меня является голосами, нашептывающими в мое духовное ухо. Когда-то мои

предки были великими властителями, господствовавшими над всей здешней землей, и назывались Мамбо. Это также и мое почетное имя. Мы жили мирно, возделывали землю и никому не причиняли вреда. Но вот вы, дикие зулусы, пришли к нам с юго-востока, оставляя за собой кровавый след. Из года в год вы грабили и разоряли нас; вы уводили наш скот, убивали наших людей, захватывали наших девушек и детей, превращая их в своих жен и рабов, и вот что осталось от великого племени, от житницы, полной зерен жизни, — горсточка людей. И ту вы хотите проглотить теперь. Но я говорю вам, что этому не бывать; как бы то ни было, я могу сказать нечто вашему королю в ответ на его послание. Передайте ему, что так говорит старый мудрый Молимо из Бамбатсе!

Я вижу его преследуемого, подобно раненой гиене, по рекам, в лесной чаще и в горах. Я вижу его умирающим в страданиях и нищете; но могилы его я не вижу, ибо ни один человек не знает, где она. Я вижу, как белые отнимают его землю и его добро; да, белым людям, а не его наследнику будет его народ оказывать почести. От всего его величия и его мощи останется только одно: проклятие, тяготеющее над именем его из рода в род. И еще я вижу мир и спокойствие в моей стране, среди моих детей.

Старик помолчал, потом добавил:

— Вот моя весть вашему вождю. Несите ее ему и убирайтесь немедленно. А тебе, жестокий пес, Мунвали говорит устами своего Молимо: я не подниму на тебя руки, но тебе не суждено больше увидеть лица своего повелителя. Теперь убирайся вон и поступай как знаешь!

В первую секунду матабеле казались немного испуганными, и Бенита ясно слышала, как один из них сказал своим товарищам:

— Старый колдун заворожил нас. Он околдовал Великого Слона и весь его народ. Не убить ли нам его?

Но старший из них овладел собой и ответил со смехом:

— Так вот зачем ты, старый предатель, призвал сюда белых людей — для того, чтобы устраивать заговоры против трона Лобенгулы!

Он повернулся и внимательно посмотрел на мистера Клиффорда и на Джейкоба Мейера, потом прибавил:

— Слушайте, ты, Серая Борода, и ты, Черная Борода, я предам вас такой смерти, о какой вы еще и не слыхивали. Что же касается этой девушки, так как она красива собой, она скоро будет варить пиво для инкosi или попадет в число его жен — если только он не пожелает отдать ее мне.

Еще секунда, и все было кончено!

Джейкоб Мейер, все время вполне хладнокровно слушавший

хвастливые и угрожающие речи дикаря, сразу вострепнулся, как только он заговорил о Бените. Его темные глаза вспыхнули, бледное лицо приняло жестокое выражение. Он выхватил из-за пояса револьвер и выстрелил, почти не целясь. В ту же секунду мертвый или умирающий матабеле упал на землю.

Пораженные присутствующие не шевелились. Хотя смерть в этой стране была для них делом вполне привычным, внезапность этого поступка совершенно ошеломила их. Резкий контраст между видом цветущего, полного жизни воина, стоявшего перед ними мгновение назад, и безжизненной черной массой, упавшей на землю, был так ярок, что это поразило их воображение. Он лежал на земле, а Мейер стоял над ним с дымящимся револьвером в руках и смеялся.

Бенита чувствовала, что он поступил справедливо, что матабеле вполне заслужил это страшное наказание, но смех Джейкоба казался ей ужасным, в этом смехе ей слышался голос его сердца, и этот голос был беспощаден! Когда меч правосудия падет, правосудие не должно злорадствовать.

— Взгляните, — проговорил Молимо своим тихим голосом, указывая пальцем на мертвого дикаря, — солгал ли я или сказал правду, обещая, что этот человек никогда больше не увидит лица своего повелителя? То же, что случилось со слугой, произойдет и с его господином, только не так быстро. Такова воля Мунвали, выраженная устами его пророка Молимо из Бамбатсе. Ступайте же, дети Лобенгулы, и отнесите ему в дар этот первый плод жатвы, которую белые люди соберут среди воинов его народа.

Его высокий голос умолк, и наступило такое глубокое молчание, что Бените почудилось, будто она слышит шелест ножек зеленой ящерицы, пробежавшей по камню на расстоянии одного или двух ярдов от нее.

Внезапно все переменялось. Оба оставшихся в живых матабеле повернулись и пустились бежать изо всех сил, преследуемые макаланга, походившими на овец, которые всем стадом поворачиваются и устремляются за струсившей собакой. Они хватали гонцов за руки, срывая с них доспехи и грозное военное облачение; они били их палками и забрасывали камнями. Наконец несчастные, израненные, покрытые кровью люди, не видя никакого спасения и руководимые каким-то инстинктом, направились к Бените, с ужасом наблюдавшей за всей этой сценой. Они бросились перед ней на колени, ухватились за ее платье, и стали молить о пощаде.

— Посторонитесь немного, мисс Клиффорд, — произнес Джейкоб Мейер, — смерть всей троицы обременит мою совесть не больше, нежели

смерть одного из этих животных.

— Нет, нет, вы не сделаете этого, — произнесла она. — Мамбо, эти люди посланцы, их не следует убивать.

— Слушайте голос милосердия в том месте, где никогда не говорилось о милосердии! — проговорил старый пророк. — Пусть уходят. Пощадите тех, кто никого не щадит, ибо она купила их жизни своей просьбой.

— Но они приведут за собой других, — пробормотал Тамас, и даже мистер Клиффорд печально покачал головой. Но Молимо повторил:

— Я сказал. Пусть уходят. Случится то, что должно случиться, к тому же это не приведет ни к чему дурному, чего бы не произошло и без этого поступка.

— Вы слышали? Скорее уходите, — по-зулусски сказала матабеле Бенита.

Избитые люди с трудом поднялись на ноги и остановились перед ней, поддерживая друг друга. Один из них, человек с властным и умным лицом, в черных волосах которого уже виднелась седина, прошептал, обращаясь к Бените:

— Выслушай меня. Тот глупец, — тут он показал на своего мертвого товарища, — похвальба которого навлекла на него смерть, был человеком низкого происхождения. Я же, Мадунa, родственник нашего инкosi, молчал, не мешая ему говорить, и по справедливости заслуживаю смерти, так как обратился в бегство перед этими негодными псами. Тем не менее я и мой брат принимаем жизнь из твоих рук, госпожа, хотя теперь, когда мы опомнились, мы бы не приняли ее ни от кого другого. Уйду ли я к праотцам или останусь жить — не важно: войско мстителей находится уже возле стен. Чему суждено, то должно случиться: тут старый колдун сказал правду. Слушай же, госпожа: если тебе когда-нибудь понадобится, чтобы Мадунa пощадил две жизни, он обещает тебе это сделать от своего имени и от имени Лобенгулы. Указанные тобой лица пройдут беспрепятственно, захватив с собой все, что им принадлежит, не платя никакой дани. Не забудь же, госпожа, клятву Мадунy в трудную минуту, а ты, мой брат, будь свидетелем ее перед нашими людьми.

Матабеле выпрямились, насколько они могли это сделать, жестоко израненные, и подняли правые руки и поклонились Бените — так люди их племени кланяются женам и дочерям их повелителей. Потом, не обращая ни малейшего внимания на остальных и сильно хромя, матабеле пробрались к воротам, которые им тотчас открыли, и скрылись за крепостной стеной.

Пока происходила эта сцена, Мейер стоял неподвижно и молчал; затем

он заговорил с горькой усмешкой:

— Милосердие, мисс Клиффорд, как говорил некий Павел в вашем Новом Завете, искупает множество грехов. Я сильно надеюсь, что в данном случае оно спасет наши тела от хищных птиц, после того как мы погибнем такой смертью, какую нам предсказывало это животное. — С этими словами он указал на убитого.

Бенита вопросительно посмотрела на отца.

— Мистер Мейер находит, моя дорогая, что ты поступила неразумно, пощадив жизнь этих матабеле. Для всех нас было бы лучше, чтобы эти люди умерли, тогда как теперь они ушли, сгорая от жажды мести. Конечно, я понимаю твое естественное чувство сострадания, но... — тут он оборвал фразу и внезапно остановился в нерешительности.

— Но ведь вождь говорил совсем другое! — горячо возразила Бенита. — Впрочем, если бы он даже и не говорил, я бы все равно так поступила. Довольно одного убийства, — добавила она, содрогаясь. — Я бы не вынесла еще чего-нибудь подобного.

— Вы не должны сердиться за смерть этого человека, так как она была вызвана его словами о вас, — многозначительно проговорил Мейер. — Если бы не это обстоятельство, я бы его не тронул. Я не стал бы вмешиваться, так как считаю это бесполезным; ведь я такой же фаталист, как и наш приятель Молимо, и верю в предопределение. Дело в том, — добавил он с резкостью, — что женщинам не место среди дикарей.

— Отчего вы этого не говорили в Роой-Крантце, Джейкоб? — спросил мистер Клиффорд. — Вы знаете, я всегда так думал, но меня не хотели слушать. Мне остается предложить вам сейчас же покинуть это место. Надо ехать, и как можно скорее, не теряя ни минуты, как только нам дадут поесть и пока путь к отступлению еще не отрезан.

Мейер взглянул на волов, которых тем временем распрягли. Девять из них расхаживали вокруг, пощипывая траву, но пятеро искусанных мухой цеце все время лежали неподвижно.

— Девять измученных волов с больными ногами не потянут фургон, — сказал он, — к тому же крепость наверняка уже окружена матабеле, вероятно узнавшими через своих шпионов, что мы везли с собой ружья. Наконец, приехав из такой дали и истратив так много денег, я не собираюсь уезжать, не добившись своей цели. Тем не менее, если вы полагаете, что ваша дочь подвергается в этих стенах большей опасности, чем вне их, в чем я сильно сомневаюсь, то вы можете попытать счастья. Если бы вам удалось раздобыть гребцов, то вы могли бы также спуститься по Замбези в челноке, рискуя, правда, схватить лихорадку. Вам с ней решать, мистер

Клиффорд.

— Куда ни взглянешь, кругом одни только опасности и затруднения. Что ты на это скажешь, Бенита? — спросил ее отец.

Бенита задумалась. Ей хотелось избавиться от Джейкоба Мейера, которого она не любила и боялась; для этого она была готова пойти на многое. С другой стороны, ее отец был измучен и нуждался в отдыхе. Для него было бы большим разочарованием уйти от цели в последнюю минуту. К тому же, что можно было сделать, не имея ни волов, ни людей? Наконец, какой-то внутренний голос, тот самый голос, который побудил ее ехать, теперь удерживал ее в Бамбатсе.

— Дорогой отец, — сказала она, — я тебе очень благодарна за заботу обо мне, но, насколько мне кажется, мы подвергнемся большему риску, уехав отсюда, чем оставшись здесь. Я хотела ехать, несмотря на твои предостережения, теперь же я намерена использовать обстоятельства и надеюсь, что Бог убережет нас от опасностей. Я уверена, что макаланга смогут удержаться в такой крепости, как эта, имея в руках наши ружья.

— Я сильно на это надеюсь, — отвечал ее отец, — хотя они и очень трусливый народ. Весьма вероятно, что было бы лучше вовсе не приезжать сюда, и все же я, как и ты, думаю, что для нас правильнее всего остаться здесь, положившись во всем на Бога.

Глава X. Вершина горы

Если наши путешественники рассчитывали, что им удастся в тот же день попасть в священное место на вершине горы, то им суждено было испытать разочарование. В действительности весь остаток дня ушел на распаковку ружей и боеприпасов, а также на обучение нескольких предводителей макаланга наиболее простым приемам в обращении с оружием, о чем у них были самые смутные представления. Остальные макаланга привели тем временем своих жен и детей, а также овец и коз и незначительное количество оставшегося у них крупного рогатого скота за наружную стену старинной крепости и занялись заделыванием при помощи камней отверстия, служившего воротами. Для выхода из крепости у них осталась незаметная тропинка со стороны реки, которую можно было отрезать в любой момент. Несколько человек были отправлены в качестве лазутчиков, чтобы по возможности узнать, где находится войско матабеле.

Не оставалось никаких сомнений, что это войско существовало, так как одна из женщин, последовавшая за раненым Мадуной и его товарищем, видела, как их встретил в трех милях от Бамбатсе небольшой отряд матабеле, скрывавшихся в кустах. По ее словам, эти люди тотчас сделали носилки и унесли раненых; куда — она не могла сказать, потому что не решилась идти дальше.

Бенита провела эту ночь в «доме гостей», оказавшемся такой же хижинкой, как и все прочие, только несколько больших размеров. Мейер и Клиффорд ночевали в фургоне на дворе. Девушка так утомилась, что долго не могла заснуть. Ее мысль продолжала работать, постоянно возвращаясь к событиям минувшего дня. Ей вспоминались относившиеся к ней странные слова старого мистика Молимо, появление гонцов и все, что последовало потом, наконец, ужасная смерть посланца, которого убил Джейкоб Мейер. Вся эта сцена стояла перед ее глазами, и она снова и снова перебирала в уме мельчайшие ее подробности. Она видела, как изменилось равнодушное лицо Мейера, как только чернокожий начал оскорблять ее и угрожать ей. Видела быстрое, как молния, движение его руки, блеснувший огонек, выстрел, переход от жизни к смерти и жестокий смех убийцы. Джейкоб Мейер становился положительно страшен, когда разыгрывались его страсти!

Но что же их пробудило? Она ни минуты не сомневалась, что эти чувства были вызваны ею самой, а никак не простым рыцарством по

отношению к женщине. Если бы он даже и был способен на подобные рыцарские чувства, он никогда не стал бы подвергать себя риску, связанному с жестокой расправой над вестником. Нет, причина всего этого лежала гораздо глубже. Он никогда ей ничего не говорил, но внутреннее чутье уже давно предостерегало Бениту, угадавшую его мысли, в которых она теперь уже не сомневалась. Сознание этого было ужасно — хуже, чем все прочие опасности, вместе взятые! У нее, правда, был защитник в лице ее отца, но в последнее время он стал часто болеть, его возраст, а также утомительные путешествия и постоянные тревоги начали сказываться на его здоровье. Если бы с ним что-нибудь случилось, если бы он вдруг умер, каким ужасным сделалось бы ее положение вдали от всякой помощи, среди дикарей и в обществе Джейкоба Мейера!

О! Если бы не страшное кораблекрушение, ее жизнь сложилась бы совершенно иначе! Между тем только мысль о кораблекрушении и о человеке, которого она тогда потеряла, побудила ее отправиться в это рискованное путешествие, в надежде отвлечься от терзавших ее мыслей, найти здесь забвение неизбывного горя. Теперь ей приходилось терпеть последствия этого шага. Но у нее все же оставался Бог, на которого она по-прежнему надеялась. Притом, если бы ей и пришлось умереть, — разве это имело значение?

Но ведь старый Молимо предсказал Бените, что ей не грозит смерть, что она найдет здесь и счастье, и успокоение вне могилы. Он говорил об этом так, словно ему было известно о ее горе, да и в случае с гонцами матабеле он выказал себя пророком, наделенным страшной властью. В то же время в глубине ее души по-прежнему жила уверенность, которой она не умела себе объяснить, что слова старого духовидца окажутся правдой и что она каким-то странным, неожиданным образом получит утешение.

Немного успокоенная этим предчувствием, Бенита наконец заснула.

Выйдя из хижины на следующее утро, Бенита увидела отца, весело сообщившего ей, что о матабеле больше ничего не слышно. Через несколько часов вернулись лазутчики, рассказавшие, что на много миль вокруг не видно ни одного человека из неприятельского войска. Тем не менее приготовления к обороне не прерывались: человек сто самых ловких макаланга были снабжены ружьями и учились обращению с ними под руководством Тамаса и двоих его спутников, Тамалы и Хобы, успевших вполне сносно освоиться с оружием во время продолжительного путешествия. Неопытные рекруты стреляли самым ужасным образом; ввиду того, что это представляло опасность для присутствующих, всем приказывалось ложиться на землю, когда один из них целился в

обозначенное на стене место. Тем не менее они все-таки убили одного несчастного больного вола и двух овец.

Предвидя возможность нехватки провизии в случае осады, Мейер, как всегда предусмотрительный, обрек на смерть укушенных мухой цеце волов. Их тотчас убили, шкуры сняли, а мясо, разрезанное на узкие длинные полосы, повесили сушиться на жгучем солнце. Бенита, наблюдавшая за этой работой, втайне надеялась, что ей никогда не придется воспользоваться этими запасами. Между тем уже близилось время, когда она должна была есть отравленное мухой цеце мясо, радуясь даже этому.

В полдень, после того как они поели, мистер Клиффорд и Джейкоб Мейер отправились к Молимо, который сидел подле второй стены. Указав ему на макаланга, вооруженных ружьями, они сказали:

— Мы выполнили нашу часть договора, теперь твой черед. Проведи нас к священному месту, чтобы мы могли приняться за поиски.

— Да будет по-вашему, — отвечал он. — Следуйте же за мной, белые люди.

И Молимо повел их вдоль внутренней стены, пока они не дошли до скалистой тропинки шириной не более одного ярда, проходившей над пропастью футов в пятьдесят глубиной, у самой реки. По этой дорожке на головокружительной высоте они прошли шагов двадцать. Она окончилась отверстием в скале, таким узким, что в нем мог поместиться только один человек. Было очевидно, что отверстие это служило входом во вторую крепость, так как с обеих сторон оно было защищено шлифованными камнями, гранитная дорожка запечатлела следы человеческих ног, век за веком проходивших тут. Тропинка шла зигзагами, прорезая толстую стену, и вывела их на довольно широкое пространство, круто поднимавшееся вверх и покрытое развалинами построек, между которыми росли кустарники и деревья.

— Дай Бог, чтобы золото было зарыто не в этом месте, — сказал мистер Клиффорд, оглядываясь по сторонам. — Если оно окажется здесь, нам никогда не найти его.

Молимо, по-видимому угадавший смысл этих слов по выражению его лица, тотчас ответил ему:

— Я не думаю, чтобы оно находилось здесь. Осаждавшие овладели этим местом и простояли тут в течение многих недель. Я мог бы указать вам, где они раскладывали свои костры, пытаясь подкопаться под последнюю стену, за которой укрывались португальцы, пока они не погибли от голода, так как не могли питаться своим золотом. Следуйте за

мной дальше.

Они начали подниматься по тропинке, пока не добрались до последней стены; снова обойдя ее вокруг, они дошли, таким образом, до места над самой рекой, как и во второй крепости. Но здесь не оказалось никакого прохода, ничего, кроме небольших и чрезвычайно крутых ступеней, высеченных на выступах камней, начиная от подножия стены и до самого ее верха, находившегося на высоте более чем тридцати футов.

— Право, — сказала Бенита, с отчаянием глядя на этот опасный путь, — работа искателя золота слишком трудна. Я думаю, что не смогу подняться.

Мистер Клиффорд посмотрел на ступени и покачал головой.

— Вы должны достать нам веревку, — с досадой сказал Мейер, обращаясь к Молимо. — Разве мыслимо взобраться без веревки на такую скалу, когда под нами зияет пропасть?

— Я уже стар, а между тем влезаю на нее, — ответил старик с кротким удивлением, потому что для него, всю жизнь ходившего по этим ступеням, это не представляло никаких затруднений. — Впрочем, — прибавил он, — у меня наверху есть веревка, которой я пользуюсь в очень темные ночи. Я сейчас поднимусь и спущу ее вам.

И он быстро поднялся по ступеням. Было удивительно, как его худые старческие ноги переступали со ступеньки на ступеньку, — так спокойно и легко, точно он поднимался по самой обыкновенной лестнице. Никакая обезьяна не могла бы сравниться с ним в ловкости и бесстрашии. Вскоре он исчез в проломе стены, точно провалился насквозь, снова появился на гребне стены и оттуда спустил толстую веревку, свитую из кожи, крикнув, что она хорошо закреплена. Джейкобу Мейеру так хотелось поскорей добраться до тайника, о котором он грезил день и ночь, что он полез наверх раньше, чем веревка коснулась его рук; тем не менее он вполне благополучно добрался наверх. Усевшись на краю стены, он посоветовал мистеру Клиффорду обвязать конец веревки вокруг талии Бениты, которая в свою очередь полезла вверх.

Это оказалось легче, чем можно было предположить, так как Бенита была очень ловка, к тому же веревка придавала ей уверенность. Вскоре она уже схватила протянутую руку Мейера и благополучно выбралась на безопасное место сквозь амбразуру над верхней ступенькой. Затем веревка была вновь спущена для ее отца, который тоже обвязал ее вокруг себя. Эта предосторожность оказалась вовсе не лишней: когда он находился уже на середине пути, то — или по его неловкости, или просто от страха, вполне естественного для такого пожилого человека, — нога его поскользнулась, и

если бы не веревка, которую держали Молимо и Мейер, то он, по всей вероятности, свалился бы в реку с высоты в несколько сотен футов. Остальную часть пути он проделал благополучно и вскоре добрался до верха, сильно запыхавшийся и очень бледный. Бенита поцеловала его, невольно подумав о том, что она только что подверглась опасности потерять отца и остаться одной с Джейкобом Мейером.

— Все хорошо, что хорошо кончается, дорогая моя, — проговорил он. — Но, честное слово, я начинаю жалеть, что не удовольствовался скромными доходами, получаемыми при разведении лошадей.

Бенита ничего не ответила, так как было поздно сожалеть о чем бы то ни было.

— Посмотрите, как мудры были древние люди, — сказал Мейер, показывая ей, как легко можно было тяжелым камнем, лежавшим тут же, завалить амбразуру, через которую они только что пролезли. Таким образом можно было легко преградить всякий доступ в верхнюю цитадель, так как стена была снабжена карнизом по наружной поверхности, а не по внутренней, как это обычно встречается на старинных крепостных стенах.

— Да, — отвечала она, — мы, по-видимому, будем чувствовать себя в полной безопасности, чему я рада, ибо не чувствую в настоящее время никакого желания проделать обратный путь.

Они смолкли и стали разглядывать место, в котором очутились. Вот что они увидели.

Стена, выстроенная, как и две нижние, из каменных неотесанных и не соединенных известкой глыб, сохранилась изумительно хорошо, потому что ее единственными врагами были зной, тропические дожди да кусты и деревья, которые выросли здесь, раздвинув несколько камней. Стена эта окружала вершину холма, то есть площадь приблизительно в три акра: Кое-где виднелись столбы, каждый примерно в двенадцать футов высоты. Их верхушки были украшены высеченными из камня грубыми изображениями ястребов. Многие из этих колонн упали, вероятно от ударов молнии, и лежали поперек стены или у ее подножия, но некоторые, штук шесть или восемь, все еще были целы.

Впоследствии Бенита узнала, что, по всей вероятности, столбы эти были поставлены финикийцами или другим древним народом, который и возвел эти исполинские укрепления, и что они являлись своеобразным календарем, служившим для точного обозначения различных времен года и месяцев при помощи теней, которые они отбрасывали.

Теперь же она не обратила особого внимания на эти колонны, потому что рассматривала удивительный памятник древности, поднимавшийся на

самом краю пропасти.

Это был огромный конус, о котором говорил ей Роберт Сеймур, высотой в пятьдесят футов или больше, своим видом он напоминал те, которые часто встречаются в развалинах финикийских храмов. Но в данном случае он не был сложен из камня, а представлял собой естественный гигантский гранитный монолит, только отделанный рукой человека. Такие монолиты встречаются в разных местностях Африки, они образуются путем выветривания более мягкой породы вокруг твердого гранитного ядра; миллионы лет работы ветра и непогоды дают такие причудливые формы. С внутренней стороны этого конуса были вырублены удобные ступеньки, по которым можно было легко подняться наверх. Его вершина, имевшая приблизительно шесть футов в диаметре, представляла собой нечто вроде чаши, служившей, по всей вероятности, местом жертвоприношений и молитв. Это необыкновенное сооружение, которое можно было заметить только с другого берега реки, потому что снизу оно заслонялось холмом, было слегка наклонено вперед, так что камень, брошенный с его вершины, попадал прямо в воду.

— На этом месте, — сказал Молимо, — мои предки видели последнюю из португальцев, прекрасную дочь великого вождя Феррейры, которая бросилась отсюда в воду, поручив нам хранить золото, пока она не вернется обратно. Я часто видел и слышал ее во сне, и другие тоже видели ее, но только снизу, с той стороны реки.

Он замолчал, взглянул на Бениту своими странными, мечтательными глазами и вдруг спросил:

— Скажи мне, госпожа, ты ничего не помнишь об этом?

Все это начинало раздражать Бениту, она чувствовала на себе тяготение чего-то чуждого, назойливо вторгавшегося в ее душу.

— Как я могу, — откликнулась она, — вспомнить то, что случилось больше чем двадцать пять лет тому назад?

— Я не знаю, — проговорил Молимо. — Может ли это знать невежественный чернокожий старик, проживший на свете не больше восьмидесяти лет? Поэтому я обращаюсь к тебе, госпожа, и прошу сказать мне, откуда ты произошла. Скажи мне, госпожа, где ты родилась? На земле или на небе? Ты качаешь головой, ты не помнишь? Ну, так и я тоже не помню. Но все же не подлежит сомнению, что непрерывно одно сменяется другим, что все круги где-нибудь сходятся; к тому же португальская девушка сказала, что она вернется когда-нибудь на землю. Наконец, правда и то, что она очень похожа на тебя, она много раз являлась здесь, и я часто видел ее сидящей там при лунном свете, а потому хорошо изучил ее

прекрасную внешность. Тем не менее возможно, что она не вернется больше в своей телесной оболочке, а явится только ее душа. О, госпожа, из твоих глаз она смотрит на меня, и я чувствую ее. Пойдем, — добавил он, резко меняя тон разговора, — спустимся вниз. Раз ты ничего не помнишь, то я многое могу показать тебе. Не бойся, ступеньки эти очень удобны.

Они сошли вниз без всякого труда, так как с этой стороны стена оказалась значительно ниже, и сразу очутились среди густых кустов и прочей растительности. Узенькая тропинка вела отсюда мимо развалившихся построек, назначение которых было уже давно забыто — они обвалились много сотен или тысяч лет тому назад, — к входу в пещеру, помещавшуюся у самого подножия конуса, в тридцати или сорока ярдах от круговой стены.

Тут Молимо приказал им ждать, пока он зажжет лампы внутри. Через пять минут он вернулся и заявил, что все готово.

— Не пугайтесь того, что вы увидите, — прибавил старик. — Вам уже известно, белые люди, что кроме меня и моих предков ни один человек не входил сюда с тех пор, как в нем погибли португальцы. Мы приходили сюда, чтобы молиться и внимать словам великого Мунвали, но никогда не тревожили их покоя.

Все сохранилось в таком виде, как это было вначале. Пойдем, госпожа, пойдем; та девушка, душа которой живет в тебе, последней из белой расы переступила этот порог. Поэтому твоим ногам и ее душе подобает войти туда раньше всех.

Бенита невольно отступила назад, пугаясь этой таинственности.

Но она тотчас овладела собой, не желая выказывать страха в присутствии старого вождя, взялась за протянутую им руку и смело направилась ко входу в пещеру. Двое мужчин последовали за ней, но Молимо остановил их, сказав:

— Так не годится. Девушка должна войти со мной одна: это ее дом, и если она пожелает, то пригласит и вас туда же. Но сперва она должна посетить свой дом одна.

— Ерунда, — проговорил мистер Клиффорд, сердясь. — Я не согласен на это. Она может испугаться!

— Госпожа, веришь ли ты мне? — спросил Молимо.

— Да, — ответила она. — Отец, я думаю, что мне лучше пойти одной. Я уже не боюсь, и мне кажется, что лучше ему не перечить. Вся эта история удивительно странная и необычная, и все-таки я твердо убеждена, что мне следует пойти одной. Если я не вернусь тотчас же, вы можете прийти за мной.

— Все те, кто нарушают сон мертвых, должны входить тихо, тихо, — зашептал старый Молимо нараспев. — Дыхание девушки чисто; шаги ее легки; дыхание девушки не оскорбит умерших; ее шаги не нарушат покоя. Белые люди, не прогневайте мертвых, ибо они всесильны и отомстят вам, когда вы тоже умрете. Это произойдет скоро, очень скоро, когда вы умрете, — умрете в горестях, умрете в грехах и, мертвые, воссоединитесь с мертвецами, покоящимися здесь.

И, продолжая уныло и нараспев говорить, он повел Бениту из света во тьму, от жизни в обитель смерти.

Глава XI. Спящие в подземелье

Как и все прочие входы в этой старой крепости, проход, через который проникали в пещеру, был узким и извилистым. Вероятно, древние устроили его таким образом, желая облегчить возможность защиты. После третьего поворота Бенита увидела свет, струившийся от туземного светильника, зажженного у сводчатого входа в пещеру. В стороне от входа было сделано углубление в форме раковины, вырубленное в скале на высоте трех футов от земли. Вид углубления показался ей знакомым; причина этого вскоре стала ей ясна, хотя в ту самую минуту она не знала, чему это приписать. Пещера по ту сторону сводчатого входа была просторна, высока и носила следы рук человеческих, придавших ей форму, или, вернее, отделавших стены. Здесь, по всей вероятности, древние жрецы помещали своего оракула или приносили жертвы.

Сперва Бенита почти ничего не могла разглядеть, потому что две лампы, заправленные горевшим в них бегемотовым жиром, освещали пещеру крайне скудно. Но ее глаза мало-помалу привыкли к темноте, и, двигаясь вперед, она увидела, что кроме звериной шкуры, на которой Молимо, вероятно, сидел во время молитвы, и нескольких тыквенных бутылок и тарелок, служивших ему для воды и пищи, вся передняя часть пещеры была совершенно пуста. Дальше, в самой середине, помещался какой-то блестящий металлический предмет с двумя рукоятками и колесом, опиравшийся на каменный фундамент и оказавшийся колодецом. В этот колодец выходил могучий ключ, снабжавший водой всю верхнюю крепость.

Позади колодца стоял каменный алтарь в виде обломка конуса или пирамиды, а немного дальше, у самой дальней стены пещеры, Бенита различила при свете лампы, стоявшей на алтаре, колоссальный крест, а на нем грубое изображение Спасителя из белого камня, с терновым венцом на склоненной голове. Теперь Бените все стало ясно. Для чего бы ни предназначалась первоначально эта пещера, было очевидно, что впоследствии ею завладели христиане и водрузили здесь священный символ своей веры, производивший подавляющее впечатление в окружающей его необычайной обстановке. Не подлежало также сомнению, что раковина у входа служила в этой подземной часовне вместилищем для святой воды.

Молимо взял лампу с алтаря, поправил ее фитиль и осветил распятие,

перед которым Бенита, хотя и не была католичкой, склонила голову, осеняя себя крестным знамением, тогда как он с любопытством наблюдал за всеми ее движениями.

Затем он опустил лампу, и она увидела на цементном полу множество закрытых человеческих фигур, которые сначала показались ей спящими. Молимо подошел к одной из них и дотронулся до нее ногой; тогда полотно, которым она была обвита, рассыпалось в пыль, а из-под уничтоженного покрыва выглянул белый человеческий скелет.

Все эти спящие фигуры вкушали невозмутимый покой по крайней мере два столетия. Они лежали на земле попеременно — мужчины, женщины и дети, хотя детей было немного. У некоторых на костях блестели различные украшения, некоторые были в полном вооружении; подле мужчин лежали мечи, копья и ножи и еще какое-то примитивное огнестрельное оружие. Некоторые из них превратились, благодаря окружающему сухому воздуху, в мумии, в безобразные и страшные призраки, от которых она с дрожью спешила отвести глаза.

Молимо провел ее к самому подножию распятия, на ступени которого лежали две человеческие фигуры, тщательно прикрытые покрывами из какой-то тяжелой материи, вытканной из золотых нитей. Макаланга славилась такими тканями в эпоху, когда они впервые соприкоснулись с португальцами.

Молимо приподнял один из этих покрывов, сохранившийся в том виде, каким он был в тот день, когда его соткали, и они увидели лежавших под ним мужчину и женщину. Черты их лиц были неузнаваемы, но волосы, седые у мужчины и черные, как вороново крыло, у женщины, сохранились великолепно.

Было видно, что они занимали высокое положение, так как грудь мужчины была усыпана блестящими орденами, а эфес его шпаги сделан из золота, тогда как кости женщины были украшены драгоценными ожерельями и камнями, а рука ее все еще сжимала книгу в серебряном переплете. Бенита взяла книгу и начала ее рассматривать. Это был молитвенник с превосходными заставками и буквицами, который несчастная женщина перечитывала до тех пор, пока не упала обессиленная и охваченная сном смерти.

— Это вождь Феррейра и его жена, — сказал Молимо. — Их дочь положила их на этом месте, перед тем как уйти навсегда.

По знаку Бениты он снова прикрыл их золотым покрывом.

— Они спят здесь, — продолжал он нараспев, — все сто пятьдесят и еще трое, всего сто пятьдесят три человека. Когда я провожу ночь в этом

месте, то я вижу, как призраки всех этих людей отделяются от их тел и скользят вдоль пещеры — мужья с женами и дети с матерями, — приближаясь, чтобы посмотреть на меня и спросить, когда вернется та девушка, чтобы взять свое наследие и предать их земле.

Бенита вздрогнула. Мрачная торжественность и вся эта сцена подавляли ее, и ей тоже уже начинали мерещиться привидения.

— Довольно, — сказала она. — Уйдем отсюда.

Они пошли к выходу, и умирающий белый Христос на кресте мало-помалу слился в одно пятно, потом совсем исчез в темноте, среди которой Он много поколений охранял покой мертвых, когда-то в отчаянии взывавших к Его милосердию и обливавших Его ноги слезами отчаяния.

Как она была рада, когда они наконец покинули это подземелье, наполненное привидениями, и снова увидели яркий, веселый дневной свет.

— Что ты видела? Что вы видели? — в один голос спросили ее отец и Мейер, заметив ее бледное и испуганное лицо.

Бенита опустила на камень у входа в пещеру, и раньше чем она могла пошевелить губами, старый Молимо уже ответил за нее.

— Девушка видела мертвых. Дух, живущий в ней, навел на мертвецов, покинутых им много лет назад. Девушка воздала хвалу Белому Распятому на кресте, прося у него благословения и прощения, подобно тому как та, другая девушка, душа которой живет в ней, когда-то молилась ему на глазах моих предков, прося у него благословения и прощения, прежде чем броситься со скалы.

Молимо указал на золотой крестик, висевший на шее Бениты и прикрепленный к ожерелью, подаренному ей Тамасом на ферме Роой-Крантц.

— Теперь, — продолжал старик, — чары нарушены, уснувшие должны будут переселиться в другое место. Входите же, белые люди, входите, если не боитесь, и просите прощения и благословения, если вам это доступно; соберите все высохшие кости и возьмите принадлежавшее мертвым сокровище, если вам удастся его найти и победить проклятие, лежащее на нем и на всяком, кто его возьмет, кроме одного человека; сделайте это, если вы можете... если вы можете! Оставайся здесь, девушка, под нежными лучами солнца, а вы, белые люди, идите за мной; сходите за мной во мрак к мертвецам, чтобы искать то, что так любят белые люди!

Он снова скрылся в узком проходе, время от времени оглядываясь и призывая неохотно следовавших за ним путешественников. Теперь, в эту последнюю минуту, какой-то суеверный страх, исходивший от Мамбо, передался им и ясно выразился в их глазах.

Когда мистер Клиффорд снова вышел на воздух и Бенита увидела лицо своего отца, такое же бледное, как и ее собственное, то ей показалось, что прошло всего несколько минут, хотя в действительности истек почти час; все это время она просидела в полуобморочном состоянии, так как чувствовала себя потрясенной до глубины души всеми пережитыми ею впечатлениями.

— Где мистер Мейер? — поинтересовалась она.

— О, о нем не беспокойся: он снимает золотые украшения с несчастных умерших и сгребает их кости в угол пещеры.

У Бениты вырвался невольный крик ужаса.

— Я знаю, как это должно на тебя подействовать, — произнес ее отец. — Но да будет проклят этот человек! Он не испытывает никакого уважения к смерти, хотя и был сперва столь же испуган, как и я сам. Он говорит, что невозможно начинать поиски среди разбросанных повсюду тел и поэтому необходимо убрать их вон, и по возможности скорее. Может быть, он поступил так оттого, что был действительно испуган и хотел побыстрее убедиться, что все это только прах и ничего больше. Бенита, — продолжал мистер Клиффорд, — говоря откровенно, я от всей души жалею, что мы не бросили этой затеи. Я не верю, чтобы это привело к чему-то хорошему, а неприятностей мы испытали уже немало. Этот старый пророк Молимо обладает даром ясновидения или чем-то вроде этого и не скрывает своего мнения; он все время посмеивается про себя в этом ужасном месте и не перестает предсказывать разные несчастья.

— Мне он обещал только хорошее, — возразила Бенита со слабой улыбкой. — Впрочем, я не могу себе представить, чтобы это могло произойти. Если тебе, отец, неприятно это дело, отчего бы не отказаться от него и не попытаться уйти отсюда?

— Теперь уже поздно, дорогая моя, — ответил он взволнованно. — Мейер никогда на это не согласится, а с моей стороны было бы нечестно бросить его. Да и сам я стал бы презирать себя за это всю свою оставшуюся жизнь. К тому же, отчего бы нам и не овладеть золотом, если только его можно найти! Оно никому не принадлежит, и это не будет с нашей стороны ни воровством, ни грабежом; золото ведь не нужно португальцам, умершим двести лет тому назад, а их наследников, если таковые существуют, невозможно отыскать. Для них также не представляет никакой разницы, лежат ли они поодиночке на тех местах, где они умерли и были положены после смерти, или же в одной общей груде в углу пещеры. Все наши страхи не более чем пустые предрассудки, которыми заразил нас этот старый Молимо. Согласна ли ты со мною?

— Да, я думаю, что ты прав, — ответила Бенита, — хотя и допускаю, что на некоторых вещах и местах лежит печать рока. Во всяком случае, мне кажется, что теперь не стоило бы возвращаться назад, даже если бы это и было возможно, и что правильнее довести дело до конца. Дай мне, пожалуйста, бутылку с водой, меня мучает жажда.

Вскоре появился также и Джейкоб Мейер с большим узлом драгоценностей, завернутых в одно из золотых покрывал; узел он тотчас спрятал за камень.

— Теперь пещера стала гораздо чище, — проговорил он, смахивая со своих волос, рук и платья густую пыль, осевшую на нем во время его зловещей работы. Затем он с жадностью принялся пить и спросил:

— Есть ли у вас какой-нибудь план предстоящих поисков?

Они покачали головой.

— Ну, в таком случае у меня есть свой план. Я обдумал его, пока занимался уборкой костей. Вот в чем дело.

Нам не стоит спускаться снова вниз: во-первых, это достаточно рискованное путешествие, занимающее довольно много времени, а во-вторых, мы находимся в гораздо большей безопасности здесь, наверху, где у нас найдется немало дел.

— Но как же будет с едой и сном и со всем прочим? — спросила Бенита.

— Это очень легко уладить, мисс Клиффорд. Мы доставим все сюда. Кафры принесут нам все необходимое к подножию третьей стены, а мы втащим все вещи наверх при помощи веревки. Воды, по-видимому, вполне достаточно в колодце, который питается источником, находящимся на глубине ста пятидесяти футов, а так как старая цепь на колесе уцелела, то нам понадобятся только ведра из фургона. Дров для приготовления пищи здесь сколько угодно. Мы можем расположиться либо в самой пещере, либо на воздухе, в зависимости от погоды. Теперь отдыхайте, а я пока спущусь вниз. Через час я вернусь обратно с самыми необходимыми предметами, и тогда мне понадобится ваша помощь.

Он тотчас ушел, и к вечеру у них было уже все самое нужное, а ко второй ночи, благодаря довольно усиленной работе, они устроились уже более или менее удобно в своем новом необычном жилище. Из парусинового верха фургона они соорудили палатку для Бениты, мужчины же спали невдалеке, под раскидистым деревом. Под другим деревом они устроили кухню; всевозможную провизию, в том числе два ящика вина и изрядный запас солонины, они припрятали вместе с оружием у входа в пещеру. Ежедневно им приносили свежее мясо, которое они поднимали

наверх в корзинах, — это продолжалось до тех пор, пока мяса было достаточно; вместе с мясом им приносили зерно для хлеба и зелень. Вода в колодце оказалась превосходной, и доставать ее было нетрудно. Таким образом, у них не было недостатка в необходимых припасах, и время от времени они разнообразили свой стол всем, что удавалось найти.

Во всех этих приготовлениях старый Молимо принимал самое деятельное участие, не желая, по-видимому, оставить их даже тогда, когда все уже было сделано. По утрам он спускался вниз к своим соплеменникам, но к вечеру неизменно возвращался в пещеру, где он спал в течение многих лет почти каждую ночь или, по крайней мере, несколько раз в неделю, в невеселом обществе мертвых португальцев. Джейкоб Мейер пробовал убедить мистера Клиффорда, будто Молимо шпионит за ними, и предлагал прогнать его. Но Бенита, у которой со стариком установились своеобразные дружеские отношения, энергично запротестовала, доказывая, что они находятся в гораздо большей безопасности в обществе Молимо, служившего им как бы заложником, нежели без него, а также, что его близкое знакомство с местом могло оказать им большую услугу. Таким образом, решено было оставить его в покое, на что он, впрочем, имел полное право.

За все это время не было никаких признаков приближения матабеле. Понемногу страх перед ними стал исчезать, и Бенита, наблюдавшая за окрестностями с вершины конуса, видела, как девять уцелевших волов и две лошади — лошадь Джейкоба Мейера околела, — а также козы и овцы макаланга ежедневно выгонялись на пастбище. Она видела также женщин, работавших на плодородных полях, окружавших нижнюю стену. Тем не менее макаланга держались настороже, а по ночам все спали внутри укреплений. Мужчины не переставали учиться обращению с оружием под руководством Тамаса, ставшего, ввиду преклонного возраста его отца, фактическим вождем всего племени.

Только на четвертое утро, когда все приготовления были закончены, Джейкоб Мейер и Клиффорд принялись за настоящие поиски клад. Прежде всего они расспросили Молимо относительно местонахождения сокровища, надеясь, что даже в том случае, если он не знает точно, где скрыто золото, до него могли дойти от предков какие-нибудь устные предания. Однако, по словам старика, он знал только предание о предсмертных словах португальской девушки, а именно, что клад где-то спрятан, и прибавил, что ему не являлось ни видений, ни снов, имевших отношение к этому вопросу, которым он так мало интересовался. Если клад существовал, то он был где-нибудь здесь; если не существовал, то его не

было здесь, — белые люди могли искать и убедиться в этом.

По каким-то особым соображениям Мейер решил, что золото скрыто или в пещере, или поблизости от нее. Поэтому они начали свои поиски с этого места.

Прежде всего они вспомнили о колодце, куда португальцы могли сбросить свои богатства. Однако удостовериться в этом было чрезвычайно трудно. Обвязав веревкой кусок железа, — это был старый эфес португальской шпаги, они спустили его в колодец и узнали, что он коснулся воды на глубине ста двадцати футов, а дна — на глубине ста сорока семи футов. Следовательно, вода в колодце стояла на высоте двадцати семи футов. Тогда они положили в ведро груз и стали опускать его на дно. Они проделали это несколько раз подряд, и после третьего раза в ведре оказалась человеческая кость и золотое украшение. Но это доказывало только то, что когда-то, может быть тысячу лет тому назад, в колодец упал или был брошен какой-то человек.

Не удовлетворившись этим опытом, Джейкоб Мейер, проявивший полное бесстрашие, решился лично обследовать колодец, — что было совсем нелегко и небезопасно, так как настоящих приспособлений для спуска у них не было, да и не хватало рук, чтобы помогать ему в этом. Поэтому было решено устроить сиденье, которое подвешивалось бы к концу старой железной цепи и спускалось бы в колодец наподобие ведра. Но, как заметила Бенита, и тут могло возникнуть затруднение — могло оказаться слишком трудным поднять его вверх, что поставило бы Мейера в крайне неприятное положение. Поэтому, когда все было готово, они проделали опыт с камнем приблизительно одинакового веса со взрослым человеком, прикрепив его к сиденью. Бенита и ее отец без труда спустили его вниз, но когда пришлось поднимать его, то оказалось, что их сил для этого недостаточно. Трое людей легко справились бы с этой работой, но для двоих это было довольно рискованным предприятием. Когда Мейер пробовал попросить или, вернее, приказать старому Молимо дать ему на помощь нескольких людей, то получил решительный отказ.

Старый вождь привел тысячу оправданий: все мужчины были заняты воинскими учениями и наблюдением за матабеле; они боялись взобраться в верхнюю крепость, и так далее. Наконец Мейер вышел из себя, глаза его засверкали, он начал скрежетать зубами и произносить угрозы.

— Белый человек, — проговорил Молимо, когда он умолк, — это невозможно. Я добросовестно выполнил свой договор. Ищите сами золото, найдите его и берите с собой, если вы можете. Но это место священное, и ни один человек моего племени не может ступить сюда, за исключением

того, кто в данное время занимает должность Молимо. Убейте меня, если хотите, я этого не боюсь. Но если вы меня убьете, они в свою очередь придут и убьют вас.

Увидев, что силой ничего получить не удастся, Мейер сразу переменил тон и спросил, не согласится ли он сам помочь им.

— Я уже стар, и у меня мало сил, — ответил Молимо. — Но я готов держать цепь и сделаю все, что смогу. Но на вашем месте я не стал бы спускаться в этот колодец.

— Тем не менее я сделаю это — и не далее как завтра, — возразил Мейер.

Глава XII. Поиски

На следующий день был проделан первый опыт. Прежде всего испробовали цепь и старинный ворот; оказалось, что и то и другое выдержит требуемую нагрузку. Поэтому Мейеру осталось только сесть на деревянное сиденье с масляной лампой в руках и захватить с собой спички и свечи на случай, если она погаснет. Сделать это было нетрудно, так как у белых имелся большой запас того и другого.

Джейкоб без всякого колебания перелез через край колодца и уселся на сиденье. В эту минуту трое его помощников взяли за рукоятки ворота. Медленно начали они опускать Мейера, медленно исчезало его бледное лицо в черной глубине. Через несколько оборотов ворота работу приостанавливали, давая Мейеру время исследовать стены колодца. Когда он был уже приблизительно на глубине пятидесяти футов, то снова закричал, чтобы они на время прекратили спуск. Они задержали ворот, прислушиваясь к тому, как Мейер стучал по камню стенок своим молотком. В этом месте, ему казалось, была пустота.

Потом он попросил опустить его ниже, они повиновались. Наконец размоталась почти вся цепь, и стало ясно, что Джейкоб уже находится возле самой воды. Наклонившись над краем колодца, Бенита увидела, что светлая звездочка исчезла. Лампа погасла. Казалось, Мейер даже не пытался снова зажечь ее. Клиффорд и Бенита позвали его. Ответа не послышалось. Все трое начали поворачивать ворот в обратном направлении. Они напрягали все силы и страшно утомились, когда наконец появился Джейкоб. Сперва им показалось, что Мейер умер, что, вероятно, и случилось бы, не привяжи он себя к цепи, так как он давно уже впал в глубокий обморок. Мейер почти соскользнул со своего сиденья, по обеим сторонам которого бессильно свисали его ноги. Он держался только на привязанных к цепи прочных ремнях, которые обхватывали его под мышками.

Они стали приводить его в чувство и обливать ему лицо водой, пока, к величайшему их облегчению, он не начал жадно глотать воздух и не пришел в себя настолько, что можно было наконец полувывести, полувynesсти его на свежий воздух.

— Что с вами случилось? — спросил Клиффорд.

— Я отравился газами... вероятно, — ответил Мейер и застонал, чувствуя жестокую головную боль. — В глубоких колодцах часто бывает

испорченный воздух, но я ничего не чувствовал, пока сознание не покинуло меня. Еще немного, и все было бы кончено, все было бы кончено...

Впоследствии, когда Джейкоб несколько пришел в себя, он рассказал им, что в одном месте, уже на порядочной глубине, ему показалось, будто в скале вырублено углубление размерами шесть футов на четыре, в которое затем при помощи извести или цемента вставили камень другой породы. Чуть ниже находились небольшие впадины, в которых сохранились концы бревен, указывавшие на то, что здесь когда-то был настил или площадка. В то время как Мейер рассматривал гнилые остатки бревен, он вдруг потерял сознание. Он добавил, что, по его мнению, это могло быть входом в то место, где лежало золото.

— Если это так, — заметил мистер Клиффорд, — то оно может оставаться там навеки, охраняемое отравленным воздухом. Кроме того, почти во всех колодцах устраивают подобные настилы для предохранения воды от падающего сверху мусора. Что же касается вставленного в стену камня, который вы видели, то, вероятно, это было сделано, чтобы починить стену или помешать колодцу обрушиться.

— Надеюсь, что так, — ответил Мейер, — потому что сам я решусь еще раз спуститься туда только в том случае, если воздух там хорошенько очистится; судить же об этом можно, только попробовав его на себе, хотя можно кое-что узнать и при помощи фонаря, спущенного на веревке.

Этим закончилась их первая попытка. Поиски возобновились только на следующий день, когда Мейер почувствовал себя уже достаточно оправившимся от последствий своего отравления и от боли, причиненной ему трением веревок. С этого дня Бенита, близко наблюдавшая за этим человеком, имея на это особые причины, заметила значительную и все увеличивающуюся перемену в его поведении. До сих пор он всегда казался человеком крайне сдержанным и полным самообладания. Если она и знала о нем некоторые вещи противоположного характера, то исключительно только на основании собственных догадок или выводов, а вовсе не потому, что он когда-нибудь высказался. Только дважды он открыл ей душу: во время их разговора на берегу озера Кристи в день прибытия гонцов Молимо, когда он обнаружил перед ней свою страстную жажду богатства и власти, и совсем недавно, когда он убил посланного матабеле. Тем не менее она была уверена, что в нем таятся бурные и непокорные страсти, что его внешнее спокойствие похоже на ледяной покров, скрывающий стремительный поток, несущийся в неведомую даль. Зловещие огоньки, вспыхивавшие в его темных глазах, говорили ей яснее слов, даже когда его бледное лицо оставалось неподвижным.

Ей были памятливы те минуты, когда он стал приходить в себя после обморока; тогда с его уст сорвались какие-то слова на немецком языке, который она понимала очень плохо, но ей почудилось, будто он произнес ее имя наряду с ласкательными эпитетами. С этого дня он стал менее осторожен, или, что вернее, он начинал понемногу терять самообладание. Он возбуждался без всякого повода, все время начинал рассказывать, что станет делать после того, как они найдут золото, как он отомстит всем тем, кто заставлял его страдать, и как он сделается настоящим некоронованным королем.

— Я боюсь, что это исключительное положение создаст вокруг вас пустоту одиночества, при всем вашем высоком положении, — проговорила Бенита с беспечным смехом. Но она тотчас пожалела о своих словах. Он поглядел на нее особенным, неприятным ей взглядом и сказал:

— О нет! Я буду не один, со мной будет прекрасная подруга, которой я дам богатства, которую я осыплю драгоценностями и окружу любовью и поклонением.

— Какая счастливая женщина! — воскликнула Бенита, продолжая смеяться, но поспешила воспользоваться первым предлогом, чтобы поскорее уйти.

Иногда, особенно по вечерам, после наступления темноты, он начинал ходить взад и вперед перед пещерой, разговаривая сам с собою и распевая своим звучным голосом какие-то старые немецкие песни. Он также часто влезал на гранитный конус, подолгу сидел там и звал ее, приглашая разделить с ним его «трон». Впрочем, это были отдельные вспышки, которых ее отец, ставший, по мнению Бениты, за последнее время гораздо менее наблюдательным, вовсе не замечал. Во всем же остальном его поведение ничуть не изменилось.

Так как о дальнейших поисках в колодце нельзя было и думать, их следующей задачей было тщательно осмотреть часовню в пещере. Они дюйм за дюймом исследовали ее стены, колотя по ним молотком и прислушиваясь к звуку в надежде наткнуться на пустое место, но это не привело ни к каким результатам. Осмотрели также алтарь, но оказалось, что он высечен из цельного куска гранита. При помощи устроенной ими лестницы они оглядели распятие и убедились, что белая фигура на кресте была сделана из какой-то языческой статуи, потому что на спине сохранились остатки драпировавшей ее ткани, а на голове были длинные волосы, которые художник не нашел нужным уничтожить. Они заметили, что руки были приставлены отдельно и сделаны из какого-то другого камня, а также что изображение покоилось всей своей тяжестью на

железной скобе, подпиравшей туловище, отчасти же поддерживалось крепкой медной проволокой, которая была скручена наподобие веревки, выкрашена в белую краску и обмотана вокруг кистей. Эта проволока проходила сквозь отверстия в граните, в поперечнике креста, который был высечен в крепкой каменистой стене.

Любопытно, что осмотр креста был предоставлен мистеру Клиффорду и Бените, так как Джейкобу Мейеру, по-видимому, было неприятно браться за это дело. Человек, открыто не признававший никакой религии, он тем не менее как будто побаивался этого символа христианской веры, приносившего, по его словам, только несчастья; хотя это и не помешало ему без колебаний и без угрызений совести ограбить и осквернить мертвых, лежавших у подножия креста.

Осмотр распятия ничего им не дал. Но в ту минуту, когда мистер Клиффорд с фонарем в руке спускался с лестницы, которую держала Бенита, Джейкоб Мейер, стоявший против алтаря, с волнением крикнул, что он нашел нечто интересное.

— В таком случае вам повезло больше, чем нам, — проговорил мистер Клиффорд, опуская на землю лестницу и торопливо направляясь к нему.

Мейер в это время выстукивал пол деревянным шестом — дело, за которое он взялся после того, как убедился в бесплодности исследования стен.

— Слушайте, — сказал он и ударил тяжелым шестом немного справа от алтаря, отчего раздался твердый, ясный звук, обычно издаваемый цельным камнем. Затем он придвинулся и ударил перед самым алтарем, но на этот раз звук был глухой и вибрирующий. Он повторил этот опыт несколько раз подряд, пока они не выяснили в точности, где кончается цельный камень и где начинается место, казавшееся им пустым. Оно занимало квадратное пространство со стороной футов в восемь.

— Мы нашли его. Это вход в то место, где лежит золото, — с торжеством сказал Джейкоб, и остальные были, по-видимому, готовы согласиться с ним.

Оставалось только подтвердить теорию практикой, что представляло немало затруднений. На это потребовалось три дня тяжелой и упорной работы. Не надо забывать, что весь пол пещеры был покрыт цементом, притом очень крепким, в состав которого в большом количестве входил измельченный гранит, так что проломить его было очень трудно. Наконец при помощи стального лома, привезенного с собой в фургоне, им удалось это сделать, и внизу открылся камень. Тем временем Бенита, сильно сомневавшаяся, чтобы золото оказалось в этом месте, так как несчастные

умирающие португалыцы не имели ни достаточно времени, ни сил, чтобы залить его цементом, поведала о своих сомнениях отцу и его компаньону. Но Мейер, убежденный, что он напал на настоящий след, возразил, что это было, по всей вероятности, сделано впоследствии макаланга, как известно, унаследовавшими от своих предков премудрости строительного искусства, которым они славились до позднейших времен, пока матабеле не начали избивать их.

Когда наконец весь цемент был удален, а мусор тщательно выметен, то обнаружилось, что в пол вставлен огромный многотонный камень. Он был залит цементом, и поднять его, даже если бы они сумели приспособить необходимые рычаги, было совершенно немыслимо. Оставался только один путь — попытаться пробить его насквозь. Проработав много часов, им удалось сделать лишь небольшое углубление около шести дюймов. Тогда мистер Клиффорд, старые кости которого сильно ныли, а руки болели, предложил попробовать взорвать камень порохом. Они насыпали в сделанное ими углубление целый фунт этого взрывчатого вещества, замазали его влажной глиной и привалили сверху тяжелым камнем, оставив только небольшое отверстие для самодельного фитиля из хлопчатобумажных ниток. Когда все было готово, фитиль подожгли, затем вышли из пещеры и стали ждать.

Через пять минут до их слуха донесся глухой звук взрыва, после чего им больше часа пришлось ждать, когда рассеется дым и можно будет войти в пещеру. Тут их ждало полное разочарование. Оказалось, что результаты обманули их ожидания. Во-первых, камень только треснул, а не раскололся, так как сила пороха была направлена не вниз, а вверх, как случилось бы, используя они динамит; но динамита у них не было. Кроме того, вследствие ли удара тяжелого камня, закрывавшего отверстие с порохом, о потолок пещеры, либо от сотрясения воздуха, но только на пол свалилось много очень тяжелых каменных обломков, и повсюду в стенах образовались широкие и зловещие трещины. Бенита также заметила, или ей только так показалось, что большая белая фигура на кресте наклонилась вперед, чего не было до взрыва. Но она не нашла нужным поделиться с другими этим впечатлением. Таким образом и эта их попытка окончилась неудачей; зато им пришлось убрать большое количество обломков, упавших сверху на пол; плита же, по-видимому, осталась такой же несокрушимой, как и до взрыва.

Итак, оставалось лишь снова продолжать работать ломом. К вечеру третьего дня, когда двое мужчин были уже окончательно измучены непрерывной работой, им наконец удалось проделать сквозное отверстие,

давшее им возможность убедиться, что внизу находится пустота. Мистер Клиффорд, не говоря уже о Бените, которой сильно надоела эта затея, предложил отдохнуть до следующего утра, но

Джейкоб Мейер ни за что на это не соглашался. Поэтому они продолжали работать до одиннадцати часов вечера и пробили отверстие достаточно широкое, чтобы в него мог пролезть взрослый человек. Тогда они спустили вниз, подобно тому как сделали при исследовании колодца, камень, привязанный к веревке, и убедились, что пространство внизу имеет глубину не более восьми футов. Затем для проверки состояния воздуха была спущена свечка, которая начала было гаснуть, но потом горела довольно хорошо. Покончив с этими предосторожностями, они принесли лестницу, по которой Джейкоб Мейер стал спускаться с фонарем в руке.

Через минуту до Бениты и Клиффорда донеслись сквозь отверстие громкие проклятья на немецком языке. Мистер Клиффорд спросил, в чем дело, и услышал в ответ, что Мейер находится в могиле, совершенно пустой, если не считать «проклятого мертвого монаха». При этом сообщении Бенита не смогла удержаться и разразилась громким смехом.

В конце концов они с отцом тоже спустились вниз и увидели останки старого миссионера в монашеском одеянии, с распятием из слоновой кости на шее и со свитком на груди. В этом свитке значилось, что он, Марко, родившийся в Лиссабоне в 1438 году, умер в Бамбатсе в 1503 году, проработав семнадцать лет в империи Момотапа, испытав всевозможные невзгоды и обратив многие души ко Христу. Тут же добавлялось, что до вступления в монашество он был скульптором и что изображение на кресте часовни было сделано его рукой из статуи языческой богини, стоявшей на том же месте с незапамятных времен. Надпись заканчивалась просьбой, чтобы все те, кому вскоре предстоит последовать за ним, молились бы за его душу и не тревожили его праха, покоившегося на этом месте в ожидании благословенного воскресения.

Когда эта надпись с просьбой в конце была переведена мистером Клиффордом, еще сохранившим в памяти кое-что из школьной латыни, Джейкоб Мейер с трудом удержался от площадной брани. Поглядывая на свои окровавленные руки, которые он изранил, работая с таким усердием, чтобы добраться до останков миссионера, Джейкоб бесцеремонно сбросил с места кости, желая удостовериться, нет ли под ними ступеней вниз.

— Право, мистер Мейер, — сказала Бенита, которая, несмотря на всю торжественность окружающей обстановки, не могла удержаться от насмешливого замечания, — если вы будете так непочтительны к покойникам, призраки всех этих людей будут являться сюда.

— Пусть попробуют! — в бешенстве ответил он. — Я не верю в призраки, я плюю на них!

В ту же секунду Бенита подняла голову и увидела какую-то фигуру, отделившуюся от окружавшего их мрака и вступившую в освещенный круг. Она невольно вздрогнула: все произошло так неожиданно и незаметно, словно появилось одно из тех привидений, в которых не верил Мейер. На самом деле это оказался старый Молимо, часто приходивший к ним таким образом.

— Что сказал белый человек? — спросил он у Бениты, обводя задумчивым взглядом троих присутствующих через отверстие во вскрытой ими могиле.

— Он говорит, что не верит в привидения, — ответила она.

— Белый золотоискатель не верит в привидения, — повторил Молимо своим певучим голосом. — Он не верит в духов, которых я даже сейчас вижу вокруг себя, разгневанных духов умерших людей, которые разговаривают между собой о том, где он будет лежать и что с ним произойдет после его смерти, а также о том, как они примут того, кто нарушает их покой и посылает им проклятия в своем стремлении найти золото, которое он так сильно любит. Возле него стоит один из духов, в длинном коричневом платье и с изображением мертвого человека из слоновой кости, похожим на это, — Молимо указал на костяное распятие в руке Джейкоба. — Он держит человека из слоновой кости над своей головой и угрожает белому человеку долгими бессонными столетиями страданий, когда он в свою очередь превратится в одного из духов, в которых он не верит теперь.

При этих словах Мейер пришел в ярость. Он повернулся к Молимо и осыпал его бранью на наречии макаланга, упрекая его в том, что он отлично знает, где зарыт клад. Он требовал от старика указаний относительно этого места, обещая в противном случае убить его и таким образом отправить к его приятелям-духам. Он выглядел настолько злым и взбешенным, что Бенита невольно отпрянула от него, тогда как мистер Клиффорд тщетно пытался успокоить своего компаньона. Но хотя Джейкоб схватился было за нож, висевший у него за поясом, и двинулся к старику, Молимо не сдвинулся со своего места ни на дюйм, не проявив ни малейших признаков страха.

— Пусть он даст волю своему бешенству, — проговорил старик, когда Мейер наконец замолчал. — Так иногда во время бури сверкают молнии и гремит гром, а вспененная вода струится по лицу скал. Но вот появляется солнце, а скала стоит на прежнем месте, и только буря, истратившая свои

силы, куда-то исчезла. Я скала, а он только ветер, молния и дождь. Ему не дозволено причинить мне зло, но духи, в которых он не верит, собирают его проклятия, чтобы потом осыпать ими его голову, словно осколками камней.

Окинув Джейкоба Мейера презрительным взглядом, старый Молимо повернулся и скрылся в темноте, из которой он так внезапно появился.

Глава XIII. Бенита готовится к бегству

На следующее утро Бенита, занимавшаяся приготовлением завтрака, увидела Джейкоба Мейера, сидевшего поодаль на камне с угрюмым, недовольным видом. Он опирался подбородком на руку и все время следил за нею, ни на секунду не отводя взгляда от ее лица. Бенита ясно чувствовала, что он сосредоточил на ней всю свою силу воли и что его мысли заняты какой-то новой идеей, касающейся ее. Она сознавала, что, к своему несчастью, обладает силой проникновения в самую глубину мыслей этого человека. Хотя она его и презирала, она не могла не чувствовать каких-то странных уз, связывавших их.

Не следует забывать, что в ночь их первой встречи на хребте Леопардова ущелья Джейкоб сразу назвал ее «существом, способным к внушению», и Бенита почувствовала, что между ними установилась какая-то странная духовная близость. С этого момента ее никогда не покидало стремление воздвигнуть преграду между их душами и по возможности отдалить его от себя. Однако до сих пор ей не всегда удавалось этого достигнуть.

Наклоняясь над огнем очага Бенита все время чувствовала на себе тяжелый взгляд черных глаз Джейкоба, который неотступно следил за каждым ее движением. Это переполняло ее и страхом, и отвращением.

Вдруг у нее созрел неожиданный план: она решила уговорить отца немедленно уехать вместе с ней.

Без сомнения, подобная попытка представляла большие опасности. Хотя о матабеле пока ничего не было слышно, они могли оказаться где-нибудь поблизости. К тому же волы, которые должны были везти фургон, в равной степени принадлежали мистеру Клиффорду и его компаньону, а следовательно, должны были остаться у Мейера. Тем не менее в их распоряжении еще оставались две лошади, которые, по словам Молимо, были вполне здоровы и даже начинали жиреть. В это время Мейер встал и заговорил с Бенитой.

— О чем вы думаете, мисс Клиффорд? — спросил он своим мягким голосом с иностранным акцентом.

Она вздрогнула, но тотчас ответила:

— Я думаю о сырых дровах и о жарком из козлятины, которые начинают подгорать. Разве вам не надоела козлятина, мистер Мейер? — добавила она.

Но он оставил ее вопрос без ответа

— Вы такая хорошая, — сказал он. — О! Я действительно так думаю. Вы такая хорошая, что вам не следовало унижаться даже до маленькой лжи. Дрова вовсе не сырые, я сам нарубил их из сухого дерева, а жаркое нисколько не подгорело; к тому же вы не думали ни о том, ни о другом. Ведь вы думали обо мне, так же как и я думал о вас! Но сейчас я не мог угадать, что было у вас в мыслях, поэтому-то я и спрашиваю вас.

— Право, мистер Мейер, — вспыхнув, ответила Бенита, — мне кажется, что мои мысли принадлежат только мне.

— Вы так полагаете? Ну а я придерживаюсь иного мнения и считаю, что, благодаря особому свойству, которым природа наградила каждого из нас, ваши мысли принадлежат мне, а мои — вам.

— Я совершенно не нуждаюсь в подобных дарах природы, — ответила Бенита, но, несмотря на все ее желание, она не могла заставить себя солгать, не могла отрицать существования между ними этой ужасной тайной связи.

— Я очень сожалею об этом, так как сильно дорожу этим свойством; оно представляет для меня большую ценность, чем все золото, которое мы могли бы найти, так как приближает меня к вам, мисс Клиффорд.

Она быстро повернулась и хотела уйти, но Мейер удержал ее движением руки и продолжал:

— О! Не сердитесь и не думайте, что я буду надоедать вам нежными речами. Я не буду этого делать до тех пор, — а я думаю, что настанет такое время, — пока вы не захотите меня выслушать. Но я хочу указать вам на одно обстоятельство, мисс Клиффорд. Разве вас не удивляет, что между вашим и моим умом существует такая странная связь, и не думаете ли вы, что это должно привести к какой-нибудь цели? Если бы я, как вы, был верующим, я сказал бы, что в нас живет сила, исходящая свыше. Нет, нет, не возражайте мне, что она могла бы исходить и снизу. Я без труда читаю ответ по вашему лицу: это возражение слишком просто и очевидно. Я удовольствуюсь замечанием, что эта сила вызвана природным инстинктом — или, если хотите, волей судьбы, указывающей нам путь, по которому мы можем следовать вместе к какой-то великой цели.

— Я иду по своему пути самостоятельно, мистер Мейер.

— Знаю, знаю, в этом-то и беда. Как жаль, что мужчины и женщины, даже если их связывает любовь, ни в одном из миллиона случаев не понимают друг друга. Их глаза стремятся встретиться, их руки и уста соединяются, и все же они остаются людьми чужими, нередко совершенно противоположного характера. Тут не может быть общения душ. Но когда

случается иначе, когда они дополняют друг друга, как если бы были изваяны из одного камня, — о! сколько перед ними открывается счастья и силы!

— Очень возможно, мистер Мейер, только, говоря откровенно, этот вопрос меня вовсе не интересует.

— Пока не интересует, но я уверен, что настанет день, когда это случится. Кстати, я должен извиниться перед вами. Вчера вечером я вышел из себя в вашем присутствии, но вы не должны судить меня слишком строго, ведь я был совсем измучен, а тут еще и этот старый идиот со своими рассказами о привидениях, в которых я не верю.

— Если не верите, почему же вы так рассердились? Ведь вы могли бы отнестись с пренебрежением ко всем этим вещам, но не поступать так, как вы поступили.

— Честное слово, я не знаю почему! Но я полагаю, что всякий из нас боится, как бы его не вынудили признать то, чего он не желает признавать. Эта крепость с ее остатками старины действует на нервы, мисс Клиффорд, — и на ваши, равно как и на мои. Я могу быть с вами откровенным по этому поводу, так как уверен, что вы меня понимаете. Подумайте обо всем, что связано с этим местом; вспомните обо всех преступлениях, много веков совершавшихся здесь, обо всех страданиях, которые в этом месте терпели люди! В этой пещере или возле нее, без сомнения, приносились человеческие жертвы; на том месте на скале, где остался выжженный круг, наверняка раскладывали жертвенные костры. А затем эти португальцы, умиравшие от голода, умиравшие медленной, голодной смертью под взорами нескольких тысяч дикарей, наблюдавших за ними со всех сторон... Задумывались ли вы когда-нибудь над всем этим? Впрочем, вы, конечно, задумывались, так как вы, подобно мне, одарены проклятым воображением. Царь Небесный! Что тут удивительного, что нервы расшатываются, в особенности когда не можешь найти того, чего ищешь, того огромного сокровища, — при этих словах на лице Мейера отразился величайший восторг, — которое будет принадлежать вам и мне и даст нам величие и счастье!

— Но которое пока что превратило меня в судомойку и сделало крайне несчастной, — бодрым тоном ответила Бенита, с радостью заслышав шаги своего отца. — Не говорите больше о кладе, мистер Мейер, иначе мы поссоримся. Достаточно, что мы думаем о нем во время работы, когда ищем его. Подайте мне лучше тарелку! Наконец-то жаркое готово.

Тем не менее Бените не удалось отделаться от разговоров о золоте, так как после завтрака снова начались бесконечные, ни к чему не приводившие

поиски. Снова была обследована пещера, причем в полу обнаружили новые пустоты, которыми и занялись двое мужчин. После тяжких трудов, длившихся немало дней, им удалось проникнуть в три отверстия, также оказавшиеся, подобно первому, могилами, но могилами людей, умерших, вероятно, еще до Рождества Христова. Они лежали на боку, с костями, обожженными горячим цементом, которым их заливали, с золотыми посохами, с золотыми же набалдашниками; их черепа покоились на деревянных позолоченных подушках, таких, какие использовались египтянами при погребении; на руках и ногах виднелись золотые браслеты, вокруг лежали слитки золота, выпавшие из истлевших кошельков, которые висели когда-то у пояса. Тут же стояли глиняные сосуды, покрытые глазурью, в которые клались приношения, а иногда и золотой песок, который использовался для уплаты за долгое путешествие на тот свет.

Все эти предметы сами по себе представляли немалую ценность. Так, из одной только могилы они получили сто тридцать унций золота, не говоря уже об огромном научном интересе, который представляли такие археологические раскопки. И все же это было не то, что им было нужно. Они искали золото Мономотапы, которое португальцы принесли с собой и зарыли в своем последнем убежище.

Бенита совершенно перестала интересоваться поисками. Она не захотела даже пойти посмотреть на третий из найденных скелетов, хотя он принадлежал великану, который, судя по количеству слитков золота, положенных в его могилу, был, вероятно, при жизни весьма значительной особой.

Ей не хотелось больше видеть ни человеческих костей, ни старинных бус и колец. Ей доставило бы в тысячу раз большее удовольствие очутиться на окутанной туманом лондонской улице, перед витриной магазина игрушек, чем среди всех этих древностей, которые привели бы в неописуемый восторг добрую половину европейских ученых.

Она только желала как можно скорее покинуть Бамбатсе с его удивительной крепостью, с его таинственной пещерой и конусом, с его мертвецами, а также — и Джейкоба Мейера!

Бенита стояла на краю стены, окружавшей ее темницу, и с тоской смотрела на широкое открытое пространство, начинавшееся от подножия холма. Вскоре она забралась по ступеням лестницы, которая вела на вершину огромного гранитного конуса, и уселась на площадке, представлявшей собой углубление в виде чаши, откуда Джейкоб Мейер звал ее к себе, предлагая разделить с ним его трон. Это было страшное место, вызывавшее головокружение. Конус наклонялся вперед, и его

вершина, выступавшая за неровные края скалы, висела над самой рекой Замбези, над пропастью в четыреста футов. Поначалу эта высота вызывала у нее некоторую дурноту. Перед ее глазами стоял туман, по спине пробежала неприятная дрожь, и она с радостью опустилась на площадку, с удовольствием сознавая, что отсюда невозможно было упасть. Мало-помалу, однако, она совладала со своими нервами и принялась рассматривать открывавшийся перед нею великолепный вид с протекавшей внизу рекой, с обширными болотами и с отдаленными холмами.

Она пришла сюда с намерением выяснить, возможно ли было бежать вниз по реке в туземных лодках, какие использовались макаланга для рыбной ловли или для переправы на другой берег реки. Но она убедилась, что это неисполнимо: хотя течение под цитаделью и было спокойное, но милей ниже начинались пороги, которые тянулись, насколько хватало глаз; вдобавок берега реки в этом месте были скалисты и неприступны, а вверх поросли густым лесом, через который было немыслимо волочить лодки, даже если бы у них нашлись носильщики. Об этом она, правда, уже слышала от Молимо, но, зная его робкий характер, сочла нужным убедиться воочию. Вывод ее был таков, что если им придется бежать, то только на лошадях.

Спустившись с конуса, Бенита отправилась искать отца, которому она до сих пор ничего не говорила о своих планах. Момент был подходящий: она знала, что в данную минуту старик был один. По счастливой случайности, Мейер в этот день отправился вниз, чтобы попытаться убедить макаланга дать ему десять-двенадцать человек для помощи при раскопках. Хотя Молимо один раз уже отказал ему в подобной просьбе, но Мейер был не такой человек, чтобы так просто отступить от своих намерений; он полагал, что если удастся увидеть Тамаса или других предводителей макаланга, то он сможет при помощи подкупа, угроз или каким-нибудь иным способом заставить их забыть все суеверные страхи и получить от них помощь. Само собой разумеется, что он и тут потерпел полную неудачу: все они заявили ему, что им запрещено входить в священное место под страхом смерти и что в случае неповиновения их неминуемо должна постичь Небесная Кара; в таком случае их племя было бы окончательно уничтожено — со всеми его корнями и ветвями.

Мистер Клиффорд, на здоровье которого начинало заметно сказываться утомление от ежедневной тяжелой работы, воспользовался отсутствием своего компаньона, чтобы немножко поспать в хижине, которую они выстроили для себя под раскидистыми ветвями баобаба. В ту минуту, когда Бенита подходила к хижине, он, зевая, вышел оттуда и

спросил дочь, где она была. Бенита ответила.

— Неприятное место, — заметил он. — Я ни разу не решился на него взобраться. Что ты там делала?

— Я хотела воспользоваться отсутствием мистера Мейера, чтобы осмотреть реку. Если бы он увидел меня, то тут же разгадал бы мои намерения. Боюсь, что он и так догадывается.

— Для чего ты осматривала реку, Бенита?

— Я хотела выяснить, возможно ли бежать вниз по реке в лодке. Но это немыслимо. Ниже начинаются быстрины, а по обеим сторонам тянутся скалистые горы, покрытые сплошным лесом.

— А зачем тебе это? — спросил он, пристально и с любопытством глядя на дочь.

— Я хочу бежать по многим причинам, — горячо ответила она. — Я ненавижу это место... это самая настоящая тюрьма, и мне противно самое слово «золото». И потом... — и она замолчала.

— Что потом, дорогая?

— И потом, — ответила она, понижая голос до шепота, словно боялась, что Мейер услышит ее даже с подножия холма, — я также боюсь мистера Мейера...

Признание дочери, по-видимому, не удивило старика, он только кивнул головой и сказал:

— Продолжай же.

— Отец, мне кажется, что он сходит с ума; сознайся, что для нас не слишком приятно жить в полном одиночестве, в обществе умалишенного, особенно когда он начинает разговаривать со мной так, как говорит теперь.

— Не хочешь ли ты сказать, что он был дерзок с тобой? — вспыхнув, спросил старик. — Если так, то...

— Нет, не дерзок, до этого еще не дошло. — Тут она рассказала отцу обо всем, что произошло между нею и мистером Мейером, добавив: — Ты понимаешь, отец, что я ненавижу этого человека; я не желаю иметь дела ни с одним мужчиной; все это для меня кончено и забыто. — Она замолчала, и из ее груди вырвалось рыдание. — А между тем он начинает приобретать надо мной какую-то непонятную власть. Он следит за мной взглядом, заглядывая в душу, и я чувствую, что скоро он начнет читать мои мысли. Я больше не в силах выносить этого. Отец, отец, ради Бога, увези меня с этого ненавистного холма со всем его золотом и мертвецами; давай вернемся в наш вельд!

— Я бы охотно сделал это, дорогая моя, — ответил мистер Клиффорд. — С меня довольно этой погони за золотом, которой я имел глупость

увлечься, желая разбогатеть. Я уже начинаю думать, что если эта история продлится еще некоторое время, то я сложу здесь свои старые кости.

— А если бы действительно случилось такое ужасное несчастье, то что же я стала бы делать совершенно одна с Джейкобом Мейером? — спокойно спросила она. — Я, пожалуй, кончила бы так же, как та несчастная португальская девушка двести лет тому назад! — добавила она, указывая на гранитный конус.

— Ради Бога, не говори таких вещей! — воскликнул мистер Клиффорд.

— Отчего же? Следует смотреть правде в глаза. К тому же лучше смерть, чем Джейкоб Мейер. Ведь кто защитил бы меня здесь?

Мистер Клиффорд стал ходить взад и вперед, а его дочь следила за ним с беспокойством.

— Я не вижу выхода, — проговорил он, останавливаясь перед нею. — Мы не можем взять фургон, даже если для этого у нас окажется достаточное количество волов; фургон принадлежит ему так же, как и мне, и я полностью уверен, что он ни за что не оставит своего клада, — для этого пришлось бы увезти его силой.

— Я надеюсь, что он не оставит его. Но, отец, ведь лошади принадлежат нам, ты же знаешь, что околела его лошадь. Так что мы можем спокойно на них уехать.

Он с удивлением посмотрел на нее.

— Да, мы можем уехать, но на верную смерть! Представь себе, что лошади могут устать или захромать, что мы можем встретить матабеле и не найти никакой дичи, которую могли бы подстрелить, что один из нас заболеет, да и тысячу всяких других случайностей. Что же тогда?

— Тогда... тогда мы погибнем в пути точно так же, как и здесь, где для этого имеется, пожалуй, даже больше шансов. Мы должны рискнуть, полагаясь на Бога. Может быть, Он сжалится над нами и поможет нам. Послушай, отец. Завтра воскресенье — день, в который мы с тобой не работаем. Мейер, не верящий в Господа, не захочет потерять воскресного дня. Так вот, я скажу, что мне нужно спуститься к первой стене, чтобы достать из фургона необходимую мне одежду и отдать некоторые вещи в стирку туземным женщинам. Ты же, конечно, отправишься со мной. Я надеюсь, что нам удастся провести его и он останется здесь, тем более что сегодня он сам спускался вниз. Это позволит нам взять лошадей, ружья, патроны и необходимую провизию и убедить старого Молимо открыть нам ворота. Я говорю о запасном выходе в стене, который не виден отсюда. Таким образом, прежде чем мистер Мейер спохватится и станет

разыскивать нас, мы будем уже милях в двадцати отсюда. К тому же пеший человек не в силах угнаться за лошадьми!

— Он скажет, что мы его бросили, и будет совершенно прав.

— Ты можешь оставить у старого Молимо письмо, в котором объяснишь ему, что все произошло по моей вине, что я заболела и боялась умереть, что ты считаешь нечестным увезти его с собой, тем самым лишив его клада, который будет принадлежать ему до последнего пенни, если только таковой отыщется. О отец, решайся, скажи, что ты увезешь меня от мистера Мейера!

— Хорошо, пусть будет по-твоему, — ответил мистер Клиффорд. В ту же секунду они услышали шаги и, обернувшись, увидели приближавшегося к ним Джейкоба.

По счастью, он был до такой степени занят собственными мыслями, что не заметил их смущенных лиц, и они успели взять себя в руки. И все же он посмотрел на них с некоторой подозрительностью.

— О чем это вы так серьезно толковали? — спросил он.

— Мы рассуждали о том, удастся ли вам уговорить макаланга прийти в святилище, — находчиво ответила Бенита. — А также, сможете ли вы победить их страх перед духами. Что ж, удалось вам?

— Нет, — ответил он хмурясь. — Духи — наши главные враги в этой крепости. Эти трусы поклялись, что они скорее умрут, чем решатся с ними встретиться. Мне бы очень хотелось поймать их на слове и превратить их самих в духов. Но я вовремя спохватился и не сделал этого. Не беспокойтесь, мисс Клиффорд, я ни на секунду не потерял самообладания — по крайней мере, ничем не проявил своих чувств. Так как они не желают помочь нам, то надо еще усерднее взяться за работу. Я придумал другой план, и завтра мы начнем все сначала.

— Только не завтра, — с улыбкой возразила Бенита. — Завтра воскресенье, а вы знаете, что в этот день мы всегда отдыхаем.

— О, я забыл об этом! Макаланга со своими духами или вы с вашими воскресеньями — право, я не знаю, что хуже. Ну, в таком случае мне придется поработать не только за себя, но и за вас.

С этими словами Мейер пожал плечами и удалился.

Глава XIV. Побег

На следующее утро Мейер принялся за выполнение своего плана. Бенита даже не старалась узнать, в чем он заключался, хотя и слышала краем уха, что Мейер собирался разбить всю пещеру на равные квадраты для более систематического исследования каждого из них. В полдень он вышел к обеду и за столом заметил, что работать внизу в полном одиночестве совсем не весело и что он с нетерпением ждет, когда наступит понедельник и мисс Клиффорд с отцом присоединятся к нему. Эти слова сильно смутили мистера Клиффорда, и даже сама Бенита почувствовала некоторые угрызения совести.

Она задумалась над тем, что он должен почувствовать, узнав, что они бежали, предоставив ему одному доводить дело до конца. В ее голове мелькнула даже мысль, не открыть ли ему всю правду. Но страх перед этим человеком был так велик, что она удержалась от подобного шага. Она, по-видимому, чувствовала, что это положило бы конец задуманному ими плану, так как он несомненно сумел бы при помощи убеждений, угроз, просьб и обращений к их чувству справедливости заставить отца и дочь изменить свое решение. Между тем она страстно желала осуществить свое намерение, вырваться из Бамбатсе с его древними руинами, с его склепом и с Джейкобом Мейером, который с одинаковым искусством умел рыться и в мертвых костях, и в живых сердцах и все-таки не находил сокровищ, спрятанных как в первых, так и в последних.

Итак, они умолчали о своих намерениях, с увлечением разговаривая о всевозможных посторонних вещах: о том, насколько выучились ружейным приемам макаланга; о вероятности нападения со стороны матабеле, которых они боялись все меньше и меньше; о состоянии своих волов; о возможности найти новый скот взамен погибших животных. Бенита зашла еще дальше. Желая окончательно ввести Мейера в заблуждение, она даже не останавливалась перед ложью, несмотря на упрек, который читала в глазах отца. Как бы невзначай она заметила, что они с отцом хотят спуститься вниз в лагерь макаланга, между первой и второй стеной, и провести там несколько часов для того, чтобы отдать в стирку белье и захватить с собой кое-какие вещи и книги, оставленные в фургоне.

Джейкоб вышел из задумчивости и мрачно слушал ее слова.

— Я бы охотно пошел с вами, — сказал он, заставив Бениту вздрогнуть. — В этой пещере так мрачно и пусто, что мне все мерещатся

какие-то странные звуки, как будто эти старые кости шевелятся, какие-то вздохи и шепот; все это, конечно, я приписываю движению воздуха.

— Ну так почему бы и вам не пойти с нами? — спросила Бенита.

Это был смелый ход, но он удался. Если у Мейера и были какие-нибудь сомнения, то от этого вопроса они сразу же рассеялись, и он поспешил ответить:

— Потому что мне некогда. Мы должны так или иначе покончить с поисками клада до наступления сезона дождей, иначе мы здесь потонем или сгнием от лихорадки. Воспользуйтесь послеобеденным временем, мисс Клиффорд; всякая служанка пользуется этим правом, а ведь вам, к сожалению, приходится исполнять здесь те же обязанности. Только, — прибавил он с заботливостью, которую неизменно проявлял в свои самые скверные минуты, — постарайтесь, Клиффорд, вернуться до заката солнца, так как подъем по этой стене в темноте слишком опасен для вашей дочери. Позовите меня, когда вы будете у подножия стены, ведь у вас есть свисток, — а я спущусь и помогу ей влезть. Кажется, в конце концов я все-таки пойду с вами... Впрочем, нет, я этого не сделаю... Мое вчерашнее посещение было так неприятно макаланга, что вряд ли они обрадуются моему вторичному появлению. Надеюсь, вы лучше проведете у них время, чем я. А почему бы вам также не поехать прокатиться верхом за стенами крепости? Ваши лошади зажирили, им нужно движение, к тому же я не думаю, что следует бояться матабеле.

Не дожидаясь ответа, он поднялся и тотчас вышел. Клиффорд проводил его смущенным взглядом.

— О! Я знаю, — проговорила Бенита. — Тебе это кажется некрасивым, но ведь иногда приходится совершать некрасивые поступки. Наши вещи уже упакованы, так что мы можем отправляться.

Они собрались уходить, и Бенита, стоя на краю стены, обернулась, чтобы проститься с местом, которое она надеялась никогда больше не увидеть. Однако у нее не было уверенности, что она покидает его навсегда, — напротив, спускаясь по опасным ступенькам, она поймала себя на том, что мысленно прикидывает, как лучше подниматься вверх. Ей также не верилось, что она больше не увидит мистера Мейера. Ей казалось, что еще долго придется иметь с ним дело.

Они благополучно добрались до внешней стены, где их с удивлением, но без всякого неудовольствия встретили макаланга, все еще продолжавшие учиться обращению с оружием, и очень многие из них владели им уже достаточно хорошо. Войдя в хижину, где были сложены вещи из фургона, они спешно запаслись всем необходимым. Тут же мистер Клиффорд

написал и письмо — одно из самых неприятных писем, которые ему когда-либо приходилось писать. Содержание его было следующим:

Дорогой Мейер!

Не знаю, что вы подумаете о нас, но мы покидаем это место. Дело в том, что я не совсем здоров, а моя дочь не в силах больше выносить жизни в этом месте. Она говорит, что непременно умрет, если останется здесь, и что поиски клада в этой зловещей пещере сильно расшатывают ее нервы. Я предпочел бы предупредить вас об этом решении, но она просила не делать этого, боясь, как бы вы не уговорили нас остаться или не задержали бы нас тем или иным способом. Что же касается золота, если вам удастся найти его, возьмите себе все. Я отказываюсь от своей доли. Мы оставляем вам фургон и волов и уезжаем верхом на своих лошадях. Это довольно рискованное предприятие, но все же менее опасное, чем пребывать в Бамбатсе при теперешних условиях. Мы надеемся, что вы простите нас, если нам случится когда-нибудь встретиться, и желаем вам всяческих успехов.

С искренним почтением и сожалением
ваш Т. Клиффорд

Как только письмо было окончено, они оседлали лошадей, оказавшихся в прекрасном состоянии, и привязали к седлам небольшой запас вещей и патронов. Затем они взяли по ружью — за время долгого путешествия Бенита выучилась прекрасно стрелять, — вскочили на лошадей и двинулись к небольшому боковому входу, так как главные ворота, через которые они проехали в первый раз, были теперь наглухо закрыты. Что же касается бокового входа, представлявшего собой узкий коридор в круговой стене, то он был открыт, потому что макаланга, переставшие бояться нападения матабеле, выгоняли этим путем овец и коз на пастбище и обратно; это было тем удобнее, что проход с его изгибами и поворотами в толще стены можно было загородить в течение нескольких минут при помощи камней, лежавших рядом. Кроме того, он был устроен таким образом, что за ним можно было наблюдать с гребня стены.

Хотя макаланга, с любопытством следившие за ними, не сделали никакой попытки задержать их, тем не менее беглецы знали, что им придется иметь дело с часовыми, сторожившими у входа и днем, и даже ночью, несмотря на то что на ночь отверстие в стене всегда закрывалось. Когда они доехали до этого места и сошли с лошадей, чтобы провести их по извилистому ходу в стене, кончавшемуся на противоположном конце

крутым подъемом, то они увидели, что единственным часовым в тот день был старый Молимо, сидевший у стены и, по-видимому, мирно дремавший.

Но как только отец и дочь приблизились, он сразу же проснулся и спросил их, не трогаясь со своего места, куда они намереваются ехать.

— Мы хотим прокатиться, — ответил мистер Клиффорд. — Моей дочери надоело сидеть взаперти в крепости. Ей хочется подышать на открытом воздухе. Пропусти нас, приятель, иначе мы не успеем вернуться к закату солнца.

— Если ты думаешь, белый человек, вернуться обратно к закату дня, то почему ты везешь с собой столько вещей и почему ваши сумки наполнены патронами? — спросил Молимо. — Я знаю, что ты говоришь неправду и что вы надеетесь никогда больше не присутствовать при солнечном закате над Бамбатсе.

Видя, что он не поддается на обман, Бенита воскликнула:

— Это правда! Но не удерживай нас, отец, ибо нам страшно не то, что ждет нас впереди, а то, что остается позади.

— А разве впереди мало опасностей, девушка? Безлюдные, дикие места, где можно встретить только матабеле с их отравленными копьями; дикие звери; болезни, которыми вы можете заболеть, — мало ли опасностей, от которых вы рано или поздно лишитесь жизней!

— Все это правда, отец, но все же это лучше, чем страх перед тем, что остается позади нас. Там живет нечистая сила, поэтому-то мы и отказываемся от дальнейших поисков и не желаем там больше оставаться.

— Ты права, девушка, что в этом месте являются духи, но эти духи не причинят тебе никакого вреда, так как тебе предназначено найти спрятанное сокровище, да и мы всегда готовы защитить тебя, согласно приказанию, полученному мной во время сна. К тому же ты на самом деле больше боишься вовсе не духов, а белого человека, вашего спутника, который хочет подчинить тебя своей воле. Не пытайся отрицать правдивости моих слов, ибо я все это вижу.

— В таком случае, зная все, ты не захочешь задерживать нас, — просила Бенита, — потому что, клянусь тебе, я больше не в силах дольше оставаться здесь.

— Кто я такой, чтобы запрещать вам то или другое? — откликнулся Молимо. — И все же я предупреждаю, что для вас было бы лучше остаться здесь, а не идти навстречу смертельной опасности. Девушка, разве я не говорил тебе много дней тому назад, что здесь и только здесь свершится твоя судьба? Если хотите, уезжайте, но скоро вы вернетесь назад.

Произнеся эти слова, Молимо снова погрузился в дремоту. Клиффорд

и Бенита перебросились несколькими спешными словами.

— Теперь уже не стоит возвращаться, — сказала Бенита, чуть не плача от охвативших ее колебаний и досады. — Я не дам запугать себя этими смутными намеками. Разве он может знать о будущем больше, чем знаем мы сами? К тому же он уверяет, что мы вернемся обратно. Следовательно, если это случится, то мы, по крайней мере, хоть на короткое время будем свободны. Едем, отец!

— Как хочешь, — отвечал Клиффорд, который чувствовал себя слишком подавленным, чтобы вступать с нею в спор. Он только бросил письмо на колени Молимо, попросив его передать послание Мейеру, когда тот станет искать их.

Старый вождь больше не обращал на них никакого внимания. Он даже не ответил и не поднял глаз, когда Бенита стала прощаться с ним, благодаря его за оказанную ей доброту и призывая благословение судьбы на него и на все его племя. Тогда они повели лошадей по узкому проходу в стене, по которому они едва могли пройти, и по крутому подъему в конце его. На противоположной стороне старинного рва они снова сели в седла, провожаемые взглядами макаланга со стен, и поскакали по той же самой дороге, которая привела их в Бамбатсе.

Эта дорога, вернее, тропинка, вилась сперва среди садов, а затем среди бесчисленных развалин домов, составлявших когда-то, в давно минувшие времена, огромный город, цитаделью и святилищем которого был Бамбатсе.

Эти обломки исчезнувшей цивилизации тянулись на протяжении многих миль и заканчивались крутым и узким ущельем на вершине одного из окрестных холмов, тем самым ущельем, по которому Роберт Сеймур и его брат не могли провезти свой фургон, когда они несколько лет тому назад посетили это место. Ущелье, по-видимому, когда-то было сильно защищено, так как по обеим сторонам его виднелись остатки укреплений и башен. Кроме того, на самом возвышенном месте проход был настолько узок и крут, что несколько человек, вооруженных только луками и стрелами, могли в течение довольно долгого времени сдерживать натиск значительных неприятельских сил. По ту сторону горы на протяжении многих миль простиралась открытая равнина, поросшая кустарником и усеянная одиноко стоявшими столбами, сложенными из гранитных глыб, нагроможденных друг на друга.

Мистер Клиффорд и Бенита отправились в свое рискованное путешествие в три часа пополудни и на закате солнца очутились на упомянутой равнине, в пятнадцати или шестнадцати милях от крепости

Бамбатсе, которую они давно уже потеряли из виду, так как она была заслонена ближайшими горами. Доехав до ручья, у которого они останавливались во время своего первого путешествия, и не решаясь ехать дальше в темноте, они расседлали лошадей, чтобы дать им попасть на зеленеющей вокруг прекрасной густой траве.

Тут они увидели нескольких гну, пробиравшихся вниз к воде. Хотя они очень нуждались в свежем мясе, но все же не решились стрелять, чтобы не привлечь внимания неприятеля; по той же причине они не разводили огня. Стреножив лошадей, чтобы те не смогли далеко уйти, и предоставив им щипать траву, они уселись под деревом и занялись ужином, состоявшим из воловьего языка и пшеничных лепешек. Между тем наступила полная темнота, так как ночи в это время года были почти безлунные, и им оставалось только улежаться спать в центре круга из колючих веток, которыми они обнесли место своей стоянки. Несмотря на пережитые волнения и страх перед львами, которых в этой местности было очень много, они тотчас погрузились в глубокий сон и проспали почти до зари.

За полчаса до восхода солнца они проснулись, успев продрогнуть за ночь, так как, несмотря на теплый воздух, их одеяла были насквозь пропитаны росой, и еще раз подкрепились при свете звезд, тогда как лошади, привязанные неподалеку, спешили наесться травой. С наступлением зари они быстро оседлали их и тронулись в путь. Наконец появилось солнце, и его теплые лучи сразу согрели и ободрили Бениту. Все ее страхи рассеялись вместе с темнотой, и она поспешила сказать отцу, что это удачное начало кажется ей хорошей приметой.

Весь следующий день они двигались вперед при отличной погоде, не особенно погоняя лошадей, так как знали, что Мейер не мог догнать их пешком. В полдень они остановились, и Бенита занялась приготовлением горячей пищи из подстреленной ими небольшой антилопы; таким образом им удалось поесть отличное блюдо из свежего мяса.

Они отправились дальше и к вечеру приехали к другой своей прежней стоянке, тоже покрытой густым кустарником. Зная, что ручей протекал здесь несколько выше, на склоне холма, они расседлали лошадей и расположились под деревьями. Хотя у них оставалось еще достаточно холодного жаркого, они решили развести костер. Это оказалось необходимой предосторожностью, так как они наткнулись на свежие следы львов и даже видели одного из них, убегавшего среди высокой травы по болотистой долине у подножия холма.

В этот вечер Клиффорды снова устроили себе роскошный ужин из свежего мяса и улеглись, так же как и накануне, за маленькой *бома* —

оградой, устроенной ими из колючих кустарников. Но на этот раз им не удалось насладиться сном: не успели они закрыть глаза, как возле них послышался вой гиены. Они начали кричать, и животное удалилось, но час или два спустя они снова слышали какое-то злое ворчание, перешедшее в громкий рев; бедные лошади испуганно заржали.

— Львы, — сказал мистер Клиффорд, быстро вскакивая и бросая сухие сучья в костер, который тотчас запылал ярким пламенем.

После этого заснуть было невозможно. Хотя львы их и не трогали, но, почуяв близость лошадей, продолжали рыскать вокруг, не переставая рычать. Так продолжалось до трех часов утра, когда хищники наконец оставили их в покое, в чем они убедились по удалявшемуся реву. Считая себя на этот раз в безопасности, они подбросили дров в костер и попытались хоть немного поспать.

Проспав, как ей казалось, очень недолгое время, Бенита внезапно проснулась, разбуженная каким-то новым шумом. Было еще совсем темно, и она видела при свете звезд, что лошади оставались совершенно спокойными: одна из них улеглась на землю, а другая пощипывала листья с нависавших веток дерева, у которого она была привязана. Следовательно, шум исходил не от диких зверей, которых они все время опасались. Бенита внимательно прислушалась и вскоре различила глухой гул, словно от говора людей, где-то у подножия холма. Она тотчас разбудила отца и сообщила ему о своих подозрениях, и они вместе стали прислушиваться, но не разобрали ничего, кроме неясных звуков шагов.

Наконец небо начало светлеть. Вокруг них на склоне холма воздух был прозрачен, вверху сиял розовый свет зари, но под ними стлался густой перламутровый туман. Мало-помалу он начал рассеиваться под лучами восходящего солнца, и Бенита вдруг увидела казавшуюся в тумане исполинской фигуру дикаря, закутавшегося в свой каросс. Он ходил взад и вперед, держа в руках тяжелый ассегай, и лениво позевывал.

— Смотри, — шепнула Бенита, — смотри!

Мистер Клиффорд тревожно взглянул в ту сторону, куда указывала Бенита.

— Матабеле, — проговорил он. — Боже мой, это матабеле!

Глава XV. Погоня

Не могло быть никаких сомнений, что перед ними находились матабеле. Вскоре к сторожившему дикарю приблизились еще двое или трое и стали разговаривать с ним, указывая длинными копьями на склон холма. По-видимому, они обдумывали план нападения на путешественников, чтобы привести его в исполнение, как только станет достаточно светло.

— Они заметили пламя нашего костра, — прошептал старик, — если мы хотим спастись, то должны уехать раньше, чем они двинутся на нас. Их войско, вероятно, раскинуло свой лагерь на противоположном склоне холма, так что нам придется ехать по той же дороге, что привела нас сюда.

— Но она идет назад к Бамбатсе, — прошептала Бенита.

— Бамбатсе лучше могилы, — сказал ей отец. — Моли Бога, чтобы нам удалось туда добраться.

Возразить против этого довода было нечего, поэтому, выпив воды и проглотив несколько кусков мяса, беглецы тихонько подкрались к лошадям, сели в седла и стали спускаться с холма, стараясь производить как можно меньше шума.

Теперь часовой был опять один, остальные дикари уже ушли. Воин стоял спиной к Клиффордам. Когда они подъехали к нему совсем близко, он услышал цокот лошадиных копыт, быстро повернулся на одном месте и увидел всадников. С громким криком матабеле поднял ассегай и кинулся на них.

Клиффорд, ехавший впереди, вытянул ружье — у него не было времени приложить его к плечу — и нажал на курок. Бенита услышала, как пуля ударила в кожаный щит дикаря, и в следующее мгновение увидела, что матабеле лежит, отчаянно размахивая руками и ногами.

Она также увидела позади кустарника, который они огибали, сотни приближавшихся к ним людей и двигавшееся за ними стадо скота. Первые утренние лучи золотили острия копий и рога волов. Бенита посмотрела вправо и увидела там еще большее количество людей. Оба крыла неприятельского войска двигались им наперерез. Только в самой середине еще оставалось узкое свободное пространство, через которое им необходимо было проехать раньше, чем его займут матабеле.

— Вперед, — прошептала она, ударяя свою лошадь каблуком и прикладом ружья и дергая за уздечку.

Ее отец также понял, в чем дело, и последовал ее примеру, пустив

лошадь в галоп. Между тем от каждого крыла отряда выдвинулось по группе воинов, которые ринулись вперед, стараясь отрезать им путь. Удастся ли им проехать раньше, чем матабеле встретятся? От решения этого вопроса зависело, сколько им осталось жить. Глупо было ожидать пощады от этих кровожадных животных, после того как был убит один из них. Беглецы, правда, убили его, защищая свою собственную жизнь, но разве стали бы дикари принимать во внимание это соображение, равно как и то, что они были мирными путешественниками! Они прекрасно знали, что белые не пользовались в то время популярностью среди матабеле; к тому же убийство двоих европейцев в двухстах милях от ближайшего поселения белых должно было остаться безнаказанным, и даже весть об этом никогда не дошла бы до их соотечественников; словом, это было бы самое безопасное из всех преступлений, совершенных когда-либо.

Все эти мысли промелькнули у них в голове, в то время как они мчались вперед. О, как это было ужасно! Еще двести ярдов — и судьба их решится! Или они спасутся, хоть на некоторое время, или для них все кончено. Их могли, впрочем, взять в плен, и тогда им грозила еще худшая участь. Но Бенита решила не допустить этого. У нее были ружье и револьвер, данный ей Джейкобом Мейером, и она всегда могла найти минуту, чтобы воспользоваться тем или другим. Она крепко стиснула зубы и погоняла лошадь, летевшую как стрела. Матабеле тоже напрягали все силы, чтобы настичь их, и будь у них еще лишних пять секунд, они несомненно достигли бы успеха. Но эти короткие пять секунд спасли жизнь беглецам.

Они пронеслись между «клешнями» отрядов, когда между ними оставалось ярдов двадцать. Матабеле, видя, что опоздали, остановились и метнули им вслед целый град ассегаяев.

Один из них пролетел возле щеки Бениты, едва не задев ее, так что она даже почувствовала движение воздуха. Другой разорвал платье, а третий попал в заднюю ногу лошади мистера Клиффорда, повыше коленного сустава, на несколько мгновений засел в теле животного, потом упал на землю. Сначала бедное животное, казалось, не почувствовало раны и только помчалось еще быстрее. Бенита обрадовалась, думая, что ассегай просто нанес небольшую царапину. Но вскоре девушка забыла об этом, так как некоторые из матабеле, имевших ружья, принялись палить по ним, и хотя они не отличались меткостью, одна или две пули пролетели в неприятной близости от всадников. Наконец один из дикарей, мчавшийся быстрее всех, закричал по-зулусски:

— Лошадь ранена. Вы оба будете в наших руках еще до заката солнца!

В ту же минуту Клиффорд и Бенита скрылись за выступом холма и на время потеряли своих преследователей из виду.

— Слава Богу, — задыхаясь, прошептала Бенита, когда они снова оказались одни. Но мистер Клиффорд только покачал головой.

— Ты думаешь, что они будут нас преследовать? — спросила девушка.

— Разве ты не слышала, что сказал тот человек, — уклончиво ответил старик. — Они, по-видимому, направляются к Бамбатсе, а по пути совершили нападение на какое-нибудь другое злополучное племя, у которого угнали замеченный нами скот. Мы видели стадо. Да, я боюсь, что они последуют за нами. Весь вопрос заключается в том, кто из нас раньше достигнет Бамбатсе.

— По всей вероятности, мы, отец, так как мы едем верхом.

— Да, если только с лошадьми ничего не случится.

Не успел он договорить этих слов, как его лошадь внезапно резко припала на заднюю ногу, раненную ассегам, но тут же встала и снова пустилась в галоп.

— Ты видишь? — спросил он.

Она утвердительно кивнула головой и сказала:

— Не спешить ли нам, чтобы осмотреть рану?

— Конечно нет. Вся наша надежда на спасение в том, чтобы лошадь не останавливалась. Если ее нога потеряет гибкость, все кончено. Я не думаю, что у нее повреждено сухожилие, иначе она уже давно не могла бы бежать.

И они продолжали мчаться вперед.

Везде, где только дорога была ровнее, они пускали лошадей рысью и, несмотря на все усиливающуюся хромоту кобылы мистера Клиффорда, к полудню уже достигли того места, где провели первую ночь после отъезда из Бамбатсе. Здесь усталость и жажда заставили беглецов остановиться.

Они слезли с лошадей и напились из источника, после чего напоили также и лошадей, которые никак не могли оторваться от воды. Немного перекусив — не потому, что им хотелось есть, а просто для поддержания сил, — Клиффорды осмотрели раненую лошадь. Ее задняя нога сильно распухла, и из раны все еще сочилась кровь. Кроме того, животное уже совсем не могло ступить на больную ногу и касалось земли только краем копыта.

— Надо скорее ехать, пока опухоль не усилилась еще больше, — сказал мистер Клиффорд.

Они немедленно вскочили на лошадей. Но, Великое Небо, что это? Кобыла не трогалась с места.

Пришедший в отчаяние мистер Клиффорд начал беспощадно бить ее,

но несчастное животное проковыляло несколько шагов на трех ногах и снова остановилось. Оттого ли, что сухожилие оказалось поврежденным, или оттого, что воспаление еще усилилось, только лошадь не могла сгибать коленного сустава. Сразу поняв, что это для них означало, Бенита не выдержала и разразилась рыданиями.

— Не плачь, дорогая моя, — сказал старик. — Покорись воле Божьей. Может быть, матабеле уже отказались от преследования. Во всяком случае, у меня еще остались ноги, а до Бамбатсе не более шестнадцати миль. Вперед!

Он ухватился за ее седло, и они стали спускаться по длинной тропинке, которая вела к холмам, окружавшим Бамбатсе.

Им очень хотелось пристрелить лошадь, но они не решались дать выстрел. Поэтому они предоставили несчастное животное его судьбе, бросив все бывшие на седле запасы, за исключением патронов, которые они захватили с собой. Однако, прежде чем оставить кобылу, Клиффорд по просьбе дочери посвятил лошади несколько секунд, чтобы расстегнуть подпругу и снять мундштук и облегчить этим ее положение. Некоторое время она следовала за ними, ковыляя на трех ногах и издавая жалобное ржание, пока, к величайшему облегчению Бениты, они не свернули в сторону и не потеряли ее из виду.

Проехав около мили, они опять обернулись назад, втайне надеясь, что животное оправилось и последовало за ними. Но его нигде не было видно. Зато они увидели вдали на равнине, в трех или четырех милях позади, множество черных точек, время от времени поблескивающих на ослепительном солнце.

— Что это такое? — спросила Бенита еле слышно, словно боясь ответа.

— Матабеле, которые преследуют нас, — вернее, отряд их самых быстрых бегунов. Ты видишь, как блещут их ассегаи. Теперь, дорогая моя, ты поняла, как обстоит дело. Они догонят нас прежде, чем мы успеем добраться до Бамбатсе: эти люди приучены бегать на дальние расстояния и могут в случае надобности пробежать пятьдесят миль, не сбавляя скорости и не останавливаясь ни на секунду. Но благодаря тому, что мы намного вырвались вперед, они не смогут угнаться за твоей лошадейю; поэтому уезжай и предоставь мне позаботиться о себе.

— Никогда, никогда! — воскликнула она.

— Ты должна сделать это и сделаешь. Я твой отец и приказываю тебе слушаться. Что касается меня, то разве это должно тебя останавливать? Ведь я могу спрятаться и убежать... в конце концов, я уже и много прожил,

тогда как у тебя еще вся жизнь впереди! Прощай же и торопись!

С этими словами он выпустил из рук ремень от стремени, за который держался, но Бенита вместо ответа только остановила лошадь.

— Я не сделаю ни одного шагу, — сказала она, решительно сжимая губы.

Тогда мистер Клиффорд начал браниться, называя ее непокорной и непочтительной. Когда же и это не подействовало, он начал умолять ее, чуть не плача.

— Отец, дорогой, — проговорила Бенита, наклоняясь к старику, шедшему рядом с ней, так как теперь они снова двинулись вперед. — Ведь я сказала тебе, почему мне так хотелось бежать из Бамбатсе, не так ли? Я предпочитала рисковать жизнью, нежели остаться там. Так неужели ты думаешь, что я хотела бы вернуться в Бамбатсе и жить вдвоем с Джейкобом Мейером? Я скажу тебе еще одну вещь. Ты помнишь мистера Сеймура? Я не могу смириться со случившимся, совсем не могу, а потому, хотя мне и страшно, я не дорожу жизнью. Мы спасемся или умрем, но непременно вместе. Постараемся же спастись.

Он со стоном подчинился ее доводам, и они стали обсуждать свои шансы на успех. Сперва им пришлось в голову спрятаться, но на всем видимом пространстве не было ничего, кроме трех деревьев, так что укрыться они не имели возможности. Они вспомнили о берегах Замбези, но от реки их отделял очень высокий скалистый горный кряж. Прежде чем они достигли бы вершины, даже если бы лошадь смогла взобраться туда, их уже нагнали бы матабеле. Словом, не оставалось ничего иного, как направиться к уже знакомому им ущелью и, если бы удалось попасть туда раньше неприятеля, попытаться укрыться среди лежавших по ту сторону развалин. Это еще могло им удалиться, да и то только после наступления темноты.

Но беглецы нисколько не обманывались и прекрасно сознавали, что у них крайне мало надежды на успех — и то только в том случае, если бы матабеле устали и отказались от преследования.

Однако они совсем не выказывали усталости, — заметив издали беглецов, быстроногие дикари побежали еще резвее, с каждой минутой сокращая разделявшее их расстояние.

— Отец, — проговорила Бенита, — прошу тебя запомнить следующее: я не желаю попасть в руки этих дикарей живой...

— О! Как я смогу... — пробормотал он.

— Я тебя не прошу об этом, — отвечала Бенита. — Я сама о себе позабочусь. Только если я промахнусь... — И она взглядом dokonчила

фразу.

Старик уже сильно устал. Взявшись по крутому подъему горы, он то и дело спотыкался о камни. Бенита это заметила, и, соскочив с седла, заставила его сесть на лошадь, а сама побежала рядом с ним. Когда Клиффорд немного отдохнул, они опять поменялись местами и таким образом преодолели несколько миль. Наконец, когда оба совсем измучились, они попробовали было ехать на лошади вместе — Бенита спереди, а он сзади; но хотя вещи были давно уже сброшены, усталое животное оказалось не в силах нести на себе двойную тяжесть. Пробежав несколько сотен ярдов, оно споткнулось, упало, с трудом поднялось на ноги и остановилось.

Таким образом им снова пришлось по очереди идти пешком.

До заката солнца осталось не более часа, а узкое ущелье находилось еще в трех милях от них.

О, как ужасны были эти три мили! Впоследствии они вспоминались Бените как самый страшный кошмар.

В это время матабеле отделяло от них расстояние около двух тысяч ярдов; когда они преодолели половину пути, расстояние сократилось до тысячи ярдов; наконец, когда впереди оставалась миля, между ними было уже всего пятьсот ярдов.

Человеческая природа способна на удивительные вещи. По мере приближения решительного момента усталость, одолевавшая путешественников, начинала проходить — вернее, они начали забывать о ней. Они больше не чувствовали себя измученными, а напротив, двинулись вверх по склону с такой энергией, словно только что встали с постели. Даже у лошади, казалось, открылось второе дыхание, когда же она вновь начинала уставать, мистер Клиффорд подгонял ее уколами своего охотничьего ножа. С трудом переводя дыхание, выбиваясь из сил, то садясь в седло, то идя пешком, они тащились к хребту, стараясь уйти от смерти в образе матабеле, которые преследовали их с упорством охотничьих собак. Солнце уже садилось, и они видели, оглядываясь назад, темные силуэты дикарей, резко выделявшиеся на фоне окровавленного шара. Широкие асгеаи тоже казались красными, словно их окунули в кровь. Клиффорд и Бенита уже могли различить насмешливые возгласы дикарей, которые предлагали им сесть на землю и ждать, когда их убьют, избавившись таким образом от лишних хлопот и возни.

Теперь их разделяло уже не более трехсот ярдов, тогда как до перевала оставалось все еще с полмили. Прошло еще пять минут, в течение которых лошадь пробиралась по неровной и крутой тропинке вверх. Ехал мистер

Клиффорд, а Бенита бежала рядом, держась за стремя. Она оглянулась назад. Дикари, опасаясь, как бы их жертвы не укрылись за горой, побежали быстрее, а лошадь еле плелась. Один из матабеле, высокий и сильный малый, начал заметно обходить своих товарищей. Еще через две минуты он был в сотне шагов от белых, ближе, чем они находились от входа в ущелье. Вдруг лошадь остановилась, отказываясь двинуться с места.

Мистер Клиффорд соскочил на землю, и Бенита, которая уже не могла говорить, указала рукой на матабеле. Старик сел на камень, взвел курок, глубоко вздохнул, прицелился и выстрелил в дикаря, беззаботно бежавшего прямо на них. Клиффорд был отличным стрелком, и даже в эту роковую минуту, несмотря на сильное волнение, его рука не изменила ему. Бежавший матабеле был, по-видимому, ранен, так как он споткнулся и упал; затем он медленно поднялся и поплелся к своим товарищам, которые приостановились, чтобы оказать ему помощь.

Эта остановка была спасением для беглецов. Она дала им время сделать последнее отчаянное усилие, броситься бегом и достичь прохода в ущелье. Впрочем, это еще не означало, что они оказались вне опасности, так как матабеле могли последовать за ними и разыскать их, воспользовавшись тем, что было еще достаточно светло. Уложив раненого на землю, дикари — их было человек пятьдесят или даже больше — бросились по их следам, оглашая воздух бешеными криками.

Тем временем беглецы, прилагая отчаянные усилия, одолели перевал. Бенита ехала верхом, ее отец шел рядом. Позади них, на расстоянии ярдов шестидесяти, по узкой тропинке, проходившей между высокими скалами, тесной толпой бежали матабеле.

Внезапно со всех сторон, как показалось Бените, заблестели огни и послышались быстрые и частые выстрелы. Матабеле валились наземь по двое и по трое, пока их не осталось всего несколько человек, и те сразу же остановились. Дикари повернулись и побежали от входа в ущелье на открытую дорогу на склоне горы.

Бенита опустилась на землю и в ту же секунду услышала мягкий голос Джейкоба Мейера, говорившего ей:

— Итак, вы вернулись с вашей прогулки, мисс Клиффорд. И как кстати мне передалось ваше желание, чтобы я встретил вас на этом месте!

Глава XVI. Снова в Бамбатсе

Впоследствии Бенита никак не могла вспомнить, как они вернулись в Бамбатсе. Ей рассказали, что их с отцом отнесли в крепость на носилках, устроенных из щитов макаланга. Когда она снова пришла в себя, то увидела, что лежит в своей палатке близ входа в пещеру, за третьей стеной старинной крепости. Ее ноги болели, кости ныли, и эти физические страдания воскресили в ее памяти все ужасы, которые она перенесла.

Она видела перед собой бежавшего свирепого матабеле, слышала дикие крики и ответные выстрелы из ружей; сквозь весь этот шум и надвигавшуюся темноту до ее слуха доносился мягкий голос с иностранным акцентом, принадлежавший Джейкобу Мейеру, — он приветствовал ее насмешливыми словами. Затем наступило беспамятство, осталось лишь смутное воспоминание о том, как ее несли в гору, причем солнце грело ей спину, как ее поднимали с помощью веревки, обвязанной вокруг талии, по крутым ступенькам в стене. После этого ее снова охватило забвение.

Пола ее палатки откинулась, и Бенита невольно отодвинулась на своей постели, закрыв глаза, чтобы снова не увидеть лица Джейкоба Мейера. Однако она почувствовала, вернее, угадала по шагам, что это был не он. Девушка слегка приподняла веки, разглядывая из-под длинных ресниц вошедшего к ней человека. Это оказался вовсе не Джейкоб Мейер и не ее отец, а старый Молимо, приблизившийся к ней с тыквенной бутылкой, наполненной козьим молоком.

— Привет тебе, госпожа! — тихо сказал он, улыбаясь ей губами и своими мечтательными глазами, тогда как его лицо, испещренное множеством мелких морщинок, оставалось совершенно неподвижным. — Я принес тебе молока. Выпей, оно совсем свежее, а тебе нужно подкрепиться.

Она взяла тыквенную бутылку и осушила ее до дна, так как молоко показалось ей необычайно вкусным.

— Вот и хорошо, вот и хорошо, — пробормотал старый Молимо, — теперь ты опять будешь здоровой.

— Да, я буду здорова, — ответила она, — но где же мой отец?

— Не тревожься о нем, он еще болен, но тоже поправится. Скоро ты его увидишь.

— Я выпила все молоко, — воскликнула она, — для него ничего не

осталось!

— Осталось, осталось, — возразил Молимо, махнув своей худой рукой. — Есть еще две полные бутылки, для каждого по одной. У нас внизу, правда, не особенно много коз, но самое лучшее молоко приберегается для вас.

— Расскажи мне, отец, обо всем, что случилось, — попросила Бенита.

Старый Молимо, которому нравилось, когда она называла его отцом, снова улыбнулся ей одними глазами и присел в углу палатки.

— Ты помнишь, что вы уехали, несмотря на то что я уговаривал вас не делать этого. Вы не послушались моего совета, и мне тотчас стало известно все, что случится с вами и как вы спасетесь от матабеле. В тот вечер после захода солнца, видя, что вы не вернулись, Черный — я подразумеваю Мейера, которого мы называем так из-за его бороды и... — прибавил он, — из-за его сердца, — Черный сбежал с холма, спрашивая о вас, и я передал ему ваше письмо.

Он прочитал его и тут окончательно обезумел. Он ругался на своем родном языке; он метался по сторонам, затем схватил ружье и хотел застрелить меня, но я сидел молча и смотрел на него, пока он не успокоился. Потом он спросил меня, зачем я сыграл с ним подобную шутку, но я ответил, что это не моя вина и что я не мог задерживать вас против вашего желания. Я также сказал, что вы, по-видимому, уехали оттого, что боитесь его — что вовсе не удивительно, если он разговаривал с вами так, как со мной. Кроме того, я предупредил его, — ведь я также и врач, — что он лишится рассудка, если не будет сдерживать себя, так как я вижу в его глазах признаки безумия. Мои слова испугали его, и он сразу успокоился. Затем он спросил меня, что делать. Я ответил, что в этот вечер ничего предпринять нельзя, потому что вы, конечно, уже далеко и гнаться за вами бесполезно, но можно выйти вам навстречу, когда вы будете возвращаться назад. Он спросил меня, почему я говорю о вашем возвращении, и я повторил то, о чем предупреждал вас: что вы скоро вернетесь, спасаясь от большой опасности хотя вы и не захотели меня слушать — меня, узнавшего все это от Мунвали, твоего покровителя.

Я послал разведчиков. Прошла первая ночь, прошел следующий день и следующая ночь, а мы сидели и ничего не делали, хотя Черный был готов отправиться за вами один. На следующее утро, на заре, пришел один из посланных разведчиков и сказал, что его братья, укрывшиеся на вершине холма и во многих других местах, видели, как войско матабеле уничтожило одно из племен, родственных макаланга, несколько ниже по Замбези, и направлялось сюда, намереваясь и с нами поступить таким же образом.

После полудня прибежал другой разведчик, рассказавший, что вас обоих окружили матабеле, но что вы прорвались через ряды их войска и мчитесь обратно, спасая свою жизнь. Тогда я призвал пятьдесят своих лучших людей, во главе с моим сыном Тамасом, и приказал им занять ущелье, так как мы не решаемся вступать в бой с матабеле в открытом поле.

Черный отправился вместе с ними. Когда же он увидел, как велика ваша беда, он готов был броситься навстречу матабеле, потому что он очень храбрый человек. Но я сказал Тамасу: «Не пытайся вступать с ними в открытый бой, иначе они убьют вас». Ведь, госпожа, я уже знал, что вы доедете до ущелья. Так оно и случилось, хотя вы были всего на волосок от ваших преследователей; мои люди начали стрелять из новых ружей и, так как ущелье совсем узкое, перебили многих из этих гиен-матабеле. Но убивать матабеле все равно что убивать блох на собачьей спине: чем больше их убьешь, тем больше появится новых. Все же это принесло пользу, так как вас обоих удалось спасти, а мы не потеряли ни одного человека.

— А где же теперь матабеле? — спросила Бенита.

— Под нашими стенами стоит целое войско; вероятно, там три тысячи человек или даже еще больше, под командой вождя Мадуну, родственника Лобенгулы, который обязан тебе жизнью и все же преследовал вас, как диких коз.

— Может быть, он не знал, кто мы такие, — предположила Бенита.

— Может быть, — ответил Молимо, потирая подбородок, — потому что в подобных делах даже матабеле держат свое слово, а ведь он обещал за спасение его жизни отплатить тем же. Но это не мешает им расхаживать вокруг наших стен, словно разъяренным львам, так что мы для большей безопасности отнесли вас сюда наверх.

— А вы, отец, также в безопасности?

— Я думаю, — отвечал он с легким вздохом, — что тот, кто строил эти стены, позаботился об их прочности, к тому же мы завалили входы. Им также не удалось никого застичь вне этих стен; все наши люди успели укрыться, вместе со своими козами и овцами. Мы также недавно отправили всех женщин и детей в лодках вниз по Замбези, для того чтобы они спрятались в хорошо известных нам местах, недоступных для матабеле, не дерзающих плыть по реке. Для тех же, кто здесь остался, у нас хватит припасов на три месяца, после чего дожди заставят уйти неприятельское войско.

— Почему же вы все не переправились на ту сторону Замбези?

— По двум причинам, госпожа. Во-первых, если бы мы покинули

нашу крепость, которой владеем с самого начала, то она попала бы в руки Лобенгулы и мы никогда не смогли бы вернуть ее себе, и это покрыло бы нас позором и навлекло бы на нас гнев наших предков. Во-вторых, мы должны защитить вас, раз вы вернулись сюда.

— Как вы добры, — прошептала Бенита.

— Нет, нет, мы вызвали вас сюда и делаем только то, что нам приказано свыше. Тебе еще угрожают несчастья; я даже думаю, что тебя поразит горе, но ты не должна бояться, так как из скверного корня вырастет цветок радости.

С этими словами он встал и собрался уходить.

— Подожди уходить, — попросила Бенита. — Нашел ли Мейер золото?

— Нет, он ничего не нашел. На он ищет и ищет, как голодный шакал, который роется в земле, надеясь найти кость. Только эта кость предназначена вовсе не для него, а для тебя, госпожа, только для тебя. О! Я знаю, ты ничего не ищешь, и все же ты найдешь. Только, если тебе понадобится помощь, не убегай в дикую пустыню. Слушайся голоса Мунвали, говорящего тебе устами Молимо из Бамбатсе! — Проговорив эти слова, старый жрец вышел из палатки, то и дело останавливаясь, чтобы поклониться Бените.

Несколько минут спустя в палатку вошел мистер Клиффорд. Он опирался на палку и казался сильно побледневшим и исхудавшим. Отец и дочь нежно обнялись, радуясь своему избавлению от огромной опасности.

— Ты видишь, Бенита, что мы не можем уехать из этого места, — проговорил Клиффорд немного погодя. — Мы должны найти золото.

— Мне надоело это золото, — с горячностью ответила девушка, — мне ненавистно даже упоминание о нем. Как можно думать о золоте, когда нас сторожат три тысячи матабеле, жаждущих нашей смерти!

— Тем не менее я перестал их бояться, — заметил ее отец, — у них была возможность уничтожить нас, и они ее упустили, а макаланга клянутся, что теперь, имея в руках ружья, они смогут отстоять ворота в стене и не позволят взять крепость штурмом. Зато я боюсь другого человека.

— Кого?

— Джейкоба Мейера. Я виделся с ним несколько раз, и мне все кажется, что он теряет рассудок.

— Молимо говорит то же самое. Но почему ты так думаешь?

— Сужу по его виду. Я часто вижу, как он сидит, разговаривая сам с

собой и сверкая своими черными глазами, иногда же стонет или раздражается взрывами хохота. Правда, это бывает, когда с ним случается припадок; вообще же его поведение вполне нормальное. Впрочем, пойдй, если ты можешь, и суди сама.

— Я вовсе не желаю этого, — тихо ответила Бенита. — Отец, я его боюсь, боюсь больше, чем когда бы то ни было. О, почему ты не позволил мне остаться там, внизу, среди макаланга, вместо того чтобы снова принести меня сюда, где мы вынуждены жить совершенно одни с этим ужасным человеком!

— Я хотел это сделать, дорогая моя, но Молимо заявил, что здесь мы будем в большей безопасности, и приказал своим людям перенести тебя наверх. К тому же Джейкоб Мейер настаивал на этом, угрожая убить меня, если мы не перенесем тебя сюда. Теперь ты понимаешь, почему я говорю, что он лишился рассудка.

— Но зачем ему это? Зачем? — задыхаясь, прошептала Бенита.

— Бог знает, — ответил старик со стоном, — мне кажется, он думает, что мы никогда не найдем золота без твоей помощи, так как Молимо, которого он считает наделенным чем-то вроде дара ясновидения, сказал ему, что этот клад предназначен исключительно для тебя. Я видел по его глазам, что он действительно был готов убить меня, поэтому решил, что лучше уступить ему, чем оставить тебя одну, больную. Конечно, передо мной был еще один выход... — проговорил мистер Клиффорд, не доканчивая своей мысли.

Бенита посмотрела на отца и спросила:

— Какой?

— Застрелить его раньше, чем он собрался бы выстрелить в меня, — еле слышным шепотом ответил старик. — Застрелить ради тебя, дорогая... но я все же не решился этого сделать.

— Нет, — сказала Бенита, вздрогнув, — только не это, только не это! Лучше самим умереть, чем знать, что его кровь на нашей совести. Сейчас я попробую встать и не показывать своего страха. Я уверена, что это самое лучшее, что можно сделать, и может быть, нам все-таки удастся как-нибудь спастись отсюда. Пока же будем угождать ему и стараться делать вид, будто нас интересует этот ужасный клад.

Бенита встала и убедилась, что ее здоровье ничуть не пострадало, если не считать некоторой тяжести, которую она чувствовала во всем теле. Она сейчас же принялась при помощи отца за приготовление обычного ужина. Все необходимое для этого оказалось на своих местах, хотя самого Мейера нигде не было видно.

Однако, как она и ожидала, он появился еще до наступления ночи. Хотя Бенита не слышала его шагов и сидела к нему спиной, она сразу почувствовала его присутствие, и это сознание охватило ее душу ледяным холодом. Она обернулась и увидела Джейкоба. Он стоял выше ее, на большой каменной глыбе, куда взобрался совершенно бесшумно благодаря своим мягким горным ботинкам, в которых он умел ходить неслышными, кошачьими шагами. Последние лучи заходящего солнца падали прямо на него. Его гибкая, нервная фигура вырисовывалась на фоне неба, и лицо его, освещенное огненно-красным светом заката, казалось действительно страшным. Джейкоб походил на пантеру, приготовившуюся прыгнуть, глаза его светились, как у пантеры, и Бенита знала, что она сама была добычей, на которую он нацелился. Но, помня свое решение не показывать ему страха, она спокойно заговорила с ним:

— Добрый вечер, мистер Мейер. О, я вся так одеревенела, что не могу повернуть шею и взглянуть на вас, — прибавила она со смехом.

Он мягко прыгнул вниз, снова напомнив ей пантеру, и остановился перед нею.

— Вы должны благодарить Бога, в которого верите, что сохранили кости в целости и вообще спасли жизнь, — сказал он, — дикари могли лишить вас и того и другого.

— Я это и делаю, мистер Мейер, но и вам я также очень благодарна за то, что вы так великодушно пришли нам на помощь. Отец, — позвала она, — подойди сюда и скажи мистеру Мейеру, как мы ему признательны.

Клиффорд, прихрамывая, вылез из своего шалаша под деревом и заметил:

— Я уже говорил ему об этом, дорогая моя.

— Да, — подтвердил Джейкоб, — вы уже говорили, мне; зачем же повторять одно и то же? Я вижу, что ужин готов. Давайте поедим, так как вы должны быть голодны, а затем я кое-что сообщу вам.

Они принялись за еду, хотя ни у кого из них не было аппетита. Мейер ел очень мало, но выпил много крепкого черного кофе и вина с водой. Зато Бените он подкладывал самые лучшие куски и не спускал с нее глаз, говоря, что ей следует есть побольше, чтобы не терять сил и не лишиться красоты. Бенита молчала и вспоминала сказку, слышанную в детстве, в которой людоед откармливает принцессу, намереваясь потом ее съесть.

— Вы должны бы подумать о своем собственном здоровье, мистер Мейер, — сказала она, — нельзя жить одним кофе и вином.

— Это все, что мне нужно сегодня. С минуты вашего возвращения я стал удивительно хорошо себя чувствовать. Никогда еще я не был так

здоров и полон сил. Я мог бы работать за троих, не чувствуя ни малейшей усталости. Например, сегодня я всю вторую половину дня носил провизию и прочие нужные вещи на эту стену, так как нам необходимо подготовиться к продолжительной осаде; и тем не менее мне кажется, будто я не поднял ни одной корзинки. Зато, когда вас не было, — о, каким усталым я себя чувствовал!

Бенита поспешила переменить тему разговора, спросив его, нашел ли он что-нибудь новое.

— Нет еще, но теперь, когда вы вернулись, мы найдем многое. Не пугайтесь, я задумал план, который должен удался. К тому же было слишком тоскливо работать одному в пещере, поэтому я только осмотрел место вокруг нее, ожидая минуты, когда можно будет отправиться вам навстречу и застрелить нескольких матабеле. Знаете, я лично убил семерых. Я не мог промахнуться, защищая вас, — добавил он с улыбкой.

Бенита невольно отстранилась от него, а мистер Клиффорд проговорил сердитым голосом:

— Не говорите об этих ужасах в присутствии моей дочери. Довольно того, что приходится делать подобные вещи, к чему же еще вспоминать о них!

— Вы правы, — задумчиво ответил Джейкоб, — и я прошу у вас извинения, хотя я никогда не испытывал удовольствия, подобного тому, которое чувствовал, стреляя в матабеле. И вот они умерли, а у наших стен находятся целые полчища. Слушайте! Они поют вечернюю молитву, — Мейер начал размахивать своим длинным указательным пальцем в такт ужасной воинственной песне матабеле, отдельные звуки которой долетали к ним снизу. — Это похоже на духовные песнопения, не так ли? Только вот слова... Хотя нет, я не стану переводить их, так как при настоящих обстоятельствах они носят слишком личный характер.

Теперь мне нужно кое-что вам сказать. Вы поступили ужасно нехорошо, бежав отсюда и покинув меня одного, более чем нехорошо — неблагородно. Право, — прибавил он, внезапно приходя в бешенство, — если бы я имел дело только с вами, Клиффорд, говорю вам откровенно, я застрелил бы вас при первой же встрече. Предатели заслуживают, чтобы их убивали, так ведь?

— Прошу вас не разговаривать так с моим отцом, — резко вмешалась Бенита, гнев которой заставил ее забыть обычный страх. — К тому же виновата во всем только я одна.

— Я с удовольствием повинуюсь вам, — с поклоном ответил Джейкоб. — Я никогда больше не стану возобновлять этого разговора и не осуждаю

вас, так как кто посмел бы это сделать? Только не Джейкоб Мейер. Я вполне понимаю, что вы должны были скучать здесь, к тому же дамам позволительно иметь свои прихоти. Вы вернулись обратно, так что незачем больше толковать об этом. Только послушайте: в одном пункте я твердо решил не уступать. Ради вашей собственной безопасности вы больше не уедете из Бамбатсе, пока мы не сможем сделать этого все вместе. Я окончательно пришел к этому убеждению в то время, когда переносил сюда съестные припасы. Если вы завтра утром пойдете осматривать стену, вы сами убедитесь в том, что никто не сможет подняться на нее, и — что гораздо важнее — никто не сможет спуститься с нее. К тому же для большей уверенности я буду впредь спать возле самой лестницы.

Бенита молча переглянулась с отцом.

— Молимо имеет право приходить сюда, — возразила она. — Ведь это его храм.

— Ну, ему придется впредь совершать свои моления там, внизу. Старый дурак воображает, будто ему все известно, однако он и не подозревал, что я намерен сделать! Кроме того, мы ведь не нуждаемся, чтобы он вторгался в нашу личную жизнь, правда? Не то он увидит золото, когда мы его найдем, и, чего доброго, может ограбить нас.

Глава XVII. Первый опыт

Бенита и ее отец снова переглянулись с недоумением и почти с отчаянием. Они попались в ловушку, вдали от всякой помощи, и оказались во власти человека, который терял рассудок. Мистер Клиффорд молчал. Он был уже стар и начал дряхлеть; в последние годы, совсем незаметно для него самого, он совершенно бессознательно подчинился Мейеру и в эту минуту отчаяния и растерянности был тем более неспособен выйти из-под его власти. К тому же этот человек угрожал убить его, и старик боялся этого — не столько из-за себя, сколько из-за дочери. Если бы он умер, то что бы случилось с Бенитой, совершенно одинокой и оставшейся во власти Мейера. Сознание своего безрассудства, хотя и несколько поздно, наполнило его душу стыдом. Как он мог вовлечь свою дочь в эту авантюру? Поддавшись корыстолюбию, он совершил преступление, которое связывало его язык и сковывало его уста; он решительно не знал, что сказать.

Некоторое время Бенита молчала. Всякая надежда покинула ее душу. Но так как она была смелой и энергичной женщиной, то мужество мало-помалу вернулось к ней. В груди ее поднялось глубокое негодование, отразившееся в ее темных глазах. Она вдруг повернулась к Джейкобу Мейеру, кутившему трубку и наслаждавшемуся их смущением.

— Как вы смеете? — спросила она тихим, но выразительным голосом. — Как вы смеете, подлый вы человек?

Он слегка вздрогнул под ее презрительным, гневным взглядом, но затем оправился и приготовился возражать с видом человека, готовящегося к серьезной борьбе, от исхода которой зависит его дальнейшая судьба.

— Не сердитесь на меня, — отвечал он, — я не в силах выносить вашего гнева. Вы не можете себе представить, как мне это больно. Хорошо же, я все скажу вам, скажу даже в присутствии вашего отца. Я решаюсь на это — ради вашей же пользы!

— Ради моей пользы? Какая для меня может быть польза от пребывания в этом ужасном месте в вашем обществе? Я бы скорее доверилась макаланга и даже, — добавила она с глубоким презрением, — кровожадным матабеле.

— Однако еще совсем недавно вы очень быстро от них убегали, мисс Клиффорд! Но вы меня не понимаете. Говоря, что я так поступаю ради вашей пользы, я подразумевал и свою собственную пользу. Видите ли, в

чем дело. Вы недавно пробовали покинуть меня, и вам это не удалось. В другой раз вам может удалиться, и тогда — что тогда станет со мною?

— Этого я не знаю, мистер Мейер, — проговорила Бенита, тогда как ее глаза добавляли: «И не желаю знать».

— А! Зато я знаю. В этот раз я не лишился рассудка; в следующий же раз я наверняка сойду с ума.

— Потому что вы вообразили себе, мистер Мейер, будто благодаря мне вы отыщете сокровище, о котором вы думаете день и ночь...

— Да, — поспешно ответил он, — потому что, уверен, в вас я найду сокровище, о котором мечтаю и днем и ночью, сокровище, которое стало для меня необходимым.

Бенита быстро повернулась к отцу, который раздумывал о значении слов Джейкоба, — но, раньше чем заговорил старик или девушка, Мейер рассеянно провел рукой по лбу и продолжал:

— О чем я говорил? Да, сокровище, неисчислимое сокровище из чистого золота, которое лежит до того глубоко, что его трудно найти и взять; бесполезное зарытое сокровище, которое принесло бы нам обоим столько счастья и радости, если бы только можно было добраться до него. Тогда я стал бы пересчитывать его, монета за монетой, в течение всех долгих, долгих лет жизни...

Он помолчал немного, потом заговорил снова:

— Мисс Клиффорд, вы совершенно правы. Я осмелился сделать вас пленницей потому, что, как говорит старый Молимо, сокровище принадлежит вам, а я желаю разделить его с вами. Между прочим, этот клад что-то никак не находится, хотя я работал так усердно.

Он посмотрел на свои нежные, покрытые рубцами руки.

— Совершенно верно, мистер Мейер, он не находится, поэтому лучше бы вы отпустили нас к макаланга.

— Нет, есть возможность найти его, мисс Клиффорд. Вы ведь знаете, где лежит золото, и можете указать мне.

— Если бы я знала, то, конечно, немедленно указала бы вам это место, мистер Мейер, потому что тогда вы получили бы золото и наши отношения на этом закончились бы.

— Не раньше, чем мы поделили бы каждую унцию золота и каждую монету! Но сперва — сперва вы должны указать мне то место, как обещали... Вы можете сделать это

— Каким образом, мистер Мейер? Ведь я не волшебница.

— О! Как раз наоборот. Заручившись вашим обещанием, я скажу вам, как это сделать. Слушайте меня оба. Я постиг многие тайны науки. Мне

известны многие скрытые вещи, и я читаю по вашему лицу, что вы обладаете особым даром... позвольте мне, мисс Клиффорд, посмотреть вам в глаза в течение некоторого времени, и вы тотчас же заснете спокойным, тихим сном; во время этого сна, который нисколько вам не повредит, вы узнаете, где лежит золото, и скажете нам.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила недоумевающая Бенита.

— Я знаю, что он задумал, — вмешался мистер Клиффорд. — Вы хотите загипнотизировать ее, как поступили с зулусским вождем!

Бенита хотела ответить, но Мейер поспешно перебил ее.

— Нет, нет! Выслушайте меня, прежде чем ответить отказом. Вы обладаете даром, драгоценным даром ясновидения, который встречается так редко.

— Откуда вам это известно, мистер Мейер? Меня еще никто никогда не гипнотизировал.

— Это не имеет никакого значения. Я в этом убедился, я понял это сразу, с того самого момента, как мы встретились ночью возле ущелья. Хотя вы тогда ничего не чувствовали, вы воздействовали на мое сознание таким образом, что оно заставило меня идти к вам навстречу и подоспеть как раз вовремя, чтобы спасти вас. Тот же дар ясновидения пробудил в вас предчувствие несчастья, постигшего ваше судно — о, я ведь слышал рассказ об этом от вас самой. Ваша душа обладает свойством отделяться от вашего тела; она может видеть прошлое и будущее, а также обнаруживать и скрытые вещи.

— Я не верю этому, — отвечала Бенита, — и, во всяком случае, не вы будете распоряжаться моей душой.

— Я это сделаю! Я это сделаю! — воскликнул он страстно, окидывая ее сверкающим взором. — Я все предвидел и поэтому настоял, чтобы вы ехали с нами, рассчитывая прибегнуть к этому способу, если все прочие окажутся неудачными. Вы видите, что нам ничего не удалось. Я терпеливо ждал и молчал, но теперь не остается другого выхода. Неужели вы будете так себялюбивы и жестоки, что отвернетесь от меня, хотя вы способны обогатить нас в течение какого-нибудь часа и это причинит вам так же мало вреда, как если бы вы проспали все это время!

— Да, — ответила Бенита, — я отказываюсь отдать свою волю в руки постороннего человека, тем более в ваши руки, мистер Мейер!

С жестом отчаяния Джейкоб повернулся к ее отцу.

— Не можете ли вы убедить ее, Клиффорд? Она ваша дочь и должна вас послушаться.

— Только не в этом случае, — возразила Бенита.

— Нет, — сказал мистер Клиффорд, — я не могу, да и не стал бы этого делать, даже если бы и мог. Моя дочь права. К тому же я ненавижу все эти сверхъестественные способы. Если мы не можем найти золото без этого, то мы откажемся от него, вот и все.

Мейер отвернулся, чтобы скрыть свое лицо, но вскоре заговорил снова, на этот раз совсем тихим голосом:

— Я вижу, что мне придется примириться с вашим ответом. Но, мисс Клиффорд, говоря о том, что вы не желаете подчиняться ни одному живому существу, подразумевали ли вы также и вашего отца?

Она отрицательно покачала головой.

— В таком случае не позволите ли вы ему загипнотизировать вас?

Бенита рассмеялась.

— О, конечно, если он хочет этого, — проговорила она. — Только я не думаю, чтобы это дало какие-нибудь результаты.

— Отлично, мы увидим завтра. Сегодня я, как и вы, очень устал. Я отправлюсь спать на свое новое место, у стены, — многозначительно прибавил он.

— Отчего ты так противишься этому? — спросил Бениту отец, когда Мейер ушел.

— О, отец! — ответила она. — Неужели ты не видишь и не понимаешь? Мне тяжело объяснять тебе, но я вынуждена это сделать. Вначале мистер Мейер хотел только золота. Но теперь он хочет большего и стремится овладеть мной так же, как и золотом. Я ненавижу его! Ты ведь знаешь, что только эта причина и побудила меня бежать. Я много читала о месмеризме и даже присутствовала на некоторых гипнотических сеансах, и — кто знает! — если я хоть раз позволю ему подчинить мой ум, я могу сделаться его рабой, несмотря на всю мою ненависть!

— Теперь я понимаю, — сказал мистер Клиффорд. — И зачем только я привез тебя сюда! Право, было бы лучше, если бы я никогда больше не встретился с тобой!

* * *

На следующее утро был проведен первый опыт. Мистер Клиффорд попытался загипнотизировать свою дочь. Перед этим Джейкоб Мейер, как оказалось, близко знакомый с этим сомнительным искусством, старался

научить его, как браться за дело. Во время урока Мейер рассказал Клиффорду, что в былые дни он собирался сделать это занятие своей профессией, пользуясь силой, которой наделила его природа, но вскоре бросил его, так как оно вредило его здоровью. Мистер Клиффорд удивился, что Мейер никогда прежде не говорил об этом.

— В моей жизни было много таких вещей, о которых я не говорил вам, — возразил Джейкоб с едва заметной многозначительной улыбкой. — Так, например, однажды я гипнотизировал вас, хотя вы об этом и не подозревали; вот почему вы всегда делаете все, что я хочу, кроме тех случаев, когда возле вас находится ваша дочь, так как ее влияние на вас сильнее моего.

Клиффорд с удивлением посмотрел на него.

— Немудрено, что Бенита не хочет позволить ее гипнотизировать, — сухо произнес он.

Джейкоб тотчас заметил свою ошибку.

— Вы гораздо более легковверны, чем я думал, — сказал он. — Разве я мог гипнотизировать вас без вашего ведома? Я только хотел пошутить над вами.

— Мне казалось, что вы не шутите, — неохотно возразил мистер Клиффорд, и урок продолжался дальше.

После обеда они взялись за дело. Местом для опыта была выбрана пещера, обстановка которой, по мнению Мейера, должна была благоприятствовать успеху.

Бенита, которую начинала забавлять эта затея, была посажена у подножия распятия. Одна лампа горела на алтаре, две — по обе стороны от нее.

Встав перед дочерью, мистер Клиффорд устремил на нее пристальный взгляд и принялся по указанию Джейкоба проделывать какие-то таинственные пассы. Но вид у него при этом был такой смешной, что Бенита с величайшим трудом удерживалась от смеха. Несмотря на все его гримасы и энергичную жестикуляцию, он не смог достичь никаких результатов, хотя Бенита все время сохраняла серьезное лицо и даже закрывала глаза, желая прийти к нему на помощь. В одну из таких минут, когда девушка снова открыла глаза, она увидела, что он начинает горячиться и уставать, тогда как Джейкоб Мейер следит за ним таким неприятным, пристальным взглядом, что она поспешила снова опустить веки, не желая видеть его лица.

Немного погодя Бенита вдруг почувствовала себя во власти какой-то странной силы, проникающей в ее мозг мягко и незаметно, подобно

убаюкивающим словам ее матери в далекие годы детства. Ей казалось, что она заблудилась в снежных Альпах, окутанная со всех сторон снегом, что снег все падает и падает мириадами хлопьев и что в сердцевине каждого из них маленькая огненная точка. Вдруг она вспомнила, что засыпать в снегу крайне опасно и что можно умереть, если не удастся стряхнуть с себя эту сонливость.

Бенита сделала усилие и пришла в себя — и как раз вовремя, ибо она уже мчалась на крыльях лебедя над бездонной пропастью, в глубине которой царила темнота, мелькали смутные очертания каких-то фигур, державших в руках свои сердца, мерцающие словно светильники. О, до чего отяжелели ее веки! На них, конечно, висели гири, золотые гири. Но вот они открылись, и она все увидела: увидела своего отца, уже прекратившего делать странные движения, — он отирал лоб красным носовым платком, а позади него виднелся Джейкоб Мейер с вытянутыми вперед неподвижными руками и устремленными на ее лицо сверкающими глазами. Сделав усилие, Бенита вскочила на ноги и встряхнула головой, как это делают собаки.

— Довольно заниматься глупостями! — сказала она. — Это утомляет меня.

Она схватила одну из ламп и побежала к выходу.

Бенита думала, что Джейкоб Мейер сильно рассердился на нее и готовилась к ожидавшей ее сцене. Но ничего подобного не случилось. Вскоре она увидела отца и Мейера выходящими из пещеры. По-видимому, они были заняты вполне мирным разговором.

— Мистер Мейер говорит, что я совсем плохой гипнотизер, дорогая моя, — сказал ей отец. — И я вполне готов верить ему. И все же это довольно тяжелая работа. Я устал не меньше, чем после нашего бегства от матабеле.

Бенита засмеялась и ответила:

— Судя по результатам, я согласна с тобой. Это занятие совсем не подходит тебе, отец, так что лучше брось его.

— Разве вы ничего не чувствовали? — спросил Мейер.

— Решительно ничего, — ответила она, глядя ему прямо в глаза. — Впрочем нет, это неправда; я почувствовала скуку и досаду на то, что мой отец ставит себя в смешное положение. Седые волосы и подобные глупости не подходят друг к другу.

— Да, — ответил Мейер, — они действительно не подходят друг к другу, я с вами согласен.

На этом разговор и кончился.

В течение нескольких дней Бенита, к величайшему своему удовольствию, не слышала больше разговоров о гипнотизме. Это объяснялось отчасти тем, что их занимали совершенно другие обстоятельства. Матабеле, которым надоело расхаживать вокруг стен крепости и распевать бесконечные воинственные песни, решили пойти на приступ. Трое золотоискателей имели возможность следить со своего наблюдательного пункта на верхней стене, как дикари готовились к нападению. Они видели, как рубились огромные деревья, из которых строились грубые лестницы; неприятельские разведчики в течение недели расхаживали возле стен, отыскивая наиболее слабое место в укреплениях. Когда они приближались чересчур близко, макаланга стреляли, убивая некоторых из них; остальные спешили возвратиться в свой лагерь, который они устроили невдалеке, воспользовавшись для этой цели небольшой возвышенностью.

Вскоре, однако, Мейер заметил, что хотя матабеле находятся вне досягаемости для пуль макаланга, в них можно было легко попасть с верхней стены, и он принялся стрелять в них ради развлечения. Ружье его было очень хорошего образца, системы Мартини, патронов оказалось предостаточно; к тому же он был прекрасным стрелком и обладал ястребиным глазом.

После нескольких пробных выстрелов он окончательно изловчился и устроил настоящую охоту на матабеле. Лежа на краю стены и прислонив ружье к камню, он стал выжидать, когда дикарь, наблюдавший за тем, как идет постройка лестниц, вышел на открытое место, прицелился и спустил курок. Воин, дикарь с седой бородой, подпрыгнул и упал навзничь, а его товарищи с удивлением смотрели вверх, не понимая, откуда взялась пуля.

— Ловко, правда? — спросил Мейер Бениту, наблюдавшую в полевой бинокль за всем происходившим внизу.

— Конечно, — ответила она. — Но все же я не желаю больше видеть этого.

Она передала бинокль отцу и спустилась со стены.

Но Мейер остался наверху, и временами оттуда доносились звуки выстрелов из его ружья. Вечером он рассказал Бените, что ему удалось убить шестерых и ранить еще десять человек, и добавил, что никогда еще ему не случалось так удачно стрелять.

— Какая же от этого польза, когда их остается еще так много? — спросила девушка.

— Польза невелика, — согласился Мейер. — Но зато это причиняет им неприятность, а меня забавляет. К тому же мы обязались по нашему

договору помогать макаланга, если на них будут нападать.

— Мне кажется, что вам просто доставляет удовольствие убивать людей, — заметила Бенита.

— Что же тут плохого, мисс Клиффорд, ведь они же хотели убить вас?

Глава XVIII. Другая Бенита

Время от времени, когда ему больше нечего было делать, Джейкоб Мейер снова брался за стрельбу, в которой также принимал участие мистер Клиффорд, хотя и не с такими результатами. Вскоре стало очевидно, что эта точность выстрелов сильно беспокоит матабеле. Хотя вообще мысль о смерти не особенно их пугала, но сознание того, что каждый из них ежеминутно подвергается риску погибнуть от сыпавшихся сверху пуль, совершенно меняло дело. Оставить лагерь для них было не особенно легко, так как они обнесли его *бома* из колючих растений на случай нападения со стороны макаланга; к тому же было нелегко найти другое подходящее место. Кончилось тем, что они решили идти на приступ, несмотря на недостаточное количество штурмовых лестниц.

На третье утро после первого опыта мистера Клиффорда с гипнотизмом Бенита проснулась на рассвете от громких криков и выстрелов. Поспешно одевшись, она пробралась при свете утренней зари к той части стены, из-под которой, как ей казалось, доносился шум, и, взобравшись на нее, увидела своего отца и Джейкоба, уже сидящих там с ружьями в руках.

— Эти дураки атакуют небольшой проход, через который вы, мисс Клиффорд, ехали верхом. Худшего места для нападения они не могли выбрать, хотя стена и выглядит здесь тоньше, — пояснил Мейер. — Если эти макаланга хоть на что-нибудь способны, то они дадут им хороший урок.

Вскоре поднялось солнце, и они увидели ряды матабеле, пробиравшихся с лестницами в руках вперед сквозь утренний туман, пока выступ холма не скрыл их из виду. Джейкоб и Клиффорд тотчас направили огонь своих ружей на этих людей, хотя туман не позволял им судить о результатах стрельбы. Вскоре громкие крики известили их о том, что дикари достигли рва и прилаживают лестницы к крепостным стенам. Макаланга, ничего не предпринимавшие против врага до этой минуты, поспешно открыли стрельбу со старинных бастioned, возвышавшихся над проходом, который старались штурмовать матабеле, и благодаря поредевшему туману наблюдавшие сверху увидели раненых матабеле, уходявших, шатаясь и ползком, обратно к своему лагерю. Пользуясь наступившим утром, Джейкоб Мейер послал им вдогонку несколько пуль.

Тем временем вся старая крепость наполнилась шумом и дикими

криками нападавших. Было очевидно, что матабеле пытались взобраться на стены, где их всякий раз встречал убийственный ружейный огонь. Лишь один раз раздался торжествующий рев, свидетельствовавший о том, что враги одержали победу; ружейные выстрелы стали заметно редеть, и Бенита побледнела от охватившего ее страха.

— Эти трусы макаланга бегут, — прошептал Клиффорд, прислушиваясь в смертельной тревоге.

Но, очевидно, мужество вернулось к защитникам Бамбатсе, потому что ружья защелкали громче и чаще прежнего, а дикий воинственный клич матабеле «Бей! Бей! Бей!» стал раздаваться все тише и тише и наконец замер в отдалении. Еще пять минут — и матабеле обратились в бегство, унося с собой убитых и раненых, взвалив их на плечи или положив на лестницы.

— Наши друзья макаланга должны быть нам крайне признательны за эту сотню ружей, — заметил Джейкоб, наскоро заряжая ружье и посылая пулю за пулей в самую гущу матабеле. — Если бы не ружья, — добавил он, — враги уже давно перерезали бы их, потому что они никогда не смогли бы остановить матабеле одними копьями.

— Да. И то же самое случилось бы с нами еще до наступления ночи, — отозвалась Бенита с дрожью в голосе, так как сражение и страх за его исход отняли у нее последние силы. — Слава Богу, что все кончилось! Я надеюсь, что они снимут осаду и уйдут отсюда.

Однако несмотря на понесенные ими крупные потери — матабеле потеряли свыше ста человек, — дикари, боявшиеся вернуться к себе в Булавайо без победы, и не думали отступать. Они только нарезали огромное количество тростника и кустов и перенесли свой лагерь почти на самый берег реки, куда не могли долететь пули белых. Тут они и расположились, рассчитывая взять осажденных измором или же проникнуть в крепость каким-нибудь иным способом.

Между тем Джейкоб Мейер, не имея больше возможности стрелять в неприятеля, державшегося вне досягаемости выстрелов, снова сосредоточил все свое внимание на поисках клада.

Не найдя ничего в пещере, он занялся обследованием площадки вокруг нее, среди камней, деревьев и старых развалин.

Они начали свои раскопки наугад, среди самых крупных развалин, где нашли некоторое количество золота в виде бус и других украшений, а также несколько древних скелетов. Но все это не имело ни малейшего отношения к португальскому кладу. Это приводило их все в более и более мрачное настроение духа, пока они вовсе не перестали разговаривать друг с

другом. На лице Джейкоба отражалось гневное разочарование, а Бенита начала впадать в глубокое отчаяние, так как она не видела больше никакой возможности спастись от своего тюремщика наверху и от матабеле, стороживших внизу. Кроме того, у нее была еще одна причина для беспокойства.

Здоровье ее отца, давно уже начавшего слабеть, заметно пошатнулось за последнее время, и он разом превратился в дряхлого старика. Всегдашние сила и энергия покинули мистера Клиффорда, а его мысли были поглощены страшным раскаянием в совершенном им преступлении, то есть в том, что он привез дочь в это ужасное место; он не мог думать ни о чем, кроме страшной участи, которая грозила ей. Тщетно Бенита пыталась успокоить его. В ответ на все ее слова он только стонал и заламывал руки, прося прощения у Бога и Бениты. Кроме того, власть Мейера над ним становилась все более и более очевидной. Мистер Клиффорд чуть не со слезами на глазах умолял Джейкоба открыть отверстие в верхней стене и позволить ему с дочерью спуститься к макаланга. Он пытался даже подкупить его обещанием уступить ему свою часть клада, если бы таковой нашелся, а в случае неудачи — и свои владения в Трансваале.

Но Джейкоб ответил ему крайне резко, посоветовав не говорить глупостей, так как они должны вместе довести дело до конца. Иногда Мейер уходил в сторону и погружался в размышления, и Бенита заметила, что при этом он всегда брал с собой либо ружье, либо револьвер. По-видимому, он боялся, чтобы ее отец не застиг его врасплох и не захватил власть в свои руки, расправившись с ним с помощью пули.

Одно только успокаивало ее: хотя Джейкоб Мейер постоянно следил за ней, он никогда не оскорблял ее и даже не беспокоил своими таинственными и нежными речами. Мало-помалу она начала думать, что он забыл об этом или отказался от своих надежд, считая их несбыточными.

Со времени атаки матабеле прошла неделя, и ничего не изменилось. Макаланга не обращали на них никакого внимания, а старый Молимо ни разу, насколько она знала, не пытался взобраться на верхнюю стену и вообще не старался повидаться с ними. Это обстоятельство сильно удивило Бениту, знавшую о его привязанности к ней, и заставило ее предположить, что он умер или был убит во время нападения на крепость. Джейкоб Мейер тоже казался озабоченным: он бросил раскопки и целыми днями сидел в бездействии, погруженный в свои размышления.

В этот день их обед прошел совсем не весело, так как никто из них не промолвил ни слова, да и запасы их начали подходить к концу и пища

становилась крайне скудной. Бенита не могла проглотить ни крошки: ей давно уже надоело высушенное на солнце мясо упряжных волов, а с тех пор как Мейер заделал выход в стене, ничего другого у них не было. По счастью, у них еще оставался изрядный запас кофе, и она охотно выпила две чашки этого напитка, сваренного и очень любезно поданного ей Джейкобом Мейером. Кофе показался ей, правда, очень горьким, но Бенита объяснила это отсутствием сахара и молока. После ужина Мейер поднялся и раскланялся с нею, пробормотав, что он уходит спать, а через несколько минут и мистер Клиффорд последовал его примеру. Проводив отца в его шалаш под деревом, Бенита помогла старику снять платье, так как теперь даже это становилось для него трудным делом, затем пожелала ему спокойной ночи и вернулась к костру.

Она вдруг почувствовала себя совсем одинокой среди окружавшего ее молчания: ни одного звука не доносилось ни из лагеря матабеле, ни снизу от макаланга, а яркий лунный свет наполнял все вокруг таинственными тенями, которые казались живыми. Зная, что отец не мог ее увидеть, Бенита немного поплакала, потом тоже пошла спать. Она чувствовала, что развязка, какова бы она ни была, уже близка, но у нее не было сил думать об этом. К тому же она ощущала какую-то необычную тяжесть в глазах, и прежде чем она успела прочесть молитву, ее голова опустилась на подушку. Бениту охватил глубокий сон. Больше она ничего не помнила.

Если бы Бенита страдала бессонницей, как это часто бывало с ней в те страшные дни, она услышала бы около полуночи легкие шаги какого-то живого существа, подкрадывающегося к ее палатке, и увидела бы, что лунный свет, проникавший к ней сквозь щели в неплотно сходящихся парусиновых стенках, внезапно заслонила фигура человека, вытянутые руки которого проделывали какие-то таинственные пассы. Но Бенита и не видела, и не слышала. Погруженная в сон, вызванный полученным ею питьем, она и не подозревала, что он стал мало-помалу переходить в какой-то странный обморок. Она совершенно не помнила, как поднялась, набросила на свое легкое платье плащ, зажгла лампу и, повинувшись стоявшему перед ней человеку, выскользнула из палатки. Она также не слышала, как ее отец, разбуженный звуками шагов, выбежал, спотыкаясь, из своего шалаша и обменялся несколькими словами с Джейкобом Мейером, пока она стояла рядом, с лампой в руках, словно привидение, лишенное воли.

— Если вы осмелитесь разбудить ее, то, уверяю вас, она умрет, а за нею и вы, — прошипел Джейкоб, хватаясь за револьвер у своего пояса. — С ней не случится ничего дурного, клянусь вам! Следуйте за нами, и вы

увидите. Молчите же, потому что от этого зависит наша судьба.

Побежденный странной силой его голоса и взгляда, мистер Клиффорд молча последовал за ними.

Они прошли по извилистому входу в пещеру. Впереди шел Джейкоб Мейер, спиной вперед, точно герольд перед царственной особой; потом сама царственная особа, в образе девушки, походившей на мертвую, с длинными распущенными волосами, в плаще и с лампой в руке; позади всех шел старый, седобородый человек, олицетворение Времени, сопровождающего Красоту к ее могиле. Вскоре они достигли большой пещеры и, миновав вскрытые могилы, отверстие колодца и алтарь, остановились у подножия распятия.

— Сядьте, — сказал Мейер, и Бенита, пребывавшая в трансе, опустила на ступеньки у подножия креста, поставила лампу на каменные плиты пола и низко опустила голову, так что ее длинные волосы упали на ее обнаженные ноги и совсем закрыли их. Он подержал руки над ее головой и спросил:

— Вы спите?

— Да, — отвечала она странным тихим голосом. — Ваша душа бодрствует?

— Бодрствует.

— Прикажите ей вернуться назад, сквозь многие века, к самому началу, и скажите мне, что вы там видите.

— Я вижу грубую пещеру и диких людей, обитающих в ней. Там умирает старик, — указала она вправо, — и чернокожая женщина с ребенком у груди ухаживает за ним. Мужчина — это ее муж — входит в пещеру. В одной руке он несет факел, а другой тащит козла.

— Довольно, — сказал Мейер. — Как давно это было?

— Тридцать три тысячи двести один год назад, — без колебаний ответила она.

— Пропустите тридцать тысяч лет, — приказал он, — и скажите мне, что вы видите.

Наступило довольно продолжительное молчание.

— Почему вы не отвечаете? — спросил он.

— Будьте терпеливы: я переживаю все эти тридцать тысяч лет — много жизней, много веков, но ничто не может быть пропущено.

Снова воцарилось довольно продолжительное молчание, после чего она наконец заговорила:

— Все они исчезли, и теперь, три тысячи лет тому назад, я вижу это место сильно изменившимся и населенным толпой молящихся людей в

странных одеяниях с пряжками. Позади меня стоит изображение богини с жестким, спокойным лицом, перед алтарем горит огонь, и священники в белых одеяниях приносят в жертву младенца, который громко кричит...

— Дальше, дальше, — перебил ее Мейер, словно почувствовав весь ужас описываемой сцены. — Пропустите две тысячи семьсот лет и скажите, что вы видите.

Снова наступила пауза, во время которой душа, пробужденная им в теле Бениты, переживала все эти века. Наконец она медленно проговорила:

— Ничего, это место черное и пустынное, и только мертвые спят под полом.

— Подождите возвращения живых и тогда говорите, — приказал Джейкоб.

— Они здесь, — сказала она довольно скоро. — Бритые монахи, из которых один создает это распятие, а затем их потомки, преклоняющие колени перед изображением над алтарем. Они приходят и уходят; о ком же я должна рассказывать?

— Расскажите о португальцах, о тех, которые оказались вынужденными умереть здесь.

— Я вижу их всех, — ответила она после некоторой паузы. — Их двести три человека. Они ободраны, измучены и голодны. Среди них находится красивая молодая девушка. Она приближается ко мне, проникает в меня... спросите ее, — договорила Бенита едва слышным голосом, — я уже больше не я.

Мистер Клиффорд хотел было удержать его, но Мейер сердито велел ему молчать.

— Говорите, — приказал он, но сидевшая перед ним молодая девушка только покачала головой. — Говорите, — повторил он, и чей-то голос, непохожий на голос Бениты ответил ему на незнакомом языке:

— Я слышу, но не понимаю ваших слов.

— Великий Боже! — воскликнул Мейер. — Она говорит по-португальски. — Это открытие поразило его, так как он знал, что Бенита не говорила на этом языке. Сам же он был с ним немного знаком, так как ему довелось некоторое время прожить в Лоренсу-Маркише.

— Кто вы такая? — спросил он по-португальски.

— Я Бенита да Феррейра. Я дочь капитана Феррейры и его жены, донны Христины, которые и сейчас стоят возле вас. Обернитесь, и вы увидите их.

Джейкоб вздрогнул и беспокойно огляделся по сторонам.

— Что она сказала? Я не расслышал, — спросил мистер Клиффорд.

Мейер перевел ее слова.

— Но это черная магия! — воскликнул старик. — Бенита не знает португальского языка, как же она может говорить по-португальски?

— Это происходит оттого, что она перестала быть нашей Бенитой и превратилась в другую Бениту, Бениту да Феррейра. Молимо был совершенно прав, когда говорил, что она унаследовала душу умершей девушки, так же как и ее имя.

— Прекратите, — сказал мистер Клиффорд. — Это слишком страшно. Разбудите ее, иначе я сделаю это сам!

— И убьете ее. Я вам говорю, что если вы только тронете или разбудите ее, то она сейчас же умрет. — Мейер указал на сидевшую перед ними фигуру девушки, которая была так бледна и неподвижна, что казалась уже умершей. — Не бойтесь, — продолжал он, — клянусь вам, что с ней не случится ничего дурного, клянусь, что я буду переводить вам каждое ее слово. Обещайте не трогать ее, иначе я ничего не скажу вам, и ее кровь падет на вашу голову.

— Обещаю, — со стоном произнес мистер Клиффорд.

— Расскажите мне вашу историю, Бенита да Феррейра. Каким образом вы и ваши единоплеменники попали сюда?

— Народ Мономотапы восстал против нашего владычества. Они убили многих среди нас, убили моего брата и человека, с которым я была обручена. Мы, оставшиеся в живых, бежали к северу, в эту старую крепость, надеясь спастись отсюда по реке Замбези. Наш вассал, Мамбо, дал нам здесь убежище, но целые тысячи враждебных нам племен окружили стены и сожгли все лодки, так что мы не могли бежать по воде. Мы много раз отгоняли их от стен, пока ров не наполнился их трупами. Наконец они перестали нападать на крепость.

Затем эти люди стали морить нас голодом и вскоре овладели первой стеной. Мы продолжали голодать, и они захватили вторую стену, но третью одолеть не смогли. Так мы и умерли: каждый из нас по очереди ложился и умирал в этой пещере. Наконец в живых осталась только я одна, потому что, пока еще оставалась пища, ее отдавали мне, дочери капитана. Да, я стояла на коленях у подножия креста, возле тела моего отца, и молила святого сына Марии послать мне смерть, которая никак не хотела прийти за мной. Вдруг я упала в обморок. Когда я пришла в себя, возле меня стоял Мамбо со своими людьми. Узнав, что мы все погибли от голода, наши преследователи ушли, а Мамбо, скрывавшийся со своим народом за рекой, вернулся ко мне, так как они знали ход на верхнюю стену. Они унесли меня от мертвых и дали мне пищи, так что мои силы скоро вернулись. Ночью,

однако, я убежала от них, не желая больше жить, и взошла на черную скалу, где они и увидели меня при восходе солнца. Они просили меня сойти вниз, обещая мне свою защиту, но я сказала «нет», ибо в душе моей не было ничего, кроме злобы и желания умереть, чтобы скорее соединиться с моим отцом, с моим братом и еще с одним человеком, который был мне дороже всего на свете. Тогда они спросили у меня, где спрятан клад.

При этих словах Бениты Джейкоб глубоко вздохнул и поспешил перевести сказанное ею, тогда как сидевшая перед ним девушка сразу замолчала, словно почувствовав, что его воля на секунду ослабла.

— Говорите дальше, я приказываю вам, — сказал Мейер, и она снова заговорила тихим, но звучным голосом, вкладывавшим в уста Бениты слова чужого языка, которого она никогда не знала.

— Я ответила, что золото находится там же, где и находилось. И что если они отдадут его кому-нибудь другому, кроме лица, которому предназначено получить его, то их постигнет участь моего народа. Да, я поручила им беречь его до моего возвращения, так как мой отец, умирая, приказал мне никому не открывать этой тайны. И я сама, собираясь умирать, никогда не думала вернуться сюда.

После этого я в последний раз прочла молитву, поцеловала золотое распятие, висящее в эту минуту на груди девушки, в которой я нахожусь, — при этих словах рука живой Бениты зашевелилась, медленно вынула крест из-под своего плаща, подержала его секунду над лампой и снова опустила на прежнее место. — Я заслонила свои глаза рукой, чтобы ничего не видеть, и бросилась вниз с выступа скалы.

Голос говорившей замер, но губы ее продолжали издавать какие-то страшные звуки, которые должны были вырываться у существа, разбившегося о скалы и тонувшего в воде. Это было так ужасно, что мистер Клиффорд готов был упасть в обморок, и даже сам Джейкоб Мейер зашатался, и его лицо стало таким же бледным, как лицо Бениты.

— Разбудите ее! Ради самого Бога, разбудите ее! — проговорил ее отец. — Она умирает, как и та женщина, умершая много лет назад.

— Она не умрет, пока не скажет нам, где находится золото. Молчите же, безумец! Она ничего не чувствует и не страдает. Лишь ее душа вновь переживает все происшедшее.

Снова наступило молчание.

— Бенита да Феррейра, — сказал наконец Мейер, — я приказываю вам ответить, умерли ли вы?

— О! Я хотела бы умереть, как умерло мое тело! — жалобно ответили губы Бениты. — Увы! Я не могу умереть и должна терпеть здесь в полном

одинокестве до определенного дня. Да, да, душа той, которая звалась Бенитой да Феррейра, должна одиноко посещать это место. Она обречена сторожить то проклятое золото, которое было взято из земли при помощи жестокости и ценой многих человеческих жизней.

— Цело ли оно? — спросил Джейкоб.

— Я сейчас посмотрю... *(После некоторой паузы.)* Я посмотрела. Оно тут, до последней крупинки, в мешках из воловьих шкур. Только один из этих мешков разорвался, черный с красным.

— Где оно лежит? — спросил Джейкоб.

— Я не посмею сказать вам... никогда, никогда!

— Нет ли такого человека, которому вы могли бы сказать об этом?

— Есть.

— Кому же?

— Той, в груди которой я нахожусь.

— Скажите же ей.

— Я сказала. Она знает.

— А она может мне сказать?

— Она может поступить с этой тайной, как ей будет угодно. О, моя спасительница, я благодарю тебя! Теперь я избавилась от этой тяжести, и мой грех самоубийства заглажен.

— Бенита да Феррейра, вы ушли? *(Никакого ответа.)*

— Бенита Клиффорд, вы слышите меня?

— Я слышу вас, — ответил голос Бениты по-английски, хотя Джейкоб, забывшись, обратился к ней на португальском языке.

— Где золото?

— У меня.

— Скажите мне, где оно, я приказываю вам.

На это не последовало никакого ответа. Хотя он несколько раз повторил свой вопрос, Бенита продолжала молчать. Наконец ее голова склонилась на колени, и она прошептала едва слышным голосом:

— Освободите меня, или я умру.

Глава XIX. Пробуждение

Джейкоб Мейер все еще пребывал в нерешительности. Великая тайна оставалась неузнанной и могла навсегда остаться скрытой для него, если бы он не воспользовался этим случаем.

Зато мистер Клиффорд не колебался ни секунды. Сознание опасности, сознание, что жизнь его дочери таинственно ускользает из ее тела под влиянием страшных чар, во власти которых она находилась, привело его в ярость. Его сила и мужество сразу вернулись к нему. Он бросился на Мейера, одной рукой схватил его за горло, а другой вытащил из-за пояса нож.

— Дьявол! — задыхаясь, прошептал он. — Разбудите ее, или вы отправитесь вслед за ней!

С этими словами он замахнулся ножом.

Джейкоб сдался сразу. Оттолкнув мистера Клиффорда, стоявшего позади него с ножом в руке, он приблизился к Бените и начал проделывать над ее головой таинственные пассы, сопровождая их повелительными словами. Долгое время они не производили никакого действия на молодую девушку — и Клиффорду, и Мейеру стало казаться, что она умерла.

Глубокое отчаяние охватило старика, а Мейер до того усердно, с таким бешенством продолжал двигать руками, что по его лбу заструились и начали капать на пол крупные капли пота.

Наконец она пошевелилась! Ее голова слегка приподнялась, грудь всколыхнулась.

— Царь Небесный, я спас ее! — прошептал Джейкоб по-немецки, продолжая свои движения.

Вскоре глаза Бениты открылись, она поднялась на ноги и вздохнула. Но она ничего не говорила и, точно спящая, пошла к выходу из пещеры, следуя за отцом, шедшим впереди с лампой в руках. Выйдя из пещеры, она направилась прямо в свою палатку, бросилась на постель и сразу погрузилась в глубокий сон. Казалось, она снова попала во власть снотворного питья, которая на время уступила другой, более мощной силе, вызванной в ней Джейкобом.

Мейер некоторое время смотрел на нее, потом сказал, обращаясь к мистеру Клиффорду:

— Не бойтесь и не беспокойте ее. Утром она проснется самым естественным образом.

— Я надеюсь, что так и будет, в интересах нас обоих, — отвечал Клиффорд, окидывая его гневным взглядом, — иначе либо вы, либо я, — но один из нас другого не увидит.

Мейер не обратил на эти угрозы никакого внимания. Он был так измучен, что едва держался на ногах.

— У меня нет сил, — проговорил он. — Теперь, когда я знаю, что она в безопасности, мне все равно, что будет со мной. Я должен отдохнуть.

Он вышел из палатки, шатаясь как пьяный.

Мистер Клиффорд слышал, как он на дворе пил джин прямо из бутылки, затем все смолкло.

Всю остальную часть ночи и даже утром мистер Клиффорд не отходил от постели Бениты, хотя он был легко одет и холодный утренний воздух пронизывал его до костей. Наконец, когда солнце окончательно взошло, она села на постели и открыла глаза.

— Что ты тут делаешь, отец? — спросила она.

— Я пришел посмотреть, где ты, дорогая моя. Ведь ты обычно уже выходишь в это время.

— Я, должно быть, проспала, — ответила она усталым голосом. — Но я нисколько не чувствую себя от этого свежее, да и голова у меня болит. О! Я, кажется, вспоминаю, — добавила она, вздрагивая. — Я видела такой ужасный сон.

— Какой сон? — спросил он по возможности равнодушно.

— Я не помню подробностей, но знаю, что он имел отношение к мистеру Мейеру, — проговорила она, содрогнувшись. — Мне казалось, что я очутилась в его власти, что он овладел моей душой и телом, вынуждая меня открывать ему тайны.

— Какие тайны, Бенита?

— Я не помню сейчас, но тогда мы пошли к мертвецам, и там я ему все сказала. О, отец, я боюсь этого человека, я страшно боюсь его! Защити меня от него!

Бенита заплакала.

— Конечно, я защищу тебя, детка. Твои нервы отчего-то расстроились. Оденься скорее, и ты забудешь обо всем этом. Я сейчас разведу огонь.

Через четверть часа Бенита присоединилась к отцу, немного бледная и расстроенная, но в ее поведении не было ничего ненормального. Она чувствовала сильный голод и с удовольствием принялась за сухари и соленое мясо.

— В сегодняшнем кофе нет той горечи, что была во вчерашнем, — заметила она. — Мне кажется, в нем было что-то такое, что навело на

меня эти ужасные сны. Где мистер Мейер? Впрочем, я знаю, — добавила она, дотрагиваясь рукой до своей головы. — Он еще спит возле стены.

— Кто тебе это сказал?

— Я не сумею объяснить тебе, но я знаю, что это так. Он не появится здесь до часу дня. Теперь я чувствую себя гораздо лучше. Что же мы предпримем, отец?

— Сядем на солнце и будем отдыхать, дорогая моя.

— Хорошо, сядем на верхушке стены; оттуда мы увидим макаланга, и мне будет приятно сознание того, что на свете существуют и другие люди кроме нас и Джейкоба Мейера.

Они тотчас ушли и, усевшись на том самом месте, откуда Мейер посылал пули в лагерь матабеле, стали следить за макаланга, двигавшимися далеко внизу, перед первой крепостной стеной. Бенита смотрела в полевой бинокль, и ей даже казалось, что она различает Тамаса, хотя утверждать это было невозможно, так как все они сильно походили друг на друга. Тем не менее это открытие сильно взволновало ее.

— Я уверена, что это Тамас, — воскликнула она. — О! Как бы мне хотелось очутиться возле него, несмотря на то что это значительно приблизило бы нас к матабеле. Но они лучше, гораздо лучше, чем мистер Мейер!

Она помолчала, затем вдруг спросила:

— Отец, ты что-то скрываешь от меня, а между тем память начинает возвращаться ко мне. Скажи, уходила ли я куда-нибудь ночью с мистером Мейером? Ходили мы куда-нибудь втроем: ты, я и он?

Он колебался и казался провинившимся: мистер Клиффорд был плохим актером.

— Я вижу, что так и было, уверена, что мы куда-то ходили. Отец, скажи же мне. Я должна знать, я хочу знать!

Он не выдержал и уступил.

— Я не хотел тебе говорить, дорогая, но, может быть, так будет лучше. Это ужасно странная история. Обещаешь ли ты мне не волноваться?

— Я могу обещать, что не стану волноваться сильнее, чем в настоящую минуту, — ответила она с печальной усмешкой. — Продолжай, пожалуйста.

— Ты помнишь, что Джейкоб Мейер все хотел загипнотизировать тебя?

— Я вряд ли забуду это.

— Ну так вот, прошлой ночью он тебя загипнотизировал.

— Как? — воскликнула она. — Как? О, как это ужасно! Теперь мне все

понятно. Но когда же это произошло?

— Вероятно тогда, когда ты крепко уснула. Я услышал какой-то шум, который и разбудил меня. Когда же я вышел из своего шалаша, то увидел, что ты шла за ним, как мертвая, с лампой в руках.

Тут он рассказал ей все происшедшее, а она слушала его, пораженная ужасом.

— Как он осмелился? — проговорила она, когда он кончил свой длинный рассказ. — Я ненавижу его; я почти жалею, что ты не убил его.

Она сжала свои маленькие кулаки и погрозила ими в воздух.

— Это вовсе не христианское чувство, мисс Клиффорд, — произнес голос позади нее. — Но так как теперь уже половина второго, а я все еще жив, то я пришел напомнить вам, что нам пора завтракать.

Бенита повернулась на камне, на котором сидела, и увидела Джейкоба Мейера, стоявшего в кустах, недалеко от стены. Глаза их встретились. В ее взгляде сквозил вызов, а в его — сознание своей силы.

— Я не хочу завтракать, мистер Мейер, — сказала она.

— А я уверен, что вы хотите. Пожалуйста, спуститесь и съешьте что-нибудь. Пожалуйста, спуститесь.

Слова эти были произнесены смиренным, почти умоляющим тоном, но Бените почудилось в них приказание. Они с отцом неохотно спустились с полуразвалившейся стены, и оба последовали за мистером Мейером к месту их стоянки.

После того как они поели — или сделали вид, что поели, — он наконец заговорил:

— Я вижу, что ваш отец поведал вам обо всем случившемся, мисс Клиффорд, и я очень этому рад. Мне было бы труднее рассказать вам обо всем, так как я за многое должен просить у вас прощения. Но что мне оставалось делать? Я знал, и знал это всегда, что клад можно найти только с вашей помощью. Поэтому я дал вам снотворное питье и, когда вы заснули, загипнотизировал вас — остальное вам известно. Я обладаю довольно большим опытом в этом деле, но мне никогда не случалось видеть ничего подобного, и я надеюсь, что и не случится больше.

До этой минуты Бенита все время молчала, но когда Мейер заговорил, жгучее негодование и любопытство преодолели в ней стыд и ненависть.

— Мистер Мейер, — сказала она, — вы поступили самым скверным и недостойным образом, и, говоря откровенно, я никогда вам этого не прощу.

— Не говорите так. Пожалуйста, не говорите этого, — прервал он ее тоном искреннего огорчения. — Будьте ко мне снисходительны. Мне необходимо было узнать, и у меня не было иного выхода. Вы обладаете

даром ясновидения, и вы знаете, что от этого зависит все.

— То есть вы подразумеваете под этим сколько-то унций золота?

— Я подразумеваю могущество, которое дает золото, мисс Клиффорд.

— Такое могущество, которого вас могут лишить лихорадка, копьё матабеле — или просто Божья воля. Но дело сделано, рано или поздно грех должен быть искуплен. Хочу задать вам еще один вопрос. Вы ни во что не верите, как говорили мне не раз. Вы утверждаете, что души не существует, что когда мы умираем, то этим все кончается, не так ли?

— Да, я это говорю.

— Объясните же мне в таком случае, кто говорил моими губами прошлой ночью и каким образом я, не говорящая по-португальски, разговаривала с вами на этом языке?

Он пожал плечами.

— Вы задаете трудные вопросы, но на один из них я, кажется, могу ответить. Я уверен, что души, то есть чего-то такого, что переживает тело, не существует. Но зато есть так называемое высшее самосознание, составляющее часть жизненного принципа вселенной, и если оно для кого-нибудь становится доступным, то этот человек узнает все, что когда-либо происходило в мире. Когда-нибудь, если вы прочтете произведения моего соотечественника Гегеля, вы найдете в них указания по этому вопросу.

— Но вы ничего не объясняете.

— Сейчас объясню, мисс Клиффорд. В течение прошлой ночи я освободил ваше высшее самосознание, и оно открыло вам прошлое, совершившееся на этом месте. Вам и прежде была известна история умершей девушки, Бениты да Феррейра, но вы ее воспроизвели, говоря на ее родном языке, точно так же как вы заговорили бы по-гречески или как-нибудь иначе, если бы это был ее родной язык. В вас пробудилась в то время не ее душа, хотя я для краткости и называл ее так, но ваше собственное скрытое сознание, вызванное к жизни и оживленное усилием вашего воображения.

То обстоятельство, что вы с ней носите одинаковое имя, является просто странным совпадением, не более. На это не имеется иных доказательств кроме того, что вы сами говорили во время транса.

— Может быть, — проговорила Бенита, не желавшая вдаваться в философские рассуждения, — может быть, и вы, мистер Мейер, увидите когда-нибудь привидение. Тогда вы будете рассуждать иначе.

— Если я увижу привидение и удостоверюсь, что это действительно один из духов, то я, без сомнения, уверую в их существование. Но стоит ли толковать об этом? Я не ищу духов, я ищу португальское золото. Теперь я

убедился, что вы знаете, где оно находится. Вы, без сомнения, открыли бы нам это прошлой ночью, если бы ваша нервная система оказалась более выносливой и если бы такое состояние было для вас привычным делом. Говоря от лица Бениты да Феррейра, вы сказали, что видели его, и даже описали, как оно выглядит. Затем вы уже не могли или не хотели сказать ничего больше, и вас пришлось разбудить. Мисс Клиффорд, вы должны позволить мне загипнотизировать вас еще раз, всего на несколько минут, так как мы не станем терять времени на истории из прошлого и найдем золото. Впрочем, быть может, это излишняя мера, — добавил он, окидывая ее пронизывающим взглядом, — если бы оказалось, что все это вам уже известно. В таком случае мне незачем было бы тревожить вас.

— Я не знаю, мистер Мейер. Я ничего не помню о золоте.

— Это только подтверждает мою теорию. То, что должно было являться душой Бениты да Феррейра, сказало, что эта тайна перешла к вам, но в состоянии бодрствования вы не можете это помнить. Зато ваше пробужденное высшее самосознание знает все. Поэтому я должен еще раз загипнотизировать вас. Не сейчас, но спустя какое-то время, когда вы полностью оправитесь. Назначим хотя бы будущую среду, что будет через три дня.

— Вы никогда больше не загипнотизируете меня, мистер Мейер!

— Этого не случится, пока я жив, — вмешался ее отец, до этой секунды молча прислушивавшийся к их разговору.

— Вы так думаете, но я думаю иначе. То, что я сделал прошлой ночью, было сделано против вашей воли, и я снова могу повторить это, с той лишь разницей, что во второй раз все пройдет гораздо легче. Но я предпочел бы сделать это с вашего согласия, потому что я поступаю таким образом не только в своих интересах, но и в интересах всех нас. А пока не будем больше говорить об этом, чтобы не сердиться понапрасну.

С этими словами Мейер встал и удалился.

* * *

Следующие три дня Бенита провела в постоянном страхе. Она чувствовала, что Джейкоб Мейер успел приобрести над ней некоторую власть и что между ними установилась какая-то новая непреодолимая связь. Она знала его мысли; прежде чем он высказывал свою просьбу, она

уже протягивала ему во время еды тот или другой предмет, а также отвечала на его вопросы, прежде чем он успевал их произнести. Кроме того, она повиновалась его призыву на небольших расстояниях. Так, один раз, в то время когда она гуляла для поправки здоровья вдоль стены своей тюрьмы, она почувствовала, что ее ноги увлекают ее вперед к какому-то месту. Придя туда, она увидела Джейкоба Мейера, появившегося там еще раньше Бениты.

— Простите, что я позвал вас сюда, — говорил он, улыбаясь и вежливо приподнимая шляпу, — но я хотел спросить вас, не изменили ли вы вашего решения и не согласитесь ли вы, чтобы я вас загипнотизировал?

В продолжение нескольких секунд он удерживал ее глазами, причем ей казалось, что ее ноги пустили корни в землю, пока он не освободил ее, словно перерезав сковывавшую движения веревку, и тогда Бенита бросилась от него прочь, как от дикого зверя, ничего не видя от застилавших глаза слез и задыхаясь от душившей ее ненависти.

Но если дни ее были неприятны, то каковы были ее ночи? Она жила в вечном страхе, опасаясь, что Мейер опять подложит что-нибудь в ее пищу или питье и, усыпив, снова станет пробовать на ней свои волшебные чары. Стараясь защититься от первой опасности, она не брала в рот ничего, что побывало подле Джейкоба. Спала она в шалаше отца, который ложился у входа с заряженным ружьем у изголовья. Мистер Клиффорд открыто заявил Джейкобу, что если он застигнет его гипнотизирующим Бениту, то немедленно убьет его, на что Мейер ответил только смехом, так как он нисколько не боялся старика.

В долгие ночные часы они сторожили по очереди, причем один из них спал, а другой смотрел и прислушивался. При этом Бенита часто слышала крадущиеся шаги Джейкоба Мейера около самого шалаша и чувствовала исходящую от него мягкую и властную силу. Тогда она будила отца и шептала ему: «Он здесь, я чувствую его присутствие». Но пока старик с трудом поднимался на ноги — за последнее время он стал заметно слабеть и страдать от ревматизма или от какой-то другой подобной болезни — и выбирался из шалаша, все исчезало, и только где-то в темноте звучали удаляющиеся шаги и раздавался тихий смех. Так шли печальные дни, и наступило третье утро — утро злополучной среды. Перед восходом солнца Бенита и ее отец, ни разу не сомкнувшие глаз в течение всей ночи, долго обсуждали волновавший их вопрос, так как они знали, что приближается решающий момент.

— Я думаю, Бенита, что мне следовало бы его убить, — сказал мистер Клиффорд. — Я начинаю все больше и больше слабеть, и если я буду

откладывать выполнение своего решения, то у меня в конце концов не хватит на это сил, и ты окажешься в его власти. Я без труда мог бы застрелить его сзади, и хотя мне ненавистен подобный поступок, но я думаю, что мне это простится. Во всяком случае ничего иного я сделать не могу; я должен думать не о себе, а о своих обязанностях относительно тебя.

— Нет, нет, — отвечала она. — Я не допущу этого. Это было бы убийством, хотя он тоже угрожал тебе. В сущности, отец, я думаю, что этот человек ненормален и не отвечает за свои поступки. Нам не остается ничего иного, как ждать и надеяться на Божью помощь. Если же Он не поможет, то, в крайнем случае, я могу помочь себе сама.

Бенита дотронулась до револьвера, с которым не расставалась ни днем ни ночью.

— Пусть будет по-твоему, — произнес мистер Клиффорд со стоном. — Будем молить Бога, чтобы Он освободил нас из этого ада, и не станем обагрять наших рук кровью.

Глава XX. Джейкоб Мейер видит духа

Они молчали в течение нескольких секунд. Затем Бенита спросила:

— Отец, неужели у нас нет возможности бежать отсюда? Может быть, лестница у стены заложена не до конца и мы могли бы спуститься по ней?

Клиффорд подумал о своих негнущихся ногах, о больной спине, покачал головой и ответил:

— Я не знаю; Мейер никогда не подпускал меня настолько близко, чтобы я мог в этом убедиться.

— Так почему бы тебе не пойти сейчас? Ты ведь знаешь, что он теперь встает очень поздно, так как всю ночь не ложится. Возьми бинокль и осмотри гребень стены из развалин того старого дома, который стоит поблизости. Джейкоб не увидит и не услышит тебя; если же пойду я, то он сейчас же почувствует это и проснется.

— Если хочешь, дорогая моя, я попробую; но что в это время будешь делать ты?

— Я поднимусь на конус.

— Не собираешься ли ты... — он внезапно оборвал свои слова.

— Нет, нет, ничего подобного. Я не последую примеру Бениты да Феррейра, пока обстоятельства не заставят меня пойти на это. Я просто хочу посмотреть, вот и все. Оттуда ведь очень далеко видно. Может быть, матабеле уже ушли, ведь мы давно ничего о них не слышали.

Они поспешили одеться и, когда стало достаточно светло, вышли из шалаша и разошлись в разные стороны. Мистер Клиффорд взял ружье и пошел, прихрамывая, к стене, а Бенита направилась к большому конусу. Она легко взобралась на него и остановилась в углублении в виде чаши, ожидая, когда взойдет солнце и рассеется туман, висевший над рекой и над ее берегами.

Лагеря матабеле не было видно, потому что он раскинулся во впадине, почти у подножия крепости. Позади него возвышалось нечто вроде холма, лежавшего приблизительно в полумиле от того места, на котором стояла Бенита. На самой вершине этого холма она увидела что-то похожее на фургон, вокруг которого двигались человеческие фигуры. Они, по-видимому, громко кричали, так как их голоса доносились по тихому воздуху ясного африканского утра до скалы, на которой находилась девушка.

По мере того как туман окончательно рассеивался, она все больше и

больше убеждалась, что это был действительно фургон с длинной вереницей волов, которых окружали многочисленные матабеле, по-видимому только что захватившие фургон в плен. В эту минуту они, однако, были заняты чем-то другим. Они протягивали свои ассегаи, указывая на скалу над Бамбатсе.

Тогда Бенита внезапно сообразила, что при ярком солнечном свете, на фоне неба, ее, конечно, отлично видно снизу. Внимание матабеле было, по-видимому, привлечено ее фигурой, поднявшейся, подобно орлу, на скалу между небом и землей. Вскоре рядом с матабеле появился белый человек, направивший на нее не то ружье, не то подозрную трубу. При виде его красной фланелевой рубашки и широкополой шляпы она сразу убедилась, что видит европейца, и — о! — как ее душа устремила к нему, даже совершенно не зная его! Если бы с неба внезапно спустился ангел, несчастная Бенита не могла бы радоваться ему больше, чем этому незнакомцу!

Но это, конечно, только сон! Что делать европейцу и его фургону в таком месте, как это? И почему матабеле не убили его сразу? Она не могла ответить на эти вопросы, однако, по-видимому, у дикарей не было жестоких намерений; они продолжали усиленно жестикулировать и переговариваться между собой, пока чужестранец стоял, подняв свою подозрную трубу, если только это была труба. Это продолжалось довольно долго, пока не распрягли волов и не подошли еще несколько матабеле, которые и увели, судя по всему против его желания, белого в свой лагерь. Когда они скрылись из виду и смотреть стало больше не на что, Бенита спустилась со скалы.

Внизу она встретила отца, пришедшего за ней.

— Что случилось? — спросил он, увидев ее взволнованное лицо.

— О, — сказала или, вернее, прорыдала она. — Я видела внизу европейца с фургоном. Я видела, как матабеле забирали его в плен.

— В таком случае мне очень жаль бедного малого, — воскликнул мистер Клиффорд, — так как, вероятно, в настоящее время его уже нет в живых. Но что мог делать здесь европеец? Вероятно, это был какой-нибудь охотник, попавшийся в ловушку.

На лице Бениты отразилось отчаяние.

— Я надеялась, — сказала она, — что он нам поможет.

— С таким же успехом он мог надеяться, что мы поможем ему. Он умер, и, значит, все кончено. Мир праху его, а нам надо думать о собственных несчастьях. Я осмотрел стену и убедился, что нет никакой возможности спуститься с нее. Если бы Мейер был профессиональным

каменщиком, он не мог бы лучше заделать амбразуру в ней. Неудивительно, что мы больше не видим Молимо, так как теперь сюда смогла бы добраться разве что птица.

— Где был мистер Мейер? — спросила Бенита.

— Он спал, завернувшись в одеяло, под навесом из веток, у самой лестницы. По крайней мере, мне так показалось, хотя было еще довольно трудно разглядеть что-нибудь. Во всяком случае, я видел его ружье, стоявшее у дерева. Ну, пойдем завтракать. Он, наверное, тоже скоро появится.

Они пошли обратно, и Бенита в первый раз с воскресенья с удовольствием позавтракала сухарями, намоченными в кофе. Несмотря на высказанную ее отцом уверенность, что белый уже погиб от ассегаев матабеле, вид этого человека и его фургона ободрил Бениту, являясь для нее связью с внешним миром. Может быть, ему и удалось спастись?

Хотя Мейер все еще не появлялся, это несколько их не удивило, так как он с некоторых пор ел всегда один, пользуясь запасами с общего склада и собственноручно готовя их на отдельном костре. После завтрака мистер Клиффорд заметил, что у них не было больше воды для питья, и Бенита вызвалась пойти с ведром к колодцу в пещере. Отец хотел было сопровождать ее, но она заявила, что может справиться с цепью без посторонней помощи. Она сразу ушла, захватив в одну руку ведро, а в другую — лампу.

У последнего поворота в проходе, который вел в пещеру, ей показалось, что где-то впереди мелькает свет, и она на секунду приостановилась, но, завернув за угол, очутилась в полной темноте и пошла дальше, думая, что ошиблась. Дойдя до колодца, она повесила ведро на большой медный крюк, размышляя о том, сколько людей в далеком прошлом поступали таким же образом; об этом можно было судить по изношенному виду массивного крюка, сделавшегося совсем тонким от постоянного употребления. Бенита стала опускать ведро, и лязг разматывавшейся цепи зловеще прозвучал под сводами пещеры. Наконец ведро коснулось воды, и она принялась поднимать его, временами приостанавливаясь, так как это продолжалось довольно долго, да и цепь была очень тяжелой. Но вот ведро показалось у края колодца. Бенита притянула его к себе и сняла с крюка; затем она сняла лампу и собралась уходить.

Но в эту минуту она почувствовала, вернее, увидела что-то в темноте. Подняв лампу над головой, она разглядела фигуру человека, заслонявшего от нее выход из пещеры.

— Кто тут? — спросила она, и из темноты донесся мягкий голос — голос Джейкоба Мейера:

— Не могли бы вы остановиться на несколько минут, мисс Клиффорд? Я захватил с собой бумагу и хотел бы набросать рисунок. Вы даже не представляете, как вы сейчас красивы, с этой лампой над вашей головой, освещающей темные углы и голову Распятого в терновом венце. Вы видите, что хотя судьба толкнула меня на совершенно иной путь, в душе я остаюсь художником. Ни разу в жизни я не видел такой прекрасной картины! Когда-нибудь она прославит меня.

Ты стоишь подобно статуе
С агатовой лампой в руке.

Вот что я подпишу под нею; вам ведь знакомы эти слова?

— Да, мистер Мейер, но я боюсь, что вам придется писать вашу картину по памяти, так как я больше не в силах держать лампу. Моя рука и так уже болит. Я не знаю, как вы сюда попали, но уж если вы последовали за мной, то не будете ли вы столь добры донести за меня воду?

— Я не следовал за вами, мисс Клиффорд. Вы этого не видели, но я пришел сюда раньше вас, намереваясь сделать кое-какие измерения.

— Как же вы могли делать измерения в темноте?

— Я не был в темноте. Я потушил свет, увидев вас, потому что знал, что вы сейчас убежите, и судьба помогла мне. Вы пришли, уступая моему желанию. Теперь поговорим с вами. Мисс Клиффорд, изменили ли вы свое решение? Вы знаете, что время не терпит.

— Я никогда не изменю своего решения. Пропустите меня, мистер Мейер.

— Нет, нет. Я не сделаю этого до тех пор, пока вы не выслушаете меня. Вы очень жестоки со мной, очень жестоки. Вы совсем не понимаете, что я скорее готов умереть, чем причинить вам малейшее зло.

— Я вовсе не требую, чтобы вы умерли. Я только прошу оставить меня в покое, что гораздо легче сделать.

— Но как же я могу оставить вас в покое, когда вы составляете часть меня самого... когда я люблю вас. Вот, я высказался, теперь говорите что хотите...

Бенита приподняла ведро с водой; его тяжесть как будто ободрила ее. Затем она снова опустила его на пол, так как ей некуда было бежать. Она должна была найти какой-нибудь выход из этого положения.

— Мне нечего сказать вам, мистер Мейер, кроме того что я не люблю

и никогда не полюблю ни вас, ни какого бы то ни было другого живого человека. Благодарю вас за внимание. Вот и все.

— Какого бы то ни было другого живого человека, — повторил Мейер. — Это значит, что вы любите мертвеца, утонувшего Сеймура. Неудивительно, что я возненавидел его с того момента, когда впервые увидел его несколько лет назад — он тогда не играл никакой роли в вашей жизни. Это опять проявление предчувствия и высшего самосознания. Но какой же смысл от любви к мертвым, то есть к людям, уже не существующим на свете и превратившимся в ту самую глину, из которой они были созданы? Человек живет только однажды; вернитесь же, вернитесь к живым и дайте им счастье!

— Я не согласна с вами, мистер Мейер. По моему мнению, умершие не перестают жить, и когда-нибудь я увижу их. Теперь пропустите меня.

— Я не пущу вас. Я буду молить вас и бороться с вами, пока вы не благословите меня. Вы презираете меня за то, что в моей жизни были разные приключения, не всегда кончавшиеся успешно, за то, что вы считаете меня лишившимся рассудка. Но уверяю вас, во мне есть ростки величия. Станьте моей, и я сделаю вас великой, ибо я убедился, что нуждался в вас, чтобы дополнить то, чего не хватает во мне. Мы с вами завладеем богатствами и будем властвовать...

— До тех пор, пока не умрем от голода через каких-нибудь несколько дней, или пока матабеле не покончат с нами. Нет, мистер Мейер, нет!

Она попробовала пройти мимо него, но он раскинул руки и удержал ее.

— Послушайте, — воскликнул он. — До сих пор я обращался к вам с мольбой. Но поскольку вы отталкиваете меня и поскольку вы одна стоите между мной и безумием, то я поступлю иначе. Я ваш повелитель, ибо ваша воля подчинена моей; я приказываю вам повиноваться мне!

Он устремил на нее свой взгляд, и Бенита почувствовала, что силы начинают изменять ей.

— А! — вскричал Мейер. — Теперь вы в моей власти, и в доказательство я сейчас поцелую вас в губы, а затем усыплю, и вы скажете мне все, что я хочу знать. О! Не думайте, что ваш отец защитит вас. Если он вздумает вмешаться, я сейчас же убью этого старого глупца, которого щадил до сих пор только ради вас. Не забывайте, что если вы рассердите меня, я непременно убью его, и кровь вашего отца падет на вашу же голову. Сейчас я поцелую вас.

Бенита подняла руку, намереваясь вытащить револьвер из-за пояса, но ее рука тут же повисла как плеть. Казалось, девушка лишилась сил, вся она

была парализована, словно птица, которая, увидев змею, не может поднять крылья и взлететь, а стоит и ждет смерти. Она находилась во власти ненавистного ей человека. Неужели небеса допустят это? Какие-то обрывки мыслей проносились в ее голове, в то время как его губы приближались к ее лицу.

Он коснулся ее губ, и в то же время по каким-то необъяснимым причинам оцепенение сразу исчезло. Она снова почувствовала себя свободной, госпожой своих поступков. Бенита презрительно оттолкнула его в сторону и, даже не пытаясь бежать, подняла ведро с водой и ушла прочь.

Вскоре она увидела дневной свет. Как это ни странно, но после всего случившегося Бенита чувствовала себя счастливой и спокойной. Подобно тому как перед глазами засверкал ослепительный солнечный свет, в душе ее внезапно вспыхнул свет свободы. Она больше не боялась Джейкоба Мейера; его грязный поцелуй стряхнул оковы, связывавшие ее с ним. Ее ум был поработан его умом, но как только в этом приняла участие и его плоть, он перестал властвовать над ее разумом.

Приближаясь к шалашу, она увидела своего отца, сидевшего на камне; бедный старик настолько ослаб за последнее время, что не мог подолгу стоять на ногах. При виде его Бенита вспомнила угрозы Мейера, и счастливое настроение сразу покинуло ее.

Ей самой ничего не грозило, она была уверена, что находится в безопасности. Но ее отец... Если Мейеру не удастся добиться желаемого, он наверняка сдержит свое обещание и убьет его. Она содрогнулась при этой мысли, но тотчас взяла себя в руки и спокойно пошла вперед, неся ведро, наполненное водой.

— Как ты долго ходила, дорогая моя, — сказал мистер Клиффорд.

— Да, отец. В пещере оказался мистер Мейер, который и задержал меня.

— Как он туда попал, и что ему понадобилось?

— Я не знаю, как он туда попал; вероятно, прокрался в то время, пока мы не глядели в ту сторону. Что же касается его желаний... слушай же, дорогой мой...

Она подробно поведала ему о случившемся. Когда она доканчивала свой рассказ, ее отец почти задохнулся от гнева.

— Негодяй! Негодяй! — восклицал он. — Я никогда не ожидал, что он решится на такое оскорбление! Хорошо же; благодарение Богу, я еще могу держать в руках ружье, и как только он выйдет...

— Отец, — мягко сказала она, — этот человек безумный. Он не отвечает за свои поступки, поэтому, за исключением случаев, когда ты

будешь вынужден защищаться, ты не должен этого делать. Что касается тебя, я думаю, это было простой угрозой, а за меня тебе нечего бояться, так как он потерял свою власть надо мной. Это произошло сразу, как только он прикоснулся к моим губам.

При этих словах Бенита начала старательно вытирать губы, словно желая смыть с них пятно.

— Я больше не боюсь его. Мне кажется, да, я верю, что старый Молимо сказал правду и что все кончится благополучно...

В этот миг Бенита услышала за спиной какое-то хрипение. Она поспешила обернуться и увидела странную картину: к ним приближался Джейкоб Мейер, шатаясь и с трудом волоча ноги по траве и камням. Лицо его было мертвенно бледно, нижняя челюсть опустилась, как у мертвеца, а глаза были широко раскрыты и полны бесконечного ужаса.

— Что с вами? — спросил мистер Клиффорд.

— Я... я видел привидение, — прошептал он. — Ведь вы не подходили ко входу в пещеру, правда? — добавил он, обращаясь к Бените, которая отрицательно покачала головой.

— Какое привидение? — снова спросил мистер Клиффорд.

— Я не знаю. Но моя лампа погасла, и позади меня вдруг появился свет. Я оглянулся и увидел коленопреклоненную женщину у подножия распятий. Руками она обняла ноги изображенного на кресте человека, ее голова тоже покоилась на его ногах, а ее длинные черные волосы были распущены. Она была одета во все белое, и от всей ее фигуры исходил свет. Она медленно обернулась и поглядела на меня и — о, Боже! — ее лицо... — Он закрыл глаза руками и застонал. — Ее лицо было прекрасно, да, да, и в то же время страшно, как лицо ангела-мстителя. Я пустился бежать, но свет следовал за мной до самого выхода. Я видел духа, я, не веривший в духов, видел одного из них и клянусь вам, что за все золото мира я не войду больше в это место.

Прежде чем они успели ответить, Джейкоб Мейер вдруг бросился вперед, по-видимому охваченный новым приступом страха, и пустился бежать, пробираясь сквозь кусты и прыгая с камня на камень подобно испуганному дикому козлу.

Глава XXI. Весть мертвой

Как Бенита предсказывала, так и случилось. Джейкоб Мейер вернулся к ужину. Он был бледен, но казался здоровым.

— Сегодня утром со мной случилось что-то вроде припадка, — объяснил он, — нечто похожее на галлюцинацию, охватившую меня в пещере, когда погасла моя лампа. Помню, мне почудилось, что я видел привидение, тогда как я прекрасно знаю, что никаких призраков не существует. Просто меня мучили разочарования, тревоги и другие, еще более сильные неприятности, — прибавил он, глядя на Бениту. — Поэтому, пожалуйста, забудьте все, что я говорил и делал в этом состоянии и... вы дадите мне поужинать?

Бенита исполнила его просьбу, и он стал есть — молча, с аппетитом. Кончив есть, он проглотил рюмки две или три джину и снова заговорил.

— Я пришел сюда по делу, хотя знаю, что мое посещение неприятно вам, — сказал он спокойным, деловым тоном. — Видите ли, крепость Бамбатсе мне надоела, и я нахожу, что пора положить конец нашему пребыванию здесь. Для этого необходимо добиться нашей цели, а именно — отыскать спрятанное золото. Как всем нам хорошо известно, этого можно достигнуть только путем воздействия гипнотической силы одного из членов нашего маленького коллектива на дар ясновидения другого. Мисс Клиффорд, я требую, чтобы вы позволили мне подвергнуть вас гипнозу.

— А если я откажусь, мистер Мейер?

— Тогда, к моему прискорбию, мне придется прибегнуть к насильственным мерам, чтобы заставить вас повиноваться. В таком случае мне придется против моей воли, — тут его глаза сверкнули диким блеском, — убрать вашего отца, упрямство которого вместе с его влиянием на вас становится преградой между нами и кладом. Нет, нет, Клиффорд, — прибавил он, — не тянитесь за ружьем, все равно не успеете, потому что у меня в кармане револьвер на взводе, и прежде, чем вы дотронетесь до оружия, вы будете убиты. Эх вы, жалкий старик, неужели вы можете представить себе хотя бы на секунду, что вы, больной, слабый, с разбитыми руками и ногами, в состоянии одолеть мои ловкость, ум и силу? Да если бы я только пожелал, то уже десять раз мог убить вас раньше, чем вы успели бы шевельнуть пальцем, и, клянусь Богом, в которого я не верю, я убью вас, если ваша дочь не станет сговорчивее.

— Это мы еще посмотрим, приятель, — сказал Клиффорд и засмеялся.

— Я не уверен, что Бог, в которого вы не верите, не убьет вас раньше этого.

Бенита, сидевшая до сих пор задумавшись, подняла голову и неожиданно сказала:

— Ладно, мистер Мейер, я согласна, так как вынуждена согласиться. Завтра утром вы попробуете снова усыпить меня, и если можно, на том же месте, то есть в пещере, у подножия креста.

— Ни за что, — быстро ответил он. — Только не там; здесь я загипнотизировал вас в первый раз, здесь же и повторю свой опыт. Там, в подземелье, мне это не удастся, я чувствую.

— Но я предпочитаю подземелье, — упрямо повторила Бенита.

— А я предпочитаю это место, мисс Клиффорд, и моя воля возьмет верх над вашей.

— Я знаю, что вы боитесь привидений, оттого и не решаетесь войти в подземелье, мистер Мейер.

— Это не ваше дело, боюсь я или не боюсь! — с яростью в голосе отозвался Джейкоб. — Ваше дело решить, хотите ли вы подчиниться моему желанию или рискнуть жизнью вашего отца? Завтра утром я приду за ответом, и если вы еще будете упорствовать, то не позднее чем через полчаса он будет мертв, а вы останетесь наедине со мной, в моей власти. О, вы можете считать меня злодеем и подлецом, но на самом деле это вы злая, вы! Вы толкаете меня на жестокие поступки.

Не говоря больше ни слова, он вскочил и ушел, пятясь задом и не переставая целиться в Клиффорда. Последнее, что они видели, — это его глаза, горевшие, как у льва, в темноте ночи.

— Отец, — сказала Бенита, прежде удостоверившись, что Мейер не может их услышать. — Этот сумасшедший, видно, твердо решил убить тебя, в этом теперь не остается никаких сомнений.

— Ничего, детка. Я знаю, что не доживу до завтрашнего вечера, если только я не убью его прежде или сумею как-то избавиться от него.

— Мне кажется, что это возможно, — поспешно сказала Бенита. — Мне пришла в голову одна мысль. Я уверена, что теперь он побоится войти в подземелье, поэтому нам лучше всего спрятаться там самим. Мы можем взять с собой запасы пищи, а в пещере есть колодец. Он же, если не пойдет дождь, останется без воды.

— Но как же, Бенита? Ведь мы не можем вечно оставаться в темноте?

— Нет, но мы можем переждать там, пока не появится какой-нибудь выход. Что-нибудь должно случиться. Его состояние не может долго оставаться таким, как сейчас. Может быть, с ним случится припадок буйного помешательства, и он убьет себя. Может быть, он попытается

напасть на нас (хотя это маловероятно), и тогда нам придется защищаться от него. Может быть, наконец, откуда-нибудь подоспеет помощь. В худшем случае мы только умрем там, как умерли бы здесь. Пойдем, отец, поторопимся, не то, пожалуй, он переменит намерение и опять подкрадется к нам.

Мистер Клиффорд уступил; он знал, что если бы даже ему удалось незаметно подкрасться к Мейеру, то у него было мало шансов справиться с таким сильным и ловким человеком. Такая борьба, несомненно, привела бы к смерти Клиффорда, и Бенита оказалась бы в руках этого негодяя.

Отец и дочь торопливо перенесли свои скудные пожитки в пещеру. Сначала они захватили большую часть небольшого запаса пищи, который у них еще оставался, три ручные лампы и весь керосин; впрочем, его осталась всего одна жестянка. Вернувшись из пещеры, они взяли ведро, патроны и свою одежду. Выйдя еще раз и удостоверившись, что Мейера нигде не видно, старик и молодая девушка перетащили в подземелье тент с фургона, служивший палаткой, чтобы сделать из него убежище для Бениты, а также весь запас дров, который у них оказался. Пришлось напрячь силы: поленья были тяжелы, а бедный больной Клиффорд не мог переносить больших тяжестей. Под конец Бените пришлось работать одной, в то время как старик только ковылял рядом с ней, держа наготове ружье на тот случай, чтобы она невзначай не подверглась нападению Джейкоба Мейера.

Было далеко за полночь, когда они окончили работу. Клиффорды до того истомились, что, несмотря на всю опасность их положения, бросились на полотно палатки, лежавшее грудой в углу пещеры, и заснули глубоким сном.

Когда Бенита проснулась, лампа погасла, и кругом стояла непроглядная тьма. К счастью, молодая девушка вспомнила, куда она положила спички и фонарь со свечой. Она зажгла свечу и посмотрела на часы. Было около шести часов утра. Вероятно, там, снаружи, наступил рассвет; часа через два Джейкоб Мейер должен обнаружить их отсутствие. А вдруг гнев его будет так силен, что преодолеет его страх и заставит его спуститься в подземелье? Ведь они заметят Джейкоба только тогда, когда его лицо будет освещено лучами фонаря. Он может просто из темноты, невидимый никем, застрелить Клиффорда. Что предпринять, чтобы предотвратить это? Вдруг ее осенила мысль.

Ее отец все еще спал; она взяла одну из веревок от палатки, фонарь, подошла ко входу в пещеру и в конце последнего поворота туннеля, в том месте, где в скалу была когда-то вделана дверь, привязала один конец к каменному выступу, поднимавшемуся дюймов на восемнадцать над полом,

а другой продела в кольцо, в которое когда-то входил железный или деревянный болт. Она знала, что у Мейера не осталось ни лампы, ни керосина, а были только спички и, может быть, несколько свеч. Значит, если бы Джейкоб решился войти в пещеру, он непременно должен был споткнуться о веревку, и шум его падения предупредил бы их о его появлении. После этого Бенита вернулась, умыла лицо и руки водой, которую достала из колодца, и обустроила свой угол, насколько это было возможно при данных обстоятельствах. Пока ее отец спал, она наполнила лампы маслом, зажгла одну из них и осмотрелась вокруг. Отца она будить не хотела.

Поистине они избрали жуткое место жительства. Над ними возвышалось распятие; в дальнем углу были свалены в кучу останки умерших португальцев. Издалека на нее скалил зубы череп с сохранившимися на нем длинными волосами, какая-то иссохшая рука протягивала к ней свои пальцы, точно собираясь схватить ее. Ничего удивительного, что Джейкоб Мейер увидел здесь призрак! Впереди зиял провал склепа, в котором лежал отрытый ими монах; до сих пор там покоились его кости, обернутые в темную рясу. Над ними и вокруг них царили мрак и мертвая тишина.

Наконец ее отец проснулся, и Бенита очень обрадовалась, что она больше не бодрствует одна в этом месте. Отец и дочь позавтракали несколькими сухарями и водой, потом мистер Клиффорд уселся близ входа, держа наготове ружье. Бенита между тем занялась приведением в порядок их несложного хозяйства. Палатку она прислонила к стене в глубине пещеры, подперев ее несколькими деревянными шестами, которые они принесли с собой, внутри палатки на полу разостлала одеяла, служившие для ночлега, а снаружи сложила продовольствие и другие вещи.

Занимаясь устройством нового приюта, она услышала у входа в пещеру шум — это был Джейкоб Мейер, который, спускаясь в пещеру, споткнулся о веревку и упал. Бенита подбежала к отцу, держа в руке фонарь. Старик, подняв ружье, крикнул:

— Если вы войдете сюда, я пущу в вас пулю.

Послышался голос Джейкоба, звучавший необычно в этом сводчатом подземелье.

— Я не хочу к вам входить, — сказал он, — я подожду, пока вы выйдете сами. Долго в пещере вы не продержитесь. Ужас темноты убьет вас. Мне остается только сидеть при свете солнца и ждать.

Он рассмеялся, и вскоре они услышали звук удаляющихся шагов.

— Что нам делать? — с отчаянием спросил мистер Клиффорд. — Без

света мы жить не можем, а если мы зажжем лампу, Мейер, конечно, прокрадется сюда и застрелит нас. Теперь он окончательно помешался, я слышу это по его голосу.

Бенита подумала с минуту, потом ответила:

— Нужно завалить проход камнями. Смотри, — и она указала на груды обломков, упавших с потолка от взрыва их мины, и на куски цемента, которые они ломками отбили от пола. — Только скорее, скорее, — торопила девушка, — наверняка он вернется не раньше чем через несколько часов, даже, может быть, только ночью.

Они немедленно приступили к работе; никогда в своей жизни Бенита не трудилась так, как в этот день. Те из обломков камней, которые им удавалось поднять, они тащили вдвоем к входу; другие, потяжелее, подкатывали ломом. Час за часом проходил в работе. К счастью для них, проход имел не больше трех футов в ширину и шести футов шести дюймов в высоту, а материала у них было вдоволь. До наступления ночи они успели завалить проход стеной в несколько футов толщиной, которую вдобавок подперли длинными деревянными шестами, укрепив их в выемках и пазах, с давних времен существовавших в скалистых стенах пещеры.

Когда заграждение было готово, они с гордостью осмотрели дело своих рук, хотя могло прийти в голову, что они сами замуровали себя в могиле. Учитывая то, что завал был устроен на повороте прохода, они могли быть уверены, что Мейер не сможет разобрать его при помощи рычага, а взрывчатки у него, как им было известно, не осталось. Таким образом ему пришлось бы, вздумай он разобрать заграждение, сделать это голыми руками, что было бы, пожалуй, не под силу одному человеку. Во всяком случае, если бы даже он решился на это, у них была прекрасная возможность наказать его за попытку разобрать завал.

Когда они прикатали и уложили на место продолговатый обломок скалы, который должен был удерживать концы жердей, служивших поддержкой камней, и не давать этим креплениям скользить по цементному полу, Клиффорд внезапно вскрикнул и сказал:

— Я, кажется, надорвал спину. Помоги-ка мне дойти до палатки. Я должен прилечь.

Медленно, с большим трудом, они отошли в глубь пещеры. Клиффорд опирался на плечо Бениты и на палку, но все-таки еле переступал ногами; дойдя наконец до палатки, он тяжело рухнул на одеяла и остался лежать в скорченном положении.

С этих пор для Бениты началось ужасное время, самое худшее во всей ее жизни. С каждым часом отцу становилось все хуже. Еще до их

переселения в подземелье он был очень плох, а теперь его окончательно подкосил приступ то ли ревматизма, то ли ишиаса, а может быть, еще какой-то другой болезни; боль, гнездившаяся в мышцах спины, была настолько острой, что он не мог сомкнуть глаз на десять минут. Кроме того, он отказывался есть ту грубую пищу, которую можно было приготовить из имеющихся припасов; единственной пищей, которую он мог проглотить, были сухари, намоченные в черном кофе, да еще слабый безвкусный бульон из сушеного воловьего мяса, слегка приправленного солью.

Еще два обстоятельства не переставали ее беспокоить и наполняли непреодолимой тревогой: темнота и Джейкоб Мейер. Пожалуй, теперь темнота для нее была даже страшнее. Существование в этом жутком мраке, в котором огонек их единственной лампы казался затерянной в безбрежной ночи звездочкой, представляло для нее такой ужас, о котором невозможно составить представление тому, кто этого не испытал. Вдобавок Бенита берегла свой небольшой запас светильного масла и зажигала лампу только в случае крайней необходимости. Этот больной старик, эти оскаленные черепа, эта мертвая тишина и безмолвие, а там, снаружи, угроза жалкой смерти от рук Джейкоба Мейера! Но его не было видно, только раз или два Бените показалось, что она слышит его голос, что-то яростно кричавший по ту сторону ограждения. Пытался ли он без всякой надежды на успех разобрать преграду или боялся браться за это, чтобы не получить пулю в лоб, но только его совсем не было слышно, так что в конце концов она перестала о нем думать. Но если бы ему удалось проникнуть в подземелье, то ей пришлось бы положиться лишь на собственные силы, потому что на отца надежда была плоха: он слабел с каждым часом.

Таким образом протекли три ужасных дня; видимо, приближался конец. Хотя Бенита старалась заставить себя проглотить кусок пищи, она не могла съесть столько, сколько было необходимо для поддержания сил. Теперь, когда проход был заложен, атмосфера под старым сводом сгущалась, портилась от дыма костра, который ей приходилось разжигать, и стало трудно дышать. Недосыпание тоже изнурило девушку; страх за завтрашний день подтачивал ее нравственные силы. Она стала впадать в отчаяние, чувствуя приближение часа, который должен был стать последним для нее и ее отца.

Однажды, заснув подле отца, она была разбужена его стоном. Бенита взглянула на часы: была полночь. Она поднялась, развела маленький огонь и согрела немного бульона из сушеной говядины, который потом вылила в чашку. С большим трудом она заставила отца выпить несколько глотков бульона. Почувствовав внезапную слабость, девушка выпила остаток сама.

Это вернуло ей силы размышлять, а старик снова заснул беспокойным сном.

Увы, придумать что-либо было невозможно, оставалось покориться судьбе. Рассеянно взяв в руки фонарь, Бенита отправилась бродить по подземелью. Выстроенная ими стена была цела и невредима. Как горько было думать, что снаружи веет свежий ветерок, а небо усыпано звездами! Она вернулась назад, прошла мимо ям, вырытых Джейкобом, мимо открытой могилы монаха, поднялась к распятию и, подняв фонарь, осветила увенчанную терновым венцом голову Христа.

Лицо Спасителя было изваяно прекрасно, в нем выражалось глубокое сострадание. Бенита упала на колени, обняла пригвожденные ноги и стала горячо молиться. Она молилась так горячо, как еще никогда в жизни. Это успокоило девушку, она села на ступеньку у подножия распятия и задумалась. Постепенно она погрузилась в сон, и ей показалось, что она переживает знакомое состояние транса. Она видела себя стоящей на этой самой ступеньке, а перед собой — Джейкоба Мейера и отца. Потом вдруг Бенита услышала чьи-то слова, словно рождавшиеся внутри нее; она прислушалась к ним, но не услышала голоса, а только почувствовала их смысл: *Обними ноги Христа и потяни их влево; под ними откроется проход в помещение, где спрятано золото, а оттуда — спуск к берегу реки. Эту тайну передаю я, умершая Бенита, тебе, живой Бените; да будет мир с тобою.*

Трижды прочла Бенита во сне эти слова. Затем она неожиданно проснулась. Каждая черточка только что виденного сна запечатлелась в ее памяти. Несомненно, это было сновидение, но что в нем говорилось? Обними ноги Христа и потяни их влево.

Она попыталась это сделать, но безуспешно; ноги не сдвинулись. Конечно, это было только сновидение, которое насмехалось над нею. Какое-то отчаяние охватило ее; она собрала остаток сил и стала бороться с этими каменными ногами. Они чуть-чуть подвинулись и вдруг, без всякого дальнейшего усилия с ее стороны, отделились на высоте колен, в драпировке которых скрывалась щель. Оттуда подул прохладный ветерок, который Бенита вдыхала с наслаждением.

Бенита вскочила на ноги, задышавшись от волнения, потом схватила фонарь и побежала к палатке, в которой лежал ее отец.

Глава XXII. Голос живого

Мистер Клиффорд не спал.

— Где ты была? — спросил он слабым голосом, в котором слышалось недовольство. — Я тебя ждал. — Свет фонаря озарил бледное лицо Бениты, и старик заметил в нем какую-то странную перемену. — Что случилось? Умер Мейер? Неужели мы свободны?

Бенита покачала головой.

— Несколько часов тому назад он был жив; я слышала, как он кричал и бесновался за стеной. Но знаешь, отец, я опять была в трансе и, кажется, нашла то, что мы так долго искали.

— Что ты нашла? В каком трансе? Не помешалась ли ты, как Джейкоб?

— Я только что нашла выход из пещеры, который ведет к португальскому золоту. Он начинается за крестом, за которым его никто никогда не подумал бы искать.

Золото, по-видимому, совершенно не интересовало Клиффорда. В его состоянии все сокровища Африки не принесли бы ему облегчения. Более того, само упоминание о проклятом кладе, который привел их к такому жалкому концу, было для него непереносимо.

— Куда ведет выход? Ты видела?

— Нет, я еще не посмотрела, но голос внутри меня сказал, — то есть, я видела во сне, — что он ведет к реке. Как ты думаешь, ты можешь идти с моей помощью?

— Ни шагу, — ответил он. — Здесь я лег, здесь и умру.

— Нет, нет, не говори так! Теперь, когда я нашла выход, мы будем спасены. О, если бы только у тебя хватило сил встать и пойти, если бы я могла понести тебя на руках! — Она в отчаянии заломила руки и расплакалась от сознания собственного бессилия.

Отец внимательно посмотрел на нее и сказал:

— Я не могу, детка, ничего не поделаешь. Но ты можешь, и тебе лучше всего уйти.

— Уйти и оставить тебя? Никогда!

— Ну да, уйти и оставить меня. У нас есть немного масла для лампы и несколько свечей. Сухари все вышли, а сушеное мясо больше в горло не идет. Я уверен, что скоро умру, но и твои силы уходят в этом мраке; если ты здесь останешься, то скоро последуешь за мной. И никакого выхода из

этого положения: там, снаружи, этот безумец, да я и сомневаюсь, что у тебя хватит сил разобрать заграждение. Лучше поэтому уйти, Бенита.

Но она наотрез отказалась.

— Пойми, — прибавил старик, — что в этом и для меня единственная надежда. Может быть, выбравшись отсюда, тебе удастся позвать на помощь прежде, чем я успею умереть. Если отсюда есть выход, то он наверняка заканчивается где-то у нижней стены, где ты можешь встретить кого-нибудь из макаланга. Если это так, то ты можешь увидеть Молимо или его сына, если вождь мертв, или кого-то еще. Любой из них может прийти нам на помощь. Иди, Бенита, не теряй времени.

— Я об этом не подумала, — воскликнула она с надеждой в голосе. — Конечно, это вполне возможно, если только отсюда вообще есть спуск наружу. Во всяком случае я могу посмотреть, вернуться и сказать тебе.

Бенита поставила сосуд с остатками масла возле больного, чтобы он мог дотянуться рукой и зажечь лампу. Кроме того, она положила тут же оставшиеся крошки сухарей, немного сушеного мяса, бутылку джина и ведро с водой. Потом, надев плащ, положила в один из карманов сушеного мяса, в другой — спички и три из четырех последних свечей. Четвертую она оставила отцу. Потом девушка опустилась на колени, горячо поцеловала Клиффорда и помолилась, прося небеса сохранить их обоих и дать им возможность свидеться вновь.

Бенита с тоской глядела на отца, лежавшего перед ней, и думала о том, что покидает его в момент, когда ему предстоит тяжелая схватка со смертью, которая, быть может, поджидает и ее саму на пути в неизвестное.

Мистер Клиффорд прочел ее мысли.

— Да, — вздохнул он, — тяжело наше расставание, и страшен твой путь. Но как знать, быть может, твоя звезда выведет тебя на ровную дорогу, если же нет- то все равно страдать нам осталось недолго.

Они снова обнялись и поцеловались. Не в силах вымолвить ни слова, Бенита вырвалась из его объятий и ушла. Проходя в просвет, для которого нижняя часть статуи служила дверью, она на минуту остановилась, чтобы осмотреться, и подложила под сдвинувшуюся плиту кусок камня, чтобы та не могла стать на место, закрыв вход. Сначала девушке показалось, что механизм двери действует при помощи какой-нибудь пружины, но теперь убедилась, что вся движущаяся каменная масса висит на трех искусно замаскированных каменных шарнирах. Пыль и окиси затрудняли перемещение подвижной части статуи и в то же время полностью скрывали от глаз тонкие щели. Дверь была до такой степени хорошо пригнана, что человек, не знавший тайны ее существования, не мог бы открыть ее, если

бы даже искал второй выход из пещеры в течение многих месяцев или даже многих лет.

В ту минуту Бенита не обращала внимания на подробности, но позже она увидела, что узкий проход за дверью и ступени, спускавшиеся от него, были сделаны с таким же тщанием и совершенством, как и сама дверь. Очевидно, этот потайной ход существовал задолго до португальского владычества. Быть может, он относился ко временам финикийцев или другого древнего народа, о чем можно было заключить из того, что проход к их сокровищнице вел из святилища, доступ в которое имел лишь один верховный жрец. Проход, имевший семь футов в высоту и четыре в ширину, был вырублен в скале; на боковых стенах прохода сохранились четкие следы от тысяч ударов каменотесов. Лестница, которой, судя по всему, пользовались крайне редко, сохранилась в том же виде, какой она вышла из-под рук строителей.

С фонарем в руке сходила Бенита по ступеням, считая их дорогой. На тридцатой ступени она очутилась на площадке, где увидела первые следы клада, который причинил им столько страданий. Что-то заблестело у ее ног. Она подняла эту блестящую вещь, оказавшуюся коротким золотым стерженьком, весившим около двух или трех унций, по всей вероятности случайно оброненным здесь. Бросив его наземь, Бенита посмотрела вперед и, к своему удивлению, увидела деревянную дверь с железным засовом. Однако он не был задвинут, и когда девушка нажала на дверь, она закрипела на заржавленных петлях и открылась. Бенита стояла на пороге сокровищницы.

Это было квадратное помещение, величиной с небольшую комнату, почти до самого сводчатого потолка загроможденное маленькими мешками из невыделанной кожи. Как раз рядом с дверью лежал один из мешков. Он, очевидно, свалился сверху и лопнул. В нем было золото, частью в слитках, частью в самородках; все они, рассыпанные блестящей грудой, валялись на полу перед Бенитой. Когда она стояла, рассматривая золото, ей вспомнились слова отца, что она в состоянии транса описала один из мешков: он был лопнувшим, выкрашенным в черную и красную краски. Бенита наклонилась, чтобы удостовериться, и действительно, мешок, лежавший перед ней, был из кожи этих цветов.

Она задрожала. Это было полно жуткой, зловещей тайны. Жутью отдавало также от следа человеческой ноги, отпечатавшейся в толстом слое пыли, которая скапливалась здесь в течение двадцати веков, а может быть, даже и больше, — следа ноги последнего человека, входившего сюда до нее. Здесь их побывало двое, мужчина и женщина, и это не были дикири,

потому что они носили обувь. Бенита поставила свою ногу в след, оставленный ногой умершей. Ее нога пришлась точка в точку, словно это был ее собственный след. Быть может, думала она, это другая Бенита спускалась сюда со своим отцом, после того как португальцы сложили здесь богатства, принесенные с собой; капитан да Феррейра мог показать дочери место, где хранится клад.

Бросив еще один взгляд на все это несметное богатство, принесшее столько несчастий, Бенита пошла дальше; не этого золота искала она, жизнь и воля были для нее дороже всех сокровищ, собранных здесь. Неужели кончилась лестница? Бенита остановилась, оглянулась вокруг, но не увидела другого выхода. Чтобы лучше разглядеть окружающую обстановку, она приоткрыла стекло фонаря. Выхода, казалось, не было, и сердце девушки заныло. Только почему пламя свечи так сильно колеблется, и отчего воздух в этом помещении так свеж? Бенита сделала шага два вперед, но, заметив, что отпечатки ног перед ней вдруг исчезли, сразу остановилась.

И вовремя. Сделай Бенита еще один шаг, она провалилась бы в отверстие глубокого колодца. Когда-то его закрывала каменная плита, но впоследствии она была отодвинута в сторону и никогда больше не возвращалась на свое место, а так и оставалась прислоненной к стене. Это было весьма кстати, потому что Бенита никогда бы не смогла сдвинуть с места тяжелую плиту, даже если бы сумела обнаружить ее под толстым слоем пыли.

Заглянув в колодец, она увидела, что вдоль уходившей вниз стенки бежала другая лестница, тоже из камня, но очень узкая и крутая. Бенита без колебаний начала спускаться вниз. Это продолжалось немало времени — она успела насчитать двести семьдесят пять ступеней, и на каждой в пыли были отпечатки мужских и женских ног. Следы шли не только вниз, они возвращались назад, наверх. Обратные следы были последними, потому что они подчас покрывали те, что вели вниз. Бенита не могла понять, для какой цели эти люди, ее давнишние предшественники, нашли нужным вернуться назад.

Лестница окончилась. Бенита очутилась в пещере, по-видимому, естественного происхождения, потому что ее стены и потолок сохранили грубую необработанную поверхность; кроме того, откуда-то сочились капли падавшей на пол воды. Пещера была не очень велика, и в ней стояло ужасное зловоние от грязи и еще чего-то. Бенита опять начала осматриваться при слабом свете свечи, но выхода не заметила. Вдруг девушка почувствовала, как то, что она приняла за камень и на чем стояла,

к ее неизъяснимому ужасу, зашевелилось под ногами. Она услышала страшный лязг челюстей, резкий удар по ноге чуть не свалил ее, и когда Бенита отскочила, то увидела какое-то громадное живое существо отталкивающего вида, которое в ту же минуту исчезло в темном углу пещеры. Она приняла крокодила за камень! С легким вскриком Бенита вернулась на лестницу. Она была готова встретить смерть, но никак не в образе крокодила.

А между тем, стоя и задыхаясь, она вдруг почувствовала благодатную надежду. Раз здесь находился крокодил, значит, должен был существовать и выход, а там, где проходило такое крупное животное, могла пробраться и она. Кроме того, где-то поблизости должна быть вода, в противном случае это земноводное не выбрало бы пещеру своим жилищем. Она набралась смелости и, хлопая в ладоши и размахивая фонарем, чтобы отогнать других крокодилов, которые могли скрываться в пещере, опять пошла к месту, откуда ее испугнула эта тварь. Очевидно, тут было его ложе, длинное тело животного отпечаталось в грязи, а кругом лежали останки животных, служивших ему пищей. Дальше виднелся проторенный, хорошо видимый даже в полутьме след, ведущий, очевидно, наружу.

Бенита пошла по следу, но он привел ее к сплошной стене. Теперь ей стало ясно, почему люди, шедшие этой дорогой до нее, вернулись назад, как показывали следы ног. Очевидно, те, кто жили здесь до них, заложили этот выход камнями. Но как же нашел выход крокодил? Переступив несколько шагов вперед, Бенита обнаружила внизу в стене, справа от заложенного выхода, отверстие, которое, по-видимому, было размыто водой. Бенита поняла, в чем тут дело. В этом месте скальная порода была мягче, и вода в течение столетий размывала ее, образовав расщелину в скале, которую впоследствии расширили крокодилы. Она начала сползать на четвереньках, держа перед собой фонарь, в отверстие. И вдруг она почувствовала на лице дуновение свежего ветерка, ей даже послышались шелест прибрежных камышей и журчание воды, и тут же в темно-синем небе блеснула утренняя звезда. Бенита была готова заплакать от счастья, пасть ниц перед божественным светилом, но продолжала пробираться ползком сквозь расщелину в скале, пока не очутилась в воде, среди высоких камышей.

Повинуясь инстинкту, Бенита в ту же минуту загасила свечу, чтобы та не выдала ее; постоянная опасность сделала ее осмотрительной. Рассвет еще не наступил, но убывающая луна и звезды давали достаточно света. Девушка остановилась и осмотрелась. Над ее головой громоздилась последняя, внешняя стена Бамбатсе, которая с этой стороны обычно

омывалась водами Замбези; только теперь, в пору самой низкой воды, стена оставалась выше.

Итак, она очутилась не в стенах крепости, как надеялась, а вне их. Что же ей предпринять? Вернуться обратно? Но какую пользу это принесет им с отцом? Идти дальше? Но она может попасть в руки матабеле, лагерь которых находится где-то поблизости, в чем она убедилась, когда с высоты конуса увидела белого человека.

Ах, если бы только он был жив и она могла найти его! Может быть, эти дикари оставили его в живых. Это было безумием, но она решила попытаться отыскать его; что-то внутри нее толкало Бениту на это опасное дело. Если бы ее попытка не увенчалась успехом, она могла бы проскользнуть под стены крепости и позвать на помощь макаланга, которые наверняка сумели бы втащить ее на веревке на стену прежде, чем подоспели бы матабеле. Она решила, что ни за что не вернется с пустыми руками в эту ужасную пещеру, чтобы встретить там с отцом жалкую смерть. Лучше погибнуть здесь, на открытом воздухе, под звездами, хотя бы от асsegая матабеле или от собственной пули.

Бенита осмотрелась кругом, чтобы запомнить место на тот случай, если ей придется вернуться ко входу в пещеру. Это оказалось нетрудно, так как в сотне футов над ее головой, где обрывистая стена скалы слегка выпячивалась вперед, — на том самом месте, куда, согласно легенде, упало тело Бениты да Феррейра, — из расщелины росла искривленная мимоза. Чтобы точно отметить место входа в подземелье, девушка пригнула к земле пучок камышей, затем зажгла несколько серных спичек и бросила их в проход, чтобы их запах отпугивал крокодилов; на случай возвращения она спрятала фонарь под камнем рядом с отверстием, ведущим в пещеру.

Потом Бенита пустилась в путь. Во время высокой воды ей бы пришлось отправиться вплавь; теперь же между Замбези и отвесной скалой оставалась узенькая полоска болотистой почвы. По ней-то и шла Бенита. Эта прогулка навсегда сохранилась в ее памяти. С высоких камышей на нее падала обильная роса, пока она не промокла насквозь; какие-то чернохвостые птицы испуганно взлетали и уносились через реку; совы и выпи, тревожно ерзали в своих гнездах. Крупные рыбы плескались в прибрежной заводи; впрочем, быть может, это были не рыбы, а крокодилы. Бенита уповала на то, что ей больше не придется встретиться с этими чудовищами, одного раза для нее было довольно. Все случившееся казалось ей донельзя странным. Можно ли было себе представить, что она — это та самая Бенита, которая меньше года тому назад гуляла со своими кузенами по нарядным улицам Лондона, заглядывая в витрины магазинов?

Что бы сказали ее родственники, если бы увидели ее, бледную, с выражением тревоги в глазах, одиноко бредущую по неведомым болотистым берегам Замбези, бегущую от одной опасности, чтобы, может быть, попасть в другую?

Бенита продолжала пробираться вперед; над головой белело перламутровым предутренним светом небо, с которого начинали исчезать бледнеющие звезды, вокруг качались влажные камыши — и над всем низко висел густой предрассветный туман. Она обошла низом внешние стены крепости и очутилась на сухом ровном месте, где раскинулся лагерь матабеле. Но в плотном тумане девушка не увидела ни одного дикаря. Вероятно, их костры потухли, и ей по счастливой случайности удалось проскользнуть незамеченной между часовыми. Повинуясь скорее инстинкту, чем рассудку, она направила свои шаги к тому бугорку, на котором видела фургон европейца. В ней шевельнулась смутная надежда отыскать его там. Она медленно пошла вперед — и вдруг натолкнулась на что-то мягкое и теплое. Оказалось, что это был вол, привязанный к дышлу, за ним лежал другой вол, дальше белела крыша фургона.

Итак, фургон все еще здесь! Но где белый? Скрытая густым туманом, Бенита подползла к повозке. Потом, не видя и не слыша ничего, она вскарабкалась на козлы; став на колени, она слегка раздвинула полы, закрывавшие внутренность фургона, и заглянула внутрь. Из-за тумана она все еще ничего не видала, зато услышала ровное дыхание спящего человека. Почему-то она решила, что в фургоне спит европеец; кафр не мог бы так дышать во сне. Не зная, что делать, Бенита продолжала стоять на коленях, и белый человек, вероятно сквозь сон, почувствовал присутствие постороннего. Он прошептал несколько слов. Великий Боже! Это были английские слова! Вдруг он спохватился, чиркнул спичкой и зажег свечу, которая была вставлена в горлышко пивной бутылки. Бенита не могла рассмотреть его лица, когда он зажигал спичку, потому что он заслонял его рукой. К тому же свеча разгоралась очень медленно. Первое, что она увидела, было дуло револьвера, направленное прямо на нее.

— Послушай-ка, дружище, — произнес приятный мягкий голос, — уходи отсюда, или я выстрелю. Раз, два... О Боже!

Свеча вспыхнула, ее свет упал на бледное, призрачное, как у эльфа, лицо Бениты и ее длинные черные волосы, которые упали ей на плечи; пламя отразилось в ее глазах. Но она еще ничего не могла различить, так как пламя свечи слепило ее.

— О Боже, — повторил голос, — Бенита, Бенита! Может быть, вы пришли позвать меня за собой? О, я готов, моя дорогая, я готов! Наконец-то

я услышу ваш ответ!

— Да, — прошептала она и, сорвав полог, бросилась ему на грудь.

Она наконец узнала его. Мертвый он или живой — ей было все равно. Она выбралась к нему из недр ада и отыскала свой рай.

Глава XXIII. Бенита дает ответ

— Бенита, я жду вашего ответа, — как бы в забытьи произнес Роберт, ибо все происходившее казалось ему сном.

— А разве я не ответила вам тогда, давно? Я хорошо помню, что ответ был готов сорваться с уст, но в тот миг меня поразил удар в голову. Я слышала о вашем поступке и чуть было не умерла с горя. Мне было жаль, что я не умерла с вами, но я не могла умереть, я была слишком здорова. Теперь мне понятно, почему я не умерла. Мы оба были живы, и чтобы ни случилось с нами, вот мой ответ, если он еще имеет для вас цену. Я люблю вас. Мне не стыдно сказать об этом вслух, потому что нам, может быть, еще придется расстаться навсегда. Но я не могу терять времени, я пришла сюда, чтобы привести помощь моему отцу.

— Где он, Бенита?

— Он умирает в пещере — там, на вершине горы. Я спустилась сюда потайной дорогой. Здесь ли еще матабеле?

— К сожалению, еще здесь, — ответил он, — у них там что-то произошло. Час тому назад меня разбудил мой страж и сказал мне, что от Лобенгулы пришел посланец с какой-то вестью, о которой они сейчас толкуют. Вот почему вам удалось пробраться сюда незамеченной, иначе часовые убили бы вас без всякого сожаления. — Он привлек ее к себе и поцеловал долгим первым поцелуем; затем, точно устыдившись, отпустил ее.

— Нет ли у тебя чего-нибудь поесть? — попросила Бенита. — Я... я ужасно голодна. Прежде я этого не чувствовала, только теперь...

— Голодна, ты голодна, а я... вот, возьми немного холодной говядины, которую я не доел вчера ночью; я собирался отдать ее кафрам. Господи! Мне приходится кормить тебя грубой пищей кафров! Но ничего, поешь, подкрепишься.

Бенита взяла кусок говядины и с жадностью принялась его есть: уже несколько дней она жила только кусочками сухаря и сушеным мясом. Говядина показалась ей превосходной — ей показалось, что никогда прежде она не ела ничего вкуснее. Пока она ела, Роберт смотрел на нее горящими глазами.

— Как ты можешь смотреть на меня? — воскликнула она. — У меня, должно быть, ужасный вид; я жила в темноте, мне пришлось шлепать по грязи. Я даже наступила на крокодила! — она вздрогнула.

— Какая бы ты ни была, я хочу тебя видеть такой, какая ты есть, — ответил он тихим голосом. — Для меня ты всегда прекрасна.

Несмотря на все перенесенные несчастья, девушка вспыхнула при этих словах. Когда она подняла глаза, в них блеснули слезы.

— Спасибо. Я не хочу думать о том, что со мной случится, а то, что было, — прошло. Но нельзя ли нам уйти отсюда?

— Не знаю, — ответил он, — но кажется, это будет трудным делом. Выйди и посиди снаружи на козлах, пока я оденусь, а там посмотрим.

Бенита вышла из фургона. Туман редел. Теперь сквозь его дымку она увидела картину, от которой ее сердце сжалось: между повозкой и горой Бамбатсе виднелись толпы матабеле; огромным потоком лились они к фургону Сеймура, двигаясь по берегу реки. Они с Робертом были отрезаны от крепости... Минуты через две вышел Сеймур. Она с беспокойством посмотрела на него. Он выглядел старше, чем в тот день, когда они расстались на палубе «Занзибара», лицо его обросло бородой; кроме того, он прихрамывал.

— Боюсь, что пришел конец, — сказала она, указывая на матабеле.

— Да, похоже на то, — ответил он, — ну что ж, я повторю твои слова: теперь мне все нипочем. — Он взял ее пальчики в свою руку и прибавил: — Будем счастливы в те немногие минуты, которые нам остается прожить. Они скоро будут здесь.

— Каким образом ты здесь очутился? — спросила она. — Ты пленник?

— К сожалению. Я отправился вслед за вами, ведь эта дорога была мне уже знакома. Тут я и попал в их руки. Они уже собирались убить меня, но тут одному из них, который оказался поумнее своих товарищей, пришло в голову, что я, как белый, может быть, помогу им советом, как взять крепость. Я был уверен, что ты здесь, потому что видел тебя на вершине конуса, хотя матабеле вообразили, будто видят Дух Бамбатсе. Я не очень торопился помочь им: ты ведь знаешь, что бывает, когда матабеле штурмом берут какое-нибудь место. Но так как я знал, что ты жива, то и умирать тоже не спешил. Я решил заставить их делать подкоп в граните асsegаями и острыми секирами. Они проделали ход длиной в двадцать футов, а по моим подсчетам остается не меньше ста сорока футов. Вчера ночью они выражали недовольство этой утомительной работой и даже грозились убить меня, если я не укажу им другого способа. Как видишь, дело плохо, и я не вижу выхода. Ага, вот и они. Спрячься в фургон, скорее!

Бенита повиновалась, но внимательно смотрела и прислушивалась к происходящему из-под полога фургона; матабеле же не могли видеть ее.

Приблизившийся к ним отряд дикарей состоял из вождя и двадцати человек охраны. Вождя Бенита узнала — это был Мадуна, жизнь которого она спасла. Рядом с ним шел зулус из Наталя, сопровождавший Сеймура в качестве погонщика волов; он говорил по-английски и теперь служил переводчиком.

— Белый человек, — сказал Мадуна, — от нашего Инкоси пришла весть. Лобенгула начинает большую войну, и мы нужны ему. Он велит нам бросить эту пустую борьбу с трусами, которые прячутся за стенами. В противном случае мы, конечно, убили бы их всех, всех до одного, хотя бы нам пришлось остаться здесь до седых волос. Но на этот раз нам приходится уйти.

Роберт вежливо ответил, что он рад слышать это и желает им счастливого пути.

— Лучше пожелай счастливого пути себе, белый человек, — послышался суровый ответ.

— Почему? Разве ты хочешь, чтобы я сопровождал тебя к Лобенгуле?

— Нет, ты пойдешь впереди нас в крааль Черного, который еще сильнее, чем Лобенгула, и имя которому — Смерть.

Роберт скрестил руки на груди и сказал:

— Я слушаю.

— Белый человек, я обещал сохранить тебе жизнь, если ты научишь нас взять эти стены или сделать подкоп. Но ты посмеялся над нами — ты заставил нас пробивать скалу асsegаями и секирами. Да, рыть скалу, как будто это была земля, хотя вам, белым, известны гораздо лучшие способы. Теперь нам приходится вернуться к нашему повелителю с пустыми руками и навлечь на себя его гнев за то, что не исполнили его воли. Поэтому ты должен умереть. Сойди вниз и прими смерть от нас, а мы узнаем, есть ли у тебя мужество.

В тот момент, когда Роберт собирался выхватить револьвер, Бенита быстрым движением выскользнула из-под полога фургона и стала рядом с ним на козлах.

— О, — вскрикнул Мадуна. — ведь это белая девушка! Но как она сюда попала? Не иначе как волшебством! Разве женщины умеют летать словно птицы?

Пораженные матабеле смотрели на нее.

— Не все ли тебе равно, как я сюда попала, вождь Мадуна? — позулусски ответила Бенита. — Но я скажу, зачем я сюда пришла. Я хочу помешать тебе обогреть твоё оружие невинной кровью и навлечь на ваши головы погибель за эту кровь. Отвечай мне, Мадуна, кто подарил жизнь

тебе и твоему брату, там, вон за этой стеной, когда макаланга были готовы разорвать вас в клочья, как гиена разрывает антилопу? Не я ли?

— Инкосикази, повелительница, — ответил вождь и в знак приветствия поднял свой тяжелый ассегай. — Ты и никто другой!

— А что ты обещал мне, Мадуна?

— Высокорожденная девушка, я обещал тебе сохранить твою жизнь и твое имущество, если ты когда-нибудь попадешь в мои руки.

— Как может вождь матабеле, родственник Лобенгулы, лгать, словно он презренный раб машона, словно он макаланга? Как может он поступать еще бесчестнее, говоря только половину правды, словно мелкий воришка, покупающий и удерживающий половину платы? — спросила она с насмешкой. — Мадуна, ты обещал подарить мне не одну, а две, две жизни и имущество, принадлежащее двоим. Спроси своего брата, который был свидетелем твоих слов.

— Что это значит? — пробормотал Роберт Сеймур, глядя на Бениту, которая стояла с вытянутой вперед рукой, с глазами, полными огня. Кто бы мог подумать, что слабая, изможденная женщина может так играть с жизнью и смертью!

— Эта белая девушка говорит правду, — ответил воин, к которому она обратилась. — Когда она спасла нам жизнь и вырвала нас из когтей этих собак, ты обещал подарить ей две жизни, одну за себя, а другую за меня.

— Ты слышал, — продолжала Бенита. — Он обещал мне две жизни, а теперь посмотрите, как держит свое слово человек благородной крови! Когда мы с моим старым отцом мирно ехали по этим местам, он бросал в нас копья, он гнался за нами. Зато в капкан попали сами преследователи, а не дичь.

— Белая девушка, — ответил Мадуна со смущением, — это была твоя ошибка, а не моя. Я бы отпустил тебя на волю, если бы ты обратилась ко мне. Но вы убили караульного, и тогда началась погоня за вами; прежде чем я узнал, в чем дело, мои воины успели убежать далеко вперед.

— У меня не было времени, чтобы искать у тебя спасения; но пускай так, — согласилась Бенита. — Я верю тебе и прощаю обиду. Теперь исполни свое обещание. Уходи и оставь нас в покое.

Но Мадуна все еще колебался.

— Я должен доложить об этом нашему повелителю. Что он тебе, этот белый, что я должен пощадить его? Я дарю тебе твою жизнь и жизнь твоего отца, а не этого человека, который обманул нас. Если бы он приходился тебе отцом или братом — другое дело. Но он чужой, он принадлежит мне, а не тебе.

— Мадуна, разве на меня похоже, чтобы я делила место в фургоне с чужими? Этот человек для меня больше, чем отец или брат, он мой муж, и я требую его жизни.

— О, — обратился переводчик к воинам, слушавшим их. — Теперь я понимаю. Она его жена и имеет право на него. Если бы она не была его женой, она бы не жила в его фургоне. Ясно, что она говорит правду, хотя мы не знаем, как она сюда попала. Может быть, она колдунья, — прибавил он, смеясь своей догадливости.

— Инкосикази, — воскликнул Мадуна, — ты меня убедила. Я дарю тебе жизнь этой белой лисицы, твоего мужа, и надеюсь, что он не станет обманывать тебя, как обманул нас, и не заставит рыть скалу вместо земли, — тут он злобно посмотрел на Роберта. — Я дарю тебе его и все его пожитки. Нет ли у тебя еще какой-нибудь просьбы?

— Есть, — холодно ответила Бенита. — У вас много скота, который вы отняли у макаланга. Мой уже съеден, а мне нужны волы, чтобы везти фургон. Я прошу тебя дать мне двадцать быков... и, — прибавила она, подумав немного, — еще двух коров с молочными телятами, потому что мой отец болен и ему нужно молоко.

— Дайте ей все, чего она просит, дайте, — сказал Мадуна с таким трагическим жестом, который при иных обстоятельствах заставил бы Бениту рассмеяться. — Дайте ей все это и смотрите, чтобы она осталась довольна, иначе белая госпожа еще потребует от нас наши щиты и ассегай, ведь она спасла мне жизнь.

Несколько дикарей тотчас отправились за коровами и быками, которых они скоро пригнали.

Пока происходил этот разговор, большое войско матабеле собиралось в болотистой низине справа от стоянки фургона, готовясь к походу. Теперь они проходили отрядами, впереди которых шли мальчишки и несли циновки и котлы для варки пищи. Многие из них также гнали захваченных овец и крупный рогатый скот. К этому времени весть о Бените, белой колдунье, которую они не осмелились убить и которая неведомой силой была перенесена с вершины скалы в фургон пленника, разнеслась между ними. Матабеле знали, что это она вырвала их вождя из рук разъяренных макаланга, а те, кто слышали, как она говорила, удивлялись ее уму и храбрости, с которой она отстаивала свое право. Когда матабеле проходили перед белыми, распевая свои воинственные песни, они потрясали ассегаями, чтобы выразить свое уважение Бените, стоявшей в это время на козлах.

Поистине, проходившие перед ними черные воины представляли

величественное зрелище, которое едва ли видела какая-нибудь другая белая женщина.

Наконец все ушли, за исключением Мадуны и отряда человек в двести. Он подошел к фургону и обратился к Роберту Сеймуру:

— Слушай, Белая Лисица, заставившая нас грызть гранит! На этот раз ты от нас ускользнул, но знай, что если мы еще раз встретимся, то ты умрешь. Я подарил тебе жизнь, — прибавил он, — но если ты действительно так храбр, как говорят о себе белые мужчины, то не сойдешь ли ты вниз, чтобы честно помериться со мной силой?

— Не могу, — ответил Сеймур, когда понял смысл вызова, — как я могу равняться с таким могучим воином, как ты? Кроме того, моя жена нуждается в моей помощи во время обратного путешествия домой.

Мадуна с презрением отвернулся от него и обратился к Бените:

— Я ухожу, тебе больше нечего бояться; ты больше не встретишь матабеле на своем пути. Не скажешь ли ты мне еще несколько слов на прощанье, красавица, у которой язык, как масло, и ум, как нож?

— Ты поступил хорошо по отношению ко мне, и я хочу отплатить тебе тем же. Передай своему повелителю слова белой колдуньи из Бамбатсе: пусть он оставит в покое племя макаланга и не поднимает вооруженной руки против белых, иначе его поразит кара, которую пророчил старый Молимо.

— А-а! Теперь я понимаю, — проговорил Мадуна, — как ты перенеслась сюда с вершины скалы. Ты не белая женщина, ты и есть Дух Бамбатсе. Приветствую тебя, древний Дух, и благодарю за предупреждение. Прощай.

Он ушел вслед за войском матабеле во главе своего отряда; они остались совсем одни с тремя зулусскими слугами и стадом быков.

Теперь, сыграв свою роль и одержав победу, Бенита разрыдалась на груди Роберта.

Но она тут же опомнилась и высвободилась из его объятий.

— Какая же я эгоистка! — воскликнула она. — Как я смею быть счастливой, когда мой отец умирает? Идем скорее!

— Куда? — удивился Роберт.

— Куда же, как не на вершину холма, откуда я спустилась сюда? О, пожалуйста, не спрашивай меня, я обо всем расскажу по пути. Эй, слушай, — крикнула она погонщику-зулусу, который в эту минуту доил корову и собирался наполнить две фляги молоком.

— Не лучше ли крикнуть макаланга, чтобы они пустили нас к себе? — предложил Роберт, пока Бенита собирала фляги с молоком и клала в платок

немного вареного мяса.

— Нет, нет, еще подумают, что я и вправду то, за что сейчас выдавала себя, колдунья со скалы Бамбатсе, появление которой предвещает беду. Кроме того, мы все равно не сможем взобраться на верхнюю стену. Следуй за мной, и если ты доверяешь зулусам, возьми с собой двоих с фонарями. Третий может остаться присматривать за быками.

Три минуты спустя Бенита, Сеймур и два зулуса чуть не бегом пробирались берегом Замбези.

— Почему ты так медленно идешь? — говорила она с нетерпением. — О, прости меня, ведь ты хромаешь. Роберт, отчего ты стал хромать, и как ты остался жив — ведь все клялись и божились, что ты, мой герой, умер? Я знаю часть твоей истории...

— Очень просто, Бенита, я и не думал умирать. Когда кафр снял с меня часы, я только лежал без сознания, вот и все. Солнце привело меня в чувство. Потом там очутились какие-то туземцы, они очень хорошо со мной обращались, хотя я не понимал ни слова из того, что они говорили. Они устроили из ветвей носилки и унесли меня в свой крааль, за несколько миль от берега. Я чувствовал страшную боль, потому что у меня было сломано бедро, но наконец мы прибыли на место. Там кафр-костоправ вылечил меня по-своему; кость срослась, но нога стала на дюйм короче, чем другая, хотя это все-таки лучше, чем ничего.

Среди черных я провел добрых два месяца, так как на сотню миль вокруг не было ни одного белого, да если бы и был, я не смог бы с ним встретиться. Потом я целый месяц плелся, хромая, к Наталю, где мне удалось купить лошадь. Конец истории короток. Узнав о слухах, будто меня считают погибшим, я поспешил на ферму твоего отца, Роой-Крантц, и там узнал от тетки Салли, что вы отправились на поиски сокровищ, тех самых, о которых я рассказывал тебе на борту «Занзибара».

Я шел по вашим следам, встретил отосланных вами слуг и узнал у них о подробностях вашего путешествия. Потом, после многих приключений, как говорится в книгах, я попал в лагерь наших лучших друзей матабеле.

Они уже собирались убить меня, когда ты вдруг появилась на вершине скалы, вся залитая утренними солнечными лучами. Я понял, что это была ты, потому что слышал о вашей попытке бежать и о том, как вы ушли от погони. Но все матабеле были уверены, что перед ними Дух Бамбатсе, который пользуется необычайной популярностью в этих местах. Это на время отвлекло их внимание от меня, а затем им пришлось в голову использовать меня в качестве горного инженера. Окончание тебе известно, не так ли?

— Да, — тихо отозвалась Бенита.

Они вошли в камыши и были вынуждены прекратить беседу, потому что пришлось идти гуськом. Бенита взглянула вверх и увидела над головой мимозу, росшую в расщелине скалы. С некоторым усилием ей удалось отыскать пучок камышей, который она оставила в виде отметки у входа в пещеру; тут же находился ее фонарь. Ей казалось, что с тех пор, как она отсюда выбралась, прошла неделя.

— Теперь, — сказала она, — зажги свечи в фонарях, и если увидишь крокодила, то стреляй.

Глава XXIV. Истинное золото

— Пусти меня вперед, — попросил Роберт. — Нет, — возразила Бенита, — я знаю дорогу; только смотри, пожалуйста, чтобы нам не попались эти ужасные крокодилы. Она опустилась на колени и стала пробираться в отверстие пещеры, за ней последовал Роберт, а за ним оба зулуса, которые ворчали, что они не муравьеды, чтобы ползти под землей. Подняв фонарь, она осмотрела пещеру; не найдя там крокодилов, она смело шагнула вперед и стала подниматься по лестнице.

— Скорее, — шепнула она Роберту; казалось, это место располагает к тихой речи, — мой отец ждет меня там наверху, он близок к смерти. Я ужасно боюсь, что мы придем слишком поздно.

Они стали взбираться по бесконечной лестнице; шествие отличалось весьма странным видом, оба зулуса, люди совсем не из пугливых на открытом месте, дрожали от страха. Наконец Бенита вышла из колодца в сокровищницу и повернулась, чтобы помочь подняться Роберту, движения которого сковывала хромота.

— Что это такое? — он указал на кожаные мешки, в то время как они ждали, пока оба зулуса подоспеют к этому месту.

— Ах, здесь, кажется, сплошное золото, — отозвалась она равнодушным тоном. — Смотри, вот несколько золотых вещиц на полу, возле следов ноги Бениты да Феррейра.

— Золото! Да ведь здесь несметные сокровища!... Но кто такая эта Бенита да Феррейра?

— Я все расскажу потом. Она умерла двести или триста лет тому назад; все это золото принадлежало ей или ее родным, а вот здесь, в пыли, — следы ее ног. А впрочем, ты ведь еще ничего не знаешь. Брось, не обращай внимания на этот хлам, пойдем скорее!

Они прошли в дверь, которую она открыла в это утро, и взобрались по последней лестнице наверх. Бенита была так полна тревоги, что не заметила, как прошла этот путь. То ей казалось, что вход в пещеру окажется закрытым, то она думала, что отец уже мертв, то опасалась, что Джейкобу Мейеру удалось пробраться сюда. За себя она больше не боялась, Мейер ее уже не страшил. Наконец они у входа; нижняя часть ног распятия, конечно, закрыла бы вход, если бы она не догадалась остановить падение камня обломком скалы.

— Отец, отец! — крикнула Бенита, подбегая к палатке.

Ответа не последовало. Она откинула полу, опустила фонарь и посмотрела. Старик лежал бледный, неподвижный. Она пришла слишком поздно!

— Он умер, умер! — Бенита разрыдалась. Роберт опустился на колени рядом с ней и внимательно осмотрел старика. Бенита ждала с трепещущим сердцем.

— Похоже на то, — тихо произнес Роберт. — Но все-таки я не уверен. Мне кажется, что сердце бьется. Налей-ка немного джину из бутылки и смешай его с молоком.

Она повиновалась; в то время как он поддерживал голову старика, Бенита дрожащей рукой вливала жидкость ему в рот. Вначале вся она выливалась наружу, затем он стал бессознательно глотать ее. Они убедились таким образом, что старик жив; это переполнило их счастьем. Через десять минут мистер Клиффорд сидел на своем ложе, глядя на молодых людей пустым недоумевающим взглядом. Оба зулуса, оставшиеся у палатки, были до того напуганы окружающей обстановкой, что не переставали завывать и жаловаться, что их привели сюда на погибель; они не спускали глаз с груды костей и черепов, лежавшей в дальнем углу, и до смерти боялись появления духов и привидений.

— Это Джейкоб Мейер так шумит? — слабо спросил Клиффорд. — И где была ты так долго, Бенита? И кто этот джентльмен? Мне кажется, я вспоминаю его лицо.

— Это тот европеец, который был в фургоне, отец, старый, вновь оживший друг... Роберт, вы не можете заставить кафров замолчать? Хотя недавно я сама готова была быть таким же образом. Отец, отец, неужели ты меня не понимаешь? Мы спасены, да, мы вырвались из ада, из пасти смерти!

— Разве Джейкоб Мейер умер? — спросил Клиффорд.

— Я не знаю, где он и что с ним, да и не интересуюсь этим. Впрочем, может быть, нам следовало бы разузнать о нем. Послушай, Роберт! Там, за этой стеной, ходит на воле один сумасшедший. Прикажи кабрам разобрать стену и поймать его.

— Какая стена, какой сумасшедший? — Роберт с изумлением поглядел на нее.

— Ах да, я и забыла, что тебе ничего неизвестно. Сейчас я покажу тебе, но ты должен приготовиться, потому что он может выстрелить в нас.

— Я вижу, что дело не совсем безопасное, не так ли? — спросил Роберт.

— И все-таки нам придется решиться. Мы не сможем снести моего

отца вниз по лестнице, а без воздуха и солнца он здесь наверняка умрет. Этот человек там, снаружи, — Джейкоб Мейер, компаньон отца — ты, может быть, припоминаешь? В течение всех этих тяжелых недель он из кожи вон лез, отыскивая золото, и на этом помешался; он пытался меня гипнотизировать и...

— И что? Преследовать своей любовью?

Она утвердительно кивнула головой и продолжала:

— Так как я не соглашалась добровольно подвергнуться гипнозу и всем его шуткам, то он стал угрожать смертью моему отцу. Нам пришлось укрыться в этой пещере и забаррикадировать выход. Так все и продолжалось, пока я не нашла потайного хода.

— Премилый джентльмен этот мистер Мейер! — вспыхнув, сказал Роберт. — И подумать только, что ты находилась во власти такого негодяя. Ладно, я еще разделаюсь с ним.

— Прошу тебя, дорогой, не причиняйте ему вреда, если в этом не возникнет необходимости, ведь он в невменяемом состоянии. Он дошел до того, что ему видятся призраки.

— Если он будет продолжать в том же духе, то, полагаю, вскоре ему придется увидеть очень много призраков, — пробормотал Сеймур.

Они подошли к выходу из пещеры и как можно бесшумнее начали разбирать заграждение; за несколько минут было разрушено то, что потребовало много часов тяжелого труда. Когда почти все камни были убраны, зулусам сказали, что за стеной враг и что они должны помочь поймать его, при этом не причиняя ему никакого вреда. Зулусы охотно согласились на все: ради того, чтобы выбраться из страшного подземелья, они были готовы стать лицом к лицу с толпой врагов.

Теперь в стене образовалось большое отверстие, и Роберт попросил Бениту отойти в сторону.

Едва его глаза привыкли к тусклому свету, который проникал в начало туннеля, он вынул револьвер и знаком приказал кафрам следовать за ним. Они шли вдоль прохода очень медленно, чтобы внезапная вспышка солнечного света не ослепила их.

Бенита ожидала с бьющимся сердцем. Прошло некоторое время — она не заметила сколько, — и вдруг тишину нарушил ружейный выстрел. Бенита не выдержала и бросилась по извилистому туннелю. Очутившись около выхода, она увидела, что двое европейцев, сцепившись, катаются на земле, а кафры прыгают рядом, ловя момент, чтобы схватить одного из них. Это им удалось как раз в ту минуту, когда Бенита вышла на поверхность. Роберт встал, отряхивая пыль с ладоней и колен.

— Нечего сказать, премилый джентльмен этот Джейкоб Мейер, — повторил он. — Я мог застрелить его, он стоял ко мне спиной, но не сделал этого по вашей просьбе. Потом я оступился на больную ногу, тогда он обернулся и выстрелил из ружья. Вот, посмотри, — и он показал на свое задетое пулей ухо. — К счастью, я схватил его раньше, чем он успел сделать второй выстрел.

Бенита не могла выговорить ни слова, ее сердце было слишком переполнено благодарностью. Она только схватила руку Роберта и поцеловала ее, потом посмотрела на Джейкоба.

Он лежал на спине, и двое рослых зулусов держали его за ноги и за руки. Губы Мейера растрескались, посинели, распухли, лицо потемнело, и только глаза были полны огня и ненависти.

— Я вас знаю, — прохрипел он, обращаясь к Роберту, — вы тоже призрак, призрак того утопленника. Не то моя пуля убила бы вас!

— Да, мистер Мейер, — ответил Сеймур, — это верно, я призрак. Ну-ка, парни, возьмите эту веревку и хорошенько свяжите да обыщите его. В этом кармане у него револьвер.

Кафры повиновались, и вскоре Мейер был обезоружен и привязан к дереву.

— Воды, — простонал он. — Уже много дней я пил только росу, которую слизывал с листьев.

Тронутая его страданиями, Бенита побежала к колодцу и вернулась с кружкой воды. Один из кафров поднес ее к губам Мейера, и тот с жадностью выпил воду. Оставив одного из зулусов сторожить пленника, Бенита с Робертом и другим зулусом вернулись в пещеру. С величайшими предосторожностями они перенесли мистера Клиффорда на пологие палатки наружу и положили его возле скалы. Он слабым голосом благодарил их за то, что они дали ему возможность еще раз насладиться дневным светом. При виде старика ярость Мейера разгорелась с новой силой.

— Как жаль, что я не убил вас раньше, — прошипел он, — она бы давно принадлежала мне. Это вы стояли между нами.

— Послушайте, дружище, — перебил его Роберт, — я вам все прощу, но если вы будете болтать о мисс Клиффорд, то я не посмотрю на то, помешанный вы или нет, и отдам вас в руки этих кафров, которые разделаются с вами по заслугам.

Джейкоб Мейер понял и замолчал. Ему дали еще попить и поесть из тех запасов, что они принесли с собой; он с жадностью проглотил еду.

— В состоянии ли вы теперь слушать меня спокойно? — спросил Роберт, когда тот покончил с едой. — Тогда слушайте: я могу вам сообщить

приятную новость. Клад, который вы искали, наконец нашелся. Мы дадим вам половину золота, один из фургонов и несколько быков, чтобы вы могли убраться отсюда навсегда. И если только я встречу вас прежде, чем мы достигнем цивилизованных мест, то застрелю, как собаку.

— Вы лжете, — мрачно изрек Мейер. — Вы хотите заставить меня уйти в эти дикие места, чтобы меня убили макаланга или матабеле.

— Хорошо, — воскликнул Роберт, — развяжите его, парни, и ведите за мной. Пусть посмотрит, лгу ли я.

Зажгли фонари, и оба рослых зулуса потащили Джейкоба. Роберт и Бенита шли сзади. Сначала Мейер отчаянно отбивался, потом, видя, что вырваться ему не удастся, покорился и пошел, стуча зубами от страха.

— Это жестоко, — запротестовала Бенита.

— Ему не повредит, — успокоил ее Роберт. — Это очень слабое искупление за те страдания, которые он причинил другим. Да и потом, ведь он увидит то, к чему так пламенно стремился.

Джейкоба подвели к подножию распятия; тут Мейера, казалось охватил приступ лихорадки. Потом его протолкнули в проход под отодвинутой плитой и повели вниз по ступеням. Так они дошли до сокровищницы.

— Вот, смотрите, — сказал Роберт и, вытащив свой охотничий нож, взрезал один из кожаных мешков. Оттуда мгновенно хлынул целый поток слитков и самородков. — Ну что, лгун ли я? — спросил он Джейкоба.

При виде всех этих богатств страх, казалось, оставил Мейера. В его взгляде засветилась хитрость.

— Какое великолепие! — вскричал он. — Ведь это превосходит все то, о чем я мечтал; да тут горы золота! Я просто стану царем! Нет, нет, все это сон — как и все остальное. Я никак не могу этому поверить. Развяжите мне руки, чтобы я мог потрогать его и убедиться, что это не сон.

— Развяжите его, — сказал Роберт, вынимая в то же время револьвер и наставляя его дуло на Джейкоба, — не бойтесь, он не может быть опасен для нас.

Кафры повиновались. Почувствовав себя свободным, Джейкоб бросился к распоротому мешку и погрузил свои руки в золото.

— Это не сон, не сон! — закричал он, зарывая руки в слитки. — Золото, золото. Сотни тысяч фунтов золота. Давайте делиться, молодой человек. Я не стану вас убивать, как собирался. Берите себе девушку, а мне уступите все золото, — предложил он, перебирая слитки жадными руками.

И в полном упоении, обезумев от восторга, он начал осыпать золотыми блестками свою голову и тело.

— Новый вариант мифа о Данае, — начал было Роберт саркастическим тоном и вдруг остановился, потому что лицо Джейкоба внезапно изменилось, изменилось страшно. Оно покрылось землисто-серой бледностью, глаза выкатились. Он свалился бы в открытый люк, если бы один из кафров не оттолкнул его в сторону. Мейер протянул руки, точно отпихивая от себя что-то, и весь задрожал; казалось, даже волосы у него на голове приподнялись. Он отступил к отдаленной стене и там замер. Его губы быстро-быстро зашевелились, но — и в этом заключалось самое страшное из происходившего — из них не вырвалось ни звука. Вдруг его глаза закатились так, что остались видны только белки, все лицо покрылось потом, точно облитое водой, и, не проронив ни единого звука, он грохнулся ничком и замер.

Вся эта сцена была столь ужасна, что оба кафра с воем вылетели из сокровищницы и пустились бежать вверх по лестнице. Роберт бросился к Мейеру, перевернул его на спину, положил руку ему на грудь и приподнял веки.

— Мертв, — сказал он. — Голод, переутомление мозга, сердце — все вместе убило его.

— Может быть, и так, — чуть слышно произнесла Бенита и тоже повернулась и поспешила оставить сокровищницу.

* * *

Прошла еще неделя. Фургоны были нагружены такими ценностями, какие не часто перевозятся в простых повозках. В одной из них, на настоящем золотом ложе, спал еще очень слабый и больной Клиффорд. Впрочем, старику уже стало лучше, и можно было надеяться на выздоровление, хотя бы временное. Путешественники надеялись тронуться в путь в этот день после зари, и Роберт с Бенитой, уже совсем готовые, ждали минуты отъезда.

Девушка коснулась руки Сеймура и сказала ему:

— Пойдем со мной, мне хочется в последний раз посмотреть на это место, прежде чем расстаться с ним.

Они взобрались на холм и оттуда по крутым ступенькам на самую верхнюю крепостную стену, одно время забаррикадированную Мейером, но теперь очищенную от камней. Они опустились со стены внутрь, около

входа в пещеру зажгли свои лампы и пошли в темный коридор. Тут виднелись обломки баррикады, которую Бенита строила с отчаянием в душе; алтарь, холодный и серый, такой же, каким он был, может быть, три тысячи лет назад, могила древнего монаха, лежавшего теперь рядом с товарищем, ибо Джейкоб Мейер нашел свое последнее ложе рядом с ним; тела их были скрыты под обломками скалы, взорванной им в лихорадочных поисках золота. На кресте висел белый Христос, вселявший благоговейный страх. Только исчезли кости погибших португальцев: Роберт с помощью своих кафров отнес их в опустевшую сокровищницу, завалил спуски и закрыл плитой проход, чтобы ничто больше не нарушало их покоя.

Они пробыли недолгое время в этом печальном месте, потом, повернувшись, ушли, чтобы никогда уже сюда не возвращаться. Еще они поднялись на гранитный конус, желая приветствовать восходящее над ширью реки солнце. Оно вошло во всей своей красе, как в тот день, когда озарило своими лучами отчаявшуюся Бениту и англичанина, которого Бенита заметила с этого места в то самое время, когда его схватили воины матабеле.

Как отличалось их теперешнее положение от того, в котором они так недавно находились! Стоя на этой возвышенности, откуда, быть может, некогда сбрасывались в воду несчастные жертвы, откуда бросилась вниз, ищи смерти, португальская девушка, они еще острее почувствовали сладость избавления от всех опасностей, которые им угрожали. Позади оставался ужас и мрак подземелья, под ногами стлался туман в долине, но зато над головой поднималось блистающее светило и расстилались вечные небеса!

Спустившись с гранитного конуса, они увидели сидевшего у его подножия старика. Это был Молимо из Бамбатсе, Мамбо макаланга. Они еще издали узнали его белоснежную голову и худое аскетическое лицо. Подойдя ближе, они увидели его закрытые глаза. Бенита шепнула Роберту, что он спит. Но он услышал их и отгадал мысль Бениты.

— Девушка, — сказал он тихим голосом, — я не сплю, я думаю о тебе, как думал раньше. Девушка, ты готовишься стать женой. Помнишь, что я тебе предсказывал? Я говорил, что для тебя придет радостный час и, хотя смерть будет грозить тебе со всех сторон, ты спасешься. Ты тогда усомнилась в словах Мунвали, произнесенных устами его пророка, как это молодой белый усомнился, когда я сказал ему, что мы еще встретимся.

— Отец, — ответила Бенита, — я думала, что мне придется отдохнуть только в могиле.

— Ты не хотела мне поверить — продолжал он, не обратив внимания

на ее слова, — а потому пыталась спастись отсюда бегством и наполнила свою душу страхом и отчаянием, между тем как следовало ждать благополучного конца с надеждой и упованием.

— Отец, мое испытание было жестоко!

— Я знаю это, девушка, и ты шла правой стезей, а потому тебя поддерживал Дух Бамбатсе. Он погубил человека, который лежит мертвый. Да, да. Тебе он сочувствовал и с тобой уйдет из Бамбатсе.

Тут Мамбо поднялся на ноги и, одной рукой опираясь на свой посох, другую положил на голову Бениты и произнес:

— Девушка, мы больше не встретимся под солнцем; но за то, что ты подарила покой моему народу, за то, что ты бодра, чиста и искренна, да будет над тобою благословение Мунвали, переданное тебе устами его слуги Мамбо, старого Молимо Бамбатсе. Конечно, тебе еще предстоит изведать тревогу и горе, тебя еще будут посещать слезы и тени печали. Но ты будешь жить долго и счастливо близ твоего избранника. Ты увидишь детей твоих и детей твоих детей, да будет и на них благословение. Золото, которое любите вы, белые люди, ваше. Оно приумножится в ваших руках и даст пищу голодным, одежду зябнущим. Но истинный клад заключается в твоём собственном сердце, никогда ему не истощиться, — это неисчислимо сокровище милосердия и любви. Спишь ли ты или бодрствуешь, любовь будет держать тебя за руку и, в конце концов, проведет через темное подземелье к вечной обители чистейшего золота, к наследию тех, кто его ищет.

Своей палкой он указал на сияющее утреннее небо, по которому плыли маленькие розовые облачка и, поднимаясь все выше, таяли в лазури.

Роберту и Бените они казались светлокрылыми ангелами, широко раздвигавшими черные двери ночи, предвещая всепобеждающий свет, перед которым отступают отчаяние и тьма.



«TEPPA» - «TERRA»

